АЛЕКСЕЙ ШЕРСТОБИТОВ

(ЛЕША СОЛДАТ)

ЛИКВИДАТОР 3

КНИГА

И КИЛЛЕРУ ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга Алексея Шерстобитова стала продолжением его знаменитых автобиографических романов «Ликвидатор» и «Ликвидатор 2». Легенда преступного мира 90-х Леша Солдат не зря дал третьей части своих мемуаров подзаголовок «И киллеру за державу обидно» — в центре сюжета история с продажей за рубеж российской секретной военной техники. Единственный человек, который встал на защиту чести и достояния России, подло убит наемными киллерами. Вдова убитого, пытаясь отомстить за смерть горячо любимого мужа, вступает в противоборство с мафией. По стечению обстоятельств автор оказался в центре событий. И вот теперь, 20 лет спустя, настало время рассказать всю правду и открыть все имена. «Киллер номер один» — именно так окрестили Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев… Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой». Стилистика, орфография и пунктуация автора сохранена полностью.

- Алексей Шерстобитов [Леша Солдат]
  - Предисловие автора
  - Книга первая
    - Знакомство
    - Мелькнувший призрак победы
    - А убийцы кто?
    - Оставаясь жить в прошлом. Двое
    - Из искры возгорится…
    - Другое. Другие. Снова они
    - 1990–1991
    - 1992 год
    - 1993 год
    - Захват
    - Как все начиналось
    - Главное — правильно сделать первый ход
    - 1994 год
    - «История с «Миражами»
    - Задыхаясь в неизбежности

        - Семнадцатое
    - Книга вторая
        - Все еще семнадцатое
        - Через полчаса
        - Похороны. Поминки. 40 дней. Прочее
        - Знакомые настоящие и возможные
        - После
        - Виражи вне миражей
        - Разделяй и властвуй
        - 1997–2000. Тяжёлое затишье. Друзья. Родственники
        - Рывок «сторон» на одной дистанции
        - Прямая к финишу
        - Последний круг
        - На черте
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

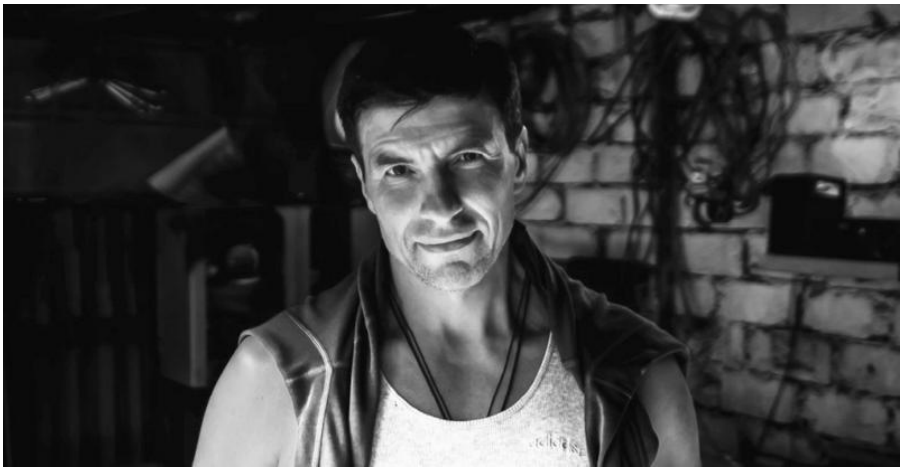
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

Алексей Шерстобитов [Леша Солдат]
Ликвидатор. Книга 3. И киллеру за державу обидно

Да будет частью нашего искупления книга сия…

Предисловие автора



Сайт автора: www.anabasis-book.ru

На одном историческом примере человечество может получить несколько уроков, хотя доподлинно известно, что ни само общество, ни частные лица, как правило, не прибегают к их пользе, но больше спорят о самом понятии истории, как дисциплины; об историках, как о приспешниках власть имущих; о фактах, как поддельных ценностях, имеющихся в достатке в любом событии, на любой вкус и с нужной подоплекой.

Оставим дебаты и каждому свое в воздаянии Божием. Знание истории полезно, часто жизненно важно — это глупо не признавать!

Именно ее анналы вопиют о прижизненной ответственности непосредственных исполнителей, всевозможных руководителей, местночтимых вождей, возбудителей спокойствия, выделившихся диссидентов, разного рода воителей и предводителей. Пусть мотивы и причины их действий скрыты от нас под спудом накопленного и прахом потерянного в веках, пусть мы уже не разглядим истины в недавнем прошлом, зато четко можем определить одно явное, лежащее на поверхности, но почему-то остающееся без должного внимания, открытие: главные виновники чаще всего избегают заслуженного наказания!

Бандитизм, как таковой, в новом своем проявлении, начиная с конца 1980-х, укрепляясь в 1990-х, сбирал в свои непрозрачные сосуды людей разнородных, разновозрастных, неравных, разнящихся по достоинству, интеллекту, знаниям, характерам,

способностям. Но что это — криминал? Не станем прибегать к привычным, часто ошибочным определениям — просто всмотримся. Все, что вне закона, все криминально! Другими словами, не криминальных людей, в той или иной мере, не существует!

Теперь успокоимся — речь не о каждом из живущих на земле, а о представителях «разумного человечества», привыкших сверкать на обложках, быть известными, богатыми, властными, всесильными. Все помнят и знают о «бригадах», «триадах», «профсоюзах», называемых следователями и судьями «преступными группами», «преступными сообществами», просто «группами лиц», видят иногда, в освещаемых судебных процессах, только тех преступников, закатанные рукава которых с засохшими отпечатками крови, запечатлеваются кинокамерами и фотообъективами, при этом в тени остаются очень важные ключевых фигуры, почти всегда остающиеся недосягаемыми и не попадающие на скамьи подсудимых, а часто даже предстающие потерпевшими.

На первый взгляд новости о вынесенных строгих приговорах, огромных, наверное, заслуженных сроках, хоть и не всегда учитывающих раскаяние, ставят точку, принося удовлетворение, кажущееся торжеством справедливости, полную победу получающим регалии, награды, должности представителям закона. Так ли это?

Действительно, «бригады» подминали под себя коммерсантов, бизнесменов, чиновников, даже милиционеров, коррумпировали, подкупали, шантажировали, запугивали, истязали… защищали интересы этих же людей, зачатую совершая преступления вплоть до убийств. Многие из «крышуемых», вырастая до гигантских размеров, становились на один уровень с руководителями «криминальных профсоюзов», сами начинали влиять, незаметно пользуясь услугами «главшпанов» с их человеческими ресурсами и силовыми потенциалами, сегодня для знающих людей выглядят бóльшим злом, продолжают свою стезю, между прочим, освободившись от бывшего лишнего балласта — самой «крыши»!

Вы думаете, речь идет о единицах? Эти мысли может породить ум, не прибегающий к урокам истории. Их целый пласт, любая единица в котором, не напрягаясь, до сих пор способна решать почти любые задачи ради поддержания своего бизнеса, где убийство неугодных — такой же привычный штрих, как и поставленная подпись под мелким контрактом. Почему-то взгляд Фемиды на них лицеприятен, в ее глазах, освобожденных от надоевшей повязки, они не «криминал»! Громоздкие показания на

них тонут, разрыхляются, распыляются, утилизируются, но не используются. Эти люди знают — их неприкасаемость гарантирована. Места «медведковских», «ореховских», «одинцовских», «курганских», «солнцевских», любых других, ушедших с арены в безвестные могилы и тюрьмы, занимаются другими, если не бандитами, то людьми в погонах, в чем разница зачастую пугающа, причем с вектором в сторону официальных лиц!

Вы уверены, что отправив на пожизненное заключение Пылевых, Бутриных, Белкиных, закон расправился именно с верхними «частями тела» криминала, выносящими приговоры: кому кем быть, кому чем дышать, кому жить или умирать?

Я пытался донести это в своих воспоминания «Ликвидатор», но не вышло! Волошины и подобные ему — их тысячи, и они не возвращаются, как мы, отбывшие свои десятилетние и более наказания, в большинстве своем не думающие уже о криминале, еле выживающие без чьей-либо помощи, поддержки, одобрения, в полном пренебрежении и частой неприязни. Эти люди существуют вполне благополучно, продолжая свою деятельность, продолжая выкрашивать пройденный путь в кровавый цвет. Уходя ненадолго (ах, какое же великолепное слово), отсидевшись в тени громких процессов, они возвращаются как победители, как потерпевшие, как герои, а то вовсе не сходят с арен, подчас неожиданных: роскошных резиденций; шикарных, с дорогой отделкой, офисов; громких фондов; чиновничьих кресел; депутатских залов; экранов телевизоров; страниц газет и журналов… Бог знает каждого, каждого и судить будет.

Но почему-то и киллеру за Державу обидно…

Уверяю тебя, уважаемый читатель, — твой пытливый ум, по прочтению, создаст пространный список интересующих его тем, что заставит тебя нырнуть не столько в наше прошлое, сколько задуматься о вечном, лежащем на поверхности, до которого дотянуться разумом именно поэтому сложно, а часто и недоступно из-за чрезвычайной замыленности взгляда, замысловатости подхода и личной запутанности в себе самом обычному человеку. Но раз ты задумался, задался целью, значит часть пути уже пройдена — дорогу осилит идущий!

Для облегчения ориентировки я добавил судьбы «бригад» и некоторых их участников, которые всегда лежат в основании, безжалостно расплющиваемые тяжестью самой же пирамиды любой экономики, в которой есть место криминалу — это поможет взглянуть на её вершину, что само по себе действие редкое, а для многих кажущееся и опасным — дерзай, уважаемый читатель…

В тексте читатель найдет выписки из «Черного дневника», так я назвал строки написанные со слов прототипа главной героини, пожелавшей остаться за кадром событий[1]… надеюсь они привнесут в ауру книги необыкновенную мощь настоящих переживаний, ведущих по «горячему следу» разных дней человека, оказавшегося слабым и незащищенным перед лицом нагрянувших испытаний, не справившегося с их последствиями, но нашедшего в себе силы не спрятаться, но отдаться стремнине обстоятельств, потерявшего почти все: друзей, любовь детей, интерес к жизни, предпочитая моменты из прошлого, которые никогда больше не повторятся. Всю жизнь она позволяла пользоваться собой, уверяя себя, что делает это по своему выбору, будучи эгоцентричной и экзальтированной натурой, она часто рисковала, даже не задумываясь, к чему это может привезти. Как правило, цели, ставимые ею перед собой, редко достигались, но возможность быть в центре внимания по пути их достижения перекрывала все потери с лихвой.

Ей хочется верить, что она одинокая дерзкая волчица, когда на деле это женщина несчастнейшая в своем одиночестве, женщина, потерявшая центр и нерв своей страсти, заменившей ей настоящую любовь, а потеряв, не нашедшая ничего взамен, поскольку вместо поисков или ожиданий увлеклась идеей мести, которая всегда сжигает сердце, вместившее в себя вендетту. До сих пор она не в состоянии признаться себе, хоть в чем-то из перечисленного. Тем более, встав на одно колено, я говорю ей спасибо за те усилия над собой, последствия которых легли в некоторую часть книги.

Не суди о нас строго, дорогой друг и любезный читатель, ибо подвергшиеся испытаниям, искушениям, суду, уже здесь, на земле несут заслуженное наказание, что само по себе милость Божия, ибо упраздняет наказание за содеянное здесь в мире ином…

С уважением, Алексей Шерстобитов

11 апреля 2016 года

Книга первая
Кто. Где. Когда

«Живые закрывают глаза мертвым, а мертвые «открывают» глаза живым».

Александр Поуп

Знакомство

«Когда он увидел ее, он спросил:

— Кто Вы?

— Я его вдова, — ответила она, — почему Вы его убили?

— Я не хотел убивать Вас, — сказал он, — я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но Вы были с ним, и я не решился его тронуть.

— И Вы не сообразили того, что Вы меня убили вместе с ним? — ответила она».

(Описание беседы Елизаветы Федоровны с убийцей ее мужа Великого Князя Сергея Александровича из книги И. Польского «Новые мученики Российские)[2]

Только начался 2016 год, прошло пять лет с момента написания мною воспоминаний «Ликвидатор», состоящих из двух томов. Уже состоялось переиздание и я, полагая окончание в своем существовании криминальной темы, наслаждался иной, не ведомой до этого жизнью, если так возможно говорить арестанту, находящемуся почти на середине отбываемого им срока наказания в 23 года строгого режима.

Познакомившись со своей будущей супругой Мариной, навсегда ставшей смыслом всей моей жизни, буквально месяц назад я пересмотрел свои уже устоявшиеся холостяцкие взгляды, впрочем, не совсем веря в сбывающееся невероятное. Ощущая себя еще с 24 сентября 2008 года заново рожденным[3], впервые Ваш покорный слуга (в хорошем смысле этого слова) ощутил близость человека не просто очень похожего взглядом на окружающий нас мир, но полную свою в этом копию, что при уточнении, прозвучит как — самого себя. Это удивительно, ведь и глядя на свое отражение в зеркале, человек пытается сравниваясь с ним, искать различия, и ведь находит!

Здесь же появляющиеся несовпадения оказывались лишь неправильно первоначально воспринятыми характеристиками, до этого бывшие незаметными, неважными, ненужными. Будто

находясь в глубоком скованном погружении, я вырвался на поверхность, мгновенно ошарашенный бесконечностью открывшегося передо мною мира. Я полюбил сначала ее внутренний мир, чему способствовала довольно продолжительная переписка в многостраничных письмах, еле помещавшихся в конверты, затем личное общение посредством установленного в каждом отряде стационарного телефона оператора «Зонателеком», наконец приведшими и к первому свиданию, финалом которого стало «окутавшая» меня взаимность невероятного по глубине чувства и всеобъемлющего счастья… именно так, хоть и кажется, что счастливым в этих местах быть не возможно.

Странным может показаться сделанное мною еще до первой нашей встречи предложение «руки и сердца», если не знать, что встреча с «самим собой» не может закончится ничем иным, кроме как воссоединением со своей половинкой, чего ждет любой из нас всю жизнь…

Именно в самый пиковый момент подготовки первого свидания, мой бессменный и замечательный помощник Татьяна Азанова передала очередные письма от людей, интересующихся моей жизнью и сегодняшней деятельностью. Среди них, с пометкой «поклонница», выделялось одно, довольно сдержанное по содержанию, за скромностью и смиренностью текста скрывавшее некоторую агрессию и надежду на получение помощи. Это оказалось второе послание этого человека — на первое Татьяна ответила, как всегда: «Алексей женатый человек, сердце его занято, пишите на общих основаниях, не рассчитывая ни на что».

Прочитав, я был поражен и ее судьбой, тяжестью перенесения потери близкого человека… да, да, именно тяжестью, сопротивляться которой она не умела, гипертрофируя настолько, что люди, окружавшие ее, со временем покидали несчастную. Обе мои сестренки за свою жизнь также теряли любимых людей, но находили в себе силы продолжать жизнь, воспитывать детей, радоваться жизни. Не совсем понимая, что ей требуется, я удивлялся обращению к себе, человеку, косвенно имевшему отношение к гибели ее мужа, но чем я мог помочь?! Сердце мое, заныв, толкнуло навстречу с желанием поддержать явно сбывающуюся надежду приложением своих сил, ради искупления хоть чего-то из содеянного мною.

Услышав о подробностях гибели ее супруга, сразу почувствовал свою вину, ведь именно я сыграл основную роль в «приходе» в «Марвол» криминала, более того, именно я говорил первым с Дмитрием Ческисом и Марком Волошиным о

необходимости «взаимовыгодных» отношений! Не было бы меня, жив был бы Тимур Хлебников, муж Надежда Юрьевны, генеральный директор того самого СП «Русджет», сыгравшего одну из основных ролей в проекте «Супер Мираж».

Вдова до сих пор не могла полностью забыть и найти успокоение — посттравматический синдром, терзавший ее неустойчивую душу и «насилуемую» еще с детских лет психику, постоянно раня сердце и разум, не желая отпускать, толкал в мою сторону в поисках ответов, многие из которых она сразу и получила.

Узнав обо мне и моих похождениях из моей книги «Ликвидатор», где была затронута краешком и ее трагедия, интуитивным порывом направила она свои стопы на мой сайт «www.anabasis-book.ru», указанный на страницах произведения, откуда и начиналась дорожка к нашему знакомству.

Совершенно откровенный разговор в нашей переписке вырос в ее повествование, вылившееся некоторой частью в эти строки. Изложение с ее слов переработанным текстом уместилось почти на ста страницах печатного текста. Держа в руках, «пропитанные» кровью, слезами и близкими к сумасшествию переживаниями листы, я не мог не предложить ей попытку помощи через написание небольшого рассказа о ее жизни — это был совет моей Марины, справедливо полагавшей, как врач-психиатр, что прочтение написанного вполне может помочь. Предполагаемый рассказ вылился в полноценную книгу, которую читателю следует воспринимать продолжением первых двух «Ликвидаторов». Чтобы понять, каким образом подобный союз стал возможен, вкратце объясню его невероятную эмоциональную подоплеку.

Письмо Надежды Юрьевны Хлебниковой возбудило во мне, в какой-то промежуток времени, недолгие подозрения в подвохе, но простейший анализ и первичная переписка открыли полнейшее отсутствие планов, но живой интерес к затемненной стороне причинно-следственных связей и отношений того времени, что и «толкнуло» в мою сторону. На деле вдова нуждалась больше не в ответах, а в помощи, какой именно, мы оба не понимали. Но что не подвластно одиноко существующему человеку, то по силам соединившимся воедино супругам. И моя супруга не ошиблась, что не удивительно, ведь при всей ее прекрасной внешности и дивном внутреннем устройстве она способна угадывать и подсказать не хватающий незаметный связующий момент в нагромождении хитросплетений в моих рассуждениях и планах, который я иногда не могу обнаружить, просто ощущая чувство неудовлетворения из-за неоконченности. Одно ее слово, сказанное будто вскользь, способно образовать полноту, при том,

что она привыкла жить не так усложнено и продуманно как я, но прямолинейно и открыто — как раз то, чего мне не хватает: вот здесь и понимаешь, что одно целое составляется не столько однородным веществом, сколько дополняющим друг друга в своем единомыслии и любви. Двойственна природа человека и остается такой при слиянии мужа и жены.

Автор и его супруга Марина на своей свадьбе. Единственная женщина в жизни автора, которая стала смыслом его жизни и центром его вселенной с первого взгляда. Фото со свадьбы. 09.06.2016 г.

Уже через месяц Надя и Марина встретились. Конечно, находились люди, выражавшие опасения возможной мести, предполагаемой некоторыми, со стороны несчастной женщины, напомню: не будь меня, не появились бы «медведковско-ореховско-одинцовские» в жизни ее семьи, что принесло вскоре трагедию, растянувшуюся на десятилетия! Для нас все было очевидно, и более всего наша обязанность — помочь!

Реакция вдовы на мое предложение о книге с первых же слов несла интонации сбывающейся невероятной мечты. Несмотря на это, не сразу она дала свое согласие, взвешивая все «за» и «против». Очень надеюсь, что это произведение сможет стать

спасительным и поддерживающим не только для нее, но и для тех, кто стоит на пороге принятия решений, равнозначных тем, что принимали герои, с которыми читателю предстоит столкнуться в разыгрывающейся на этих страницах трагедии…

Начать я хотел с другого, но статья, присланная вдовой в самом начале, началом остаться и должна, ибо послужит не только направляющим лучом, показывающим верную дорогу читающему эти строки, но, смею надеяться, и тем, кто по долгу службы должен обратить на не понесших еще ответственности перед законом фигурантов тогда произошедшего…

Итак, статья, напечатанная в «Новой газете» выпуск № 53 от 05.10.2000 года[4]:

«МИРАЖИ» ПРОТИВ «МиГов» История скандальной сделки Почему наши истребители выигрывают в воздухе и проигрывают в деньгах?

Операция «Мираж» заслуживает отдельной главы в исследовании «Как разворовывали Россию». Благодаря международному авантюристу Марку Волошину и дружественным ему отечественным политикам мы лишились военной техники на 80 млн. долларов и целого ряда оборонных ноу-хау. Но что любопытно: мифическую историю с модернизацией юаровских истребителей «Мираж» (под которую и было совершено хищение) ныне… опять возрождают. Похоже, Волошин нашел еще не обманутых им в России бизнесменов от политики.

История хищений под «Миражи» воспроизводится нами по документам, предоставленным бывшим сотрудником аппарата правительства РФ. Оснований для сомнений в их подлинности — НИКАКИХ. К сожалению…

Свежо предание…

В середине сентября компания «Промэкспорт» (один из госпосредников по экспорту российского оружия) пообещала родине огромные скорые барыши из ЮАР. Конкретно — от модернизации юаровских истребителей «Мираж-3» и «Мираж-F1», которую «Промэкспорт» намерен осуществить. По подсчетам компании, модернизация одного самолета стоит 8-10 млн. долларов. И хотя в самой ЮАР этих истребителей осталось 33 штуки (и те на консервации), зато в странах Африки и Латинской Америки наберется сотни три, и все они ждут не дождутся, когда российские специалисты якобы начнут их обновлять.

«Промэкспорт» заявил, что «Миражи» — плацдарм для «агрессивного продвижения российской военной техники на африканский континент».

«Промэкспорт», умудрившийся за последний год почти вчетверо снизить объемы продаж, на ЮАР делает ставку. По растиражированному в СМИ заявлению компании, она «уже приступила к активной работе по совместной с южноафриканской компанией «Армскор» модернизации «Миражей». При этом «Промэкспорт» опирается на то, что в середине 90-х проект модернизации тех же истребителей чуть было не состоялся. В общем, тропинка, как говорится, протоптана. Не случайно руководители компании особо отмечают, что посредником в

намеченной сделке выступает Марк Волошин — глава фирмы «Марвол менеджмент Лтд», который был инициатором и посредником предыдущей попытки аналогичного проекта.

Собственно, о той — предыдущей — сделке, криминальный «кисель» которой до сих пор не расхлебан, и пойдет речь. Удивительно, как серьезная государственная компания может говорить о партнерстве с человеком, укравшим у России секретного военного оборудования на 80 млн. долларов. И как можно «на голубом глазу» вести речь о возобновлении, по сути, мошеннической операции, которая якобы сулит нам манну небесную. Впрочем, гендиректор Сергей Чемезов считает иначе. Хотя немало опытных специалистов в «Промэкспорте» выступают против вредной для России сделки. Но Чемезов их не слышит. Он предпочитает слушать Марка Волошина.

Хорошая мина

Предыдущая попытка модернизировать «Миражи» провалилась в 1997 году по объективным, считает г-н Чемезов, причинам. С одной стороны, «черное» большинство правительства ЮАР резко сократило расходы на «белую» армию и перенесло вопрос ее перевооружения на десять лет. С другой стороны, сторонники проекта в ЮАР лишились лоббистских возможностей. Якобы по этим же причинам Россия в 1998 году даже не была допущена к тендеру, в результате которого ЮАР закупила шведские SAAB-Grippen JAS-39, которые по возможностям и цене уступают российским истребителям.

Насчет тендера — вопрос открытый. Хотя преимущество наших «МиГов» было доказано еще в 1995 году, когда в честь юбилея ВВС ЮАР устроили 24 учебных воздушных боя — «МиГи» против «Чита-С» (юаровский вариант «Миражей-3»). 23 боя выиграли «МиГи».

Сделка по модернизации «Миражей» с самого начала носила, мягко выражаясь, недобросовестный характер. Странно, что подробности той истории и выводы компетентных органов неизвестны руководителю «Промэкспорта» Сергею Чемезову. Не хочется думать, что туманные объяснения про внутриполитические факторы в ЮАР — сознательное «информационное прикрытие» грязной истории, которую хотят возродить.

Так что, читайте и делайте соответствующие выводы.

Южноафриканский журавль в русском небе

ЮАР в вопросах боевой техники всегда ориентировалась (и ориентируется) на Западную Европу. Достаточно сказать, что за все время у нас с ЮАР был только один военный контракт на сумму… 24 тыс. долларов (!!!) по командированию специалистов. И все! Как же тогда могли поверить в астрономические миллиарды, готовые обрушиться на российский ВПК?

Однако в 1991 году в узких кругах ВПК начали активно муссироваться слухи, что скоро отечественная оборонка займется крайне выгодным проектом — модернизацией истребителей «Мираж» (французский проект 60-х годов) южноафриканских ВВС. Инициатором и посредником сделки выступил советский эмигрант Марк Волошин, зубной врач по профессии, а на тот момент — владелец транснациональной группы «Марвол».

В то время из-за режима апартеида ООН ввела экономические санкции против ЮАР и любые контакты подобного рода могли осуществляться через посредников. Волошин представил доказательства, что сотрудничает с государственной военно-промышленной корпорацией «Армскор» (ЮАР), и обещал контракты на 4,5 млрд. долларов.

Так получилось, что в правительстве нашлись люди, поверившие дантисту Волошину. Или, по предположению следствия, подкупленные им и стоявшими за ним спецслужбами. Осуществление проекта (и именно через «Марвол») было официально одобрено Олегом Лобовым. Который чего только тогда не одобрял, от «Аум Синрике» до «военного» стоматолога. Кстати, впоследствии особыми сторонниками сделки выступили Олег Сосковец и Георгий Хижа. За что через несколько лет против последнего (и его помощника Козлова) было возбуждено уголовное дело, позже, правда, замятое.

После столь высокого одобрения дело завертелось. Для непосредственного осуществления проекта были созданы СП «Русджет» и СП «СИВ». Учредители с нашей стороны — неразборчивые руководители крупных оборонных предприятий, «оттуда» — компании, входившие в группу «Марвол». На первом этапе предполагалось адаптировать двигатели РД-33, которые использовались для «МиГ-29», под «Миражи», после чего несколько двигателей, ракет и ряд приборов ВРЕМЕННО предоставить ЮАР для испытаний.

Более того, 30 августа 1993 года сторонникам Волошина удалось пролоббировать специальное распоряжение правительства (№ 1249-рс), которое одобряло проект в целом и предписывало министерствам и ведомствам «осуществлять необходимое сопровождение работ». Там же было указано, что оборудование после испытаний возвращается в Россию, поэтому

таможенные пошлины при вывозе его из страны «не взимать». Подпись — В. Черномырдин.

Резолюция президента

Трудно сказать, что подвигло правительство без серьезного изучения ситуации, контрактов и партнера выпустить такой документ. Может быть, обещанные 4,5 млрд. долларов глаза застили? Может, какие иные причины. Факт, что это распоряжение и усилия покровителей контракта сделали возможным осуществление беспримерной контрабанды. Ибо под документ не просто вывезли техники на 80 млн. долларов — украли и абсолютно секретные разработки. Обещанных контрактов так и не дождались. Хотя специалисты еще в начале 1993 года предупреждали, что добром это не кончится.

Но мнение специалистов перекрывалось высокими резолюциями, полученными с использованием чисто аппаратных методов. Например, заместитель председателя Совета министров страны Георгий Хижа пишет президенту Борису Ельцину служебную записку «О развитии отношений с ЮАР», один из шести пунктов которой гласит: «Продолжить работы… по оснащению самолетов ВВС ЮАР типа «Мираж» модифицированными двигателями РД-33 и ракетами Р-73Э через сложившиеся неправительственные организации Российской Федерации». Кругленько получилось в формулировке, не правда ли? А в конце записки: «Прошу Вашего согласия». На это Борис Николаевич ставит резолюцию: «Работать энергично, но осторожно, с учетом развития внутренней обстановки в ЮАР и санкций. Не давать поводов для обвинений в нарушениях режима санкций».

Ох и выйдет боком этот в принципе достаточно осторожный «одобрямс» президента. Впоследствии всякий раз, как на пути контрабандной сделки пытались поставить заслон, российские подельники Марка Волошина выставляли ельцинскую резолюцию в качестве главного аргумента и индульгенции.

Оборонно-контрабандный апогей

Заручившись этой резолюцией президента, Волошин со товарищи резко активизировались и на апрель 1993 года наметили вывоз самолетом боевых ракет и оборудования. Однако случилась осечка, которая едва не похоронила всю авантюру. На

аэродроме в Ахтубинске простые пограничники, выполняя служебный долг, самолет задержали, имея на то полное законное основание. Задержка прошла под грифом «попытка контрабандного вывоза из страны секретного военного оборудования и документации».

На борту самолета оказались 17 новейших ракет Р-73 класса «воздух — воздух» (лучших на тот момент в мире и являющихся одним из главных оборонных секретов в России) с инфракрасной головкой наведения и радиолокационным подрывом, комплекты сверхсекретной проверочной аппаратуры «Гурт» для этих ракет и другое оборудование. В том числе жаропрочные лопатки для турбин двигателей в разной стадии готовности, наглядно демонстрирующие секретную технологию их изготовления. На борту также имелись полные комплекты технической документации, раскрывающей все секреты создания ракет, оборудования и двигателей РД-33.

По факту пресечения контрабанды Главная военная прокуратура начала расследование. Казалось, что у авантюриста Волошина все сорвалось. Не учли один фактор — патриотизм, профессионализм и непродажность простых пограничников и контрразведчиков. Однако не тут-то было.

Еще одна резолюция президента

Спасать ситуацию бросился первый заместитель председателя правительства страны Олег Сосковец.

Он пишет Ельцину почти паническое послание:

«Уважаемый Борис Николаевич! В соответствии с Вашими поручениями развернуты работы по установке экспортного варианта серийной ракеты Р-73Э класса «воздух — воздух» и газотурбинного двигателя РД-33 на самолеты типа «Мираж» ВВС ЮАР.

Заключены контракты на проведение совместных с ЮАР опытных работ, которые проводятся через совместное российско-южноафриканское предприятие, учрежденное государственными предприятиями оборонного комплекса России и фирмой «Марвол-ЮАР», имеющей соответствующие полномочия правительства ЮАР.

24 апреля с.г. при плановой отправке в ЮАР на аэродроме в/ч 15650 (г. Ахтубинск) были задержаны 17 экспортных ракет Р-73Э (учебные и боевые), 6 пусковых устройств, комплект от контрольной аппаратуры, элементы конструкции самолета и двигателя. Главной военной прокуратурой начато следствие.

Работы по указанным проектам парализованы, финансирование приостановлено, что может привести к потере до 4,5 млрд. долларов США.

Учитывая изложенное, прошу Ваших указаний о том, чтобы проводимое следствие по данному делу не являлось препятствием для продолжения работ по реализации полезных для страны проектов.

Одновременно докладываю, что даны необходимые поручения о проведении мероприятий по сохранению конфиденциальности проводимых работ».

Поразительный документ. Видно, что опытный царедворец Сосковец торопился. При этом — вольно или нет — допустил ряд… неточностей. Не случайно автор дважды упомянул про «экспортный вариант» ракет, потому что на самом деле вывезти пытались ракеты последней модификации, к экспорту не допущенные. Покривил он и насчет «полномочий правительства ЮАР» — у Волошина официальных полномочий не было. Любопытна фраза про «плановую отправку» — чей это план и почему он должен быть аргументом для президента России? Опять бравирует мифическими 4,5 млрд. долларов…

Пафос документа очевиден — призыв к Ельцину дать указание закрыть расследование и выпустить самолет с контрабандой в ЮАР. Трогателен пассаж про то, что следствие (возбужденное благодаря неподкупным пограничникам) препятствует реализации полезных для страны проектов. Нарушение законов страны вряд ли может быть для нее благом, разве не так?

Резолюция Ельцина:

«Что касается следствия, то о вмешательстве в этот процесс не может быть и речи. Пусть соответствующие органы действуют по закону. Относительно продолжения контрактов и реализации выгодных для России проектов — поддерживаю».

То есть вторая часть в контексте записки Сосковца как бы противоречила первой, а в отрыве от нее могла подаваться как поддержка президентом письма.

В бой идут не одни Сосковцы

Сосковец был не одинок. В сражение бросились руководители двух крупных оборонных предприятий, которые особенно близко были связаны с «Марволом». В совместном письме в правительство они сигнализировали:

«Работы, определенные указаниями президента Российской

Федерации, остановлены в связи с тем, что Прокуратура России не возвратила задержанное 24 апреля 1993 г. оборудование. Наши обращения к Генеральному прокурору России и в службы Министерства безопасности понимания не нашли.

Просим личного вмешательства на уровне первых лиц ведомств, которым направлено указание президента Российской Федерации от 11 июня 1993 г. № 3000, с решением следующих вопросов:

1. Учитывая, что работы по данным проектам могут принести России 4,5 млрд. долларов, необходимо значительно ускорить эти работы, обеспечив необходимое их сопровождение Министерством безопасности и Министерством обороны, сохранив сложившуюся кооперацию исполнителей и отработанную схему взаимодействия через неправительственные организации, одобренную президентом Российской Федерации 11 мая 1993 г. (№ 2497).

2. Разрешить совместным российским предприятиям «Русджет» и «СИВ» провести испытания разработанных двигателей, лопаток турбин и оборудования на полигоне германской фирмы «Марвол» с последующим возвращением материальной части в Россию. Учитывая, что имущество подлежит возврату, Государственному таможенному комитету не взимать таможенную пошлину.

3. Министерству безопасности и Государственному таможенному комитету обеспечить конфиденциальность транспортировки указанных грузов по данным проектам.

Без выпуска распоряжения правительства по этим вопросам реализовать указания президента Российской Федерации невозможно».

…Этот документ составлен с высокой степенью чиновничьей виртуозности. Как изящно упомянут «Марвол», ставший вдруг германской фирмой… Исчезло рискованное упоминание новейших ракет… Ненавязчиво дважды подчеркнуто, что имущество подлежит возврату… И главное: история подана под соусом выполнения указаний президента.

Бумага пошла по инстанциям. Олег Сосковец надписал для министра внешнеэкономических связей Сергея Глазьева: «Прошу подготовить проект распоряжения Совета Министров — правительства Российской Федерации». Однако в ведомстве Глазьева с абсолютной прямотой специалистов начертали резолюцию: «Подготовка проекта распоряжения правительства по данной сделке, как и сама сделка, противозаконны. Подробный доклад по данному вопросу будет представлен». Доклад, аргументировано не оставлявший камня на камне от сделки, был

представлен и где-то на верхних этажах власти — похоронен.

Отдел выше министерства

Впрочем, похоронен был целый ряд документов, призывавших не торопиться осуществлять сомнительную сделку. Например, из МВЭС за подписью министра Глазьева первому заму правительства О. Сосковцу и заму правительства А. Шохину поступает документ, где говорится:

«При полном игнорировании действующего законодательства через российско-африканское предприятие с участием некой фирмы «Марвол-ЮАР» заключены контракты на проведение работ по установке авиационной ракеты Р-73Э и двигателя РД-33 на самолеты типа «Мираж» ВВС ЮАР. Начаты поставки в ЮАР указанных ракет, пусковых устройств и другого оборудования по контрактам.

Решения правительства РФ (единственно законное и безусловное основание для экспорта военной техники) на подписание таких контрактов и поставку оружия в ЮАР не принимались. В связи с отсутствием оснований лицензии на вывоз специмущества в ЮАР МВЭС России не выдавалось.

… Упоминание объемов в 4,5 и 2,5 млрд. долларов США в различных редакциях документов не подкреплены соответствующими заявками и ни в коем случае не могут приниматься в серьезный расчет.

Избранный путь реализации договоренностей с деловыми кругами ЮАР в обход соответствующих государственных структур далек от истинных интересов России и носит сомнительный характер, включая поспешные попытки получения решений правительства в обход действующего порядка и постфактум. Имеющиеся аналоги подобного рода сделок в мировой и российской практике, как правило, заканчивались международными скандалами и серьезными последствиями для всех их участников, независимо от их рангов.

В складывающейся ситуации, по мнению МВЭС России, необходимо предпринять следующие шаги:

1. Завершить создание и начать работу межведомственной рабочей группы по ЮАР. Поручить ей разработать принципиальные подходы к военно-техническому сотрудничеству с ЮАР, а также точно выверенные конкретные пути их реализации.

2. МИДу совместно с МВЭС и Минобороны России провести консультации с представителями Африканского национального

конгресса по конкретным аспектам ВТС России с ЮАР, имея в виду, что, по мнению компетентных служб, поставки оружия в ЮАР без уведомления АНК безрассудны по возможным политическим последствиям.

3. Минбезопасности и Службе внешней разведки России осуществить проверку и дать заключение о возможности и целесообразности установления сотрудничества в области ВТС через фирму «Марвол-ЮАР».

Не в дверь, так в окно

Согласитесь, письмо МВЭС — конкретное, деловое и конструктивное. Какой государственный муж (если он действительно радеет за интересы страны), прочтя его, позволит продолжаться масштабному беззаконию? Я вам скажу какой — Сосковец. Письмо это благополучно растворилось в его департаменте. А решение правительства, задним числом одобрившее вывоз военного имущества в ЮАР, было принято… через 11 дней после получения Сосковцом приведенной выше записки от Глазьева. Получив отпор в МВЭС, проект этого незаконного решения был подготовлен в отделе оборонной промышленности аппарата правительства РФ. То есть непосредственными подчиненными Олега Сосковца. Так просто…

В общем, у организаторов масштабной аферы и их покровителей в итоге все «срослось». АН-124 «Руслан» (бортовой номер 82033) с последней партией контрабандной военной техники в сентябре 1993 года взлетел с подмосковного военного аэродрома в Чкаловске и направился в сторону ЮАР. Финита ля, как говорится… И что с того, что возбужденное по фактам контрабанды оружия уголовное дело № 29/0007/93 еще не закрыто. Зато оно специально засекречено в интересах национальной безопасности.

Позже Государственный таможенный комитет РФ провел собственное расследование, в результате которого выяснил, что таможенное оформление военного имущества было совершено с рядом грубейших нарушений. А вывозимые боевые ракеты «воздух — воздух» к таможенному оформлению вообще не предъявлялись. Как такое могло случиться — выясняет еще одно уголовное расследование, возбужденное по фактам нарушения Таможенного кодекса России. Это уже третье уголовное дело! И вряд ли последнее…

Ждите ответа…

По информации из самых разных источников, испытания российской военной техники, которую установили на «Миражи», прошли очень успешно. За счет нее южноафриканские истребители почти в 1,5 раза улучшили свои боевые и летные характеристики — скорость, маневренность, дальность полета, время набора высоты, боевую мощь… Сам по себе факт приятный.

Однако в данном конкретном случае радоваться нечему. Скорее — горевать. Никаких разговоров о заключении контрактов на модернизацию истребителей со стороны ЮАР не звучало. Хуже того: африканцы не торопились возвращать в Россию то, что «Марвол» из нее «временно» вывез.

Первого июля 1996 года истек оговоренный в контракте с Волошиным срок обратного ввоза техники. Однако на обращение к ЮАР был получен ответ, что возвращать ничего не собираются, поскольку все это специмущество они… купили у Волошина по контракту, заключенному еще в 1991 году. То есть тогда, когда глава «Марвола» только начинал пробивать в Москве «крайне выгодную» для России сделку. Дальновидный оказался контрабандист!

(Может быть, именно эту дальновидность оценил в нем «Промэкспорт», пригласив на роль посредника в таком же «миражном» проекте?)

На все дипломатические подходы России к проблеме возврата в ЮАР кивают головой на Марка Волошина: мол, с ним имели дело — с ним и разбирайтесь. Разобраться же не так просто, поскольку он имеет несколько гражданств, документы по сделке сильно запутаны, к тому же у бывшего нашего соотечественника на родине еще остались доброжелатели.

Сделка с непредсказуемым прошлым

Однако было бы наивным считать, что Марк Волошин пассивно наблюдает. Его «люди» постоянно предпринимают усилия задним числом придать контрабанде законный вид. Так, вице-президент группы компаний «Марвол» г-н Зинченко направил в правительство России письмо, где предлагал утилизировать (т. е. сдать в металлолом) или продать по остаточной (бросовой) стоимости вывезенное в ЮАР оборудование. Мотивирует тем, что оборудование якобы износилось, выработало свой ресурс, а везти его обратно — слишком дорого для России. Как знать, оставайся у власти Сосковец, «номер», может быть, и прошел бы. Однако проверка показала, что оборудование в нормальном рабочем состоянии, а

оплата его доставки назад в Россию, по контракту, — забота «Марвола».

Еще одну попытку совершил гендиректор Питерского завода им. Климова А. Саркисов, известный как один из самых больших поклонников Волошина. Он попытался через «Авиаэкспорт» задним числом оформить контракт, по которому все военное имущество было якобы еще в 1993 году продано германской фирме «Марвол Прожект Консалтинг ГмбХ» (принадлежит Волошину). В этой подделке забавны цены. Скажем, авиадвигатель, который Волошин продал в ЮАР за 4,2 млн. долларов, здесь был оценен всего в 235 тыс. долларов. И так — на все оборудование. Кстати, указанная «немецкая» фирма в Германии не зарегистрирована.

Любопытный факт: первыми о попытках «Марвола» задним числом прикрыть свое воровство в правительство РФ сигнализировали гендиректор СП «Русджет» Ю. Головин и гендиректор СП «СИВ» И. Масленников. Вот цитата из их совместного обращения. Специально для «Промэкспорта»:

«Вся инициатива компании «Марвол» по реализации вышеупомянутых проектов и обещания грандиозных перспектив военно-технического сотрудничества с ЮАР являются прикрытием незаконных сделок по продаже ЮАР российской оборонной техники. Последние действия «Марвол» представляют собой попытку легализовать ранее состоявшуюся продажу не принадлежавшего ей оборудования».

Отличного посредника берем себе в партнеры! Просто нет слов…

Автора!!!

Теперь о главном герое этой уголовной истории.

Марк Волошин родился в 1945 году в Москве в семье скорняка. Закончил 3-й Московский мединститут. Немного поработал зубным врачом в поликлинике, а потом эмигрировал в Израиль (1972 г.). В Израиле полтора года отслужил в армии, демобилизовавшись, подался в США. Там пробовал лечить зубы американцам, но успеха не имел. Перебрался в Германию, мыл там машины, а потом на паях с эмигрантом Л. Шумахером открыл в Ганновере маленькую стоматологическую клинику.

Может быть, он бы до сих пор сверлил дупла в челюстях. Но в 1990 году абсолютно неожиданно для всех и неизвестно откуда у Волошина появились значительные средства. И он начал заниматься двумя вещами: создавать в разных странах фирмы

(они и составили потом группу «Марвол») и настойчиво посещать Москву. Фирмы у него, кстати, странные. Например, «Марвол Холдинг» (Швейцария) и «Марвол Холдинг Люксембург» существуют исключительно на бумаге, ничем не занимаются, зато к ним на счета регулярно поступают деньги. Откуда — тайна.

По некоторым данным, финансовый взлет Волошина объясняется тем, что западные спецслужбы взяли его «управляющим» в компании, которые создавались с целью перекачивать из России ресурсы. Активность Волошина именно на этом поприще — косвенное тому подтверждение.

В 1990 году некто представил его южноафриканской военно-промышленной корпорации «Армскор» как человека, имеющего в Москве достаточно правительственных связей для организации поставок в ЮАР оружия. В ситуации объявленного ООН торгового эмбарго против ЮАР такие, как Волошин, были нужны. «Армскор» предложил ему сотрудничество. И он эти надежды, как следует из материала, видимо, оправдал. Кроме того, по оперативным данным, известно, что одной из целей волошинской сделки по «Миражам» было получение материалов, дискредитирующих Россию как нарушителя санкций ООН.

Однако отношения Волошина с заказчиками складывались непросто. Людей шокировали его самоуверенность, болезненная амбициозность и претензии на большую долю прибыли. Сами юаровцы неоднократно говорили в неофициальной обстановке, что с отменой санкций ООН необходимость в «Марволе» отпадет.

Кстати! На часть средств, полученных от незаконной продажи российской техники, Волошин приобрел себе в ЮАР старинное имение Hazendal Wine Estate в 25 км от Кейптауна на Bottery Road — это по трассе № 1. Говорят, туристов туда возят, винные дегустации им устраивают и пикники. Веселится, в общем, и, наверное, рассказывает, как ловко обвел вокруг пальца своих бывших земляков. Но земляки не унимаются. Вот Чемезов ему работенку подкидывает. Причем по теме, которой тот в совершенстве владеет. Видимо, новые секретные двигатели и ракеты накопились.

Сухой остаток

Радоваться нечему. Техники — след простыл, платить за нее никто не собирается. В Международный арбитражный суд иск подавать некому. Структуры, которые вели отношения с «Марволом», делать этого не желают. А другие (в том числе государство) для той сделки — «де-юре» посторонние.

Браво, Марк Волошин! Здорово все замутил и завязал узелками. Не подкопаться. А теперь — если с «Промэкспортом» у него выгорит — вообще замечательно. Поскольку тогда предыдущую «миражную» аферу можно преподать как всего лишь первый акт продолжающегося огромного проекта, который сулит России… ну и так далее. Мало того, что лет на десять можно затянуть эту «многообещающую» историю… Так еще и вывезти новой техники в ЮАР, Германию, Швецию — неважно куда. Кто это придумал — сам ли Марк Волошин или Сергей Чемезов что подсказал — не столь важно.

Важно другое. Любому специалисту было понятно, что старые свои «Миражи» ЮАР не будет модернизировать никогда. Они уже закупили истребители нового поколения — шведские «Гриппены». Тем более модернизировать с помощью России (?), когда Франция (родина-производитель «Миражей») готова сделать это по-родному, что всегда лучше. Представьте себе, что «Форды» берется модернизировать наш КамАЗ.

Получилось, что «наивная» Россия потеряла вчистую передовой боевой техники на 80 млн. долл., ряд разработок, коими непременно воспользовались наши конкуренты, жуткую головную боль и репутацию международного «лоха», которого развели на мифических обещаниях.

Не обошлось и без крови. Есть уже три трупа, которые расследования связывают с этой историей. В 1995 году при загадочных обстоятельствах был убит первый директор СП «Русджет» Т. Хлебников[5]. Второй жертвой стал начальник одного оборонного департамента — его утопили в Сочи, по удивительному совпадению, в те дни, когда там пребывали на отдыхе Олег Сосковец вместе с Марком Волошиным. Третьим стал южноафриканский бизнесмен, занимавшийся разработкой военно-технических отношений с Россией на законных основаниях. В результате однажды утром в Претории его охладевшее тело было обнаружено с десятком ножевых ран.

… Неудачливый стоматолог Марк Волошин гениально проявил себя на другом поприще — искать и находить гнилые дупла в государственной системе. Он нашел такие «дупла» в прошлой истории и смог через них осуществить большую аферу. Похоже, ныне такое «дупло» обнаружено им в лице руководителей «Промэкспорта».

Кстати, а зачем это все «Промэкспорту»? Неужели сложно навести элементарные справки, даже просто спросить у специалистов, и станет понятно, что никакой сделки по «Миражу» нам не светит. Видимо, для «Промэкспорта» и его руководства мифическая история нужна исключительно в качестве яркого

пиаровского шага. Потеряв за последний год почти вчетверо объемы продаж, Сергей Чемезов просто вынужден запустить некоего журавля в небо. И тут подвернулся проект с юаровскими «Миражами», через который якобы будет подмят весь африканский оружейный рынок. И «Промэкспорт», как утопающий, ухватился за эту «марволовскую» соломинку. Интересно, на какую сумму во втором акте «миражного» трагифарса рассчитывают Волошин и Чемезов? Не меньше полумиллиарда, надо думать. Из нашего с вами кармана.

P.S. *Торговля оружием — долгосрочная политическая категория. Возвращение к «миражному» проекту может подложить серьезную мину под наши отношения с ЮАР на долгие годы. В принципе такой исход сильно порадовал бы наших конкурентов, прежде всего США. Не хочется думать, что Сергей Чемезов не понимает всех негативных политических последствий, к которым может привести его «пиаровская» акция. Еще меньше хочется думать, что за этим проектом стоят чьи-то конкретные корыстные интересы, которые в любом случае мелочны и бесперспективны.*

Таким образом, Марк Волошин, бросивший родину в 1972 г., в начале 90-х сумел обмануть (или купить) членов российского правительства, поманив фантомом о 4,5 миллиарда долларов и заработав лично не меньше 60 миллионов долларов, с успехом повторяет ту же махинацию в 2000 году. Для специалиста очевидно, что таким образом наши западные конкуренты через свою агентуру вновь заводят в тупик наши военно-технические отношения с Африкой.

И последняя новость: ЮАР подписала контракт с Чили о продаже части законсервированных «Миражей».

Станислав СУМСКОЙ

05.10.2000

Мелькнувший призрак победы

Придя в эту жизнь, мы постоянно ищем аналогий. Даже совсем еще младенцы ищут неосознанно жизненно для них важное, что питает, хранит, греет, любит. От рождения так будет до самой смерти. И в самый последний день каждый из нас, находясь еще в сознании, будет через пелену овладевшего им, искать похожести причин, ложащихся в основание поведения. Большинство, интуитивно боясь последствий расставания с телом, перескакивая с самоубеждения, очевидности то вечности, то конечности жизни души, так и уйдут неуспокоенными «в никуда», поскольку сделали все, чтобы оплатить билет именно туда.

Непривычным станет этот «проездной документ»: бесплатным; только в одну сторону; одинаковым для всех и каждого; с неизвестным пунктом назначением; для самой нежелаемой, еще при жизни, «поездки»; для пути в ужасе и без приятных соседей; туда, где придется ответить за все содеянное, за каждое принятое решение, за каждое произнесенное слово, за каждое мгновение, прожитое с пользой или зря; пути следования, приводящего к достижению конечной остановки, когда молиться за себя уже нельзя — лишь за тех, кого любишь, кто остался, кто провожал, сожалеет, а может и вовсе не помнит, а то и ненавидит.

Вы скажете: «Зачем об этом думать сейчас?». Отвечу: «Не думать об этом нужно, но помнить… помнить и не искать этих аналогий! Что касается похожестей, то их столько же, сколько и индивидуальностей, то есть почти бесконечность, а потому и поступков, и судеб с одинаковыми, на первый взгляд, особенностями, подобно пузырькам на пене морской, причем таких же быстротечных, воздушных, невероятно красивых в, переливающейся всеми цветами радуги, бликующей светом поверхности.

Каждый в судьбе любого другого может найти нечто, что зацепит в памяти всплывшей аналогичностью, позволив сказать: «В точности, как у меня!» — хотя ничего общего, кроме совпадающей раскраски и количества цветов в мизансцене не будет и в помине.

Пример жизни любого человека для остальных может служить как спасительным, так и гибельным средством — что увидит каждый, тем и воспользуется, что оценит, поставив во главу угла своих ценностей, тем и вымостит жесткость или бархатистость предсмертного ложа.

Мне нравится сравнение судеб людских с пузырьками. Что

они для других, рядом рождающихся или лопающихся? Что они внутри, под красивой перламутровой поверхностью? Что они до появления и после?..

Вы смотрите на приближающуюся волну, зная, что достигнув ваших, она растворится в песке, оставив эти самые пузырьки пропадающими в воздухе или слипающимися на грунте. Долго наблюдая, вы неожиданно заметите, что есть, какие-то необычные, умудряющиеся оставлять след на мириадах песчинок. Те, словно застыв, вбирают в себя содержимое полусфер, аккуратно опуская на себя прозрачную переливающуюся световым спектром пленку, принимают в себя, оставляя поверх четкий след от окружности, которая смоется только следующей волной — недолговечна, но удивительна жизнь этого мира.

Эти «долгожители» редки, но случаются зачем-то! Но и здесь есть то, что имеет свою необычайную исключительность — вы заметили целую жизнь, и даже задумались о ней, задержав ее в своей памяти на какое-то время!

Так и мы, в большинстве своем, уйдем не оставив никакого следа, и только избранные запечатлятся в вехах истории, и только избранные из избранных останутся замеченными на долгие времена звездами и светилами, если есть это в планах Провидения Господнего. Можно, будучи светилом, оставить только пепел от своего жара, а можно остаться теплым воспоминанием, греющим и после вашего ухода, быв всего лишь смиренным нищим…

Но какие же судьбы наиболее замечательны, волнительны? На мой взгляд те, что принадлежат сразу двоим людям — мужчине и женщине, а точнее одна, навсегда объединившая их жизни в одну. Господь словно собирает их редкими по красоте и бесценности каменьями в свою сокровищницу, даруя этим двоим сначала чувство одно на двоих, и почти сразу стезю, связующую не только их жизни, судьбы, существования, но души и сердца.

Все происходящее с этими парами различно по сравнению с другими, их имена Создатель пишет на солнцах, ибо свет, жар и пламя их чувств не кончается никогда по человеческим меркам, полыхая настолько мощно, что и после своей кончины они способны греть и светить в вечности.

Я не знаю в память какой пары существует наше Солнце, но верю, что каждой достойной достанется в бесконечности свое, то самое, что выберут их покинувшие землю души, не разлученные даже после смерти, воссоединенные навсегда!..

Бывает, что ждать этого слияния вновь приходится десятилетиями. Годы тянутся мучительными, кажущимися бесконечными, столетиями. Уверенность же, с которой

оставшаяся здесь «половинка», после потери другой, говорящая в задумчивости о предполагаемой скорой встрече с усопшим, не понятна окружающим, часто принимается за душевный недуг, что не удивительно, ведь все, что не понятно, всегда списывается на ненормальное состояние, которое всего лишь находящаяся вне принятых норм боль, расстаться с которой далеко не каждый «осиротевший» супруг хочет.

Зачем задумываться или обращать внимание на реакцию, не совпадающую с очевидностью, скрытой от взоров малодуховных, не верующих, совсем не желающих задумываться о будущем Веке, следующем после кончины. Те, кому есть с кем соединиться там, здесь одиноки, хотя Господь успокаивающий и обещает принять их в Свое лоно сразу после наполнения меры пребывания на грешной земле.

Человек не бывает один, но случается, существует брошенной, обломанной стрелой, после прерванного полета — потери «той» или «того» единственного настоящего, поднесенного даром Божием, предназначенного только ему или ей, супруга.

Часто еще не остывшие своими переживаниями в оскудевшей светом и счастьем душе, вдовцы или вдовы слышат: «Пора забыть эту потерю и начать жить заново!». Несчастные успокаивающие! Говорящие так, даже не понимают, что такое дается лишь раз! Зачем начинать «заново», что не кончилось и продлится вечно?! Зачем думать о жизни здесь, когда она здесь только мгновение?! И зачем на часть этого микроскопического отрезочка искать кого-то, кто в любом случае окажется хуже, не твоим, не заменит! Для оставшихся ненадолго в одиночестве, такое предложение звучит равносильно: «Да ладно, все изменяют, наслаждайся, все равно никто не узнает!». Если любишь по-настоящему, и чувство это не блажь и не физическое желание, изменить не можешь. Любящий так человек принадлежит своей «половинке» навсегда, полностью, так, как души Господу, являясь частичкой Его бессмертных творений. Пусть встречается подобное не часто, значит, тем более не зря!..

Тебе, уважаемый читатель, предстоит по прочтении определить, относятся ли Тимур и Надежда к таким парам, или ничего общего с ними не имеют, почему так, а не иначе и случается ли так вообще. Прежде чем вывод ляжет своим вердиктом на обложку прочитанной и закрытой книги, тебе нужно разобраться: любовь или страсть объединила эту пару — страсть никогда не угодна Создателю, любовь же всегда объединяет и соединяет, а значит, она и есть сама жизнь!..

Если потеря произошла естественным образом, то ожидание воссоединения менее болезненно и переживается глубоко

индивидуально, незаметно для других, но произошедшее трагично, по чужой вине, снедает изнутри жаром, разрывает сознание, сдавливает сердце, выворачивает душу. Потенциал человека выдает сразу все, что способен был расходовать в течении оставшейся жизни, расходуя эту энергию на боль за день, час, минуту. То, что должно было использоваться рационально в многолетии, вырывается в мгновение, в мгновение же восстанавливаясь. Кто-то не выдерживает подобного — все это предполагалось на двоих, и одному или одной не справится! Кто-то терпит до конца — Господь всегда рядом, но есть исключения, направляющие плазму, рождаемую связью мира материального и мира духов, в сторону виновников разрыва, пусть и ощутимую временно как средство мести, реже — кажущегося справедливым, возмездия.

Такие люди способны на все мистическое, находящееся вне сознания, продолжая жить, но не существовать. Они ищут, они ждут, иногда их жизнь превращается в чистейшей бриллиант мести, чернеющий к самому финалу, ведь уголь и алмаз — это одно и то же, хотя и разного возраста! Терпение и смирение очищает, злоба и месть — суть пепел и прах. Возмездие же не сжигает, если не становится вендеттой — мольбы, услышанные Создателем, бросают в котел справедливости не только виновников, но и самих молитвенников, где в адском пламени мучительно сгорают первые, и возможно спасаются последние…

* * *

Пронзительно острый взгляд, с угадываемой долей осуждения, отточенный прижизненной уверенность в своей правоте в любом случае, с требовательностью уважительного к себе отношения, вперился в сидящую на невысоком гранитном столбике женщину. Взоры обоих, смешавшись, столкнулись в одной точке, но преодолев ее, устремились обжигающими лучами в глубины душ, находящихся к этому времени в разных мирах временного и вечного. Веки глаз, соединившихся влюбленных, отстраненных от всего мирского, окружающего эту «пару», не моргали, боясь потерять и мгновение за опустившимися веками.

Сопровождали ли их мысли, или с самого знакомства эти существа неожиданно заметили, что слова между ними совершенно лишние? Мыслями обменивались разумы, взорами — души, эмоциями и излучаемым теплом — память, успокаивающая совесть.

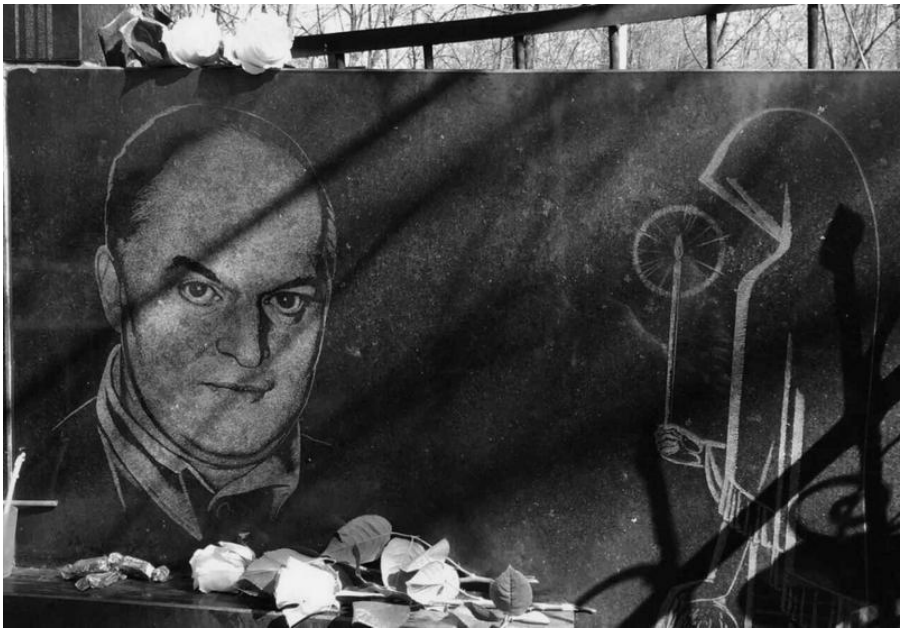
Если и была в этом мире аномалия, то здесь и сейчас искрил

ее центр. Вихри множества энергий пересекались на прямой, связующей зрачки этих людей, первая, много лет назад, произошедшая встреча которых имела только одно желание — не отрываться друг от друга! Здесь опять нас мучает вопрос: страсть или любовь — страсть, если не быстро гаснет, то сжигает все ценное в душе человеческой, любовь же навечно соединяет…

Этот взгляд мужа, часто появляющийся в ее воображении, был опорой стремлений последних лет; наставляющей и несгибаемой волей; нескончаемой силой; неиссякаемым источником, напоминающим былое, казавшееся тогда счастьем. Лишь они всегда оставались в памяти, когда его не было рядом. Остальное расплывалось в неважности, второстепенности, будучи добавлениями к основному и главному. Душа никогда не может быть вторична, если есть любовь! Если это страсть, значит, духовность за ее порогом. Сердцем или плотью взирают эти люди, не отрываясь и не думая ни о чем и ни о ком, кроме друг друга?

Высокий лоб, обрамленный зачесанными назад редкими мягкими, шелковистыми волосами; орлиный крупный нос, отпечаток непреклонности, обрамленной амбициозностью; сжатые губы — примета болезненной напряженности, часто принимаемой за собранность; тяжелый подбородок, верхние и нижние скулы, общей формой своей вместе с губоносовой складкой создающие впечатление еле заметной усмешки, направленной в сторону любого, кто был не столь успешен — лишь фон для взгляда этого человека.

Глаза… Холодным пламенем обжигающие очарованных, добродетельных, милосердных, отодвигающие в сторону сомневающихся, не умеющие уступать, за этим скрывающие расчетливость, жесткость в отношении других, только ему одному известную опасливость, монументальность собственного «Я», стоящего везде в первых рядах. Брови, накрывающие эти, для кого-то раскаленные добела, а для кого-то поблескивающие красными молниями уголья большими, разлетевшимися по сторонам лица крыльями на взмахе, виделись Надежде наполненные смыслом: «Даже падение смертельно раненным будет взлетом!»…



Женщина, устало вздохнув, привстала. Протянутая ею рука поправила лежащие на черном граните две белые розы, повернув их раскрывающимися бутонами в сторону изображения на таком же, до блеска обработанном, камне. Взгляд мужа не отрывался, следя за каждым движением.

Другая, более мощная, прямоугольная, ровно обточенная глыба «несла» на себе плиту с изображением Тимура Хлебникова. Основную часть лицевой стороны памятника занимали силуэт женщины, обнимающей своего ребенка. Мать держала в правой руке длинную горящую, никогда не затухающую свечу — свет, испускаемый пламенем спокойного огня, засвечивал собой ее лицо. Зачем здесь оно, ему нечего больше выражать, не для кого улыбаться, не кого целовать, не кому говорить, не на кого смотреть?!..

Разум человеческий что только не придумывает ради выживания хотя бы еще на немного, каждое его падение в бездну отчаяния не остается без последствий. Покалеченные души, в привычке цепляться за что угодно, лишь бы облегчить участь существования, не в состоянии найти разумного выхода, продолжают поиски вне сознания. Их надуманные сны разума, смешавшие в себе ведомое и неведомое, способны даже изменять мировоззрение, впуская откуда-то из тайных глубин подсознания то ли отголоски переживаний душ уже усопших, то ли шепот, раздающийся из мира недобрых духов, что может дополняться, явившимися по необходимости видениями, и что в своем диком

укрепляющем друг друга составе, внедряется в фундамент непроницаемой, для трезвой духовной рассудительности, стены страха, за которой им приходится жить, постоянно ища отвлекающие моменты, будь то развлечения, разврат, чужое горе, месть, алкоголь, наркотики, а может и все вместе или по очереди в любом составе. Так бывает, если нет дела настоящего, если отсутствует стержень интереса к жизни, если страсть, а не любовь оборвалась еще не утихшей:

— Что ты говоришь, Наичка[6]?! А наши дети?! А мама, друзья, не лишай их своего света!

— Ты вернешься?!

— Зачем? Я дождусь тебя здесь… здесь всегда дожидаются. Здесь нет, правда, супругов, но душам не нужно понятия брака, все в Боге, и Он во всем…

— Я чувствую себя виноватой…

— Не смей перечить Промыслу Божиему. Я стою рядом с тобой на каждой исповеди и ни разу не услышал ничего, за что бы тебе могло быть стыдно. Я держал свои руки над епитрахилью твоего духовного отца, когда он клал ее на твою голову, читал разрешительную молитву.

— Почему мне так тяжело без тебя?

— Любая половинка, обретшая вторую, при ее потере не может вновь стать как бы целым, но если когда-то, еще будучи только в поиске, она не ощущала себя неполноценной, то теперь эта пустота не может заполниться ничем, кроме любви к Господу. Мало кто способен на это. Это тяжело… почти не возможно, поэтому Создатель поддерживает и подкрепляет каждого в таком состоянии. Он и сейчас рядом…

— Мне кажется, ты не любишь меня…

— Почему?

— Ты не торопишься ко мне, редко приходишь, кратко говоришь…

— Всесилен только Господь! Ему решать: пора или нет… Ты еще не все сделала, что должна…

— Но я отомстила…

— Не отомстила, а воздала…

— Хорошо, пусть так… Я пыталась растить детей, сделать их образованными, но всегда была занята другим… — я мстила, мне тяжело здесь, мне нужен ты…

— Ты говоришь сейчас о временном, о незаметном здесь… когда впереди Вечность! Хотяяя… ты не поймешь, не осознаешь этого — никто из вас не в состоянии сделать этого…

— Не уходи!!!

— Не я… — пора тебе… Ты знаешь, что будет завтра…

думаешь, что знаешь…

— Завтра будет оглашен приговор, а потом жить незачем и не для кого… Извини! Да, да… конечно, ведь наши дети…

— Рано или поздно этих людей, убивших меня, постигнет «смерть», но как и мне, им не будет успокоения. Никто не примет их в лоне любви и умиротворения… они познают смерть при жизни, будут умирать долго и мучительно. Они захотят её, будут молить о ней, но в виду так мудро устроенного мира, старательно станут поддерживать свое здоровье. Сойдя с ума, они не освободятся от мучений. Им нет спасения от них же самих и своих грехов ни там, ни здесь.

— Последнее…

— Не задерживай меня…

— У тебя там есть женщина?

— Есть…

— Я так и знала! Но ведь в свое время ты примешь меня?

— Зачем?

— Я не могу без тебя!

— Зачем тебя принимать?! Женщина, которая есть сейчас — это ты… я принял тебя давно, так же как и ты меня… Разве ты не чувствуешь, что место в твоем сердце, где раньше был я, теперь тебе кажется пустым?

— Оно не пустует — там боль, пламя, ужас… иии страсть!

— Так бывает… Думай, что мы принадлежим друг другу — любящих Господь всегда соединяет навсегда! Иди… и не бывай здесь так часто, мне тяжело здесь быть — я всегда вижу тебя в день похорон, иии… мне всегда мерещится тот день, когда ты чуть не покончила с собой. Глупая женщина, неужели ты не понимаешь, что случись это, и мы никогда бы уже не встретились, даже на Страшном суде!»…

Самый просторный зал судебных заседаний был забит до отказа. Журналисты; несчастные; признанные пострадавшими; родственники как подсудимых, так и убиенных ими — все смешалось, превратившись в ад для одних и воплощающуюся надежду торжества справедливости для других.

Ожившим муравейником выглядели снующие разномастные гости перед началом предстоящей трагедии. Все замерло с появлением «матери-королевы» в мужском обличии — Фемиды. Крупный, еще не пожилой человек в черной мантии, с коротко стриженными седыми волосами, со взглядом, в котором угадывалось знание будущего, неспешно ступая, внес в помещение тень тяжести момента. Войдя только на несколько шагов в «свои» пенаты, осмотрев исподлобья происходящее, покачал головой, буркнув себе под нос: «Удииивлюююю!», вновь

удалился восвояси.

Через пять минут выскочившая бойкая молодая секретарь суда объявила о появлении главного сегодня действующего лица — судьи. Все замерло, встало, необычно и неожиданно, как-то само собой распределившись по своим местам, которых оказалось впритык.

Походка «Его чести» не ускорилась, брови только больше надвинулись оттеняющими «снежными козырьками» на давно ставшими ледяными глаза. Они не бегали. Столько лет прошло в этом судейском кресле, начавшихся еще под гербом СССР, что он не сразу смог бы ответить — доволен он прошедшими мгновениями жизни, подобными сегодняшним, или что-то хотел бы изменить.

Все сели. При виде словно укорачивающихся одновременно людей судья всегда улыбался одной и той же фразе, появляющейся красным транспарантом в его воображении: «Сели… да не все.»

За пять минут до этого в помещении, расположенным за задней дверью судебного зала, послышался звук бряцания металла о металл — поворот ключа изъял «язычок» механизма замка из отверстия в дверной коробке, дверь поддалась. Первым из подсудимых буквально ворвался здоровый мужчина с бегающими, глубоко посаженными прозрачными, глазами. Зловещая улыбка, словно говорила: «Я! Я тот, кто это все устроил!» — Грибков, такую фамилию носил он с рождения. Несмотря на его заметность, почти никто не воздавал должного его тщеславию, зато привлекали к себе внимание следующие за ним люди, с лицами отнюдь не растерянными, но с глубокими эмоциями, мучающими их уже не первый день. Судьбы их были связаны так же, как и вытекающие друг из друга факты, чему стала подтверждением цепь, свисающая от наручников к наручникам. Эти парни не разделяли психопатический восторг впереди идущего, ибо понимание тяжести содеянного большинство из них придавливало с такой силой к полу, что не только лица, но и глаза не могли подняться выше уровня плинтуса.

Не все раскаялись, были и равнодушные, но даже у них психотипы не всегда соответствовали преступлениям, в которых они обвинялись.

«Грибок»[7] влетел первым за прозрачные стенки «аквариума», занял место самое близкое к стеклу. Так было удобнее — многие из позади сидящих относились к нему с нескрываемой неприязнью, предпочитая не общаться, так он их не видел.

После ареста этот «цепной пес» Пылева-младшего — Олега,

превратился в главного его обвинителя, обвинял не столько ради правды, сколько упиваясь причиняемой этим болью, что давало ощущение власти над чужими судьбами, завладевшее им настолько, что даже ложь он возвел в ранг героизма. Видя, что ему не перечат, он был уверен в своей неуязвимости, безнаказанности, важности, позволяя себе дерзить не только с адвокатами защиты, но обвинителем.

Неприятно было наблюдать за его горделивыми выступлениями с позой «я всех разоблачу», когда почти все признавали свои преступления, не скрывая даже мелких подробностей.

Вход в зал суда обвиняемых. Это второй их суд, но ничего ровно не поменялось для этих людей в этой части судебных мероприятий. Слева направо: Александр Федин, Дмитрий Туркин, Олег Михайлов (на суде Надежды он выступал свидетелем обвинения), Владимир Грибков. 2006 год.

Усмешка бегала по его лицу, выпученные глаза хаотически бегали по залу, ища одобрения. Всем своим видом каждому присутствующему в этом зале Владимир заявлял: «Я все равно знаю больше, ведь я «Булочник»!». Просто водитель и просто убийца, лишивший жизни и двоих своих школьных друзей, обвинив их в надуманном, ради доказательства своей нужности и преданности перед Пылевым. Ничего не изменилось со временем,

только теперь он делал то же самое в отношении нескольких парней, среди которых были и друзья убитых им братьев, сидевшие позади, не замечая его. Справедливости ради добавлю: следствию и суду он был очень полезен, помог своими показания раскрыть многие преступления, но как же разнятся его показания с привкусом: «А вот они…» — по сравнению с настоящим раскаянием: «Да — это сделал я! Простите… если сможете!..» — для правосудия разницы нет, и пусть будет, как будет!

Здесь же были другие, у всех на руках «запеклась» чья-то кровь — почти дюжина крепких мужчин, признавшихся в убийстве больше полусотни человек, в основном таких же как они «братков», не имея почти ни к кому совершенно никаких личных претензий, не испытывая никаких чувств, не заработав на их смертях никаких денег, хотя и были двое, строящие из себя совершенно безвинных…

Среди них был один, к которому Надежда относилась с, если так можно сказать, натянуто-извращенным сожалением, чего никто не может объяснить по сей день. Парень невысокого роста, ссутуленный, с почти отсутствующим взглядом маловыразительных черных глаз, мощным подбородком с глубокой ямочкой посередине, тонкими, безотчетно сжатыми губами, низким лбом, густыми волосами, почти отсутствующей мимикой, впалыми щеками и с чересчур ясно выраженными скулами. Он всегда выглядел не бритым, хотя и делая это с утра. Щетина, выраставшая за несколько часов на шее и подбородке, цепляясь за длинные волосы, растущие на груди, торчавшие из-под ворота поношенной майки, будто вытягивалась из кожи насильно, буквально «на глазах». Густые, почти сросшиеся брови, длинные ресницы казались такими же бархатными, как и его низкий голос.

Приступы эпилепсии мучили его временами, тяжелая болезнь накладывала отпечаток и на способности, и на поведение, и на индивидуальные характеристики. Безмолвность, безэмоциональность, бездумная исполнительность, циничность, мнимая задумчивость, при всем этом совершенная незлобивость, скорее природная доброта, легко перевоплощающаяся в неуправляемый гнев, редко, но неотвратимо.

Алексей Кондратьев, «Кондрат», или «Гиви» — «исполнитель», застреливший мужа Надежды Хлебниковой. К нему у нее злобы почему-то не было, так же как к оружию и к пулям, раздробившим кости черепа сорокатрехлетнего Тимура как молотком…

На этих, представлявших «пехоту», неспешно рассаживающихся крепких парней женщина смотрела с некоторым сожалением, понимая, что сегодня тот день, когда

каждый из них узнает свою судьбу!

Прошлое заседание закончилось «запрашиваемыми» обвинителями сроками для каждого. «Пожизненных» не прозвучало, хотя некоторым и напрашивались.

Сразу после них она ждала появления того, кто стал для нее мишенью десять лет и шесть месяцев назад. Тогда, еще не зная настоящих виновников, лишь предполагая их, вдова жившая только жаждой мести, не находя спокойствия, импульсивно действуя, в моменты особенного нетерпения и перевозбуждения, спонтанно врывалась в любую пустоту или, как ей казалось, слабые места в очередности работы и занятой позиции в череде расследования, слуг закона, требуя не важно чего сейчас, но сатисфакции в будущем. Толчком к этому стало пробуждение после не удавшегося самоубийства — 78 таблеток «Но-шпы», запитые водкой не помогли осуществить задуманное. Спасла собака, купленная еще мужем незадолго до гибели, она была и утешением, и проводником, и тем, кто привел соседку к двери квартиры, всеми силами толкая одного человека на помощь другому — своей хозяйке.

Придя в себя, она поклялась, что не повторит подобного до тех пор, пока не отомстит. Никакой справедливости — только месть, неважно как, виновнику, его жене, детям, всем вместе! Как же часто с такого именно позыва начинается возмездие, в котором берущийся за него видит якобы ведущую роль Создателя, а не желание своего эгоизма ответить злом на зло.

Тогда был один только враг с фамилией Ческис, она чувствовала его «жало» еще раньше, ожидая, что удар был нанесен именно с этой стороны…

Задняя дверь в зале заседаний суда снова открылась. Вслед за медленно, как-то буднично вошедшими милиционерами появились еще четверо в наручниках. Первым, заслонявшим более мелкого, шел высокий, очень крепкого телосложения мужчина с монголоидным типом лица, бритым наголо черепом, необоримой уверенностью. Свой колючий, прямой, жесткий взгляд, направленный на присутствующих свысока, не искавший у них опоры или понимания, он остановился на Грибкове. Тот съежился, уменьшившись вполовину, затем, вспомнив, что находится в безопасности, выпрямился, и попытавшись ответить, но «обрезался» и ретировался, скрывшись лицом за угловую металлическую стойку стеклянной кабинки — Сергея Махалина он действительно ненавидел всем своим естеством, потому, что боялся.

Сидевшие позади него, обмолвившись несколькими словами, поправляли свои наручники и цепи, соединяющие их вместе.

Чувствовалась общая нервозность, несмотря на удовлетворившие всех в этом «аквариуме»[8] запрошенные обвинителем срока. Вместе с вдыхаемым воздухом каждый из обвиняемых цеплял и витающий в нем привкус возможного подвоха.

Слева направо: Сергей Махалин, Олег Пылев, Вячеслав Пономарев, Павел Гусев — так называемый «плохой аквариум»…

Не то чтобы эти мужчины доверились обнадеживающим словам работников прокуратуры или следственного комитета, что раскаяние, на которое те даже не делали ставки, обязательно учтется на суде, но оставшийся легкий налет желаемого послабления, навевающий приятные мысли о более ранней свободе, навязываясь, грел душу. Не поверить, не отпихнуть — слаб человек!

В принципе так бывает всегда. Ни один, находящийся под прицелом Фемиды, не может быть уверен в том, что подглядывая из-под повязки, надетой на глаза, богиня правосудия не обрела особенные чувства к людям, сидящим на «позорной скамье». Прочно поселяются сомнения в душах и разуме этих существ, даже если удалось заключить какие-либо договоренности с подобными себе, в должности следователя или судьи. Исключение составляют только по-настоящему раскаявшиеся, а потому ждущие любого наказания, как благую весть во искупление содеянного.

Пытающийся же избежать заслуженного, даже умудрившись избежать возмездия сегодня, будет настигнут им рано или поздно…

Здесь я вынужден сделать вставочку: буквально перед самым выходом издания в свет, новостные источники облетела новость об аресте упоминаемого в этой книге Александра Шарапова — комментарии излишни, хотя его, уверовавшего в Бога, отца шестерых детей, не оставившего их, но бросившего криминал, уже не опасного для общества, лично мне жаль!

13 лет в розыске — пред лицом испытания, которое может стать последним. Александр Шарапов. 6 июля 2017 года

Вторым за богатырем «без страха и упрека» шел несколько неуверенно, с легкой наигранной ухмылочкой, невысокого роста мужчина лет сорока пяти — сорока семи. Выглядя несколько старше из-за провисших больше меры уголков губ, образующих таким образом носогубными складками, нечто похожее на брыльки у бульдога, Олег Пылев, убежденный своими адвокатами в соответствии вчерашнего запрошенного срока с сегодняшним приговором, искал глазами ту самую истрепанную и измученную долгим тяжким испытанием женщину, никак не желавшую успокоиться. Он скрывал свой взгляд, защищаясь от других, бьющих прицельно, газеткой, старательно делая это в течении всех долгих часов процесса.

Человек этот, крайне жестокий, эгоистичный, ставящий обладание властью над жизнями других, часто более высоких по своим характеристикам, уровню интеллекта, знаниям, поломал и загубил много судеб, за которые не чувствовал себя ответственным или даже хоть чуть виноватым.

Надежде Юрьевне пришлось многое преодолеть в долгой дороге по пути общего сопротивления обстоятельств, в оставленности всеми, охваченными боязнью потерять деньги, посты, благополучие, трусостью, когда-то близкими семье людьми. О, если бы силы, часто впустую потраченные на поиск возможной мести, в которой она искала облегчения, были хотя бы частью отданы детям и противоборству надвигающемуся внутреннему конфликту, то не было сегодняшнего одиночества. Но это не волновало, поскольку именно сейчас она чувствовала вкус победы…

Олег Александрович Пылев — надежды еще теплятся…

«Саныч» (Пылев-младший), увидев ее, не наткнулся на человеческий взгляд, но укололся о ненависть и упущенную когда-то возможность убрать Надежду со своего пути, материализовавшиеся в ударившей резким толчком головной болью. Вздрогнув будто от прошедшего ото лба до затылка мощного электрического разряда, зажмурился, но удержав равновесие, попытался заставить себя повторить попытку. Вот тут он заметил пробивающийся сквозь ее ненависть страх — старый, уже слившийся со жгучей ненавистью, сроднившиеся до невозможности существовать один без другого, что невозможно было не заметить. Чуть ухмыльнувшись, вспомнив, что ее жизнь была в его руках и, может быть, еще будет, и он, в случае

появившейся возможности, ее теперь точно не упустит, Олег Александрович прикрыл тетрадкой лицо, не открываясь более в течении всего оставшегося времени.

Прикованный к нему Сергей Махалин, не очень-то расположенный к такому соседству, после внезапного поворота в линии защиты Пылева, частично признавшего себя виноватым, что не соответствовало прежней их договоренности, заметил «перестрелку». Сергей, поверив своему шефу, молчал до «победного», надеясь вместе уйти от ответственности. До неожиданного «предательства» шанс у Махалина еще был, расскажи он о себе, не скрывая содеянного. Эта тактика, возможно и разумна среди единомышленников, но не на одном суде с теми, кого ты предполагал «зачистить», не уважая, и не скрывал этого, пользуясь как «пушечным мясом», желая сегодня выплыть самому, утопив их.

Испугавшись, почувствовав провальность выбранной линии защиты, Пылев по привычке решил воспользоваться другими, придумав невероятно неправдоподобную версию, не предупредив преданного подельника, нанеся и ему удар в спину. Ничего удивительного для большинства присутствовавших в таком повороте не было, однако под этот удар попадал и родной брат Олега Андрей, которого младшенький начал обвинять не только в его действительных винах, но перегружая свои, надеясь, что такая подлость будет понята и оценена по достоинству следствием, а впоследствии судом.

Оценили, но не поняли…

И Махалину, и многим другим теперь этот человек, несмотря на «ширму», был виден насквозь. Выбор у обвиняемого был небольшой: с одной стороны фото- и тележурналисты с камерами, с другой она, как он был уверен, случайно добравшаяся до этого момента, что было почти правдой. Его нервозил не столько сам взгляд, а его победная интонация, которую он сравнивал со взглядом зайца, подсматривающего за попавшим в капкан волком, злорадствуя. Но в отличие от представляемого волка, Пылев с трудом, в муках, признавал, что совершил ошибку, оставив ей жизнь, а теперь вынужден терпеть этот издевательский взгляд, как он считал, пустого места.

Уперевшись взглядом в пол, он предпочел спрятаться от первых. Постепенно лоб его покрывался испариной — джинсовая голубая рубашка явно «грела» как шуба, а гнев, накапливающийся в сознании, и вовсе нестерпим. Звериное чутье подсказывало, что избежать заслуженного не получится — надежды тщетны. «Эта тварь… тварь, тварь, тварь! Она, выступая перед присяжными, сделала все, что бы я выглядел мерзавцем! Сууууkаааа! Какая-то

баба, которую я пожалел, уболтала этих лохов, и они поверили, кажется, ей! Мы же договорились со старшиной присяжных, все было на мази! Так нет, эта ведьма все испортила! Если бы не она, лет через пять, максимум шесть, я бы был дома… Откупился бы, свалил, а потом разорвал бы эту ничтожную сучку!»…

Она смотрела урывками, внутренне все же опасаясь его до сих пор, будто желая прожечь насквозь как раз в тех местах, куда входили пули в голову ее мужа. Сжимая обоими глазами его голову с русыми волосами, опущенным лицом, этими неприятными по форме ушами… нет, нет, в нем все было неприятно и именно это вселяло эти необоснованные опасения! Как неприязненно относится человек к суете змей и мелких грызунов, так и она не могла себя перебороть в своей неприязни, исходящей просто от его существования.

Надежда словно мяла пылевский мягкий череп в своих руках, продавливая его навстречу идущим пальцам, цепляясь ногтями, разрывая, потом восстанавливая, и снова все заново, наслаждаясь в представляемой бесконечности. Она вот уже десяток лет каждый день чувствовала боль, испытываемую Тимуром в то утро, теперь его тогдашние ощущения стали ее собственными. Все это усиливалось сейчас каждую эмоцию, женщина с негодованием выливала в этот череп… выливая, знала — он это чувствует, понимая, откуда приходящее и что это.

Еще немного и облегчение, так ожидаемое и необходимое все эти годы, постепенной теплотой обхватывало огрубевшее и разучившееся отступать перед опасениями сердце. Одновременно Олег пытался движениями своей головы уходить от телепатически давящего на его черепную коробку. Ничего не получалось, он только причинял себе еще большую боль. Застонав, Пылев остановился на одной мысли: «Это же навсегда! Она… эта мерзость никогда не отвяжется от меня. Где бы я ни был, чтобы не делал, теперь она в моей башке… — это она причиняет такие мучения! Надо, надо было валить не одного этого урода, всех, всех! Надо было валить с «прицепом»[9]. Пусть нужно было бы подождать еще пару дней, да хоть месяц, и валить всех… с детьми, с собакой, с говном их! Мать их!..».

Боль усиливалась, все больше от страдающей гордыни и тщеславия, не имеющих больше повода для радости, но постоянно унижаемых своей же бездарностью и сегодняшним бессилием, став уже не столько болью, сколько ужасом, преследующим постоянно с этой минуты. Он украдкой взглянул на Хлебникову, два штыка кольнули навстречу через глаза в лобные доли мозга и сразу отпрыгнули, не в состоянии держать теперь его взгляд… отпрыгнули, оставив боль, причиняемую

вращающимися немилосердными шнеками, настолько реально ощущаемую, что можно было понять — вращение происходит в разные стороны.

Усилием воли он снова поднял голову, но взгляд получался рассеянный, не противостоящий, а мягкий, податливый, растерянный. Она, наконец, женской интуицией почувствовала слабость, только ухмыльнулась, подняв голову еще выше, и слегка кивнула, будто спрашивая: «Помнишь Тимура? Теперь я не дам тебе его забыть никогда!». Одному Богу известно, что сейчас ей приходилось преодолевать ради этих нескольких секунд. Пылев удержался, что придало сил. Взгляд стал наполняться силой, гордостью, властностью, той самой, что заставлял многих отворачиваться от него, просить, умолять, и умирать просто так.

Такие минуты тонки и неоднозначны. Лишь только фотографы разглядели слабинку и образовавшуюся брешь в «газетной» защите, что частично открыло лицо подсудимого, сразу защелкали затворы фотокамер, засверкали фотовспышки, оживив монотонное чтение озвучиваемого приговора.

Почему-то после этого все находящиеся «за стеклом» с еще более великим напряжением начали вслушиваться в каждое слово, изрекаемое Председательствующим. Даже «не свои» приговоры заставляли напрягать слух, улавливать каждое слово, осознавать тяжесть чужой судьбы, соизмеряя наказание преступлению, высчитывать пропорции, зависимости, на основе которых пытались высчитать и свой срок…

Грибкову дали небольшой срок, который увеличивался на следующих нескольких процессах на год-два. Избежание тяжкого, вполне заслуженного наказания, с пониманием того, что Пылеву это не удастся, сегодня наложило на его лицо тень злорадства, не сползающую до самого окончания. Сыплющиеся огромные другие срока на находящихся позади него в «аквариуме», заставили отодвинуться от них ближе к стеклу и смотреть только вперед. До него не было никому дела, зла к нему тоже никто не испытывал, правда, ощущаемая им самим простая, зато непрекращающаяся неприязнь, отражающаяся от гладкой поверхности стекла во взгляде каждого, сталкивала его самого в злобу, направленную ко всему и ко всем. Интересно, что то же самое испытывал и Олег Пылев, но он не мог перекрыть эти эмоции таким же злорадством. Любому обвиняемому в этом зале было и проще, и легче…

Махалин получил срок за двадцать лет, второй суд отправит его стараниями федерального судьи Откина на вечный, который он воспримет мужественно, лишь с одной мыслью о Грибкове: «Почему я не убил этого урода, столько было возможностей?! И ведь не было бы ничего. Какой дурак этот Пылев! Че мы

поперлись в эту Одессу, нахрена нам сдались эти скачки?! Чем я думал?! Обоих их надо было валить… обоих! И «Пыля» и «Булкина»! Ну ничего, может быть еще откусаемся!».

Не могу не сказать здесь об участи Олега Михайлова[10], на показаниях которого была основана основная часть второго суда. Делаю это не столько по своей прихоти, в предыдущем томе мое мнение есть, сколько по просьбе Надежды Юрьевны, испытывающей личную благодарность к этому человеку за его показания, многое раскрывшие на этих заседаниях — он выступал свидетелем на «её» процессе, рассматриваемом убийство ее мужа. Через год государственный обвинитель запросит ему восемнадцать лет, на столько же он и рассчитывал. Это подтверждали и оперативные сотрудники и следователи прокуратуры, проводившие до суда расследование, так и должно было быть, если бы не… если бы не то, что мы вряд ли точно узнаем.

Предъявленные ему десять убийств, по мнению судьи Откина (на процессе, описываемом изначально, Председательствующим выступал федеральный судья Усов) «потянули» на «пожизненное заключение». Оглашение в приговоре этих двух слов, тогда взорвало зал непредсказуемыми, небывалыми по силе эмоциями. Сам подсудимый ясно расслышав их, несколько минут переспрашивал у окружавших его «подельников». На вопрос «Его чести»: «Подсудимый, ясен ли Вам приговор?» — ответил: «Дааа… да нет». Председательствующий сдвинул брови, «проложив» между ними две глубокие бороздочки кожаных складок, нахмурился, и напрягшись в скулах, повел подбородком в сторону. Вернув эту часть лица на место, с явным неудовольствие поинтересовался:

— Ну и чем же он так вам не понятен?

— Восемнадцать?… Вы сказали «восемнадцать»… илиии?.. — Зал затих, все устремились взглядами на ставшего центром вселенной человека в мантии, с которым никто не мог согласиться в случае «приговора навсегда»:

— Пожизненное заключение, то есть безвременное. Вы будете иметь право подать через двадцать пять лет прошение на помилование.

— Двадцать пять… — Надежда, хотя бы на эту цифру, проскочила в осипшем мигом голосе, а проскочив, потерялась в повисшей тишине.

— Вам объяснят ваши товарищи… Можете обжаловать в процессуальном порядке, если желаете… ПО-ЖИЗ-НЕН-НОЕ ЗАК-ЛЮ-ЧЕ-НИ-ЕЕЕЕ…

— Понят-т-т-тно… — До Михайлова дошла суть фразы, но

свое положение он сможет осознать только через несколько месяцев, поняв, что никто ничего сделать не может, что он оставлен, брошен, погребен обстоятельствами заживо. Постепенно начнут наяву являться убиенные им, он найдет утешение в вязании. Постепенно связанные шерстяные носки станут получаться с семью-десятью пятками. Распуская свои забавные со стороны изделия, Олег повторяет все заново, пока не стираются пластмассовые крючки для вязания.

Постепенно человек утрачивает индивидуальность и сознание, превращаясь в тень себя, после в тень тени личной, затем чужой, следуя в пустоту и, наконец, превращаясь в тень пустоты, уже не помня ничего из ставшего ничем, в ничтожестве и пропадая…

Так умерщвляет даже в раскаянии уныние, не дающее сделать человеку такой нужный спасительный шаг…

Случайно дошедшая весть о сроке Михайлова взорвала эмоционально Надежду: «Как он мог?! Как ты, судья, твою мать, мог так поступить?! Ты же весь процесс подряд пользовался его показаниями, каждый раз говоря, какой он молодец, и что это обязательно учтется. (Это действительно так, очевидцами тому были десятки присутствующих.) Какое лицемерие! Мало ли, что этому судье не поверилось в его раскаяние — да и хрен с ним! Так же нельзя! Надо что-то делать! Рядовский, Ванин, Трушкин, они же уверяли и его, и меня в период дачи им показаний еще на «нашем суде», что он заслужил, как и Пустовалов, и Грибков, как и Леша Кондратьев, в конце концов, конечный срок. Почему у них конечные срока, а у него нет?! Ничего, все исправим, они же обещали, значит просто какая-то ошибка! Я им верю, я верю ребятам, я же видела блеск уверенности в их глазах! Ничего, сегодня же поговорим»[11].

Наступившая очередь Олега Пылева, притянула все внимание присутствующих к его персоне. «Момент славы» не принес ему ни малейшего удовлетворения, а вот произнесенные после зачитывания всех «подвигов» слова приговора, оказались…

А убийцы кто?

Со стороны такая Надина забота о «пехоте» мало кому была понятна, но именно вышеперечисленные опера и следователи проводили с ней долгие беседы, уверяя, что убийцы по безысходности, по слабости, есть те же жертвы, как бы странно это ни звучало. Конечно, они должны, обязаны и непременно будут отвечать за свои поступки и преступления, никто их не собирается оправдывать, что невозможно в принципе, но учитывать это необходимо!

Киллерами тоже становятся по разным причинам, но и тех и других нельзя смешивать с другими, убивающими себе подобных, поскольку даже психиатрия подразделяет их всех по группам. Киллер — это, в отличии от убийцы, проводник зла, но не его генератор, убивающий выборочно, профессионально, имея свои принципы, берясь за убийства тех, кого считает возможным, впрочем, это очень индивидуально, здесь многое зависит от личностных качеств человека, к примеру одним нравится убивать, другим приходится перешагивать через себя. Кто-то совершает это, получая удовольствие, ища и предлагая новую жертву, иные, убив единожды, не знают, куда деваться от преследующих кошмаров.

Киллер, подходящий к своей «работе» профессионально, а не любительски, то есть не имея специальной подготовки, но взявшись за дело, будучи дилетантом, больным психически быть не может, напротив, психика такого обязана быть уравновешенной, надежной, лучшей среди людей. Так, по уверениям психиатров, должно быть, но, исходя из моего опыта, могу констатировать — и здесь случается по-разному! В основном, простые ребята, взяв оружие, употребляют его как получится, продумывая поверхностно свои действия, а может и вовсе палят куда и как придется.

Если брать примеры убивавших в нашем «профсоюзе» — это почти все его участники, то многие, вынужденные это делать, «отрабатывали» таким образом, чтобы все скорее закончилось. Примеров тому множество, некоторые приводятся здесь, какие-то могли быть прочитаны в предыдущих томах. Были и такие, по их личному признанию в разговорах «тет-а-тет», которые настолько желали окончания истории с порученным им убийством, что с радостью бы согласились быть задержанными на месте преступления, конечно, еще до его совершения. Может быть, так и было бы ими подстроено, если бы не уверенность, что это так же своего рода «билет в один» конец, после «приобретения» которого

ожидать прощения не представлялось возможным, да и в случае такого счастья убивать все равно пришлось бы.

Не глупыми были и стоящие во главе, очень быстро они поняли, что вместе с новичком-исполнителем необходимо посылать и прошедшего такое «тестирование»: понимая, что сзади новоиспеченного стрелка стоит некто без страха и упрека, наблюдающий за его действиями, а в случае необходимости способный заставить стрелять, ведь пистолет, которым обладал «контролер» может быть направлен в любую сторону, молодой человек, как бы перекладывая мысленно свою вину именно на него, выполнял поставленную задачу более успешно, чем мог бы это сделать самостоятельно!

Потом о проделанной «работе» докладывали оба, естественно раздельно. Пылев, в основном он, внимательно выслушивал рассказы, сопоставлял, принимал решение о дальнейшем, оставляя на прежней работе, имеется в виду общие задачи «профсоюза», в выполнении которых «аттестуемый» принимал участие до «теста», или продолжая аттестацию следующим заданием. В «лучшем» случае человеку предлагалось войти в число штатных исполнителей, отказ от чего был равносилен, в конечном итоге, смерти, «Саныч»[12] не переносил отказов.

Нужно заметить, что после преодоления себя, хотя бы единожды, в памяти человека остается небывалый прежде восторг гордыни, поражающий каждого, прошедшего подобный рубеж, с обостренным ощущением своих силы и возможности, которые в себе индивид не знал и не чувствовал ранее. Далеко не все способны быстро прийти в себя, вспомнив, что именно он сделал и как это соотносится с моралью и законом. Подавляющее большинство людей легко согласятся стать сверхчеловеком, а множество из них способны считать, что первый шаг к этому — убийство себе подобного.

Не углубляясь в частности, более слабые, останавливаются на выполнении поставленных задач и получения за это денег, сполна исчерпывая этим свои амбиции, даже не ставя каких-то других целей. Другие, именно исходя из необходимости достижения целей, приходят к необходимости убивать, третьи имеют сторонние мотивации, и каждый по своему преодолевает чувство собственной безопасности, что на самом деле делать нельзя, поскольку именно оно и лежит в основе всех навыком, присущих этой древней аморальной «профессии».

Рано или поздно нормальный человек устанет, возведший ее в ранг искусства, скорее всего, захочет либо прекратить свою деятельность, либо окончить ее так, чтобы об этом, как он может надеяться, говорили веками, при этом желая погибнуть сам — это

следствие видоизмененного сознания, извращенности понимания добра и зла, красоты и ее противоположности, первенства гордыни и привычки властвовать над чужими жизнями, что неминуемо отразится и на власти над своей собственной. Такой человек, становясь «художником», наверняка пожелает, как-то зафиксировать свое «творение» в истории, и рано или поздно начнет трудиться на созданием шедевра, как ему будет казаться. (Надеюсь, читатель понимает, что автор здесь пишет не о себе.)

На самом деле убийство всегда останется убийством, а смерть — переходом между двумя мирами… много ли вы видели киллеров, соответствующих последнему описанию? Пожалуй, ни одного. Причина в том, что они либо мало живут, либо подпадают под арест, и это для арестованного далеко не всегда плохо, либо зарабатывая[13], начинает ценить комфорт, богатство, спокойствие, свою жизнь и свободу, что приводит к неизбежным боязни и неотступному беспокойству, благодаря чему и разумный преступник начинает стремиться изо всех сил достичь статуса честного человека, отойти от рискованного криминала, «замести следы», при этом действительно пытаясь стать если не честным и добропорядочным гражданином, то хотя бы таким выглядеть, что мы и видим на примере многих выдающихся, как принято сегодня называть, «авторитетных бизнесменов».

Хотя странно было бы предполагать, что остаться на плаву с миллионами, не «закопав» при этом, ради своего спокойствия, очевидцев из среды своих подчиненных, имеющих о тебе опасную информацию, могущих в случае ареста дать показания на тебя, уже такого некриминального и правильного; иногда, как в случае с Пылевыми, требующих какую-то оплату, а денег жаль, да и перестроиться самому, отказавшись от такой надежной и простой формы решения любых вопросов, как прежние методы — «нет человека — нет проблем», вряд ли согласятся, а потому спрос на «штатных» киллеров всегда будет!

Конечно, если человек не собирается покидать криминальный мир, выбрав приверженность ему на всю оставшуюся жизнь, дело другое, но и тут действуют очень схожие с описанным механизмы, ведь ценности, богатство, власть и возможность всем этим пользоваться — и есть наиглавнейшая цель любого криминала…

* * *

Есть в преступных сообществах люди, уверенные в своей принадлежности к этой «профессии», однако на деле просто убийцы. Кому-то из них это нравится, кого-то тянет по диагнозу,

кто-то доказывает таким образом себе свою состоятельность, самоутверждаясь, но большинство из них только проводники зла, аккумулируемого в других сердцах, как правило, предпочитающих не пачкать кровью свои руки. Вот где настоящее зло, вот кто действительно виновен на все сто процентов, имел мотивации, заставлял, шантажировал, платил, инициировал, был заинтересован. Именно от этих людей исходит смерть, уничтожь их — и исчезнут причины, убери же исполнителя — и на его месте появится другой, третий, а может быть и сразу несколько, способных забирать не по одной мешающей кому-то посторонней жизни, а по нескольку. Для правосудия же без этих «исполнителей» нет и заказчиков, они единственный путь к верху цепочки, учитывая именно это, Надежду аккуратно подводили к тому, что подходить к каждому необходимо индивидуально, скажем, не прощая, даже не обязательно понимая, но учитывая вклад каждого в расследование, что не только справедливо, но просто необходимо.

Не сразу она сознательно согласилась на это. Слишком тяжело, опасно, часто унизительно выглядел ее путь к этому суду, даже с оглядкой назад, когда многое сглаживается памятью, временем, многими другими меняющимися факторами. Но пришел день, когда смертельно раненное сердце не только успокоилось в отношении этих нескольких молодых людей, но и попыталось встать на их защиту.

Пристально вглядываясь в каждого, она смогла рассмотреть сквозь призму испытанного ей самой, ими пережитое, испытанное, их страхи, страдания, внутреннюю борьбу, продолжающиеся и сегодня. Конечно, не ко всем прогрелась ее душа, не к каждому тянулась в желании помочь, спасти.

Воистину, такие люди не только знают, но доказывают: насколько коротко расстояние от любви до ненависти, настолько же оно мало и в обратном направлении!

Хлебникова постепенно начала помогать убийцам, даже Кондратьеву, застрелившему ее мужа, пересилив себя, передала продуктовую передачу, понимая, что сейчас он такой же союзник, как и сами милиционеры. Деньги постепенно иссякли, большую сумму «съели» похороны и поминки, тогда она не была в состоянии думать о живых детях и себе больше, чем о необходимости, как ей казалось, увековечить память супруга. У нее осталась после него огромная квартира в центре города, прекрасная дорогая дача, продай что-то из этого и живи безбедно — далеко не всем выдаются при таком несчастье такие бонусы!

Надежда Юрьевна решила оставить все нетронутым, не станем разбираться почему, а денег никто не давал, потихоньку

начала зарабатывать сама, благо промежуток этот оказался небольшим, пока ей не предложили неплохой и стабильный бизнес. Как могла в течении пяти лет, она надоедала всякого рода следователям, оперативным сотрудникам, прокурорам, даже высокопоставленным лицам, не очень желавшим заниматься при перегруженности того времени, очевидным «висяком», и происходило это тем более настойчиво, как только несчастная ощущала себя более-менее в безопасности.

Ей шли все-таки навстречу, не отталкивали, хотя и видели ее нерациональную импульсивную одержимость, с совершенно отсутствующим пониманием, что такая ее деятельность больше вредит ей, делу, лишний раз напрягает самих преступников, которых она безумно боялась, но, как маленький ребенок от любопытства лезет туда, где может убить, толкалась вперед, не остывая в порывах мести. Именно это было главным, она сама и дети, тем более весь окружающий мир оказались в конце списка.

Конечно, она не бросила своих чад, но так нужное им материнское тепло, любовь, связь и открытость сердец матери и ребенка она заменила минимумом — кормила, обстирывала, заботилась, как робот, почти безэмоционально, говоря даже с ними о кладбище, убийстве, ходе расследования, постоянно предупреждая об возможной опасности, заставляя быть внимательными и собранными, что детки и впитали с молоком матери ее холодность, чувство опасности, третьестепенность своего для нее существования, чем и отвечают ей, разумеется, сегодня…

Мы привыкли говоря о насильственной смерти, всегда подразумевать лишение жизни человека без его на то согласия, но так ли это? Что можно сказать о человеке, убившем любовь? А как относиться к матери, «греющей» своих малышей «льдом» безучастия? Что вы скажете о предпочтении всеуничтожающей внутри человека мести, убивающей не столько виновника своего возникновения в сердце несчастного, сколько душу своего временного хозяина? Что в нем одинакового с убийством обычного человека? Ничто из перечисленного не угодно Богу. Это может показаться надуманным, предрассудочным, устаревшим, даже невероятным, но именно так можно провести черту между добром и злом — так и только так! Что не угодно Господу — зло, на что Бог благословляет, может быть только добром.

В старину человека, осквернившего Имя Бога, подвергали казни, это было не так давно — четыре века назад на Руси, раньше или позже то же самое происходило по всему миру. Почему? Этот человек своими действиями соблазнял слабые души других, убивая в них веру, и назывался скверным. Женщину,

предпочитающую заботе о своих детях водку или наркотики, лишают материнства, потому что предпочтение такое есть не человеческое и даже не животное действие. Месть нами объясняется и даже часто принимается за норму в реакции человека на причиненную ему обиду, однако и закон судит человека за убийство из-за мести равно с обычным убийством по любой другой причине.

Мать, сделавшая аборт, убила свое чадо уже живое и обладающее всем, чем обладает обычный человек, плод — это человек, как бы мы ни пытались доказать другое в попытке обосновать свое желание остаться свободными от забот по взращиванию и воспитанию маленького ребенка — в основе этого, как и всего ранее описанного, гордыня и эгоизм.

Так убийца кто?!

Если вы думаете, что я пытаюсь оправдать себе подобных, когда-то бывших преступников, то очень ошибаетесь. Все верно — это мои слова, мои мысли, мои обоснования, я высказал их вдове, совсем не желая ее оскорбить, и не обидел-таки, но услышал, что именно это она поняла, когда пыталась изменить свое мнение в отношении тех парней за решеткой. Надежда нашла в себе нечто равное убийству, что может обнаружить в себе почти каждый, долго признавала себя обладателем и споспешником этих действий, в результате чего смогла поставить себя на один уровень с убивавшими не по своей воле, и даже увидела себя в чем-то ниже их, так как, в отличии от них, посыл исходил не от кого-то, а от нее самой.

Конечно, сам человек не может захотеть мстить, это навязанная черными силами мысль, не оттолкнув которую, человек принимает ее всей темной стороной своего сердца, и в процессе следования этому выбору, вытесняет растущей страстью многое доброе из светлого хранилища его, становясь нервным, гневным, одержимым, но и здесь он всего лишь проводник зла, и остается им даже после совершенного возмездия. Именно поэтому произошедшее зло — вендетта, не только выжигает духовное и сердечное тепло, но и оставляет вакуум, очень быстро втягивающий в себя еще более худшее.

Надежда Юрьевна поняла все это, нашла в себе силы в какой-то период времени признать за собой падение в пропасть, но не сопротивляться этому, поэтому на суде она смогла защищать некоторых подсудимых, бывших такими же только проводниками зла, а не его генераторами, совершенно обессилев после вынесения приговора.

Состоявшаяся сатисфакция не принесла ожидаемой легкости, удовлетворения, но только разожгла бóльшую ненависть к тем,

кто остался жив, но был виновен в смерти ее мужа.

Такой была предыстория зарождавшихся отношений между несчастными и ей, становясь лишь признаками физического существования ради не торжества справедливости, но мести, хоть и носило оно возвышенное имя «Возмездие» — и другое было не приемлемо!!!

Приговор Пылеву отпустил вожжи внутренней напряженности и неожиданно направил лихих коней времени в сторону любимых ею в воспоминаниях, и так мучительно подвергающую страданиям в настоящем — прошлое начало постепенно захватывать вдову. Сегодняшнее 17 августа 2005 года отступило за горизонт бытия в спокойной уверенности, что никуда не денется…

Оставаясь жить в прошлом. Двое

Почему-то первой всплыла фотография деда, та самая, что обошла все газеты страшного пост революционного времени. Он стоял рядом с Луначарским, Бонч-Бруевичем, Есениным и еще кем-то на трибуне мавзолея в группе высших партийных работников и правителей СССР, принимая парад физкультурников в 1925 году, практически не имея к вышеперечисленным государственным бонзам отношения. Высокий, сухой, подтянутый, с аккуратно ухоженными усиками, особенно заметными на бледном лице, в щегольской фетровой шляпе с широкими полями, собранный и спортивный, выделялся он среди остальных, мало следящих за своим здоровьем соседей. Качество снимка, как и многое в то время, было не важным, но взгляд казался мягким, умным, сознательно отстраненным от других присутствующих.

Именно им сказанные слова сопровождали ее последние десять с половиной лет, со дня гибели Тимура, незабвенного любимого супруга, по сей день. В день их произнесения дед принял на руки только родившегося малыша — свою внучку, и услышал:

— Папочка, вот вам Наденька…

— Спасибо! Но вы делаете ошибку — вместе с именем она получит и судьбу Нади, моей покойной супруги: оборванную любовь и младенца-сироту… — Читатель, и ты запомни эти слова!..

С родной бабушкой Нади — своей первой супругой[14], Борис Михайлович познакомился в университете еще в царской России. Это был настоящий роман, окутанный ореолом только единожды даруемых Богом взаимных чувств. Их чадо Юрий — отец Надежды, появился на свет поздним ребенком. Роды были трудными и окончились внесенным заражением крови. Кончина роженицы оказалась мучительной и продолжалась два месяца: после начала газовой гангрены, потеряв одну за другой обе ноги, так и не покинув клинику, женщина скончалась, не увидев своего сына Юрия Чеснокова.

Отец мальчика, будущего олимпийского чемпиона, многократного чемпиона мира, тренера сборной СССР по волейболу и, в конечном итоге, вице-президента Международной федерации волейбола, почти помешался. Охватившее горе было настолько велико, что он был не в состоянии видеть своего сына, считая именно его виновником смерти возлюбленной. Прах супруги после кремирования хранился в течении пяти лет в кадке

с огромной пальмой, стоящей в его кабинете.

Дед Нади смог расстаться с урной, скрывавшей прах любимой, только после женитьбы на родной сестре усопшей — Любови, по всей видимости, найдя в ней, что-то от родного и любимого потерянного человека. Эта женщина, сначала взявшаяся за воспитание ребенка, стала для него матерью.

К сыну он все же вернулся страдающим сердцем, раскрыв его навстречу ребенку. Заметив, что ребенок растет хилым, слабым, неразвитым, он, постепенно продавая подаренные когда-то драгоценности своей первой супруги через Торгсин — изобретение советской власти по отъему у населения сбережений в драгоценностях, — покупал за золото и драгоценные камни крупу, молоко, другие продукты, занявшись вплотную здоровьем своего чада.

Будучи в дореволюционное время тренером самого величайшего борца того времени Поддубного, живя у него дома, он знал, как сделать из любого слабака если не титана Атланта, поддерживающего небо, то крепкого парня, способного перевернуть землю под этим небосводом.

Через четыре года его Юрка стал прекрасным пловцом, культуристом, волейболистом. К тому времени юноша уже закончил среднюю школу с золотой медалью, поступил в Военно-инженерную академию имени Куйбышева, которую так же закончил с отличием. Во время учебы, выступая за ВУЗ, был замечен чиновниками от спорта и приглашен в волейбольную команду ЦСКА. Немного понадобилось усилий и времени, чтобы молодой человек стал лучшим, а значит, и капитаном, завоевав в командном составе золотые медали чемпионатов СССР, Европы, Мира, Олимпийских игр…

Надя любила деда беззаветно, получая взамен безмерную любовь, правда, Борис Михайлович, предпочитая делать все основательно, начиная, так сказать, с подходом «от корня», применял кардинальные методы воспитания, принятые в царской России, поэтому девочка, вырабатывая у себя правильную осанку, ходила по квартире с тростью между локтями, сведенными за спиной, с пятачком между ягодицами и с сырым куриным яйцом в межключичной впадине.

Внучка воспитывалась «барышней», знала немецкий и французский языки, впоследствии и английский. Поэзия, музыка, театры, музеи, консерватория стали обязательны для посещения со всеми вытекающими отсюда политесами. Вальсу она научилась на огромной для того времени кухне — в шестнадцать метров. Присаживаясь на даче за стол обедать на заботливо отодвинутый пожилым мужчиной стул, она всегда обнаруживала перед собой

цветок, заботливо поставленный им в хрустальную рюмку.

Самым страшным наказанием для неусидчивой озорной девчонки, улучившей момент свободы и сразу оказывающейся на заборе или на самой верхушке дерева, была фраза, обычно произносимая в сердцах: «Наденька! Но ты же… девочка!».

Этот человек заложил в нее на генетическую дворянскую основу, все доброе и благородное, что потом драконовскими, буквально насильственными методами ломал и переустраивал ее отец, укрепляя и закаливая юную спортсменку, делая из нее победителя мирового уровня. Все сломанное не может быть лучше данного Богом идеала, психика ребенка калечилась под воздействием амбициозного родителя, стремившегося быть лучшим во всем, даже проявлением себя в своей дочери. Титановый стержень, встречающийся у самостоятельных и самодостаточных людей, так было перспективно разместившийся в недрах ее характера, заменился хоть и крепким в смысле здоровья сталактитом и хрупким в плане психологической устойчивости сталагмитом, сформировавшихся и сросшихся за годы учебы, тренировок, занятий и физических усилий над собой, возможно, через амбиции близких родственников, соляным столбом, который еще предстояло обильно оросить кровью и слезами. Так или иначе, вместе с характером, сознание, воспитанное определенное отношение к миру, выстроилось в особенное, довольно шаткое мировоззрение, определившее нравственную и моральную составляющую скорее века девятнадцатого, чем двадцатого, с чем она и пришла к началу своего кажущегося счастья, дополняемые крепким организмом, модельной внешностью, покалеченной психикой, неудовлетворенностью и передавшимися от отца амбициями.

Нужно заметить, да это и не секрет для читателя, что большое влияние на детей имеет и судьба семьи, точнее, происходящее между родителя, создаваемый ими климат, уют. Именно их взаимоотношения, их пример и чувственность с любым знаком, формируют отношение к будущему супругу или супруге, детям, а в конечном итоге, частично и к ним самим в их старческие годы.

Отец Надежды Юрьевны, фанатически преданный спорту человек, провел в нем всю жизнь, а увидев и в ней задатки спортсмена, как и его отец в нем самом, занялся воспитанием будущего олимпийца. Девочку не интересовали командные виды спорта, но привлекало индивидуальное соперничество, где борьба и ее результаты зависели бы только от нее. Выбор пал на легкую атлетику.

Результаты не замедлили долго ждать. К тринадцати годам

она стала кандидатом в мастера спорта по прыжкам в высоту. Ей поразительно легко давались победы в любом первенстве. В спринте на 200 и на 400 метров, на более длинные дистанции с преодолением барьеров побеждала с легкостью. К старшим классам она осознала, что путь этот ведет к олимпийским высотам, тем более что и отец с тренерами ни на минуту не сомневались в успехе.

Юрий Борисович, что называется, был «играющим тренером» и часто занимался вместе с дочерью. Чтобы не заблудиться зимой в парке «Сокольники», бегая на лыжах, ей приходилось не отставать в кроссах, продолжающихся по три-четыре часа. Мячи от большого тенниса оставляли впечатляющие синяки на ее теле, если она не могла увернуться от точных бросков по своему корпусу, причем, происходило это на фоне усталости, в конце тренировки. Отец гонял ее больше, чем своих подопечных женщин, членов сборной команды СССР по волейболу и уже видел маячившую невдалеке вершину Олимпа.

Надя добралась до юношеской сборной СССР, тренировалась со звездами: Фаиной Мельник, Валерием Борзовым, Виктором Санеевым и многими другими. Ей легко покорялись спартакиады СССР для юниоров, матчи СССР — США — ГДР, многие чемпионаты, но пока заявляться на взрослые международные соревнования было нельзя из-за возраста — до шестнадцати лет. Она перешла в десятый класс, где легко тянула на золотую медаль по знаниям, а не по спортивным заслугам. Все складывалось великолепно, но на очередной обычной тренировке во время бега со штангой с вращательным элементом корпуса, не выдержав сумасшедших нагрузок, сломался позвоночник!

Спинной мозг, слава Богу, остался не тронутым, но с большим спортом пришлось покончить. Больница, спортивно-физкультурный диспансер № 2, что за Курским вокзалом, поясной корсет, сон на полу — это стало ее уделом на долгие месяцы.

Муки отсутствия привычных, ставших необходимыми выплесков адреналина, привкуса победы, рева болельщиков, преодоления самоистязаний, болевых ощущений в мышцах, единомышленников, тренеров, спортивного коллектива, в котором ты активный участник, действовали ужасающе давящим прессом. Но привычка ставить цели и достигать их, если позволяли обстоятельства, еще не раз пригодится ей!

Вообще нужно заметить, что вся жизнь сегодняшней вдовы — это далеко не всегда преодоление препятствий, напротив, чаще она плыла по течению, ей, что называется, невероятно везло, но она никогда не умела воспользоваться этим. Цели, выбираемые

ею, часто имели сомнительную мотивацию, носили нерациональный характер, что нельзя назвать ошибкой — у каждого свой путь, причем важен не столько он, сколько сама концовка — в чем найдет нас Господь, в том и судить будет. Ей приходилось преодолевать напряженную атмосферу в семье с раннего детства, объясняемую отсутствием любви друг к другу родителей, как она скажет потом: «Они любили каждый свое, но не друг друга». Такой пример пагубен для любого ребенка, поскольку выплескивается на его детскую психику негативными эмоциями взрослых, не умеющих уважать друг друга или своим примером показывать семейную идиллию. Она так и не научилась любить, зато страсть к мужу полностью охватила ее до конца жизни.

Политотдел советской армии не позволял в те годы запачкать коммунисту-офицеру, тем более такому известному и видному в спорте, свою репутацию, хотя бы внешне недостойным поведением в семье, а потому о разводе не могло быть и речи.

Отец любил женщин, считал себя имеющим на это право, мать, сходящая с ума от ревности, караулила измены, воевала с поклонницами, существующими без счета, но винила во всем кого угодно, только не его и не себя. Здесь под горячую руку и попадала старшая дочь, которая, возмужав, посчитала себя вправе повторять поступки отца, делая это скорее автоматически, чем компенсировала внимание к себе, имея в этом еще детский недостаток — взрослые часто ищут то, что хотели бы иметь в юные годы, она же обретала это раньше принятого, с нравственной точки зрения.

Родители Юрия Борисовича не признали полностью приятную и поначалу скромную девушку из Нижнего Новгорода, в отличие от внучек, в которых души не чаяли. Это тоже отразилось в воспитании, хотя и не озвучивалось прилюдно, а потому синяки, покрывавшие тело юной многообещающей спортсменки появлялись не только от теннисного мяча.

Отец, почти деспот, поступавший всегда следуя своему мнению, считая его единственно верным, никогда не давая поблажек в спорте ни себе, ни своим подопечным, эту же тактику воплощал и дома.

Большой спорт — это почти всегда жесткая диктатура наставника, где никто не собирается даже попытаться понять растущего спортсмена, а потому насилие над человеческими возможностями, а часто и над личностью — норма. Остается только посочувствовать тогда еще Надежде Чесноковой, проходящей такое испытание вместо обычных счастливых лет детства, отрочества, юности…

Муж Надежды также не был паинькой, впрочем, и она была под стать, скорее всего, их общение было сродни состоянию скопления электрических разрядов в предгрозовой вечер. Их отношения, всегда находящиеся на грани возможного, скорее были страстью людей, не всегда умеющих контролировать себя.

Именно эта безудержная страсть, если швыряла их в объятия друг друга, то была похожа на столкновение двух цунами, своим схождением сотрясающих все окружающее пространство, что и происходило непрестанно от первой их совместной ночи до самой последней, предшествовавшей гибели Тимура, хотя на его ложе изредка и появлялись временные замены, которых супруга не могла не замечать.

Страсть — не есть любовь, а нечто запредельное, сверхмерное, чему человек редко может сопротивляться, то, от чего нельзя избавиться и после исчезновения объекта этого сверхувлечения. Все, что читателю покажется невероятным или ненормальным, обусловливается именно этим состоянием, никогда не покидающим нашу героиню ни днем, ни ночью и по сей день…

Все силы в период выздоровления и после были брошены на подготовку к экзаменам выпускным и вступительным. Золотая медаль и прием в МГУ стали новыми «первыми местами» в очередных состязаниях, что было не так уж сложно с ее прекрасной памятью.

Новый виток судьбы красивой, спортивно сложенной, далеко не глупой девушки, запустил ее на недавно созданное отделение самого сложного экономического факультета — экономической кибернетики. Для меня лично эти слова, написанные рядом, даже звучат странно и непонятно. Из тридцати студентов, стартовавших на первом курсе, финишировали лишь двадцать. «Киберы», как их называли, после выпуска оказались нарасхват. Надежду сразу пригласили на очную аспирантуру, которую она окончила уже кандидатом экономических наук. Академики Шаталин и Аганбегян, будущий мэр Москвы Гавриил Харитонович Попов, советники правительства Данилов-Данилян и Джавадов воспитывали и учили эту женщину, что стало краеугольным камнем в основании ее судьбы, обещавшей быть прекрасной, удачно складывающейся и предполагаемо счастливой. Правда, она не пошла в экономическую сферу, предпочтя стать клерком — экономика оказалась не ее стезей.

Еще до аспирантуры, студенткой последнего курса, она познакомилась с очень известным актером театра и кино, гораздо старше нее. Молодые да ранние ее не привлекали, поскольку не оправдывали ее амбициозности, не имели достаточной взрослой

мужественности, статусной мужской уверенности. Через два года младенческий крик родившейся дочери возвестил всему миру: «Надежда стала матерью!». Екатерина росла с прочерком в паспорте в графе «отец», нисколько не задумываясь об этом, как и ее родительница. Влюбленный в дочь отец появлялся часто, но семьи не было — не хотела мать. Его попытка объединиться в семью хотя бы на время, съехаться на его даче, окончилась ее жестом доброй воли в сторону полного освобождения так и не состоявшегося в полной мере отца от грозящих ему уз супружества, что поддержал родитель Нади, произнеся, ставшую девизом для матери-одиночки на некоторое время фразу: «Ребенок у тебя есть. Зарабатывать ты скоро станешь, как редкий мужик. Зачем тебе кабала?!». Конечно, совпадение сказанного родителем с ее внутренним ощущением было стопроцентным, но оказалось временным. Можно только посочувствовать совсем еще маленькому ребенку и его отцу…

По окончании аспирантуры ее пригласили на престижную работу — старшим экспертом по новым формам внешнеэкономического сотрудничества в консультационном центре Торгово-промышленной палаты СССР.

Придя на собеседование к заместителю директора Центра и увидев Тимура Хлебникова, она поняла, что вся жизнь ранее была «жизнью до этого», и именно сейчас и здесь закончилась!

Из искры возгорится…

«В безумстве нежных ласк,
В огне счастливых глаз,
Я верую, —
Любовь бессмертней нас!»

(Из песни Александра Малинина «Когда уйду я»)

Впервые глаза Тимура увидели свет в центре Кутаиси в старом семейном доме его предков, что рядышком с рыночной площадью. Солнце, свежий воздух, южные улыбки, быстрый говор, переливающийся как немного замедленная скрипка в руках искусного маэстро, огромные глаза девушек, глубокое спокойное небо во взглядах женщин, проницательность, мудрость, радость в каждом слове мужчин этого дома, окружали новорожденного ежедневно.

Это была та семья, где не стремились к богатству, не допуская бедность, гордились честью и самодостаточностью.

Родители: мама Элеонора (Нора) — армянка, отец — настоящий сван Илларион (Ило), будучи полными противоположностями друг другу, никогда не ссорились, полностью дополняя друг друга. «Прозрачнейший сосуд, наполненный чистейшей бурлящей веселостью водой, хранил невероятной красоты розу, делающую их вместе достопримечательностью этого места» — именно так, или примерно так, звучали тосты в их четь на семейных застольях.

Если было необходимо, мужчина превращался то в горный родник, то в мощнейший сель, смывающий все на своем пути, постоянным оставалась лишь всегда цветущая роза, бесконечно теплыми лепестками своей души обхватывающая горячее сердце мужа.

Илларион, невероятно вездесущий человек, умудряющийся быть в каждой комнате дома или квартиры, одновременно смотрел телевизор, слушал музыку, читал, чинил. Чинить он мог все что угодно, когда угодно и для кого угодно.

По специальности глава семьи — инженер-электротехник, проработавший несколько лет главным инженером по электроснабжению при строительстве Асуанской ГЭС в Египте. Доброта этого человека не знала границ, распространяясь на всех

и каждого, лаская своими мягкими, теплыми лучами и после его смерти. Все называли его «Илюша», родственники, друзья, дети всех поколений души в нем не чаяли. Отец Тимура с ласковой готовностью соглашался со всем и со всеми, но всегда делал по-своему, благодаря чему почти никогда не ошибался.

Нора, неисправимый пессимист, любящая пострадать, спорщица и упрямица по-доброму, всегда, посопротивлявшись, уступала, редко оставаясь довольной. Так выглядело снаружи, оставаясь тайной внутри. Это была настоящая восточная женщина, впитавшая в себя некоторые советские привычки.

Тимур не был единственным ребенком в семье. Скоро на свет появилась сестренка Ирина. Всею нежность ветерка, будто овевающего весной теплом и мягкостью появляющиеся слабые побеги всего живого, обволокла она своей любовью обожаемого брата. Редко отношения между детьми в одной семье имеют такую глубокую чувственность.

Впоследствии семья Тимура переехала в Тбилиси, где он окончил школу с серебряной медалью, после отправившись в Москву, где его встретил родной по матери дядя Миша. Родственник оказался гениальным техником-конструктором и ведущим специалистом оборонного предприятия «Алмаз». По прошествии многих лет племянник выскажет своему доброму родственнику слова о его несостоятельности, хорошо характеризующие мировоззрение уже немолодого человека: «Ну чего ты добился?! Конструктор… Плоды твоей работы пугают американцев и с ними еще половину мира… ну и что тебе с этого, если ты в одном свитере полжизни проходил и за границей ни разу не был… все невыездной и невыездной?.. И я! Смотри, чего достиг — деньги, поездки, комфорт, уважение, любые желания. Я пользуюсь такими как ты! А ты мне сейчас говоришь, как жить нужно, да кто ты и чего ты добился, живя в этой трехкомнатной квартире всю жизнь?!». В сказанном была правда жизни, но оскорбляла не она, поскольку вполне устраивала, человека, привыкшего жить не для себя, ему всего хватало, он любил свою работу, преодолевая ее сложности своей гениальностью, и ничто не могло сравниться со спокойностью домашнего очага, созданного его женой, с которой они прожили душа в душу долго и преданно.

Тимур поступил в МГУ без блата и взяток, во-первых, потому, что считал это ниже своего достоинства, а во-вторых, просто не имея достаточных средств. Жизнь в университетском общежитии не отличалась от жизни других студентов. Инициатор застолий и центр многих задумок и предприятий, он запомнился многим студенческим друзьям по интересам и товарищам по компаниям.

Тогда же молодой человек обратил внимание на привлекательную девушку и уже не смог отвести от нее взгляд, пока не завязался роман. Бурное его продолжение закончилось неожиданно резко рождением ребенка, названного Романом. Отец не был готов к серьезным отношениям, о чем заявил не скрывая, в свои двадцать два года оставил молодую мать с новорожденным ребенком на руках, без средств к существованию, поскольку денег не было и у самого. Что не позволило продолжить отношения, не нам судить, но поступок этот остался в судьбе Тимура минусом с ядовитым привкусом эгоцентризма, будем надеяться, что за него он успел раскаяться.

Его растущие амбиции тогда еще не нашли своего должного направления, а значит, и не начали воплощаться. В своей жизни мужчина редко возвращался к этим годам, укоры совести не свербели сердце по ним, хоть и напоминая некоторые счастливые моменты влюбленности и юного романтизма.

Оставшись в столице после окончания МГУ, Тимур поступил в академию Внешторга, где имел место быть еще один роман, позволивший ему стать настоящим «москвичом», но не счастливым семьянином, и… снова отцом. Промежуток жизни, связанный с этой, не сказать что попыткой строительства домашнего очага, а несколько других, более приземленных целей, не был чем-то знаменателен и окончился с выпуском из академии и московской пропиской, что и было основной целью.

Алена, ныне преподаватель МГИМО, и их общий сын Вадик, не стали счастливой женой и любящим сыном, хотя молодые люди заключили брак и некоторое время прожили супругами…

Выглядя преуспевающим и амбициозным, пришел он работать в Торгово-промышленную палату СССР, став заместителем директора Консультационного центра. Появившиеся новые формы внешнеэкономического сотрудничества, пришедшие на советский рынок иностранные инвесторы, потребовали смены законодательства, правовой, финансовой и прочих видов поддержек как советским, так и зарубежным участникам международного сотрудничества на территории СССР. Это и стало причиной создания, по решению Госплана, подразделения, названного Объединением «Внешэкономсерис».

Команда этого центра изначально состояла из 15 сотрудников — набирали самых талантливых, с блестящим образованием молодых специалистов. Тимур Хлебников и оказался тем самым человеком, по долгу службы обязанным проводить собеседование со своими новыми сотрудниками.

27 ноября 1987 года дверь кабинета заместителя директора

Консультационного центра «Внешэкономсервиса» открылась и глаза Надежды Юрьевны Чесноковой встретились со внезапно ошарашенным взглядом Тимура Илларионовича, прежде всего впечатлившегося редкой фигурой с невероятно длинными ногами.

* * *

Ему было тридцать четыре, она моложе на семь лет. Оба амбициозные, совершенно материалистические, тщеславные и упрямые личности, знающие, чего ждать от себя и чего требовать от окружающих.

Их взгляды, лишь встретив друг друга, шевельнув желание несдержанной плоти, заставили отбросить причину этой встречи на второстепенные планы. Откуда-то из реальности звучали произносимые слова собеседования, сердца же, громыхая эмоциями, сдерживаемыми усилиями воли, проскакивали то интонациями, то мимикой, то микроскопическими, несоответствующими ситуации движениями рук, поворотами головы или корпуса, выдавая перевозбужденность мужчины и женщины.

Глаза отражали изнутри не начинающую теплиться любовь, а загорающуюся страсть, сверкающую из-под век взглядами, направляемыми только поворотами голов, ибо мышцы глазных яблок не справлялись с соблазнами видеть постоянно то, что казалось тогда, прибегая к поэзии, равной частью души или сердца, предназначенных еще до сотворения мира к соединению.

Но возгорающаяся страсть, в отличии от настоящей любви, соединяющей и сливающей, делает из нас охотников и собственников, преображая одного в господина, а другого почти в раба, не помнящих: все, что без меры — не от Бога!..

Собеседование закончилось, девушка покинула кабинет, оставив его хозяина в глубоких раздумьях. Оба они на протяжение всего дня не в состоянии думать о деловом на все сто процентов, будут размышлять о только пережитом. Что же может быть, что станется с ними, если убрать работу, оставив этот пламень, неумолимо жгущий внутри: и совесть, и разум, и душу!..

Тимур привык рассуждать холодно и взвешенно. Ставя задачу, шел к ней неуклонно, не оглядываясь, не озираясь. Эта черта характера не хороша и не плоха, она просто требует совмещения с еще одной — умением лавировать. Этого, к сожалению, он делать не умел и не желал учиться, оправдываясь высотой своего достоинства, прибегая к прямолинейности и

упертости, даже в моменты очевидной их нерациональности. «Я мужчина!»; «Я сказал!»; «Так было и будет всегда». С этим он появился на свет, с этим и покинет его. Наде будет просто с этим справляться, поскольку всегда оказывалось предсказуемым и медлительным.

День их первой встречи неожиданно поставил перед Тимуром пока не разрешимую задачу. На то он и руководитель, чтобы в любой ситуации давать правильную оценку происходящему в бизнесе. Он, конечно, оценил данные пришедшей на собеседования как безоговорочные таланты, идеально подходящие для места, на которое она была приглашена. Сумасшедший по мощи энтузиазм, мощный потенциал были видны невооружённым глазом, знания и ориентирование в темах великолепные, что подсказывало — за границы дозволенного она не выйдет, а решения ей принимать и не нужно. Прекрасная внешность, соблазнительные манеры, тяга к интриге и материальной заинтересованности, но главное не это!

Первое, что он сказал сам себе, как только она зашла в кабинет: «Эта телка будет моей» — на этом осекся и поправился: «Она будет моей женой!». Кавказский гонор и мужской эгоизм далеко не всегда полезная для семьи смесь, тем более в случае, когда женщина не скрывает своих качеств, в чем-то превосходящих мужнины, хотя и подчиняясь при этом даже до раболепства. Выход из этого может быть простой — расти, пользуясь женой, как трамплином, но для этого необходимо признать в чем-то изначальное ее первенство, чего Тимур делать не только не умел, но и считал совершенно лишним…

Говорили о работе — он не мог отвести глаз от ее губ. Понравилось все: непослушные волосы, тонкие пальцы точеных рук, взгляд, ее манера говорить — уважительная, профессиональная, четкая, пронизанная насквозь юмором. Сквозь одежду, правда, ее было немного, проглядывались выдающиеся в прямом и переносном смысле формы. Спортивное прошлое выражалось сейчас не в уже забытых результатах, но в рационально развитой мышечной анатомии. Красота целесообразна! Её грация, пластика, манеры, резкие, правильные движения, идеальная пропорциональность, темперамент заставляли сравнивать ее в воображении с дикой лошадью — мустангом, вольно чувствующим себя в прериях, еще не оседланным, не поддающимся влиянию. Она любила мужчин, они любили ее. Поэтому, лишь приручивший может задумываться о счастье с этой женщиной! Но чтобы завладеть таким «животным» нужно самому быть подобным — так это или нет, покажет время…

Было видно, что «приручить» — не значит завладеть! Такие сами выбирают, кому подчиняться, а избрав хозяина, фанатично стремятся подчиняться, изо всех сил преодолевая в себе дух противоречия.

Это предстоящее слияние двух людей, интересно, прежде всего, их имевшимся индивидуальным мировоззрением. С одной стороны она, отказавшаяся от надежного, любимого всей страной отца дочери, комфорта, обеспеченности, воспитывая, совместно с дедушкой и бабушкой, своего ребенка в одиночестве, дорожила своей свободой и независимостью настолько, что глядя на мужчин, ни одного из них не оценивала как перспективного мужа.

Ни ее отец — железный телом и волей человек, ни славный и прекрасный отец ее ребенка, никто вообще не мог указать ей, что и как делать после исполнившегося совершеннолетия, и тем более не пытался переубедить, ради хотя бы краткого пересмотра ее неустойчивых принципов.

Мужчина, «сбивший» ее сейчас с постамента самостийности, перевернув в ней не только уверенность в себе, но и лишивший спокойствия существования, заставив сердце биться с другим ритмом, не был красавцем или прекрасно сложенным с пропорциональным телом атлетом, напротив — предрасположенным к полноте лысеющим брюнетом. Единоборство, которым он увлекался — айкидо, очень хорошо соответствовало его грузности, скованности, хотя при этом и достаточной пластичности, низко расположенному центру тяжести, кажущейся неторопливости. В нем на удивления сочетались характеристики и качества, то и дело «обманывающие» собеседника. При своей комплекции он был резок в движениях на татами, его расчетливость и выносливость вызывали зависть у соперников. Тяжело признавая какие-то свои личные недостатки, он быстро рассматривал чужие, мог ими воспользоваться в подходящий момент. Важными для него были те качества, что ценятся только мужчинами, а это значит, что среди них не было преданности женщине, выбранной в жены. Мужчины и ценили, с удовольствием считая его своим другом, товарищем, близким человеком.

Он был кристально честен в отношениях договорных, рабочих, дружеских, всегда держал данное слово, но совершенно спокойно считал возможным скрыть, что-то из личного от жены, мол, «женщина, это тебя не касается!». Другими словами, у него существовало вот это, далеко не всеми приемлемое, разделение между «мое личное, как мужа» и «мое личное, как мужчины»…

После этого дня первой встречи Тимур в мучениях провел

ночь, с утра проснувшись с тем же не решенным вопросом: «Что мне делать, когда лучшей кандидатуры не найти ни для работы, ни для жены. Я долго искал специалиста с подобным уровнем знаний и именно таким подходом к своим обязанностям. Но я не мог даже представить себе, что в природе существуют такие экземпляры среди женщин, и уж совсем невероятно, что один из таких редких может попасться мне на моем жизненном пути. Один день с ней — это целая жизнь! Её много для жены и любимой женщины, и наверняка бесконечно мало, как любовницы! Но она же и невероятная удача, как сотрудник… мой сотрудник! За таких борются, ломая копья… Иии… неужели при всем при том, это нельзя объединить?!». Служебные романы в Торгово-промышленной палате СССР не поощрялись, но держа в «руках» драгоценность, упускать ее было нельзя, ведь зрением обладает не только он, а временем владеть вообще нельзя. «Я не смогу без нее, я не смогу ею не обладать, если останусь рядом! Но если овладеть, позволив искать другую работу… там ее заметят!» — он думал и решил окончательно только когда увидел ее вновь…

Что касается Надежды, то она чувствовала полнейший дискомфорт, выходя за дверь кабинета. Взгляд наглого грузина десятки раз раздел ее, пробравшись во все закоулки тайных желаний и мыслей, разведав все способности и характеристики ее навыков, знаний, интеллекта, но все же несколько раз запнувшись о ее холодный, немного влажный, взгляд. Именно из-за такого взгляда ей многое удавалось, поскольку хотелось верить, даже помочь, но чаще обладать в течении ночи-другой, не больше. С детства, еще с начала спортивной карьеры, ее называли «Снежная королева» — подобные характеристики зарабатываются не простыми людьми и не просто так.

Женщина не хотела меняться, но не понимая, что происходит с перенаправлениями ее сердечных векторов, которые, как стрелка компаса, сходили с ума в центре магнитной аномалии. Осознавая, что причина в этом человеке, ложась спать, она подумала, что обязательно будет «сон в руку». Так было всегда — мистика окружала ее с детства и не расстанется с ней никогда. Узнав ее, я бы даже сказал, что эфемерный мир духов, как злых, так и добрых, окружающий каждого из нас, чувствовался ей почти воочию, но вот подсказки кого из них она слышала и слушала, станет ясным в следующей жизни…

Утро стало еще загадочнее — никогда она не просыпалась с привкусом такого наслаждения, испытанного ночью, никогда не было такого желания повторить прямо сейчас пережитое недавно, осталось только вспомнить, что же это было. Память

восстанавливалась медленно, пока не уткнулась в обрушившийся ураганом сон. Они переспали, и это было настолько неповторимо, что ощущения его плоти вернулись прямо сейчас, прямо здесь вполне материально и очень приятно.

Сев на кровати, согнув в коленях ноги, проснувшаяся женщина, выпрямилась в спине, оставив ее вертикально, относительно плоскости кровати. Пальцы забегали по натянутым задним двуглавым мышцам бедра, доходя до начала ягодичных, возвращались обратно: «Что это было?! Почему с ним? Почему сейчас?! Зачем это мне? Что я делаю, зачем глажу себя… или это не я? Конечно, не я! Так делал он перед самым пробуждением… Я не хочу вставать, не хочу просыпаться! Яяяя… — я хочу его снова!»…

Если такие женщины, добавим сразу — их очень ограниченное количество, причем, не в каком-то конкретном промежутке времени, а во всей истории человечества, появляются в вашей жизни, в какой угодно ипостаси, то сразу занимают в вашем сознании однозначно не простое положение. Умея быть другом, помощником, «паровозом», инициатором, руководителем, становясь чьей-то женой, они вливают все свои таланты в единое русло, сплетая из них крепкий канат, накинув который на ваше сердце, уверенно затягивают таким образом, что разрубить этот «гордиев узел» может только Провидение Господне, разрывающее жизнь обоих раз и навсегда крест на крест, которые придется нести одному оставшемуся. Я не вру и не придумываю, ибо встретил на своем пути такую женщину, и теперь сам берегу этот гениально запутанный клубок, наслаждаясь счастьем ее присутствия в моих сердце, сознании, душе, жизни, отмечая про себя, что счастливым с такой можно быть даже в последние минуты своей жизни, которая заканчивается в рабстве на рудниках. Счастливым можно быть уже только тем, что она есть!

Венчание автора с супругой в лагерной церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии Смоленской. Одна судьба, один венец на двоих — мы есть друг у друга! Декабрь 2016 года

Не станем увлекаться подробностями незаметно развивающегося романа, что продолжалось от силы месяц-полтора, пока однажды Чесноковой, задержавшейся до позднего вечера, не понадобилось отвезти доделанные документы на подписание клиенту. Срочные проекты совсем не терпели потери времени, дорабатывались за счет сна, отдыха, личной жизни, чего угодно. Понятие утра и вечера, бывало, стирались, но всегда необходимое доделывалось ею в срок. Так же было и сейчас. Уже завтра утром бумаги обязаны были лечь на стол в Минфине. Дочь Нади Екатерина ночевала у родителей.

Когда она собиралась уходить, Тимур Илларионович еще работал в своем кабинете. Неожиданно выйдя, держа пальто в руках, он предложил подвезти, иначе от клиента, к которому она собралась, придется возвращаться снова на работу, чтобы не опоздать к началу нового рабочего дня. Шутка удалась, и после окончания дел вечер продолжился катанием на машине.

Падающий огромными хлопьями в ночи снег, немного подсвеченный фонарями освещения, таял, касаясь капота машины. Слова, произносимые каждым из них, пробивали сердечную коросту суеты, большими каплями мягко опускаясь в самую глубину душ. Взгляды, встречающиеся в полумраке салона автомобиля, смешивались с чувствами, охвативших обоих, рождая искры. Тупиковая ситуация требовала развязки, которая не могла быть пошлой, обычной, банальной. Он предложил прогуляться по «внезапно» появившемуся перед ними скверу «Речного вокзала». Не думая, она согласилась и, выйдя, сразу же замерзла, поскольку

элегантный костюм с короткой юбкой, сверху прикрытый легким пальто, не мог защитить от ледяного, пронизывающего насквозь зимнего ветра.

Февраль не кусал холодом, а откусывал, что стало заметно. Хлебников пригласил согреться чаем — квартира была в квартале отсюда. Женщина согласилась, подумав с усмешкой про себя: «Хм, а что на это скажет его супруга?!».

Холостяцкая квартира вопила о нескрываемом одиночестве, в которое почему-то не верилось. Глаза шарили по углам, полкам, шкафам, ища, хоть что-то, что могло принадлежать женщине, но ни второй зубной щетки, ни губной помады, ни щетки для волос, ни даже длинных волос где-нибудь. «Такой мужик и один?!».

Время припозднившимися шагами перенесло влюбленных за полночь. Мягкость, возбужденность галантности и неотвратимая уверенность обоих подталкивали на очередную ступеньку в отношениях взрослых, уже имеющих детей людей.

— Надежда Юрьевна, вы никуда не торопитесь?.. — В его глазах отчетливо горел желаемый ответ, проявляющейся нервозностью, отражавшейся даже в движении руки при тушении в пепельнице сигарете, причем нарочито одновременно с таким же ее действием, вселяя гостье непреодолимое желание броситься ему на шею. Вкрадчивый голос женщины произнес более сдержанное, хотя и не менее ожидаемое:

— Зачем… да и некуда… — По промелькнувшему восторгу, просиявшему в его восточном взоре, она увидела критический момент, который всегда предрекает мощный разряд молнии, вот-вот должный ударить в землю. И она подала первый сигнал, вспыхнувший, как это и положено, с самой земли:

— Не тороплюсь… я останусь у вас…

Как описать эти взгляды жаждущих друга мужчины и женщины, в которых ежесекундно меняются тысячи картинок, в которых как в зеркале видишь себя, в которых проглядывается мир с миллионом параллельно проживаемых в воображении ситуаций с напротив сидящим человеком? В них твоя жизнь, становящаяся с каждым мгновением все насыщеннее и полнее, где в каждой маленькой дольке мозга, прожигаемой снующими электронами, по неведомым цепочкам связей, бесконечности мыслей, обязательно схожих с тем, о ком ты думаешь, для кого существуешь, без кого нет тебя, и вообще не существует даже этого мира?!

Как описать разговоры, когда и слова-то уже совершенно не уместны. Звуков, кроме учащенного дыхания, было мало, а молчание сопровождалось ощущением, желанием абсолютно все вокруг раскрасить лишь для них двоих в одинаковые до оттенков,

тона, и начать хотелось с постели…

Утром приехали на работу вместе, Тимур высадил возлюбленную за квартал, пока стараясь скрывать отношения. Весь день был похож на мультфильм «Ёжик в тумане», память смешалась с сознанием, накрывшись воображением, образовав конгломерат непробиваемого существования где угодно, только не в реальном мире, и обязательно вдвоем.

Вечером ее начальник сказал: «Я хочу повторить!». Как же это было сдержанно и далеко от правды! Оба совершенно уже не представляли возможность существования по-другому. Вся перспектива будущего представлялась только вместе. Они хотели не «повторить», их захватил обрушившийся и захвативший «цунами», смывавший все прежнее до основания, оставляющий совершенно голое пространство, почти моментально, застраиваемое новым, только им принадлежащим миром. У обоих такого не было никогда.

Подняв глаза, она ответила: «Мы повторим, но с одним условием — ты нужен мне весь навсегда!», а может быть, такие слова только начали чудиться ей по прошествии многих лет после его смерти…

Его порыв был очевиден, но мужчина сдержался. Пропустив проходящих мимо сотрудников, выпуская столб дыма, несдержанно влюбленный, совершенно превратившийся в саму страсть, еле скрывающий свое состояние, Тимур, прошептал:

— Я хочу забрать тебя из этого мира… я хочу посадить тебя в одиночную камеру, ключ от которой будет храниться только у меня! Я превращаюсь в пылающую головешку, когда думаю, что на тебя могут смотреть другие, я гибну раз за разом, когда понимаю, что и ты смотришь на кого-то, пусть и просто, безо всякого желания и намерений, но я умираю, и воскресаю, когда твой взгляд обращен на меня…

* * *

Тимур, получив прописку, быстро заработал на кооперативную однокомнатную квартиру на «Речном вокзале» и переехал туда один. Жена Алена, занятая малолетним ребенком, не ограничивала его свободу — просто не в состоянии этого сделать, даже не пытаясь противостоять его кавказскому гонору! Свобода была нужна, по его признаниям Наде, не для чего-то, но как состояние души, и вот пришло время, когда он сам захотел стать зависимым. Это было не желанием, но стало необходимостью! Теперь жизнь мужчины не нуждалась ни в чем,

кроме одного — быть всегда вместе с ней!

Все чаще и чаще влюбленные встречались, чтобы проводить и ночи вместе, то у него, то у нее дома, стало понятно, что очень скоро соединятся не только уже ставшие одним целым сердца, души, и тела, объединившись в одном слившимся организме. Никто из троих: ни Алена, ни Надя, ни Тимур, будто зависнув в неопределенности, не предпринимал кардинальных мер к изменению этого неудобного для всех положения, ожидая в надежде первого шага от другого. Тимуру бы следовало предпринять его самому, но…

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Хлебников улетел в командировку в Японию, а вернувшись, обнаружил квартиру пустой — бывшая супруга, оставила только стены, тем самым показав свое сегодняшнее отношение к нему. Чеснокова смеялась от радости и охватившего счастья, успокаивала наконец-то освободившегося, хотя разволновавшегося возлюбленного с некоторой долей злорадства:

— Что ж тут переживать?! Из-за деревяшек и стекляшек?! Забей, любимый! Раздел имущества состоялся!

Про себя же Надя низко кланялась этой женщине, говоря: «Она сама променяла его на вещи, вместо того, чтобы бороться» — наверное, вполне резонно, но был ли смысл «бороться» оставленной женщине, чувствовавшей оскомину своей использованности, тем более в такой ситуации, понимая, ради чего он на ней женился…

На работе тоже все складывалось замечательно. Со временем, пока еще Чеснокова была одним из немногих в СССР главных специалистов по созданию совместных предприятий, ТПП отправила ценного сотрудника на стажировку в Вену, на курсы ООН по промышленному развитию (ЮНИДО).

Ресторан «Дели», ночной клуб «NIGHT FLIGHT», кондитерская фабрика «Октябрь», сеть магазинов «Примавера де Италия» в Москве, ГУМ, «Детский Мир», Военторг, первый магазин беспошлинной торговли в Шереметьево-1, торговые фирмы «Pukeva» и «Stockman», Министерство торговли Грузии, Молдавии, Эстонии, Латвии — далеко не полный перечень удачных проектов и клиентов ТПП.

Заработанные деньги, необходимые по работе поездки, встречи с клиентами, в том числе и на их «земле», и конечно, огромное обоюдное желание посетить весь мир, до самых дальних уголков, позволили объездить всю Италию, Швецию, Финляндию, Прибалтику.

Одним из самых постоянных клиентов ТПП была Московская городская коллегия адвокатов во главе с Феликсом Хейфицем,

также создававшая СП с некоторой попыткой консультационно-правовой поддержки — аналог их Центра, но только для иностранных клиентов, которые приезжали в СССР, чтобы вложить деньги. Именно поэтому к Надежде тек нескончаемый поток, среди которого наиболее частым посетителем был Александр Тобак, ставший посредником между адвокатской коллегией и дуэтом влюбленных, выступавших в данном случае, как профессиональный союз экспертов, что позволяло получать не совсем официально достойную плату за сделанную работу.

СССР стоял на грани развала, но многие правила оставались прежними. Кто-то, то ли по зависти, то ли успешной конкуренции ради, «доложил» в партком об их связи, по ТПП поползли слухи, далеко не всегда верные. Чеснокову вызвали в «Первый отдел» КГБ, где шутить не умели и не желали. Там обнаружилось, что заявление на эту тему принадлежало руке бывшей жены Тимура Алене, которое все-таки пришлось забрать после появления в ее квартире Чесноковой, клятвенно обещавшей в ином случае рассказать тем же людям о ее негласных уроках репетиторства, дававших очень хороший заработок, что было опасно не только с моральной стороны, но уже и с уголовной.

К этому моменту Феликс Хейфиц предложил ей перейти из Торгово-промышленной палаты СССР в совместное предприятие «Информ-Право». Условия оказались более выгодными, и она согласилась, поставив лишь одно свое: только вместе с Тимуром. От Хейфица это потребовало дипломатичности и проницательности, ибо сделать это было необходимо таким образом, чтобы не затронуть гордость сына гор. Все вышло аккуратно. Возлюбленный Надежды дал согласие с полным пониманием своей ценности и незаменимости, получив должность заместителя генерального директора, что не раз подтверждал и оправдывал. Так они оказались в «Информ-Право», что позволяло продолжать отношения совершенно безболезненно.

Тимур, надо отдать ему должное, был прекрасным руководителем, обладал даром убеждать в процессе переговоров, имел возможность пользоваться административным ресурсом и огромными связями, оставшимися со времен работы в ТПП. Нельзя было и представить складывающуюся более успешно и удачно обстановку вокруг охваченной страстью пары. Будучи еще в гражданском браке и рабочем тандеме, они общались с известнейшими адвокатами: Борщевским, Раппопортом, Хейфицем; крупными предпринимателями того периода: Ходорковским, Листьевым, Мавроди, Артемом Тарасовым, Львом Константиновым («Хопер-Инвест»). Но главное — они были вместе, не расставаясь ни ночью, ни днем!

К этому моменту в их жизни уже появился Марк Волошин, уже шла полным ходом работа над проектом «Супер Мираж», поэтому отведенного времени для их совместного существования оставалось все меньше и меньше…

Другое. Другие. Снова они

«Время нашей земной жизни бесценно: в это время мы решаем нашу вечную участь».

(Св. святитель Игнатий Брянчанинов)

Я глубоко уверен, что нет случайных встреч! Даже пересечение с суетно и деловито бегущим поперек вашего шествия муравьем что-то да значит, если вы обратили, конечно, на него внимание.

Каждое пересечение с людьми своими последствиями оказывает хоть какое-то влияние на дальнейшее. Опыт, мнение, эмоции, помогающие что-то преодолеть, просто промежуток времени, проведенный в месте, оказавшемся безопасным по сравнению с тем, в котором вы должны были оказаться по имеющимся ранее планам. Сколько раз я ловил себя на мысли, гневаясь на человека, задержавшего меня совсем без дела или причины, столько же и понимал, что это лишь милость Создателя, уберегшего меня от ненужной проблемы, а иногда и от беды.

Не важно, что именно несет в себе очередная встреча, смысл этого, возможно, так и останется не ясным, скорее всего забывшись навсегда, но он присутствует во всем, наполняя даже не материальное, загадочно овевая собой наше сознание, появляясь внезапным напоминаем о себе через месяцы, годы, целую прожитую жизнь. Что-то знакомое будто задевает нас, обжигая словами: «А помнишь?..». Лишь коснувшись кончиком, словно крылом Ангела, исчезает эта «нотка», так и не всплыв в памяти чем-то осязаемым или хотя бы вспомнившимся кусочком мелодии.

Среди сотен знакомств мимолетных или длительных, среди которых случаются и роковые, выпадающих нам на жизненном пути, бывают важностью своей определяющие судьбу, жизнь, стезю.

Новая работа или служба, становящиеся делом всей жизни, а может единственным, которым можно гордиться, пусть даже и скоротечным, и почти незаметным. Сколько скоплений стечений обстоятельств, выстроившихся в пестрый ряд, приводят нас к спасению, удовлетворению, гибели, несчастью, любви, ее потери.

Каждый мужчина может вспомнить моменты, соединяющие

его с женщиной, вспыхнувшая любовь к которой стала направляющей, нанизывающей на себя все частички его жизни. А может статься так, что память извергнет и минуты тяжелейшего разговора, ставящего точку в длинной череде совместного существования мужчины и женщины, переставших видеть друг в друге то единственное, что виделось когда-то совершенством, равноценной частью общего единого семейного организма, всем, всем, всем… — да минует вас чаша сия!

В написанных пять лет назад своих воспоминаниях, названных «Ликвидатор», продолжение которых держишь ты сейчас, уважаемый читатель, я старался обратить твое внимание на определенный подход к более четкому осознанию исторических событий и фактов. К тому же прибегаю и сейчас: постарайтесь взглянуть на происходящее не своими глазами, а тем взглядом, присущим людям, жившим в описываемый временной промежуток. Чтобы это получилось, прежде всего, не пробегайте «по диагонали» по этим страницам — упу́стите важное, вложенное между строк. Постарайтесь представить себе характеры хотя бы некоторых персонажей, возможности того времени, страсти, охватывающие своей новизной для сегодняшнего дня и непривычностью.

Вчерашние причины, играющие основное значение, сегодня покажутся вам смешными, а то и глупыми. Не удивляйтесь, ведь такими они вполне могут теперь видеться и участникам тех событий.

Вспомните или постарайтесь собрать из источников факты: какими были сама страна, государство с возглавляющими его людьми, экономика, взаимосвязи, какими сами люди подошли к тем событиям, что было их целью, какими представлялись им ответы на главные вопросы: «Что делать?», «Зачем я живу?», «А мне это нужно?», «Кто я?», «Сколько еще можно терпеть?» и так далее. Если вы не задавались ими, возможно, это и есть тот момент, пришедший вовремя, ибо происходящее всегда вовремя, хоть и может порой показаться несвоевременным — об этом вам скажут последствия.

Уверен, по прочтении книги, вы не останетесь равнодушны к этим строкам, даже в том случае, если переживания ваши, как и судьба, были сложнее и впечатлительнее судьбы Надежды Хлебниковой…

* * *

Мы часто знаем досконально чью-то жизнь, помним свою

биографию, исторические факты не редко воспринимаются нами как описание существования отдельных единиц, будь то человек, народ, государство. Попробуйте сложить в общую хронологию, переплетя многие судьбы и историческую событийность с ее окрасом множественности точек зрений, чтобы четче увидеть то время, а события в других красках, не плоскими, не скучными, окружающими до естественности присутствия, делающих вас почти участниками.

Мы знаем Святое Евангелие, но представляем ли, что творилось в тогдашнем мире, хотя бы в самой Иудее того периода времени? Мы слышали о Господе, воплотившемся в человеке, но кто был современником Иисуса Христа, чем была характерна та эпоха, что за люди, с какими воззрениями и привычками населяли тогдашнюю землю, что и сегодня терпит шастающих по ее поверхности непотребных испорченных двуногих существ, так и не вразумившихся большей своей частью?

Это было два тысячелетия назад, но мы остаемся так же слепы к происходящему всего несколько десятилетий назад. Мы настолько незрячи, что способны называть историков, приверженцев классического науки, врунами и мошенниками, прихлебателями правителей, искателями наживы и рабами собственного эгоизма, в то время, как именно их труд, нелегкий, скрупулезный, часто совершенно неоплачиваемый, и создает вкус, приторность запаха, расцветки тех времен, пусть и не всегда верные, иногда противоречивые, но всегда дающие возможность добраться через непростой и захватывающий анализ приводимых ими фактов к тому именно, что каждый из нас решит принять для себя истиной. Будьте внимательны и постарайтесь понять, чем руководствовались люди и по сей день живущие среди нас…

Все без исключения герои этой истории начинали свою жизнь в эпоху социализма и ожиданий близкого воплощения коммунизма. Будет он или нет, всем по-настоящему было уже не важно, так же как и то, что не нужно было платить за прекрасное образование, еще не обгаженное ЕГЭ и другими подходами, бесплатную великолепную, еще не «убитую» медицину, думать о своей безопасности, которой угрожают сегодня в большей части чиновники и многие представители силовых ведомств, представляющие из себя весьма больные организмы, за исключением одного, и мы знаем какого, нежели преступники, причем большую часть которой уже представляют гости любимой нами страны.

Армия была армией, представлявшей настоящий щит Родины и ее сынов и дочерей, о характеристиках которой не кричала почти каждая передача, потому что еще существовали военные

секреты, тайны и ответственность за них, да и не было нужды доказывать обывателю, что СССР — мощнейшая в мире держава, ибо она таковой, в отличии от сегодняшнего дня, и была!

Представить сейчас, что чиновник прежде распределения денежных средств по назначению, сначала думает не как их рачительнее использовать, а как бы побольше положить в свой карман, наверное, сложно, да и не привыкли сегодняшние граждане Великой Страны к своему существованию в роли утопающих, надеющихся только на самих себя.

Оправдательные приговоры в судах стали редки, хотя и при Сталине их было, в определенный период, больше 14 процентов. Сегодня их перефразировали на свой лад в «освобождение из зала суда с учетом уже отсиженного», дабы, не дай Бог, не появились подозрения в ошибочном аресте, часто являющимися таковыми намеренно.

Нельзя было продать собственность Министерства обороны, не став предателем Родины. Невероятным была цена на бензин выше чем в Европе, хотя бы потому, что именно мы добываем у себя нефть и продаем ее европейцам — совесть еще имела свой голос не осипшим! Невозможным было перенапряжение детских умов, перенагруженных сегодня ненужными дисциплинами и уроками вкупе с ЕГЭ, на корню уничтожающими привычку к мыслительно-доказательному процессу; сокращение больничных коек, больниц, экипажей «карет скорой помощи», вообще бесплатной медицины, вместе с увольнением тысяч профессиональных врачей и медсестер, чего не было даже в постреволюционные годы, как и в послевоенные.

Военные гордились своей профессией, Родиной, оружием. Ученые, оставаясь в непререкаемом почете и авторитете, не влачили жалкое существование, еле выживая на чужестранные субсидии, работая во славу чужой страны и народа, даже не представляли, что когда-нибудь государство перестанет ценить и дорожить интеллектуальными сокровищами нации, а некоторые редко трезвеющие правители будут преспокойно, между рюмками, раздавать, политые кровью русских людей земли, пропивая и бывшую мощь, и экономическую силу, и свой народ!

При коммунистах был всего несколько телевизионных каналов, достаточных и ненавязчивых, прекрасные фильмы способные до нуля понизить уровень преступности[15], цепляющие душу, ранящие в сердце, заставляющие работать интеллект. Это была самая читающая страна, не голодающая и работающая… Страна (а не государство!) — Победительница, ценою крови простых своих сынов и дочерей имеющая решающий голос в Совете Безопасности ООН не случайно, а в результате

победы в Великой Отечественной войне. Нас боялись, безусловно, уважали, хотя во многом и не понимали.

Тогда граждане СССР, объятые надеждой, в своем равенстве не чувствовали усталости, ощущали силу и мощь, пусть и далеко не всегда раскрашенные цветами правды. По сравнению с сегодняшними такими же эпитетами, оставшимися только вывесками, «мощь и правда» заняла место предшественников, ставшими «миражами» в недосягаемом уже прошлом.

Кто виноват было видно сразу — они стояли на трибуне мавзолея, кто виноват сегодня, вы не поймете никогда, потому что показываемое по телевидению и видимое нами в действительности настолько разниться, что шокирует, блокируя любые разумные предположение и объяснение. И это прекрасно, ибо именно безысходность направляет человека вглубь себя, предлагая искать виновного именно там. Не стыдитесь, не прилепляйтесь к лени и оправданиям — всегда и во всем виноват сам человек. Если мы научимся не оправдывать сами себя, а только исправлять свое покалеченное внутреннее состояние, то не важно, как выглядят те, кто изо всех сил пытается ввести в заблуждение и оправдать сегодняшнее положение чем угодно, только не признанием своих вин…

Что было постыдно при Союзе, сейчас достоинство, нравственное тогда — сегодня в большинстве считается неверными предрассудками. Химический состав продуктов того времени, по сравнении с теперешними, сильно поменялся. Четверть века назад человек, вкусивший нынешнюю пищу, однозначно заявил бы, что его пытаются отравить! А то и вовсе окочурился, не успев произнести и начала фразы.

Тогда трудно было представить, что машины станут средством передвижения, перестав быть роскошью, а телефонный звонок можно сделать в момент появившейся необходимости, идя по улице, а не договариваться заранее, поскольку позвонить можно было только со стационарного телефона-аппарата. Красть у граждан в метро кроме кошелька было нечего, спортом занимались с первых классов школы, не оправдываясь отсутствием кроссовок или лыж, их было полно в спортивных обществах для бесплатного пользования, которыми руководили доброжелательные люди с настоящими улыбками.

Среднестатистический человек не чувствовал себя нищим или обездоленным, поскольку ел то же, что и остальные, одевался почти в ту же, заметим, такую же качественную и одинаковую одежду из натуральных материалов! С экранов телевизоров не веселили пошлостями и скабрезностями, не убеждали в ином положении личных дел каждого человека, не хаяли кого попало

ни внутри страны, ни вне ее, скорее, просто шутили в «междусобойчике» или многозначительно отмалчивались, соответственно своему амплуа, хотя, бесспорно, многое скрывали.

Каждый, будучи еще совсем молодым человеком, понимал до мелочей, что ждет его в будущем в зависимости от выбранного пути, вплоть до пенсии, которая была гарантирована так же, как и бесплатные лечение, курорты, оплаты бытовых услуг, пенсии, проезд не только в метро или городском транспорте, но и на самолете, поезде, «карете скорой помощи».

Тогдашнее государством следило за каждым, не одобряя выделение из массы, не позволяя высказываться о себе слишком рьяно и недовольно, но помогало при необходимости не только в мелочах, но и в жизненно важном. Человек всегда знал, что он из себя представляет и чего стоит.

Самим гражданам и их детям было не страшно появляться в любое время в любом месте, не было нужды беспокоиться о своей безопасности. Народы жили в мире взаимоуважении, ни одна нация не паразитировала на другой, ни один народ не стеснялся говорить о себе, напротив, каждый гордился своими историей, культурой, достижениями, причем не только зная их, но и с удовольствием находясь на исконно своих территориях, даже не намереваясь покидать их! Хотя и было общее название «советский человек», не заменявшее «русский», «чеченец», «калмык» и так далее, не чета сегодняшнему «россиянину». Исключение, как всегда, составлял только «Богом избранный» и Им же рассеянный народ — это факт, а не попытка занизить заслуги выдающихся представителей этой нации, некоторые потомки которых еще сыграют свою зловещую роль в истории России девяностых и далее, а самая выдающаяся сотня или более, перекочуют на «доску почета» журнала «Форбс» как самые богатые люди РФ.

Именно в такой стране появлялись на свет все герои дальнейшего повествования. В такой стране формировались их мировоззрение, характеры, индивидуальности. Все они разного возраста, хотя почти одного, максимум, двух поколений. Огромное влияние оказали и обстоятельства, и само время, и конечно, стечение обстоятельств, но каждый из них несет обязательную ответственность за принятые решения, и еще ответит перед Богом за все содеянное…

Трудно сказать, в кого вырастет ребенок, не уступающий место в транспорте пожилым людям, также как неизвестно, кем станет мальчик, постоянно шумящий на уроках, дергающий девочек за косички и совершено не желающий учиться. Однозначно, что человек, не умеющий любить и уважать, будет всю свою жизнь испытывать эти чувства только по отношению к

себе и своему эгоизму.

Целеустремленность и следование ее направленности за счет своих усилий и стараний в направлении чего бы то ни было, ради достижения своих целей, наверное, не столь важны, когда речь идет об общих благах и интересах. Но по-другому все видится, когда за счет других человек ищет выгоды себе лично.

Помножьте это на способность индивида быть либо проводником, либо генератором зла или добра, я имею в виду ту способность, которая переходит границы дозволенного и общепринятого. Ведь и добро, чрезмерное и навязчивое, как правило, оказывается лишь прикрытием для спрятанного под ее личиной зла.

Каждый из нас способен генерировать зло, но не каждый имеет в этом потребность, борясь с ним в самом себе.

Нами руководят наши страхи, которых мы подчас не понимаем, видим превратно, а то и вовсе не замечаем их роли. Живущая в нас подконтрольная животная ярость, пробиваясь сквозь выставленные интеллектом и разумом преграды, пугает подчас и нас самих… пугает до тех пор, пока не становится нашим вторым «Я»…

Что мы сами в себе? Что видят в нас окружающие? Часто наши близкие совершенно не знают нас настоящих, да что там — мы сами не знаем себя такими, удивляемся чужим замечаниям, кажется, не имеющим с нами ничего общего, осуждаем кого-то, не подразумевая, что обладаем теми же качествами зачастую в гораздо больших объемах.

Знала ли Надежда Чеснокова настоящего Тимура Хлебникова, что так маниакально притягивало ее в нем, осознавала ли, чего ей будет стоить нахождение рядом с ним?! Я нарочно не задаюсь подобными вопросами по поводу самого Хлебникова, поскольку не смогу ответить на них, не зная его лично. Она же многое замечала, далеко не все нравилось, что-то даже шокировало, но все равно притягивало, влекло, держало в самом нутре ее сердца.

Одинаковых людей нет, но эти двое влюбленных были настолько по-разному настроены, что и мировоззрение одинакового иметь не могли. И все-таки, они были вместе!.. Было ли отношение этих людей счастьем, о котором я пишу со слов Надежды Юрьевны, или таковым оно хотелось видеться обоим, что, скорее всего, так и есть, поскольку в счастье нет места измене, не столь важно для читателя. Каждый из нас в своем опыте имеет примеры совместного существования мужчины и женщины, даже достаточно долго, когда, казалось бы, и дня вместе им «угрожать» не может…

Что же важно? Наверное, череда событий, предшествующая

дню гибели Тимура, и последовавшие за ней шаги, объяснить проще, чем понять всегда разные мотивации, возникающие почти спонтанно, настойчиво и маниакально толкающие вдову на все, что могло видеться ей, через призму страдания, борьбой за торжество справедливости, возмездие, наказание, так и не принесших ей ожидаемого облегчения…

* * *

Мы окончили прежнюю главу на 27 ноября 1987 года — в этот день впервые встретились Надежда Чеснокова и Тимур Хлебников. Их историю до этого мы примерно знаем. Молодые неординарные люди, каждый по своему талантливый, стоящие на пороге своих предполагаемых счастья и благополучия. Небосвод их будущего от этого момента видится безоблачным, наполненным успехами, любовью, миром.

Для более подробного освящения этой же краткой эпохи мы прибегнем к возможности заглядывать в прошлое и найдем братьев Пылевых — Андрея и Олега[16], и еще нескольких фигурантов, участвующих в этих событиях: Марка Волошина[17], Махалина Сергея[18], Григория Гусятинского, Сергея Ананьевского, Алексея Шерстобитова — вашего покорного слуги на время прочтения этой книги, Алексея Кондратьева, Юрия Тутылева, Дмитрия Ческиса[19] и еще многих, совершенно не предполагавших, что ждет каждого из них впереди, и тем более, о времени, когда Провидение Господне сведет их в одной точке, напряжение в которой, дойдя до своего апогея, разрядится гибелью одного из главных героев, и то на время. Дальше напряжение снова будет нарастать медленно, неумолимо, безотвратно, неизбежно…

За десять лет до встречи Тимура и Надежды, старший из братьев Пылевых был призван в армию для прохождения срочной службы, прошедшей в пограничных войсках, на территории Прибалтики, где он хорошо зарекомендовал себя. Спортивный, крепкий, в меру амбициозный, относящийся к службе серьезно, под самую демобилизацию он участвует в задержании нарушителя государственной границы.

Командование посылает представление на правительственную награду, но наверху решают достаточным наградить его знаком «Отличник погранвойск» какой-то степени. В то время пограничные войска были в ведомстве КГБ, составляя бóльшую его часть, по численности около 700000 человек[20], а сами военнослужащие пограничники одни из самых

подготовленных военных специалистов. Постоянно проходя службу в условиях близких к боевым, солдаты и сержанты к концу второго года овладевали прекрасными навыками, сходными с необходимыми в полевой разведке.

Хорошая воинская подготовка, прекрасная физическая форма, большой потенциал и рвение в службы не остались без появившегося желания продолжения. Но, к сожалению, далеко не всегда качества и навыки, присущие человеку, востребованы обществом или другими людьми так, как хотелось бы их обладателю. Множество предрассудков, правил, стечений обстоятельств отделяют каждого в свое время, бывает и навсегда, от оптимального выбора. Кто может сказать с уверенность, что он занимает свое место, влюблен в свою работу, доволен положением в обществе, добился желаемого, смог воплотить все свои дарования, прежде вовремя обнаружив и развив их? Не так много найдется таких людей, хотя многие скажут, что смогли достичь достаточных успехов, каких-то постов, должностей, благополучия, но не удовлетворения!

Заработанные большие деньги не приносят счастья, только облегчают воплощение некоторых желаний, как правило, в материальной области, часто простой человек гораздо счастливей богатого и властного. Ну так и кто же из них на своем месте? Кто нашел себя, если чиновником или депутатом может стать каждый, даже психопат или шизофреник, ничего не умеющий, ничего из себя не представляющий, ничем не замечательный, подтверждение чему мы имеем за каждым углом современности, а слесаря высшей квалификации найти и днем с огнем практически невозможно?..

Через два года службы Андрей возвращается домой в Москву с продуманными планами, направленными на ее продолжение, но в другой ипостаси. Он отправляет документы в Школу КГБ, расположенную на проспекте Вернадского. Увы, через несколько месяцев приходит отказ, мотивированный арестом его младшего брата — Олега, амбициозного бездаря, неуравновешенного неуча, привыкшего загребать жар чужими руками.

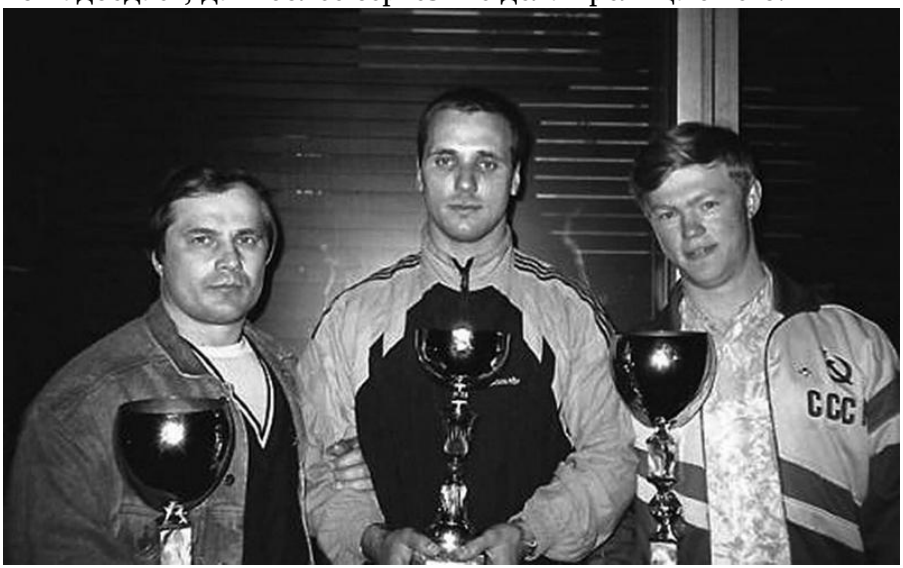
Младший Пылев (Олег) не в состоянии контролировать свое поведение достаточно долгое время, руководствовался позывами своего эгоизма, стремлением доказать свое превосходство над другими, стремлением достижения благополучия без усилий. Этого человека никогда не интересовали судьбы других, даже когда благополучие их зависело от одного его слова. Обладая некоторыми способностями убеждения, харизмой, вызывающей симпатию, влияющей на собеседника какое-то время, он был способен воздействовать на умы свободных от полезной работы

молодых людей, находящихся в поиске себя и работы. Обещания легких денег без риска, пыли и крови, действовали безотказно, но всегда приводили к одному и тому же — необходимости подчиняться, причем до самого конца, предел которому смерть, либо самого попавшегося на эту приманку, либо нужного для младшего Пылева человека.

Все это произойдет значительно позже. Сейчас же Олег Пылев рушит возможную карьеру брата, вступая в драку с дружинниками. Как результат небольшой срок у него и отказ в поступлении Андрею в очень специфический и престижный ВУЗ. Что делать молодому человеку в такой ситуации? Не поступающие с первого раза, могут пробовать еще, кто-то выбирает другие учебные заведения, но Андрей отказывается от службы и получения высшего образования вообще.

Через какое-то время он выберет удобство и комфорт, которые нужно зарабатывать, пусть и не совсем честным путем, но все же трудясь своими руками. Он становится учеником мясника, впоследствии мясником в одном из продуктовых магазинов…

В это же время Сергей Дмитриевич Ананьевский поступает в Московский авиационный институт, который заканчивает через пять лет, выйдя в мир инженером-авиационщиком. Григорий Евгеньевич Гусятинский уже учится в МИСИ. Окончив его, он пойдет работать в ПТУ преподавателем. Работа там вряд ли ему нравилась, и по предложению родственника, несущего службу в рядах КГБ, соглашается воспользоваться его протекцией. Пять месяцев Гусятинский работает в секретной подземке «лифтером», что надоедает, да и более серьезные дела прельщают его.



Чемпионы СССР по силовому троеборью. Призер чемпионата мира по пауэрлифтингу в жиме лежа. Сергей Ананьевский в центре. Он же вскоре президент федерации пауэрлифтинга России.

Так он снова оказывается на «гражданке», почти сразу влившись в компанию «медведковской» братвы «первого разлива». С Андреем Пылевым он знакомится в том самом магазине, где тот ловко орудуя топором, умудряется из одного килограмма говядины сделать полтора.

Сергей Буторин в этот студенческо-рабочий период еще только перспективных братков, получает звание прапорщика, оставшись на сверхсрочной службе, заведуя одним из армейских складов.

1980 год. Летом Ваш покорный слуга — игрок в составе команды ЦСКА СДЮШОР. Через два года (в 1982) я буду участвовать в первом для меня чемпионате СССР для спортивно-детско-юношеских школ олимпийского резерва. Это будет летом между восьмым и девятым классом (тогда было десятилетнее обучение в средних школах). В одной команде со мною играют будущие звезды мирового футбола: вратари Олег Денисов, Евгений Корнюхин, нападающий Александр Мостовой. Высшее военное училище станет реальностью (отсчитывая с 1980 года) только через четыре года, военное поприще полностью захватывает уже сейчас. Кажется, что другого быть не может, но человек предполагает, а Господь располагает.

Командное фото сразу после победы в кубке имени братьев

Бобровых. Зима 1982 год. Автор во втором ряду, пятый слева направо. Тренеры и начальники: Сергей Петрович Ольшанский — знаменитый в прошлом «последний» защитник ЦСКА, Альберт Николаевич Шестернев, участник матча со сборной Бразилии, с Пеле и Гаринче, Малиновский Валерий Николаевич, другие — настоящие легенды, знаменитости, на которых мы тогда смотрели, как на богов, подчиняясь любой команде и требованию.

После «Союза» (первенства СССР), как мы его называли, я решил поступать в Калининское суворовское военное училище. Все прошло удачно, но юношеский разум не смог перенести отсутствия культивирования футбола в этом учебном заведении, без которого жизни я не представлял. К тому же громадная разница, ощущаемая между этим училищем и военными городками, где полжизни провел отец, оказалась неприемлемой — хотелось более взрослого и серьезного. Написав рапорт, я умчался к батюшке в Куткашен, где тогда он проходил службу на строящемся объекте МО, «обозванном» на табличке-указателе: «Объект Академии наук СССР».

Военные полигоны и свобода были полностью в моем распоряжении, с футболом пришлось все-таки временно расстаться, поскольку было данное отцу слово в случае непоступления приехать к нему, но все приобретенное в южной стране легло в основу не только характера, но и навыков. Уже офицером я возвращался в эти места по долгу службы и не нашел того, что оставлял.

Не только люди во времени подвержены невероятным переменам, но и все, что хоть как-то касается их жизнедеятельности. Не узнав тех мест, я покидал их без сожаления, понимая, что мое сердце бьется в России, наверняка, там и перестанет…

Когда я только пошел в школу, Марк Волошин (будущий глава «Марвол»), окончил 3-й Медицинский стоматологический институт, а через десять лет стал доктором, на наш лад — кандидатом наук, защитив диссертацию в Ганноверском медицинском университете.

Когда я еще был курсантом военного училища, Гусятинский как раз проходил свой краткий путь в КГБ, Ананьевский плотно занимался спортом, став функционером в Федерации силового троеборья, занимаясь в одном клубе с Григорием же (Гусятинский) — спортивный тяжелоатлетический клуб «Москвич». Старший Пылев вовсю разделывал замороженные туши, младший, уже освободившийся, приезжал за килограммами вырубленного в виде остатков мяса, забирая их для ресторана,

который служил ему прокормом каким-то неофициальным образом.

К тому времени Надя Чеснокова закончила не только МГУ, но и аспирантуру, защитила кандидатскую диссертации. Будущий ее муж Тимур Хлебников заведовал только возникшим отделом в ТПП, а Алексей Кондратьев и Юрий Тутылев — будущие «исполнители» медведковского «профсоюза» под руководством Пылева Олега, только переступали порог хоть какой-то самостоятельности.

Прибыв в зимний отпуск домой в Москву в 1987 году, я на следующий день направился в «бибиревский» ФОК (не «бомбоубежище» у метро «Медведковская», а расположенный около будущей станции метро «Бибирево» физкультурный оздоровительный центр, по сей день находящийся там же), договорился о занятиях в некотором подобии тренажерного зала.

Первое же занятие свело меня с юношей, обладавшим очень впечатляющим размером грудной клетки. Звали его Юрой. Шестнадцатилетний паренек выглядел смешливым, улыбчивым хулиганом, в котором не просматривалось совершенно никакой злобы. К некоторой наглости, необузданности, неучености, тяги к мошенничеству, легкой жизни и спорту, добавлялось его прыщавое лицо и прекрасно развитый мышечный каркас его тела. С детства он занимался плаванием, пожалуй, на несколько лет это и было его единственным полюбившимся занятием, которому он отдавал все силы и все время в ущерб учебе и воспитанию.

Через несколько лет этот атлет станет киллером в первой пылевской пятерке, где его будут называть «Мясной» или Юра «Мясо». Встретив его уже заправским жиганом, я, еще не совсем понимая, куда и для чего попал, заметил произошедшее в нем, бросающееся в глаза изменение — взгляд его напоминал взгляд хищника-падальщика в своих угодьях, меняющийся лишь при встрече с глазами Олега Пылева. Тогда это мне ничего не сказало. Перекинувшись при этой встрече несколькими словами, мы «потерялись» на несколько месяцев, а может и больше…

К 1987 году Волошин, бывший эмигрант из Советского Союза, покидает медицину, переезжает из Германии в ЮАР и создает собственную фирму «Марвол Менеджмент», начиная с этого момента обзаводится связями в чиновничьем аппарате страны и в ее правительстве.

К моменту знакомства Нади и Тимура, он пребывает из ЮАР в СССР, но их встречи еще остается немного времени. Влюбленная пара нарабатывает опыт, связи, отношения, благоразумно надеясь, что это пригодиться, Марк делает то же самое, но в других кругах. Их головы заняты всевозможными схемами, но

основы этих планов разняться кардинально. Волошин смотрит на мир взглядом глобального охвата, не разбираясь в тонкостях, не вникая в мелочи, он задумывается о возможностях использования пока только коррупционируемого, административного ресурса, с помощью денег же, внедрения в нестабильную экономику меняющейся России, буквально наводненной на рубеже десятилетий мошенниками, искателями приключений, разведчиками всех мастей и стран, предложений всего, чего угодно, наряду с серьезными инвесторами и бизнесменами, в число которых явно не входит.

Знающие, но предпочитающие молчать люди говорят, будто бы до сих пор неизвестно откуда взялся его начальный капитал, ведь ничего удачного на тот период он не создал. Лично я уверен, и тому есть основания, в том числе и из личного опыта, что как и во многих других случаях того времени, Волошин был из круга лиц, прибывших в Россию и бывшие республики СССР с одной единственной целью — завладеть каким-нибудь военным секретом или вывезти из страны, хоть что-то имеющее отношение к вооружению, чему мы и будем свидетелями на ближайших страницах книги.

В этой мутной воде невозможно разобраться без надежных и преданных, пусть и снова приобретенных за деньги помощников. Он начинает с помощников в низшем звене, как говорили в царской России, «нужников» — охранников и людей для поручений, которым можно доверять, и которых можно в случае надобности использовать как бампер безопасности.

Ими оказываются молодые люди Вячеслав Беззубиков, по совместительству мой друг детства, и Семен Дмитриев, работающие на тот период в охране отеля «Космос». Именно там Марк с ними знакомится, «прощупывает», полностью завладевая их волей и сознанием не только своими планами, деньгами, возможностями, но и пока человеческим отношением.

В глазах своих друзей и родственников ребята быстро становятся преуспевающими бизнесменами, всегда занятыми, нафаршированными дорогими шмотками, автомобилями со спецсвязью, аппаратура которой, занимает половину багажника фешенебельной иномарки. Кажется, что они поймали золотую рыбку без ограниченного количества желаний, впрочем, это часто встречающееся тогда обстоятельство, как и действие обратное, обязательно последующее взлету…

Как же разнообразны человеческие судьбы, невероятны повороты в них, непредсказуемы последствия. Двигаемся дальше, плавно скользя над шероховатой поверхностью прошедшего когда-то времени, застывшее русло которого выложено то

совершено серыми, то чересчур аляповато-вызывающе, то очень искусно раскрашенными кирпичиками с разного уровня четкости рисунками эпизодов из жизни каждого, но так выглядит только при небрежном взгляде назад! На самом деле эти кирпичики старательно покрывались нашими вычурными оправданиями и задуманными мотивациями. Попробуем разобраться в них хотя бы немного.

Друг автора Вячеслав — вполне преуспевающий и жизнерадостный, впереди предстоит еще пройти многое. 1992 год

Вот так выглядят лишь некоторые отметки событий, составляющие своими мазками целую фреску достаточно большой вехи прошлого в соборе истории отдельно взятой страны.

Трофим Кононович Молодый — внук известного советского физика и сын известного советского же разведчика Конона Трофимовича Молодого, в 1989 году по состоянию здоровья покидает в звании майора свою альма-матер КГБ. Через несколько лет он возглавит ЧОП «Великая держава», целиком и полностью принадлежащий «медведковскому профсоюзу».

Этот же год становится переломным и жизни Тимофеева Сергея Ивановича, будущего всевластного «Сережи новгородского», «Иваныча», но больше известного как «Сильвестр». Он арестован по обвинению в вымогательстве, по делу вместе с ним проходят: Михайлов — «Михась», Аверин — «Авера», Чистяков и еще ряд известных коллег. Колония в Тверской области становится ему пристанищем на целых три года. Его появление в 1992 году окажется «разведкой боем», плавно перешедшей в небольшую гражданскую войну между бригадами, бандами, «профсоюзами».

Ананьевский Сергей Дмитриевич, будущий «Культик», готовит вместе с другими спортивными функционерами первый дебют сборной СССР в чемпионате мира по пауэрлифтингу, который в 1990 году, пройдя в Голландии, принесет стране бронзовые призовые награды. После чего, с течением времени, он станет первым президентом Федерации пауэрлифтинга в России и заслуженным тренером по силовому троеборью, завоевав в личном первенстве, между прочим, первое место в упражнении «жим штанги лежа» в 1991 году на чемпионате СССР.

Сергей Махалин, через несколько лет уже «правая рука» Олега Пылева, представитель «крыши» СП «Марвол», параллельно отвечающий за координацию «исполнителей», напрямую подчиняющихся Олегу Пылеву, в «работе» по устранения неугодных «профсоюзу» лиц[21], как из своей среды, так и среди противостоящих бригад, коммерсантов, бизнесменов. Именно он при задержании в Одессе, вместе с Олегом Пылевым, после скачек на ипподроме, где Олег Александрович выступал в роле коневода-заводчика, на приз мэра города, уходя от преследования, направил свой джип в толпу людей, проскочив ее насквозь, вылетел на трассу, и совершив семь аварий, врезался в дерево, представляющее местную историческую ценность. Уходящего по полю бегом, его настигла пуля спецназовца, прошившая при повороте тела, для производства выстрела в

сторону преследователей, сбоку грудные мышцы, не зацепив ни внутренние органы, ни даже костей ребер. Потерявшим сознание, Сергей произвел на преследователей впечатления хладного трупа, очнувшегося только в машине, именно поэтому его не добили на месте.

Этот крепкий тогда, еще в 1992 году, парень, вернулся домой «дембелем», празднующим ежегодно день своих войск 2 августа. Прослужив два года в разведывательной роте, Махалин к спортивному разряду по боксу прибавил много других навыков, применение которым не смог найти на «гражданке».

Случайно познакомившись в Подольске с представителями местной братвы, постепенно подтянулся к криминальному бизнесу, пока только, как рядовой «боевик». Разразившийся скандал между ним и более старшим по положению братком (вряд ли здесь стоит раскрывать причину тогдашнего скандала), оставшийся одной из темных страниц биографии, вытолкнул его из родного города, аккуратно в сторону севера столицы нашей родины, в объятия Григория Гусятинского, которому было не до того, а потому решением этого вопроса занялся Пылев Олег. Одно удачное, второе не очень, покушения на бывших «руководителей» Сергея «закрыли тему, убив вопрос на корню» — как говорилось в то время «порядочными людьми»…

В этот же период атлет-культурист Алексей Кондратьев, человек не злой и не добрый, в силу своего заболевания несколько ограниченный в умственном и интеллектуальном развитии, гонял на байке вместе с тем самым «Хирургом», снялся в двух фильмах в эпизодических ролях, в общем и целом был всем доволен, пока не разбил своего двухколесного «друга» в пух и прах. О починке и речи не было, финансы отдыхали от его карманов, а потому не только на бензин, но на еду их не хватало. Именно в это время и появился соблазн, озвученный соседом по двору Сергеем Елизаровым, единокровным братом обоих Пылевых по отцу.

Последний, уже ставший к тому времени членом «профсоюза»[22], не лез в прямой криминал, водил автомобиль, участвовал в групповых мероприятиях, в основном помогая братьям в бытовых вопросах, на которые у родственников уже не хватало времени, да и желания особенного этим заниматься не было.

Я окончил ЛВУ ЖДВ и ВОСО им. М.В.Фрунзе в звании лейтенанта. В этом же 1989 году 30 октября был награжден орденом «За личное мужество» за номером 5596, всем довольный, строил планы совместной жизни с молодой супругой Ольгой, даже не представляя, что чуть больше чем через год моя стезя

сделает разворот в никогда не предполагаемую сторону.

Отец моей тогдашней супруги Виктор Ильич в чине полковника служил начальником отдела в штабе тыла ВС СССР («дом номер два»), мы сразу нашли общий язык, взаимопонимание, так же, как и с тещей Светланой Михайловной…

Наконец-то собирается бригада «медведковских», но еще не «Гусятинско-Пылевская», ставшая лишь ее предтечей. В первую входят: «Удав»; «Стас»; «Леня Пантелей»; «Леня Усатый»; братья Пылевы, Стас «Чеснок»; Григорий Гусятинский — «Гриня», ставшие после ее распада главшпанами в других, уже собственных, с идентичной же привязкой к этой замечательной местности «Медведково» и еще ряд товарищей, рангом пониже. Занятия их были разноплановыми, разнородными, криминальными от поездок на «каблучке» — «Москвич»-пикап с крытым кузовком, от палатки к палатке, из которых под стволами забиралось все ценное и плохо лежащее, до «крышевания» перегонщиков автомобилей, овощных баз и импортеров обуви. Ничего крупного, а потому хотелось большего, серьезного, настоящего.

Чтобы быть причастными к крупному во время этой первой бригады бизнесу, нужно было рисковать и уже не просто здоровьем или свободой, но жизнью. Наверное, на этой почве произошли столкновения, подогретые появляющимися серьезными делами у всех, кроме Гриши и Пылевых[23]. Делиться своими барышами не хотелось никому, а потому вышел скандал, пролёгший, как выросшая граница между бывшими подельниками…

Хороший знакомый Марка Волошина, генерал ГРУ Жан Федорович Зинченко — до 1988 года руководитель закрытого предприятия ВПК «АГАТ», стал самым удачным знакомым бывшего стоматолога, «открывавшим» в течении многих лет двери во многие кабинеты власти, пробивая их в большинстве своем конвертами с деньгами, получаемыми от своего шефа. Именно он помогает бывшему эмигранту приобретать таким образом связи в Министерстве обороны; Главном разведывательном управлении ВС; «Росвооружении»… Именно он, уже в 2016 году в приватном разговоре с Надеждой Юрьевной Хлебниковой произнесет в сердцах: «Только в этой стране потомственный офицер (имея в виду меня, ибо именно обо мне и был разговор) может стать киллером, а генерал ГРУ — мальчиком на побегушках у мошенника Волошина!»…

Чуть раньше, в 1989-м, Марк Волошин появляется в СП «Информ-Право». Предлагаю на время отстать от бандюшков и

обратиться к началу образования бизнеса этого человека, казавшегося тогда порядочным и многообещающим в России, участия в нем, уже ставших возлюбленными Нади и Тимура, что приведет нас, в конце концов, к точке отсчета, в которой соберутся все персоны, перечисленные выше.

Марк, вначале, явившись с не очень крупными по западным меркам капиталами, решил покорить «страну непуганых идиотов»[24], справедливо полагая, что связи, взятки и озвученные им громкие проекты проложат ему дорогу в желаемые коридоры, и не ошибся.

В первом разговоре с ним, Надежда Чеснокова предстала во всей мощи своих возможностей и образования. Их свел Александр Бендик — типичный представитель «золотой молодежи» того времени, светский тусовщик, фарцовщик, в основном балабол-понтовщик, иногда попадающий в самый центр мишени. Этот человек с неограниченным запасом энергии влезал везде, пробуя свои силы, доставал все и вся и часто был в курсе многого происходящего, поскольку крутился рядом с людьми, обладающими связями и деньгами.

За день до встречи с главой «МАРВОЛ» (громкое название происходило от Марк Волошин) Саша позвонил Чесноковой:

— Надюшь, привет! Есть дело! Ты тем же занимаешься, чем и в ТТП? На Минфин выходы есть? Совместные предприятия регистрируешь?.. — Надя, несмотря на свою женственную натуру, обладала множеством мужским качеств, что и пугало Тимура, среди которых выделялись жесткость, наигранная конкретность, краткость, желание выглядеть более значимой и независимой, как в жизни, так и на работе, зачастую превосходящие по своим параметрам мужнин:

— Бендик, ты в своем репертуаре. Просто так никогда ни позвонишь… гад!

— Да тебе звонить без толку — везде при тебе этот грузин, как тень отца Гамлета.

— Лааадно, излагай…

— Есть маза заработать денег.

— Да ну!..

— Не ехидничай… Приехал наш бывший советский стоматолог…

— Неее, нууу если стоматолог, тогда конееечно!.. — Язвить хотелось — и время, и само появление старого знакомого, а теперь еще и «стоматолог» с грандиозными проектами, веселили от души.

— Да, стоматолог! В общем, есть маза, он уже заимел какие-то связи. Вроде имеет деньги. Плаааанов — громадье! Хочет

сделать несколько СП в Москве и по СССР. Сделаешь?

— Саш, это дороже намного, чем в Торгово-промышленной палате теперь стоит. Сейчас я на себя работаю, а не на государство.

— Ну ты че! Он платит.

— Посмотрим… Вези…

— Надь… ну только со всем респектом! Я у него типа на жаловании. Нууу… и это… я сказал, что ты готовишь СП одна на весь союз! Я же тебя знаю, ты ведь можешь пыль в глаза пустить…

— За отдельную плату даже смогу сказать, что вот тут сижу и жду только тебя. Я поняла — не подведу. Когда ждать?

— Завтра можно?

— Можно Машку через ляжку… Хорошо, я клиентов раскидаю к вечеру. Часов после восьми вечера годится?

— Вааааще! Мы будем!..

Тимур Хлебников со своим партнером Александром Тобаком, к моменту появления Волошина в офисе были в командировке в Хельсинки. Надя встречала клиентов в одиночестве не в первый раз.

Наконец приехали Бендик и Марк. Марк… показался ей новоиспеченным Остапом Бендером новой формации, прежний бы и ни дня не продержался на одном уровни с этим дельцом авантюрного плана международного масштаба. Наметанный уже взгляд и женская интуиция не оставляли и капли сомнения в его намерениях.

Приехали «важные гости» на дребезжащих «Жигулях» Саши. Марк в белом дорогом тулупе, дедушка Чесноковой говорил именно про них: «Что в его бытность извозчики в таких ходили».

Она начала задавать вопросы: объем предполагаемых инвестиций, предмет деятельности будущих СП, наличие партнеров, необходимость их подыскивать?

Волошин отвечал, что у него есть проект, за которым стоят деньги оборонки ЮАР. Это — главное!

— Но как вы планируете работать с ЮАР, которая под международными санкция и вздохнуть не может?

— Мы прикроем это как советско-германское совместное предприятие для создания маленьких самолетов, приспособленных для эксплуатации в условиях пустыни. Схема у меня есть. Главное — подготовить уставные документы, технико-экономическое обоснование и зарегистрировать пакет в Минфине. Бендик мне сказал, что это делаете только вы. Это так?.. — Вот при этих словах и стоило бы задуматься о целях, преследуемых приехавшим в Россию гостем, что непременно сделали бы в бытность КГБ СССР.

— Это так. Я обучалась на Высших курсах ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию) в Вене, вон там… на стене мой диплом. Я работаю по компьютерной методике (а это 1989 год!) COMFAR, лицензированной в ЮНИДО. Это единственная методика, по которой расчет рентабельности проекта принимается не только советскими предприятиями банковской системы, но даже Минфином. И самое главное, эээтооо принимают западные банки, финансовые фонды, которые выделяют средства на инвестиции в СССР.

— Сколько стоит Ваша работа?.. — Тут Надежда задумалась. Для иностранцев у них была «такса» — 300$ в час. Но когда речь шла о таком комплексном проекте, Тимур, заключая с клиентом договор, обозначал общую стоимость работы супруги от первой встречи до регистрации СП, включая подготовку данных, участие в переговорах и «проталкивании» проекта на всех решительных этапах. Очень быстро Надя поняла, что без мужа и Тобака, она не может оценить объем предстоящей работы.

На этом этапе Марк получил «рыбу» («скелет» контракта без прописанных данных, объясняющий суть предполагаемого) на контракт оказания консультационных услуг, список необходимых ей данных для начала работы, она попросила приехать его в то время, когда будут в офисе вернувшиеся из Хельсинки начальники.

На следующую встречу Волошин приехал с Лео Шумахером, тоже когда-то покинувшим СССР, но чуть позже, поэтому, чтобы тот казался равным партнером, его пришлось толкать уже по проторенной дорожке, как это всегда делают евреи. Лео (Лева) представился другом, партнером и доверенным лицом Марка. Надя провела перспективных клиентов в кабинет к Тимуру, и еще не успела прикрыть дверь, как услышала равнозначный по грохоту выстрелу главного корабельного калибра, голос Хлебникова: «Левчик!» — ему вторил многократно слабейший: «Тим!». Оказывается в Тбилиси Шумахер и Тимур учились в одной школе и вместе выбивали окна соседей футбольным мячом.

Так и хочется констатировать тесноту мира, нас окружающего, но почему-то мне, человеку, обладающему определенным опытом, в такие моменты приходит другая мысль: «Чем же это закончится?!».

Я люблю импровизировать и удивлять, люблю сам неожиданности, но ожидая от них не только первого всплеска радости — если бы знать наперед, кому и чему сопутствуют наши старые, добрые друзья, желающие нам поначалу только счастья и благополучия!..

Тут же встречу было решено перенести в ресторан. Впятером:

Тимур, Марк, Лео, Тобак в сопровождении вездесущего Бендика, отправились в ближайший. Чеснокова не стала их сопровождать, хотя ее и упрашивали — нужно было забрать дочь у родителей, выгулять собаку и приготовиться к встрече любимого.

Тимур, вернувшись домой, рассказал, что по своим старым знакомствам с помощью денежных купюр, с изображением Джорджа Вашингтона, Марк уже заимел нужные связи в «Росвооружении», ГРУ и МО. Задача же их СП — готовить проект, прокладывать ему «лыжню» и потом обслуживать его существование. Это был 1989 год.

Не долго думая, в СП «Информ-Право» решили создавать «МАРВОЛ Групп Россия» — группу независимых юридических лиц в статусе совместных предприятий, где с советской стороны — разные партнеры, с западной — «MARVOL Inc.», зарегистрированная в оффшорной зоне британской юрисдикции, имеющая свои филиалы в Ганновере, Лондоне, Швейцарии, ЮАР и где-то еще. Скоро, таким образом, появились: «Конкорд-Тревел» — туристическая компания, «Росстекло», совместное предприятие по древесине в городе Бор (Украина). Надя сделала по всем этим проектам полную документацию. На начальном этапе все эти проекты начали работать: снимались офисы, поставлялось оборудование, находились поставщики, заказчики продукции, продавались путевки. Но главной задачей стало СП «Русджет».

Для видимости, статусности и координации Волошин снял офис в Октябрьском переулке Москвы. Со временем в его поле зрения попали новые для читателя персонажи: Головин, Галушко, Ческис. Эти люди перетекли из менеджмента КБ Микояна. Дмитрий Ческис за полгода до этого был начальником отдела стендовых испытаний, его мгновенная переквалификация в финансиста не вызвала удивления ни у кого из знающих этого человека лично, поскольку он был, кроме всего прочего, и талантливым приспособленцем, прекрасно адаптируясь почти к любому виду деятельности.

Пока оба офиса были на удалении, не имея общих дел и одного подчинения, никто из офиса «Информ-Права» на них не обращал внимания. Работа полным ходом шла по проекту СП «Русджет», пока в какой-то момент Волошин не озвучил желание сделать фирму «Информ-Право» своей по простой причине — работа подошла к уровню крайней секретности. Он предложил вывести из учредителей швейцарцев и финнов, оплатив им неустойку, и войти самому в акционеры. Расчет был на то, что Чеснокова и Хлебников должны были запустить проект СП «Русджет», а после продолжать работу с внешними клиентами.

Надя, понимая, что это исключит всякую независимость, да и

Марк не внушал ей доверия, сопротивлялась, как могла, но Тимур, Тобак, а так же Хейфиц, председатель Московской городской коллегии адвокатов, которая была с советской стороны партнером в «Информ-Право», приняли решение сотрудничать с «МАРВОЛ». Она хотела уйти, но Тимур уперся, просто потому, что не он это заметил и обосновал, хотя и видел правоту супруги. Она же искренне не понимала, почему он так поступает, но ее удержала страстная привязанность к нему и уже образовавшаяся почти семья — ведь мечта сбылась, сыграв на стороне обстоятельств, которые приведут к неисправимому несчастью. Если бы знать, если бы поверить предупреждающим ощущениям, если бы Тимур обладал теми же мыслями, что и жена, если бы, если бы, если бы! Но бывало, она ошибалась в сложных ситуациях и глобальных вопросах, он был почти всегда прав, а видя, что Надя строит планы, никогда не задумываясь о последствия каждого шага, считал, что прав в очередной раз именно он.

Возможно, у Чесноковой сыграло тщеславие, ведь при такой перемене роль мужа возвышалась, а ее собственная уничижалась до уровня только исполнителя, что ей не могло нравиться, как помнит читатель, еще девочкой она предпочла единоличный вид спорта, при котором можно быть первым, а не просто тем, кто равен многим.

В это же время Надю приглашали вернуться в ТПП, а в тот период это становилось не только местом более приличного заработка, но и перспективным в смысле продвижения по государственной службе. Её тянули в Государственный комитет по науке и технике, в Госплан, даже в «NIGHT FLIGHT» — советско-шведское СП, первый ночной клуб в Москве, который они и делали СП, часто летая в Стокгольм и Нордчоппинг. Но слово Тимура, признанного мужа и любимого человека, единственного, кого она была способна слушаться беспрекословно, перетянуло все рациональные выкладки и личные желания, заставив выбрать худшее из возможного. Довольно часто мужские амбиции, разрушающиеся со временем, не дают в полную меру раскрыться талантам любимых женщин, в то время как именно они и могут быть тем бриллиантом, что нужно собою оправлять. Тимур не только «перетянул на себя все одеяло», но и паровоз поставил на свои рельсы, направляя его в сторону, где вырастающие препятствия оказались выше его сил, при том, что жена не заметила бы их, как препятствия, но воспользовалась ими как трамплином.

В результате Волошин пригласил Хлебникова на должность руководителя этого совместного предприятия, что казалось поначалу прыжком вверх, заместителем стал сын Степанова,

генерального директора одного из оборонных заводов, с которым «МАРВОЛ» заключил контракты по проекту «Супер Мираж»… Почти сразу потекли деньги, не такие большие, но живые и нужные для выживания в новых условиях, связанных с изменением государственного строя, внутренней и внешней политики, раскрывшихся, но еще не утвердившихся непривычных правил и возможностей. Весь смысл затеваемого бизнеса заключался в нехитром: у СССР есть продукт и его хотят купить. Это вкратце. Одно «НО» — продукт под грифом «СЕКРЕТНО»!

Волошин и Тимур заключили договор на три года, по которому последнему за день работы обязаны были платить тысячу долларов[25], на что и «повелся» Хлебников. То есть всего работодатель обязался заплатить один миллион! Для того времени очень большие деньги, но и работа не была простой.

Необходимо было свести воедино несколько заводов Военно-промышленного комплекса (ВПК), удовлетворив запросы каждого, контролировать, не упуская ни одного, даже маленького нюанса, во все вникать, что для специалиста-химика, имевшего прекрасную память и развитый интеллект, было не только интересно, но и возможно.

Волошин арендовал в Заречье дачу — бывшую резиденцию Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, где и происходили основные встречи. Чета, на тот момент, уже Хлебниковых, по рабочей необходимости постоянно ездила в Ганновер. Вышли на руководство КБ Микояна (директора Белякова и Зазулова); завод, выпускающий авиационные двигатели в Питере (генеральный конструктор Саркисова); завод по производству фюзеляжей в Рыбинске (директор Патрикевич).

Все эти уважаемые ученые и академики влачили вместе со своими предприятия жалкое существование, нависшая гибель огромных, хорошо настроенных гигантов, ведущаяся в них научно-исследовательская деятельность, обученный, сплоченный персонал, подбиравшийся десятилетиями, инженеры, конструкторы, слесари, токари высочайшей квалификации, все это разваливалось, никому из верхов не было дела до того, кто и за чей счет выживает. Именно поэтому руководители принимали предложения, видя в них шанс для сохранения предприятий и коллективов.

С позиции сегодняшнего дня можно предположить, что эти мудрые, умные дядечки с учеными степенями и званиями докторов наук, академиков, лауреаты всевозможных громких премий, кавалеры высоких правительственных наград пошли на сделку с иммигрантом-авантюристом из-за денег и престижа. Это мнение может принадлежать тем, кто привык разрушать,

равнодушно следить за гибелью чужого создания, совершенно не страдая при этом сам, то есть рассуждая и делая выводы, основываясь на своем опыте и привычках. Не такими были советские ученые и конструкторы с мировыми именами.

Конечно, альтруистов среди них почти не было, личный достаток стоял на своем месте в градации их ценностей, но первым были те самые отстроенные и налаженные организмы с их персоналом, которыми гордилась вся страна, как и тем, что они выпускали. «Плюнули» на основную профессию Марка — стоматолог, на ЮАР, которой никто ничего не был должен, и ударили по рукам.

Все, что касалось тайн и секретов, осуществлял и пропускал через себя знакомый Марка генерал ГРУ Зинченко Жан Федорович, он часто руководил переговорами с иностранцами. Вхожий в правительственные круга, он без проблем, обладая необходимыми отношениями, связями и теперь материальными ресурсами дотягивался до самых верхов, добиваясь любых нужных бумажек и указов, даже в моменты, когда это противоречило интересам страны.

Шло время, несмотря на промежуток в несколько лет, появившийся благодаря краху ГКЧП (Государственный комитета по чрезвычайному положению) русские «Антеи» и «Русланы» без опознавательных знаков бороздили воздушное пространство половины мира, доставляя контрабандный груз в Йоханнесбург и Кейптаун. Примечательно, что охваченный этим спрутом министр иностранных дел Козырев специальной секретной нотой останавливал боевые действия в воздушном пространстве Анголы, на территории которой шла гражданская война на несколько часов, ради пролета авиационного борта, несущего в своем чреве двигатели для стендовых испытаний. В салоне самолета летели: академик А.А. Саркисов, его подчиненные и сам Тимур Хлебников.

Генерал МО Жанн Федорович Зинченко. Когда-то руководитель секретного предприятия «АГАТ»

Надежда Юрьевна по стечению обстоятельств присутствовала при телефонном разговоре в кабинете министра, решившего за пять минут данную проблему — силен еще был дух «СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК».

В спарке с другими по этому проекту был и Сидорков Сергей Сергеевич — заведующий в «Белом доме» сектором по Южной Африке. Многие и многие известные люди из правительства «проплывали» в этом деле своими подписями, многие даже не осознавая своего участия, но так ли это важно, если заводы получили работу, а люди — деньги. Волошин пока платил исправно, разумеется, не сам, а деньгами, поступавшими ему со счетов «АРМСКОР»[26], конечно, не забывая в первую очередь «откусывать» большую часть, переводя ее на свои счета.

Все выглядело так же успешно, выходя так же невероятно, как было кустарно и не продуманно. Например, два близких Марку Семеновичу человека, облаченных доверием: Слава и Семен, провезли скрытно через границу на только что приобретенных «Мерседес Бенц» из Германии банковские чеки на предъявителя на общую сумму около двух миллионов долларов! Заработав на этом полный гардероб и подержанные иномарки в 126 кузовах, они остались более чем довольны, готовые выполнить любое подобное же рискованное задание, продолжали служить доктору медицины верой и правдой, что делал бы в то время, скорее всего, любой.

ЮАР, вилла Волошина, декабрь 1993 года. Слева направо: Зазулов, «Хлебников», Патрикеичев, Саркисов крайний справа.

Не все было гладко, впрочем, так же, как в нашей стране и чуждом для него государстве. Техническая сторона, пожалуй, единственный сектор, где гладкие соприкасающиеся поверхности теории и практики были доведены до идеала. Оформление документации, преодоление барьеров нестабильности, настроения чиновников, непродуманность со стороны закона, ненормативность самой задачи и его громадность, напоминали бег на длинную дистанцию с барьерами.

Нет смысла копаться в этих хитросплетениях — время не ждет кропотливых, хотя они иногда и догоняют его своей настойчивостью. Пока не появился СП «Русджет» в деле были несколько человек, впоследствии отстраненных от проекта, один из них Чернухин А.В., в свое время он станет первой жертвой прилепившегося к «МАРВОЛУ» криминала, но это ноябрь 1993 года, а потому говорить об этом еще рано. Просто запомните…

Рубежом не только для всего, чем занимались выше перечисленные люди, но и для многих других стала попытка в 1991 году взять власть в «свои руки» ГКЧП. Генерал Зинченко поначалу радовался — возглавлял это выступление его друг Бакланов, а значит, всему ожидался «зеленый свет», но попытка спасти полезный и сильный остов, созданный СССР, провалилась, не оставив о себе даже воспоминаний! Кто знает, возможно,

жизнь в стране, которую хотели сохранить эти люди, была бы гораздо лучше и справедливее, чем пришедшие им на смену разрушительные действия Ельцина и компании, продолжавшие «великое дело» уничтожения России Горбачевым.

В принципе, они ратовали за сохранение не прежнего, а лучшего из него, пытаясь остановить горбачевское сумасшествие! Сдается, они были правы, раз этот президент-болтун, получивший за начало развала Великой империи Нобелевскую премию, опасается жить у себя на Родине — единственный за всю историю.

Государственный комитет по чрезвычайному положению. О. Бакланов пятый слева. На мой взгляд, с краха этого самого комитета началась эпоха падения страны.

И еще, что хотелось бы сказать о тех людях — они были из тех, кто оказался неспособен стрелять в собственный народ, а это, помяните мое слово, дорогого стоит! Тогда их не выслушали, не знали замысла, цели их действий, пути достижения, осудили, захватили, ставшую ничейной, власть, и мы знаем, кто получил ее в руки и как ей воспользовался. А ведь их дело с сегодняшней точки зрения может выглядеть поступком, если не героическим, то спасительным. Но вышло, как всегда: мы старый мир разрушим, а затем…

Встречи, пересечения, слившиеся или оборвавшиеся стези — мир полон этими необъяснимыми стечениями обстоятельств, они кажутся далекими от нас, но стоит лишь всмотреться, как

проявляется необычное и часто пугающее. «Пугающее» не по своему изначальному происхождению, а спустя годы, вселяющее опасения не с первой встречи, дающее понимание о том, что было не нужно и опасно, только по истечении долгого времени, хоть и подавало надежду лучшего и прекрасного.

Отец Надежды, олимпийский чемпион Юрий Чесноков, по спортивной линии, оказывается, прекрасно знал Зинченко. Генерал сразу узнал в уже состоявшейся счастливой женщине семнадцатилетнюю девицу, дочь родителей, у которых он бывал когда-то в гостях. А на «обмывании» генеральского звания Жанна Федоровича Юрий Чесноков познакомился и с Баклановым. Но что это для того времени, когда в будущем все меняется до неузнаваемости — просто зарисовка от Провидения Господнего…

Узник новооткрытого СИЗО-48/4, ныне СИЗО-99/1. В свое время ее посетителями станут известные люди. Автору также пришлось пробыть в ней три года и восемь месяцев

В провале военного переворота, последовавшей после этого анархии, засилья бездарностей, рвачей и, конечно, криминала, хотя и в меньшей мере, что происходило при полном попустительстве властей, можно обвинять кого угодно, как угодно, за что угодно, но кажется очень показательным тот факт, что первый и последний президент СССР позорно прячется от своего народа. Может потому, что он «его» никогда и не был?!

Прошу прощения за повтор…

* * *

Вы спросите, каким образом бывший стоматолог смог пробраться, даже с помощью денег (заметьте не своих, а другого государства), даже с помощью целого, очень не простого, генерала, в святая святых ВПК? Я тоже заинтересовался. Оказывается все просто.

Сначала Волошин пробрался в правительственные круги ЮАР. Нужно отдать должное неуемным изобретательности и энергии этого человека. Его склад ума вряд ли подходит для государственного деятеля — ему там не интересно — слишком спокойно, прямолинейно, предсказуемо, другое дело подводные, постоянно меняющиеся течения, где ты всегда можешь стать первопроходцем!

Марк Волошин — в море слов и луже правды…

Марк кипел планами и проектами, многое было не лишено рациональности, но как часто бывает, от мысли до ее исполнения может пройти несколько жизней и не факт, что ваша будет в этом ряду финальной.

Рассмотрев издалека, из глубин самой Южной Африки перспективность раскрывшейся, не подготовленной к знакомству с прожженным иностранным бизнесом наивной России, и зная

потребности Южно-Африканской Республики, он в уме уже свел не только нужды одних и возможности других, но и прекрасно рассмотрел цифры, мелькающие в этих проектах длинной цепочкой нулей. Характерная особенность его авантюрного склада ума не в «соединении не соединяемого», а в таланте видеть в этих точках пересечений возможность вести только свой бизнес, причем умудряясь проводить его таким образом, чтобы он становился выгодным не столько странам и государствам, сколько, в первую очередь, ему самому, а потом и тем людям, обычно чиновникам, которые попадались на пути этого самого устроенного и управляемого им «подводного течения».

Самый пик удовольствия для такого блестящего махинатора наступает в тот момент, когда потоки финансовых средств, направленные им в свой карман, лишь слегка касаясь жадных чужих своим соблазняющим запахом, проплывают мимо них и оседают в им заранее запланированных закромах с инициалами МВ…

Итак, Марк Волошин уговаривает Фредерика де Клерка[27], разумеется, не без участия и ссылки на интересы людей, всегда остающихся вне истории, обратить внимание на Россию, «раскрывшую от удивления рот» от неожиданно хлынувшей на нее мнимой свободы, и, воспользовавшись моментом, залезть в ее внутренние карманы, возможности, тайны. Тот соглашается и поручает, конечно же, ему организовать бросок первого пробного камня, который аккуратно ляжет в начало построении отношений между двумя странами. Да уж, надежды юношей питают…

Так южно-африканская делегация с первым официальным визитом появляется в тогда еще СССР. Основные темы, обсуждаемые представителями обеих сторон, касаются политики, чем Марк не очень доволен, но вскоре происходит ответная делегация, которую Волошин встречает среди множества других чиновников в роли одного из атташе, то есть человека вполне официального, а значит, облаченного доверием.

Примерно в это же время Надежда и Тимур отправляются в Грецию. Эта поездка, предполагаемая оставаться просто отдыхом от работы и вселенской суеты, постепенно осознавалась чем-то большим, и все благодаря этому мужчине с громогласным голосом, пронзительным взглядом, которого женщина буквально боготворила, преклоняясь безусловно, хотя никогда даже не могла представить, что такое для нее станет возможным. То, что произошло с Тимуром, не имело аналогов не только в ее жизни, но и в ее памяти. Причем она до сих пор так и не может понять, чем он так повлиял на нее. Свобода стала тяготить настолько, что единственным приемлемым показалось отказаться от этого

бесценного сокровища, ставшего неподъемной тяжестью. Понять это сможет только женщина. Зависимость полная, подконтрольная, приведшая к признанию себя его вещью, его рабой, вот что стало идеалом для нее сегодняшней, и это несмотря на то, что со многим в его мировоззрении она была не согласна, принимая и подчиняясь не идеальному, но имеющемуся.

Тимур не принял это подношение, он схватил его, сжал, как свое и больше ничье, даже с точки зрения визуальной. Она вся его!.. «Поставив штамп» «МОЕ ЛУЧШЕЕ», а значит, в принципе, не единственное, владел безраздельно. Обычно человек, вслушивающийся в смысл фразы, придающий значение каждому звуку, в «лучшем» улавливает «не единственное», что несет в себе окрас не совсем счастья, скорее скрытые опасения, сомнения, со временем перерастающие в ревность.

Женщина же всегда поначалу старается стать лучшей, продолжает этот порыв до ремарки «единственная», но всегда ли этого хочет мужчина?! И так ли вы уверены, что написанное выше касается только характеров мужчин?..

Парфенон принял их радушно, это воплощение древнего тщеславия эллинов даже не предполагало, что желтизна давно постаревшего мрамора, гордость творческой мысли архаических скульпторов и архитекторов, эта жемчужина человеческого искусства и величия станет только рамочкой для задуманного Хлебниковым.

Он долго обходил вокруг храма Афины Паллады, присматривался к другим постройкам и статуям, заглядывал под огромные обломки обработанной породы, всматривался в даль с этого величественного пьедестала истории, но все не находил достойное своему замыслу. На следующее утро он ненадолго исчез, а появившись, с заговорщическим лицом направлял возлюбленную, держа своей здоровенной ручищей сзади за шею, в сторону того же национального музея под открытым небом. Слова его, наполненные загадочным смыслом, несли интонации помпезного события, обязательные для занесения особыми чернилами на «скрижалях» ее сердца. Все произносимое сводилось к принадлежности женщины ему безотчетно, полностью и навсегда, чему обязался соответствовать и отвечать тем же и столько же:

— В противном случае, Наичка, я сожму свои пальцы, и сломаю твою самую красивую шейку. Я не долго проживу после этого… — По ее щекам пробежала незаметная слеза счастья, полностью исчезнувшая сохраненной в недосягаемых для разума недрах разрывающегося от умиления сердца. На всю жизнь она

осталась в памяти воспоминанием, возвращающимся каждое утро, пробегая той же дорожкой, но, после его смерти, растопленным свинцом боли, напоминая о первой и никогда невосполнимой потере.

Говоря это, Тимур, словно отвлекая о главного, дабы оно стало неожиданным, подвел Надю к храму языческой богини и там надел на палец обручальное кольцо с единственной надписью «Тимур», словно поставив свое клеймо на своей самой драгоценной вещи, с которой никогда не пожелает расстаться. «МОЕ»! — совершенно отчетливо гласила эта надпись.

Весь обряд происходил молча, отточенными движениями, будто он делал подобное каждый день или очень долго тренировался… Перед водружением украшения на свое место, он показательно долго целовал драгоценный метал, пронзительно глядя на возлюбленную совершенно счастливым человеком.

Ей всегда казалось, сними она его кольцо, и останется совершенно обнаженной, стоящей посреди огромной площади, на которой все люди сразу обратят внимание на нее.

Расписались они позже, в 1992 году. 27 июня станет самым непростым днем в ее жизни, особенно после 17 января 1995 года…

Тогда, в 1992 году они ненароком решили заехать в ЗАГС. По дороге Тимур улыбнулся и произнес:

— Наичка, тут стоять запрещено, выйди у метро, купи себе цветы, все-таки, неудобно…

— Тебе не стыдно? Я сама себе цветы должна покупать?

— Ну ты меня представь с букетом!.. — Выросший мальчиком среди цветов прекрасной Грузии, взрослым мужчиной он не любил дарить цветов. Да это невесте было и не нужно. В их жизни будет много цветов… потом… когда принесенные на могилу Тимуру ею и детьми, они будут стыть на морозе или обезвоживаться на жаре, как кровь в ее сердце при каждом воспоминании обо всем, что имело когда-нибудь к нему отношение…

В ЗАГСе Тимур сказал:

— Наичка, я хочу, что бы ты носила мою фамилию.

— Это даже не обсуждается! Все твое — это мое! Я хочу быть Хлебниковой, я с восторгом буду носить твое имя!

К этому времени в их жизни уже появился Волошин, ворвавшись горячей струей надежд, громадьем планов, неотвратимостью успеха, которым не суждено было сбыться…

Он называл Надю «коварным иезуитом», говоря о себе — «залп артиллерии». Он умел прощать, она даже не представляла, как это делать, по словам друзей юности, как мы помним, так и

оставаясь «Снежной королевой» по отношению к кому угодно, только не к нему. Лишь одна его вина предъявляется ею по сей день, не давая покоя — он умер, оставив ее и детей одних! Все остальные претензии, вызывающие даже обоснованную вполне ревность — мелочь по сравнению даже с сегодняшним ощущением одиночества времени, сразу после его смерти…

1990–1991

Вернемся немного назад, в 1990 год. На снятую брежневскую дачу приезжали большие чины, крупные звезды, разведчики из ЮАР. Постоянные встречи, переговоры, притирки. Поначалу Хлебников не понравился, как кандидат на должность руководителя СП «Русджет» Саркисову А.А, возглавлявшему питерский завод, изготовитель двигателей. Александр Александрович предполагал, что Тимур станет воровать деньги из и так уже «кастрированных» потоков, предназначенных его и другим предприятиям, противился, возмущался, но затем смирился, убедив себя в ошибочности своих мыслей. Извинившись за подозрения, а это, надо заметить, редкая черта, присущая только благородным сердцам — извиняться за то, что никто никогда не узнает, он всей душой принял Тимура.

Все шло как по маслу, на территории КБ Микояна, расположенного на станции метро «Войковская» под СП «Русджет» выделили целый этаж в отдельном крыле. Был нанят штат: таможенники, охрана, секретари, переводчики, финансисты, бухгалтерия. Тимуру предложили уже официально, а не только на время организации предприятия, должность генерального директора с озвученной ранее оплатой — 1000$ в день! Его контракт истекал в декабре 1994 года.

В Москву контрабандным образом привезли фюзеляж «Миража». Из Чкаловского аэропорта его везли в колоне военной техники на «Войковскую» ночью. Видевшие эту грандиозную процессию горожане думали, что это подготовка к параду. Доставленное полностью разобрали, сделав подробные чертежи. КБ им. Микояна занялось электроникой, завод имени Климова в Питере — разработкой и модернизацией двигателя, устанавливаемого на МИГ-29. Чеснокова взяла на себе труд перевода всей технической информации — другому человеку Тимур доверить этого не посмел.

За безопасность и секретность отвечал, назначенный «конторой» на эту должность полковник КГБ Николаевский, что по идее не должно было стать гарантией безопасности ни от криминала, ни от мошенников. Головной офис «МАРВОЛ», расположенный в здании на Октябрьском переулке, достаточно долго имел отношение к военному проекту, пропуская через свои счета довольно большие суммы, что не могло нравиться Хлебникову, поскольку в этом случае он не имел решающего значения, но выглядел посредническим звеном. По его мнению, руководители «Марвол групп» Ческих и Галушко не были

достаточно профессиональны на занимаемых ими местах, допускали иногда задержки с переводами, используя крупные суммы на свое усмотрение, что было, но по согласованию с Волошиным.

Задержки действительно имели место быть, но причина была не столько в двух названных лицах, сколько в несоблюдении графика возврата денежных средств их контрагентами, с которыми они работали, пытаясь заработать. В сущности Хлебников получал на счета своего СП денежные средства, которые распределял между заводами, тратя остаток на содержание СП. На первый взгляд одно из двух звеньев действительно казалось лишним. Но так только на первый взгляд, ведь самому Марку Волошину требовался масштаб, а содержать два СП ему не хотелось, поэтому и появилось разрешение на использование некоторых сумм, какое-то время «лежащих» в ожидании перевода в СП «Русджет».

Конечно, не только распределение, но и контроль за исполнением пунктов договоров, и поставки, и плановые промежуточные испытания, таможня, договора, контракты, разрешения, резолюции на документах, обеспечивающих и ход работы, и многое другое — все это лежало на его плечах. Со всем он справлялся без единой помарочки, а потому требовал избавить его от ставшего со временем ненавистным влияния офиса в Октябрьском переулке, переводя всю необходимую сумму непосредственно на счета его СП.

Необходимо вставить еще одну важную ремарку, появление которой дает полное объяснение справедливости такого потока с лишним звеном, и вот в чем дело. Достаточно скоро мы подойдем к происшествию, заключавшемуся в пресеченной попытке вывоза контрабандой нескольких готовых двигателей, нескольких сверхсекретных ракет с наладочным и проверочным оборудованием, которые были арестованы и заведено уголовное дело, следствием чего стал нависший над проектом крах. Волошин, испугавшись неожиданных обстоятельств, исчез, оставив расхлебывать проблему Тимура. Ческис и Голушко, выступавшие гарантами выплат и перед СП «Русджет», возглавляемым Хлебниковым, и перед заводами, хоть и косвенно, но все же, оказались единственными, кто мог позаботиться о деньгах. Брать их было не откуда, и они решили искать. В результате были взяты кредиты у коммерческих банков, займы у частных лиц, под их честное слово, вложены какие-то собственные средства, что нужно было рано или поздно возвращать.

Хлебников тогда отстранился, заявив, что с него достаточно и

разборок с прокуратурой, что было справедливо, к тому же в момент происшедшего инцидента он был направлен в командировку, как мы понимаем не случайно, что его сильно раздосадовало, поскольку, независимо от его местоположения, ответственность с него никто не снимал! Тимур ожидал ареста, и ни о каких других моментах думать не мог, и права не имел.

Марка это не заботило нисколько, поскольку свою долю он «отпиливал» еще в Европе. Она составляла разницу в стоимости работ европейских инженеров и рабочих узких специальностей, с теми суммами, которые полагались российским, и это была только часть, пока «честно» заработанных им средств на посредничестве. Но внакладе никто не оставался, к тому же, какие обиды, когда это делалось втайне.

Надо заметить, что деятельность далеко не каждого совместного предприятия санкционировалась громогласно постановлениями и указами, заявленными с самих верхов власти. СП «Русджет» было санкционировано тогда первым вице-премьером правительства России Олегом Лобовым. В функции СП входили организация модернизации двигателей РД-33 и их адаптация к стоящим на вооружении ЮАР «Миражам». Это не было конечными планами по отношению к этим машинам. В 1993 году создается еще одно СП «СИВ» (сокращенное Стрельников и Волошин), в задачи которого входила техническая адаптация российского авиаракетного вооружения к южноафриканским самолетам французского производства.

Партнером россиян должна была стать южноафриканская же корпорация «ARMSKOR» — аналог российского «Росвооружения».

Волошин вложил всего в оба совместных предприятие за все время их существования — 5,7 и 3,2 миллионов долларов, и то в виде кредитов (это не опечатка — россияне работали почти даром!), казалось бы, совсем не густо для столь масштабных проектов. Но все разговоры на финансовые темы он умеючи переводил на философскую основу, пространно рассуждая о временных трудностях всех, без исключения, начинаний, расписывая величины будущих невероятных барышей.

Несмотря на «временные трудности» он приобретает в ЮАР винную ферму, ряд отелей, туристическую фирму, завод солнечных батарей и несколько вил, на которых с комфортом отдыхали российские высокие чиновники, генералы и совсем скоро — представители криминала. Бывали частыми гостями и юаровские высокие чины, в том числе и министр обороны, бывший легендарный партизан Джо Медиссе.

Марк Волошин среди гостей Нельсона Манделы

Но из-за не вовремя поднявшегося мятежа развитие проекта затянулось, хотя до отмены санкций ООН «Мираж-1» уже в 1994 году был оснащен российскими двигателями, а к осени и ракетами. Прежде, чем перейти к следующей теме, подчеркнем, что первые двигатели поступили еще раньше, как и ракеты, то есть, ввезены контрабандой в находящуюся еще под санкциями ЮАР, что значит на русском языке — контрабанда оружием на государственном уровне.

Группа специалистов, бизнесменов, военных после удачного окончания стендовых испытаний в ЮАР «омоложенного» «Миража». Первый слева — Головин Ю.П., третий слева — «Хлебников Т.И.», пятый Саркисов А.А., за ним Волошин М., первый справа — Зазулов В.И.

Вывозиться они должны были обязательно после прохождения испытаний, но странно было бы Волошину рассчитывать на барыши, не продай он их сразу ЮАР, еще даже не адаптированными, в количестве семи штук, вкупе с одиннадцатью секретными ракетами (о них мы говорили страницей ранее). Именно отсюда дикая прибыль бизнесмена в шестьдесят миллионов долларов, при вложении не больше десяти и то, как оказалось, не своих, поскольку вся техника, произведенная ВПК СССР, ушла в Африку за семьдесят. Но об этом чуть позже…

* * *

Пока члены Совета Министров СССР решают судьбу заново пытающегося пробиться к продукции ВПК волошинского проекта, при этом даже не проверив надежность его «Марвол Прожект Консалтинг ГмбХ», между прочим, не значащуюся за период 1985–1996 гг. в налоговых регистрациях ФРГ, что значит «пустышка», или, по-русски говоря, «компания-чернослив», предназначенная для мошенничества, обычные граждане бывшего СССР живут своей простой жизнью, среди которых и нам уже знакомые…

Сергей Махалин, в недалеком будущем правая рука Олега Пылева, младшего из братьев, держащего в своих руках всю безопасность «медведковского профсоюза», блюдя за ней как

снаружи, так и изнутри, и его армейский товарищ Олег Михайлов демобилизуются со срочной службы из рядов ВДВ. Последний появится в «профсоюзе» в 1994 году, и почти сразу займется устранением неугодных Пылеву лиц.

Григорий Гусятинский уже покинул КГБ, прослужив меньше полугода, пристает к Пылевым и компании. Разумеется, все произошло раньше, но не сразу Григорию показалась звучная аббревиатура менее привлекательной, чем «профсоюз».

Автор, будущий «Леша-Солдат», через несколько дней после падения путча и неадекватного выступления Ельцина с «броневика», где он объявил армию врагом свободы и граждан России, назвав их непривычным «россеяне», напоролся с еще одним офицером, бывшим в метро также в форме, на возбужденную толпу. Столкновение обрушило часть моего мировоззрения, благодаря чему через несколько месяцев мотивация обеспечения семьи необходимым для жизни переборола желание служить народу, который в этом не нуждался.

Происходившее со мной и еще с десятками тысяч офицеров, не уместится в этих строчках. Но если вспомнить, то вкратце это выглядело следующим образом: товарный кризис, пустые прилавки, отсутствие элементарных продуктов питания, гуманитарная помощь, поступающая от еще недавно бывших противников в «холодной войне», что не совсем понималось нами. При этом американцы развивают операцию «Буря в пустыне», показывая в очередной раз — воевать они не умеют! Независимо от этого, происходящее не может не волновать военного.

Устраняется понятие о социализме; на моей Родине двоевластие: Ельцин и Горбачев, оба тянут страну в гибельную пучину, думая только о себе, но не о народе. Все поголовно кричат о свободе, совершенно не понимая, что свободными быть не суждено, а если и мечтать о ней, то только о глубоко внутренней, личной. Обещаемая либералами и демократами всех мастей свобода от засилья порядка, социалистической законности, диктатуры КПСС, на деле предсказуемо приводит только к анархии и разрушению прежнего настроенного организма — прежнее разрушили, не создав ничего взамен!

Россию рвут на куски кому не лень, психопатия верхов, судорожное терпеливое, будто при намеренном удушении, ожидание низов, скрашенное обещанными возможностями и появляющимися, ранее недоступными, часто аморальными новшествами и продуктами зарубежной, чуждой нам культуры.

Что касается армии, «Горби» сдал все позиции Варшавского договора, чем заработал Нобелевскую премию и пожизненное

убежище в Германии. Успешное сокращение армии вдвое, с опусканием ее авторитета ниже плинтуса, а после перехода власти к Ельцину, развязывание конфликта на Кавказе, неспособность договориться с настоящим генералом-летчиком Джохаром Дудаевым, честным, на мой взгляд, человеком, поверившим первому президенту России, и как трагедия перед опускаемым занавесом, бросание воинских частей на растерзание боевикам.

Ну и совсем предел непонимания для военных того времени — это развал империи, ее бестолковое разделение, подарки в виде памятников героизма русского оружия — Крыма и Севастополя! Уполовиненная армия разделилась на еще более крохотные, теперь национальные единицы. Разрезав по живому, даже не зашили, бросив, как подачку: «Вы не нужны! Валите в сельское хозяйство!». Это звучит примерно, как сегодняшняя фраза профильного министра, обращенная врачам: «Если кого-то что-то не устраивает, идите в бизнес!»…

Разумеется, и сама ситуация, и обстоятельства не могут быть оправданием для участников быстро организующихся «бригад», в пока еще далеком 1996 году описанных в новом уголовном кодексе, как организованные группы, или банды. Вопрос выживания военнослужащих вставал перед каждым в разных ракурсах.

В самом начале, лично для меня, этот выбор был среди законной деятельности, к которой я и приступил «засучив рукава». Не хочу сказать, что исчерпав все возможное за полтора года, я был вынужден кинуться в криминальный образ жизни, но обязан констатировать, что вышло именно так. Большинство из нас направилось зашоренными, направляемыми эгоизмом и обстоятельствами во вновь открывшуюся нишу не совсем понятного и доселе неизвестного. Ранее подобного не было, моему опыту подсказать мне было нечего, мечущееся молодое сознание поджимает ответственностью за семью, гордость и честь не могут уступить собственному бессилию, поэтому даже почти очевидные вещи распознаются с надеждой, что и здесь, как и у всех, а значит пройдет или минует. «Я все смогу, все преодолею, пока поработаю так вот и здесь, в конце концов, только драки, возвращение долгов, что, вроде бы, справедливо. А чем это не бизнес — зашита другого бизнеса, ведь разве не этим я занимался в ЦДТ, отбивая нападки тех же братков, мошенников, крадунов всех мастей? К тому же Гусятинским мне было ясно сказано: «Твое дело организовать ЧОП»». Но это уже в следующем, 1992 году. А сейчас шел 1991…

Итак, к концу года, сразу после демобилизации, я обрелся

телохранителем кинорежиссера Карины Плуховской и ее мужа-бизнесмена. Восемь месяцев моя супруга и маленький, родившийся в апреле сын Илюшка, видели меня только ночью, все остальное время папа, занимался безопасностью и жизнеобеспечением другой семьи.

Следующее день рождение сына я отпраздновал уже в должности начальника безопасности большого отеля, расположенного на пересечении Ленинского проспекта с улицей 28 бакинских комиссаров…

Этот же год стал первым в служении верой и правдой Кондратьева Алексея Пылевым, начавшись со знакомства с Олегом, прохождения «собеседования» и согласия «выбивать долги» с должников за долю малую и честно заработанную.

В этом же году распадается первая «медведковская» бригада, о которой я писал ранее, на несколько, пока «карманных» бригадок. Каждый из участников уходит, оставаясь со своим бизнесом и постепенно начиная прирастать своими бойцами.

После провала ГКЧП Марк Волошин принимает решение отказаться от услуг «Экопром» и Чернухина[28], обманув его на деньги и в данном слове. Создается подготавливаемое СП «Русджет», где генеральным директором становится Тимур Хлебников, председателем правления академик Саркисов Александр Александрович…

Подписывается огромное количество бумаг. Генерал Жан Зинченко, вернувшийся из США, где он прятался от возможного преследования после неудачи с ГКЧП, не безуспешно по проторенной Чернухиным дорожке, прокладывает путь обновленному проекту, видя в нем не только свою личную выгоду, но понимая необходимость его свершения и для заводов, уже задыхающихся от нищеты и отсутствия государственных заказов, а также для будущего, в виде сохранения коллективов, мощностей, продолжения новых разработок. Наверное, и личные интересы играют у каждого не последнюю роль, но в этом нет ничего постыдного в свете новой экономической политике, где присутствует все, кроме правил, законности, порядка. Пишу так, потому что хочу в это верить, хотя чем дальше подробно рассматриваю людей, способных существовать рядом с Волошин, тем худшее мнение о них формируется…

Все больше осмелевших индивидов из людской массы вливается в частное предпринимательство от «челноков» до представителей коммерции, раньше называющихся фарцовкой, или незаконным получением прибыли за счет перепродажи за более высокую цену. Бартерные сделки процветали на каждом шагу, меняли все что угодно на все что попадется, с молотка

пошла военная колесная техника, которую можно было применять в сельском хозяйстве, живые деньги были дикостью, появились на слуху авизо, жившие раньше тихой спокойной жизнью в руках еврейских осторожных воротил теневого бизнеса, но оглашенные на всю страну благодаря жадности чеченских нуворишей. Потоки денег проходили «где-то», обходя стороною тех, кто действительно нуждался хотя бы в копейках, чтобы выжить.

Вот в таких вот обстоятельствах Марк Волошин с якобы миллиардными планами, показался всем без исключения спасителем. И неважно при этом, сколько и каким образом зарабатывал он сам, было это законно или считалось контрабандой, уходили тайны и государственные секреты за рубеж — он действительно мог спасти, и переживающие за дело главные конструкторы, талантливые люди, честные граждане, шли навстречу и работали, работали, работали…

Пора озвучить предмет суеты и старания ради проекта, выраженный в денежном эквиваленте. Итак. Парк ВВС ЮАР составлял 64 борта, их и нужно было оснастить авиационными двигателями российского производства, того самого, что ставят на МИГи-29. Чистый доход с каждого «переобутого» «Миража» составлял порядка ПЯТИ миллионов долларов (это те доллары, а не сегодняшние!!!). Но не это главное. Основные, впрочем, необоснованные и не существующие даже на бумаге, планы были направлены на другие страны Африканского континента, вооруженные теми же самолетами, что было мизерной вероятностью, но постоянно озвучивалось. Услышанная конечная сумма впечатляла, поскольку общее количество бортов составляло 600 единиц! Умножьте это число на пять миллионов и поймете, что это вполне сопоставимо с государственным кредитом, предоставленным России при Ельцине, который был успешно «распилен» между… впрочем, как всегда, между самыми нуждающимися и несчастными «россиянами»… Так вот, кредит, предоставленный нам, составлял три миллиарда долларов. Усилиями коллективов заводов ВПК можно было получить, по уверениям Волошина, ровно столько же, только благодаря осуществлению проекта, чем спасти практически уничтоженные на сегодняшний день общими усилиями мощности военно-промышленного комплекса!

The Lord divided the world into continents and left the building of bridges to us
№ 3 (6)
New Bridg
Газета
деловых людей
России и Юга Африки
ДОКТОР МАРК ВОЛОШИН:
Пусть Запад убедится еще раз:
в России большие возможности,
в России можно работать,
в России нужно работать.

Реклама — двигатель… вот на двигатели Волошин и обратил внимание, как на средство своего обогащения, сподвигаемый противными России силами…

Можно было бы, если бы… решением Пылева Олега у одной женщины не отняли ее любимого человека! НЕ ЗЛИТЕ РУССКИХ ЖЕНЩИН!..

1992 год

Страницами выше мы забегали немного вперед ради общего понимания складывающихся картин и упрощения ориентирования в последующем.

Начало года «ознаменовалось» привлечением в «профсоюз» «Гусятинского — братьев Пылевых-медведковских», пока еще не влившегося в общую «Триаду» Юрия Тутылева — «Мясной» (пишу это так, поскольку многие журналисты, работающие в этой теме, и рассуждающие дилетанты, интересующиеся тем временем, сваливают все в одну кучу, называемую ими «ореховскими», которые имели весьма опосредованное отношения к нам, всего-то в виде нескольких близких «главшпанов», объединяющихся в это под знаменем только освободившегося из мест лишения свободы «Сильвестра» (Тимофеева Сергея Ивановича).

Тутылев не имел никакого влияния ни в бригаде, ни на ситуацию вокруг нее. Совсем молодым человеком, не достигшим и двадцатилетнего возраста, спортсменом — КМС СССР по плаванию, вступил он под начало Олега Пылева как обычный среднестатистический «боевик», и, естественно, как «бык комолый», пёр напролом не задумываясь, ибо люди его склада ума ставят перед собой совсем примитивные цели, первыми из которых были две: раскачаться до безобразия и стать страшным до ужаса в глазах людей, видящих его.

Тут он попал в ловушку, которую не могли обойти и другие. Его одногодок Алексей Петухов, приставленный «смотреть» за сутенерской конторой (и такое допускалось Григорием Гусятинским, хотя и считалось не столь чистым и порядочным), но так увлекся подробностями, что за короткий промежуток времени «перепробовал» весь рабочий персонал не по одному разу, что надоело последнему, и о чем было доложено вышестоящему руководству.

Алексей был не только отлучен от «сладкого», но и сильно избитым вышвырнут за обочину «великих свершений». В избиении участвовал почти весь состав «бригады», каждый обязан был ударить хотя бы раз, если «начальству» казалось, что удар не достаточно действенен или силен, неудачно бьющий получал в свою сторону достойное возмещение своему милосердию, а потом заново обязан был нанести уже несколько. И так до тех пор, пока не получится «хорошо».

Получивший отставку, пожалуй, был единственным, который остался после подобной экзекуции в живых, правда, через год с небольшим его вернули, а еще через столько же он погиб в

автомобильной катастрофе.

Тутылев Юра, заместивший Алексея Петухова на его поприще, оказался более ответственным и действительно не тронул ни одну из проституток, зато непотребное вышло в другой отрасли его ответственности — пищевой. Небольшое кафе на Полярной улице, основным блюдом которого была выбрана курица-гриль, терпела убытки от его усердия. Растущий организм, как и мышцы, набиваемые стероидами в больших количествах, нуждались в белке. Юра потреблял по несколько куриц в день, разумеется, не платя ни копейки. Несколько месяцев к ряду продолжалось объедание, пока об этом не узнали «старшие» товарищи и не отстранили его от этой возможности.

Так он появился рядом с Олегом Пылевым, став преданным «псом». Вскоре он устранил первого своего «клиента». Как я уже писал, «Мясной» не был изначально по характеру злым человеком, но обладал очень неуравновешенной психикой. Не способный сдерживать свою ярость вкупе с по-детски необузданным тщеславием, что в сумме с его не очень высокими умственными способностями делало его весьма управляемым в руках более интеллектуальных и изощренных людей — «генераторов зла», в виде не задумывающегося исполнителя их не добрых планов (если мне не изменяет память, школу он еле закончил, ничем особенно не интересовался, не читал, воспринимал только силу). В сущности, он был почти двойником Кондратьева Алексея, исключая тщеславие, гордыню, амбиции, которыми Алексей не обладал чрезмерно, зато имел болезнь эпилепсию, которая была причиной для прохождения курса лечения ежегодно в соответствующих клиниках.

Юра стал дерзким, но иногда проявлял осторожность, помня об уроке с кафе. Ему нравилось проявлять инициативу в некоторых вопросах, где это было допущено «руководством», чего совершено не любил Алексей «Кондрат» (Кондратьев).

Очень быстро эти ребята, схожие не только одним увлечением — бодибилдингом, но и характерами и подходящей для них работой, сошлись, став единомышленниками и приятелями. Заметив это, Олег Пылев с тех пор начал ставить им задачи совместно, что не лишено было смысла и редко давало сбои.

Оба стреляли неважно — службу в армии не проходили, поэтому, будучи неуверенными в попадании, на всякий случай выпускали в жертву не меньше пяти пуль. Несмотря на это, люди иногда выживали.

После первых «исполнений», а к этому времени Тутылев уже был женат и по-своему вполне счастлив, погибает его супруга

вместе с маленьким ребенком. Переходящих дорогу их сбивает легковой автомобиль, следовавший на большой скорости, после скрываясь навсегда. Событие настолько пробудило в нем иногда не контролируемые до этого всплески агрессии, что многие начали замечать его ненормальность, но все устраивало, ведь это были всего лишь всплески, направленные на других.

Чтобы уходить от действительности он, вместе с Алексеем, начал принимать наркотики, сначала легкие, потом героин, чего особенно пока не скрывали от Пылева[29]. Тогда, вначале, это еще не было под запретом, я сам наблюдал общее «забивание косяков», раскуривание. Однажды, вынужденный зайти после смерти Григория Гусятинского, когда решалась судьба Бачурина Юрия (за день до смерти его и Садовникова в бане на Путевом проезде), при мне без смущения раскатывались кокаиновые дорожки на крышке белого рояля, и весело употреблялись в присутствии человека, который буквально через несколько месяцев начнет предъявлять это как причину для лишения жизни одному из своих подчиненных (Пирогову, приговор был приведен в исполнение сразу же).

Это, конечно, не совсем полные, но основные, касающиеся именно их «профессиональных» способностей, характеристики обоих киллеров. Привожу их, поскольку именно эти лица станут «исполнителями» убийства Тимура Хлебникова почти через три года, воплощая чужой замысел, как это обычно бывает, совершенно не задумываясь над причинами происходящего. Вдумайтесь, каким, в данном случае, было противостояние криминала и бизнеса, лишенное не только индивидуального окраса, но и интеллектуальной соревновательности.

Играя в шахматы или в любой другой индивидуальный вид спорта, вы всегда размышляете о противнике, учитываете его индивидуальные особенности, пытаетесь отвести его от своих, конечно, известных вам, слабостей, вы желаете победы и играете, поскольку сами этого захотели. Здесь игра совершенно другая!

Даже если человек, на которого объявлена охота, знает о ней, что он может противопоставить? Что бы он ни придумал, кого бы он ни нанял, нет ничего, что гарантировало бы ему однозначную безопасность. Он может иметь шансы, если исполнитель не избирательный, не пытливый умом, не изобретательный, не терпеливый, прется напролом, не думая о последствиях.

Улавливайте мысль — чем ниже профессионализм киллера, чем выше можно оценить шансы принятых мер защиты, тем больше шансов выжить. Вокруг этого, как изолента вокруг крюка хоккейной клюшки, наматываются вариативность обстоятельств, настрой возможной жертвы, ее уверенность в себе, возможная

доля отрицания своей равности всем остальным смертным, мол, меня-то чаша сия минует, переоценка своих способностей или, напротив, недооценка противника. А если жертва и не предполагает о своем предназначении в Провидении Господнем?! А если он предполагает, что защищается всеми возможными средствами, а на деле копает себе яму?

Хотя и клюшки ломаются где угодно, совсем не обязательно в месте крепления этого самого «крюка» — в рукоятке, а бывает часто, и совсем вырываются из рук…

Но вернемся к нашей хронологии. 1992 год. Именно в этом году Марк Волошин, в момент якобы финансовых затруднений, через несколько лет признается самолично в интервью российским журналистам, правда, совсем не предполагая, что кто-то будет совмещать хронологию и анализировать ее (статья «Дейли Коммерсант» 1996 года):

«Волошин покупает 585 акций публичной компании «Конкорд Тревел», далее крупную гостиничную сеть «Карос Хотелс», она владела всеми отелями во всех городах ЮАР, гостиницей и казино в Мозамбике и кораблем-гостиницей в Анголе. Все это было позже перепродано с большой прибылью, что и не удивительно.

В этом же году он приобретает роскошный гостевой дом; в конце года дом в Претории, в котором останавливались когда-то Лучано Паваротти, Ясир Арафат, Альберт Гор и другие знаменитости. Поверив в перспективы экологической энергетики, он запускает в ЮАР завод по сборке солнечных батарей «Хелиос Пауэр», позднее переименованный, и, конечно, позже, в 1999 году, перепроданный с прибылью. (Заметим, что до сих пор он отказывается вдове Хлебниковой выплатить по акциям, принадлежавшим ее мужу на сумму 120 000 долларов, причитающееся ей.)

Последствия провала ГКЧП для «Марвол Групп» оборачиваются остановкой проекта, но не его полный провал. Целый год был потрачен на поиски новых ходов и троп в правительство к нужным людям, теперь облеченным властью. Новые были, естественно, голодны и амбициозны, цифры притягивали, оказанное уважение приподымало над соратниками по правительству и ставило в зависимость от тех, кто приподымал в глазах других.

Олег Сосковец, на тот период вице-премьер РФ

В результате лично Ельцину представили проект. Поначалу пытались через Черномырдина, но он, протолкнув несколько бумажек, отказался продолжать — и «Газпрома» было достаточно! Вторым по списку оказался вицепремьер Олег Сосковец, и по прошествии не которого времени Борис Николаевич «подмахнул» проект.»

Как вы думаете, что может значить фраза «содействие проекту на всех уровнях»? В то время, а возможно, подобный включаемый в документ набор слов безвременен, означала что угодно в зависимости от устных обоснований людей, ею бравирующих. Как реагировали люди, четко понимающие, что закон нарушен, после прочтения этой «великой» — не побоюсь этого слова, бумажки, несущей в своей нижней части подпись «первого», пусть и редко трезвого (Аааа ктооо без грехааа?!) лица государства?

Реагировали по-разному, но всегда уступая, за исключением одного случая. Но об этом чуть позже…

В начале 1991 года я, из-за скандала со своим неофициальным «шефом» Левоном, к сожалению не помню его

фамилию, не согласный с его методами работы, ушел из ЦДТ в свободный поиск работы. Найдя ее ненадолго, вынужден отказаться от нее, поскольку хозяин палаток, доверивших мне патронировать не только течение бизнес, но и их безопасность, лишился одной из них в виду моего усердного нежелания сращивания с бандюшками (это оказались люди Григория Гусятинского, которые и спалили палатку моего знакомого, на которого я работал). «Медвежья услуга» была оценена по достоинству, и через месяц с небольшим я оказался лицом к лицу с предложением того же Григория, якобы вошедшего в мое тяжелое положение, а он прекрасно знал о его причинах — заняться организацией ЧОП, и параллельно помогать в других очень важных и нужных делах.

Я согласился, не осознавая, что тот «легкий» криминал, на который я мог согласиться, представляет собой совершенно другую оборотную сторону, относительно представляемой мне картины. Пока же я занимаюсь бумажками, учусь вместе еще с несколькими людьми из окружения «Грини», как и он сам. В перспективе, по окончанию курсов, мы должны были получить лицензию, позволяющую не только осуществлять охранную деятельность, но и носить совершенно официально стволы. Тут же и поездки, в виде усиления на какие-то мероприятия, ни о чем мне не говорящие, сборы денег по точкам, спортивный зал и разговоры, разговоры, разговоры.

Гусятинский присматривался ко мне, я делал порученное, пока не влился потихонечку с несколькими ребятками, работавшими под моим руководством в ЦДТ: Шараповым Александром, Дмитрием Туркиным, Тимофеем Карасевым в уже существующий коллектив.

Гусятинский Григорий

В виде исключения несколько раз приходилось участвовать среди прочей «массовки», при каких-то встречах явно криминального плана. Когда подошел момент почти официального образования ЧОП, как структуры, с быстротой молнии начали развиваться события, не входившие в мои планы, несущие окрас, не оговоренный при первых договоренностях.

Я понемногу уступал, говоря сам себе, ну сейчас вот заставим отдать долги, вернем деньги одолжившему их человеку, в конце концов, это заработок, а потом уже охрана. Я видел точки и

предприятия, которые нуждались в охране — о них говорил Григорий, я был уже в это погружен своими мыслями, воспринимая остальное временным, необходимым. На деле просто тупя и не отдавая себе отчет, что временна как раз таки моя уверенность в невозможном. Но мои усилия были настолько усердны, что я поверил не окружающим очевидным обстоятельствам, а себе, принимая желаемое за действительно — правда, знакомо?!.. Таким я подошел к 1992 году, когда было суждено произойти изменениям в моей жизни, до сих пор определяющим меня как «киллера», которому, по чужим словам, нет равных, с чем я не согласен, поскольку лучшие всегда остаются неизвестными, если такое, конечно, возможно. Прошу прощения, вынужден написать это, лишь повторяя общественное мнение… предпочитая имидж и неизвестность простого счастливого обывателя.

18 мая, между тем, Марк Волошин и А.А. Саркисов подписывают декларацию о передаче прав собственности на одиннадцать модернизированных двигателей РД-33 волошинской же компании «СОАВ». Под этой декларацией стоят подписи не только вышеозначенных, но и Тимура Хлебникова, В. Степанова, В. Зазулова, последние двое — руководители крупных заводов ВПК, участвующие в проекте. Кажется маловероятным полное понимание сути документа этими людьми, поскольку неожиданностью для них стал в 1994 году факт принадлежности не только самих двигателей, но ракет и прав самого проекта, именно на основе этого документа, компании «СОАВ», принадлежавшей самому Марку Волошину!

Волошин пояснял, что это всего лишь проформа, под видом которой должна осуществлять череда шагов в этом большом деле — ведь это у людей все просто, а в бизнесе, каждый из них должен как-то называться, оформляться, подтверждаться. Лишь при таком оформлении возможно инвестирование, и все будет выглядеть совершенно по-другому, когда проект войдет в фазу промышленного производства.

На деле эта фирмочка оказалась не чем иным как посредником, сыгравшим на крайней нужде бывшего советского ВПК. Главная козырная карта в объяснениях этих алгоритмов для неискушенных в подобных делах конструкторов и ученых была не в отсутствии возможности выйти на рынок ЮАР, что само по себе не было проблемой, а в эмбарго, наложенном ООН. Обратись напрямую после окончания ограничений и запретов поставок, российское «Росвооружение» (это, конечно, утрированное объяснение) с подобным предложением к руководству Южно-Африканской Республики, и суммы были бы другие, без жадного

интереса МАРВОЛ и его «рулевого», и честность сделок не вызывала бы сомнения, и не вышло бы в конечном итоге позорного обмана Марком Семеновичем, после которого российские предприятия лишились своей продукции, недополучив огромные суммы денег, но поделились тайнами и секретами, в результате чего потерпели фиаско в «подковерной» борьбе с другими государствами.

Сложно кого-то винить. Прежде всего, чиновников и конструкторов беспокоило состояние заводов и их жизнедеятельность — это основная причина, неподсудная следующими поколениями. Чтобы сравнить нравственную составляющую, сравните с деяниями бывшего министра обороны Сердюкова, никогда пороха не нюхающего, ненавидимого профессиональными военными, продавшего все и вся, ни за что не ответившего…

Нечистоплотность действий и направлений развития бизнеса на коррупционный манер, не может быть виной, на мой взгляд, для делающих все возможное и невозможное для выживания архисложного организма конструкторских бюро и заводов-изготовителей с военной направленностью, адаптирующихся через сумасшедшую кровопотерю, отсечение членов заводов-поставщиков из других бывших республик СССР, теперь ставших «иностранными». От них отказывались, не давали заказы, отворачивались, кроя крохи на, хоть какое-то существование, хотя бы в нищете, но существование, ибо верили: ВРЕМЯ ПРИДЕТ!

Вспомните, что их ждало дальше по приходу молодых реформаторов с ваучерами! Государственные монополии перестали существовать, а к этому времени «военка» переобувалась в гражданское «платье» — поинтересуйтесь у людей, подвергнутых этим страшным переменам, каково это выпускать самолеты, танки, оружие, не имеющие аналогов в мире, а после бытовую технику по давно устаревшим лицензиям бывших вероятных противников!

Даже в случае присутствия какого-то личного интереса, информации о котором в этой книге нет, никто из нас не вправе осуждать тогдашнее руководство заводов, пытающееся сделать, хоть что-то, благодаря чему сегодня страна в состоянии сама выпускать, пусть мизерное количество, но все же самостоятельно, и военной техники, и вооружения, и боеприпасов…

Итак. Компания «СОАВ», принадлежавшая Марку Волошину, посредством подписанной 18 мая 1992 года декларации, становится обладателем одиннадцати двигателей, четырнадцати ракет «воздух — воздух», оснащенных секретными опознавательными системами «свой — чужой», права на ведение

проекта единолично. Разумеется, это делается не зря и сознательно, в подтверждение этого бизнесмен сразу перепродает все это аналогу российского «Росвооружения» — «АРМСКОР», о чем никто из российских граждан и подозревать не может, в том числе, как я уже упоминал и поставившие свои подписи ученые.

Это становится очевидным, когда ЮАР отказывается от сотрудничества и заявляет свои права, чем вводит в ступор всех участников проекта, за исключением самого Волошина. Что не удивительно, ведь на этой сделке он сам поимел шестьдесят миллионов долларов, не дав ни копейки тем, кто их заработал. Повторяю это, как констатацию, дабы не забылось при прочтении следующих пояснений неискушенному в этом читателю.

Знали ли в «АРМСКОР» об подводных камнях этой сделки, имею в виду неполном ее понимании остальными ставящими подписи людьми? Похоже, что да, а потому не сомневались в существовании некоего тайного соглашения, заключенного на высоком уровне ЮАР, позволяющего расторгнуть контракт с россиянами на определенном этапе, спрятав концы в воду. О чем в юаровском «АРМСКОР» действительно могли не догадывались, так это о размерах сумм, осевших на банковских счетах Волошина.

Весьма реально предположить, что юаровцы сами разыграли свою карту. Купив тайны и недоступные разработки, вряд ли они стали бы суетиться со старыми истребителями. Почему бы не предположив, что не обладая ученой базой для внедрения новейших советских технологий, они не продали эту интеллектуальную собственность стране с высоким технологическим уровнем, добавили что-то и поменяли весь парк истребителей на новенькие, производства этого самого развитого государства, в нашем случае — английские. Так действительно и произошло!

В таком случае не стоит удивляться, почему они решили заплатить за каждую боевую машину дороже, чем потратили бы при обновлении старых — зачем эта суета, когда новое всегда лучше. При этом им ничего не стоило продолжать разработки силами России за копейки — вдруг что-то и выйдет. И ведь вышло!..

Первым человеком, обнаружившим явную нечистоплотность Волошина, оказался первый генеральный директор СП «Русджет» Тимур Илларионович Хлебников, обретший в своих руках документ, свидетельствующий, что его начальник, помимо махинаций с правами собственности на российскую военную технику, вел еще и двойную бухгалтерию по самому контракту. Естественно, он изначально понимал нечистоплотность сделки,

других тогда и не встречалось, но не понимал в полной мере насколько она «грязна».

Как я уже писал, юаровцы оплачивали работу завода имени Климова по одним расценкам, тогда как сам завод за работу получал от Волошина значительно меньшие суммы! Это обнаружилось лишь в конце 1994 года, то есть почти в конечной стадии проекта, когда срок подписанного с Хлебников договора подошел к концу.

Произошло незамедлительное выяснение обстоятельств, гендиректор, как мог, защищал интересы предприятий и вверивших ему свою судьбу работников — я могу это утверждать, поскольку для подобных психотипов мнение таких великих людей, как перечисленные директора и академики, стоит в основе смысла жизни. Волошин в ответ на это решил заменить несговорчивого подчиненного, против восстали директора во главе с Саркисовым, даже не понимающие, что тем самым только усугубляют его и без того опасное положение. Следом Марк задержал странным образом выплату Тимуру заработанные им 333000 долларов, а 17 января 1995 года, через два месяца, после этого разгоревшегося конфликта, мужа Надежды не стало…

Почему Волошин не побоялся гангстеров? Он был уверен, что проект не рухнет, а та копеечная долька, которой он собирался поделиться, вполне удовлетворила бы любого. Почему не опасался других структур? Никто не хотел бы огласки «подпольного проекта», да и безусловно, в случае успеха, а он был очевиден, жирный кусок смог накормить каждого до отвала.

Почему ему верили? А как не поверить человеку, раздающему щедрой рукой вспоможения чиновникам, да кому угодно из тех, кто был в состоянии помочь, и это в тот момент, когда страну захлестнул кризис?! Никто и представить не мог, что эти средства поступали не из его собственных карманов, а из недоплаченных, недополученных, украденных, предназначенных работающим без устали конструкторам, слесарям, токарям, всем, кто имел отношение к проекту. Он покупал всех за их же собственные деньги!

Вспомним, что этот человек не удосужился выплатить сразу и вовремя полагающееся за целый год работы уже вдове Тимура Хлебникова, оставшейся без копейки после смерти мужа. А ведь эта сумма — триста тридцать три тысячи долларов на тот период не составляла для главы «МАРВОЛ» большой проблемы. Как порядочный человек, он был обязан сделать это в первый же день, безо всяких условий — оставим это на его совести, правда, придется адресовать это в неизвестность…

Все, что было ей предложено — какая-то единовременная

сумма, пусть и крупная, не как заработок ее супруга, а как подачка в обмен на прекращения хождения по прокуратурам, операм, чиновникам с просьбами найти и наказать убийц. Странно — зачем ставить такие условия, если свое «рыльце не в пушку»!

Люди, имеющие совесть, все же есть! Друг детства Тимура, запомните эту фамилию, друг же и самого Марка и его компаньон Лева Шумахер, то ли испугавшись чего-то, то ли действительно из уважения к смерти бывшего друга детства, потихонечку, небольшими сумами, выплачивал ей эту сумму в течении нескольких лет. Правда, началось это только через ДЕСЯТЬ лет после гибели Тимура, сразу по вынесении приговора на состоявшемся суде, и за каждую сумму Шумахер брал с вдовы расписку, строки которой оглашали, что таким образом погашается долг «МАРВОЛ» — делайте выводы сами. Удобно дать хоть что-то, при этом не учитывая ни процентов, ни неустойки, ни прося прощения…

Сейчас же приникнем к «замочной скважине» времени, рассматривая в подробностях ход событий по хронологии и крепнущего преступного сообщества с его членами, и роста бизнесменов с их подчиненными, и счастья четы Хлебниковых, что стало возможным, благодаря откровениям Надежды Юрьевны ради памяти своего мужа…

Сколько раз я наблюдал счастье людей еще не женатых, не объединенных штемпелем в паспортах, столько же раз делал вывод, что нет зависимости чувств от этого действия. Но мы все равно продолжаем тянуться к ЗАГСам. Наверное, женщине приятнее чувствовать себя, что ли, помеченной печатью своего возлюбленного. Не будем думать об имеющих иногда место меркантильных помыслах, ибо любящие по-настоящему стремятся отдать, а не взять.

В стопроцентной настоящей женщине заложена аксиома принадлежности мужчине, чувствуя себя охваченной им, она вполне счастлива, чего не может быть без ощущения обладания ей любимым. Некоторые, говоря языком упрощенным, характеризуют эту принадлежность, как владение «вещью». А ведь обидного в этом ничего нет, поскольку наше тело действительно «тленная вещь», данная нам во временное владение. Оно принадлежит не нам — Создателю, хотя, к сожалению, сдается почти всегда нами нашим же страстям в бессрочную аренду, ибо если бы было иначе, каждый берег свой организм, живя не меньше ста лет. Но мы слабы!

Наступает время, которое заранее узнают единицы, и Господь возвращает «прах к праху», изымая важнейшую из тайн, к которой

прикасается каждый из нас, поскольку речь идет о душе. А если тело принадлежит не нам, не нами выбрано или заработано, то душа тем более. Эта частица Неведомого Вечного, которую мы сразу по рождении начинаем пачкать, голос которой в виде совести приглушаем как неудобный, надоевший шум, нами и вовсе не ощущается. Это бесплотная, бессмертная часть каждого из нас, бесценным, но несберегаемым своим существом соединяется с себе подобной в любимом нами человеке, необъяснимым образом, лишь иногда мистически проявляемым и внезапно ощущаемым нами. От того мы чувствуем происходящее с нашими близкими на огромных расстояниях.

Наши души принадлежат огромному Целому и, как мне кажется, могут сливаться только с тем, кого мы любим. Мы даже способны погубить их ради огромного чувства, поглощающего нас полностью. Жизнь просто белкового организма, переполненного жидкостью, как жертва воспринимается нами мелочно, поскольку и так временна, а вот положить вечное на алтарь своей любви — это вполне доказательное и впечатляющее подношение, правда с одной оговоркой — для человека, не являющегося стопроцентным законченным материалистом.

Хотя и эта оговорка, исходя из моего опыта, часто выглядит потешно, особенно в моменты, когда убежденный в отсутствии духовного человек, начинает неожиданно прибегать, к понятиям сердечности и одухотворенности, ссылаясь на веру, ум, мысли, которых сам никогда не видел, но оказывается, все же ощущает где-то в глубине своего разума…

Так вот, если нам не принадлежит душа и тело, так что же зазорного может быть в их полном подчинении, принадлежности любимому человеку, тем более, если для жены муж должен быть как бог на земле. Женщина должна принадлежать, конечно, не раболепствуя, не унижаясь, не теряя своего личного достоинства, но отдаваясь полностью во власть чувственности и любви своего сюзерена, руководствующегося своими желаниями и стремлениями сделать свою ненаглядную, обожаемую, единственную счастливейшей из женщин… прежде себя ее, только через это ощущая свою причастность к их общему счастью. Став одним целым, одной душой, одним телом, они охвачены и единым чувством, слившимися судьбой и стезей, они могут существовать теперь в этом мире, прежде всего благоустраивая свой общий на двоих теперь семейный мир, состоящий из двух внутренних их индивидуальных вселенных.

Пишу эти строки не фантазируя или предполагая, а исходя из собственного опыта, доподлинно пережитого и переживаемого сегодняшним днем.

И как прекрасно, когда все предопределенное до вашей встречи становится понятным сразу после первого взгляда. Счастливым и свободным можно быть везде! Автор с супругой Мариной. Июнь 2016 года…

Даже влюбленные пары, не видящие практического значения в бракосочетании, приходят к этой необходимости рано или поздно. Не особенно вдаваясь в подробности, зачем им это нужно, делают это зачастую мимолетом. Наверное, это ничего не меняет, но каждый долго любуется этим ясно выраженным оттиском на одной из страниц паспорта. «Моя!»; «Мой!» — проносятся мысли этих давно принадлежащих друг другу людей в их собственных головах, что придает какой-то особенный привкус, а то и шарм, словно после стирки и освежения, немного запачканной ноской сорочки…

Прошло почти четыре с половиной года, прежде чем чета Хлебниковых объединилась и по паспортам. 27 июня 1992 года обоими, Тимуром Илларионовичем и Надеждой Юрьевной, были поставлены подписи под документом, оглашающим их сросшимся воедино коллективом, состоящим из жены и мужа, под общим знаменем Хлебниковых…

Время никогда не останавливается на одном персонаже, независимо от него самого, тем более им не связано. События, которыми люди привыкли отмерять отрезки происходящего, существенны только для них самих, но не для этой, вполне

ощущаемой живыми существами, категории.

В том же городе, возможно в те же минуты, в этом же мире, одновременно существовали и уже перечисленные в этой книге другие герои. «Сильвестр», освободившись из лагеря в 1991 году, идентифицировал себя в прежнем коллективе, но не как равный со всеми, кто, оставаясь на свободе, благодаря его молчанию на суде, должен бы был отнестись к нему иначе, что конечно его оскорбило. Не удовольствовавшись брошенным ему куском, он предпочитает стать тем, кто подобные куски раздает, жалуя или нет, распределяет, решает не только кому и как жить, но и кому не жить.

Все вакантные места к этому времени заняты, необходимо время для набора своей «армии», наращивания мускулов, обретения силы и авторитета. Он идет в ва-банк — это единственный вариант, начиная расчищать себе путь, нанося удары по головам конкурентов, которые, пока ошибочно не видят в нем даже ровню.

Но набор команды дело не легкое. В этом Тимофееву помогают стечения обстоятельств, не бывающие случайными в планах Провидения Божьего, иногда зло попускается Создателем. Приходящие к нему пока небольшие авторитеты, ищущие, как и он, «места под солнцем», примерно по тем же причинам, быстро привыкают к своим амплуа, вживаются в отведенные роли, признают его авторитарность, рискуют. Контакты налаживаются, советы дорогого стоят, его самого уже знают в Москве. «Иваныч» не чурается простых «стрелок», «разборок», обычной помощи братве.

Сергей Иванович Тимофеев («Сильвестр», «Иваныч», «Сережа новгородский»)

Следуя его наставлениям, «одинцовские» (Дмитрий Белкин — «Белок») расчищают себе путь. История «Белка» пока складывалась примерно так же, как и его «советника» — решение любых проблем всегда одно — пуля! Нахождение в местах лишения свободы лишило того и влияния, и «доли» с прежнего «пирога», а в новом места и вовсе не было. Гибнут молодые и перспективные, свои и чужие, многие другие, имеющие весьма опосредованное отношение к разборкам. Маховик набирает обороты. «Сильвестр» сбирает вокруг себя дерзких, уже проверенных на «своих» делах старшеньких, пока новоиспеченных

бригад. Привлекает без боязни не слабейших себя, чтобы ими просто управлять ничего не боясь, а равных и даже в чем-то сильнейших.

Дмитрий Белкин — «Белок». Концом карьеры стало пожизненное заключение… К этому времени «Сильвестра» и вовсе нет среди живых…

Одним фронтом с ним выступают под лозунгом «против засилья кавказцев»: Игорь Абрамов «Диспетчер», Олег Калистратов «Калистрат», Игорь Чернаков «Двоечник», братья Клещенко «Узбеки», Сергей Ионица, Дмитрий Шарапов «Шарап», хорошо знакомые еще до ареста Тимофеева-«Сильвестра». Скоро и они канут в могилы, последним застрелят «Двоечника» в 1996 году. Некоторых не без его помощи…

Надо отдать должное Тимофееву («Сильвестру»), вопреки словам Жлобинской, его фиктивной супруги, когда-то секретарши Григория Лернера, Сергей Иванович обладал колоссальной харизмой, чему подтверждение беспрекословное подчинение его близких тогда, и сегодняшние слова, сказанные к примеру Сергеем Буториным из камеры «Полярной совы» на камеру, при съемке одной из телепередач, дающие явное понимание, что авторитет этого человека был безусловен: «Ну «Иваныч» — это «Иваныч»!».

Но что такое авторитет без действительного интеллекта, поддержанного быстродействующим разумом? Не буду настаивать, хотя мое мнение однозначное — «Сильвестр» был не

одинок в своем «движении» вверх, не зря он посещал кабинеты Лубянки, но, не обладая прекрасно развитым умом, стратегическим мышлением, дерзким нравом, он не смог бы и надеяться захватить власть.

Вот лишь один пример, который я завуалировано описал в художественном замысле «Шкуры дьявола», полагая, что еще не время об этом говорить открыто. Много споров существует о легендарном человеке преступного мире — «Васе Бриллианте». «Вор в законе», иногда подписывающийся в своих «прогонах»[30] и обращениях — «Патриарх преступного мира», был принципиальным жестким сторонником прежних правил существования себе подобных. Сохранились собственноручно написанные строки о непозволительности вести образ жизни «жулику» («вору в законе») на новый манер — приобретать собственность, жениться, иметь телефоны и так далее.

Так же в них указывалось о необходимости придерживаться старых правил «подходов»[31], ведущих к «коронации» новоявленного претендента по входу в воровскую семью. В частности, называя уже коронованных, на его взгляд, не правильно или за деньги «жуликов», не боясь ответного хода, он перечисляет их в отдельном перечне.

Разумеется, не знать этого «Сильвестр» не может. Развязав междоусобную войну, стрелы которой направлены и против некоторых «воров в законе», он находит разумным и выгодным ссылаться на эти бумаги, но этого мало! Единственным приемлемым выходом может стать физическое наличие самого «Бриллианта» рядом с ним. Разумеется, это может быть только ширмой, причем временной, но достаточной на сегодняшний день.

Имея привычку не разделять слово с делом, Тимофеев быстро собирает нужные средства, часть из них автор с еще несколькими «соратниками» отвозит на дачу, расположенную в строго охраняемом месте «Горки…», в виде доли с «общака» «медведковского профсоюза», решается «выкунить» самого авторитетного на то время «законника». Знаю, что в этом предприятии, казавшемся беспроигрышном, участвуют и другие: несколько ореховских бригад, солнцевские, одинцовские, измайловские, курганские, тогда еще бывшие единым кулаком, сжатым под знаменем, как я уже писал, борьбы с «кавказским засильем».

Много сказать не могу, знаю только, что нужную сумму довезли до Соликамска, где располагался лагерь особого режима «Белый лебедь», передали, но в определенный час вместо Васи «Бриллианта» вернули все деньги в целости и сохранности.

Вскоре гражданин Бабушкин упокоился, по поводу чего существует тоже много версий. Тогда я слышал единственную — был задушен в бане…

Мы должны понимать, что любая структура полюсна. Это мероприятие проходила не без патронажа КГБ, поскольку такие люди как «Вася Бриллиант» были под очень бдительным надзором именно этой организации, что усложняло многократно его борьбу за чистоту и справедливость — старые основы «воровской идеи». «Выкупить» — это значит организовать извне законное освобождение арестанта: по активации (неизлечимой смертельной болезни); признании «душевнобольным» с последующим очень кратким лечении и так далее.

Освобождение такого «Знамени», под которым объединится мощная группировка, способная справиться не только с любым криминальным противником[32], но и с любыми силовыми тогдашними, практически парализованными структурами, пугала. Риск был не уместен и для тех, кто понимал — время должно вносить свои коррективы в любое общество и правила его существования. Ничем от этого не отличалась и «корпоративная семья» «воров в законе», что могло стать одним из факторов, склонивших чашу весов в решении этого вопроса в другую сторону. Жить хотят все, а не жить красиво, благополучно, богато, соблюдая основы и принципы, тем более, когда для этого есть перспективы, просто глупо.

При отсутствии частной собственности как таковой при советской власти, новое время подняло эту основу экономики на уровень Конституции. Другими словами, воплощение задумки «Сильвестра» могло устраивать только некоторый непродолжительный срок, при том, что последствия просчитать было невозможно, однозначно было только кровавое противостояние, а потому, в конце концов, произошло то, что произошло… Возможно, и к лучшему — что бы предпринял «честный жулик», поняв, что им решили воспользоваться?! В сложной цепочке, рано или поздно, одно из звеньев рвется…

Часто в жизни так получается: хорошая задумка приводит к чужой трагедии! Так и хочется сказать: лучшее — враг хорошего! Сколько бы еще прожил Василий Петрович Бабушкин (Вася «Бриллиант»), не займись вопросом его преждевременного освобождения «Иваныч» — кто знает…

* * *

Чтобы описать тогдашние нравы в преступном мире, приведу

один пример из личного опыта, красочно показывающий двуличность отношений даже между «близкими» «бригадами».

В конце сентября 1993 года было совершено покушение на «вора в законе» «Росписного» на автосервисе недалеко от Каширского шоссе. Пуля разорвала больную от употребления наркотиков печень, пройдя тело «жулика» насквозь, встретив другое. «Вор в законе» выжил, стоявший напротив Дмитрий Шарапов «Шарап» получил той же пулей смертельное ранение.

Через несколько дней, прослышав о произошедшем и предполагая, что мы потеряли союзника, я поделился этой мыслью с Гусятинским. Он сетовал на неудачное покушение в отношение оставшегося в живых, но уверено произнес:

— Да не переживай так, наш «Шарап» (Саша Шарапов) здоров, как бык, а тот… — не нужно было на «Иваныча» переть… — Я переспросил, будучи не уверен, что правильно расслышал, получив ответ:

— Не удивляйся, друзья часто становятся врагами, ведь и с «Росписным» «Иваныч», когда-то тоже корешился…

К этому времени в команде у «Сильвестра» уже проверенные: Ананьевский Сергей — «Культик», Володин Сергей — «Дракон», Дима «Плосконос», позже Буторин Сергей — «Ося». Личный финансист «Сильвестра» Григорий Лернер, с 1988 года его близкий и преданный человек. У каждого из них уже свои несколько «боевиков», подобранные аккуратно: дерзкие, смелые, надежные. Приходят курганские, те, что под Андреем Колеговым и Олегом Нелюбиным. На сцену выходят пока никому не известные исполнители: Александр Солоник, Павел Зеленин (под руководством Андрея Колегова — «Андрей Курганский»), Александр Пустовалов (под руководством Белкина Дмитрия «Белка»), несколькими годами позже Марат Полянский (под руководством Сергея Буторина «Ося»), годом позже Григорий Гусятинский ставит меня в положение, заставляющее принять предложение, что ставит меня в один ряд с перечисленными.

Григорий Лернер

Строится «пирамида», верхушка, дающая приказания, связывающие звенья и, наконец, низшие ряды, со временем понимающие, что обязаны обосновывать свою необходимость и полезность. А полезность, надо заметить, поощряется, так «Сильвестр» дает Гусятинскому на кормление многообещающего бывшего мошенника, теперь успешного бизнесмена Таранцева Александра Петровича с его пока одним рынком «Зеленые горы», коих стало через два года несколько, не считая всего прочего. Хороший «пирог», от которого и откусывать приятно, да и куски большие, не горчат, пока верхушка. Андрей Пылев постепенно начинает воспринимать Сашу — «Слюнявого», как звали его между собой братки, своим товарищем из-за своей слабости, что приводит к сильному влиянию последнего на медведковских главшпанов.

Объединения по интересам, далеко не общим, пока взаимополезны. Мощь «сильвестровских» нарастает — под его знаменами несколько десятков бригад и бригадок, которые, естественно, устраняя своих врагов и конкурентов, делают это для него, или со ссылкой на него, как для повышения пред ним своего авторитета (это важно старшим), и своей пользы ради, пользуясь его «благословением» на проведение акции, в любом случае полезных и ему.

Тут много лишних смертей, достаточно ненужных, но конвейер не остановить! Патронаж «Иваныча» некоторых не нравится, напрягает, кому-то уже не выгоден, поскольку теперь, ради его дел и стремлений, приходится выдвигаться и на его

«стрелы», снабжая финансами в виде дольки, отдавать которую уже не хочется, ведь все устраивает и ничего уже не угрожает своему «бизнесу». Но это уже чуть позже, сейчас же мы это затрагиваем, дабы проложить тропиночку к пониманию логики происходящего.

Итак. Создается сам собой симбиоз силы, сосредотачивающийся в одном кулаке — «Сильвестра». Места «под солнцем» разгребаются, но спокойствия нет, приходящие новые вместо погибших, зная, что местечко освободилось, появляются как наследники, жаждущие, если не отомстить, то точно поучаствовать в дележке. Смерть главаря означает обогащение его подчиненных, и чаще это их радует, сказываясь и по сей день, ведь не хочется быть ни мальчиками на побегушках, подбирающими падающие со стола хозяина крохи, ни «пушечным мясом», рано или поздно, попадающим в «колбасу».

Одним из первых 12 января 1992 года гибнет, по одной из легенд приемный сын «Япончика» — вор в законе «Витя Калина» — (Виктор Никифоров). Убивает его, по словам очевидца, «выстрелом в голову из «макарова» щупленький парнишка», которым был никто иной, как Саша Солоник, только недавно бросивший лопату «могилокопателя» в Кургане и приехавший искать «гангстерского счастья», которое ему ненадолго и улыбнулось.

«Сильвестровские» и «Сильвестр» быстро обрастают большими возможностями, авторитетом отморозков, не задумывающихся над способом расчистки перед своей громкой поступью пути. К 1993 году на встречах бригад с начинающими вооружаться до зубов боевиками, звучат слова: «Если здесь только след этого человека («Сильвестра»), значит, нашего интереса здесь нет». Так происходит далеко не всегда, поэтому звуки выстрелов учащаются, а горы трупов молодых пассионариев безостановочно растут.

В такой обстановке происходит становление проекта «Супер Мираж», но достать до него очень сложно, хотя бы потому, что о нем еще нужно узнать…

Преступный мир настолько разрастается, что входит почти в каждый дом, тем или иным образом. Не избегают этого и Хлебниковы. Вот они параллельные стези других людей, окружающие тебя, в какие-то моменты твои.

Наступит еще день, когда «Сильвестр» примет решение (сам ли или по подсказке) на ликвидацию другого вора в законе Валеры «Глобуса». И тот же «щупленький парнишка» не самым удачным выстрелом из СВД с шестидесяти метров выстрелит в живот легендарному «жулику». А ведь раньше с этим человеком

познакомилась Надежда, и уже позже, после гибели своего мужа, легко могла обратиться за помощью к «бауманской братве», которая прислушавшись, легко в состоянии была отомстить и за своего погибшего товарища и за Тимура.

Она не пошла по этому пути, справедливо полагая, что не месть главное, но возмездие. Убить не сложно, но восстановить справедливость правильно, в чем Господь, рано или поздно помогает. Молитесь: просите и дастся, стучитесь и откроется, ищите и обрящете!..

Дача и у родителей Надежды, и у Валеры Длугача («Глобуса») находились в Апрелевке. Они были соседями, совсем не подозревая об этом. Однажды она ехала вечером оставлять ребенка дедушке и бабушке — так делалось всегда перед отъездом в другие страны. Темнота обволакивала машину, лишь лучи фар немного пробивали впереди видимость. Неожиданно навстречу выскочил «летальный аппарат» с бьющим откуда-то сверху мощным пучком света, мгновенно ослепив водителя. Женщина ответила своим «дальним», желая призвать обидчика к смирению. В ответ случилось непредвиденное. На крыше джипа «законника» была установлена рампа с несколькими прожекторами, разумеется, поначалу выключенными.

«Обидчику» показалось так же несправедливым такое выступление, и он «выстрелил» со всех «главных калибров». Как-то очень быстро настал день! От неожиданности Чеснокова бросила управления машиной, которая не преминула заглохнуть.

Валера подошел с «наездом», но увидев обалдевшую, наполовину ослепшую красивую барышню, и вежливо замолчав на полуслове, поинтересовался: «Че ты тут по ночам шастаешь?!». Так завязалось знакомство. В ее воспоминаниях он остался хорошим человеком, как она вспоминает: «прикольный», простой и не тщеславящийся, приходящий в гости «на шашлык», запросто поболтать с соседями.

Конечно, ему было приятно общение с легендой спорта, он знал, кто отец Надежды, кто она сама, и ее муж, но ни разу не задал вопроса, есть ли у них «крыша» или нет.

Валерий Длугач («Глобус»)

Однажды Валерий пришел к Юрию Чеснокову, отцу Надежды, ориентируясь на запах жарящегося мяса, тоже подъехавшей с Тимуром незадолго до этого, и в это время прогуливавшихся после дороги со своим доберманом Боссом. Была зима, Длугоч, игры ради, подразнивал пса: то снежок бросит, то мясо предложит, но воспитание четвероного было безупречным — ни взгляда, ни реакции, ни даже вздоха сожаления. В очередной раз получив отказ взять мясо, Длугоч произнес: «Эх! Мне б моих ребят кто бы воспитал так! Надь, пойдешь ко мне бригадиром?!». Потом, приехав в очередной раз на дачу, она услышала от отца о смерти Валерия: «Его застрелили на Проспекте Мира…»…

* * *

Именно в конце этого года Волошин, никого не вводя в курс дела, продает двигатели на основании той самой декларации, подписанной 18 мая. Совершив сделку, нужно было доставлять хотя бы часть проданного. Поставка готовилась под грифом секретной операции, прикрытой всевозможными бумагам за подписями вторых и третьих лиц в государстве, конечно, опиравшихся на одобрение — разрешение содействовать, причем письменное, «первого». Слово «содействовать» означает: не мешать, но помогать. Так и было, но далеко не всегда. Сбой произошел 24 апреля 1993 года. Но до этого произошло еще несколько событий, сыгравших потом важную роль.

1993 год

Нас несколько друзей детства: я, Славик, Андрюха, Макс, Олег. Все мы воспитанники СДЮШОР ЦСКА кроме Максима — он «динамовец», все футболисты. Взрослыми и самостоятельными мы всегда встречались, играли в футбол, боулинг, пользуясь возможностями друг друга. Я уже довольно плотно увяз в «медведковской трясине», но заработок не позволял чувствовать себя вольготно и самодостаточно.

В это же время Слава и Семен — оба, уже как года три верой и правдой служили Марку, то охраняя его тело, обеспечивая безопасность или необходимый комфорт, то выполняя всякие щепетильные задачи, в общем все, как всегда.

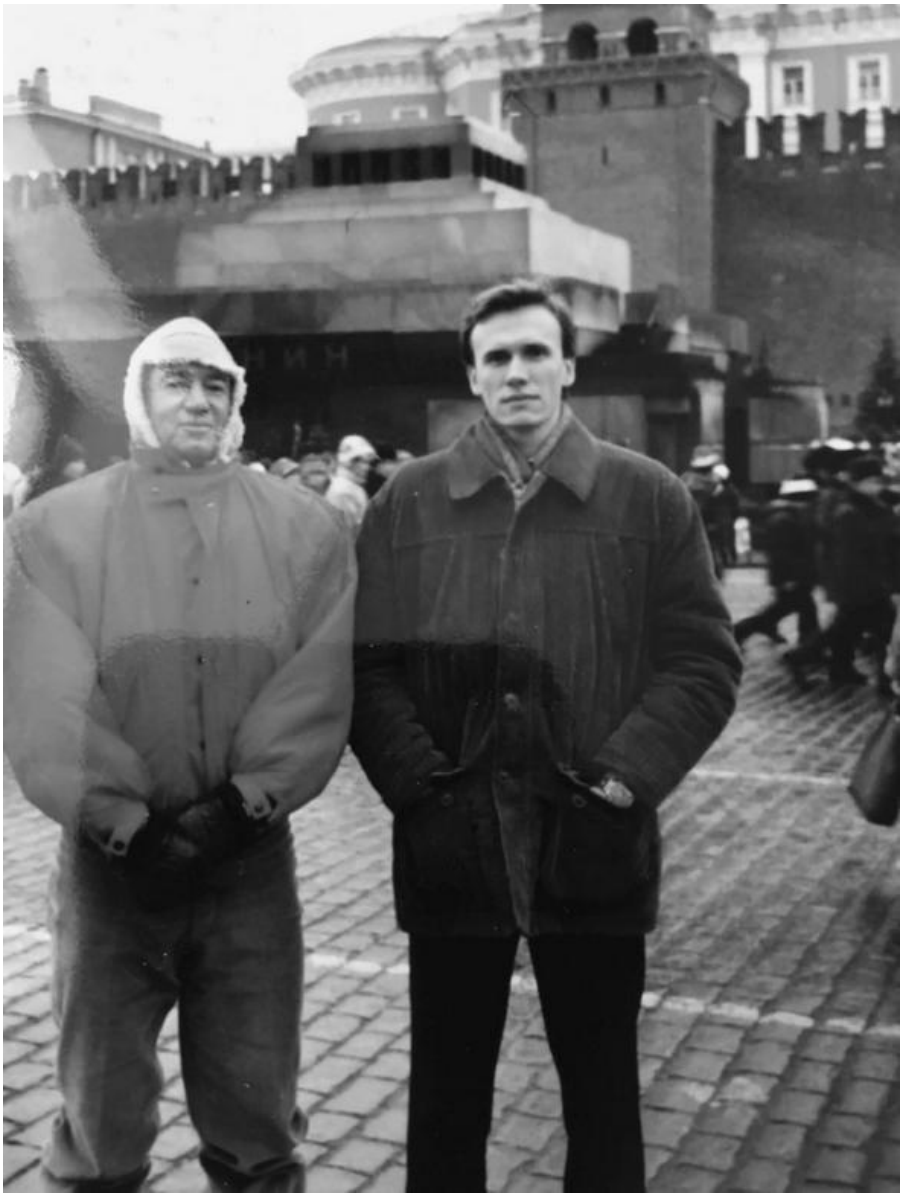
Вячеслав, обладая карточкой магазина «Калинка Стокман» с неограниченным по нашим меркам кредитом, благодаря чему помогал каждому из нас в его нуждах. Помню, заезжая на несколько минут ко мне домой, он узнавал о нуждах моей семьи, связанных с малышом, после просил ему помочь. Мы прыгали в его «Мерседес», В свою квартиру на 5-й Кожуховской улице этим вечером я возвращался нагруженный памперсами — редкая тогда вещь, мы пользовались обычными пеленками, детским питанием, хватавшим на несколько месяцев. Всевозможные приспособления для мамы венчал сверху ящик настоящего немецкого баночного пива, который пропадал буквально через час в наших желудках.

Увидев впервые все это богатство, моя супруга напряглась и поинтересовалась:

— Лелик, ты что, магазин ограбил… — Показывая на Славика, я хотел сослаться на маленький грабеж его фирмы, но не успел:

— Что и Славку к этому притянул?!.. — Мы долго смеялись, пока мой друг не вступился:

— Оль, да все нормально, Марк не обеднеет — всего-то пару сотен долларов… — Это была тогда моя зарплата за два месяца. Да, действительно, никто не обеднел, но и сам не поделился. Как же трудно богатому человеку помогать действительно нуждающимся, да еще так, чтобы об этом никто не узнал.



Друг детства автора — Вячеслав Беззубиков справа. Сопровождение гостя из ЮАР на Красной площади — ежедневная рутинная работа. 1991 год

Слава с Семеном разъезжали на огромных, красивых, фешенебельных лимузинах — золотистом и вишневом, соответственно с желтыми номерами совместных предприятий, которые, как раз и принадлежали СП «МАРВОЛ»!

Выглядели ребята на все пять баллов по пятибалльной шкале. Дорогие костюмы, накрахмаленные сорочки, модные галстуки,

кожаные куртки, длинные кашемировые пальто, шелковые или из тонкой шерсти кашне и, конечно, все остальные причиндалы.

Мы ждали их приглашения на боулинг в отель «Космос» как «манны небесной», поскольку именно там они работали в охране, когда познакомились с Волошиным. Связи и отношения оставались и сейчас. Радовались и приглашениям на корпоративные вечеринки в офис «МАРВОЛ» — столько вкусняшек невозможно было найти и в ресторанах, которые тогда для нас были недоступны.

Однажды, уже насбивавшись кеглей, напившись пива, насладившись атмосферой капиталистического благополучия и комфорта, мы распрощались, но вынуждены были встретиться снова через полчаса, благо я снимал тогда квартиру недалеко от ВДНХ.

Оказалось, пока мы отдыхали, машины наших друзей вскрыли и украли все, что наполняло объемные багажники иномарок. Виновника вычислили быстро, я со своими ребятами помог вернуть друзьям свое, захватив в виде возмещения моральных убытков и чужое. Расстались мы совсем ночью, но теперь на забранном, как полагается, за провинности «Мерседесе»: я и двое моих товарищей — Саша Шарапов и Дима Туркин.

Главшпаны не всем были довольны, но это утряслось почти всеми отобранными чужими богатствами, в основном электротехникой. История имела и дальнейшие развития событий, которые подробно описаны в моих мемуарах «Ликвидатор», сейчас же совершенно здесь неуместных.

Это событие стало предтечей дальнейшего знакомства с шефами Славы и Семена — Дмитрием Ческисом и Марком Волошиным. Разумеется, о случившемся ребята рассказали начальству. К тому времени Марк назначил на должности руководителей «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ» Олега Голушко (непосредственным руководителем) и Дмитрия Ческиса (главным финансистом). Высокая заработанная плата, некоторые возможности, громкие названия, проекты, пока только на бумаге и еще многое, что хорошо и красиво смотрелось, но таковым не было.

Другое дело СП «Русджет»! Крупные обороты, один, но громадный проект, глыбы-учредители с мировыми именами, настоящая работа, уважение, престиж, и все это мимо них, хотя не без их участия…

Надежда, уже Хлебникова, помогала по другим совместным предприятиям, имеющим отношение к «МАРВОЛУ». Приезжая к Ческису в офис, расположенный в Октябрьском переулке,

чувствовала, исходящую от него легкую неприязнь к своему мужу. Тимур тоже совершенно не жаловал ни этот офис, ни происходящее в нем, ни людей, здесь работающих, просто не замечая его существование.

Весной случилось непредсказуемое. В офисе появились люди, конечно, это было неспроста, производящие очень серьезное впечатление. Серьезными они и были. Тема, принесенная ими, касалась редкоземельных металлов, суммы впечатляли, как и пакеты документов, поэтому профессиональные «кидалы» были приняты с распростертыми руками.

Не думаю, что это было совпадение, это была не новая тема, почему-то незадолго до этого Ческис отказался от прежних поставщиков, и странно быстро принял новых, переведя почти в первый день 300 000 долларов, за которые никто ничего не поставил.

Тут и вспомнил Ческис о друзьях Славы, совсем недавно помогших разобраться с кражей. На ближайших выходных должен был состояться очередной корпоративный праздник, он попросил Вячеслава пригласить своих друзей детства, среди которых очень нужен именно тот, кто помог.

Через несколько дней я пересек порог шикарного на тот период офиса. Сегодня тогдашний фуршет показался бы обычным неплохим шведским столом с шумной компанией вполне счастливых людей.

Новый год был давно позади, но мне показалось, что именно этот праздник был причиной общего сбора. Никогда до этого я не видел такого количества разной кулинарной всячины с этикетками иностранного происхождения. Ребенок СССР, в детстве я был в восторге, когда в руки попадала баночка настоящей «Кока-Колы», даже уже опорожненная кем-то, или пластинка жвачки. Смешно, конечно, но не удивительно.

Среди довольных, радостных лиц мы смотрелись немного скованными, не привыкшими к таким мероприятиям, но алкоголь быстро уровнял дисбаланс. Слава немного нервничал, хотя и старался не показывать этого открыто. Я понимал почему — о желании его начальства поговорить со мной на серьезную тему он предупредил заранее, хот я и не мог знать, о чем именно. Суть звучала туманно, но вполне предполагаема. В двух словах: появилась проблема, решить которую, наверное, можно, но пока не понятно как — ему говорили далеко не все. Связана она с каким-то «наездом», что было для меня профильно, а потому и интересно.

Честно говоря, я понимал, что не обладаю необходимым уровнем знаний и полномочий для решения таких вопросов, но

именно первый разговор даст мне понять, стоит ли об этом рассказывать своим «начальникам».

Были надежды заинтересовать в себе представителей этой фирмы, что может стать концом кошмара с исполняемыми мною убийствами. Логично было предполагать возможность видеть здесь именно меня в виде представителя нашей структуры, но я ошибался и совсем не мог предвидеть, к чему это может привести.

Тогда я еще надеялся на наличие хоть каких-то правил, по которым будут играть наши боссы. Возможно, они и старались…

Забегая вперед, скажу, что все убийства, связанные с «МАРВОЛ», будут происходить под руководством «медведковскими» Григория Гусятинского, за исключением последнего, состоявшегося за неделю до выстрела в него самого 25 января 1995 года — 17 погибнет Тимур Хлебников…

Через час с небольшим моего присутствия в офисе компании, Слава и Семен засуетились. Исчезнув на несколько минут, они вернулись, сопровождая с серьезными лицами человека лет сорока, с рыжеватой шевелюрой, суетливого, неспокойного, неспортивного телосложением, хотя и плотного. Я удивился его взгляду, выражающего огромное уважение по отношению ко мне, надежду. Первое я еще не заслужил, а второе оправдать никак не мог, не зная сути.

Он начал с того, что поблагодарил:

— Алексей, я хотел вас поблагодарить…

— Можно на «ты», так будет удобнее иии… привычнее.

— Да?!.. — Я утверждающе кивнул, получив в ответ сияющую почти счастьем улыбку. Подумалось: «Кажется, этот человек чувствует себя чем-то бóльшим, чем он является на самом деле рядом со мною. С чего бы?» — это не напрягало, напротив, немного тешило гордыню, оставаясь совсем необъяснимым.

— Конечно… — Вспомнив, что несмотря на уже пройденное, мне недавно исполнилось всего-то четверть века — я младше его гораздо, улыбнулся, поскольку моя привычка общаться со старшими по возрасту с уважением на него почему-то совсем не распространялась. Он воспринимал меня представителем непреодолимой силы, которая может справиться с любыми проблемами, по всей видимости, и с нависшими сейчас. Эти мысли натолкнули на следующую, все объясняющую: «Ну конечно, его радость исходит из приближенности к представителю этой силы — эта исключительность и порождает такое удовлетворение и восторг».

— Я хотел выразить свою благодарность за помощь, оказанную нашей фирме. Как это просто у вас… у тебя все получилось.

— Действительно у «нас» — я был не один. И мы лишь часть… очень маленькая часть от мощного целого. Вообще-то это и есть моя работа… — Стараясь внушить каждым словом понимание не только мощи нашего «профсоюза», но и оставить множество загадок, я уходил от конкретики, зная, что недоговоренность и загадочность увеличивают воздействие.

— Именно об этом я и хотел поговорить… — На этих словах Дмитрий Ческис закрыл дверь кабинета, в который мы зашли, оставив Славу и Семена за ней. Мы остались вдвоем.

— Алексей, мы попали в некоторую ситуацию… неприятную ситуацию… из которой не видно выхода…

— У вас кто-то уже был… на эту тему?

— Можно и так сказать… нам уже предлагали свои услуги… — Незадолго до этого в офисе появлялись крепкие ребята, интересующиеся наличием «крыши». Не трудно догадаться, что это было связано с предыдущей проблемой, скорее всего, ими же и организованной.

— Дмитрий, мне нужна точная информация. От этого будет зависеть… От этого многое зависит. Вы дали согласие на «сотрудничество» приходящим парням — это ключевой момент?!

— Нееет! Нооо… мы должны ответить на это вот-вот… — Дальше шли долгие объяснения почему при заключении сделки, при которой их «кинули», он решил, что предложение стоящее, а люди надежные. На что я ему ответил, что с нашим участием таких просчетов не бывает, поскольку мы «пробиваем» любых перспективных партнеров, обязательно встречаясь с себе подобными, если такие имеются. С этими людьми всегда договоры, обычно, вполне надежны, поскольку ответственность всегда одна — жизнь. Если такой встречи не было, то мошенники делали вывод — «защиты» в виде «крыши» нет, а значит, можно не только приводить свои планы в жизнь, но после, пользуясь созданной ими проблемой, предложить свои услуги в виде «крышевания».

На этих слова он выпрямился, осознавая всю помпезность минуты, на деле не совсем правильно понимая суть — на кону таких как мы всегда стоит не столько благополучие, сколько сама жизнь, как я уже написал, хотя и могут быть ситуации, когда и его данное нам слово, может стоить ему того же. А вот об этом никто никогда из «крышуемых» в такие моменты не думает!

Дмитрий согласился сослаться на нас при встрече с другими братками, то есть на людей Гриши Гусятинского, точнее «Грини медведковского», при этом он должен был присовокупить и наше непосредственное отношение к «Сильвестру».

— Что бы поставить точку, необходима еще одна встреча с

теми людьми, кто будет принимать основное решение.

— А ты сам?

— Видишь лиииии… скажем так — меня коммерция не интересует, я из тех, кто не светится, хотя не скрою, мне было бы интересно, и я с удовольствием занялся бы «твоей» фирмой… — По его лицу пробежала тень непонимания, заместившаяся молнией догадки, потом испуга, после восторга.

— В таком случае одна просьба.

— Сколько угодно, за ваши деньги… Шучу…

— Я бы попросил… ты не можешь еще раз приехать, перед основной встречей… нууу… так, что бы пока ничего никому из своих не говорить… Шеф захочет встретиться, чтобы принять решение.

— Зачем она, если ты можешь принимать решение? Следующая встреча будет с нашим «руководством» и вот там его присутствие обязательно!

— Нет, нет… нннн… Дело не в этом. Понимаешь. Словом, я неее…

— Не хочешь или не можешь брать на себя такую ответственность… — Как-то быстро менялось мнение о нем, хотя и первое было не лучшим — скользковатый тип…

— Можно и так сказать. Мы говорили предварительно, все согласованно, но он человек осторожный… Ты ведь сможешь ответить на те вопросы, на которые те люди, вряд ли станут отвечать… — Он надеялся, что мои дружеские отношения со Славой позволят ему заглянуть глубже.

— К примеру?

— Нууу… Насколько вы…

— Сильны?

— Да.

— Вряд ли сегодня найдется сила, без раздумий решившая воевать с «Иванычем» («Сильвестром»). Мы все можем, от разведки, поисков кого угодно, чего угодно, где угодно, гарантий безопасности при заключении контрактов до решения вопросов с ментами.

— Ааа… мняяям…

— И это тоже… — Мы оба поняли, что значило это «мняяям» — ликвидация неугодных лиц уже вполне вошла в прейскурант услуг, оказываемых нами. Одна проблема — «решать судьбы» должен был человек, понимающий весь вопрос, из-за которого, появилась необходимость убийства, целиком и полностью. А вот в это вникать, как раз мало кто любил. Обычно прислушивались к тем, кого считали преданным, на деле же часто оказывающимся не совсем компетентным…

Через несколько дней я встретился с самим Марком Волошиным. Ни Славы, ни Семена уже рядом не было. Речь шла о том же. В конце прозвучал тот же, более оформленный вопрос, в интонациях которого чувствовалась действительно хватка и прозорливость:

— До чего вы способны пойти? Вы понимаете, что меня интересует?… — Уверен, что он не собирался кого-то убивать, пока, во всяком случае, наверняка ему казалось, что получив утвердительный ответ на этот вопрос, он поймет серьезность уровня нашего «профсоюза». Это, конечно, наивно, но ведь Волошин, скорее всего, ориентировался еще и на слова Ческиса, наверняка преподнесшего это в полноте красок, соответствующих его не столько воображению, сколько желанию, при том добавив, что это ЕГО люди!

— До самого конца. Мы убиваем… — Ческис, вглядывающийся в лицо хозяина, он присутствовал третьим, увидев нужный и успокаивающий блеск его глаз, широко улыбнулся и пошел меня провожать. Мы попрощались у выхода на этаж, еще раз напомнив друг другу о необходимости созвониться ради организации основной встречи.

* * *

Ближе к вечеру я пил чай, отвечая на вопросы своего шефа — Гриши Гусятинского. Мы сидели в кабинете его брата, где он часто бывал, проводя иногда встречи при нехватке времени. Подобные разговоры, разумеется, не терпели лишних ушей, поэтому все посторонние сразу покидали свои рабочие места. Нужно заметить, что очень быстро человек, осознавший себя как член бригады, расставлял всех остальных людей по «табели о рангах», конечно, ощущая именно себя во главе. По действовавшим тогда понятиям коммерсанты и бизнесмены, какого бы высокого ранга они ни были, всяк находились ниже любого «братка», а значит априори «должны по жизни».

Именно поэтому сам Григорий не допускал видимого братства и равенства даже с родным братом Виктором, иначе парни, с которыми обсуждались те или иные вопросы, не поняли бы. В те времена такое разделение на касты воспринималось естественно, причем шпана всегда предпочитала наблюдать бизнесменов в зависимости от своих решений.

Иногда исключения бывали. Такие отношения допускались между некоторыми людьми, если становились взаимополезными, не распространяясь в доверительном плане дальше личных, на

коллективы и общепринятые правила. Скажем между «Сильвестром» и Гришей Лернером, далеко не «коммерсом», начавшими свое знакомство в 1988 году. В этом дуэте, скорее именно этот знаменитый международный махинатор конца XX века, взял только начинающего набирать обороты всемогущего «короля беспредела» в подельники, предвидя в нем невероятной мощи потенциал, он же познакомил его с будущей фиктивной супругой и надоумил, женившись, заиметь израильское гражданство.

О взаимоотношениях этих двух звезд криминала можно написать отдельную книгу, в которой, кроме фамилии Тимофеева, ставшего Жлобинским по паспорту, будут фигурировать только еврейские фамилии, за исключением бывшего начальника ХОЗУ ГРУ Георгия Уголькова, занимавшего во многих схемах вместе с женой «Сильвестра» Ольгой Жлобинской, урожденной Илоной Рубинштейн, ключевые позиции.

Григорий Лернер и сам «отсидел» при Советском Союзе довольно большой срок, то есть был арестантом, и каждому из приходящих предложить «крышу» мог сам рассказать, как жить нужно. Все схемы он разрабатывал сам, участвуя при серьезных разговорах и встречах, как основное звено, существующее под прикрытием «Сергея Ивановича», зная досконально и лексику, и понятия, имея сам определенный вес в преступном мире.

Тоже со временем произошло между Таранцевым и Андреем Пылевым. В этой ситуации «комерс» поднялся выше «пацанов», по той же причине, что и Лернер — Александр Петрович так же хлебнул «баланды» из арестантской шлёмки (миски), и сам вещал старшему Пылеву, только слышавшему о тюрьме от брата, с кем можно, а с кем опасно «семейничать».

В большинстве же своем, люди, в общем-то и зарабатывающие деньги, не имели равного с бандюшками права голоса, без данного на это разрешения. Это строго соблюдалось на «терках» и разборках, когда вынуждено присутствовали и коммерсанты, знавшие тонкости своего бизнеса[33] — одно неправильное слово или хоть немного дерзкое поведение могло повлечь мгновенное наказание, выражающееся в основном в рукоприкладстве.

Тот же Виктор Гусятинский, брат Григория, никогда не присутствовал на разговорах, происходящих в его офисе, за который платил сам Григорий с «общих» денег. Глава «медведковских» не позволял себе открытого панибратства, аккуратно взимая с родственника долю с бизнеса, который сам же ему и устраивал. Иначе быть не могло, поскольку вызвало бы

пересуды среди подчиненных и «смежников» (представителей других бригад, дружественно настроенных в отношении нас). Григорий прекрасно понимал, что брат, будучи коммерсантом, в этих обстоятельствах — лишняя возможная причина для предъявления ему претензий. Это могло выглядеть так: «А чего ты с нас спрашиваешь… с нас, с братвы, а со своего родственника нет?! Он тебе важнее?!».

Пример подобного приведен в фильме «Крестный отец», когда глава клана Майкл Корлеоне вынужден убить родного брата, предавшего его и интересы клана. Здесь очень тонкий момент!..

Конечно, по прохождении многих лет, что влечет взросление, понимание, настоящее видение, сближение людей, вырабатывает определенное доверие, такие отношения меняются, приобретая налет взаимоуважения, а «бизнес» — взаимовыгодные характеристики. На подобном «сломе» работники «плаща и кинжала» начинают понимать, что просто брать какую-то долю глупо, ищут возможность участия в сделках, входят в учредители, вкладывают деньги.

Может показаться, что так они равняются по существу со своими «подопечными», попадают под их зависимость, доверяя, становятся уязвимыми. Таких мыслей ни у кого никогда не появляется, поскольку такие проявления происходят повсеместно, и, как правило, одновременно, и самое главное — фраза, произносимая на любой встрече, при выяснении отношений между братвой разных бригад и состоявшихся между ними сообществ: «В этой теме (бизнесе, проекте) наши «бабки».» — то есть деньги с «общака» бригады, что всегда имело ключевое значение, поскольку эти денежные средства считались «священными» и неприкосновенными, а значит, становилось понятным, что их никто и никогда не отдаст. Мол: «Были бы деньги «комерса», тогда за его «косяк» мы могли бы позволить вам взять некоторую пеню, но это наше «бабло», а свое мы, как и вы, не отдаем!»…

Впрочем, со временем так не только делали, но и начали говорить без всяких оснований, даже когда было понятно — у этих парней нечего вкладывать…

Григорий интересовался всем, переспрашивая у меня всякие мелочи, в том числе и о моих друзьях, хотя историю с возвратом похищенного из их автомобилей у «Космоса» он знал в подробностях, поставив тогда этим заниматься Олега Пылева, который с успехом разгреб и решил все вопросы, появившиеся у людей, как принято было говорить, «потянувших мазу» за Двормана[34]. Забранную машину тогда нам пришлось отдать, правда, за несколько месяцев пребывания у нас она превратилась

в разбитое корыто, «общак профсоюза», тогда еще существовавший, кое-чем пополнился, мы получили по небольшой сумме, выразившейся в рублях, но главное, что Слава с Семеном были избавлены от существенных проблем, совершенно ничего при этом не лишившись.

Возможно, это и показалось Дмитрию Ческису сладким десертом, что, конечно, было ошибкой, поскольку то, что делается для друзей, всегда от души и безвозмездно.

Это я объяснил Гусятинскому, как и многое другое. Он удивлялся, тем более, понимая, насколько это серьезна фирма и как легко она идет в его сети. Я знал довольно общо интересы совместного предприятия — мне было это и ни к чему.

Примерно через час с небольшим появился Сергей Ананьевский. Из его вопросов мне показалось, что он видит именно меня в роли человека, который будет отвечать за сношения с руководством «МАРВОЛ». Такие мысли выглядели логично, но Григорий, уже после моего отъезда, объяснил «Культику», что я важен и нужен ему как «ликвидатор».

Лицо в сером костюме Сергей Ананьевский, здоровающийся с Алексеем Кондратьевым, уже застрелившим к этому времени Тимура Хлебникова. Апрель 1995 года. День рождения братьев Пылевых. Снимок сделан автором

Именно поэтому он констатировал при следующей встрече мое неумение общаться с коммерсантами, поскольку я нетерпелив, не дальновиден, не умею делать правильные выводы, что меня не просто удивило, но даже разозлило, ведь он всегда приводил меня другим в пример именно по этим параметрам. К тому же последним моим делом был успешный возврат очень

большой суммы, над которым я и мои ребята работали несколько месяцев, и это после того, как сам Григорий пытался это делать безуспешно. Возможно, это был неприятный момент для обоих Гусятинских, поскольку деньги были утеряны после заключения контракта самим Виктором Гусятинским за поставку крупной партии итальянской обуви, что было на деле хорошо продуманной аферой, направленной на изъятие этих дензнаков, а десятки миллионов рублей — часть «общака».

Как бы то ни было, я понял его правильно — он выбор сделал, менять его не собирается, мое дело подчиняться, другого не будет, и при всем моем «неумении делать правильный вывод», я обязан сделать его верным, в соответствии с его желанием…

Ческис расстроился, ему нравилось общаться со мной, остальным было без разницы, ведь именно он стал соединяющим звеном, чему радовался, поскольку это делало его важной персоной в структуре «МАРВОЛ», буквально всесильным и всемогущим. Поняли это, правда, и Марк с Лео Шумахером, и Тимур, но слишком поздно.

Мне же ничего не оставалось делать, как смириться и снова ждать. Именно тогда появилась мысль о единственной возможности освободиться от этих уз, застрелив своего шефа. Я бы с удовольствием патронировал «МАРВОЛ». Не знаю, чем бы это закончилось и смог бы я пойти против решений главшпанов, скажем, в вопросе устранения Хлебникова, но уверен, что обязательно разглядел ненужность и даже вредность этого шага, что так же естественно, как хранить и беречь «курочку, несущую золотые яйца»!

Очень неумно было убивать человека, который максимум через полгода переставал быть препоной в перенесении денежных потоков в нужное русло. И это лишь одна из причин. Можно было обнаружить и другие, чуть подробнее присмотревшись к сути проблемы, увидев еще как минимум с десяток. Скажем, безопасностью СП «Русджет» руководил еще служащий полковник КГБ, что, согласитесь, не маловажный фактор. Можно было, как делалось в то время повсеместно, заинтересовав офицера, действовать через него…

Итак, «Сильвестр», узнав все необходимое от Сергея Ананьевского и Григория, даже не раздумывая понимал — многое зависит от того, как будет решена проблема с людьми, предложившим Ческису бизнес, касающийся редкоземельных металлов.

Фотография примерно того же времени, поэтому и приводится здесь, хотя вставлена в предыдущем томе «Ликвидатора». Слева направо: неизвестный, Буторин Сергей — «Ося», Ананьевский Сергей — «Культик», Саша Шарапов — «Шарап», Андрей Пылев — «Малой», Григорий Гусятинский — «Гриня»

Таким козырем и мог стать решенный вопрос с людьми, взявшими предоплату за поставку, но здесь была одна загвоздка — никто не знал, кто это. Я получил указание, оставив все предыдущие задачи, с помощью полученной информации от Ческиса или кого угодно, найти хоть что-то об этих людях. На все про все два дня.

На самом деле интересовали не мошенники, а их «крыша», возможно именно эти парни предлагали вскоре после «кидка» свои услуги. Это и предстояло выяснить.

Выполнить это невероятно сложно, особенно когда светиться нельзя, но бросившись в этот омут с головой, я к самой встрече с руководством «МАРВОЛ», на которую, конечно, не попал усилиями Гусятинского, представил следующее: базируются эти ребята, как и мы, на севере столицы, какой-то интерес имеют в отеле «Космос», там их и можно найти. Одного из них зовут Стас, второго не запомнили, описание обоих было. Оставленный номер телефона для связи ничего дать не смог за короткий промежуток времени. Разумеется, документы, подготовленные под контракт, полностью с вымышленными фамилиями. Но была одна зацепка, которая легла в основу спасительной догадки.

При попытке выяснить подробности оказалось, что эти люди в офисе Волошина появись перед самым обедом, как раз когда несколько человек возвращались с какой-то встречи. Поговорив с одним, вторым, третьим, удалось выяснить, что возможно автомобили, а все они были иномарками, которых на парковке, рядом с офисом (не на парковке «МАРВОЛ», а чуть поодаль, чтобы не светить) никогда ранее никто не видел, могут принадлежать именно этим персонажам.

Уже перед самой встречей Пылев Олег и Гусятинский,

посмотрев на негустую информацию, переглянувшись, начали перебрасываться фразами, явно чувствуя близость разгадки:

— Олег, а ведь мы их можем знать… Ты в «Космосе» ведь частенько зависаешь… а у «Стаса»[35] не такой «Мерин» («Мерседес-Бенц»)?

— Гринь, дааа… точно такой… жаль циферки не запомнили. Лех, а вторая «тачила» какая?..

Я назвал, еще раз напомнил внешнее описание обоих. Григорий, посмотрев еще раз на меня, произнес с довольным видом, говорящим о подтверждении предполагаемой версии, которую еще нужно будет проверять:

— Видишь, Лех, я же говорю, что не ошибся в тебе. Олег — это очень похоже на «Стаса» и «Чеснока»[36], и тачки их, и манера их же… Замуты один в один… — Тут он вспомнил двухгодовалой давности общую, тогда еще «отработанную» схему, когда «кинули» уральский «комерсов» на очень крупную сумму.

— Угу, Гринь, в натуре похоже, но надо бы проверить…

— Лех, проверь, прямо сейчас…

— Каким образом?..

— Ну, я не знаю… «Космос» там, еще где-нибудь…

— Гриш, у меня на «Космос» денег не хватит!..

Он призадумался — снабжать меня финансами явно не хотелось. На лицо легла тень неудовлетворенности, ему не хотелось думать сейчас об этом, почти перед самым фурором на этой грандиозной встрече. Гусятинский был уверен, что такие монстры как «Сильвестр» и Ананьевский точно что-то да раскачают на этих переговорах, да и одно имя «Иваныча» уже само по себе, козырь!

Ну что мне было делать, когда предвкушение сегодняшнего звездного часа шефа, ведь в глазах «Иваныча» получалось, что именно он раскопал и «прикрутил» «МАРВОЛ», мешали ему сосредоточиться. Само собой вылетело предложение:

— Ну хорошо, можно попробовать позвонить этому «Стасу», поинтересоваться, не хочет ли он подъехать одну темку подраскачать. Он же поймет, если имеет к этому… Олег… — Я обратился к Пылеву, понимая, что тот сейчас более внимателен:

— Номер телефона то есть, почему не позвонить по нему? Если это те пацаны, предложившие «крышу», то все само собой сложится, а если…

Тогда телефоны только появлялись, мне Григорий выдаст первый только через несколько месяцев. Аппарат по размеру будет больше кладки из двух кирпичей, и такой же по весу. У Олега и Гриши уже были, что говорило окружающим — это очень важные люди!

— Ну и откуда?

— Да из офиса «МАРВОЛ»…

Трубку поднял «Стас»! Козырь неожиданно обрелся сам собой, благодаря чему встреча с руководством «Марвол Групп Россия» прошла максимально успешно, произведя впечатление небывалое на бизнесменов…

Не прошло и двух дней, как Григорий снова вызвал меня в офис своего брата.

— Лех, теперь занимаемся этими… — Он выложил вынутые несколько бумажечек из кармана, разложив их передо мною на столе. Это не были фотографии, только несколько строк на каждой, написанные от руки имена, фамилии, погремухи.

— Гриш, но по этому… что ж тут искать-то?

— Это так — ориентировка, в общих чертах, так сказать. Мы выберем день… нууу, скажем, эти выходные — сам покажу все. А пока занимайся «Удавом»[37] — нужно «климовских» отмазать, да и вообще…[38]

Вышло несколько по-другому. Плотно этим вопросом пришлось заниматься в конце лета. Со своими бывшими соратниками «Стасом» и «Чесноком» Григорий пытался договориться полюбовно, но, не имея пред ними авторитета, ничего не смог сделать, даже при поддержке имени «Сильвестра». Может быть все пошло бы проще, не скажи он своему сюзерену, что справится сам. Менять позицию было уже невозможно. Стас Косенков («Стас») тянул время, не собираясь возвращать «отработанные» у «Марвол» деньги, уже буквально издеваясь, предполагая, что его бывший «братишка» остался прежним. Но время меняет не только обстоятельства, но и людей.

Не потерпев такое неуважительное отношение к себе, понимая, что других мер воздействий не осталось, Гусятинский дает повторную команду начать «отстрел». В сентябре мы едем в сторону дачи «Стаса». Пробираясь через лес, Гриша рассказывает подробности прежних отношений, рисуя отвратительную картину жизни подлого человека, которого нужно застрелить.

Верится не всему, но сделан вывод о начавшейся войне, объявленной совсем недавно, а это была уже третья из войн, ведущихся одновременно. Первые две — с «бауманскими» и «измайловскими», начавшиеся раньше, шли полным ходом.

До этого, буквально через месяц — два, после состоявшейся уже встречи руководства «МАРВОЛ» с Тимофеевым («Сильвестром»), Ананьевским («Культиком»), Буториным («Осей»), Гриней, Пылевым, то есть уже заключенном договоре о «крышевании», произошло событие, чуть не поставившее крест на всем проекте.

Газета «Коммерсантъ» писала об этом в своей статье в 1996 году следующее:

«Оказавшимся 24 апреля 1993 года на военном аэродроме в Ахтубинске могло показаться, что там снимают остросюжетный боевик: на летном поле словно из-под земли возникла группа захвата. Спецназовцы взяли в кольцо прогревавший двигатели «Руслан». Невзирая на высокие воинские чины сопровождавших груз и кипу «охранных грамот» за подписями высокопоставленных лиц, военные контрразведчики (а это были они) вскрыли загруженные в «Руслан» контейнеры. Внутри оказались детали двух модифицированных МиГовских двигателей РД-33, а также 14 новейших ракет Р-73 класса «воздух-воздух», не имеющих аналогов в мире. В таможенных документах улетавший в ЮАР груз значился как «холодильное оборудование». ЮАР в то время (и до весны 1994 года) находилась под санкциями ООН, запрещавшими странам — членам ООН сотрудничать с Преторией в военной области. Если бы тогда эта история была предана огласке, разразился бы громкий международный скандал: конечно, из ООН Россию не исключили бы, но отношения со многими странами могли быть испорчены, кое-кто мог заговорить о санкциях уже в отношениях Москвы, могли возникнуть и большие трудности с получением западных кредитов (в том числе МВФ) и финансовой помощи, которые тогда имели для российского бюджета очень важное значение.

Первые документы, с которых начали свое расследование Александр Корецкий — «Ъ» и Валерия Сычева — «Ъ», попали в редакцию «Ъ» случайно. Просто некоторые из участников этой сделки в какой-то момент не захотели оказаться крайними. Журналисты потянули за «веревочку». И вот что вытянули…

Захват

По факту инцидента в Ахтубинске Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело № 29/0007/93 о покушении на контрабанду оружия. Оно получило гриф «секретно», и даже сегодня руководивший расследованием старший помощник Главного военного прокурора Виктор Шеин подтвердил «Ъ» лишь факт его существования и лишь с личного разрешения Главвоенпрокурора.

Какими же «охранными» грамотами козыряли отправители груза в ЮАР перед военной контрразведкой? Козыряли они, как удалось выяснить «Ъ», распоряжением вице-премьера Георгия Хижи, возглавлявшего ВПК. Отправку груза курировал помощник Хижи Александр Козлов (оба, по сведениям «Ъ», прошли тогда через многочасовые беседы со следователями). Между тем, как удалось выяснить, распоряжение Хижи не содержало прямого указания или разрешения вывозить военную технику в страну — объект санкций ООН. Речь в нем шла о содействии научно-техническому сотрудничеству с ЮАР. В принципе, нельзя исключать, что контрабандисты использовали документ, трактуя его в расширительном смысле. Попытки корреспондентов «Ъ» связаться с Хижой, дабы выяснить его сегодняшнюю позицию, успехом не увенчались: он отдыхал в Геленджике, и на просьбы связаться с ним помощники отвечали, что не знают, как это сделать.

Как все начиналось

Как получилось, что в 1993 году в находившуюся под ооновскими санкциями ЮАР отправлялись новейшие ракеты и двигатели? Тут нужен короткий экскурс в прошлое.

История эта началась еще в годы перестройки, когда умы многих государственных мужей будоражили радужные надежды на конверсию и оружейный экспорт. Обсуждались ежегодные объемы экспорта советского оружия в $10 млрд. и больше. На вырученные деньги мечтали обустроить и ВПК, и чуть ли не полстраны. Казалось, лишь дай свободу рук на мировом рынке производителям, засидевшимся за высоким забором секретности.

Радужными надеждами решил воспользоваться бывший гражданин СССР — к тому времени гражданин Израиля и ФРГ — стоматолог по профессии Марк Волошин. Он предлагает себя в качестве посредника необстрелянным на мировом рынке российским «оборонщикам». Поскольку старые рынки традиционных партнеров СССР были уже утрачены, Волошин предложил освоить новую, специфическую нишу — скованную санкциями ООН ЮАР. Российский ВПК тогда уже захлебывался от финансовых проблем и нереализованных идей. Выбирать не приходилось. Так, в КБ Микояна мечтали омолодить старые МиГ-21, пересадив им модифицированный двигатель РД-33 с МиГ-29. Кандидатами на омоложение могли стать и французские «Миражи» 1-го и 3-го типа — их во всем мире несколько тысяч штук, они имеют близкие к МиГ-21 технические параметры. Микояновцы было обратились к французам, но понимания не нашли. А вот южноафриканцы, на вооружении которых тоже были «Миражи», как раз задумались об обновлении авиапарка. Связать авиастроителей России и ВВС ЮАР и предложил Волошин. При этом он, видимо, понимал, что проблема санкций ООН не вызовет у его будущих российских партнеров, сидящих на голодном пайке, особых смущений.

Главное — правильно сделать первый ход

Важную роль в истории делового успеха Марка Волошина в России сыграл (и продолжает играть) отставной генерал, бывший гендиректор НИИ «Агат» Жанн Зинченко. Волошин вышел на него через неких общих знакомых. Зинченко имел хорошие связи как в высших эшелонах власти, так и с директоратом ВПК. По его признанию корреспондентам «Ъ», именно он открыл бывшему соотечественнику двери во многие кабинеты руководителей российской «оборонки». Зинченко был человеком, приближенным и к самому Олегу Бакланову — секретарю ЦК по оборонным отраслям промышленности. Авторитет последнего до августа 1991 года и продвигал волошинские идеи.

Волошин предложил создать СП и переделать российские двигатели для юаровских «Миражей», а затем наладить массовые поставки — и двигателей, и комплекса авиавооружений, включая ракеты. Обещал огромные дивиденды. На первом этапе — сбыт 100 модернизированных двигателей РД-33 на сумму $200 млн., а затем — по мере расширения дела — $4 млрд. прибыли. Волошин к тому же гарантировал полную реконструкцию всех участвующих в проектах предприятий ВПК. Решение премьера Валентина Павлова о создании СП было почти готово, когда случился августовский путч, и «советская сторона» создающегося СП перестала существовать.

Методы Волошина и на сменившихся в августе хозяев больших кабинетов действовали безотказно. Ни руководство ВПК (с советской стороны в состав учредителей должны были войти ММЗ им. Микояна, НПО им. Климова, Омское НПО им. Баранова и Главное техническое управление МВЭС СССР), ни давшие согласие на создание СП члены Совмина СССР не удосужились в 1991 году толком проверить надежность «Марвол Проджект Консалтинг ГмбХ» — германского партнера-соучредителя создающегося СП — задав себе вопрос, а что это, собственно, за фирма, обещавшая «толкнуть» кому-то целую сотню новейших авиадвигателей. Первые серьезные справки о фирме в Москве начали наводить лишь в 1996 году. А зря. «Марвол Проджект» не значится за период 1985–1996 гг. в налоговых регистрах ФРГ. Что означает: с юридической точки зрения эта фирма — фантом. Или, применительно к данному случаю, — мираж. Но это не помешало Волошину именем «Марвола» создать в России с участием фирмы-фантома кучу СП со вполне уважаемыми партнерами в лице предприятий ВПК.

В 1991 году первый вице-премьер России Олег Лобов

санкционировал создание волошинского СП по имени «Русджет». Оно должно было заняться модернизацией двигателей РД-33 и их адаптацией к юаровским «Миражам». Вторым столпом целой сети взросших на российской земле многочисленных «марволят» — дочерних СП корпорации «Марвол» — стал появившийся в 1993 году «СИВ». Он должен был заняться технической адаптацией российского авиа-ракетного вооружения к «Миражам». Партнером россиян должна была стать южноафриканская госкорпорация «ARMSCOR» — аналог российского «Росвооружения»» — далее следовало продолжение, относящееся к другому году, вовремя и появится…

Я помню этот инцидент, хотя подобности, описанные в этой статье, не были мне известны в то время, но истерия, охватившая всех, без исключения, полыхала голубым пламенем в головах и «марволят» и «медведковско-ореховско-одинцовских». Каждый думал о своем. К тому времени убийства охватили в полной мере столицу своей, смердящей страхом сетью. Любой, решивший заняться чем-то более-менее приносящим доход, подвергал себя риску. Коммерция, причем любая, не была кристально чистой со стороны закона — только копни, и наберется несколько статей. Сфера, затронутая Волошиным, привлекала взоры главшпанов, оставаясь пока недоступной благодаря усилиям Тимура Хлебникова, опиравшегося на своего начальника безопасности, наотрез отказавшегося даже встречаться с представителями криминала…

Именно в это время происходит одно из самых главных событий в семье Надежды и Тимура. Супруга узнает о том, что носит под сердцем ребенка любимого человека, но на ее удивление, муж заявил, что не жаждет ребенка. Обстоятельство это озаботило супругу, но нужно знать ее склад характера, что бы понимать — в этой ситуации, одной из миллиона, точка зрения мужа ее совершенно не волновала. Причина здесь не важна, хотя её следствие в виде кажущегося непримирения сторон, и может создать некоторую картину непонимания: любимая женщина, достаток, положение в обществе, возраст, в конце концов — все просто голосовало «за»!

Будущая мать относилась к этому не как обычная женщина, наверное, и Тимур тоже ждал что-то другое, чего не было прежде. У обоих уже были дети от прежних отношений, и, как часто бывает, первый общий ребенок, кажется, должен воплотить все несбывшееся прежде, стать эталоном всего, что было в них самих лучшего и светлого.

Она радовалась и гордилась тем, что у Тимура теперь

появится потомок, желая родить такого, которого он бы не смог стыдиться в любой период жизни, с гордостью представляя друзьям и знакомым, которым бы любовался сам. Думая так, она понимала, что мужу нравятся ее физические данные, ее тело, всегда спортивная форма: стройные длинные ноги, плоский живот, гибкий стан — все это могло потеряться и не восстановиться, что пугало их обоих, ведь она всегда хотела быть для него идеальной, а он был кровно заинтересован этим идеалом владеть безраздельно!

К беременности и материнству она подошла со всей серьезностью, и начала с того, что постепенно собирала все его воспоминания о прежних семейных отношениях, состоянии комфорта дома, что ему не нравилось, на что он особенно обращал внимание, чего желал, но не получал.

Выяснилось, что грязные пеленки, брошенные «пустышки», специфический запах, немытые бутылки из под молока, неухоженный ребенок, крики, и вообще сильно меняющая любимый им комфорт обстановка, когда все начинает крутиться вокруг малыша, его удручает — ему нравилось быть центром самому и он не собирался этим делиться даже с новорожденным сыном.

Не удивительно, что бы там ни было, а мужчина любит прежде всего свою женщину, с которой составляет одно целое. В нормальном муже всегда должно жить предпочтение жены всему остальному! Это черточка в Тимуре была гипертрофирована до высшей меры эгоизма, чего он не скрывал, и что нравилось ей, потому что не может не нравиться женщине ее первенство по отношению к остальному миру, если только не начать воспринимать это и с духовной точки зрения, отходя от чисто физиологических взглядов.

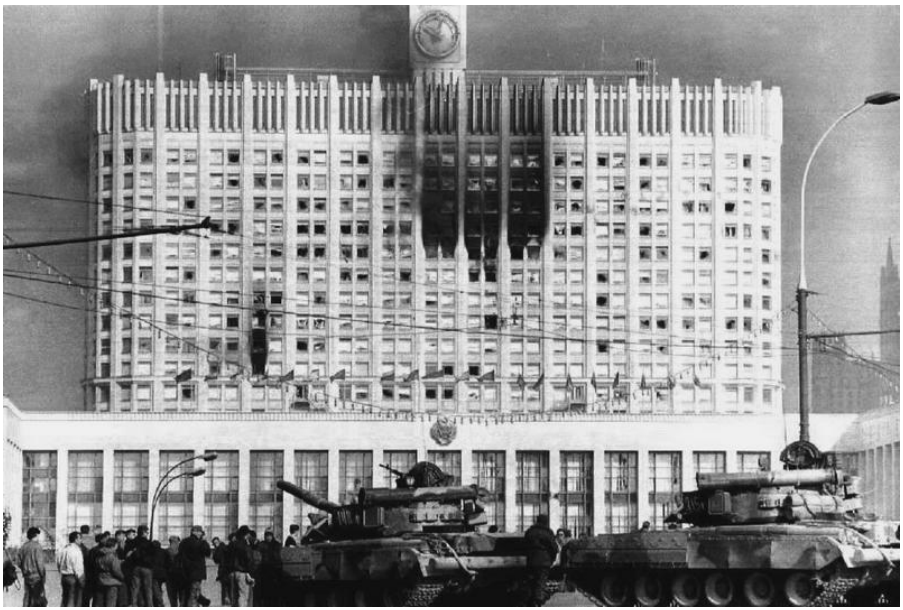
Надя построила свое материнство с первого дня зачатия как факт, который не может поменять ничего в отношениях с мужем — он, кроме нежного сопящего и радующего маленького человечка, не должен быть заметен отцу больше никак, мало того, только в минуты, когда хочет этого сам.

Беременность с этим ребенком оказалась «боевой» в переносном смысле. Тимур ходил как на работу в военную прокуратуру на допросы по поводу задержания груза, адресованного в ЮАР. Надя, в бессильном ожидании не отрывалась от окна, гадая: задержат или отпустят домой? В октябре — обстрел парламента, здание «Белого дома» находились в прямой видимости из их квартиры, купленной на пересечении Садового кольца и Арбата.

Мимо окон проносили раненых, собаку выгулять было не

возможно — трассирующие пули, предупреждая о своем вольном здесь существовании, летали по всему двору. Находящимся в квартире троим: Наде, дочери Екатерине, доберману Боссу казалось, что они почти участвовали в трагедии, вознесенные на уровень четвертого этажа. Одно было хорошо: пули залетали только этажами ниже — на второй и третий.

Когда эти «военные» действия начались, Хлебников был в Питере. Подъехать к осажденным никому из родственников не удалось, поэтому «оборону» держали сутки сами. Телефон, естественно, был отключен, поскольку в этом доме был общий коммутатор с «Домом правительства».



Расстрелянный «Белый дом» — на грани «смутного времени», куда качнет, неизвестно… октябрь 1993 года

На следующий день Тимур вернулся, пробившись за здание МИДа на Смоленской, пришел за семьей и, со всеми предосторожностями, перевез всех к родителям супруги. Ему пришлось, убедившись в их безопасности, уехать в офис, а затем к своим родителям на «Речной вокзал», чтобы успокоить стариков.

Несчастную собаку отец Надежды повел выгуливать в Останкинский парк, где и попал в жуткий переплет, связанный со штурмом телецентра. Он пролежал на земле, прикрывая своим телом Босску до самого окончания.

Домой Хлебниковы вернулись только через три дня…

Именно в дни этих событий я пытался пробился к московскому зоопарку сквозь оцепление силовиков. Опасным это

было ввиду находившегося в моей огромной сумке — АКСУ, РПГ-18, два пистолета: системы Макарова и системы Токарева. Григорий Гусятинский не только не желал отступать от своих замыслов, но не терпел и затягивания их исполнения. Мои ссылки на рискованное продолжение организации покушения на «Удава», а место, где его легко было застать, находился недалеко от «Белого дома», не производили на него ровным счетом никакого впечатления.

Единственное, что он сделал, взяв у меня фотографии форматом подходящие для документов, принес очень быстро удостоверение оперативного отдела одного из силовых ведомств, по которому меня с навязанным напарником пропускали через любое оцепление без осмотра. Этот интересный факт таковым и остался, поскольку исполнена эта задача была несколько позже.

Вот так вот протекает жизнь разных людей, существующих, казалось бы, параллельно в одном месте: одни от пуль прячутся, спасаясь, другие несут смерть, этих самых пуль избегая чудом…

* * *

Гриша, после ареста «контрабанды» на взлетно-посадочной полосе, опасаясь освещения нашей причастности к «МАРВОЛ», что неминуемо привлекло бы внимание следствия, размышлял над тем, что можно предпринять. Рассматривались различные возможные варианты, вплоть до пропажи без вести Ческиса как непосредственного проводника и связующего звена.

В самом совместном предприятии царила напряженная обстановка. Вызывали на допросы всех подряд, начиная от генералов заканчивая клерками среднего звена. Ческис и Головин искали деньги, поскольку Волошин остановил переводы любых сумм, застыв на месяц с любыми телодвижениями, возобновив их только в апреле, генерал Жанн Зинченко не сложив руки в ожидали конца представления, выдвинувшись на передний край обороны, нацелил свои усилия на достижение хотя бы промежуточной цели…

Несмотря на снятие 11 мая 1993 года указом Ельцина вице-премьера Георгия Хижи, курировавшего поставку двигателей и ракет «воздух — воздух» в ЮАР, взбодрившимся Марком Волошиным и компанией создается еще одно СП «СиВ» — дочерня компания «МАРВОЛ», наряду с ранее образованными призванная заниматься адаптацией российского авиавооружения к «Миражам». По всей видимости, глава «МАРВОЛ» прекрасно был осведомлен о ходе переговоров в верхах, а точнее, был

непосредственным их участником и прекрасно понимал, что лоббирование его интересов нашло поддержку у президента.

Таким образом от 13 июля 1993 года за подписью Виктора Черномырдина выходит распоряжение за номером 1249 о необходимости госсодействия осуществлению контрактов, заключенных между СП «СиВ» (Как быстро!) и СП «Русджет» с фирмой «МАРВОЛ» (будто это не одно и то же лицо). Вот что об этом пишет тот же печатный источник «КоммерсантЪ»:

«Ну ладно, скажет пытливый читатель: кто-то кого-то надул — двигатели не вернули, а перепродали[39]. А таможня-то куда глядела? Ведь в ЮАР, находившуюся под санкциями ООН, шли военные грузы — в том числе ракеты. А таможня глядела в приходившие сверху распоряжения. Например, в правительственное распоряжение от 13 июля 1993 года № 1249 за подписью Виктора Черномырдина. Отметим, что распоряжение составлено довольно тонко: формально название страны-получателя груза (ЮАР) там отсутствует. Речь идет лишь о необходимости госсодействия осуществлению контрактов, заключенных между СП «СиВ» и «Русджет» с фирмой «Марвол». Дано и согласие на проведение соответствующих испытаний, в том числе «на зарубежных полигонах», предоставляемых «Марволом». Минбезопасности, СВР, Минобороны и Роскомоборонпрому совместно с Гостаможенным комитетом поручено обеспечить необходимую конфиденциальность (впрочем, традиционную для всех военно-технических сделок) и «легендирование» разработок и транспортировок. ГТК было дано указание пропускать грузы на условиях возврата и беспошлинно. Может, премьер и впрямь не знал, куда пойдут военные грузы?

Между тем именно на основании этого распоряжения и действовал до 1994 года ГТК РФ[40], пропуская грузы в ЮАР. Они проходили таможню так: на ящиках с двигателями РД-33 значилось «энергоустановка», что по сути даже верно, а на ракетах — «грузоподъемники», что тоже близко к истине. Энергоустановки и грузоподъемники, по классификатору МВЭС, не являются грузом ни военным, ни двойного назначения, который таможня обязана задержать, если он следует без лицензии. Готовил упомянутое распоряжение департамент оборонных отраслей правительства, точнее, его сотрудники Сергей Сидорков и Олег Кабанов. Можно предположить, что действовали они с ведома и по поручению своего начальства, правда, какого именно — непосредственного или куратора отрасли Сосковца — выяснить не удалось. Все попытки встретиться с Кабановым оказались тщетными. Он предложил «Ъ»

получить санкцию вице-премьера, руководителя аппарата правительства Владимира Бабичева. Оказалось, что: «Бабичев в отпуске? Тогда получите разрешение от его первого зама Бориса Пашкова». Письменная просьба была направлена в адрес Пашкова. И после серии звонков выяснилось, что письмо оказалось на рассмотрении все у того же Кабанова. Круг замкнулся. Что же касается Сергея Сидоркова, то он давно не работает в правительстве. Но вернемся к таможне…»…

Мы вернемся еще к этой и другим статьям, аккуратно и своевременно вставляя их в текст ради прояснения тогдашней обстановки и в подтверждение истинности освещаемого здесь.

Все эти события несколько успокаивают «Сильвестра» и компанию, но кроме этого есть и другие заботы. Положа руку на сердце, признаюсь в складывающемся у меня сегодня четком впечатлении, что тогда вряд ли они понимали всю громаду замыслов Волошина, так же, как и витиеватую хитромудрость запутанности его проектов, где им была предназначена, хоть и довольно сытная, но далеко не «справедливая» в их понимании доля. Дело здесь не столько в действительном стратегически продуманном планировании, а в двойственности предполагаемого Марком Семеновичем беспроигрышного плана, где первостепенны были аферы и лишь вторыми следовали проекты, которые могли сбыться, если «свет клином сойдется».

Приплюсуйте сюда постоянно меняющиеся нововведения и с его стороны, и со стороны не зависящих ни от кого обстоятельств типа ГКЧП, смерти «Сильвестра», Григория Гусятинского, Ананьевского, Тимура Хлебникова, и еще многого, к чему привычен русский человек, но что шокирует любого приезжего, который не в состоянии понять национальных особенностей, вполне, кстати, логичных для людей с нашим менталитетом, наверное, единственно возможным для выживания на Руси!..

Другие дела и задачи не только забирали силы и время, но и создавали многие, с трудом решающиеся проблемы. Григория, если я не ошибаюсь, в начале лета задерживают недалеко от места постоянного сбора «бригады» — спортивного зала, расположенного в бывшем бомбоубежище в районе метро «Медведковская». Наручники надевают «петровские» сыщики, что, кстати, для меня всегда звучало, как и чуть позже «шаболовские», названием по месту расположения еще одних бригад.

Задержание оказалось недолгим, к вечеру этого же дня главшпан уже вернулся домой с опустевшими карманами и немного погрустневшим от потери определенных средств «общаком», выражением лица.

Ушел из его собственности и подаренный кем-то

хромированный «Тульский Токарева» (пистолет ТТ) с костяными рукоятками и дарственной надписью (конечно, не ему), который, как уверяют, до сих пор хранится в музее МВД.

Попав на «Петры», как называли в криминальном мире МУР — опасное для здоровья и свободы место, Гусятинский очутился в кабинете, занятом его хорошим знакомым — бывшим одноклассником. Оба удивились подобной встрече, что не помешало решить этот неприятный вопрос полюбовно…

Уверен, что эта ситуация не прошла бесследно для моего шефа. Я не видел его в тот день, но имевшие эту честь, рассказывали, что сквозь наигранные веселость и самоуверенность прорывались нервозность и даже испуг. Привожу здесь это обстоятельство, как первое из череды повлиявших на его ход мыслей. Такая же ситуация повторится вновь, третья станет арестом, продолжится заключением и этапированием в Иркутск, и лишь через месяцы произойдет очередное освобождение, что вкупе приведет (а в этом я уверен) к желанию, изъяв все возможные денежные средства из «общака», на которые им предполагалось построить дом на Канарских островах, заиметь достаточный для спокойного и комфортного проживания банковский счет, с достаточными ежемесячными процентами, далее, последовательно уничтожив всех влиятельных и имеющих возможность «спросить» с него по понятиям за этот поступок людей — Пылевых, тех, кто с ними, прочих, кто не захочет принять его бегство, раствориться за пределами пугавшей его Родины. А ведь это горы трупов, в большинстве своем, бывших подчиненных.

Интересно, что придет время, и Пылевы пойдут по тому же нехитрому пути, разворовав «общак» и начав убирать лишних, по их мнению, братков…

Мысль эта однажды высказывалась Гусятинским за несколько месяцев до смерти. Происходившее после подтверждало намерения, поэтому не трудно было догадаться, какую роль отводил он мне, и что, скорее всего, ждало по исполнению его желания. Через полтора года, удалившись в Киев, Григорий начнет вынимать миллионами деньги из «общих закромов», купит себе дом на Канарских островах за миллион долларов, откроет счета в банках на имя супруги, пополнит их, чем до сих пор она и пользуется, откажется от охраны и услуг Олега Пылева, поменяв ее на людей Юры «Усатого», совершенно в этом ничего не понимающего, и прикажет мне в течении двух недель быть готовым к крупным действиям. Но что-то… пойдет не по его планам…

Не знаю, как он собирался договариваться с Ананьевским,

«Сильвестр» к тому времени уже погибнет, думаю, что бывшие товарищи по спортивному залу, во взаимополезности нашли бы общий язык, скажем, к тому же «Культику» отошло бы полностью «Русское золото», после предполагаемой гибели Пылевых. Но сейчас идет только 1993 год. Многие еще живы, охвачены невероятными планами, уверены в своих «звездах» и бессмертии, а большинство и вовсе думают только о сегодняшнем дне…

* * *

Время летит как пули, которые начинают уносить жизни все большего и большего количество пришедших в этот опасный бизнес. Первым от моей руки гибнет Игорь Юрков — «Удав». Происходит это недалеко от стен московского зоопарка, по выходу из офиса фирмы, куда он приезжал два-три раза в неделю. Его жизнь прервалась в 12.00 21 октября 1993 года. Григорий радовался! Это убийство предъявлено Ческису как первое в интересах «МАРВОЛ», хотя имело к этой теме весьма косвенное отношение. Как я уже писал — это было продолжение борьбы Григория за «климовских», попросивших у него защиты, а также сведение личных счетов за старые обиды.

Как бы то ни было, но эта смерть стала доказательством нашего нешуточного отношения к своим обязанностям, что впечатлило, и как ни странно, разожгло аппетиты руководства.

Продолжается «война» с «бауманскими» и «измайловскими», теперь и «подольскими», сюда же присоединяются вопросы воровского мира к «Сильвестру», возникшие из-за убийства «вора в законе» Валерия Длугоча — «Глобуса». Последнее решается экстремально-специфическим образом, после чего «Иваныч» выходит с воровской сходки чистым и невиновным.

Не будем на это отвлекаться, у нас другая задача…

Сразу после убийства Юркова, в первые же выходные, Григорий везет меня и еще одного человека, прикрепленного ко мне в виде контроля, на дачу к Косенкову Стасу — «Стас». Мы не доезжаем до адреса дачи, соблюдая конспирацию, оставив машину в двух-трех километрах, пробираемся через лес, какое-то время тщетно выслеживаем нужную «персону», но не дождавшись, покидаем это место, с пониманием, что суббота и воскресение теперь будут проходить на верхушке сосны в наблюдении за небольшой усадебкой авторитета.

Он появляется 6 ноября. Выцеливая его сверху, наблюдаю через прицел удаляющихся на лошадях женщину и мужчину. Ветер качает ствол, не хочется зацепить ее. Спускаюсь. Мы вдвоем

с сопровождающим Пашей Макаровым подползаем к кустарнику у забора. Видно только небольшое окно в бане, в котором замелькают скоро два человека. Один Стас, второй пока неизвестный. Вскоре я узнаю, что Григорий имеет на него те же виды, что и на Косенкова — это произойдет одновременно с полученным «выговором» за то, что не ликвидировал обоих, а лишь одного.

Выстрел обрывает жизнь Косенкова. На следующий день я докладываю об этом в спортивном зале, расположенном недалеко от платформы «Лось», сначала со всеми подробностями Гусятинскому, сразу после в его присутствии Ананьевскому, и почти сразу вынужден ехать с ним навстречу с самим «Сильвестром», очень желавшим познакомиться лично со стрелком такого уровня. Он настойчиво просил устроить ему встречу со мной. Долго упираться не получалось, пришлось ехать, оттуда я вернулся с подарком — «Тульским Токаревым», еще в масле, и предложением работать непосредственно на «Иваныча». Гриша был горд, хотя и был предупрежден о таком подходе. До сих пор не знаю, была ли это проверка или просто выражение уважения, ведь подобные предложения «через голову» не делаются в преступном мире…

* * *

Для руководства «МАРВОЛ» смерть «Стаса» — это вторая жертва разборок, на деле лишь первая. Третьим чуть не становится Костя «Чеснок», не помню его фамилии. Покушение не удается, мешают люди, но он прекрасно осознает, что ушел чудом. На похоронах Стаса Косенкова, естественно, по правилам жанра, присутствуют и Григорий Гусятинский, и Пылевы, приносящие соболезнование, ведь несколько лет назад это была одна бригада. Это нормальная традиция для любого времени, приезжать на отпевание в храм или на похороны на кладбище, провожая в последний путь убитого тобою. Такие мероприятия с похоронами убиенных мною я не посещал…

Близкие «Стаса», по словам «Грини», в полном непонимании «кто их мочит», просят содействия, и, конечно, получают — на следующий день после похорон Григорий везет меня показывать дачу Лени Мелехова (Леня «Ус» — тоже член первой распавшейся бригады «медведковских»), второго человека, мелькавшего в окошке бани в день убийства Стаса Косенкова рядом с ним. Гриша и Леня дружили… но дело важнее.

Дом этого авторитета стоял очень невыгодно, огромный

забор мешал видеть на участке хоть что-то. Предполагалось стрелять на подъезде, оставалось подобрать место. Из-за занятости я не смог заниматься этим вопросом больше месяца, что спасло жизнь Мелехова, поскольку люди, «кинувшие» «МАРВОЛ», к числу которых принадлежала и предполагаемая жертва, решили отдать деньги, уступив нам и «крышевание», придя к выводу, что лучше сразу закрыть все возможные вопросы, чем и обезопасить себя. Мудрое решение действительно спасло несколько жизней — в этот период времени я готовил еще покушение на двоих из их бригады…

Время не терпит пустотелостей и пробелов, оно заполняет все и вся, стремительно забирая наши жизни все больше и больше откусывая от них с каждым пролетевшим мгновением.

Дела в «МАРВОЛ» прекрасны! За подписью Александра Казанника — генерального прокурора в этот период, в ноябре выходит постановление о закрытии дела о «контрабанде». Предполагается, что сие чудо произошло в связи с письменной просьбой первого вице-премьера Олега Сосковца.

Вернувшись к уже напечатанному в прессе, читаем:

«11 мая 1993 года указом президента Хижа был освобожден от должности. Вскоре последовали первые — но не последние в этой истории — попытки спустить на тормозах уголовное дело № 29/0007/93. По свидетельствам причастных к расследованию лиц, «давили с самого верха», шли письма и от ряда влиятельных директоров предприятий ВПК. Ходатаи, как правило, использовали один, но веский аргумент: дело надо закрыть «в национальных интересах». Но следователь Шеин был упрям. Контрабанда была? Была. Значит, и дело будет, и суд будет. Но он переоценил свои силы: дело было закрыто. На соответствующем решении, принятом в ноябре 1993 года, стоит виза тогдашнего генпрокурора Алексея Казанника. Многие причастные к этому делу лица полагают, что на решение генпрокурора могла оказать влияние письменная просьба тогдашнего первого вице-премьера Олега Сосковца — он просил генпрокурора распорядиться вернуть СП «Русджет» (чей груз и был арестован во время операции захвата в Ахтубинске) двигатели РД-33 и прочее оборудование. Мотивировка: иначе будет сорван график работы по перспективному контракту. Заметим, Сосковец вовсе не просил закрыть дело. Но, по сути, он предлагал снять арест с вещественных доказательств, на основе которых оно было возбуждено.

Чтобы получить комментарий Олега Николаевича, «Ъ» задержал публикацию этого материала. Но напрасно: после

двухдневных раздумий Сосковец, сославшись на загруженность, через своего пресс-секретаря от комментариев отказался. Но отметил (тоже через пресс-секретаря), что до 1994 года он к вывозу российской военной техники в ЮАР отношения не имел, так как возглавил правительственную комиссию по ВТС лишь с 1994 года. В общем, груз тогда вернули владельцам. А потому история возымела продолжение…»…

Здесь мы вплотную подходим к интересам «МАРВОЛ», имеется в виду — самого Марка Волошина.

Конец октября месяца, Гусятинский постоянно вызывает к себе, интересуясь ходом моей деятельности по поставленным им задачам, бывшей тогда чрезмерно напряженной, что сказывалось на моем внешнем виде. Совершенно вымотанный, с закостеневшим, заплетающимся языком, полз я в сторону снимаемой им очередной квартиры, понимая, что рассказывать особенно нечего — все одно и то же, и подталкивать меня подобным настойчивым методом бесполезно, поскольку зависит все не от меня, а от людей, которых я ждал иногда месяцами, и, конечно, от точности данных или найденных мною самим адресов.

Впрочем, один плюс в этих поездках был — не имея во рту и крошки пищи за день, здесь я забрасывал в «топку» несколько бутербродов, в чем отказа мне не было. Попадая позже в свою «нору», я засыпал, даже не успев составить план действий на завтра. Будильник китайского производства, ставший давно утренним врагом «номер один», будил меня не позже пяти утра — в шесть я должен был уже стоять на первой «точке», дальше по списку, и так до середины ночи.

Будильник этот, с жидкокристаллическим дисплеем, до сих пор при мне, отбывает наказание за свое пребывание рядом со мной в те страшные времена. Скоро он отпразднует свое двадцатипятилетие, и произойдет это в 2018 году, в тринадцатую весну моего заключения…

Утро начиналось не только с ожидания кого-то, кто, по мнению Григория, должен быть перестать жить, но и с прослушивания телефонных переговоров, продолжавшихся от трех часов до бесконечности. Кассеты с ними привозил мой человек, менявший их вместе с батарейками, на нескольких адресах.

Иногда в бессилии я проваливался в сон. Просыпался, вздрагивая, понимая, что теперь придется отматывать записанное видео на специальный видеомагнитофон, фиксировавший покадрово все происходящее в направлении интересующего

объекта.

Камеру, очень мощную и очень дорогую, я устанавливал обыкновенно под самую крышу своего автомобиля, так не было заметно с улицы, очень часто оставляя машину и на ночь, чтобы фиксировать полностью все 24 часа. Для этого приходилось покупать вторую рабочую машину, которую зачастую бросал на произвол судьбы или сжигал, считая ее «засвеченной».

На все это уходило бесконечное количество денег, времени, усилий. Облегчало задачу отсутствие необходимости регистрировать в ГАИ купленный «рыдван» — достаточно было просто рукописной доверенности. Финансы таяли, не принося ничего, кроме непонимая — зачем я все это делаю. Опасаться надоело, прятаться, «проверяться» на наличие за собой наружного наблюдения, изыскивать возможности для невероятных решений и их исполнений я устал, но выхода пока не предвиделось. Задачи росли, накапливаясь, как песок, сыплющийся в песочных часах, но в отличии от песчинок, конца видно не было…

В очередной вечер в полудреме я позвонил в звонок около металлической двери с глазком-камерой у квартиры, снятой для Гусятинского. Открыл Сергей «Полпорции» — его водитель. Хозяина пока не было, хотя по мобильному телефону он сказал, что уже дома.

Пройдя на кухню, обнаружил несколько кусков тонко нарезанного черного хлеба и рядом, на деревянной доске, аппетитные ломтики «докторской» колбасы. Большая кружка кофе с молоком парилась рядышком. Нищенская слюна, еле сглотнувшись, испарилась на середине пищевода. Ничего не спрашивая, упав на стул, вспомнил, что неплохо было бы вымыть руки.

Через две минуты я допивал кофе, проглатывая огромный, почти не разжеванный кусок от бутерброда, улыбаясь ситуации, в которой наконец вернувшийся Григорий, интересовался у своего водителя, а где собственно бутерброды, которые он просил нарезать, и кофе, которое просил налить. Я был равнодушен, отягченный общей усталостью и приятностью мигом наполнившегося желудка. Тянуло в заслуженный сон, но не тут-то было.

Пока Серега бегал в ночной магазин поблизости, шеф ставил новую задачу. Дав государственный номер «Вольво 740», и назвав цвет, он произнес:

— Лех, я не могу сказать, как точно выглядит человек… ну там сам разберешься. Он то один, то с водителем ездит… Короче, если их будет двое, значит он на пассажирском месте…

— Иии…

— Как всегда — нужно с ним решить еще вчера. В натуре такой проект из-за этой гниды стопорится. Не знаю, почему его «конторские» не прижмут или не завалят, но одно точно, если это мы не сделаем, то потеряем… в общем, многое потеряем!

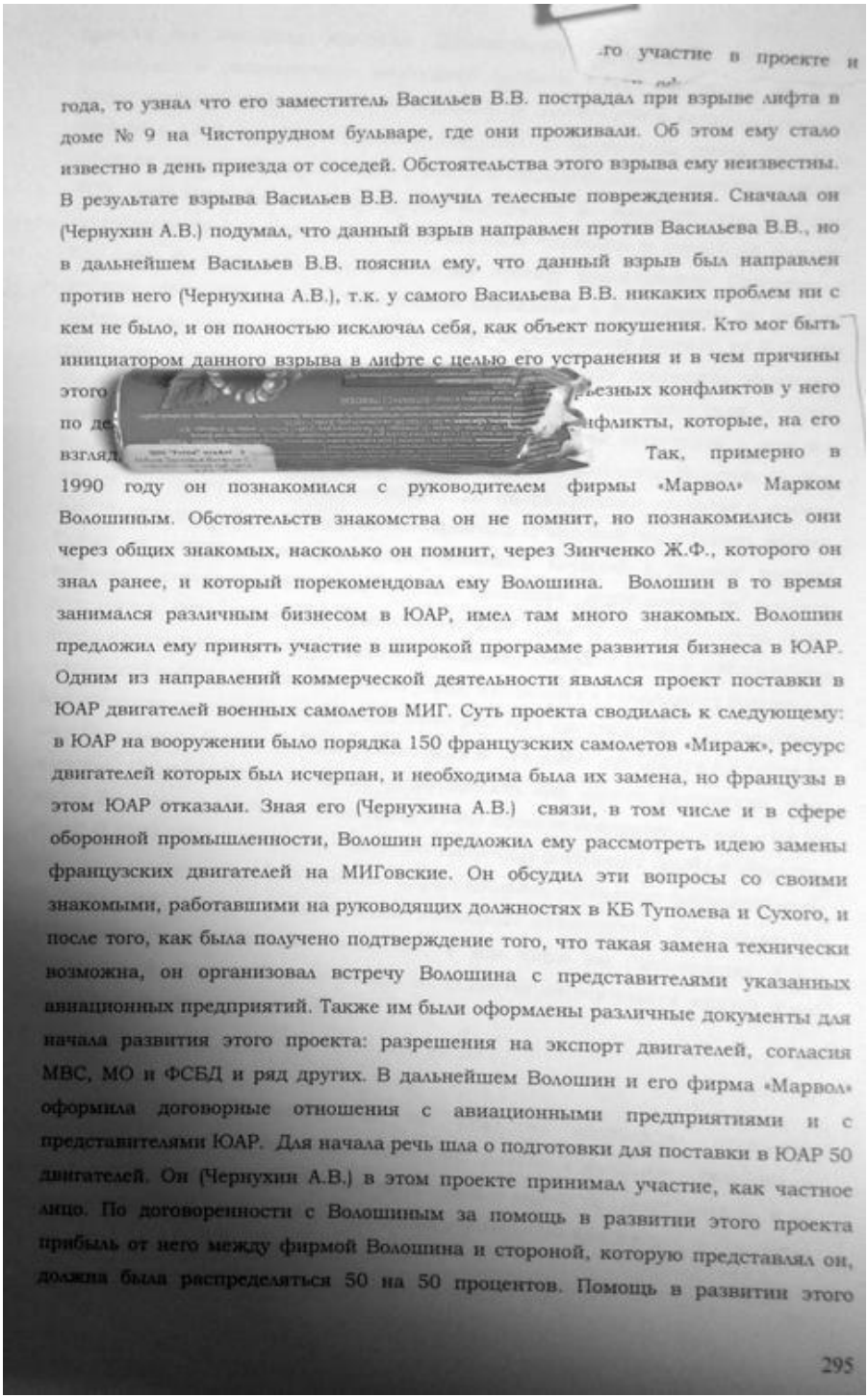
— А фото или… — как он выглядит примерно то?

— Да хрен его знает… Сам увидишь… Машину дождешься и увидишь!..

Я увидел, правда издалека, весьма приблизительно описал, получил одобрение, и 22 ноября 1993 года, подорвал… не того человека…

Все более-менее обошлось для пострадавшего. В конце концов, он не только остался жив, но и полностью выздоровел, хотя ранение конечностей было тяжелым.

Уже будучи под арестом, я узнал кто должен был погибнуть — Чернухин А.В. — тот самый руководитель фирмы «Экопром», бывший в деле, касающемся «переобувания» юаровских «Миражей» в российские двигатели в период еще до ГКЧП. Тогдашняя связка Волошин, Зинченко, Чернухин почти сработала, но помешал путч. Все оборвалось, а потому пришлось наводить новые мосты, прокладывать новые связи, настраивать отношения с другими чиновниками. В созданной схеме места прежнему союзнику не нашлось, и его выкинули «за борт», без учета проделанной им работы, оказанных услуг, потраченных времени и сил. Долг в 150000 долларов бывший стоматолог выплачивать не желал.

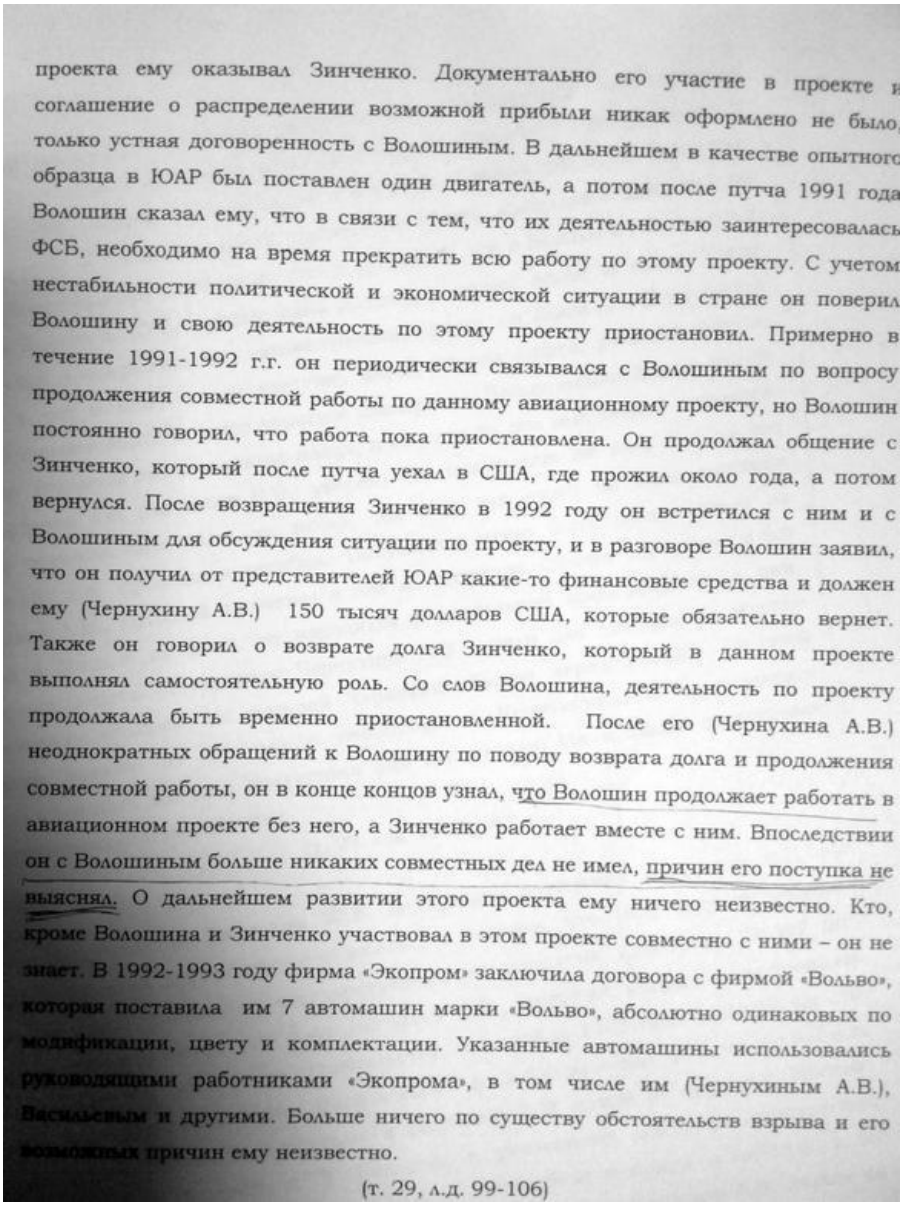


...го участие в проекте и

года, то узнал что его заместитель Васильев В.В. пострадал при взрыве лифта в доме № 9 на Чистопрудном бульваре, где они проживали. Об этом ему стало известно в день приезда от соседей. Обстоятельства этого взрыва ему неизвестны. В результате взрыва Васильев В.В. получил телесные повреждения. Сначала он (Чернухин А.В.) подумал, что данный взрыв направлен против Васильева В.В., но в дальнейшем Васильев В.В. пояснил ему, что данный взрыв был направлен против него (Чернухина А.В.), т.к. у самого Васильева В.В. никаких проблем ни с кем не было, и он полностью исключал себя, как объект покушения. Кто мог быть инициатором данного взрыва в лифте с целью его устранения и в чем причины этого ...резных конфликтов у него по де... ...нфликты, которые, на его взгляд... Так, примерно в 1990 году он познакомился с руководителем фирмы «Марвол» Марком Волошиным. Обстоятельств знакомства он не помнит, но познакомились они через общих знакомых, насколько он помнит, через Зинченко Ж.Ф., которого он знал ранее, и который порекомендовал ему Волошина. Волошин в то время занимался различным бизнесом в ЮАР, имел там много знакомых. Волошин предложил ему принять участие в широкой программе развития бизнеса в ЮАР. Одним из направлений коммерческой деятельности являлся проект поставки в ЮАР двигателей военных самолетов МИГ. Суть проекта сводилась к следующему: в ЮАР на вооружении было порядка 150 французских самолетов «Мираж», ресурс двигателей которых был исчерпан, и необходима была их замена, но французы в этом ЮАР отказали. Зная его (Чернухина А.В.) связи, в том числе и в сфере оборонной промышленности, Волошин предложил ему рассмотреть идею замены французских двигателей на МИГовские. Он обсудил эти вопросы со своими знакомыми, работавшими на руководящих должностях в КБ Туполева и Сухого, и после того, как была получено подтверждение того, что такая замена технически возможна, он организовал встречу Волошина с представителями указанных авиационных предприятий. Также им были оформлены различные документы для начала развития этого проекта: разрешения на экспорт двигателей, согласия МВС, МО и ФСБД и ряд других. В дальнейшем Волошин и его фирма «Марвол» оформила договорные отношения с авиационными предприятиями и с представителями ЮАР. Для начала речь шла о подготовки для поставки в ЮАР 50 двигателей. Он (Чернухин А.В.) в этом проекте принимал участие, как частное лицо. По договоренности с Волошиным за помощь в развитии этого проекта прибыль от него между фирмой Волошина и стороной, которую представлял он, должна была распределяться 50 на 50 процентов. Помощь в развитии этого

295

Фотокопия показаний А.В. Чернухина с некоторыми интересными подробностями



проекта ему оказывал Зинченко. Документально его участие в проекте и соглашение о распределении возможной прибыли никак оформлено не было, только устная договоренность с Волошиным. В дальнейшем в качестве опытного образца в ЮАР был поставлен один двигатель, а потом после путча 1991 года Волошин сказал ему, что в связи с тем, что их деятельностью заинтересовалась ФСБ, необходимо на время прекратить всю работу по этому проекту. С учетом нестабильности политической и экономической ситуации в стране он поверил Волошину и свою деятельность по этому проекту приостановил. Примерно в течение 1991-1992 г.г. он периодически связывался с Волошиным по вопросу продолжения совместной работы по данному авиационному проекту, но Волошин постоянно говорил, что работа пока приостановлена. Он продолжал общение с Зинченко, который после путча уехал в США, где прожил около года, а потом вернулся. После возвращения Зинченко в 1992 году он встретился с ним и с Волошиным для обсуждения ситуации по проекту, и в разговоре Волошин заявил, что он получил от представителей ЮАР какие-то финансовые средства и должен ему (Чернухину А.В.) 150 тысяч долларов США, которые обязательно вернет. Также он говорил о возврате долга Зинченко, который в данном проекте выполнял самостоятельную роль. Со слов Волошина, деятельность по проекту продолжала быть временно приостановленной. После его (Чернухина А.В.) неоднократных обращений к Волошину по поводу возврата долга и продолжения совместной работы, он в конце концов узнал, что Волошин продолжает работать в авиационном проекте без него, а Зинченко работает вместе с ним. Впоследствии он с Волошиным больше никаких совместных дел не имел, причин его поступка не выяснял. О дальнейшем развитии этого проекта ему ничего неизвестно. Кто, кроме Волошина и Зинченко участвовал в этом проекте совместно с ними – он не знает. В 1992-1993 году фирма «Экопром» заключила договора с фирмой «Вольво», которая поставила им 7 автомашин марки «Вольво», абсолютно одинаковых по модификации, цвету и комплектации. Указанные автомашины использовались руководящими работниками «Экопрома», в том числе им (Чернухиным А.В.), Васильевым и другими. Больше ничего по существу обстоятельств взрыва и его возможных причин ему неизвестно.

(т. 29, л.д. 99-106)

Фотокопия показаний А.В. Чернухина с некоторыми интересными подробностями

Печатая эти строки, я обратил внимание на посетившую неожиданную мысль: «А ведь сначала-то и речи об этом самом «переобувании» «Миражей» и не было!» — это уже в более поздней интерпретации появилась эта конкретика. Так и хочется сказать: «Кажется, цель во всем этом была совершенно другой, скажем, прикрывшись всей этой суетой и якобы бизнесом, выкрасть таким образом любые секреты авиационной и

ракетостроительной промышленности» — просто запомните эту мысль…

Кто принимал решение на устранение, судя по вышеперечисленному очень краткому списку, за вычетом третьего, самого Чернухина, понять просто — выбор остается небольшой. Но как бы то ни было, приказы я получал от Григория, ссылавшегося на главу «МАРВОЛ», оставшегося довольным достигнутым результатом.

Оказалось, что по-настоящему пострадавший был другом «мешающего звена» Чернухина (это и понятно, ведь машину я перепутать не мог), сам же он находился в отъезде на несколько дней, оставив свою машину знакомому, проживающему в том же подъезде. Поскольку было холодно, а описания, даже, сколько-нибудь примерного, не было, поэтому отталкиваться пришлось от слов Гусятинского, представившего кандидатуру «мишени» примерно, в виде немногословного, весьма расплывчатого портрета, половина которого в реалиях зимы была прикрыта шапкой. Григорий торопил, не интересуясь, как всегда подробностями, требовал делать скорее, поэтому под попытку покушения попал друг «врага МАРВОЛА», а не сам «враг», сразу догадавшийся, против кого была направлена акция, и поняв причину, благоразумно отойдя в сторону, объявил, что ни претензий, ни вопросов к Марку Волошину не имеет, что и было основной целью.

До этого я согласился на предложенный Григорием обмен малогабаритной трехкомнатной квартиры его мамы в Чертаново на свою однокомнатную, расположенную недалеко от станции метро «Автозаводская» на 5-й Кожуховской улице. Новая квартира нуждалась в ремонте, но денег не было. После этого покушения Гусятинский, из переданных, по его словам, Марком Волошином 50 000 долларов, оплатил 38 000 долларов работу ремонтной бригаде, возглавляемой его двоюродным братом Александром Злодыревым, и в конце лета моя семья, хоть и без меня, переехала в квартиру с евроремонтом и новой мебелью…

Проект продолжался без всяких препон, неугодные и мешающие были либо устранены физически, либо испуганы и «сняты с пробега». Вряд ли без нашего вмешательства именно в этот период времени, у Волошина что-то получилось, и уж точно многое происходило с его ведома. Видимо, как и многим другим бизнесменам, предъявить ему «нечего» и сейчас, потому он и пожаловал в Россию не так давно с новым проектом, довольно удачно продвигая его, как два десятка лет назад «Супер Мираж»…

Жизнь продолжалась! Тимур успешно руководил СП «Русджет» заработав безупречную репутацию в глазах

конструкторов и руководителей заводов ВПК, как честный человек, не умеющий предавать общие интересы дела, не имея ни одного нарекания или оплошности.

Надежда немного помогала мужу, участвовала в подготовке документации по другим проектам, конечно, уже в полсилы. Как-то встретив давнего приятеля певца Сергея Пенкина, решила и ему помочь, протолкнув в клуб «Найт-Флайт». Услышавшие его «ФИЛЛИС» на три октавы, шведские учредители, загоревшись, захотели устроить ему целый тур по Европе с продолжением.

Тимур пытался оставаться в стороне, для него было важным иметь свою репутацию идеально чистой, а публичное общение с выдающимся артистом, имеющим несколько нетрадиционный имидж, как казалось Хлебникову, могло ее испортить. Жене нравилось подтрунивать над мужем, чем она пользовалась постоянно. Решила и в этот раз, когда Пенкин пригласил их на свой день рождения в клуб «Дукат» на улице Гашека.

Предчувствуя ловушку, Тимур предупредил, что не хочет светиться, супруга ехидно улыбнувшись, успокоила, что он всегда может отойти в сторону, оставшись незаметным.

Сергей встречал гостей в фойе одетый в шикарный смокинг, лаковые ботинки, с бриллиантовой серьгой в ухе, выглядя не хуже Президента Франклина на стодолларовой купюре. Встречу снимали телевизионщики, на которых сразу сориентировалась Надя, предоставив супруга самому себе — прислонившись к стеночке, он наблюдал за всем происходящим издалека.

Подарив полную антологию группы «Queen», солиста которой она боготворит до сих пор[41], гостья, повернувшись к камерам, расцеловалась с именин ником. Сразу после Сергей поинтересовался о Тимуре, она тайком кивнула в его сторону. Скоро на МУЗ ТВ показали сюжет со дня рождения певца, где он танцующей походкой, чуть отклянчив одно место назад, направился прямиком в угол зала к вжавшемуся в стену грузину с растерянным лицом и расцеловал его чуть ли не взасос. «Нааадяяя» — только и успел прореветь целуемый на весь зал. Именно так он обращался к любимой в момент секундного бешенства. Она прекрасно знала, что вторая секунда, споткнувшаяся об ее милую лучезарную улыбку, остановит любую злобную мысль, направленную в ее сторону. На третью он уже улыбался сам, пожирая её любящими глазами.

Тимур долго считал, что жена это подстроила специально, и еще долго рассказывал, как над ним подтрунивали все без исключения, мол, Тимур Илларионович, теперь-то мы знаем, как вы свободное время проводите. Надя была бы не Надеждой, если бы не «подливала» масла в огонь, ради шутки, заявляя, что на

такие праздники ее муж ходит всегда один…

1994 год

Этот год во многом поворотный, многое определяющий, был необычен, хотя и воспринималось все легко, с привычным доверием, многое, несмотря на пик войн между бригадами, с восторгом. Происходящее настолько же полярно, насколько и пограничено.

Сознание граждан очень быстро свыкается с происходящими ужасами, учится радоваться любому проблеску надежды, кидается во всякие авантюрные затеи, придается очарованию или осуждению, всему, что подносят масс-медиа на блюдечке с голубой каемочкой. Нет ничего, что задерживалось бы на месте.

В этом году удивительно увеличиваются возросшие до безобразия «заказные убийства», новая война в Чечне, «Черный вторник», гибель парома «Эстония», сопровождаемые бумом АО «МММ», быстро растущими и размножающимися ночными клубами, разрекламированной свадьбой Киркорова и Пугачевой, возвращением Солженицына на Родину. Перечисленное — само по себе фейерверк разноцветных, противоположно заряженных осадков, атаковавших в то время головы каждого.

Появляющиеся, еще не разделенные сферы влияния, типа льгот на сигареты и алкоголь, вооружающиеся бригады, растущие финансовые «пирамиды», масса фирмочек, продающих «воздух», еще больше из них, просто какое-то звено в длинных цепочках перепродаж, сродни сегодняшним «Газпромовским» «дочкам», при этом уже престаревшие, еще пыхтящие с советских времен промышленные алюминиевые, стальные, химические и другие монстры, где криминалу тоже хочется иметь свою долю, тащат на своих неодушевленных плечах растущее зло, творимое человеками, гибнущими за драгоценный метал.

Чиновники от чего угодно не отстают, все смешивается, где кто не понятно, как и кто есть кто, кроме бандитов, ставших чуть ли не основной силой, влияющей на все и всех. Родители новоявленных авторитетов об их принадлежности к миру преступлений, как правило, узнают на похоронах погибших деток, где тоже не все ясно…

Трое из-за железобетонного забора открывают огонь по человеку, выходящему из джипа. Пуля, выпущенная Ананьевским Сергеем — «Культком» (а не как принято считать Сашей Солоником) отбирает жизнь у «Бобона» — Вячеслава Ваннера. Он — вторая невосполнимая потеря «бауманских» после Валерия Длугоча — «Глобуса». «Сильвестр» на полном ходу врезается в толпы жаждущих власти и денег, получаемых посредством

криминала. Кто стонет от этого гнета больше, «крыши» или «крышуемые», видно по дорогим памятникам на свежезасыпанных могилах, растущих как грибы после дождичка и не в четверг, а ежедневно!

Поколение гибнет, «верхи» власти в растерянности, пыжатся из последних сил, думая только о завтра, причем только о своем, подымая рюмку за рюмкой: за недра России, за мощь державы, расплывшейся в мемориальной фазе воспоминаний о прошедшем тысячелетии и привезенных из-за «бугра» диковинок в виде ностальгического, возвращающегося якобы в освободившуюся родную страну своего великого прошлого. Пьют так, что президент просыпает в самолете свой визит в Ирландию, что, в принципе, тогда мог себе позволить, а взбодрившись рюмашкой — другой, пляшет и руководит оркестром, веселя полмира — политики в недоумении, народ улыбается, профессиональные артисты цирка завидуют…

В разговоре с одним из приближенных «Сильвестра» мне сообщают, что к 25 января с начала года устранены по его указаниям уже 25 человек. Внезапно открывается передо мною хоть какая-то картина «добрых» дел, непосредственным участником которых стал и я. До этого думал только о своих бедах и не устраивающем меня положении, теперь вижу, что бывает гораздо хуже.

* * *

В январе у четы Хлебниковых родился сын, названный Георгием. Приехав забирать маму с малышом, отец на цыпочках подошел с камерой в руке к прозрачной люльке, и долго рассматривая сына, наслаждался счастьем, полностью поглотившим его. Трогая младенца за маленькие пяточки, гладил лысую головку, повторяя: «Ты моя слааадость… Ты моя лыыысость… Ты мояяя доообрость…».

Налюбовавшись чадом, он повернулся к Наде и произнес: «Спасибо, что ты это сделала! А когда тебе можно будет заниматься сексом?..».

Уже дома, он не мог налюбоваться сыном, его светлым личиком, яркими живыми глазками, приговаривая:

— Посмотри, у его глазки как бусинки. Ты мой Буся!.. — С тех пор, примерно лет до двенадцати, Георгия все в семье так и называли, пока он грозно не запретил, требуя обращаться к нему по имени.

Когда она смотрела на своих мужиков, наслаждаясь картиной

идиллии, то чувствовала, будто Бог улыбается ей с небес, даря теплоту и проникновенное ощущение только ее, и больше ничьего счастья. Вставая раньше всех, она целовала сохшие в ванной сорочки — этого никто никогда не видел. Узнал лишь выросший сын, застав ее за одиноким грустным поцелуем манжета рубашки, висевшей в шкафу, уже после смерти отца.

Тогда, в 1994, это было такое же проявление счастья.

У Марка Волошина в этом году тоже прибавление — рождается сын Максим от новой супруги Инны, которую он, как водится у таких людей, в свое время поменяет на более молодую. Два ребенка, отцы которых связаны работой по одному проекту — разные отцы, разные судьбы и у их чад.

Предположения с планами были таковы, что несчастья случиться не могло, но так бывает очень часто, когда беда, как вода, проникает там, где даже мысль об этом пробиться не может. Цепочкой события, вытягиваясь одно из другого, коряво прокладывая тропинку нашей стези, часто утыкающейся в стены, которых по идее не может быть.

«На носу» снятие эмбарго с ЮАР, адаптация двигателя приблизилась к ожидаемому окончанию, проходит успешно целый ряд испытаний. Контракт с Тимуром заканчивается в декабре месяце, все складывается как нельзя лучше. Волошин не отказывается от своих слов и обязуется выплатить оставшиеся 333000 долларов, зная заранее, что не сделает этого.

Друг детства Хлебникова, Лео Шумахер, как говорит Надя, замечательный человек, занимается открытием строительных магазинов от фирмы «Кайзер». Они вместе надеются, после окончания проекта, работать в этом направлении, что устраивает всех без исключения. Поездки в Питер на завод имени Климова Тимур совмещает с делами этих самых магазинов. Чета счастлива, ребенок растет, нет поводов для расстройств. Пока что Ческис только пытается снова влезть в финансовые потоки «Русджет» путем поклепов на Тимура, не предпринимая ничего существенного.

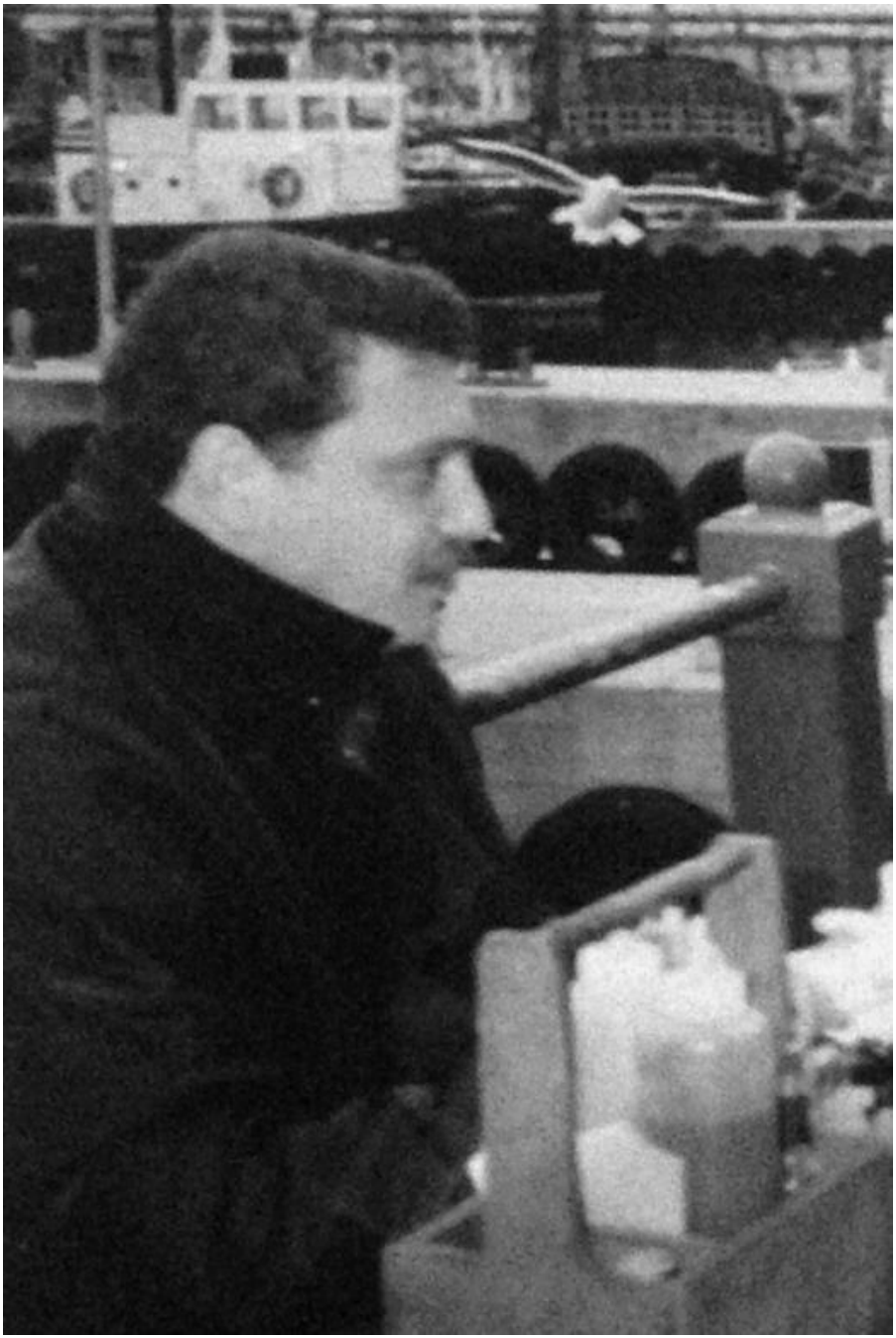
Впервые увидев Ческиса Дмитрия Семеновича с его бегающими, часто прищуренными глазами и аккуратно подстриженными усиками, густой кипой курчавых, словно шапка, волос, Надежда сказала Тимуру:

— Будь с ним аккуратней. Мне он не нравится… — Тимур, как всегда, считая, что не стоит обращать внимания на людей такого плана, пропуская их между «пальцами своего существования» как песок, улыбнувшись, успокаивал жену:

— Наичка, а ты плюнь на него! У тебя же слюна ядовитая! Плюнь — и забудь… — Склад характера этой женщины не

позволил забыть ничего, все подробности она складывала в, специально отведенных для этого, уголках своей памяти, потихонечку формируя полную картину субъекта, безошибочно определяя, на что этот человек может быть способен и ради чего.

Тимур не считал нужным понимать все, отсутствие ясных ответов останавливало его мысли на уровне предположений в отношении чьих-то губительных планов в отношении себя, и он не хотел размышлять об их причинах. Поверхностные размышления не позволяли увидеть и полной картины, а свое собственное самомнение, отталкивающееся от самолюбия, приглушало голос супруги: «Она же женщина, а я — мужчина!»…



Дмитрий Ческис

Самая первая встреча «Сильвестра» в окружении своих приближенных с руководством «МАРВОЛ» когда-то окончилась джентльменским соглашением. Все «ударили по рукам» и безмерно довольные сами собой, разъехались по делам.

Авторитет и его команда — счастливая приобретением очередного «сладкого пирога»; Ческис — пониманием своей теперешней незаменимости, значимости, близостью к мафии и ее возможностям; Марк Волошин — успокоением от наличия теперь у него, как у всех полного набора положенных для России деловых «гаджетов».

Всегда первые впечатления от успеха кружат голову, но редко кто в состоянии предположить, к чему может привести сегодняшняя, кажущаяся выгодной сделка завтра, тем более, если речь идет о связях с криминалом. После первого раза «пляска и нашим, и вашим» видится легкой, веселой, выгодной, но с каждым разом все тяжелее угодить обеим сторонам при своей безусловной выгоде.

При всесильном «Сильвестре» почти никогда никому не удавалось оставаться «голубем мира» в белом воротничке и с чистыми руками.

Сам Волошин, далеко не глупый человек, сразу объявил, еще на встрече, что согласен и рад появившемуся новому сотрудничеству, с одной оговоркой: СП «Русджет» не может подпасть под юрисдикцию криминала, поскольку это поле уже занято КГБ. С этим и разошлись, правда, мысли вряд ли соответствовали выражению лиц разных сторон.

Волошин был убежден, что может спокойно продолжать грести миллионы с «оборонки», лишь копейками делясь со шпаной — «хитрый и расчетливый стоматолог с уклоном в бизнес», как назвал его Сергей Иванович («Сильвестр»), тоже понимающий, что это только начало.

Авторитет почти сразу, празднуя в ресторане в этот же вечер удачную «сделку», объявил: «Пусть стоматолог других лечит! Пока займемся мелочью, которую он нам бросил, полагая, что мы насытимся и будем этим довольствоваться. Сначала приголубим его в ладошке, потом сожмем в кулаке! Запомните — наша цель именно «Русджет»!».

Как быстро разгораются аппетиты! Дмитрий Ческис вряд ли ожидал подобное, предполагая, что бандюшки поостерегутся всесильной аббревиатуры «КГБ», и совсем не задумывался, что нередки случаи общения сильных мира сего из криминала с генералами из кабинетов здания, расположенного на Лубянке.

Мы уже не узнаем планы «Иваныча» («Сильвестра»), тем более скрытыми останутся для нас замыслы, исходящие из самих этих кабинетов и коридоров, которые всегда умели скрывать любое происходящее в них. Запомни, читатель, эти рассуждения и слова всесильного лидера — очень возможно, что они приведут тебя к интересным выводам, внезапно осветившим причину его смерти,

чему мы обязательно поможем в следующих главах.

Человек, поставленный Провидением на шлюз, перекрывающий русло, по которому могут течь финансовые потоки разной мощности, рано или поздно стремится их хотя бы частично присвоить. Одни от желания отщипнуть от них кусочек себе, начинающийся со скромной дольки, которую он довольно быстро начинает считать своим честным заработком, и заканчивающийся долей, которую невозможно не заметить. Других толкает на это гордыня: «Я причастен к великому! А раз так, то…». Есть и другие причины, но неизменно одно — искушение. Ческис не устоял перед ним. Полагая, что, скорее всего, ему не дадут откусить от пирога, он попробовал, усилить свои позиции. Получилось! Почувствовав себя всесильным, понял — удача на его стороне, но забыл, что она — потаскуха дьявола, и так же предана ему, как и насмешлива. Начав красть у Марка, он продолжил, делая это у всех, в том числе и у шпаны.

Пылев и Махалин чувствовали это (к тому времени — 1996–1997 годы, — Гусятинский, «Сильвестр», Ананьевский лежали в земле, а все наследство было либо потеряно, либо, разорванное по кусочкам, присовокуплено к другим караваям), они пытались понять или поймать его, но были не в состоянии. Однако все выяснилось на суде, которого Ческис сумел избежать способом совсем для него не завидным…

Другими словами: не успело дело сделаться, как все участники думали, как бы облапошить друг друга — неплохое начало сотрудничества!..

Ческис Дмитрий Семенович, появившийся в «МАРВОЛ ГРУПП» с подачи Андрея Степанова, сына Валентина Ивановича Степанова, конструктора КБ МИГ в Москве, был, на тот период женат третьим браком, имел пятерых детей. Последняя жена Елена — аудитор, которую он «нанимал» для финансовых отчетов и проверок в «МАРВОЛ», выплачивая неоправданно большие гонорары хозяйской рукой. Образование высшее, последнее место работы, как я уже писал — начальник отдела стендовых испытаний в КБ, куда его устроил его работающий там же отец.

До сих пор не понятна причина, по которой руководитель проекта «Супер Мираж» пожаловал его финансистом — загадка природы человеческих отношений. Объяснение у знающих обоих одно: главе «МАРВОЛ» главное было воткнуть хоть кого-то в образовавшуюся пустоту, закрыв, таким образом, вопрос — и забыть. Предпочитая доверять второстепенные вопросы другим, облегчая себе жизнь, в частности, Андрею Степанову, Волошин оставлял себе стратегические направления. Спрашивать он собирался с того, кому доверял подобные решения. Мы не можем

сегодня сказать точно, подходил он на это место по своим профессиональным качествам или нет, в отношении того — крал или нет… — а много ли тогда, да и сейчас тех, кто в состоянии дать себе по рукам, тянущимся к тому, что плохо лежит?..

К моменту же начала 1994 года, после достижения договоренностей между бизнесом и криминалом, ему достаточно было встать между, что бы оказаться незаменимым. По всем другим фирмочкам «МАРВОЛ Групп Россия» он уже проехался с бандитами. В материалах уголовного дела есть показания женщин: Ефимовой Любы, Минасян Карины, кстати, последняя — двоюродная сестра Тимура (туристическая фирма «Конкорд Трэвэл»), и остальных о «хозяйской поступи» Дмитрия Семеновича, приводившего ребят спортивного телосложения, указывая на которых он говорил, что 20 процентов прибыли ежемесячно они будут отдавать этим замечательным людям.

Разумеется, воплощению планов всегда соответствуют усилия, иначе это не планы, а блажь. Под лежачий камень вода не течет, поэтому ни один не проходил без мыслей о «Русджете». «Сильвестр» интересовался у Ананьевского, Ананьевский у Григория, хотя это могло быть и напрямую. «Гриня» требовал отчета у Тимофея Карасева, бывшего на тот момент «поставленным» на эту фирму; Карасев же обращался в основном к Ческису. Можно говорить что угодно, но отсутствие ответа в подобной ситуации означает несоответствие человека занимаемому месту.

Ответы были простыми, именно такими представлял их главный финансит, преданно глядя в глаза, и именно такими они доходили до «Сильвестра». Выглядели они следующим образом. Основные финансовые потоки, направляемые через иностранных посредников из ЮАР, поступали на счета СП «Русджет», откуда властью Хлебникова направляются далее. Тимур, надо отдать ему должное, не позволял пропасть ни центу, за исключением зарплаты и представительских расходов своего СП, остальное перечислял на счета заводов. Любой нечестный финансист понимает, что можно вывести определенную сумму таким образом, что ее посчитают оправданными платежами. Украв же грубо, все равно можно избежать наказания, если знать, с кем делиться.

То есть простая цепочка с минимумом звеньев, честно распределяющая поступающие средства, была неприемлема для мошенников. Самым простым выходом было — перенаправить потоки через другое, лишнее звено. Ческис предлагал себя. Действительно, какая разница, кто будет этим заниматься!

Оставить все административные и обслуживающие проект

функции «Русджету», изъяв у него финансовую ответственность, казалось Ческису логичным, тем более памятуя о занятых им и Олегом Галушко деньгах, которые к этому времени Марк частично восстановил, но только проценты по взятыми ими кредитам и частными инвестициям. Разумеется, Тимур и представители заводов были против, понимая, к чему это, скорее всего, приведет. Да и по-настоящему не логичным было разделением функций, сконцентрированных в одном месте не только для удобства, но и рациональности.

Всем было понятно: разделение в подобных условиях полезно лишь тем, кто хочет на этом поживиться.

Не получившийся маневр, вызвал недовольства у персонажей, ожидающих увеличения своей доли за счет подпадания проекта «Супер Мираж» под их протекторат. Так было обещано, а значит, должно состояться.

Волошин не желал об этом даже разговаривать с Ческисом, но шпана наседала. Признайся он в подобной своей несостоятельности, возможно, все пошло бы по-другому, но в этом случае криминал направил свои усилия на самого Волошина, как это будет позже, которому наверняка все эти претензии были бы не страшны, поскольку он постарался бы представить дело таким образом, при котором все решения принимаются в кабинетах Лубянки, а значит если и разговаривать, то только там. А «там» всегда предпочитают внешние разборки при внутренней чистоте.

Но и он питался иллюзиями — не таких перекусывали «Сильвестр» и компания, к тому же он забывал, что имея другой бизнес, всегда нужно помнить, что и он теперь тоже под прицелом.

Ческис не мог себе позволить роскошь долго «витать в облаках» своего величия, прекрасно понимая, что перестав быть соединяющим звеном, он вновь станет просто одним из множества подчиненных Марка, скорее всего, со временем лишившись и этого места.

Находясь лишь в шаге от миллионов, греющийся своей гордыней, он предпринимает следующий шаг, не лишенный логики. Если нельзя уговорить доводами из-за их слабости и невыгодности, значит нужно найти или придумать новые, которые заставят задуматься об их полезности. Самый простой довод всегда основывается на оговоре или шантаже. Ческис оговаривает Хлебникова, пытаясь унизить и оболгать последнего в глазах Волошина. Понимая, что это вряд ли возможно, но чувствуя появившееся стремление, осторожный глава «МАРВОЛ», принимает решение дать возможность доказать своему

подчиненному состоятельность своего обвинения. Да и потом — проверка лишней не бывает!

Ческис организует аудит СП «Русджет» через свою супругу. Все выглядит приличным и даже вполне нормальным, с любых точек зрения. В аудите теперь заинтересованы все, без исключения. Тимур пока не знает, откуда дует ветер, но спокоен, поскольку скрывать нечего.

Так будет до тех пор, пока Ческис в открытую не заявит о нечистоплотности генерального директора «Русждет». Разразится моментальный скандал, Волошин и Шумахер не успеют прилететь из Ганновера, дабы утрясти и остановить наветчика. Узнав, кто его оболгал, Хлебников, совершенно не задумываясь, сразу выезжает в офис «Марвол Групп Россия» в Октябрьском переулке из своего офиса на Войковской, находит Ческиса и отвешивает оплеуху негодяю.

Это как раз тот рубеж, когда впервые у только заслуженно униженного появляется мысль об устранении поправшего его честь и достоинство, мешающего его планам обладания финансовыми потоками. Слово материализуется, а желание обиженного тем более! Теперь он вынашивает планы, стараясь потихонечку подводить представителей криминала к этой же мысли, обосновывает, доказывает. Но сложность в серьезности положения. Пока явно оплошал только один человек, не выполнив своих обещаний, мало того, он ошибся в прогнозах и анализах. Слушать такого сразу никто не будет, но желание овладеть «Русджетом» пропасть не может.

Постепенно «Сильвестр», Ананьевский, Гусятинский, Пылевы приходят к выводу о необходимости принятия жестких мер, призванных поменять это самое создавшееся положение. Они прекрасно поймут со временем, что если нельзя перераспределить потоки долларов с этим генеральным директором, то это возможно с новым, поставленным ими. Но куда деть прежнего?

И вот тут всплывают ряд вопросов, ответы на которые очевидны и успокаивающе говорят: «Подождите до декабря и он сам уйдет, тогда и поменяете его на кого хотите. После этого эти самые потоки увеличатся, поскольку пойдет уже не разработка, а производство двигателей. Мы же помним, что это не какой-то десяток миллионов, а, вроде бы как, миллиарды, правда, пока воздушные![42]

И все же решение принято — надо бы поменять. Пока озвучить необходимость убийства Ческис опасается, понимая, что если это ничего не даст, то «реальные пацаны» пошлют его вслед за Тимуром. В самый разгар этого «раздумья» Провидение дает

передышку — мой шеф Григорий Гусятинский арестован на даче на Рублевском шоссе, которую снял для себя Тимофеев — «Сильвестр», но по какой-то причине предпочел на ней не появляться. В предоставленную резиденцию, арендованную у известного академика, въезжает Григорий Гусятинский, Александр Буторин (младший брат «Оси» «Зомб») и водитель Григория — Сергей «Полпорции» с женами и собаками. Через месяц на этой вилле надевают наручники на всех троих мужчин… Это будет летом 1994 года… А пока весна…

* * *

Марк Волошин покупает старинное винное имение, основанное в конце семнадцатого века — Хейзендал. Его пришлось восстанавливать в течении пяти лет. Поскольку сама постройка и прилегающие строения были памятниками культуры, на любое действие приходилось получать письменные разрешения. Вложение не столь удачное и, скорее всего, блажь быстро разбогатевшего человека, предполагающего, что жизнь наконец-то удалась. Конечно, обладание таким имением создает имидж успешности и значимости, но в начале 2000-х оно выставляется на торги, поскольку хозяин не в состоянии погасить кредит банку, всего-то в 600000 долларов. Сумма не настолько большая для удачливого бизнесмена, но, по всей видимости, не все так гладко, как хотелось, что не удивительно.

Имение до сих пор принадлежит ему, даже позволяет производить вино в объеме четверть миллиона бутылок в год.

Я бы не стал обращать на это внимание, приплюсовывая к другим приобретениям этого человека в тот промежуток времени, если бы не факт неотдачи суммы денег, которые он обязан был выплатить по контракту Тимуру Хлебникову, а точнее, его супруге, ставшей к тому времени вдовой! Это достаточно красноречиво характеризует Волошина как человека, который либо не в состоянии контролировать своих подчиненных, не желавших выполнять свои обязанности, хотя это долг именно его чести, либо сам предпочитающий сэкономить там, где возможно, хотя здесь уместнее понятие — украл…

Весной же снимается эмбарго с ЮАР, что позволяет выстраивать отношения Республике с другими странами в отношении вооружений. К этому моменту готовы два старых самолета французского производства, омоложенные российскими двигателями, что позволит поднять их на уровень почти современных. Такой подход, по словам Марка, призван

сэкономить деньги далекой от нас страны, что несравненно дешевле, нежели покупать новые машины. На первый взгляд этот проект, почти воплощенный в жизнь, взаимовыгоден и совсем состоялся с точки зрения технической.

Живые истребители, взмывающие в небо Африканского континента, поражают своими возможностями. Под завороженные взгляды окружающей толпы руководители обоих стран восторженно поздравляют друг друга, ничто не может нарушить продолжения сотрудничества. Ничего, кроме обиды одной-единственной женины, потерявшей любимого человека…

Вот что пишет о «Супер Миражах» пресса[43]:

«История с «Миражами»

…К тому времени Марк Волошин близко сошелся с руководством южноафриканской госкорпорации ARMSCOR, занимающейся закупками военной техники. ЮАР хотела обновить свой парк истребителей: на вооружении ее ВВС находилось несколько десятков старых французских самолетов Mirage III (первый полет — 1956 год) и Mirage F1 (первый полет — 1966 год). Россия предложила ЮАР вместо покупки дорогих новых истребителей модернизировать старые своими новейшими двигателями РД-33 и ракетами Р-73. Южноафриканская сторона согласилась. Посредником в сотрудничестве стал Марк Волошин. Началась самая скандальная страница его биографии, до сих пор полная белых пятен[44].

Проект с южноафриканской стороны курировала компания Волошина «Marvotech». В состав ее директоров вошли министр обороны ЮАР Джо Модисе, министр иностранных дел Альфред Нзо и влиятельный военачальник Ллью Суон, рассказал РБК daily на условиях анонимности член комиссии по расследованию обвинений в мошенничестве, коррупции и нарушений в ходе так называемой оружейной сделки (Arms Deal — программа перевооружения ЮАР в 1998–1999 годах стоимостью 4,8 млрд. долл.). Суон и Модисе (а вместе с ними нынешний президент ЮАР Джейкоб Зума и другие высокопоставленные чиновники) впоследствии обвинялись в получении взяток от производителей вооружения. «Волошин был также содиректором как минимум одной компании с Фана Хлонгване, спецсоветником министра обороны ЮАР. Считается, что именно Хлонгване принимал и далее передавал африканским чиновникам взятки от British Aerospace», — говорит источник РБК daily.

Стартовавший в 1991 году российско-южноафриканский проект держался в строжайшей тайне: резолюция 418 Совбеза ООН от 1977 года запрещала поставлять вооружения в ЮАР эпохи апартеида (эмбарго было снято лишь в 1994 году). «США не верили в успех нашего дела, — признается Марк Волошин. — Я видел одно из донесений на Запад, где говорилось, что ЮАР и Россия занимаются бредом и возглавляет весь этот бред стоматолог». Но проект оказался успешным, по крайней мере, поначалу. В 1994 году модернизированный самолет поднялся в воздух, и на авиасалоне в Фарнборо Джо Модисе впервые официально признал, что это совместная работа России и ЮАР. На испытательных полетах обновленные «Миражи» выделывали кульбиты не хуже американского истребителя F/A-18. Но

российские двигатели плохо подходили к французским истребителям, замечает источник РБК daily, знакомый с проектом. «Им пришлось грубо расточить фюзеляж, как если бы случайный прохожий, выпив стакан водки, попытался провести операцию по пересадке сердца», — проводит он аналогию. Тем не менее, проект сулил хорошие барыши погрузившейся в глубочайший кризис постсоветской России.

Переоборудовать удалось всего два самолета, как вскоре разразился скандал. Газеты писали, что ЮАР не стала возвращать России четыре двигателя и 14 лучших в мире на тот период ракет с инфракрасной головкой наведения и радиолокационным подрывом — Р-73, с несколькими комплектами проверочной аппаратуры их боеспособности «ГУРТ», общей стоимостью 80 миллионов долларов (оцененных так Волошиным и ЮАРовскими разведчиками), отправленных туда на условиях возврата после испытаний, а сам Волошин якобы обогатился на этой сделке. Вдобавок ко всему в январе 1995 года был застрелен Тимур Хлебников, гендиректор «Русджета» — компании, которая занималась модернизацией «Миражей» в России (в нее вошли Marvol, НПО им. Баранова и ОКБ им. Климова). Спустя год было совершено покушение и на главного конструктора компании Валентина Степанова»…

Джо Модисе, на тот период министр обороны ЮАР

А так об этом пишет незабвенный «КомерсантЪ» образца 1996 года:

«К весне 1994 года, то есть к моменту отмены санкций, «Мираж-1» был уже оснащен российскими движками, а осенью того же года — и ракетами. Тут мы подчеркнем, что и первые двигатели, и первые ракеты (еще не подогнанные к «Миражам») поступили в ЮАР через созданные Волошиным СП тогда, когда ЮАР еще была под санкциями. А вывозились они на условиях

возврата после испытаний. Запомним последнее обстоятельство.

Первый испытательный полет переделанного «Миража» превзошел все ожидания: дедушка французской авиации кувыркался в воздухе не хуже F-18. Дальнейшие испытания (проведено 74 полета) также прошли без сбоев. В ноябре 1995 года ВВС ЮАР по случаю 75-летия независимости страны организовали показательные полеты обновленных «Миражей». На них лично присутствовал Олег Сосковец. Трудно сказать, вспоминал ли он, наблюдая за кульбитами «Миражей» с российскими «пламенными моторами» в африканском небе, о письме Алексею Казаннику. Но он наверняка чувствовал удовлетворение от того, что «график работ по перспективному контракту» не был сорван. После показательных полетов Сосковец и Модиссе, поздравив друг друга, обменялись памятными подарками. Первому вице-премьеру преподнесли золотую звезду, усыпанную бриллиантами. Казалось, успех программы был налицо. Ну а что касается каких-то бывших санкций, то ведь кто не грешит их нарушением…»

Вернемся на землю нашу грешную, где в тот момент, не жалея сил, губя свои души и друг друга, крепкие молодые люди в кожаных куртках усиленно и устремлено вырезают свое поколение, призванное быть когда-то первыми жителями настоящего коммунизма.

Хочу заметить, что это последнее поколение не просто рожденное, но выращенное и воспитанное в стране Советов с теми устоями и хоть какими-то страхами и опасениями, привыкшее хоть к каким-то правилам. Можно себе представить, как бы выглядела та мясорубка с представителями сегодняшней молодежи, выпестованной большей частью интернетом, развращающими средствами массовой информации, компьютерными играми, фильмами, перенасыщенными насилием, ложью, поклонением «золотому тельцу», наркоманией, навязыванием, мягко говоря, странных норм нравственности, при которых честный и смиренный — лох! Правда, что-то подсказывает, что такая возможность еще впереди…

Нашего поколения, как и любого другого, в свое время больше не будет. Признаемся в том, что мы мало участвовали в воспитании своих детей, не дали этого сделать многим другим, мы участвовали молчанием и злом в развале страны, увлеклись не столько деньгами, сколько властью и силой, не столько воевали с конкурентами, сколько спасали себя их убийством, при том, что низы были уверены в благородных началах, барахтаясь как лягушки в молоке, пытаясь взбить хотя бы сливки,

достающиеся всегда тем же верхам — так было, и так будет всегда!

Я не утверждаю, что следующие за нами поколения плохи, ущербны, не нормальны. Здесь стоит подходить так же. Неизвестно, какими бы стали мы, попади в такую воспитательную среду, и какими бы были последствия. Но явно следующее: мы были, и мы были сильнее!..

Было бы странным заявлять, что силой обладали только «кожаные куртки», «малиновые пиджаки», «бритоголовые затылки». Духа хватало у всех, и бывало, приходилось уступать духовитости или безукоризненной доказательности нашей неправоты обычных бизнесменов. Но на это были способны далеко не все в силу высоты интеллекта, силы же духа, ведь за такую «слабость» приходилось отвечать перед старшими «соратниками», видевшими в этом только потерю денег и авторитета.

Повторюсь, было по-разному, так получилось и в этот раз. Хоть и утверждают все без исключения, кто может хоть что-то утверждать, будто «Сильвестру» никто никогда не отказывал, я же заявляю, что однажды такое было точно! И этот человек пережил всесильного «босса боссов»! Правда, всего на несколько месяцев…

Не нужно думать, что отказ был дерзким и совершенно бесстрашным, скорее, мотивированным и доказательным…

* * *

Начало апреля в Париже — это, для приезжающего туда русского, новый, свежий глоток поначалу кажущегося неизвестного. Не то чтобы парижане способны создать некое эмоциональное поле, скорее оно осталось от наших предков, когда-то наводнивших столицу Франции в начале XVIII века[45], войдя в него без намерения остаться здесь завоевателями. Дополнили своими ароматами это эфирное поле покинувшие Родину в начале прошлого столетия эмигранты, уходящие от гнили и вони революционного воронья, заполонившего Россию.

Попав впервые в этот город, я почувствовал едва заметный привкус его русскости, который парижане пытаются избежать, при этом не в состоянии избавить от него свою столицу. Пусть это говорило мое тщеславие, но трудно было переубедить себя, везде замечая наше присутствие на этих улицах, я уже не говорю — на местных кладбищах.

Вначале апреля Георгию Хлебникову, то есть Хлебникову-младшему, исполнялось четыре месяца. Мама и папа рванули

именно в Париж, совместив рабочие моменты с приятным романтическим путешествием. Как умирать, не видя его…

Чуть позже, уже после возвращения из Парижа, Тимур решил приобрести «Мерседес-Бенц» престижной модели. Вместе супруги снова отправились в Европу, воспользовавшись предложением Марка Волошина помочь. Опять получилась поездка, полная романтики чувственности.

Из Ганновера супруги направились в Гамбург. Через несколько дней в Ганновер пригнали громадину цвета «мокрый асфальт», с кожаным салоном, с музыкальным центром, сделанный по заказу, полностью тюнингованный. Машину поставили во двор офиса «МАРВОЛ». Любовались все без исключения, многие поздравляли, после направляясь обмывать покупку. А Москва жила своей жизнью, в ней варились и другие упоминаемые герои этого повествования, в том числе и автор.

Далее, соблюдая хронологию, обращу внимание на очень кратковременный момент, ранее не описанный, имевший место буквально за две-три недели перед самым арестом Григория Гусятинского произошедшего на вилле академика на Рублевском шоссе. Произошло это в скверике за театром имени Образцова.

Как-то он позвонил мне и просил подстраховать на «мутной стреле»[46]. Это значило, что ее последствия могли быть непредсказуемы. Одевшись и преобразившись соответствующим образом, выглядя безлико, интеллигентно, серо, ничтожно, в дешевом плащике, коротких серых брюках, стоптанных, никогда не видящих гуталина, ботинках, в очечках и выцветшей шляпе а-ля «семидесятые», я играл сам с собой в шахматишки, сидя на скамеечке, в отдалении от назначенного места.

Миниатюрная досочка «карманных» шахмат покоилась на черного цвета дипломате советских времен. Емкость эта была предназначена своей конструкцией для переноса и удержания АКСУ с пристегнутым снаряженным магазином, носила аббревиатуру «АКС74У — «Кондор»». Собственно «Кондор» — это сам кейс, разработанный для скрытого ношения АКСУ. При нажатии на клавишу, размещенную на ручке, имеющую предохранитель, сбрасываются боковые стенки самого «дипломата», оставляя в руках оружие, готовое к бою.

Удалось купить всего один, и я обещал показать его Григорию. Лучшего момента не придумаешь…

События не произвели на меня никакого впечатления. В расставленную ловушку, а открыто у назначенного места встречи были всего человек десять, попался только один чужак, появившийся на дорогой машине марки БМВ. Он не успел произнести полностью даже первую фразу, как оказался в

багажнике своей машине, находясь в нокауте. Через секунду автомобиль исчез, еще через минуту пропали остальные.

Сложив досочку, свалив мизерные шахматные фигурки неоконченной партии в ее чрево, я отправился в сторону, где ожидал Григорий со своим водителем. Увидев меня, он долго смеялся над внешним видом. Обменявшись несколькими фразами, я отдал кейс с содержимым, намереваясь заехать за ним сегодняшним вечером или завтрашним утром на квартиру, на дачу он еще только предполагал переезжать.

Шеф кого-то поджидал, поэтому остался, я же покинул сквер, удалившись в сторону припаркованной в нескольких кварталах «Нивы».

Тогда у меня уже был мобильный телефон, носивший звучное название «Моторолла». На него и поступил звонок через несколько часов. Голос Гриши был несколько напряжен, он говорил быстро, ничего не объясняя. Мы встретились где-то по ходу его движения, выбор места был спонтанен. Почти не останавливаясь, Гусятинский сунул через приоткрытое окно «дипломат», сопроводив словами: «Посмотри там внутри — он у ментов был. Давай, братан… позже позвоню…».

Со всеми предосторожностями, не зная, чего именно ожидать, обследовал содержимое, и не найдя ничего подозрительного, ждал объяснений. Оказалось, что спустя несколько минут после моего ухода, главшпана задержали «петровские опера», сопроводив к себе в гости. Разумеется, немного прошло времени, поскольку появился снова его одноклассник из соседнего кабинета и уже второй раз урегулировал за десять тысяч долларов все вопросы. За эту сумму босс ушел из здания «Петровки 38» с этим самым кейсом…

Следующий, по счету третий и самый серьезный арест произошел несколькими неделями позже, мы немного касались его. Григорию предъявили кражу оружия со складов военного училища в Иркутске, что как-то не вязалось ни с его деятельностью, ни со временем совершения преступления. Скорее всего, это был предлог.

Через две недели после ареста ведущие следствие следователи, дабы избежать сильного нажима «сверху», организованного всесильным «Сильвестром» через «лубянские кабинеты», Гусятинского этапировали в Иркутск. По всему видно, ему там совсем не понравилось. Я видел его сразу после освобождения. Несмотря на непривычную худобу, выглядел он неплохо, свежо, но подавлено. В словах проскакивало желание скорее покончить со всеми делами и исчезнуть. Выглядел он здоровым и физически крепким.

Другое дело Саша Буторин, арестованный вместе с Григорием, освободившийся только через пять лет, отбыв наказание на строгом режиме, правда, уже по другому обвинению. Зубов у него, кроме нескольких задних, почти не было, некоторые, из оставшихся были сломаны ударами тяжелыми твердыми предметами — последствие избиений в начальный период следствия.

Сережу «Полпорции», также арестованного с Гусятинским, освободили одновременно с начальством. Григорий в своих письмах-малявах, написанных на встречах с адвокатом, больше содержащих просьбы об обустройстве своего быта в тюрьме, семьи, личных делах, и особенно о скорейшем его освобождении, иногда касался «МАРВОЛА», правда, без существенных указаний. На мой взгляд, на этот период времени он «выпал из обоймы» имевших к этому совместному предприятию отношение и уже никогда в нее не вернулся. Постепенно это место занял Олег Пылев и Сергей Махалин, со стороны «союзников» оставались: Ананьевский, Буторин, «Дракон» (Сергей Володин), наездами бывал Бачурин Юра, впрочем, последнего никто не воспринимал серьезно без Григория.

Олег никогда не входил в курс дела глубоко, не изучал сути происходящего, опирался на чужие мнения, иногда принимая решения, зависящие от настроения. Этот период выпал из моего поля зрения, поэтому восполняю его с чужих слов, причин не верить которым нет…

Именно к моменту ареста Григория Гусятинского ООН снимает эмбарго с ЮАР. Любой здравомыслящий человек понимает, что это открывает возможность открытого сношения стран по проекту «Супер Мираж», что позволит и финансовые затраты сократить за счет прямых поставок, и оформление документов упростить, сделав эти отношения легальными.

Тимур решает с этого момента указывать в таможенных документах настоящую суть, поскольку существуют официальные правительственные документы в поддержку проекта с резолюцией президента. Честный шаг, но пакет документов попадает, из-за попустительства лиц, обязанных осуществлять сопровождение всех инстанций, к молоденькой таможеннице, которая обнаруживая отсутствие по классификации МВЭС лицензии на двигатель, останавливает отправку груза с требованием предоставить соответствующую лицензию.

Разумеется, ее не оказалось, в связи с чем поднялся скандал, временно окончившийся выпуском товара за границу под обещание в следующий раз предоставить требуемые сопровождающие документы. Руководство СП «Русджет» в полном

составе обращается к первому премьеру Олегу Сосковцу, получая от него распоряжение за № 1249 с требованием пропустить, но в ней нет ни слова о безлицензионном вывозе, что было решено следующим письменным указанием с конкретизацией «пропустить без лицензии», причем на правительственном уровне. Только тогда таможня подчинилась…

В это же примерно время открывается, незадолго до ареста Гусятинского, адвокатское бюро «Согласие», во главе с руководителем Ильей Рыжковым, адвокатами Мидлиным, Метта, которым суждено еще выступать защитниками на процессах, где их подопечными станут сегодняшние криминальные бонзы, полслова которых сегодня для них закон.

Время многое меняет, в 2005 году жизнь и свобода обоих Пылевых полностью зависит от представителей этого агентства, ставки и линии защиты, выбранные по старинке и привычке 90-х годов ошибочны, хотя и казались перспективными, верными. Убежденность в еще живущем страхе в сердцах бывших подчиненных толкает на глупую уверенность в своей всесильности, что на деле станет «подножкой самим себе». Все это впереди. Весной же 1994 братья рассматривают организацию этого бюро, как полезный и перспективный шаг. В действительности бюро занимается всеми делами «профсоюза», имиджевыми в том числе, поскольку сюда обращаются и «смежники»: ореховские, одинцовские, лианозавские, климовские, подольские и другие «какосовские»[47].

К этому времени у бригады есть и свои точки сбора огромных на то период сумм, крупнейшие: ООО «Русское золото» с несколькими самыми крупными столичными рынками, банк «Капитал-Экспресс», «МАРВОЛ ГРУПП Россия», со своим банком «МВ банк» и своей структурой, СП «Союзметалл». Множество фирмочек, призванных обеспечивать нужды не только этого монстра, как инфраструктуры, но и частные потребности его участников, при том чем выше ранг, тем больше потребности, соответственно, обслуживает вся эта машина в основном верхушку иерархии, куда уже входят не только Пылевы, Ананьевский, Буторин, но и ставшие почти «родными» бизнесмены Таранцев А., Фишер А., Морозов С., банкиры В. Тыщенко и М. Зотов, адвокат И. Рыжков и компания, в том числе и я, хотя редко и, в основном, по мелочи. Не стремлюсь себя причислить к элите таким образом, хотя скрывать свое особое положение было бы по меньшей мере не честно. Такое отношение поначалу было вызвано моими умениями и навыками, впоследствии спасением дважды братьев от фактической смерти, благодаря чему я и был признан «третьим братом», что, по сути,

не соответствовало честному равенству, хотя и выделяло среди прочих участников в финансовом отношении…

Ческис продолжая общаться с Тимофеем Карасевым — непосредственным «смотрящим» за этой темой, будучи человеком неспособным принимать серьезных решений, больше осторожничая, завел ситуацию в русло, выгодное ему самому. Именно благодаря этому образовалась «мутная вода», в которой непрозорливый, не глубоко смотрящий, неповоротливый Пылев, не понимающий и части происходящего в этом бизнесе, впрочем, как и большинство самих сотрудников «МАРВОЛ» и нашего «профсоюза», пошел на поводу у Дмитрия Семеновича.

Прибыль от «засыпающих» проектов в «МАРВОЛ ГРУПП Россия», оставаясь в пределах средней, постепенно падая, обращала на себя внимание имеющих отношение к ее разделу. Поскольку все это было создано ради существования СП «Русджет», Марк Волошин почти и не обращал внимания на их суету. Преступный же мир, наконец, начал в нетерпении понимать, что если пытаться прибирать к рукам это совместное предприятие, то именно сейчас, ибо когда начнутся поставки двигателей и вооружения в полных размерах, влезать будет некуда.

Поскольку Ческис обещал обеспечить дорогу с ковровой дорожкой к деньгам этого проекта, то от него ждали обещанного.

Единственная препона, стоявшая как непреодолимая преграда, был упрямый Хлебников, прекрасно понимавший, к чему приведет распределение денег, поступавших для расчетов с заводами. А посему упиравшийся в этом вопросе.

Исходя из себя и своих привычек, Дмитрий Семенович, посчитал верным предположение — Тимур не может не воровать! Начавшаяся тяжелая поступь уже не могла остановиться, ибо любая остановка влекла за собой понимание — Ческис не в состоянии справиться, что заставляло его вводить в заблуждение «честных людей», а дальше как карта ляжет. Этот человек, боясь потерять свое влияние, усердно работая над своим авторитетом среди руководства, усиленно тянул нас в «МАРВОЛ». Я бы сказал, что больше его стараниями мы оказались почти у долгожданной кормушки, впрочем, так же быстро лопнувшей, как и легко доставшейся.

Карасев Тимофей — «Тимоха». Фотография из фототаблиц материалов уголовных дел

Организованный на почве созданной финансистом «МАРВОЛА» недоверия, наконец-то закончившийся, аудит СП «Русджет» не принес ожидаемых результатов — Хлебников оказался кристально честен. Казалось бы, господин Волошин, успокойтесь, раз все ясно и так идеально честно. Но на то и гордыня с тщеславием, поддающиеся лести, страхам, сомнениям.

Ческис объявляет Тимура Илларионовича вором средств, должных пойти на «государевы нужды». Такое может произойти

только при полной заинтересованности руководства, что подтверждается намерениями Волошина в снятии с поста генерального директора мужа Надежды, и обидно разочаровывает человека, честно работающего на доверенном ему месте.

Хлебников по-кавказски горд, тщеславен, по-мужски опаслив к унижению собственного достоинства, что для него важнее жизни, любви, семьи, он кто угодно, но совершенно точно не вор!

Как мы помним, в офисе «МАРВОЛ ГРУПП» в Октябрьском переулке состоялась сатисфакции на месте, с объявлением в глаза и при свидетелях своего мнения на создавшуюся ситуацию, на роль в ней обидчика, которого только что Тимур подкрасил синяком. Хлебников открыто выразил свое мнение по поводу роли Ческиса в отношениях с криминалом, прямо заявляя, что участвовать в этом не будет, после чего развернулся и, показав спину в виде акта неуважения, покинул кабинет, как место только что состоявшегося «мамаева побоища», оставляя за потерпевшим право «второго выстрела», о возможной серьезности которого даже не задумался.

Оскорбление нанесено открыто, требует соответствующего действия в ответ. Крепкие бритоголовые парни под командованием Пылевых, услышав рассказ потерпевшего, смеются над униженным, но начинают напрягаться после понимания постигшей не только Ческиса, но и их самих неудачи.

Как говорят в лагерях: «Важно правильно причесать». Ческис «причесал», то есть рассказал, обернув правду в выгодную ему обложку — так казалось на первый взгляд. А каким казался этот поверхностный взгляд?

Дмитрий Семенович пострадал, выполняя и решая задачи, поставленные Олегом Александровичем (при этом Олег Александрович не мог отвергнуть правоты сказанного, он ведь был согласен с предложениями, что происходило в присутствии других главшпанов, а значит тут оскорбление нанесено не столько Ческису — он мелочь, а самому Олегу). Далее доводы продолжались: ни один человек не мог бы так бурно отреагировать на удачно пройденную проверку. С чего бы, если все хорошо?! Значит, Ческис прав и рационально будет, обезопасив деньги Волошина, а часть из них сразу бы была переведена на счета братвы, проводить их через преданного и честнейшего Дмитрия свет Семеновича.

Следовали и другие доводы. Они же были высказаны в присутствии прилетевшего из Германии ради разнимания дерущихся самого Марка Волошина. Звучащее представлялось убедительным. Всему поддакивали другие представители фирмы, которым он доверял и был способен науськать. Опрошенные

отзывались о действиях ворвавшегося Тимура как о неадекватных, а разве такой человек может стоять на ключевом посту, от которого зависит судьба так лелеянного им проекта?!

Лео Шумахер, прилетевший вместе с компаньоном, не поддерживал планов резких перестановок, к тому же, зная Тимура с детских лет, верил больше ему. Притормаживая перепуганного бывшего доктора-стоматолога, призвал приземлиться, остыть и лишь потом, с «холодной» головой, начинать не столько предпринимать что-либо, сколько думать и главное проверять.

Большой босс не послушал. Подняв трубку, он даже не поздоровавшись, начал орать. Ческис, наблюдая за этим, довольно улыбался опухшим глазом и рассеченной губой. Шумахер, нервно обняв голову, ходил по кабинету взад-вперед, сам же руководитель, не успев выпалить несколько слов, встал как вкопанный, медленно опуская трубку от уха. Выругавшись крепко по-русски, он зло взглянул на Дмитрия Семеновича и произнес: «Послал и сказал, что когда проорусь, могу перезвонить». Далее ведро помоев, предназначенное Хлебникову, было вылито на Ческиса.

Это только вызвало приступ гнева и злобы у последнего, что в свое время обязательно найдет выход, а пока только привело к ненависти и неприязни ко всем, кто был не с ним из соратников, и страх пред теми, кто был сильнее — Тимуром и бандитами. Именно сейчас стало понятно, что он хочет и будет добиваться только смерти главы СП «Русджет», даже если это и не поможет…

Впервые Тимур по телефону сказал Лео Шумахеру, а было это, как только появились проблемы с представителями криминала еще по «редкоземельным металлам», о том, что эти разборки, тем более с бандитами, не касаются его и вникать них он не будет. Он по-дружески предложил обратиться в милицию, правда, при этом посмеялся, понимая бесполезность этого шага.

После инцидента, уже успокоившемуся Марку, Тимур в сердцах говорил: «Ну неужели не понятно, что Ческис подставляет и тебя, и меня, и главное, «Русджет» со всем проектом под бандитов?! Это невероятно! Вы как хотите — я на бандитов работать не буду! У меня заместитель по безопасности — действующий полковник КГБ Николаевский! У меня «контора пишет» сейчас… а что будет, когда я уйду, через несколько месяцев, меня не волнует… — что хотите, то и делайте, но без меня…»…

В августе неожиданно в новом офисе «Русджета» появился прилично одетый, уверенный в себе мужчина с крепким суховатым телосложением, сопровождаемый воспитанно и интеллигентно державшимся человеком в очках, с тонкой

металлической оправой. Он весьма авторитетно, уверенно и убедительно предлагал дружбу, любую помощь, взаимовыгодное сотрудничество, охрану, с решением всех возможных вопросов и проблем, «чтобы как в «МАРВОЛЕ» в свое время «облома» не вышло». Он представился Сергеем Ивановичем, и, разумеется, оказался самим «Сильвестром».

Внимательно послушав, Тимур так же серьезно, прекрасно понимая, что происходит, стараясь не дерзить, попытался объяснить ситуацию бесполезности сотрудничества именно с ним: «Вы шутите? Все, что у меня есть — это в ангаре авиационный секретный двигатель для стендовых испытаний. Все, что возможно — это откусить кусок, который понравится…»

Это не был прямой отказ, просто делиться, по мнению отвечавшего, было действительно нечем. Обе стороны понимали, что мизерных сумм, поступающих от Марка Волошина, еле хватает, чтобы свести концы с концами заводам. Вычитать что-то из них, значило остановить разработку, то есть сам проект. Перспективы Хлебникова не интересовали, он видел себя через несколько месяцев управляющим несколькими магазинами стройматериалов, а значит и решение принимать не ему, о чем он и поведал гостю.

Придя домой задумчивым и молчаливым, Тимур не мог не рассказать жене о произошедшем. Надя, очень понятливая женщина, с испугом выслушав, оценила ситуацию, осознав ее в настоящем свете, и безошибочно предугадала очевидную для любого перспективу развития сложившихся явно не пользу Тимура обстоятельств.

Выкурив сразу три сигареты, она, сложив нанесенное оскорбление Ческису, неуступчивость Волошину, несговорчивость с «Сильвестром», выпалила:

— Ты «подписал» себе смертный приговор! Ты должен поговорить с Саркисовым, рассказать, ничего не утаивая. И Бог с ними… с деньгами, хрен с ним — с проектом!..

Вот эта вот фраза «поговори с Саркисовым» с этих пор каждый день крутилась в головах обоих в течении полугода ежедневно, она и была, и могла стать единственным выходом и решением. Почему люди, видя и зная, каким образом действовать, думая, что поступятся своими принципами, не прибегают к очевидным выходам из создавшихся проблем?! Отношения позволяли, и личные, и рабочие, и просто человеческие. Любая цепочка рассуждений, подходя к своему логическому концу, упиралась именно в это, утыкаясь, возвращалась куда угодно, но не к простому и мудрому решению. Будет неверным утверждать, что разговор так и не состоялся! Он

был. Тимур рассказал о попытках пробраться к деньгам проекта криминала, но в нем не было основного — объяснения того, что упорство самого Тимура в этом несет смертельную опасность! А ведь Тимур Илларионович очень часто встречался с Александром Александровичем, довел до того в общем картину, но она выглядела достаточно лицеприятно, как решенная раз и навсегда.

Саркисов понял таким образом, что не только Тимур «отразил нападение», но и выстроил заслон, пользуясь поддержкой полковника Николаевского. А ведь только-то и нужно было сказать об опасности для него, генерального директора СП «Русджет», в случае его продолжения работы на этой должности. Не понимая этого, Саркисов сделал все, чтобы тот остался на своем месте. Глупо, когда мужчины считают обычное обсуждение сложившихся обстоятельств возможным проявлением слабости в глазах других людей! Опасение выглядеть в чужих глазах трусом, не та же ли трусость перед своей собственной мнительностью, неоправданной, недостойной, ненужной?

Недоговоренное всплыло только тогда, когда было уже поздно — безответное, застывшее выражение лица Тимура Хлебникова навечно замерзшее с закрытыми глазами, как немой укор совестливым, прозорливое предупреждение виноватым, теплое напутствие близким, выраженное извинение перед женой и детьми.

Очень часто онемевшее, обездушенное тело с одним застывшим на нем выражением лица, видится каждым, подходящим для прощания с усопшим по-своему. Оно гораздо выразительнее тысячи слов, поскольку есть последнее, чем прощается с нами покойный. Это так, даже если изуродованное, превращенное выстрелами, оно несет на себе килограмм грима, искусственные вставленные части, парик, невозможный у трупа румянец на щеках…

* * *

Мы упустили, по моей вине, некоторые события, происходящие в мире криминала, вокруг тех людей, которые уже имели отношение к «МАРВОЛ», пытались завладеть СП «Русджет», уже считая себя вправе решать многие вопросы, на деле не касающиеся их нисколько.

Противостояние бригад, авторитетов, «воров в законе», уже крепко начинающих спаиваться со структурами аппарата правительства, силовыми структурами, потихонечку, в свою очередь, все больше наглея, выходящих на поле боя, достигает

невероятного накала. Противники гибнут в открытую, пропадают сотнями, обвинения в произошедшем обычно ложится на нескольких предполагаемых виновных сразу — авось пригодится. Разгул смертей и разрывание подчиненными бывших материальных ценностей, принадлежавших до убийства погибшим авторитетам, очень быстро становится явным, неприкрытым, даже воспринимается нормальным следствием, часто ожидаемого хода событий.

Обыватели существуют вне этого, мало кого из обычных граждан касаются «разборки», если только стечением обстоятельств. Времени и сил молодых парней из личного состава бригад, постоянно ищущих, прячущихся, «прикручивающих», не хватает на свои собственные семьи, именно поэтому зло, все же выливаемое на обывателя, скорее эпизодическое, попутно цепляющее, но и это, совместно с гремящими ежедневно с экранов телевизоров новостями о «прилюдно совершаемых казнях» себе подобных, ужасая, со временем вырабатывает привычку, входящую в ту же норму с уверенностью, что нас не тронет, а эти «черти», хоть многих и жаль, пусть пожирают друг друга.

Часто устраивая свои встречи на кладбищах, я не раз замечал остановившегося у свежего захоронения человека, пришедшего проведать могилу родственника. Только печаль, смешанная с недоумением были направлены на это зрелище — несколько холмиков с фотографиями молодых парней, с годами жизни и смерти, вмещавшимися часто в промежуток двух десятков лет. Таковых можно найти сейчас стройные ряды, целые острова, мемориалы, теперь навсегда примеренных, лежащих друг напротив друга, непонятно как начавших враждовать, ребят, на каждом кладбище. Теперь они вместе, в ожидании Страшного Суда в одной толчее не успевших раскаяться, исповедоваться, дожить до этого…

«Сильвестр» пробивается по трупам. Три пули, пущенные мною из мелкокалиберной винтовки «Аншутц» финского производства, 5 апреля останавливают жизнь Отари Квантришвили у Краснопресненских бань. Достается «измайловским» — зимой был ранен «Аксен» (Аксенов Сергей). На Осеннем бульваре покушение на «Росписного» заканчивается гибелью его охранника Сергея Шанхулина и девочки, незаметно оказавшейся в секторе разлета осколков.

За несколько месяцев до этого пуля снайпера наносит ему ранение и убивает наповал ореховского авторитета «Шарапа». Все это лишь мелкие крохи из тяжелой неотвратимой поступи быстро выросшего лидера, старающегося охватить всю столицу.

Но, несмотря ни на что, было место и юмору. Шутить люди любят, особенно много в моменты напряженные, спасаясь от нервного перегруза, атакующих неприятных мыслей и страхов.

Однажды Тимур пригласил домой всю верхушку проекта «Супер Мираж» — от конструкторов и бизнесменов до генерала Зинченко с охраной, при полном параде и вполне официально. Надя в это время гуляла с доберманом на улице, с обратной стороны дома, приготовив все к банкету и просто не заметила, как кавалькада дорогих машин проследовала к их подъезду.

Тимур, открыв входную дверь, впустив гостей, вспомнил, что закончились сигареты. Попросив гостей проходить и размещаться выскочил сам в ларек, совершенно позабыв захлопнув дверь, снять с сигнализации квартиру. Датчики, установленные в помещении, определив движение на охраняемом объекте, подали на пульт вневедомственной охраны сигнал о проникновение в жилище, с соответствующей реакцией дежурной смены.

Почувствовав что-то неладное при появлении автомобиля с мигалкой и выскакивающих из него автоматчиков, возвращающаяся домой хозяйка, рванула в сторону дома, весело представляя в воображении предстоящую ситуацию.

Вовремя успеть не получилось, в глаза перепуганным «серьезным дядькам» смотреть было стыдно, но смех, прорывающийся наружу, сдерживать не вышло.

Ни о чем не подозревая, после первого же звонка в день думая, что Тимур забыл ключи дома, гости «ему» открыли и через мгновение все оказались под дулами автоматов. Марк Волошин закатился со страху под диван, конструкторы, побелев от неожиданности, сидели сбившейся кучкой на диване, чуть ли не на коленях друг друга, им вторил генерал с поднятыми вверх руками, повторяя «сдаюсь», охрана заперлась в ванной, «умывая руки».

Надежда с улыбкой обошла каждого, объясняя, что всех уже спасла, бойцов отпоила виски, Марка «уколола» непревзойденностью телохранителей. Он злился, матерился, смешно выглядел, но терпел. История еще долго переходила из уста в уста, разрастаясь и перевираясь, я сам слышал ее отголоски, но только потом понял, о ком она…

Лето прошло более-менее спокойно, Ческис продолжал попытки перетянуть на свою сторону своего Волошина, периодически это получалось. Марк к этому времени сам попал под влияние бандитов через своего финансиста. Смирившись с их присутствием в дочерних фирмах своего консорциума, был в некоторой нерешительности, ведь до декабря, когда заканчивается контракт с Хлебниковым, остается не так много, к

тому же он понимает, что без мужа Надежды окончание проекта будет выглядеть скомкано, да и разговор последнего с генеральным конструктором завода имени Климова по этому поводу кончается чуть ли не международным скандалом. Саркисов против снятия и замены Тимура, тем более что основная работа уже подошла к концу…

Тут мы касаемся интересного, загадочного момента, который вполне может пролить хотя бы немного света на одну из тайн, связанных с жизнью Тимофеева Сергея Ивановича — «Сильвестра». Мы точно знаем, что вскоре после посещения им конструкторского бюро, где размещался офис СП «Русджет», где за безопасность отвечал известный нам полковник КГБ, состоялась встреча, о которой я только слышал, на которой ему было указано пока не лезть в эту область, поскольку ртов, разрывающих этот пирог, предостаточно. Ясно, что этот разговор с людьми из «лубянских кабинетов» можно воспринимать как угодно, но не обращать на них внимание и не прислушиваться всегда небезопасно.

Об этой встрече знал Тимур Хлебников, поэтому и успокоился на время. «На время», поскольку «Сильвестр» в середине августа месяца появился снова, на сей раз в одиночестве посетив его кабинет. Предложение было прежним, как и ответ. Покинув недовольным общество генерального директора, он многозначительно предупредил, что не сможет помешать проблемам, которые, скорее всего, появится и затормозят проект.

Читателю наверняка видится эта настойчивость невероятной, мол, где же этот самый КГБ?! Почему какой-то Сергей Иванович позволяет себе спокойно приходить, ставить условия, делать нескромные предложения? На деле ответ очевиден. Во-первых, кабинетов, как и отделов в лубянских зданиях множество, а во-вторых, и это на мой взгляд, основная причина, тот период существования Комитета государственной безопасности был ознаменован разделением, да что там, разрыванием этого крепкого тела, только одним своим могучим видом пугающего верхушку власти во главе с Ельциным, ненавидящим эту аббревиатуру. Нанесенная таким образом пагуба оказалась настолько велика, разрушительна, непредсказуема своими последствиями, что до сих пор, как принято говорить, икается!

Новообразованная, неспокойно существующая, принявшая в себя многое новое и многих чужих, эта структура дошла до того, что в момент ареста в 1993 году самолета с грузом, отправляемым в ЮАР, КГБ отказался не только от признания своего участия в проекте, но и от своего человека, того самого полковника, уволив его без выходного пособия, причем задним

числом[48], благодаря чему пути хитросплетений, усложнившись, образовали множество слабых мест, незаметных прорех, необъяснимых нюансов.

К этому времени подошедшие к концу испытания, подтвердившие удачное окончание разработок, неожиданно, при очередном стендовом запуске, после перевозки двигателей на новый стенд, преподнесли действительную невероятную проблему. «Если «сердце» самолета — это двигатель, то «сердце» двигателя — это масляный фильтр» — так говорят конструкторы. Этот орган ни с того ни с сего захандрил. При проверке оказалось, что в нем оказалось инородное тело — песок, который при любых условиях испытаний и транспортировки проникнуть туда сам не мог физически.

О появившейся проблеме было доложено по инстанции. Юаровцы выразили не просто недовольство, но некоторое недоверие. Расследование показало, что никто из работников, даже самых незначительных, имеющих отношение к двигателю, причастен к инциденту быть не может.

Сразу по выяснении причин сбоя в работе двигателя на зарубежных стендовых испытаниях началось расследование, к которому подключились люди всех возможных структур, касающиеся безопасности этого проекта. Принятые меры не только впредь предотвратили даже случайный доступ кого бы то ни было к доработанному РД-33, но и пролили свет на некоторые обстоятельства.

Не секрет, что к этому времени «Сильвестр» начал перегибать палку в «своем бизнесе». Это вызывало неудовольствие, но было терпимо, пока не произошло это событие, грозящее срывом такого необходимого для России и некоторых людей проекта.

Через две недели, после его второго появления в офисе «Русджет», Сергей Иванович Тимофеев гибнет на 3-Тверской-Ямской улице на глазах десятков представителей братвы, вышедшей проводить своего лидер после встречи в банке.

Разумеется, это было сделано чужими руками — людьми, продавшимися его врагам, скрытых среди своих, так было удобнее при явных, всегда у такого человека бывающих в достатке. К тому же потоки денежных средств сходились в его руках, а вот как распределялись, нравилось не всем. Большую часть грязной и опасной работы делалось его приближенными, но получаемые ими доходы были несравнимы с их риском.

Нужно сказать, что «Иваныч», будучи самодостаточным человеком, большую часть средств вкладывал не на свои счета, свою недвижимость, удовольствия — все это время он настойчиво «работал» на перспективу: связи, содержание нужных людей,

покупку союзников, и еще многое, что сейчас вряд ли понятно, точно не оценится, уже никогда не вспомнится.

Все вместе и позволило без сомнений и зазрения совести кому-то из этих «близких» к нему людей, стоящих в толпе провожающих, взять пульт дистанционного инициатора взрывного устройства, кстати, сделанного с очень высоким уровнем профессионализма, и одним нажатием на тангетту, прервать жизнь этого человека. Взрыв был настолько точно рассчитан и направлен, что находящегося на соседнем сидении молодого человека выбросило взрывной волной через окно, хотя и сильно контуженного, но больше никак не пострадавшего…

Я нарочно не стану настаивать на этой версии, оставляя любящим беспредметные споры и считающих себя знатоками, возможность рассуждать, опровергать и доказывать, «умывая руки», как сделавший свое дело человек. Что называется: чем могу…

Казалось бы, 13 сентября 1994 года в 19 часов 05 минут кем-то была поставлена точка в переживаниях четы Хлебниковых в отношении предполагаемых угроз в адрес главы семьи со стороны именно этого человека. Так и думал Тимур, предполагая конец проблемы, после выполненного «органами» обещания в этой части их обязанностей, но… — «человек предполагает, а Господь располагает…».

Будучи в чем-то непримиримым, он мог и пожалеть о чем-то, как в этот день смерти «Сильвестра» о том, что не захотел продолжить предложенный королем преступного мира диалог. Придя вечером этого осеннего дня домой, включив телевизор, он позвал жену, показал в новостях на что следует обратить внимание, на что она сказала:

— Даже не думай, что твои проблемы с этой смертью прошли, теперь придут другие люди, и не такие разумные, как он!

— Брось ты, Наичка… Хотя, знаешь… он был нормальный мужик, с понятиями, жаль мы с ним не поговорили по нормальному…

3-я Тверская-Ямская. Смерть всегда рядом, а вовсе не приходит… Последний след «Иваныча»… 13 сентября 1994 года

Думаю, к этому времени прежние чувства каждого из этой пары друг к другу видоизменились, превратившись скорее в «болезнь» со стороны мужа (как он сам признался за несколько дней до смерти), и в маниакальную увлеченность своим супругом со стороны Надежды. Чувства каждого индивидуальны, особенности их союза — тем более, и даже наслаждающиеся своей только возникшей любовью двое любых, охваченных ее огнем, не имеют права не только осуждать потерявших это чудо, хотя бы частично, но даже обсуждать причину этих изменений.

Скорее всего, Тимур остался бы жив, не погибни Тимофеев. Сергей Иванович не только обладал видением полной картины, но умел делать правильный выбор, основываясь не столько на чужих словах, сколько на личном анализе. Будь по-другому, он не пришел бы в офис к Тимуру вторично, предполагая, что тот рассмотрел рациональное зерно в его предложении. Именно это имел в виду тогдашний генеральный директор СП «Русджет», говоря своей супруге о порядочности «Сильвестра» и о том, что с ним можно было работать — по всей видимости, прошедшие две недели после последнего разговора, привели его размышления к положительному решению.

* * *

К ноябрю в судьбах людей с обеих сторон происходят многие перемены. Доставленные в ЮАР ракеты «воздух-воздух», не имеющие аналога в мире, еще во время действующего эмбарго, а значит, контрабандно, сейчас уже установлены на «Миражи». Таким образом полностью готовы два «борта». Преодолена проблема с песком в масляном фильтре, что неудивительно — подсыпать больше некому. Правда, в связи с этим моментом «АРМСКОР» предпочел провести новые испытания, а значит, затянул выплаты.

Схема же была такая: «АРМСКОР» перечислял полагающиеся по контракту средства на «МАРВОЛ» — Вирджинские острова. Именно здесь Марк Волошин снимал свою долю, оставшаяся сумма переводилась на счета СП «РУСДЖЕТ». Одновременно существовало два договора. Первый между «АРМСКОР» и «МАРВОЛ» (заграничный); второй: «МАРВОЛ» (заграничный) — СП «РУСДЖЕТ».

После смерти Хлебникова между «МАРВОЛОМ-Вирджиния» и СП «РУСДЖЕТ» встал «МАРВОЛ ГРУПП Россия», то есть Ческис. Именно оттуда он платил «профсоюзу Пылевы и Ко». При жизни Тимура посреднических звеньев в финансовых потоках не было. Он первый и не допускал.

Дмитрий Семенович руководствовался не только своим желанием «откусывать» самому, но уже находился под прессом Олега Александровича Пылева, его правой руки Сергея Махалина, уже заменившего к этому времени просто «отбывающего свой номер» Тимофея Карасева, не способного ни вникнут, ни понять в происходящем, а соответственно, опираясь на понятое, нажать в нужном месте на необходимую болевую точку.

Появившийся Махалин не особенно старался вникать в схемы, понимая, что Ческис будет пытаться изворачиваться, лгать, сваливать свою вину на других. Он подходил рационально, ссылаясь на признанные самим Ческисом собственные обещания, мол, тебя за язык никто не тянул! Мы тебе поверили, поступаем по твоим советам, если ты ошибся — ответишь, если обманул — ответишь последний раз, если не в состоянии справиться и соответствовать оказанному тебе доверию, скажи, и все равно получишь.

Конечно, в таких случаясь очень быстро подсчитывался убыток «профсоюза», начиная с обещанного момента поступления прибыли, но по непонятной причине затянутого. Все это списывалось на него же, уже как на должника, обязанного выплачивать утраченное, что загнало финансиста-неудачника в не самый приятный угол. Попав между молотом и наковальней, он крутился как уж на сковородке, изыскивая выходы, которых не

было. Следовало выдумать хоть какой-то, и он нашелся.

Тимофей Карасев, воспользовавшись освобождением Григория Гусятинского в конце октября — начале ноября, кинулся за спасением к нему. Недружелюбное отношение Пылевых рисовало ему яркую картину, ничего хорошего не сулившую.

Гриша, частично потеряв власть, не владея обстановкой, сильно поменявшейся после смерти «Сильвестра», понимая, что теперь «сильной руки» его поддерживающей рядом больше нет, решает, набрав денег, убраться восвояси в «Испанскую сторону». Это возможно только после устранения тех, кто может явиться за украденной суммой, забрать и дом, и счета в банках, то есть Пылевых, с Ананьевским и Буториным он в состоянии договориться, отдав после предполагаемой смерти братьев им «Русское золото» и СП «Русджет», разумеется, оставив себе какую-то небольшую долю.

Мы можем, как принято иногда, оправдывать его отъезд в Киев, предполагать какой-то бизнес с миллионными оборотами «нефтяного дела», но… я считаю это важным моментом, для прояснения положения внутри бригады, державшей в тот момент бразды правления коляски, загруженной, в том числе, и «МАРВОЛ».

И ребенку понятно, что после гибели «Сильвестра» доступ к его деньгам имели два человека, основным из которых был Григорий Лернер, бывший не в состоянии принимать на равных, кроме Тимофеева более никого: ни «Триаду», ни Ананьевского, ни Буторина, ни тем более Гусятинского, соответственно и делиться на равных. Вторым был Дима «Плосконос». Первый, благополучно забрав некоторую часть с еще работающими схемами, растворился в Австрии, предпочитая забыть о горьком и ненавистно-опасном прошлом, начав новое, не менее обжигающее авантюрное сердце, настоящее. Второй — преспокойно оставив свое место претендентам, просто улетев в Америку, прихватив с собой несколько удобно размещенных на время, словно для него, миллионов долларов.

Лернера пытались достать в 1996 году отправившиеся туда Ананьевский, Буторин, Пылев с небольшой командой. Разумеется, эти серьезные люди приезжали не только ради «поболтать за жизнь» и принять «на свои уши изрядную долю лапши», которую профессионально готовил и развешивал опытнейший из мошенников, уже взявший себе к тому моменту новое имя Цви Бен Ари[49]. Его пугали, шантажировали, применяли физические методы воздействия, но ничего кроме обещаний не добившись, вернулись на Родину и вскоре прочитали «открытое письмо»,

написанное Лернером в печати, но об этом позже…

Продолжим. Итак, Григорий Гусятинский денег от «Сильвестра» получить уже не мог. Киев был выбран как некая база, основание которой, впрочем, было. Дело в том, что «Иваныч» незадолго до смерти ссудил минимум миллион долларов своему «близкому» по лагерным будням, Васе «Киевскому», точнее, к сожалению, не помню. Григорий мог иметь к ним отношение, поскольку был знаком с этим персонажем. То есть, была надежда вернуть, хоть какую-то часть. «Сильвестр» выделил эти деньги, как принято выражаться в преступном мире, на «подъем», после освобождения порядочного арестанта.

Обращаясь с этой просьбой, Василий обосновал ее имеющимся проектом «нефтяного бизнеса» вкупе с Ренатом «Донецким», к тому моменту игравшим большую роль не только в Донецке, но и на всей Украине. После некоторого общения стало понятно, что возвращать нечего, но воспользоваться этим, как неким плацдармом очень даже подходяще. Рассмотрев предложение Григория, Ананьевский и Буторин не стали ничего вкладывать, справедливо посчитав это блажью только освободившегося «братишки». Единственно, чем они согласились участвовать — своими именами и силами «быстрого реагирования».

Насколько я помню, Гришу Василий обманул и здесь — это не Россия под патронажем «Сильвестра», а потому бывшие с Гусятинским в киевский период его жизни подчиненные искали «семейника» погибшего Тимофеева, как вы поняли, безрезультатно…

Пылевым, в особенности Андрею, как человеку заведовавшему финансами бригады, этот проект виделся неудачным и неуместным. Григорий настоял, ссылаясь на «Культика» с «Осей», и деньги потекли. Всего было переведено чуть больше двух миллионов долларов: за миллион Григорий приобрел виллу на острове Тенерифе, часть перевелась на личные счета самого Гусятинского, которыми до сих пор пользуется его бывшая супруга Мария.

Расчеты и отчеты Андрей показывал мне лично, еще до смерти моего шефа, вместе с письмами, написанными последним из тюрьмы, переданными через адвоката. Не скрою, и то, и другое оказало на меня удручающее воздействие, но само по себе не могло бы стать причиной для принятия решения устранить босса.

Основными были: желание выйти из-под его контроля и покинуть сею стезю, нежелание участвовать в предстоящих кровопролитиях по ликвидации Пылевых с их приближенными, о котором он сказал мне открыто примерно в это же время,

подтвердив опасение Андрея о грозившей всем опасности, высказанное мне при встрече.

К этому времени я узнал, что Юру Лукьянчикова застрелили в подъезде по его (Гусятинского) указанию, а мы были друзьями — это и оказалась «последней каплей».

Из вышеназванной суммы, впоследствии, удалось вернуть из «киевского дела» около шестисот тысяч[50]. Далее. Судите сами, о каких миллионных оборотах и «нефтяном» можно вести речь, когда Григорий Гусятинский освободился в конце октября 1994, а был мною смертельно ранен 25 января 1995 года, по причине чего и скончался через пять суток.

Всего пробыв на свободе чуть меньше трех месяцев, почти месяц из которых был в разъездах: 28 декабря 1994 года он, вместе с Буториным улетает в Израиль, оттуда на остров Тенерифе к новорожденной дочери и супруге, уже въехавшим на новую виллу. Возвращается же в Киев — 22 января, где 25-го выстрел из «Браунинга» останавливает работу его головного мозга навсегда.

Что можно успеть за два месяца, учитывая, что отчет времени мы ведем с первого дня освобождения? Крупные контракты готовятся только несколько месяцев, подвергаясь неоднократной перепроверке, анализу, переговорам. На деле, а я видел это собственными глазами, имели место быть только походы в казино, тренажерный зал, отдых, рестораны, где тратились, увы, как всегда в этом случае, не личные, а общие средства, что не могло не вызвать недоумение, недовольство, гнев.

Сюда еще можно прибавить переезды в приказном порядке нескольких человек с семьями, которым за, опять-таки, общие средства покупались квартиры, выплачивалось «жалование», причем гораздо большее по сравнению с московскими ставками остальных, в то время как эти деньги «зарабатывались» именно московскими членами «профсоюза», тратясь без числа в Киеве[51].

Таким образом, в первый месяц нахождения Григория в столице Украины, только на это ушел почти миллион «зеленых денежек» и это помимо перечисленных, якобы на бизнес, двух. А это огромные деньги в пересчете на сегодняшний день!

Приплюсуйте миллион, который заплатили за освобождение Гусятинского, поскольку хоть и считается, что эти деньги дал непосредственно сам «Сильвестр»[52], на самом деле, так принято считать, и эта сумма собиралась в равных долях: Ананьевским, Буториным, Сергеем Володиным («Дракон»), Андреем Бондарем («Бондарь») и Пылевыми. Плюс пятьсот тысяч «подъемных», полученных Григорием на второй день после освобождения, из которых половина была роздана сразу строителям,

достраивавшим его дачу во Владимирской области, родственникам, жене. Обновление гардероба и другие нужды тоже потребовали приличной сумы — указываю это, чтобы ни у кого не создалось впечатление, что на эту-то сумму он и купил виллу на испанском архипелаге…

Другими словами, упрощенно, Григорий освобождается и отбывает, в надежде, обогатиться, расстрелять подельников, оставшись чистым, живым, благополучным. Криминал его прельщает, но безопасный, то есть совершаемый чужими руками, чего на тот период времени не бывает, возможность быть арестованным вновь пугает, теоретически воплотить планы очень даже возможно, и он решается!..

Задыхаясь в неизбежности

«Я ни с кем не борюсь, только с самим собой»

(Преподобномученик Сергий (Шеин))

И снова СП «Русджет».

Песок, попавший в масляный фильтр, что обнаружилось только на испытаниях на полигоне в ЮАР, что приписывали то разведке Де-Клерка, то американским или французским спецслужбам, то, в конце концов, Моссаду, а на деле… чего не мог объяснить и сам главный конструктор А.А. Саркисов, не позволило быть признанным проекту «Супер Мираж» на все сто процентов состоявшимся к декабрю 1994 года.

Требовалась пролонгация работы. В то время как Ческис, обещавший Пылеву, возможно имевшему непосредственное отношение к «неожиданному песочку», надеялся, что это повлияет на снятие Хлебникова со своей должности, произошедшее, напротив, задержало его. Кто просчитался? Пылев? Махалин? Они не были в курсе происходящего настолько, чтобы хотя бы предполагать возможные последствия. Либо это сделано по голословным уверениям Дмитрия Ческиса в необходимости такой «диверсии», ошибочно полагавшего таким образом решить проблему, ведь за удачный исход испытания отвечал сам Тимур Илларионович, либо, минуя Пылевых, он же сподобился найти возможность совершить это, через знакомых за достаточную плату, ведь он знал этот завод и людей на нем как свои пять пальцев.

В любом случае функция СП «РУСДЖЕТ» была чисто «НИОКР» (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки). Когда интеллектуальная собственность: чертежи и опытный образец РД-33 (так назывался модернизированный двигатель) были готовы к серийному производству, СП «РУСДЖЕТ» должно было автоматически закрыться. К тому времени Надя, понимая, что криминал рано или поздно влезет в проект, опасалась потерять кормильца и возлюбленного, что женщины очень четко предчувствуют, уговорила Тимура покинуть его пост, после этого СОВСЕМ!

Таким образом, Хлебников, выполнив свою работу, получив причитавшуюся за нее плату, мог удалиться, освободив дорогу к

возможности перенаправить потоки денежных средств кому угодно. Дальше оставался «МАРВОЛ ГРУПП Россия» и «бабки» у так желающего и добивающегося их Ческиса и компании, которую, впрочем, он обязательно обманул бы, и ведь действительно надул, что выяснилось только на суде, с которого и начиналась наша книга…

Но!.. Но Волошин в этот период уже не ставил финальную черту под проектом, так как ему, напомним, не перевели конечную сумму на разработку «юаровцы» из-за неполадок с фильтром, перенеся ее на март-апрель. Хлебникова Марк уже не отпускал сам, несмотря на истекающее время, указанное в договоре, поскольку обговоренный объем не считался завершенным, а кроме Тимура эту работу сейчас не потянул бы никто.

Более того, после попыток главы «МАРВОЛ», предпринятых несколько ранее, освободить Тимура от занимаемой должности по наветам Ческиса, о чем был разговор с А.А. Саркисовым, последний прямо заявил Марку Семеновичу о своем уходе с должности председателя правления СП «РУСДЖЕТ» и выводе завода имени Климова из проекта в случае увольнения Тимура. «Потому что, — открыто объяснил главный конструктор А.А. Саркисов, — …ты (Волошин) запустил в проект бандитов, я с ними, и в частности, с Ческисом, работать не буду!». Волошин осознал — работы по двигателю остановятся, если тронуть Тимура Илларионовича.

При создавшейся ситуации Марк вынужден был просить генерального директора СП «Русджет» доработать, хотя бы до лета 1995 года, правда, причитавшихся ему денег так и не выплатив.

При этом начинала складываться следующая ситуация: Ческиса прессовал «профсоюз»; Марка прессовали юаровцы; Тимура прессовала дома его супруга, в этой связи выступавшая ангелом-хранителем…

Вместе с изменениями в отношении Гусятинского и Пылевых, где первый, как я уже писал, предоставив поле для деятельности братьям, ретировался на Украину, поменялся и «личный состав» верхушек, «смотрящих» на объектах, находящихся под протекторатом «медведковского профсоюза». В конце 1994 года «МАРВОЛ» со всеми «дочками», кроме СП «Русджет»; ООО «Русское золото» со всеми рынками; ООО «Московский ювелирный завод»; сеть магазинов «Стройматериалы» в Питере, которые были детищем Лео Шумахера, компаньона Волошина и друга Хлебникова и еще многое, переходит из-под контроля Тимофея Карасева, отправившегося в Киев к Григорию,

терявшего, таким образом над ними плотный контроль (хотя он был потерян уже при нахождении Григория в тюрьме), к Сергею Махалину — правой руке Пылевых…

В семьи Хлебниковых в разговорах между супругами все чаще и чаще упоминалась тема грядущей опасности:

— Плюнь на все! Бог с ними, с бабками, возьми 1000 долларов и исчезни, оставив записку: «Извини, полюбил другую!». Я, потом, типа с родителями твоими, в Тбилиси приеду. А там видно будет… — Но и Тимур был прав по своему, а если быть точнее, оба не хотели принять мнения другого, уверенные в своей правоте. Тимур парировал:

— Нет. Не поверят. Кто нас с тобой хоть немного знает, никогда не поверят в эту чушь. «Полюбил другую»!..

— Ну тогда напиши заявление об уходе!

— Я не хочу, чтобы меня считали трусом. Меня уважают эти гениальные люди[53], мне доверяют, считают своим. Нет!.. — Должно быть, сказались комплексы «юноши из Тбилиси», добившегося всего своими силами. Важнее жизни и семьи оказалось мнение о нем других, справедливое ощущение и понимание равенства среди лучших.

Надя прекрасно понимала причину упертости, но будучи женщиной, супругой, матерью его ребенка, продолжала настаивать:

— Тимур! Лучше быть 5 минут трусом, чем всю жизнь покойником… Ну хорошо. Если ты такой крутой и не трус ни разу, тогда найди в себе смелость нанести удар первым!

— Что ты имеешь в виду?.. — Она и по сей день способна к подобным выпадам, легко поражающим не только любого противника, но и союзника.

— Если ты преграда к бабкам у группы товарищей, которую представляет Ческис… давай убьем Ческиса!

— Наичка, ты — мать двоих детей! Откуда мысли-то такие? А как же твой Товарищ Бог?

— С Ним я договорюсь. А дети… Я вот и хочу своим двоим детям сохранить отца!

— Не переживай… Все решится.

— Тимур! Ты тупишь!!! В Москве бойня, каждый день кого-то убивают! А ты даже без охраны ездишь. ПМ вот дома держишь. Папками с документами отмахиваться будешь?!..

Тимур уже согласен уйти… Волошин не дает… Ческис умоляет Марка избавиться от Тимура… Саркисов заявляет, что без Хлебникова выходит из проекта… Марк еще не получил деньги — они нужны всем! Что остается? Никто не хочет терпеть или войти в положение другого, кроме Тимура.

Супруга рисует, все чаще и чаще, эти схемы мужу — женская интуиция не может лгать! Уже начало декабря 1994. Он иногда упирался, ведь ему действительно льстило, что он стал центральной фигурой, пользуется уважением у конструкторов с мировым именем, а Марк Волошин не может решить в обход него ничего.

А ведь всего-то нужно было сказать Саркисову, что его, Тимура, просто убьют, останься он на этом месте… Откуда иногда появляется уверенность в мнении, что нормальный с любой точки зрения даже не поступок, а разговор, может произвести совсем не очевидное для тебя впечатление на собеседника, скажем, неожиданно проявить говорящего, как труса?!.. Трус знает, что он трус, скрывая это изо всех сил, труся, принимает решения, соответствующие своей боязни даже там, где опасаться нечего…

Борьба за владение потоком денег, который не принадлежит ни Ческису, ни Хлебникову, где второй, обладая им, не дает взять и толики, и где первый «откусит» столько, что только «толика» дойдет до адресата — вот причина! Насколько разные мотивации, и как много в этом зависимостей. Все хотят свою «дольку»: одни — заслуженно, заработав; другие — просто потому, что рядом находятся; третьи — ввиду обладания силы; четвертые — просто пользуясь ситуацией, не важно от кого получая. Но, как известно, — проще всего откусывать от государственного бюджета!

Надежда пыталась это вдолбить мужу, но он молча ел, пил кофе, говоря как бы в сторону: «Не у всех так мозги работают, как у тебя. У тебя криминальный склад ума. Не дай Бог, что ты будешь права». Он, как и каждый из нас, не верил, что с ним такое случится, веря, что буря минует, оставив его в объятиях любимой жены, счастья, благополучия, уважения…

Успокаивая Надю, Тимур, все же чувствовал нависшую опасность. Пришло время, когда некая внутренняя грань ощущения им реальной опасности в нем была преодолена, сподвигнув к принятию конкретных мер по соблюдению безопасности. Он запретил супруге с ребенком ходить на улицу. Спускаясь к машине, не разрешал появляться, пока не прогреет двигатель. Как-то, с заговорщицким видом, попросил отнестись серьезно к тому, что сейчас покажет, запомнить и постоянно тренироваться, как из-за угла коридора стрелять в дверь, если что…

Чем это было для него? И чем стало для Нади?! Мужчина гордился собой, тем, как мужественно переносит опасность, надеясь, что она минует. Предприняв минимум для безопасности

своей и семьи, продолжал жить, или делал вид, что живет. Всего один шаг отделял его от по-настоящему правильного решения, оттолкнись он в своих размышлениях от семьи, любви, своего долга, по отношению к жене, своим детям, Тимур его обязательно бы сделал. Гордыня, гонор, тщеславие, мужское видение встали между разумностью и духовностью. Обрекая и своих домочадцев, которых любил, на все, что угодно, пер как бык, даже не видя, что находится за преградой.

Заключая брачный союз, мужчины многое обещают своим супругам, еще большее видят женщины сами, но многое ли мы оправдываем?! Спросим себя: «Какова цена?!», после обратимся, сбив шелуху и украшения с правды обстоятельств, заставивших нас задать себе этот вопрос и задумаемся: «А цена чего, и что ценнее?!».

Неважно, верующий человек или атеист, каждый должен понимать, зачем он пришел в этот мир. Если есть сомнения, значит, имеются основания для них. Если нет сомнений — значит ты прав! Мы не узнаем, что это было для мужа Нади, но можем попытаться понять, чем Тимур Илларионович руководствовался, выбирая из: мужского, человеческого, личного, совестливого, семейного, чувства долга (и тут важно помнить, перед кем), тщеславного, общественного…

Для жены же это был мир кошмаров, не переставший быть таким и по сегодняшний день! Если бы супруг увидел ее муки, метания, страхи изнутри, захватившие ее после его смерти, смог бы он сделать тот же выбор?! То-то же!

Удивительно, как она умудрялась, при полном понимании самой ситуации, видении ее продолжения, уверенности ужасного исхода, которого ждала каждый день, каждый час, каждую минуту, оставаться такой счастливой в минуты возвращения мужа, притом, что уже знала о его изменах, будучи беременная от него вторично, и вторично же преодолевая его, теперь уже по настоящему серьезное сопротивление и нежелание второго их общего ребенка. Ад и рай в одном бокале — напиток, принимаемый ей каждое утро в течении нескольких месяцев перед потерей супруга, после его гибели превратился в яд, от которого гибли все ее противники, но не удавалось ей самой, при всей мощи желания, последовать судьбе мужа.

Утром он уходил на работу, на что с обреченной горечью смотрела она с высоты четвертого этажа, затаив дыхание, вглядываясь во двор, выход из подъезда, каждую машину, считая секунды, и уже буквально выпрыгивая, предполагая, что прошло больше, чем требуется, для преодоления расстояния от двери квартиры до припаркованного у самого подъезда автомобиля. Эти

бурные переживание толкали на мысли подобные этой: «Наплевать на то, что он запретил выходить перед ним, проверяя, ждет его кто-нибудь или нет! Ну почему я не вышла и не посмотрела — ведь ждет! Где эти убийцы?! У лифта?! На лестничной клетке?! По выходу из кабины лифта?! Или ждут невдалеке от машины?! А я здесь! Какая же я после этого жена?!..

Но супруг выходил из подъезда целым и здоровым. Ей оставалось с недолгим облегчением наблюдать, как он садится в машину, заводил двигатель… — второй выдох облегчения вырывался у нее из груди — не взорвалась! Выехал со двора… никого за ним! Сколько стоили минуты, складывающиеся в часы, сутки, недели, за промежуток, необходимый для следования от дома до работы?! Никто не узнает этого коэффициента, пока не попробует на своей шкуре!

Потом следовал звонок секретарше:

— Свет, еще не появился?..

Женщина, сначала не понимая, отвечала железным:

— Нет, Надежда Юрьевна, — потом, поняв причину, находившуюся не в ревности, а в опасении за его жизнь, с сопереживанием и «чур меня от такого»: — Пока нет, с минуту на минуту, конечно, будет…

— Как появится, набери меня!..

Перед тем, как ехать домой, Тимур звонил:

— Мужика без меня не стирай. Я выезжаю… — Зажав трубку телефона в руках, она металась у окна, реагируя на каждую машину, на любое движении, сердце, оступаясь, «ронялось в пятки», когда раздавался заглушенный звук разорвавшегося недогоревшего топлива в выхлопной трубе — хотелось звонить, бежать, спасать, ненависть захватывала все свободное от любви к мужу и детям пространство, так и напирая на них палящим огнем чувства самосохранения, очевидной боязнью потери самого дорогого и единственно значимого во всей вселенной!

Если бы ей дали, она съела бы заживо, не глотая тех, кто был угрозой, и ведь могла, но не смела ослушаться супруга. Вот выбор… снова этот выбор, встающий перед человеком в минуты испытаний. Но что она могла? Могла! Достаточно было одного звонка «Сан Санычу» Саркисову, с объяснением, что грозит Тимуру — не позвонила, считая себя не вправе вмешиваться не только в дела мужа, но в и его мысли.

Могла «заказать» убийство Ческиса? Могла, думала, порывалась, да и возможность была, но все осталось на месте по той же причине. Хотя еще и потому, что грань эту перейти не так просто!..

Машина въезжала во двор, останавливалась. Опять

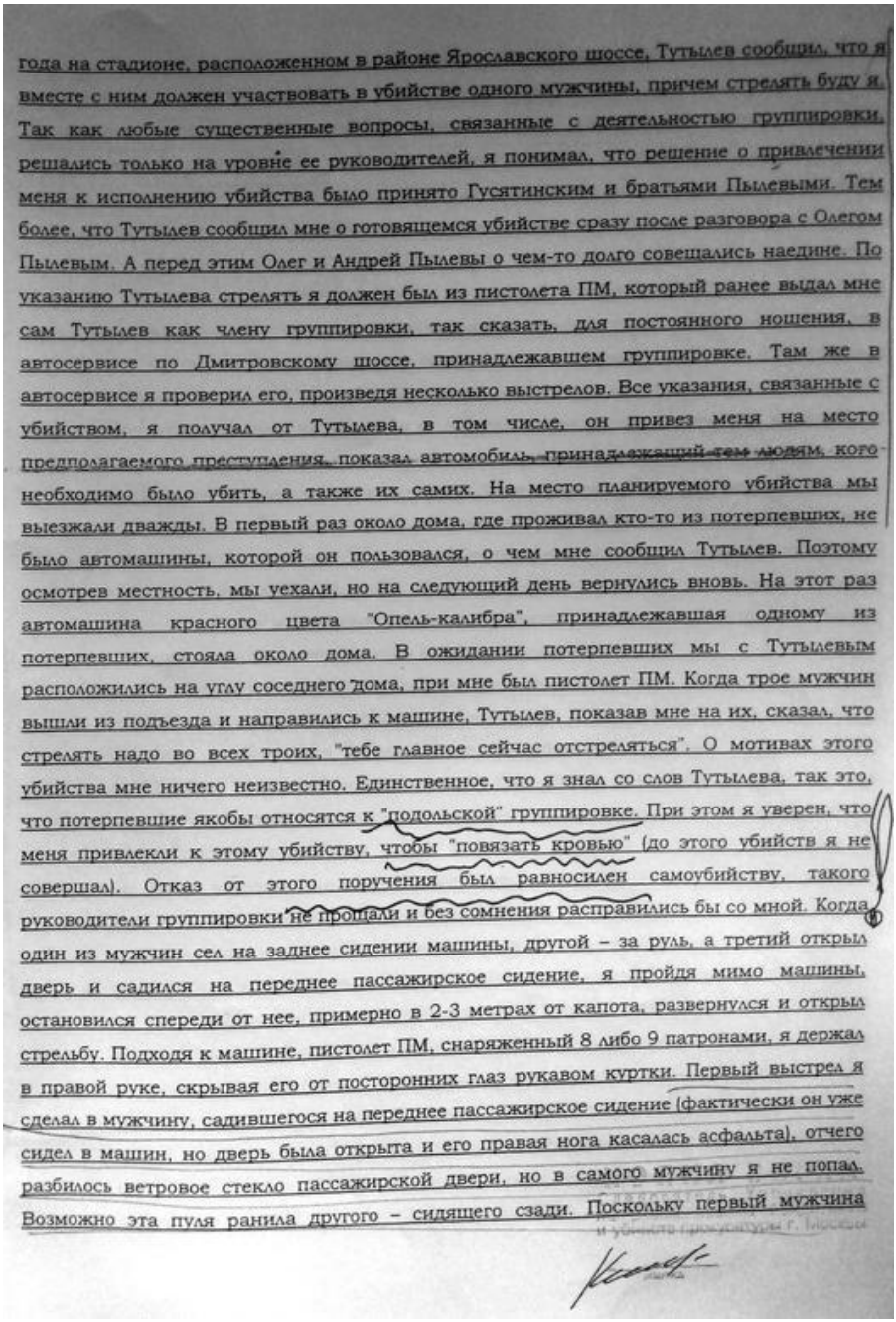
переживания: не подходит ли кто? Желание выпрыгнуть из окна квартиры, когда простой прохожий проходил мимо, ну хотя бы крикнуть «Тимурик, сзади!». Муж, чувствуя приближение постороннего, разворачивался к нему, немного приседал, подавался вперед, готовый прыгнуть, отразить, напасть, предотвращая что угодно. Да он успокаивался своими навыками айкидо, но когда это останавливало «исполнителя», посылавшего пулю с расстояния, неожиданно, неотвратимо?

Киллер — это не убийца! Нужно это понимать, хотя и убивает. Убийца имеет всегда личный мотив, каким бы он ни был. Киллер — никогда. Он устраняет мишень, не имея к ней личных претензий. Возможно, была бы его воля, он при прочих равных, предпочел бы застрелить заказчика, оставив жизнь жертве. Если «киллер» действительно «ликвидатор», то никогда не станет действовать так, чтобы оставить хотя бы один шанс из ста возможных «мишени».

Он обладает не только навыками и средствами, действуя непредсказуемо, неожиданно, расчетливо, правда так действуют только единицы, имеющий такое призвание. Как он поступит, можно только предполагать, очень часто ошибаясь, ведь настоящий профессионал непросчитываем. Это так же верно, как и то, что люди, не подходящие для этой «профессии», тоже могут вполне добиваться результатов — доказательство тому смерть Тимура Хлебникова, совсем без усилий способного одним движением левой руки «стереть с лица земли» человека, выпустившего в него пять пуль. Тот не был хорошим стрелком, не был уверен в попаданиях, но стал-таки причиной оборвавшей жизнь Надиного мужа…

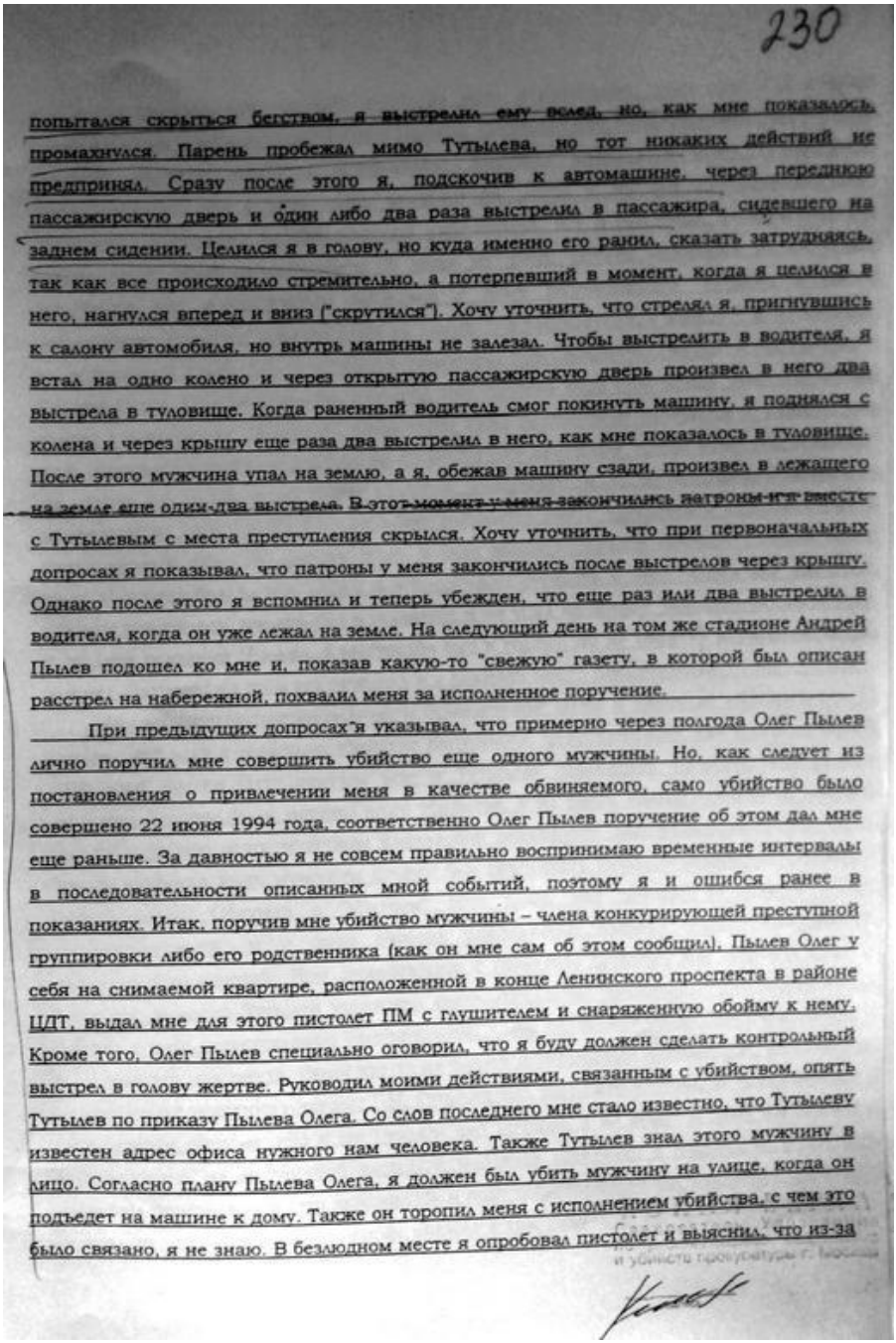
Разрывая повествование, я приведу показания Алексея Кондратьева о его действиях в моменты совершения других преступлений.

Считаю необходимым вставить их именно здесь и сейчас в разрыв описания переживаний жены, ждущей скорее не мужа, а обреченно, его не желаемую преждевременную кончину, в бессилии, почти не дыша, с надеждой, надеждой, надеждой. Сколько же нужно иметь личного мужества и уважения к личности супруга, чтобы знать, как спасти, но преклоняясь перед волей своего повелителя, как и должно быть в семье, оставлять судьбу своего счастья в руках Провидения Божия!



года на стадионе, расположенном в районе Ярославского шоссе. Тутылев сообщил, что я вместе с ним должен участвовать в убийстве одного мужчины, причем стрелять буду я. Так как любые существенные вопросы, связанные с деятельностью группировки, решались только на уровне ее руководителей, я понимал, что решение о привлечении меня к исполнению убийства было принято Гусятинским и братьями Пылевыми. Тем более, что Тутылев сообщил мне о готовящемся убийстве сразу после разговора с Олегом Пылевым. А перед этим Олег и Андрей Пылевы о чем-то долго совещались наедине. По указанию Тутылева стрелять я должен был из пистолета ПМ, который ранее выдал мне сам Тутылев как члену группировки, так сказать, для постоянного ношения, в автосервисе по Дмитровскому шоссе, принадлежавшем группировке. Там же в автосервисе я проверил его, произведя несколько выстрелов. Все указания, связанные с убийством, я получал от Тутылева, в том числе, он привез меня на место предполагаемого преступления, показал автомобиль, принадлежащий тем людям, кого необходимо было убить, а также их самих. На место планируемого убийства мы выезжали дважды. В первый раз около дома, где проживал кто-то из потерпевших, не было автомашины, которой он пользовался, о чем мне сообщил Тутылев. Поэтому осмотрев местность, мы уехали, но на следующий день вернулись вновь. На этот раз автомашина красного цвета "Опель-калибра", принадлежавшая одному из потерпевших, стояла около дома. В ожидании потерпевших мы с Тутылевым расположились на углу соседнего дома, при мне был пистолет ПМ. Когда трое мужчин вышли из подъезда и направились к машине, Тутылев, показав мне на их, сказал, что стрелять надо во всех троих, "тебе главное сейчас отстреляться". О мотивах этого убийства мне ничего неизвестно. Единственное, что я знал со слов Тутылева, так это, что потерпевшие якобы относятся к "подольской" группировке. При этом я уверен, что меня привлекли к этому убийству, чтобы "повязать кровью" (до этого убийств я не совершал). Отказ от этого поручения был равносилен самоубийству, такого руководители группировки не прощали и без сомнения расправились бы со мной. Когда один из мужчин сел на заднее сидении машины, другой – за руль, а третий открыл дверь и садился на переднее пассажирское сидение, я пройдя мимо машины, остановился спереди от нее, примерно в 2-3 метрах от капота, развернулся и открыл стрельбу. Подходя к машине, пистолет ПМ, снаряженный 8 либо 9 патронами, я держал в правой руке, скрывая его от посторонних глаз рукавом куртки. Первый выстрел я сделал в мужчину, садившегося на переднее пассажирское сидение (фактически он уже сидел в машин, но дверь была открыта и его правая нога касалась асфальта), отчего разбилось ветровое стекло пассажирской двери, но в самого мужчину я не попал. Возможно эта пуля ранила другого – сидящего сзади. Поскольку первый мужчина

Фотокопия страницы из показаний Алексея Кондратьева, дающие примерное понимание уровня подготовки самого Кондратьева и Тутылева, также освещают подходы и приемы, используемые людьми Пылева при устранении ему неугодных лиц. Материалы уголовного дела.



230

попытался скрыться бегством, я выстрелил ему вслед, но, как мне показалось, промахнулся. Парень пробежал мимо Тутылева, но тот никаких действий не предпринял. Сразу после этого я, подскочив к автомашине, через переднюю пассажирскую дверь и один либо два раза выстрелил в пассажира, сидевшего на заднем сидении. Целился я в голову, но куда именно его ранил, сказать затрудняюсь, так как все происходило стремительно, а потерпевший в момент, когда я целился в него, нагнулся вперед и вниз ("скрутился"). Хочу уточнить, что стрелял я, пригнувшись к салону автомобиля, но внутрь машины не залезал. Чтобы выстрелить в водителя, я встал на одно колено и через открытую пассажирскую дверь произвел в него два выстрела в туловище. Когда раненный водитель смог покинуть машину, я поднялся с колена и через крышу еще раза два выстрелил в него, как мне показалось в туловище. После этого мужчина упал на землю, а я, обежав машину сзади, произвел в лежащего на земле еще один-два выстрела. В этот момент у меня закончились патроны и я вместе с Тутылевым с места преступления скрылся. Хочу уточнить, что при первоначальных допросах я показывал, что патроны у меня закончились после выстрелов через крышу. Однако после этого я вспомнил и теперь убежден, что еще раз или два выстрелил в водителя, когда он уже лежал на земле. На следующий день на том же стадионе Андрей Пылев подошел ко мне и, показав какую-то "свежую" газету, в которой был описан расстрел на набережной, похвалил меня за исполненное поручение.

При предыдущих допросах я указывал, что примерно через полгода Олег Пылев лично поручил мне совершить убийство еще одного мужчины. Но, как следует из постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого, само убийство было совершено 22 июня 1994 года, соответственно Олег Пылев поручение об этом дал мне еще раньше. За давностью я не совсем правильно воспринимаю временные интервалы в последовательности описанных мной событий, поэтому я и ошибся ранее в показаниях. Итак, поручив мне убийство мужчины – члена конкурирующей преступной группировки либо его родственника (как он мне сам об этом сообщил), Пылев Олег у себя на снимаемой квартире, расположенной в конце Ленинского проспекта в районе ЦДТ, выдал мне для этого пистолет ПМ с глушителем и снаряженную обойму к нему. Кроме того, Олег Пылев специально оговорил, что я буду должен сделать контрольный выстрел в голову жертве. Руководил моими действиями, связанным с убийством, опять Тутылев по приказу Пылева Олега. Со слов последнего мне стало известно, что Тутылеву известен адрес офиса нужного нам человека. Также Тутылев знал этого мужчину в лицо. Согласно плану Пылева Олега, я должен был убить мужчину на улице, когда он подъедет на машине к дому. Также он торопил меня с исполнением убийства, с чем это было связано, я не знаю. В безлюдном месте я опробовал пистолет и выяснил, что из-за

Фотокопия страницы из показаний Алексея Кондратьева, дающие примерное понимание уровня подготовки самого Кондратьева и Тутылева, также освещают подходы и приемы, используемые людьми Пылева при устранении ему неугодных лиц. Материалы уголовного дела.

Надежда ждала этого человека с пистолетом, не думая, каким он должен быть, и она всегда знала, что ее избранник непобедим! В ее представлении он не тот, кого можно уложить на «обе лопатки» на татами или обойти в жизни.

Автомобиль мужа подъезжал к подъезду, припарковывался на «свое» место. Сверху хорошо были видны подходы к нему. Жена держала палец на кнопке набора его номера телефона, готовая нажать, что бы предупредить. А ведь человеку и в голову не может прийти, что желание так вот «предупредить», скорее всего, отвлечет в самый неподходящий момент, что повысит шансы стрелка. Настолько высок и силен эмоциональный надрыв в каждой точке возможного риска, что любая возможность помощи или кажущейся защиты, осознается необходимой априори, без раздумий и размышлений.

Остановлен двигатель, она будто слышит его крайнее фыркнувшее недовольство (именно «крайнее», потому, что слово «последнее» страшит ее), перед неизбежным промерзанием на морозном воздухе, погасли габаритные огни. Поднятая ручка «ручного тормоза» с характерным трыньканьем поставлена в соответствующее положение, хотя из квартиры услышать это невозможно… а может быть, муж паркуется с помощью ручки переключения скоростей, ставя ее на первую передачу.

Наступает очередное звено в цепочке сегодняшних переживаний — он вошел в подъезд. Сердце снова екает от каждой кажущейся затянутой лишней секундой. Она украдкой, за пять минут до его появления, бегала по лестничной клетке с пистолетом, принесенным им недавно: «Ну почему он не берет его?! Не пользуется муж, будет пользоваться жена! Увижу хотя бы чем-то подозрительную морду — разряжу полную обойму, и скажу, что так и было!».

Но сегодня было так же пусто, как и вчера. У вернувшейся, снова всматривающейся через стекло окна Надежды мысли гнали сомнения вскачь: «Да! Пусто было пять минут назад. А вдруг эти ублюдки умнее, чем мне кажется?! Вдруг они только приходят за пять минут? Ну ведь может же кто-то сообщать им, что Тимурик будет ровно во столько-то, потому что выехал полчаса назад?! Нет сил! Если на счет пять он не позвонит, я… Дура! Дура! Дура! Конечно, нужно смотреть в дверной глазок, если что, я их увижу, и тогда, не сдерживаясь, расстреляю — я не он! Добряк!.. Господи! Да пусть изменяет, с кем хочет, лишь бы жил!».

Он выходил из лифта под прицелом ее глаза, смотрящего через стекло пятачка в двери, специально сделанного ради безопасности, но не его, а тех, кто внутри квартиры: «Зачем мне безопасность, если ее нет у него?!».

Она открывала дверь, втаскивала его внутрь, то есть, ей так казалось — он вносил ее повисшую на его мощной шее, отвечая на ее поцелуи, радуясь ее и своим чувствам и еще одной предстоящей ночи наслаждения.

Обнимая родного, живого, голодного, она быстро запирала дверь… и это была передышка. До утра они вместе! И это целая жизнь!

Встречая мужа, она говорила: «Спасибо, что ты есть!» — то же, когда прощалась, каждый день будто навсегда, надеясь, что если случится что-то ужасное, эти слова будут последними, хоть несколько по-другому звучащими: «Спасибо, что ты был, мой Тимурище!..».

Мы меняемся, за нами следуют и чувства, нас объединяющие, но все настолько индивидуально и непредсказуемо, что в их случае лучшим будет оставить все на том уровне, что им удалось поддерживать за время нахождения вместе.

Надя не давала мужу даже прогуливаться с недавно приобретенным Боссом, крепким и умным доберманом, мотивируя это тем, что надоело самой дома сидеть, хочется пройтись, хоть и отрывала себя от него ненадолго, давая возможность повозиться с Георгием — мальчик обожал, когда папочка его подкидывал под потолок, кивал головой, визжал, поднимая ручки вверх.

Когда гроб Тимура Хлебникова принесли домой на последнюю ночь перед похоронами, жена поднесла сынишку попрощаться. Младший, теперь единственный мужчина в семье, долго смотрел, не в состоянии понять, почему папа ему не улыбается и не смотрит на него. Думая, что понял причину — конечно, надо же привлечь внимание, ведь уставший отец прилег отдохнуть в странную постельку, мальчик закричал, поднял ручки и закивал, как делал это раньше, но сильные папины руки теперь могли только в памяти или воображении снова подбросил его вверх…

За два месяца до смерти Тимура супруги Хлебниковы были приглашены на день рождение Александра Калинина (фамилия изменена). Они познакомились через детей, учащихся в одном классе школы. Это был 1993 год, как раз перед самым рождением Георгия у Хлебниковых. Влюбленный в дочь Нади сын Александра, не обращая внимания на насмешки одноклассников, провожал ее до дома, носил ее портфель, оказывал вполне взрослые знаки внимания, не давая девочку в обиду.

Это было замечено родителями девочки, что повлекло за собой приглашение юноши домой. Естественно, Эмма и Александр захотели познакомиться и с его семьей, принимающей

их ребенка. Впервые мамы встретились в школе, плавно и незаметно перенеся разговор домой к Хлебниковым. С тех пор завязалась дружба. Вскоре чета Калининых была приглашена в полном составе. Неожиданно мужчины нашли много общих точек соприкосновений. Увлеченно, с интересом проводя время, оба быстро сошлись! Часами болтали обо всем: музыке, политике, времени, семьях, настолько породнились душами, что решили строить дома по соседству на Николиной Горе, с небольшим уточнением Александра: «И разводить там курей».

Все чаще они бывали вечерами друг у друга, живя в 10 минутах ходьбы: Хлебниковы — на пересечении Нового Арбата и Садового кольца, Калинины — на Поварской улице. Жены нередко встречались без мужей, одни или с детьми. Неожиданно для себя две пары осознали, что стоят на пороге заключения настоящего дружеского союза, что сблизило до нескольких встреч в неделю — поразительная частота для очень занятых люде!

Однажды Александр, на каких-то далеких восточных гастролях, подхватил желудочную инфекцию, при этом возможности экстренно вылететь не было, Тимур предложил послать за ним военный самолет. Они вместе ездили на строящиеся дачи, контролировать работы. Когда Тимур, бывавший чаще других на стройке, отсутствовал дома, трое собирались и ехали забирать четвертого, чтобы быть вместе.

Командировки мужа Нади, занятость супруга Эммы не могли помешать собраниям и в неполном составе, по крайней мере, женщины не могли отказать себе в удовольствии поболтать под бокал вина. Они ходили на Сашины концерты, продолжая ужином в «Найт Флайте». Талантливый певец, являющийся для многих голосом уходящей навсегда России, напоминанием о ее православии, красоте, самобытности, пел на кухне свои новые песни, наслаждаясь искренним восторгом своих слушателей. В середине декабря 1994 года Саша и Эмма улетали в Италию, планируя успеть вернуться, чтобы встретить Новый год с Тимуром и Надеждой. События, предчувствия, переживания настолько завладели последней, что она покидала дом, перебарывая свои страхи, чувствуя более-менее безопасность только в квартире. Она надеялась, что друзья не прилетят, и убежище покидать не придется… Но ровно в 19 часов вечера 31 декабря Александр позвонил:

— Ребята! Мы тут! Даю час на сборы — ужасно соскучились! Идем отмечать Новый год в ресторан «Феллини» в Олимпийском… — И они пошли…

Шел дождь в ту новогоднюю ночь. Надя была в замшевых туфлях на шпильках. Машина стояла у соседнего подъезда, и

Тимур, оставив супругу под козырьком своего, чтобы жена не промокла, хотел подъехать. Представьте себе ее состояние, наложившиеся на постоянно атакующие мысли о везде подстерегающей опасности, смешанные с воспаленным воображением, почти предистерическое настроение, пронизанное страхами и предчувствиями, заставлявшими видеть везде направленное на мужа оружие, угрозу нападения, и уже, где-то глубоко, переживаемую потерю, чему она сопротивлялась из последних сил, моля Бога «забрать» лучше ее, но оставить его — эгоистическая мысль, которая никого никогда устроить не может в случае гибели одного из любящих супругов!

Внезапно невдалеке мелькнула тень, остановившаяся в месте, наиболее выгодном для атаки. Надя подалась вперед — нет, показалось. Только выдохнув, взглянула вновь — «Да нет же! Точно стоит!» — на лестничной клетке соседнего подъезда показался человек, направивший винтовку в сторону… «Да нет же! То ли игра тени, то ли… Не знаю!». Не думая больше, она рванула в туфельках к машине — «Гибнуть так вместе!».

Тимур, обалдевший от неожиданно ворвавшейся в салон автомобиля жены, чуть ли не покричал:

— Нууу вот что за характер, а?! Сказал же — заведусь и подъеду! Зачем ты на своих цырлах по луже шлепаешь?!.. — Уже понимающая, что привиделось, женщина так и не смогла отделаться от мыли, что могла не успеть… Вот с таким настроением она отправилась встречать 1995 год… это было всего за семнадцать дней до событий, приведших к гибели мужа!..

Еще посреди программы какая-то разнузданная танцовщица из кордебалета, запрыгнув к Тимуру на колени, поцеловала его в голову. На виске остался след красной помады. Все замерли, опасаясь, что Хлебникова «сотрет ее в порошок» прямо под столом. Что бы отвлечь и разрядить обстановку Саша постарался свести все на шутку:

— Тимурище! Как она тебя пометила!..

17 января две пули попали именно в то место, где остался след от красной помады.

* * *

В декабре Хлебникову становятся известны подробности бизнеса Волошина, касающихся финансирования СП «Русджет». Ему в руки попадают документы, свидетельствующие о том, что глава «МАРВОЛ», помимо махинаций с правами собственности на российскую военную технику, вел еще, как я уже упоминал, и

двойную бухгалтерию по самому контракту: юаровцы оплачивали работы завода им. Климова по одним расценкам, тогда как сам завод за работу получал от Волошина значительно меньшие суммы.

К тому же у Тимура Илларионовича появились основания подозревать, что Волошин может обмануть и его лично, в чем не ошибся. Не хочется никого обвинять огульно, но знаю по опыту, мотивы преступлений всегда складываются из комплекса причин, обоснования которых, как правило, различны…

Наконец, мы подошли к моменту, когда в декабре контракт с Хлебниковым закончился. Мы уже знаем причину, по которой он соглашается продолжить работу. Согласившись, Тимур прет как слепой, глухой, безумный, считая другое решение для себя неприемлемым.

Главе семьи кажется, что март, в крайнем случае, апрель станут для него виртуальной границей, за которой риск пропадал, оставляя только спокойную жизнь, оставляющую сегодняшние переживания за бортом памяти. Мнение, которое он ежедневно усиленно выстраивает, чуть ли не заново, чтобы успокоиться самому и успокоить супругу, основывается на своем мировоззрении, понятиях о долге, профессиональных обязанностях, где-то на тщеславии, при этом он «созидатель», не имеющий ничего общего с сознанием «разрушителя» Пылева.

Как часто мы говорим, что нельзя мерить других по себе, имея в виду плохое в окружающих по сравнению со своим внутренним, которого не замечаем. А ведь это касается и обратного сравнения. Взвешивая в предположениях о возможных решениях и поведении посторонних людей, мы соизмеряем с собой: как бы я поступил, часто останавливаясь на таком решении, которое устроило бы себя самого. Индивидуальность же каждого, неважно, плохая — хорошая, добрая — злая, любая, на то и индивидуальна, что бы остаться не повторенной…

К этому времени происходит первый мой разговор с Андреем Пылевым, долгий, откровенный, вызванный желанием выжить для него, что возможно, как оказалось, только через объяснения многого мне. В длительно беседе мы не в состоянии удовлетворить взаимный информационный голод, хотя в основном говорит он, я слушаю, но то, что я внимателен, спокоен, не стремлюсь встать на сторону Гусятинского, который все больше и больше выглядит неприглядным в рассказах Андрея, его успокаивает.

Через час общения я замечаю, что обработка моего разума Андреем перестает быть продуманной и осознанной, в какой-то момент он срывается — так сыграть нельзя, и, выдавая все

подробности, предъявляет все бумаги, документы, платежки, письма, отснятые копии допросов Григория, которые Пылевы пытаются выкупить. Массив настолько большой, что становится понятным — доля правды в этом не просто есть, она огромна и сомнению не подлежит.

Покидая его квартиру только утром, я борюсь с двойственным желанием, в конце концов, осознавая, что у меня появляется возможность уйти от дел, убрав всего одну препону — моего шефа. Давно ожидаемое внезапно становясь вполне реальным фактом, почему-то не воспринимается сразу реальным.

Я думаю еще день или два, взвешиваю возможные последствия убийства мною Гусятинского, которое еще нужно осуществить, прихожу к выводу, что мне до них дела нет, поскольку уверен — все до одного, после его смерти, будут заняты разделом имущества, долей, наследства, проводя это без кровопролития, а мое исчезновения воспримется логичным — погиб шеф, исчез и его «ликвидатор»[54]. Это может напрячь, но довольно быстро забудется…

Перед этой, по своему откровенной с обеих сторон беседой, недели за две-три, в Киеве происходят столкновения интересов Пылевых и Гусятинского. Братья, отчетливо понимая цели Гусятинского, безуспешно пытаются противостоять, благодаря поддержки последнего Ананьевским, Буториным, Володиным, перекачиванию финансов с «общака» бригады на счета освободившегося Григория, опирающегося якобы на решения, принятые еще «Сильвестром», сегодня ровным счетом ничего ни для кого не значащие — имя «Иваныча» перестало оказывать влияние, поддержку, быть гарантией, но другое Гусятинский предложить в виде прикрытия своей мотивации даже не считает нужным. А зачем, если все равно подчинятся!

В результате появившихся разногласий, Олег, отвечавший за безопасность Григория в столице Украины[55], пытается хоть как-то повлиять на главшпана. Его методы оставляют желать лучшего, но все же. Попытки вернуть данные «Сильвестром» еще до гибели деньги своему близкому по «отсидке» в колонии человеку — «Васе Киевскому» не могут увенчаться успехом — он не желает появляться в поле деятельности «медведковских». Переведенный для «отстоя», якобы вложенный в «нефтяной бизнес» последний миллион, безнадежно завис до распоряжения Гусятинского, из него после его смерти получится вернуть только шестьсот тысяч долларов, возможно, остальные осели у вовремя перебравшегося вслед за шефом Тимофея Карасева, но это уже мало кого волнует — довольны и этой сумме, возвратившемуся после смерти Григория.

Ананьевский, Буторин, Володин считают ситуацию внутренней, а свое участие в ней некорректным.

Последним шагом в попытке образумить Гусятинского Олег предпринимает бутафорскую перестрелку, которую только слышат, но не видят. Глупая затея, не имеющая и шанса на успех, но ставшая крайней в терпении этого противостояния с обеих сторон. Гриша понимает, что следующая стрельба может быть настоящей, направленной в его сторону.

Андрей Пылев уже напрямую заявляет о недопустимости опорожнять «общак», с настойчивой просьбой прекратить этот спектакль. Это уже открытое противостояние, после чего шеф звонит мне, рассказывает вкратце о создавшейся ситуации, немного видоизменяя факты, намекает на попытку захвата власти, требуя подготовиться к «резне… трупов будет много».

Александр Шарапов слева и Андрей Пылев справа на отпевании Сергея Ананьевского. Начало февраля 1995 года

Мы не разговаривали больше месяца до этого, хотя я постоянно был на связи, и, совершенно адекватно восприняв этот звонок, понял — задуманное Гусятинским приводить в «жизнь» нельзя! Это самоубийство, при котором погибнут многие из тех, к кому я был расположен, притом, что останется в безопасности и выигрыше только один человек — тот, кто все эту кашу заварит.

Двадцать лет спустя — второй суд, с итогом 25 лет строгого режима. Сентябрь 2016 года

Новый год прошел для меня в кругу друзей детства в ресторане «Золотой дракон» на Каланчевке, а второго-третьего числа мы с женой посетили отца на даче. Все время меня не покидали мысли о создавшемся, буквально взявшем меня в клещи положении. По возвращении я посетил старшего Пылева (Андрея). Разговор снова затянулся, в конце, уже прощаясь, я сообщил, что отъеду на две недели на «свой полигон», по легенде, выдуманной мною, находящийся в Карелии.

В день ареста Александр Шарапов через 21 год… после похорон Ананьевского Сергея «Культика»

Через два-три дня моим человеком квартира в Киеве была снята, машина приобретена, документы уже имелись, и я отправился на «охоту» с музыкальным центром, в недрах которого покоился охотничий карабин «БРАУНИНГ».

Несколько дней самостийно пробыв в Киеве, поверхностно определив несколько точек, где может появиться Гусятинский. Одной из них было казино, где он постоянно проигрывал по 10000 долларов.

Но поездка была бесполезна изначально — я понятия не имел, что Гриша в Израиле, после переедет в Испанию и прибудет только 22 января. Вернувшись в столицу через четырнадцать дней, я попал в дикий переплет, описанных в прежних томах «Ликвидатора», из которого с трудом выбрался лишь после того, как смог доказать братьям цель своей поездке в «мать городов русский» — что, кстати, спорно.

Второе (если не считать ознакомительной поездки) посещение этого города было «удачным» — Григорий, смертельно раненный в голову, просуществовал на «аппаратах», искусственно поддерживающих жизнь тела, до тридцатого января, упокоившись от причины, обычно бывающей в этом случае…

Удивительно, как Провидение распоряжалось, увеличивая шанс на выживание Тимура Хлебникова. В сентябре ушел из жизни основной инициатор захвата СП «Русджет», пытался «убежать» сам Григорий, стоявший в этом перечне вторым, совсем

не тем голова была забита у Пылевых — вот тут бы и подождать, скрывшись на своей родине в Грузии, или якобы, отправившись в командировку, но… мы далеко не всегда пользуемся возможностями, дарованными Богом, ибо не видим полной картины. Кто знает, может быть, в таком выборе и было спасение в Вечности!

* * *

То, что мы любим и чувствуем, не постоянно в том смысле, что мерцающими проблесками в сознании переживаемое нами чувство окутывается теснотой земного мира с его суетой, искушениями, осуждениями, гневом, чужими бедами, слабостями всего человеческого, что каждому из нас не чуждо. В сполохах, вдруг, среди всего отвлекшего, такого лишнего и ничтожного, мы охватываемся теплым сиянием испытываемых нами и к нам чувств.

Единомоментно окружающее обезразличивается, на фоне заигравшего в нас пламени любви к той или тому единственным, выражаемое в одной лишь фразе, ласкающей сердце и сознание одновременно: «Несчастен мир — ведь у него нет ее (его)!». Теперь мы не можем заинтересовать себя прежним, представить счастье конечным, пугаемся возможной потери, желая, прожив очень долго и, конечно, счастливо, уйти вместе одновременно, легко, держась за руки, не размыкая их, покидая этот мир, переходя в Небесное Царствие Божие.

Нам кажется, что стоя на Страшном суде, мы оба станем молить Спасителя о единственном, таком понятном нам и вряд ли очевидном для других — не разлучать нас, и не важно, в Рае или Аде.

Что же происходит с сознанием, когда опасность не просто реальна, но неизбежна, когда вы, имея возможность спасти, не в состоянии это сделать, когда избежать невосполнимой потери и ужасной трагедии, прекращающей вашу жизнь еще при существовании, именно превращая прекрасное первое в ненавидимое второе?! Что происходит с умом человека, постоянно атакуемого констатацией приближающейся неизбежной опасности, не контролируемой им, еле сдерживающего свой гнев, возникающий от ощущения дыхания упертой, надменной, пугающей поступи все ближе подходящей смерти и чьих-то усилий, направляющих ее в сторону вашего любимого, становящегося жертвой чужих жадности, трусости, властности, бездушия, дышащих подлостью и мерзостью?

Даже если бы вы знали, что жертва, принесенная вам любимым человеком, наперекор вашим желаниям, да, пожалуй, и его, осветит эту порочную приземную геенну, то и тогда не согласились бы попустить ее, даже ради общего спасения всего, когда-то живущего человечества.

Что же происходит? Однозначно, и ум, и сознание, обманывая самих себя, стремятся к своей смерти. О, как порой лживы эти весы рассудительности и благообразности, если даже мизерными добавлениями к ним служат гордыня и тщеславие. Нет ни одного из нас, кто был бы свободен от них! Неужели же эти страсти способны перевесить вечную любовь, позволив разорвать сомкнутые навсегда руки, самостоятельно прекратив свое и возлюбленной счастье, лишив не столько себя возможности наслаждаться жизнью, сколько наслаждать своим присутствием тех, кто тебя любит?

Но что же делать со своими предрассудками, впитанными с молоком матери и поучениями отца, что делать с пронизывающими насквозь все твое естество принципами, понятиями о долге, достоинстве, справедливости, так сладко подмазанными тщеславием, надеждой, самообманывающими уверениями о возможности миновании страшной чаши сей тебя и твоих обожаемых домочадцев?

Извечные вопросы, ответы на который имеет каждый православный, и самый простой из них — на все это есть духовный отец, берущий на себя своими наставлениями, запретами, мольбами не только ответственность, но тяжесть за принимаемые решения. Вот только мало тех, что воплощает в себе пример личный, эталон доверия, силу веры, благообразность жизни.

Ищите и обрящите!..

Какая из женщин не ждет слов любви? Какая не задает на эту тему вопросы своему возлюбленному? Кто из любящих не жаждет всегда знать точно, а точнее, ощущать доподлинно взаимное чувство своего избранника?!..

Прогулка по лесу около дачи в морозное утро 14 января 1995 года затянулась. Двое: немного полноватый, вжатый сам в себя своими переживаниями и мыслями южанин, не только по чертам лица, но и совсем легкому акценту, с глубокой задумчивостью во взгляде, не выпускал из своей руку красивой, высокой, по аристократически статной длинноногой женщины, не спускавшей с него своих переполненных чувством глаз.

Казалось, пара обошла уже каждое дерево по нескольку раз, но время не прибавилось и на минуту. Ход временного круговорота почти застыл, возможно, впервые сбившись с

привычного замкнутого пути, теперь усиленно ища свое место в вечности. Вспоминая эти часы, Надежда Хлебникова будет говорить, что в растерянности секунды, минуты, часы почти остановились, даря им эти короткие несколько суток, которыми невозможно «напиться» или «напитаться», но лишь запомнить каждый момент, перебирая впоследствии их в памяти, как монах четки во время молитвы…

— Ты любишь меня?.. — Наверное, это был пятый или шестой подобный вопрос за всю их совместную жизнь. Почему-то захотелось…

— Я не люблю тебя… Я тобою болен! Ты самый пронзительный луч, который пришел на землю с небес… — Он словно чувствовал, что скоро этот луч перенаправит свой вектор на сто восемьдесят градусов, при этом усилив свою мощь, с земли в небо, где обрящется его душа…

Рассказывая мне об этих двух фразах, спустя двадцать один год, она закончила так: «Я просто не знаю, как об этом можно писать… Не потому что нельзя… а потому, что… — ну как?!»… Надеюсь, получилось…

Слыша эти слова, перемалываемые на фоне испытываемых мною сильных чувств к другой женщине, как кажется всем, совершенно не сравнимых с другими, но, несомненно, в чем-то схожих с пылавшими между героиней и Тимуром, я осознавал течение двух «рек», вытекавших из сознания моей совести. Я чувствовал себя мерзостью, поскольку, хоть и весьма косвенно, но имел отношение к трагедии, постигшей ее, и, кроме того, сам когда-то бывал виновником других подобных несчастий, при том, что сегодня счастлив нашей с МАРИНОЙ любовью!..

«Стыд — потаскуха дьявола», сомнения и тщеславие — его любимейшие искушения… — я знаю это, как и многие из нас, и сейчас мне кажется железной уверенность в том, что я ни за что не принесу им в жертву ни наши чувства, ни наше счастье. Но я, человечишко, слаб и да поможет мне Господь!..

И в самом деле, выглядел бы Тимур в глазах своего преданного друга Александра Саркисова трусом, если бы признался, что вынужден уйти с поста главы СП «Русджет», плюнув на 333000 долларов, которые не собирался возвращать «благородный» благодетель Марк Волошин вдове, противостоявшей в одиночестве за справедливое возмездие убийцам десять с половиной лет? Кем бы он остался в глазах своей супруги и своих детей?

Уверен, что все тем же самым замечательным, честным, а главное живым другом, мужем, отцом! Слова и мысли: «стыдно казаться» — это не проблема честного человека,

предполагающего так! Это проблема испорченного нами же мира, и тех, кто ошибочно уверен в том, что что-то в нем значит…

Тимур по-прежнему упирался, не желая выглядеть перед Саркисовым трусом, на что Надя справедливо замечала:

— Саркисова не убьют — без него нет двигателя. Марка не убьют — без него нет денег. Убьют тебя! Ну нельзя же так тупить!!!.. — Он парировал тем, что нужно делать дело, что у него, как у мужчины, есть понятие долга. Пробрать этим жену было невозможно, всегда женщина находила верный мотив:

— Тимур, очнись!!! У каких мужчин?! У Марка, который может свалить в любую минуту и сваливает даже при мелком «шухере»?! У Ческиса, с его бандитами?! Уже к нам под дверь приходят — осматривают, можно ли взорвать… У тебя долг — сына научить ходить!..

За неделю до этого разговора[56], Надя, поднимаясь по лестничной клетке к квартире, спугнула крепкого молодого человека с длинными светлыми волосами, внимательно осматривающего входную дверь. Это был Юра Тутылев — «Мясной»[57]. На ее окрик он не ответил, а быстро поднялся выше, вызвал лифт и уехал, зная, что вернется. Куда уже больше примет, чтобы не только понять, но и осознать приблизившуюся вплотную опасность!

— Ты и научишь!.. — Тимур очень часто исходил не из того, что предпочитала выбирать в виде опоры его жена.

Надя давила ежедневно. Он продолжал считать, что дальше запугиваний не пойдет, бóльшего не посмеют — нет смысла! Стреляют где-то за окнами, а супругу в шутку обвинил в том, что она так думает, соответственно со своим изначально криминальным складом ума и наверняка способностью убивать.

А в октябре-ноябре 1994 года Зинченко сказал Марку: «Тимура нужно убирать!». После, когда начнется разбирательство — следствие, и на допросе Жанну Федоровичу Зинченко зададут вопрос по поводу этих слов, он ответит, что он сказал это не скрывая, так, чтобы дошло и до Тимура, имея в виду увольнение и дальнейшую передачу ответственности за проект «Росвооружению». Тогда следователи не обратили внимания, что проект уже почти закончился, Тимур выполнил свои обязательства, и снимать его было просто странным предложением. Зачем «Росвооружению» нужна промежуточная фирмочка «МАРВОЛ», когда оно в состоянии работать напрямую с «АРМСКОР», после снятия эмбарго? Ну не похож Зинченко на слепого, глухого, глупого, и следователь лопух! Да и потом, как снимать Тимура, когда буквально за день до этого конструкторы и директора заводов заявили, что без Тимура Илларионовича

работать отказываются. Не станут ничего утверждать, просто констатирую…

Напомню так же, что вначале проекта (1990 год) основную роль играли три человека: Волошин, Чернухин, Зинченко, решение о ликвидации среднего мог принять либо Волошин, либо Зинченко, либо вместе! Причина: долг в 150000 долларов, попытки бывшего компаньона вынудить эту двойку расплатиться с собой вмешательством на уровне правительства, «вставляя палки в колеса». А ведь к тому времени Чернухин, помня, что был договор раздела прибыли пополам, узнал о сделке провернутой Марком с «АРМСКОР», а там речь шла уже о миллионах!..

Так может быть Ческис не «ошибался в этой мелодии в нотах», а «пел» в унисон с «ведущими скрипками»?..

* * *

Как я уже писал, у Марка Волошина были два молодых человека, с которыми он познакомился в отеле «Космос» — Вячеслав и Семен. Слава — мой друг детства, ни разу не отказавший мне в помощи, ни разу не предавший, и самый первый, даже несмотря на то, что подпадал сам под подозрительные пристальные взгляды правоохранительных органов по делу убийства Тимура Хлебникова, продолжал по-дружески помогать мне и моей семье сразу после моего ареста.

К этому времени Семена перестало устраивать его положение просто телохранителя и человека, используемого для личных надобностей. Он начал искать выход, метаясь из стороны в сторону. Марк дал ему возможность проявить себя, назначив вторым лицом в туристическом агентстве «Конкорд-Трэвол», но что-то не пошло. Через какое-то время у него появились отношения с фирмой, выпускающей средство против облысения, но не было начального капитала, к тому же появившиеся крепкие ребята в кожаных куртках напрягали не только верхушку «Марвол», но атмосферу в офисах. Родной брат Семена при таких обстоятельствах посоветовал искать что-то на стороне. В результате, позвонив Тимуру Хлебникову, приехал к нему домой, где нашел наставления, совпадавшие с советом брата, и обещания начального капитала в размере 30000 долларов.

Бизнес, основанный на желании лысеющих людей сохранить свои шевелюры, был выбран бывшим телохранителем удачно, по сей день он приносит доход, устраивающий уже почти полысевшего распространителя средства против облысения.

У Славы же совершенно другие мотивы, понудившие остаться

до самого конца при людях, работающих в совместном предприятии. В отличие от Семена, он был женат, только родившаяся дочка, совсем престарелые и больные родители — он был поздним ребенком, мама родила его почти в пятьдесят, а потому, при специальности автослесарь, другого выхода не предвиделось. Да и по характеру мой друг — человек преданный, служащий верой и правдой тем, кто его нанимает.

Не нужно подозревать его в чем-то, ибо во внутренние дела своего начальства он никогда не лез, следствие подтвердило это с лихвой. Я же могу только подтвердить, что более близкого из друзей и более преданного нет и быть не может.

Конечно, на Вячеслава можно смотреть как на человека, выбравшего сторону тех, кого возненавидела Надежда, тень этого чувства пала и на него, но многие ли задумываются, просто выполняя свои обязанности, о моральной и этической стороне своего начальства?! Да и многие ли знают подробности и нюансы, о которых можно только догадываться, притом, что все основные переживания дома, в семье, у колыбели новорожденного ребенка, каждый вздох которого ты ловишь не засыпающим сознанием?

В этот период по договору с «МАРВОЛ» Слава строил квартиру, за которую еще не расплатился. Что это такое, знают те неустроенные в бытовом отношении молодые семьи, которые, задыхаясь от недостатка средств, живут будущим возможным комфортом и уютом «теплящегося очага». Муж вынужден пропадать на работе сутками, обеспечивая чужую безопасность и удобства, в то время как супруга выстирывает между рук пеленки и сорочки. Мне он помогал, приобретая памперсы и детское питание, когда я стал отцом, а на себя через несколько лет денег уже не хватало, поскольку кроме выкупаемой у застройщика новой квартиры, неумолимо приобретавшей вид уютного жилища, он вынужден был оплачивать снимаемую, оплачиваемую из своего кармана («МАРВОЛ» оплачивал только расходы по новострою, причем на отшибе Москвы, а отнюдь не в центре, ремонт автомобиля, бензин и командировочные).

У Семена же не было семьи, жилище свое, поэтому ответственность за выбор была в разы меньше и только перед собой…

Мы говорили со Славиком о том времени, он воспринимал каждое слово с невероятным трудом, поскольку, чувствуя себя, пусть и косвенно, причастным к тем событиям, ощущал тяжесть каждого переживаемого несчастного мгновения всеми, кто пострадал от выстрелов, прозвучавших в морозное утро 17 января, хотя никакого отношения к ним и не имел. Не было у него брата, способного подсказать правильное решение,

поддерживающего в сложные минуты, не было того общения с руководством, что было у Семена, поскольку мой друг не старался прыгнуть выше головы, считая, что само время расставляет все на свои места.

Все эти обстоятельства распределили этих молодых и сильных людей по разные стороны молчаливого противостояния, в котором каждый пошел выбранным путем. Если Семен остался должным Надежде Юрьевне, решил, что имеет право не отдавать долга нуждающейся вдове, то мой друг до сих пор не дополучил от бывшего руководства до конца обещанных выплат, несмотря на это достроил жилище, вырастил дочь и сейчас помогает растить внука, работая без устали на трех работах. При этом он вполне счастлив, хоть и вспоминает молодость с оскоминой возможно сделанной ошибки…

* * *

Настал 1995 год. Для любого человека каждый вновь наступающий год несет свои события, перемены, переживания, и ведь, в конце концов, наступит последний… Когда Цезаря спросили: «Какую бы смерть он предпочел?» — он ответил не задумываясь: «Неожиданную!». Кто-то скажет: «Легкую», кто-то предпочтет мучительную, дабы уверовавшим в Бога, хотя бы этим искупить часть грехов; кому-то захочется героическую, другие пожелают жить вечно, совсем для этого ничего не предпринимая, большинство же действительно живут так, будто не упокоятся никогда!

Можно рассуждать далее, вспомнив, что у каждого она бывает «своя», к кому-то приходящая и насильственно. Нет людей, которые не испытывали бы чувства страха и ужаса от мыслей о конце своей жизни, о параличе или пожизненном заключении, мы боимся и думать о них, одновременно свято веря — все будет по-другому. Так ли важно для самого человека, как именно он умрет и что будет после? Скоро мы поймем — если бы думали действительно о других, то смогли бы научиться уходить из жизни так и тогда, как это бы было наиболее безболезненно для тех, кто нас любит.

Но мы слишком эгоистично думаем, будто после смерти для нас все будет так, как если бы мы могли возрождаться из пепла, не прикладывая для этого никакого усилия…

* * *

16 января Тимуру Хлебникову неожиданно позвонил Головин Юрий Петрович, человек, которым Волошин и Ческис (странное сходство интересов) хотели заместить пока еще нынешнего генерального директора СП «Русджет». Неплохой сам по себе человек, коллекционер-букинист, очень любящий читать, не выделяющийся ничем примечательным, приятный собеседник, немного бесцветный внешне, не вредный для других, можно сказать, — просто живущий. Для таких психотипов самым желанным оказывается тихая заводь, в которой никто не «мутит воду», всегда одинаковая погода, не меняющиеся обстоятельства и предпочтительнее спокойствие, чем комфорт.

Такие люди хорошо понимают происходящее вокруг них, видят необходимость своих действий, обычно рядом с такими многое происходит, будто помимо их существования. Что касается поступков, то есть того, что выше сил и обыкновенной, принятой нормы — они могут совершать подобные, что дается им настолько тяжело, через такое невероятное преодоление своих страхов и уже видящихся проблем, сравнимых со смертельной опасностью, что совершив, эти люди перестают дышать в ожидании всех десяти казней египетских, направленных в их сторону.

При этом мужество присутствует в их чертах характера, они честны, но нельзя требовать от них больше уже совершенного, ведь, в принципе, по сравнению с другими они совершили подвиг, пусть и для кого-то это всего лишь рискованный поступок и не более! От каждого по возможности…

Юрий Петрович, приняв решение, замечу, единственный из всех людей, имеющих отношение не только к руководству «МАРВОЛА», но и к хоть какой-то информации, приехал в офис к Хлебникову. Они говорили четыре часа. Свидетелей не было, но смысл и тема очевидны. Конечно, доказательств и фактов Головин предоставить Тимуру не мог, их и не существовало, но он передал все доводы, что знал, вплоть до выводов, кричащих о том, что мужа Нади уже выслеживают с одной лишь целью — лишить жизни.

Этого нельзя прикрепить ни к уголовному делу — нет доказательной базы, только к «Книге жизни», ведомой нашими Ангелами, строки из которой каждый из нас услышит на Страшном Суде. Скорее всего, основная часть в разговоре с Тимуром была нацелена на попытку убедить не просто быть поосторожнее, но уехать, скрыться, уйти из-под удара, спасая свои жизнь, счастье, семью…

Головин после смерти главы СП «Русджет» был назначен на его место, о перспективе чего знал, сделав соответствующий

вывод, не смог умолчать, и предпринял то, что должен в этом случае предпринять каждый уважающий себя человек. При, наверное, имеющемся желании карьерного роста, он не желал быть соучастником ни через преступление, ни законным образом, поскольку знал к чему вся эта суета.

Юрий Петрович сделал все, даже больше того, на что был способен, расстались они друзьями — Тимур понимал, как нелегко далась приехавшему к нему эта беседа. Головин же был уверен, что смог спасти человека, которого уважал.

Хлебников, отзываясь о всех руководителях «МАРВОЛА», только о нем говорил с уважением, называя «нормальным мужиком», при том, что остальных просто не замечал, не уважал, не жаловал. Ческис и Голушко, по его словам, «просто прилипалы и бездари». Пусть эти слова покойного станут немым укором тем, кто знал и делал все, чтобы эта ситуация в тех условиях окончилась именно его смертью…

По воспоминаниям работников офиса, Тимур провожал Юрия настолько бледный, что не заметить этого было не возможно. Сразу после он попросил у своего подчиненного Игоря Константинова, занимающегося организационными вопросами, узнать (18 января, то есть послезавтра, Хлебников собирался отправиться на поезде в Ригу по делам проекта магазинов стройматериалов), существуют ли пассажирские вагоны с охраной.

В середине этого же дня он отправился из офиса в свою однокомнатную квартиру на «Речном вокзале», позвонив оттуда жене с предупреждением, что не сможет приехать на обед. Вернувшиеся с дачи уже после его смерти, престарелые родители Тимура Нора и Илларион, обнаружили полную пепельницу окурков, выкуренных до самого фильтра, и одну чашку с недопитым кофе, что оставить неубранным он себе никогда не позволял. Взвешивая, обдумывая, анализируя на самом пике нервозности и перевозбудимости, он все же не смог принять решения, оставив все по-прежнему, что привело на следующий день к концу жизни.

По окончанию отмечания 40 дней, минувших после насильственной кончины мужа, Надежда Хлебникова нашла в себе силы посетить эту квартиру впервые после их последнего приезда сюда вместе. Разбирая внутренности сейфа, находившегося в мебельном гарнитуре, она обнаружила большой конверт из толстой желтой бумаги с четырьмя неровно выведенными буквами: «НАДЕ». Прочитав текст письма, вложенного внутрь, один раз, она запомнила эти строки навсегда:

«Моя родная, любимая! Если ты читаешь это — значит, меня

уже нет рядом, чтобы тебя защитить и согреть. Ты знаешь, кто виноват. Не вмешивайся ни во что. Береги себя и нашего сына. Это то, ради чего мне очень хотелось бы жить. Прости меня. Твой Тимур»[58].

Текст был изъят следствием для почерковедческой экспертизы, подтвердившей руку ее мужа. Через десять с половиной лет эти строки услышали присяжные заседатели на процессе — редкий из присутствующих смог сдержать слезы. Надежда Юрьевна Хлебникова, прослушала их с высоко поднятой головой, не проронив ни одной слезинки. Можно подумать, что все было выплакано, но нет! Она ни разу не плакала с момента убийства Тимура, до тех пор, пока в ее руки не попала эта книга.

В момент зачитывания строк, которые она знала наизусть, Надежда ощущала лишь самый кончик ранящего ее в день смерти мужа острия, зашедшего в грудь по самую рукоять, он так и останется, несмотря на одержанную победу правосудия, в ее окаменевшем сердце до самого конца жизни.

Кроме этого обращения в желтом конверте лежала копия контракта по «Супер Миражу» с реальными цифрами, которые получал Марк Волошин и теми, которые переводились для СП «РУСДЖЕТ». Разница впечатляет!

Там же находились копии технического задания по модернизации двигателя РД-33 под «Мираж-1», которое в свое время и переводила Надя. Впоследствии все эти данные очень пригодились ей, но об этом позже…

Семнадцатое

«И, собственно говоря, почему я ожидаю от людей совершенства? Такая реакция была бы правильной, если бы я пытался точно подсчитать, насколько мы виноваты в том, что сами поступаем не так, как, с нашей точки зрения должны поступать другие».

(Клайв Стейплз Льюис «Просто Христианство»)

Иногда мы придаем числам и даже месяцам особые значения. Скажем март (что первое приходит на память), начиная от «мартовских ид» по римскому календарю, когда был убит Гай Юлий Цезарь, смерти Ивана IV Васильевича Грозного, убийства Императора Российского Павла I в Михайловском замке до насильственной же смерти Императора Российского Александра II Александровича Освободителя и далее, через несколько десятков лет, отречения от престола Императора же Российского Николая II Александровича, что привело не только к гибели самого последнего Русского Царя с его семьей, но и гибели Великой тогда Державы, для венценосных особ может показаться не самым лучшим. Но ведь история полна не только событиями такого рода!..

В январе появился на свет «младший» Хлебников — Георгий, что произошло 2 января. 17 января, до 1995-го, Надежда Юрьевна начинала с утренней поездки в Донской монастырь, на погосте которого захоронен ее дед, упокоившийся именно 17 числа того месяца. С девятнадцати лет хранила она память о похоронах, наверное, самого близкого и любимого для нее человека, больше всех сделавшего для ее души. Именно он, будучи дворянином, создал тот аристократический образ, несомый ею до сих пор.

Дедушка покинул этот мир на восемьдесят восьмом году своей длинной и насыщенной событиями жизни. Казалось, что все, кого она любит, доживут и до большего.

В января же 22 числа родился и отец Надежды, ставший косвенной причиной смерти своей матушки. Дед пронес свою любовь больше чем через полстолетия, предрекая, что назвав внучку именем его любимой женщины, родители обрекают ее на

похожую судьбу. Одно слово — январь…

Вряд ли стоит увлекаться цифрами и событиями, пытаясь вывести надуманные закономерности, исходящие из человеческого, просто примите данное нам из туманностей прошедших веков. Мы все индивидуальны, как и наши души, характеры, стези…

Однако 17 января наша героиня, о которой идет на этих страницах основное повествование, хотя важное еще впереди, запомнит, завязав именно тогда узел на нити своей судьбы, которой будет пронизывать каждый последующий, именно на нем запинаясь, прощупывая в памяти былое.

* * *

Еще раз вкратце напомним о предыдущем.

Шестнадцатого у Тимура состоялся долгий и, кажется, самый напряженный разговор в его жизни. Собеседником был Юрий Петрович Головин, вскоре занявший его место. В этой беседе не было ни требований, ни просьб, ни обоснованных претензий. Несколько часов гость пытался убедить в необходимости спасать свою жизнь хозяина кабинета, который почему-то упирался. Юрий Петрович сделал что смог, с чувством чего и покинул оставшегося бледным и задумчивым Тимура Илларионовича, попросившего узнать своего подчиненного о существовании в поезде Рига — Москва вагонов с охраной.

После он не поехал обедать домой, как делал это обычно, но направился в квартиру, где жили его родители, в данный момент находившиеся на даче. Несколько часов борьбы с самим собой не дали новых результатов. Это время воплотилось в виде последствий борьбы в письмо жене, нескольких листов документов, говорящих о непорядочности руководства и полной пепельнице окурков от сигарет «Марльборо».

После он заехал вновь в офис ненадолго, и, доделав необходимое, направился домой.

Жена очень хотела оставить новогоднюю елку, нравящуюся сыну своими мерцающими огоньками, блестящими игрушками, переливающимися блестками хотя бы еще на неделю. Малыш подползал к ней, садился на пол, хлопал в ладоши в такт подмигивающим ему огонькам. Она «жила», веселя, привлекая, радуя всех, кроме Тимура, и почему-то именно с утра шестнадцатого января, когда он неожиданно для всех произнес:

— Хватит уже праздников. Елку разбери. Я после работы поеду к родителям на дачу, ее туда отвезу до следующего года…

Возвращение вечером, уже довольно давно, не отличалось от предыдущих: Надя дождалась появления его машины во дворе, стоя у окна. Проконтролировала, по звуку захлопнувшейся двери, как он вошел в подъезд… по тому же признаку узнала о том, что он в лифте поднимающемся наверх. В глазок увидела раздвинувшиеся дверцы подъемника. Как только он покинул кабину, быстро открыла, сделанную по заказу на авиационном заводе металлическую дверь, считая, что теперь до утра можно хотя бы жить, дыша спокойно: все дома в целостности и сохранности… Но Тимур молча поел, отставил тарелку в сторону и глядя в одну точку негромко объявил, что повезет елку, заодно пылесос, и продукты к родителям на дачу.

— Ну какая необходимость сегодня? Поздно уже!

— Завтра у меня не будет времени…

— Ну давай я с тобой спущусь к машине. Помогу: сумка с продуктами, пылесос, елка, игрушки — рук не хватит… — В нетерпении и каком-то не бывшем ранее беспокойстве она пошла одевать куртку. Но не дошла до шкафа-купе, как ее остановил резкий крик:

— Нет!.. — И уже более мягче:

— Не надо…. — Потом уже совсем тихо, с расстановкой:

— Не надо… Никуда… тебе… выходить… из дома. Я туда — обратно, скоро вернусь…

Для нее настолько неожиданным был этот окрик, окованный этим непривычным железный тоном, что она встала как вкопанная, не в состоянии дальше противостоять или что-то доказывать…

Тимур уехал, вернувшись довольно быстро. Молча прошел на кухню. На столе лежали груши, с вечера приготовленные на утро сыну для фруктового пюре. Муж, как-то автоматически, не отрывая взгляда от одной точки, ножиком отрезал ломтик за ломтиком и ел… пока, очнувшись через несколько минут, не произнес:

— Ну что, Наичка, пойдем спать?..

Ночь… Часто ли мы обращаем внимание, какой была ночь? Та последняя… только позже она поняла, почему его объятия были в те часы такими отчаянными… так обнимали. Не от страсти, наверное, так обнимали любящие жены уходящих на фронт солдат в июне 1941-го, стоя на перронах вокзалов, перенасыщенных слезами и переживаниями от предчувствия последнего раза.

Такие объятия сжимают так, будто не должны отпустить… не хотят, не могут! Не раздавить хотел он, но вмять в себя, слиться… А может, это уже после так видится?.. Ей хотелось не близости с

мужем как с мужчиной в ту ночь, а как с теряющимся счастьем. Стоявшие в глотке слезы — откуда они, не дающие целовать как прежде; подернутые ими слезящиеся глаза, не позволяли видеть его, только чувствовать. Она цеплялась за каждый миллиметр его тела, боясь выпустить из рук… Такое невозможно объяснить человеку, никогда не бывшему в таком состоянии, как объяснить безумие вполне нормального человека?!

Они вставали, молча шли на кухню, Тимур курил, пил чай, снова дожевывал груши… Надя, не в состоянии ничего произнести, беззвучно сопровождала взглядом каждое его движение, желая делать все за него, даже дышать, но так, чтобы это становилось их единым существованием.

Не идти с ним на кухню она не могла: опасаясь, что выйдя из спальни, он не вернется… Такое было первый раз! Поднявшийся вихрь эмоций сковал все тело, перекрыл, словно горячим песком, глотку, повисшие на руках необтесанные каменные, нетающие, но жгущие глыбы, высушил изнутри все, введя будто в наркоз, оставив легкие без воздуха, обескровив, обезводив… Кое-как суетилось еще совсем обветшавшее переживаниями сердце, колотясь с кроличьей растерянностью последними минутами жизни в капкане…

У них была няня — давнишняя подруга родителей Тимура из Тбилиси, с одной лестничной клетки. Пригласив ее к Георгию, часто оставляли ночевать, всю равно ехать ей было не к кому. Иногда, чтобы взаимно отдохнуть, женщина отправлялась в выделенную специально под нее, Надину однокомнатную квартиру на ВДНХ, где начиналась их с Тимуром совместная жизнь в первые годы. В тот день, 16 января, ни с того ни с сего Надя сказала ей:

— Джулия, Тимур должен в среду в командировку ехать. Вам поехать на ВДНХ не удастся, пока он не вернется. Так что поезжайте сегодня после обеда, отдохните. Но завтра, пожалуйста, без опозданий, мне нужно уехать с Тимуром утром, я вас жду в 9.00…

За две недели до этого Олег Пылев, уже в нетерпении, понимая, что приказной тон не возможен, пытался убедить двоих молодых парней:

— Я же говорю… вы че, не хотите жить в шоколаде?!

— Олег Александрович…

— Я договорю… Я говорю — нужно исполнить, чтобы мусора не сомневались… типа «хулиганка»… ну… наркоманы отработали: бабки, там, цацки… были и сплыли. Ну че не понятно?! Если просто вальнуть, все очевидно, все стрелы в нашу сторону. Зачем нам лишние проблемы?..

— Саныч! Да он кабан здоровый, рукопашник!

— А вы че?! «Мясной», ты сожрал курей больше, чем их совхозы… это… вырастили! Вас двое, он один… — Неожиданно позвонил телефон. Олег поднял трубку, послушал несколько секунд и прикрыв микрофон пальцами:

— Пацаняки, я поговорю… — Второй раз повторять не пришлось… парни вышли. Закрыв дверь в комнату, Юра, сдвинув мышцы лица к середине, тихо процедил:

— «Кондрат», ты в натуре, че затихорился-то, мы ж такого даже если завалим пиками, то он нас задавит своей массой. Да я и не уверен…

— Ну и скажи…

— Так говорил…

— Ну, если надо!..

— Ты че, Лех… как?

— Да я и сам не знаю… может еще двоих в помощь… или может «Солдата»…

— Ты че, гонишь?! Иди, откажись — и на кой тогда ты нужен?!

— Нууу… и чего делать то?..

— Че, че! Скажи, ну поддержи… — Из комнаты послышалось:

— «Мясной», Леха… — Они зашли…

— Короче, сейчас вот говорил… Комерс этот, надоел гандила — следующим будет если не срастется. Если не успеем, то бабла не будет! Я сказал, что сделаем… Яяяя скааазаааал, что мыы сделаем! Мне нас…ть как!

Алексей Кондратьев — «Кондрат» и Юрий Тутылев — «Мясной» соответственно слева направо, через два с половиной месяца после убийства Тимура Хлебникова. Апрель 1995 года, ресторан «Валери», день рождения братьев Пылевых — пик карьеры Андрея и Олега

— Ну ты пойми… «Кондрат»… — «Кондрат» вступил:

— Олег Саныч, в натуре — никак. Мы ж не завалим — уйдет…

— Набрал бригаду: три пидора, два гада — не украсть, не покараулить!

— Может еще кого с нами, тогда…

— Тогда вся Москва знать будет… Короче, валите, как можете — времени в обрез. Такие бабосы зависли!.. — Звонил Ческис, уверяя в очередной раз, что другого не дано. Только обязательно просил сделать как нападение хулиганов, объясняя, что, если будет по-другому, то придут к нему — больше не к кому, и так уже слухи поползли…

Москва… Почти центр… Неожиданно для наблюдавших через окно лестничной клетки подъезда, расположенного напротив дома Надежды и Тимура, из парадной коего вышел кавказец, ростом выше среднего, без шапки, грудь нараспашку, выглядевший крепким, немного полноватым, с крючковатым носом, лысеющий, возраст около сорока, полностью совпадавший своей внешностью со словесным описанием и фото ожидаемой жертвы. Уверенными шагами он устремился к машине, припаркованной рядом — «Жигули» шестой модели, открыв дверь, повернувшись, осмотрел улицу, залез в салон, завел двигатель…

Двое, переглянувшись:

— Ну че?..

— А чего?..

— Он?

— Да в натуре он!

— Ништяк!

— Ну и…

— Охраны нет, народу вокруг нет, место, правда, просматривается…

— Да кому надо смотреть-то? Все на работе!

— Вот и делай…

— Саныч…

— Саныч сказал тебе…

— Да не вопрос… я уже столько раз… Только в тебе я не очень уверен, ты ведь и стрелять-то не умеешь…

— Почему?! Из валыны попаду…

— А прикрывать ты как будешь, если что…

— Ладно, еще поговорим… Смотри, минут пять греет, а

потом вообще не глядя отваливает… И один…

— Это он сейчас одни… — Об увиденном сразу доложили Пылеву.

— Ну так иии?..

— Саныч, если я буду валить, «Кондрат» меня не прикроет, начнет палить…

— Почему?

— Да, Олег Саныч, с автомата яяя…. — не очень…

— Так, стрелки хреновы, тогда «Кондрат» валит, а ты, «Мясной», прикрываешь…

— А это…

— Че еще?

— Нууу… типа, если еще кто-то с ним будет…

— Валите на х. р всех!

— Ну там ребенок, баба… это…

— Я сказал с «прицепом», значит с «прицепом»!!! У меня и без вас головняка хватает. Гриня этот… — Не равен час «Солдат» нас валить придет, тогда и посмотрим, чего вы стоите.

— Как скажешь… — Несколько дней они то не могли в холод сразу завести свою машину, поэтому опаздывали, то не успевали подойти, то мешали свидетели.

Вечером было уже темно, да и ждать его не хотелось — когда этот грузин вернется, кто его знает. А с утра отработали и порядок!..

Наконец наступило семнадцатое…

8.00. Квартира Хлебниковых переполнена каким-то предчувствием, даже ребенок замечает это. Муж внешне спокоен, но с голосом и эмоциями справляется с трудом. Суеты, как обычно, не видно, напротив, перед любым действием, мозг медленно и неуверенно принимает решение, включаясь только в моменты отключения или отвлечения.

Подъезд с постоянными цветами в водосточной трубе, вблизи которой и был припаркован автомобиль Тимура… — здесь земля слышала его последний вздох…

На улице мороз. Дочь Нади Катечка собирается в школу. Тимур хочет подвезти и вернуться. Уже в дверях их обоих останавливает телефонный звонок Левы Шумахера. Разговор вышел продолжительный, как оказалось, пока отвел опасность — касался открытия магазина стройматериалов в Риге… В словах отца Катя, стоя в коридоре, первый раз за всю свою жизнь, слышала совершенно безэмоциональные нотки, как будто говорили из другого измерения. Как и любой ребенок, она приняла это на свой счет, задумавшись, чтобы могло быть тому причиной.

Дочка уже начинала представлять, как папа отчитает ее своим громоподобным голосом, конечно, было за что — но откуда он это мог узнать? Захотелось избежать этого любой ценой — а вдруг разлюбит?! Именно на этой мысли Тимур отстранил трубку телефона от уха, прикрыл ладонью микрофон, и, со слегка извиняющейся улыбкой, очень мягко произнес:

— Кисуль, ну видишь как. Разговор важный. Может, сама добежишь? Тут же всего 7 минуточек?..

«Киса» убежала в школу… А два вооруженных молодых человека уже ждали, внимательно всматриваясь в подъезд, окна квартиры, двор, видели выскочившего ребенка, проводили ее глазами. Нервы их не то чтобы были на пределе, они не чувствовали, перебарывая лишь постоянно появляющиеся

опасения, связанные с предстоящим. Их было много, каждое требовало внимания, усилий, чтобы оттолкнув их, направить себя в нужное русло, чтобы при появлении и «прицепа» — валить и мать, и ребенка… «Кондрат» выглядел спокойным, в силу своей болезни этот человек был часто безэмоционален. Он знал, что «отработает» так же не задумываясь — отработает и уйдет, совершенно не задумываясь, хорошо он сделал или плохо. Просто сделал, потому что нужно, потому что сказали.

«Мясной» — совершенно другой человек. Юра нервозил, ёрзал, организм просил дозы, хотя пока не требовалось, в такие моменты неосторожный, ничем не обусловленный гнев мог прорваться наружу на долю секунды, так же быстро растворившись в следующей эмоции. Он ждал, уверенный, что справится не задумываясь, без доли сожаления или сомнения. Оба были готовы…

Еще вчера вечером они договорились прикатить пораньше. Сегодня старались изо всех сил не попасть на глаза жильцов, выгуливающих собак, уезжающих на работу. На улице ждать не хотелось — холодно. Окна уже давно горели светом — значит, скоро появятся. Чего только не пытались придумать, но мысли и предложения дальше, чем подойти и в упор расстрелять, не шли. Думали сделать это из двух стволов: АКСУ и пистолета, но передумали — кому-то прикрывать нужно. С автоматом казалось надежнее, такой ствол любой заметит и героизма не проявит, а вот пистолет случайный свидетель может не увидеть, да и не испугаться.

«Мясной» держал свой ствол под курточкой, с перекинутым через плечо, распущенным до конца, ремнем, чтобы стрелять было удобнее, а таким образом прицельно не получится, нужно расстегивать верхнюю одежду, но ему казалось, что все обойдется без этого. Леха, хоть и был уверен в том, что выстрелит не задумываясь, но сомневался в ловкости, с которой нужно будет вынуть оружие, дослать патрон в патронник и при этом остаться незамеченным Тимуром, поэтому ПМ заранее снимал с предохранителя, досылая патрон в патронник, убирал вверх стволом в рукав куртки, таким образом, чтобы подходя, вытянуть руку из рукава, при этом рукоятка последует за пальцами, которыми он придерживал пистолет. Из освободившейся полностью от одежды «валыны», которую останется только, опустив книзу срезом ствола, поднять, направить в сторону цели и стрелять на поражение.

При всей этой сложной комбинации, правда, легко можно либо выронить оружие, либо задеть спусковой крючок, выстрелив куда попало, но все компенсировало кажущаяся экономия

времени, да и звука от передергивания затвора при досылании патрона в патронник не будет — мысли дилетанта, не уверенного в своем умении владеть оружием, но все же идущего на «дело»…

С 8 часов 25 минут Юра Тутылев и Кондратьев Алексей через окно дома напротив рассматривали место предполагаемой гибели. Первый представлял себя стоящего в десятке метров от стреляющего «Кондрата», буквально видя осколки дырявящихся стекол автомобиля, падающие на пол, сиденья салона машины, и одежду убиваемого смешанные с кусочками костей черепа, мозгами и кровью, как это было уже несколько раз. Ему нравилась мысль о входящих в живую пока плоть пулях, позволяющая ощущать себя почти богом. Не отдавая себе полностью в этом отчета, то есть не интересуясь, почему эти картинки приятны, он резко переносился в ближайшее будущее героинового дурмана, который познал совсем недавно, уже полностью отдавшись ему…

Денег, причитающихся за это «исполнение», хватит вполне на несколько месяцев, а потом… а «потом» вообще сейчас не интересует. Как же «ПОТОМ» «Мяснова» контрастирует с «ПОТОМ» Надежды Хлебниковой!!!..

Леха уже решил, с какой стороны машины подойдет, и через какой именно фрагмент бокового стекла будет целиться и стрелять. Отсюда, сверху, глядя сквозь стекло окна лестничного пролета подъезда, этот выбор казался правильным и удобным, но как получится на самом деле, не знал никто. «А вдруг этот грузин в самый неподходящий момент повернется в мою сторону и все поймет?! Плевать! Буду стрелять! А если не попаду, ведь столько раз уже мазал? А может тогда пройду мимо, сделав вид, будто ищу собаку, а потом развернусь… Ага… А он снова посмотрит… Да пошел он, все равно застрелю… а если что, «Мясной» добьет! Да и с чего ему смотреть-то, я же со спины подойду… А если дети, баба? А что баба? Саныч сказал валить с «прицепом», значит, сами виноваты — сейчас богатая жизнь — всяк риск! А не стрельнешь, самого завалят — Олег Александрович никогда не шутит, сколько раз уже это видел! Главное не останавливаться и не думать, вытащил — выстрелил — ушел…».

Ровно в это же время на даче Хлебникова, где сейчас были родители Тимура вместе с его собакой, красным доберманом Боссом, призером всех выставок, считавшего своим главным хозяином именно главу семьи, пес неожиданно занервничал. Каким образом эти замечательные и преданные животные чувствуют приближение опасности, которая обязательно приведет к трагедии? Странно, ведь киллеры не первый раз ожидали указанную им «мишень», но именно сейчас впервые

забеспокоился «друг человека». С каждой минутой его напряжение возрастало. Через пять он кидался на дверь, через десять ломал зубы о косяки, вис на ручке, пока не вырвался на улицу.

Пожилые люди, испугавшись, предположили бешенство, сторонились, звонили хозяевам, терялись, не зная, что предпринять.

На свежем воздухе Босска носился, врезаясь в ворота, прыгал на деревья, бился в двери. Вбегая в дом, подбегал к людям, «звал» их, требовал действий, но молчал, лишь иногда поскуливая. Так продолжалось час…

8.40. Москва, квартира Хлебникова. Годовалый Георгий уже насытился. Тимур, договорив по телефону с Левой Шумахером, сам принялся за еду, вкушая не спеша, будто желая прочувствовать вкус каждого кусочка во рту последний раз, на деле жуя, глядя в одну точку, совсем ничего не чувствуя — всю голову занимали сказанные вчера слова Головина о неизбежности смерти в случае оставления ситуации в прежнем состоянии. Семья как-то оставалась за рамками происходящего, лишь настоящее, пробивающееся неожиданно, сквозь эти думы, встряхивало его, заставляя говорить первые слова фраз почти криком.

Они позавтракали в ожидании Джулии, полагая, оставив ее с сыном, вместе доехать до офиса «Русджета», там пересев на машину с водителем, отправиться за покупкой нескольких коробок с детским питанием, овощей, фруктов на время командировки мужа — матери одной с детьми это представлялось неудобным.

Двадцать минут ожидания оказались тщетны. В 8.59. ничего не изменилось — Господь давал время, снова и снова, возвращая Тимура ко вчерашнему разговору с Головиным, наталкивая на принятие правильного решения, но часто ли мы пользуемся этими бесценными дарами?!

Происходящего с мужем не могла не чувствовать Надя. Как же потом она корила себя за то, что не взяла что-то тяжелое и не ударила этим по голове, отключив на пару часов, или не сделала какой-нибудь укол, не соблазнила, да мало ли что, хоть бы не пошла за день в полицию — ах, как мы любим сослагательным наклонением пытать себя, когда нужно жить! Интуитивно любая любящая женщина прикрывает своими телом возлюбленного, но жизнь и сопротивление супруга возвращает всегда к реалиям, погружая в суету настоящего:

— Тимур, малыш сейчас уснет по графику режима. Давай я его положу в «конверт» теплый, пусть поспит в машине в детском

креслице, а мы пока сделаем все дела? А Джулия… пусть ждет под дверью. Просила же вчера — не опаздывать!.. — Пауза была сначала ответом, притом что ничего в мужчине не поменялось. Он не мог отказаться или освободиться от захвативших полностью мыслей, лишь выглядывал из них:

— Нет, давай сделаем так: я поеду в офис сейчас один. Овцу эту ждать не буду. Ты уложи ребенка, одевайся. Я доеду до «Русджета» и оттуда пришлю машину за тобой. Надеюсь, она (Джулия) появится…

— Ну, Тимур! Ты надолго уедешь завтра. Я хочу с тобой!..

Воздух снова разрядил жесткий окрик, говорящий о том, что пришлось, выпрыгнув из вчерашнего разговора, вернувшись в реальное ожидание смерти:

— Я сказал «НЕТ»!.. — Очень быстро приходит разочарование в такие минуты от своей слабости, но слабость ли это? Если несдержанность в моменты ощущения безисхода, касаются только тебя — это дело страха и ужаса одного человека, то захватывающая всю семью в «плен» безысходность будто специально, гипертрофируя переживание за каждого любимого ее члена, в этом месиве мыслей, идей, воспоминаний — сущий все поглощающий ад, касающийся всех, перебирающийся вслед за словами, взглядами, прикосновениями.

Опомнившись и будто ощутив впервые нахлынувшее чувство к этой женщине, как было много лет назад, Тимур постарался успокоить:

— Ну прости меня… Нет… Ну вот что за характер — зачем ребенка по морозу таскать? Пусть дома останется — ЦЕЛЕЕ будет. Посмотри, что за окном… — «Целее» он сам произнес, даже не отдавая себе отчета. И что он имел в виду фразой: «посмотри, что за окном»? Мороз? А за окном уже ждали убийцы…

Все вдруг стало второстепенным: подчиненные, идеи, планы, отношения, переживания о неувязках, данные обещания, любовница «на час», все-таки совратившая его в этом плещущем лавой вулкане страстей, пролетевшая бумажным корабликом по поверхности грязного потока соблазнов, плеснувшая в душу едким, не отмывающимся послевкусием предательства — южный характер мужчины иногда давал сбои совершенно немотивированно, глупо, незачем…

Всего лишь в каком-то мгновении в эти минуты находились Нади и младенец от своей гибели. Эти слова мужа и отца как бронежилетом прикрыли их от пуль, предназначенных только ему одному, хотя и он мог избежать этого. Мать не вынесла годовалого малыша на улицу, благодаря чему оба «до кучи» не

попали под пули вместе с Тимуром — это на самом деле и стало тем самым «целее»…

Что я чувствую, выводя эти строки? Я сочувствую жене, вот-вот должной потерять мужа; сыну, лишающемуся отца, непрожитой, быть может, в счастье, оборванной безвременно чужой жизни, а быть может, она со временем изменилась бы с окончанием этого самого счастья, ведь все, что имеет начало, всегда преследует конец! Супруг, потерявший вторую половину, навсегда остается в том самом месте, в котором произошла потеря, перенося интонации этого времени на оставшуюся жизнь, совсем не предполагая, что она могла бы измениться через год, два, десять. Возможно, семья, разрушившись, своим неестественным часто окончанием, потушила бы и это счастье, благодаря чему потеря мужа воспринималась бы по-иному…

В том, что случится через несколько минут, мы различим не одну потерянную, в прежнем ее понимании этими людьми жизнь, а несколько, хоть и продолжающихся, но изменившихся после гибели Тимура кардинально — небо над головами его осиротевших родственников надолго примет цвет предгрозовой пасмурности. Конечно, стези не могли быть другими, ведь все предопределено, но как мы, ищущие виновных, любим обращаться гипотетическими мыслями к «ах, если бы все было не так»…

Можно сказать, что Тимур Хлебников сам выбрал такой конец… можно, но будет ли справедливой подобная констатация?! Я и подобные мне из тогдашнего поколения 90-х, молодые люди, пусть и далеко не всегда отдающие себе отчет, по какой именно стезе делать первые шаги в своем по большей части хаотичном движении, принимая решения, действительно не до конца понимали на что шли, пусть это и не воспринимается читателем правдой — шли не на смерть, уверенные, что избежим ее, как и тюрьмы, как и кровопролитий, которые и представить поначалу невозможно. Но это были мы, а не он, хотя и осознающий, чем такое упорство или нерешительность может для него закончится.

Я говорю не о принятии криминала, не о сговоре с ним, а о принятии решения, способного избавить от риска, и ведь такое было возможно. Но на то и мужчина, чтобы приняв, пусть и неверное решение, следовать ему до конца. «Самцы», в такие моменты вспоминайте о тех, за кого вы в ответе, учитывая, чему могут быть подвержены ваши семьи после вашего героического ухода из жизни, который, скорее всего проклянут ваши жены. Нет трусости в поступке, если он совершен в уничижении своей чести в виде жертвы ради своих жены и потомства — поверьте, что,

скорее всего, вы ошибались и ваша честь вообще не при чем!.. Совесть, а с ней жесткость и жертвенность могут быть опорой и единомышленниками, если на то благословил Господь — да услышит и поймет каждый!..

9.24. Времени ждать больше нет, Тимур встает из-за стола, смотрит на жену, тонущую в этом взгляде, как и во всех, разом обрушившихся на нее сейчас, испытанных за все время их совместной жизни эмоциях и переживаниях. Охватывающее до сих пор счастье смешивается с разом осознанной возможностью беды, потухая в глубинах сознания так же быстро, как и возгорелись. Она не хочет отлипать от него, поплотней застегивает полупальто, которое он все равно расстегивает в свое время — он всегда ходит нараспашку: полы верхней одежды и пиджака в разные стороны, галстук на плече, шарф бесполезно висит, а грудь в одной рубашке прет навстречу ветру. Малыш Георгий, еще толком не ходящий, появился на четвереньках в проеме двери проводить своего отца. Добравшись до матери, поднимается, придерживаясь за полу ее халата, встает и… кусает её за бедро… От неожиданности та ойкает:

— Буся! Что ты делаешь? Зачем меня укусил?

Тимур целует её в висок, поднимает на руки Георгия, целуя, целуя, целуя:

— Ты моооя слааадость неописууемая! До свидания, мой хороший! Смотри, мужик, маму без меня не обижай!.. — Последние слова гремели в ушах еще несколько минут, под них она закрыла за ним дверь, как проход в счастливое будущее, которого больше не будет…

Когда-то, уже далеко после смерти мужа, Наде задали вопрос: «А что было потом?», на что она ответила: «А «ПОТОМ» не было!». На деле же не было ни «ПОТОМ», ни «ЗАВТРА», ни ее самой!..

Тянулись горелой резиной последние мгновения в ее жизни, когда она еще чего-то ждала, жила будущим, планами, чего-то очень хотела, была способна чувствовать и ощущать глубоко… После того, как Надя закрыла за ним дверь — 9.24 утра 17 января 1995 года — по ее словам, она живет прошлым: «И этим можно жить… оказывается можно. Потому что в этом прошлом было СТОЛЬКО любви, тепла, переживаний, дней и ночей, наполненных радостью и нежностью… столько городов, стран, морей и неба, которые были только нашими…. Ни у кого столько нет!.. Ну, не знаю. Есть, наверное… Не важно. Главное — у меня это было! А разве уже этого — мало?!»[59]

Час ожидания — совсем немного для человека, выбравшего своей профессией убийство. Ждут не часами — сутками, неделями, месяцами, бывает годами. В основном это время

тратится на поиски заданной «цели», именно это основное занятие, которое можно охарактеризовать как время «охоты» от первого обнаруженного следа, оставленного, быть может, много лет назад, до выявления «лежки» и следующей за ней засады, или «засидки». Это целое искусство, захватывающее, интересное, интеллектуальное по смыслу, поскольку не только заключается в «пришел и выстрелил», а в предстоящих этому сложном, долгом, кропотливом поиске, анализе, проверках, подготовках, опасных, никогда не повторяющихся действиях, имеющих своей целью один единственный выстрел, при том, что вся эта жизнь окутана подсознательным ожиданием и своей смерти, и своих ареста или убийства… ожиданием, ожиданием, ожиданием…

Лично мне нравилось все, что не касалось ненавидимого последнего действия! Если бы не было окончательного финишного этапа, возможно, было бы заявить, что такой «рабой» можно не только увлекаться, но и гордиться.

Здесь же речь идет о другом. Час ожидания по заранее указанному адресу и пять выстрелов… А вам интересно, откуда у двоих, которых мы называем «они», появился адрес и фотография? Я не могу знать сам по себе, ибо не присутствовал при передаче ни того, ни другого, но прочитав материалы уголовного дела, имею право заявить смело: этим человеком был Дмитрий Семенович Ческис. Этот финансист, жаждущий власти, контроля, денег, беспрекословного авторитета, но сделавший как раз все, чтобы этого не стало ни у кого, что явилось последствием одной ошибки: забранная жизнь Тимура Хлебникова не мешала, а вот его смерть… — этому и посвящена вся оставшаяся часть книги, где главным героем суждено стать его супруге — Надежде…

За закрытой дверью, казавшийся спокойным, стоял у шахты подъезжающего лифта Тимур — она видела в глазок двери — ждет…

Звуки, звуки, звуки, пронеслась мысль: «Почему было не поставить видеокамеры внизу у лифта и у подъезда?».

Дверь подъезда открылась, появился рукав знакомого полупальто, застегнутого в этот раз полностью, поверх плотно замотанного шарфа.

«Мясной» подумал: «Если и носит валыну, то из-за застегнутого пальто не вынет быстро — надо пользоваться!»:

— Леха, давай…

— Че?!

— Вышел он — вот че!.. Пошли…

Босска по-прежнему носился по всей территории дачи, не понимая, почему эти умные существа не чувствуют явного для

него. Хозяин для него только хозяин, друг, высшее существо из всех возможных иерархий, но для них-то он гораздо ближе и ценнее! Он вновь вбегал, уже слегка прикусывая части одежды человеков, поддергивая в сторону улицы, только пугая и без того оцепеневших пожилых людей. Сердце и нервная система начали выжигаться изнутри организма собаки, слюни закончились, скуление уже перешедшее в хриплый лай, надорвало голосовые связки — он хрипел, волоски на шкуре запутались, уже не в состоянии стоять дыбом. Вот-вот он умрет — как бы хотелось преданному псу покинуть этот мир первым, чтобы встретить там хозяина и друга, но он обидно не успевал… никуда!..

Москва. Надя положила ребенка — перед немного приоткрытым окном, благодаря чему он засыпал мгновенно в меховом конверте, повернулась, намереваясь подойти к кухонному окну — машина должна была уже уехать…

Тимур, как всегда открыл ключами машину, во дворе было по-зимнему тихо. Когда он подходил, прислушиваясь к скрипящему под подошвами снегу, подумалось: «Хм… Еще один союзник, если что предупредит о приближении убийцы». Дверь он, несмотря на холод, пока прогревал двигатель, не закрывал, ради возможности увеличения маневра при появлении опасности. Всегда лучше наступать! Почему-то он не парковал машину таким образом, чтобы быть лицом к возможному направлению появления опасности, кто знает, может быть, расслабляя таким образом нападающего, на деле имея возможность наблюдать за происходящим через отражение в поверхности зеркала.

Он ждал атаки, потому всегда и расстегивался, дабы освободиться от стягивающего и ограничивающего воздействия верхней одежды. Полагаясь на владение айкидо, он был уверен, что справится с любым, если только доберется до него. Как часто такие люди, не остерегающиеся очевидной опасности, благодаря упованию на навыки единоборств, делают ошибки, исходя из предполагаемого на основе своих действий. Пуля всегда покидает канал ствола раньше начала рукопашной схватки, если за дело берется киллер. Отсутствие охраны, хотя бы просто человека стоящего невдалеке, глядящего по сторонам и держащего руку за пазухой — уже ощутимая преграда, которую необходимо преодолеть или, как минимум, учитывать. И еще многое, многое, многое…

Алексей Кондратьев подходил со стороны открытой двери сзади. Оружие стояло на боевом взводе с досланным патроном в патронник. Оставалось вынуть пистолет из рукава и, направив в нужную сторону, нажать на спусковой крючок.

Приблизившись почти вплотную, «Кондрат» извлек

отработанным движением ствол и быстро, не метясь, начал стрелять. Первые пули прошли сквозь стекло задней боковой двери, другие уже сквозь пространство открытой двери. После первого попадания Тимур встрепенулся, явно не ожидав нападения, вскинул руку прикрываясь иии… умер — очередная пуля, пробив ладонь, оставила след своей продолжаемой траектории на том самом месте, куда его поцеловала танцовщица на праздновании последнего Нового года, всего семнадцать дней назад.

Тело мозга мгновенно получило травму, не совместимую с жизнью, оборвав большинство путей нейронных связей. Остальные, пронизывая еще живые ткани, были уже лишними. Три из пяти пробили черепную коробку, две ушли в верхнюю часть тела, по всей видимости, и быв первыми…

Подходя к окну вплотную, чтобы посмотреть, уехал муж или еще прогревает двигатель, Надя услышала несколько сухих щелчков, похожих, как ей показалось, на стук костяшек пальцев по «вагонке». Входная дверь в квартиру Хлебниковых была сделана по спецзаказу в КБ Микояна, не горела, не простреливалась, гарантировала безопасность и от воздействия взрыва, но снаружи как раз такая вот обычная вагонка. После рождения ребенка Надя прикрепила записочку у звонка: «Просьба не звонить — стучите. Спит ребенок». Услышав подобие такого же стука, пошла открывать, радуясь своевременной выдумке — сын продолжал спать.

Босска на даче именно в 9.25, когда прозвучали выстрелы, принятые хозяйкой квартиры за стук в дверь, приплелся в одну из комнат дачи, упав в бессилии рядом с креслом, любимым хозяином… Упал… ровно на сорок дней…

Книга вторая
Верность

«Мне отмщение, Аз воздам»

(Второзаконие. Гл. 32; ст. 35)

Все еще семнадцатое

«Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, чем мертвому льву».

(Книга Экклезиаста. Гл. 9; ст. 2)

Сколько может человеческий мозг перемолоть информации за десять секунд? Что вообще можно сделать за это время в бытовых условиях, я не беру экстремальные задачи? Ровно столько понадобилось Надежде, в предчувственном состоянии ажитации, чтобы преодолеть расстояние от окна, в которое она так и не посмотрела, а ведь могла увидеть удаляющегося, только «отработавшего», стрелка, до входной двери в свою квартиру, за которой пока никого не было.

Мысли еще не обрели конкретные очертания — не успели даже проявиться в обычно предваряющих их помыслах, зато в кутерьме носилась друг за другом настоящая свора отрывочных моментов, «откушенных» бессознательно от давно овладевших ею страхов, оставляя женщину в состоянии недоумения, сотканного из прогоняемого сквозь них интуитивного предчувствия, выливающегося в предположение чего угодно, только не беды.

Хлебниковой что-то послышалось — это был сухой треск заглушенных обстоятельствами выстрелов, мгновенно вызвавших представляемые картины, карабкающиеся из уже произошедшего и бывшего, самого близкого прошлого: Джулия, хотя у нее был свой ключ; муж что-то забыл, вернулся, передумал; вернулась из школы дочь; приехали родители Тимура, да кто угодно, пусть даже невероятное. Почему-то очевидный звук, явно не похожий на стук о деревянную поверхность двери, навязчиво присваивался именно этому!

Ах, эта срединная нерешительность, когда ты понимаешь, что не стоит доводить начатое движение до конца, а нужное еще не полностью осознано и не введено мозгом в программу действий! Середина длинного коридора, как невидимая паутина, затормозила неясным желанием все же посмотреть в окно — надо убедиться, что он уехал… А вдруг это он и стучит, или убийцы, пробующие на прочность конструкция двери, пытаясь понять, есть ли за деревянной облицовкой железо — мало ли, опоздали и

теперь стоят у порога!

Все же продолжив движение, Надежда посмотрела в глазок — никем не заполненный коридор, безжизненностью и пустой в зависшей недвижимости, почему-то не успокоил. Неужели показалось?! В голове било пульсирующим напором крови, покалывающим в нескольких точках, будто что-то буравило поверхность головного мозга, какой-то не своей, словно передающейся чьей-то болью.

Нет! Не показалось: «Это были… Что?! Что!? Что это было?! Это были выстрелы!..» — такая мысль пронзила, словно металлический разогретый добела лом, вогнанный снизу вверх, вошедший в районе при рождении завязанной пуповины, и выскочивший через затылок, вытащив за собой половину «серого вещества»!..

«Выйти? Выбежать! Нет, нет, мне же казалось и раньше столько разного бреда, но ведь все же по сей день хорошо — Тимур же сказал, что не посмеют, а он умный, умнее, Волошина с его сворой. Но что же машина — уехала?! Надо позвонить в офис… Срочно!» — быстро двинувшись в сторону окна, а это далеко по коридорам старых построек огромной двухсотметровой квартиры. По пути встретился телефонный аппарат. Трубка, побыв в руке секунду, опустилась в нерешительности на место. Снова к окну, так и оставшемуся недостигнутым — остановил телефонный звонок: «Ага, наверное, он!». Аппарат, висящий на стене, разрывается трезвоном, почти разбудив сопящего «Бусю».

Звонила тетя Иветта, вдова родного дяди Тимура. Как быстро летит время в суете, болтовне, отвлекшей от раздумий — ее всегда увлекали чужие проблемы, особенно, когда можно было помочь, хотя бы сопереживанием. Да! Она такая, большинство же и слушать о чужом не желают…

Голос в трубке надоел, не столько постоянным нытьем, сколько несвоевременностью, ведь мог позвонить он! Но почему-то не звонит: «Господи! Он хотя бы уехал?!». Именно в этот миг — частичкой настоящего, лежащей между «уже» и «еще», постучали в дверь: «Вот настоящий стук… не такой, как недавно… Хм… но это не Тимур. А кто?! Да и где же Тимур?! Хороша же я, даже не посмотрела в окно, а ведь всегда смотрю…».

Снова стук, уже продолжительный и настойчивый. Надя видит через глазок, какого-то дядечку в штатском и двух автоматчиков в зеленой униформе. «Неожиданно! Бандюки? Эх, мне бы с ними поговорить… с этим «Сильвестром»… или кто сейчас за него — я умею быть ненадолго отчаянно, а на большее обычно и не нужно… я бы быстро нашла общий язык, спасла Тимурищу и «закопала» этих Ческисов! Всего-то согласиться на

сотрудничество, с условием убрать посредническое звено! Таааак… Хм, а этим-то… че этим-то надо?!».

В памяти быстро всплыли годовалой давности допросы Тимура в прокуратуре, сразу выстроилась логическая цепочка одной из причин этого появления: «Но ведь тогда всем стало понятно, что отгрузка ракет и двигателей в ЮАР от «МАРВОЛА» осуществлялась горе-финансистом Ческисом и генералом-бизнесменом Зинченко, без участия и согласования с Тимуром, его даже ради этого отправили в командировку. Может, напели, что-то? Просто здорово, что его нет дома! А я не открою. Сейчас ему позвоню — предупрежу… Илиииии…»:

— Кто там?.. — Нарочито спокойным голосом хозяйка квартиры давала понять, что вообще не удивлена таким маскарадом.

— Московский уголовный розыск.

— Я не открою. Я вас боююююсь!.. — И в этом была настоящая правда, хоть и слова прозвучали с юморком…

— Скажите, кому из соседей Вы доверяете — мы покажем удостоверение и придем вместе с ними… — Хлебникова, сложив губы трубочкой, покачала головой: «Ага, а потом вместе с соседями и грохните! Эка! Хитрозадые какие!.. А с другой стороны, семи смертям не бывать, а одной не миновать!» — почему-то ей показалось, что не стоит этого дядечку бояться, а перед соседями позориться.

Дверь открылась, впуская двоих: дядечку и автоматчика, другой остается снаружи. С этого момента все казалось каким-то наигранным спектаклем… — и это, и следующее. Гражданский смотрел в упор. Ни укора, не подозрения, ни настойчивости — сосредоточенная, отработанная за годы службы привычка, стараться не переживать, или переживая, не соответствовать внешне своему внутреннему состоянию:

— Кто есть дома из взрослых?

— Здрасссьте… Куда уж взрослее! К вашим услугам…

— Извините… Кто проживает в квартире?

— Мой муж, я и наши двое детей.

— Ваш муж ночевал дома сегодня?.. — Пришедшая мысль даже развеселила: «Пронесло! Ура! Ошибка!!! Еще бы! Ночевал, и еще как…».

— Да! — Почти грохочет женщина, с восторгом мимолетно вспоминая подробности ночи, но быстро падает, словно спотыкаясь, в тьму охватывающих ее переживаний, в падении, отталкивая скопившийся ужас вместе с вскриком. Страхи отступают вместе со следующими ее словами, но не меняют ничего в выражении лица пришельца — почти ничего первые пять

секунд… пока, все-таки, не меняют:

— Да он минут 20 назад из дома ушел только!.. — Тишина, охватившая помещение, заполнила все пустоты, продолжала пребывать, давя на ушные перепонки, отчего оба начали глохнуть, пугаясь каждый своей мысли. Взгляд! Взгляд гражданского, поменявшийся мгновенно, так же быстро вынул из нее душу, переполнявшийся обращенной к ней жалостью, болью, совершенным непониманием, как ей сейчас ВСЕ ЭТО сказать… У Нади… БЫЛИ когда-то… необычные, полные жизни и движения глаза. Глядя в них, не хотелось врать. Тогда они были лучащиеся счастьем и радостью, сейчас же… Впрочем, описать это невозможно, но увидев их, вы испугаетесь пережитого и происходящего до сих пор в ее душе.

Боль — вот самое легко переживаемое чувство, с которым она живет последние двадцать лет! Часть этого, хотя и усердно сдерживаемого в себе избытка сразу материализующегося выплеска, переполненного грозами и молниями, моментально обжигает. Лишь преодолев это, вы сможете находиться рядом, и то, если она позволит…

— Можете показать фотографию мужа?.. — Опер тянул, стараясь, как-то подвести разговор к нужной теме, чувствуя, быть может впервые, свое бессилие перед этой женщиной.

— Не покажу!.. — Хлебникова выпалила первое, что пришло в голову, мысли продолжали ошибочный, хотя и стройный поток, казавшийся вполне логичным: «Ну, а если на него напали? Если он, от кого-то убегая, сбил? Убил?! Но убить он может только за меня или детей… наверное! Зачем им фотография Тимура?! Не дам! Ему нужно дать время — он же, наверное, скрываться будет?»…

— Да скажите уже, что случилось!..

— У Вашего подъезда, по описаниям соседей, машина, похожая на машину Вашего мужа. В машине труп…

— Что?! Труп?! Чей?!.. — Вот тут ей было уже не до смеха: «Так вот почему он вчера вечером и целую ночь не мог найти себе места, и к родителям ездил, да быстро как-то вернулся… Точно! Он ездил прятать труп и не успел!.. Может, он вчера кого-то убил… ааа… труп пришлось оставить на ночь в машине? Ческиса?! Туда ему и дорога — молодец, любимый. Эх! Почему же не сказал, я бы помогла! Илиии… на него напали… и он убил! Но все равно… мне-то почему не сказал?! И зачем труп до утра оставил? А сам-то где? Ну конечно! Он именно поэтому меня не взял, и всю ночь пронервозничал! Куда же он скрылся? Так. Сейчас главное не суетиться, чтобы не напортить Тимуру. Твою мать! Ну я же твоя жена, Тимур, почему ты меня так не уважаешь

и не доверяешь мне?! Ничего сейчас я все тебе докажу!» — Это были истерически пляшущие мысли, будто сидящей расстроенной этим и разгневанной женщины, обиженной недоверием самого любимого человека, на берегу океана, под шелест о песок волн, только начинающей успокаиваться.

Тихий слабый бриз, приятно заполнявший пространство вокруг тела, убаюкивание волн, запахи, спокойное умиротворение, солнышко… солнчище! И вдруг от самого горизонта надвигается стена воды — цунами до небес! Бежать бесполезно! Упасть, уткнувшись лицом в песок? Нет! Для нее и Тимура всегда было лучшим и единственно приемлемым идти ей навстречу — этой неминуемой, быстро приближающейся катастрофе. Ведь самое страшное — ожидание смерти?..

Надя, будто очнувшись, оттолкнула дядечку, крикнула солдату с автоматом о годовалом ребенке, спящем в комнате, и метнулась вниз, только в одном халате, надетом на голое тело, развевающимся и трепещущим так же сумасшедше, как и пугающе подозрительные мысли. Тапочки слетели по дороге, нервные окончания босых ног не заметили перемены покрытия с каменного на ледяное и снежное…

* * *

Полчаса назад «Кондрат», отстрелявшись, направился в сторону невдалеке стоявшего на «подстраховке» «Мясного». Юра улыбался:

— Ну как? — Имея в виду состоянии, чем кончилось, он и так видел.

— Нормально. Пошли… — И они пошли к стоявшей в двух кварталах «семерке». «Жигули», будто только покинутые, завелись с пол-оборота. Прогревать не стали, тронулись неспешно, включив радио, в надежде услышать в ближайшее время сообщение о что только содеянном.

— Братух, ты по ходу ему весь чердак разнес?!

— Ошметки летели…

— На глушняк!

— На глушняк… — Юра повернулся в сторону товарища, разглядывая внешнее спокойствие, которое совершенно не совпадало с его перевозбужденностью, полностью завладевшей его разумом. Не зная как справиться, Алексей погрузился в мрак и так же мрачно застыл. Внезапно апатия передалась второму. Отвернувшись, «Мясной» повел машину в сторону квартиры Олега Пылева…

Тот встретил весело и радостно блестя глазами, предвкушая живой рассказ о новой смерти. Выслушав, разделил их успех на троих, велел ехать отдыхать, не высовываться, ждать сигнала… Что мучило его, только вкусившего запах власти над чужими душами, даже тех, кто сильнее, умнее, достойнее его, запах смердящий гарью геенны огненной? Именно мучило! Таких людей не удовлетворит никогда достигнутая цель, поскольку любая из них не ведет к созиданию, но только к разрушению. Лишь созидатель может насладиться конечностью своего творения, уже строя планы на следующее. Разрушающий, же крушит всегда чужое, а потому никогда не достигнет удовлетворения, поскольку разрушить все невозможно!..

В этом и парадокс: ненасытное зло всегда голодно, нерационально, непрозорливо, пусто́, именно поэтому не может существовать вечно, не может бороться с добром — созидаемое растет и увеличивается бесконечно, так же, как недоброе пожирает само себя… Аминь!

* * *

Как раз в это время я в Киеве простоял всю ночь у единственного тогда в столице Украины официального казино в ожидании Григория. Очередная тщетная половина суток прошли спокойно, вычитая еще один из ста, шанс, удаляющий от освобождения от сетей Гусятинского… но это знал только я, Пылевы могли лишь предполагать мое местопребывание в это время в Карелии, и то с моих слов.

Обстановка в «профсоюзе» упиралась в самое острие штыка, грозя разорваться смертельным конфликтом ежеминутно. Кто именно наткнется на это колющее оружие, зависело именно от меня. Чью сторону я займу, тот и выиграет, скорее всего. Григорий, скорее всего, не сомневался в моей преданности, отталкиваясь от своих личностных характеристик, но ее никогда не было, и не могло быть при насильственно-вынужденных методах принуждения к моей «работе». Я не забывал этого никогда, испытывая ненавистное давление, как и то, что за моей семьей раз от раза следят люди «Усатого» (Бачурина Юры), приближенного «Грини» (Гусятинского).

Моих настоящих отношений не могли понимать ни Олег, ни Андрей Пылевы, напротив, они, уверенные, что я готовлюсь рвануть по их следу в ближайшее время, прекрасно понимали: если я начну действовать — срыва не будет. Попытка старшего брата перетянуть меня на их сторону, по его мнению, не удалась,

но то, что о ней Григорий не узнал, ему было ясно. Наверняка подобный вывод для него имел временный фактор, заставлявший думать о худшем — время многое меняет, и если ничего не предпринимать, то возможно и к гибельному.

Андрей, совсем не глупый человек, прекрасно понимал, что наше общение, заронив рациональное зерно, заставило меня задуматься, потому был уверен — мне потребуется время для раздумий, и если я не приму его сторону, то потребуются дни для подготовки, а значит, какие-то возможности для предупреждающего удара будут. К тому же я обещал при прощании: «Если что-то со стороны Гусятинского назреет — предупрежу в любом случае». Для старшего Пылева было очевидным, я этого и не скрывал — мое негативное отношение к своим обязанностям, что обещано было пересмотреть, если это окажется в его силах. Не правда ли, прекрасная перспектива?! У меня мелькнула даже мысль о «МАРВОЛЕ», что я считал и считаю до сих пор самым разумным моим назначением на то время…

Тогда он поинтересовался, что бы я предпочел и получил ответ: «МАРВОЛ»…

Гибель Тимура, случившаяся 17 января, была лишь точка в пунктире тогдашних проблем, имевшая смысл лишь в случае смерти Гриши. Именно ему позвонил Олег Пылев первому с докладом:

— Братух, здоров! Грузин успешно упокоился. Дорога свободна. Теперь дело за Ческисом… — На деле для Гусятинского это имело значение только в случае, если Пылевы перестанут существовать, он же обоснуется на Канарах, только номинально считаясь руководителем, только бы не трогали и дольку присылали…

Через несколько дней я вернусь в Москву, так ничего не добившись. Придется с трудом пережить разговор с братьями и снова направиться к прежней «цели», на сей раз обладая достаточной информацией, полученной с их помощью.

Через семь дней Григорий, смертельно раненный в голову, просуществует на аппаратах, искусственно поддерживающих жизнедеятельность организма, несколько суток, скончавшись с 30 на 31 января, так и не воспользовавшись ничем из приготовленного за рубежом. Две смерти: первая совершенно не нужная и не обоснованная, вторая — неизбежная, спасшая многие жизни, что признано даже оперативными сотрудниками и следователями, ведущими наше дело «Ореховско-медведковско-курганской» группировки — русской «Триады»…

Жизни, конечно, были спасены, но если брать комплекс причинно-следственных связей, то на вершину Олимпа, заместив

Гусятинского, поднялись Пылевы, поначалу мягко и аккуратно ведущие дела, но после[60], будто сорвавшиеся с привязи бешенные псы, начали рвать своих, совершенно сведя на нуль смысл прежней жертвы, хотя для них самих, конечно же, смерть бывшего главшпана была и остается по сей день спасением…

* * *

Московский двор, уже освященный дневным светом, переполненный людской массой, пришел в хаотическое движение, лишь только Надя вылетела из подъезда. Ошарашенная догадкой и увиденным, она поддавалась влиянию обнадеживающих сомнений — сознание делало вид, будто это какая-то дикая ошибка, и все происходящее не имеет отношения ни к ней, ни к Тимуру, но к чему угодно, что возможно заинтересует и ее: «Откуда столько людей? И что они все делают около нашей машины? А вообще — это наша машина? У нее же стекла целые были! А… наша — номера наши. Но что внутри — я не вижу! Что за сеточка трещин на стеклах?! Вот уроды! А что это за несколько круглых дырочек?![61] НЕТ! НЕТ! Не может быть!..»

Таким жена увидела мужа… мужа, которого больше нет… Вот это «нет» она до сих пор и не принимает! Фотография из материалов дела

Внезапно в сознании начали проявляться знакомые лица — соседи. Все взгляды, устремленные на ее, говорили о том, что все это напрямую касается ее, но надежда и здесь не сдавалась: «А может тому виной мой внешний вид?». В поле зрения попал дядечка из угрозыска, пытавшийся взять ее за руку. Внезапно она поняла, что кричит ему, дергая за ручку дверцы автомобиля со стороны пассажира:

— Откройте мне дверь! — Милиционер смотрел на нее, прося кого-то опознать… Пыталась заглянуть в машину с правого крыла[62]. Не открывается! Рука не отрывается от ручки, конечности не слушаются, внезапная мысль «открыть любой ценой» толкает на удар лбом в боковое заднее, простреленное окно, поскольку одна рука занята, вторую крепко держат! Удар ничего не дал, но, поскользнувшись, она уперлась лицом в стекло, через которое открылась неожиданная картина: чуть

сбоку со спины склоненная набок голова Тимура. Этот шарф на как всегда распахнутой груди, которым она несколько минут назад обматывала Тимуру шею… Дядечка вопрошая, кричит:

— Он? Он?!.. — Злые фразы сыплются то вслух, то про себя — ни до него, ни до кого… ни до жииизниии: «Да не буду я тебе отвечать! Отстань!». Он тянет ее за рукав халата. «Не на ту напал!» — Надя выдергивает руку, рукав спускается — под халатом ничего нет! «Плевать!» — с этим словами, ничего не чувствуя, мало что понимая, не отдавая отчета о происходящем вокруг, только Тимур и она — другого мира нет, а если и есть, то он не важен! По снегу босиком Хлебникова оббегает машину сзади, к месту водителя. Кто-то кричит «дядечке»:

— Ты чего ее полуголую вывел?!..

«Идиоты! Я сама пришла! Ну почему снег? Зачем столько народа? Тимурище завтра уезжает, а я… Господи, что он скажет, когда узнает, что я вот в таком виде здесь, с этими людьми… Автоматчики, люди, камера… Где мой сын?… «Буся»! Ах да, я оставила его с… с каким-то военным… или нет? С милиционером! А откуда они здесь? Что я скажу Тимуру? Наша машина здесь, взломанная, дверь на распашку… кто-то сидит за рулем? Эти придурки сказали, что его убили, но он не может… Он не может так поступить со мной!.. Кто сказал, что мороз, какой мороз — я ничего не чувствую! А раз не чувствую, значит сплю. Какой ужасный сон!» — Надя, не желая тормозить хаотически сталкивающиеся мысли, каким-то вторым, дублирующим основной, разумом разбирала медленно и глухо реалии, как пробирающееся сквозь теплые подводные течения холодное: «Нет, мороз должен быть, он разогревал двигатель — сейчас зима. Не чувствую, да и хрен с ним со всем, лишь бы он не замерз! Надо подойти к распахнутой двери машины… Нет, нет, нет!.. Я не хочу, я не могу! Тимурище, ты же должен бы уже уехать! Кажется, я единственная, кто работает разумом — эти другие мысли не мои, они сумасшедшие! Это их мысли, но какие навязчивые. Да это Тимур!.. Ты ранен — это факт! Господи, сколько крови! Почему ему не оказывают помощь?! Ничего, дорогой, я здесь… Сейчас, сейчас, милый! Сейчас я им всем покажу, я всех подыму на ноги, врачей, клиники, конечно в Германию — там все сделают, кровь купим…».

Все ближе и ближе, она приближалась ближе, несмотря на сопротивление со стороны «дядечки» и еще кого-то с ним: «Что это? Льдышечки на голове Тимура? Нет… Аааа… — это… какие-то кусочки косточек. Маскировка? Хотят представить его раненным? Странно — волосики вокруг кусочков шевелятся… — я гладила их сегодня ночью, целовала их сегодня утром… Хм, уже

появились седенькие… Шевелятся — значит живой!!! Какие-то дыры… Откуда они? Точно живой — из них вытекает… Что это? Какой-то жир? Хрень собачья, оттуда только мозги могут вытекать!» — она никогда не видела мозгов! В мясном отделе, в магазине, впрочем… но там они выглядели по-другому…

«Это точно мозги! Умные мозги моего мужа. Купим!.. Нет, мать твою! Мозги купить нельзя, а как же!..» Встрепенувшись, почувствовав невероятный прилив сил, Надя крикнула:

— Где скорая?!.. — Потом говорили, что этот показавшийся ей крик, был настоящим рычанием. Люди, испугавшись, отступили, ненадолго растерявшись. Никто не отвечает. Рычание продолжалось:

— Идиоты, что ли?! Где скорая?.. — Этих моментов всегда ждут журналисты, для них это настоящий деликатес, чем больше в нем крови, костей, страданий, подобных трагических мгновений, тем больше слюны течет с уголков рта. Не удивительно, ведь не сами они поедают эти эмоции — ими питаются припадающие к экранам миллионы зрителей, голодных на зрелища, забывших о душе и человечности. Мы убивали, вторые снимали, третьи наслаждались, глядя на экраны, лишь некоторые соболезновали. Часто слышалось: «Так ему и надо! Понаехали тут!».

Всегда обозленные на жизнь, стечениями обстоятельств, своими глупостями, слабостями, ошибками, в которых винят других, находят они, во что смачнее выкрасить чужую трагедию. А ведь несчастны и первые, и вторые, и третьи, и они сами. Господи милостивый, дай нам разум это понять и сил исправить!..

На извергающую рыки Надю «наезжает» камера с логотипом «Дорожный патруль», а она не обращая на нее внимания, в праведном гневе рычит: «Этих успели вызвать, а скорую — нет?! Дебилы!!!». Лезет в машину, садясь верхом на застывшего супруга, дуреет от запаха, почти теряя сознание. Дрожащие руки, по-прежнему вырывающийся хрип, уже смешанный с пробивающимся сквозь него рыданием… Хрип — ни слез, ни вздрагиваний — вся оголенный нерв, оскалившийся, гневный, ненавидящий. Пытаясь собрать кусочки быстро замерзающего вещества, выпирающего из зияющих выходных отверстий ран на голове — мозгов, она старательно вминает их обратно, с одной мыслью «не потерять ничего, возместить их невозможно!.. Все, все обязательно нужно вложить на место, чтобы врачам было легче… Ничего, Тимурище, если что, я отдам свои!»

Неожиданно, с каким-то неприятным хрустом, и чуть слышным скрежетом, не очень твердого вещества, треснутые кости черепа «ломаются» в ее руках под кожей, как-то неуверенно

обтягивающей голову, пальцы проваливаются внутрь, проходя сквозь отверстия ран, неожиданно там еще тепло! Один глаз приоткрывается, выпираемый под воздействием толкающего его изнутри мозга, слышится стон: «Это он! Конечно, его можно оживить, он не может умереть — это же Тимурище!». Она, всматриваясь, вынимает из головы хладеющего трупа свои провалившиеся внутрь фаланги пальцев, черепная коробка двигается снова, словно живая. Но ведь так не бывает у живых! Вдруг Надя замечает в левой щеке огромную дырку, справа над височной частью такая же. Вокруг обоих торчат косточки:

«Почему в голове такие тонкие косточки?! Так не может оказаться! Так не может быть! Я же помню… я обнимала его голову — она тяжелая, значит…». Ей кричат, но она не слышит сразу, а поняв, наконец, что это ей, начинает разбирать слова:

— Не меняйте положение трупа!.. — «Где тут еще труп они увидели? Это — мой муж. Он ранен! Он мягкий какой-то, безвольный. Ему, наверное, ужасно больно! И я должна его спасти. Тимур! Тимурище!.. Смотри на меня! Почему ты смотришь сквозь?! Смотри на меня!» — она заглядывает ему в приоткрытый глаз, пытаясь пробиться сквозь радужную его оболочку:

Пять громких убийс

В понедельник в 08.30 в доме № 24 по Донской улице в Москве неизвестные преступники застрелили 51-летнюю Анну Трофимову, директора АОЗТ «Рублево». Как рассказал один из ведущих расследование сотрудников милиции, в то утро г-жа Трофимова, как обычно, отправилась на работу. Из дома женщина захватила сумку с посудой. Дочь предпринимательницы закрыла за матерью дверь, а несколько минут спустя с лестницы послышался звон разбившейся посуды. Спустившись тремя этажами ниже, девушка увидела лежащую на площадке мать.

Точно установить, что произошедшее является именно преступлением, а не несчастным случаем, удалось только к полудню, поскольку сначала прибывшие на место происшествия медики и милиционеры решили, что г-жа Трофимова либо просто упала с лестницы, либо кто-то ее ударил по голове. Лишь в больнице выяснилось, что причиной смерти стало огнестрельное ранение в висок. Судя по тому, что звук выстрела не слышали даже жильцы квартиры, около которой убийцы поджидали г-жу Трофимову, преступники использовали пистолет с глушителем.

Как выяснили сыщики, АОЗТ «Рублево» образовалось на базе одноименного ведомственно-правительственного пансионата, расположенного у Московской кольцевой автодороги при выезде из города. Услугами дома отдыха пользуются в основном «новые русские», в том числе и толстосумы с весьма подмоченной репутацией. Кроме того, выяснилось, что г-жа Трофимова помимо руководства пансионатом достаточно активно занималась посреднической экспортно-импортной деятельностью. В частности, женщина участвовала в крупном контракте по поставке сельскохозяйственной продукции на Кипр. По мнению следствия, в одной из этих двух областей деятельности г-жа Трофимова привлекла внимание криминальных структур.

В 12.25 у дома № 7 по 1-й Тверской-Ямской улице с огнестрельным ранением в живот был обнаружен 41-летний соучредитель ТОО «АБВ» Григорий Казанджан. При осмотре прилегающей к месту происшествия 2-й Брестской улицы на третьем этаже полувыселенного дома № 19 оперативники обнаружили автомат Калашнико-

ПАВЕЛ ГОРШКОВ

ТРИ ПУЛИ ИЗ ПЯТИ ПОПАЛИ БИЗНЕСМЕНУ В ГОЛОВУ

ВЫГЛЯДЕЛА «ШЕСТЕРКА» ДИРЕКТОРА СП «РУС ДЖЕТ» ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ

Газета «Коммерсантъ» от 18 января. Обратите внимание на заглавие статьи, говорящее о пяти громких убийствах, совершенных за один день — пять за один! А сколько еще оставалось неизвестными?

— Все хорошо, мой родной, потерпи немножко…

Кто-то с силой, самым паскудным образом, несколькими рывками выдергивает ее из машины, таща за капюшон халата, другой, кто-то вцепился в ногу, третий, ухватившись за рукав, сдернув который, оголяет вторую половину верхней части тела. Надежда, вцепляясь в руку мужа, как в последнюю надежду, убежденная в том, что разлучись они хоть на мгновение, он умрет. Рука Тимура, безвольно, тяжело всколыхнулась, слабеющая ее кисть скользит, пока не останавливается на запястье, где что-то кольнуло. Все затихло на мгновение. Укол заставил открыть его кисть, обнажив крупную дыру. Пальцы женщины вымазавшись в моментально застывающей крови, заскользили: «Господи! Ну что же они с ним сделали?!».

В его пальцах оказались ключи от машины, очень холодные: «Ну конечно, мороз же!»…

…«Наверное, в этот момент я сошла с ума. Или во мне что-то замерзло. Или умерло. Я не понимаю до сих пор, что это было. Меня выволокли из машины. Поправила халат. Он был белым, мне Тимур его покупал в Париже, длинный белый вафельный халат с поясом. А тут вдруг весь пропитался кровью. Она текла по мне, его кровь. Поправляю полы — все же люди вокруг, а я полуголая. И вдруг:

— SHOW MUST GO ON! — голос Фредди Меркьюри. — Шоу только начинается, господа! Теперь — мой выход. Моя очередь. Вот оно, чего я так боялась. Скорее наверх. Там — наш сын спит. Тимура здесь больше нет. Его вообще больше НЕТ. Это — не Тимур. Теперь я за него. И мало не покажется! Именно в тот момент я стала волчицей.»[63]

В мгновение ока Надя собирается с силами. Осознание, точнее до него еще далеко, целых несколько дней, но понимание есть — он мертв. Стряхнув с себя чужие руки, поправив халат, выпрямившись, она вздымает голову и всматривается в глаза «дядечки». Не выдерживая взгляда, пронзившего его насквозь раскаленным железом, он кивает в знак извинения и примирения, следуя за ней в дом.

Толпа шумит, телевизионщики в восторге, милицейское оцепление выдыхает с облегчением… Тимур не ожил — это вообще не он, потому что теперь он с ней, в ее сердце, разуме,

воображении…

* * *

Ческис пребывал в неописуемом восторге — «поляна» открыта, планы строятся сами собой. Исписанные клочки ложатся в стопочку — столько дел, столько возможностей! Власть — наконец она! Теперь поток денег… деньжищ, пойдет через его руки: немножко из него всем, что-то заводам, чтобы заглохли, остальное себе! Лев! Ну просто лев! Но первая же конкретика сбивает с панталыку. Звонок Пылева ставит первый вопрос, ответить на который не просто:

— Бабки не забудь прислать сегодня за работу!

— Конечно, Олег Александрович… Нооо…

— ЧТО?!

— Нет, нет… Все отлично, просто дела — нельзя упустить и минуточку, а потом сразу к Вам…

— И когда теперь потечет ручеек?

— Нууу… — это зависит…

— Число назови! От того, от кого зависело, больше не зависит… Или не так?

— Да, да…. конечно, все так… Нууу…

— Число!

— Думаю, через полтора месяца….

— Ты че, оборзел или забыл, сколько и когда транши поступали через этого Хлебникова? Каждый месяц! Свои отдашь!.. Три недели тебе! Понятно?

— Конечно, конечно, очень справедливо… — Кладя трубку, уже про себя: «Какой там справедливо! Убили и думают, что это все! Убить просто — «бац» и готово, а потом… питекантропы! Ничего, я все припомню, думаете, я на вас работаю, конечно, я всеми силами… — «разделяй и властвуй!»…

Тутылев и Кондратьев, получив часть от причитавшегося гонорара, уже «подшившись» (уколовшись героином), вернулись к Олегу Пылеву, наслаждаясь, как им казалось, заслуженными лаврами. Сегодня был их день!

Олег действительно был доволен, готовился осыпать их почестями и премиями, но со временем все уменьшал и уменьшал сумму их вознаграждения в уме, полагая, что разумнее немного повысить им зарплату, когда с «МАРВОЛА» потечет поток предполагаемых средств.

В такие минуты многим начинает казаться — так будет всегда!..

Через полчаса

«Говори всегда правду с точностью и без уклончивости, и твоему простому слову будут верить, как клятве».

(Святитель Филарет Московский)

Любому вошедшему в эти минуты в квартиру Хлебниковых, могло показаться, что здесь царит мир и спокойствие. Ребенок спал безмятежным сном. Надя, все в том же халате, осторожно ступая, по полу кухни, будто боясь кого-то спугнуть, приготовила кофе, посаженому только что за стол тому самому, «дядечке», сидевшему тихо застыв, будто проглотивши лом, прямо, не шелохнувшись. Он ожидал возвращения такого же приступа негодования, припадка истерик, чего угодно, только не происходящего. К тому же по опыту он знал: отсутствие слез в такие моменты — это застывший выплеск страшной энергии, сводящий с ума любого человека. Пока этого не произойдет, индивид заживо съедает сам себя изнутри.

Извинившись, хозяйка квартиры отошла, объяснив, что обязана привести себя в порядок, он же пусть готовится к ведению допроса. Подобного гость совершенно не предполагал, конечно, подумав, что она, не выдержав, собирается что-то с собой сделать, поэтому прислушивался к каждому звуку, присматриваясь, по возможности, к каждому движению, следя, готовый остановить и спасти…

В ванной под струями душа, согревающееся тело приятными ощущениями немного отвлекает от переживаний, но лишь настолько, чтобы мысли могли приобрести хоть какую-то стройность. Каждую из них пронизывает увиденное и пережитое недавно. Осознания, что это навсегда, еще нет. Взгляд уперт в дно ванной в быстро струящуюся по нему воду… Только через полминуты она замечает — вода ярко-красная! Далее взгляд перебирается на брошенный на пол халат — его придется выкинуть, такое не отстирать! Кровь: «ЕГО КРОВЬ!.. Так… Надо быстро — меня же ждут! Шоу начинается, нельзя откладывать! Я не буду терять время на слезы! Их и нет во мне. Они выжжены, как и все остальные женские и человеческие эмоции. Себя жалеть нельзя! Сейчас главное — убийцы! Поехать в офис «МАРВОЛ»,

убить Ческиса топориком для разделки мяса? Нет, чуть позже. Ведь есть еще дети… Мои и его дети! Родители Тимура! Твоооюююю… блин, а ведь они ничего не знаю! Как им сказать?!»

Отталкивая от себя мысли о полной потери всего, что связано с Тимуром — этого перенести она не в состоянии, уже вдова концентрирует свои усилия и всю мозговую деятельность на преступниках, людях, имеющих к этому отношение, расследованию, возможной мести, отметая пока даже мысли о похоронах — этого и в голове нет, потому что все это ждет черной зловонной густой массой за пропастью, которую за этот, сегодняшний день нужно преодолеть.

Эта масса — самое страшное, что представляется в ее жизни, она настолько пугающа, неприязненна, противна, что отвергается раз за разом, вместе с чем отметаются и все мысли, заполняющие ее: «Пока так… пока так… Я не хочу… не хочу даже смотреть на эту пропасть, я хочу во «вчера»! Дайте мне «вчера»!.. Или… или если я перебью всех этих гадов, «вчера» наступит само собой, и я все исправлю! Бред какой-то! А что не бред… Надя, возьми себя в руки! Так! Что же не бред, с чего начать?! Конечно, конечно сынок, мужик на кухне, кровь на халате… Кровь, кровь, кровь! Это не Тимура — это наша с ним кровь, кровь нашего малыша, я отмщу за них! Начать… начать — вот что главное! Бегом на кухню… А может быть… у этого дядечки точно есть пистолет! Нет! Не так, это успеется! Продам квартиру и куплю всех наемных убийц — разнесу все к чертям собачим! Но не сейчас, сначала оформить бумаги дать показания, указать на убийц… дети! Господи! У меня же дети!.. Тогда все по-порядочку… — показания! Шоу продолжается!»…

По выходу из ванный Надя слышит стук в дверь, не задумываясь, открывает — самое плохое уже произошло, значит это нужное. Как раз приехал дежурный по Москве от МУРа — Иван Иванович Смольников. Он приводит снизу судмедэксперта с поставленной задачей осмотреть и привезти ее в более-менее разумное состояние, если нужно, сделать укол. Женщина, работа которой обязывает ее не только прекрасно разбираться в людях, держать себе в руках, но администрировать, создавать, сразу расставляет все на свои места несколькими фразами, тем более теперь у потерпевшей имеется план, который она воплотит, чего бы это ни стоило:

— Здравствуйте. Я в порядке. Мне не надо уколов. Я же не плачу, Вы видите? Я знаю все! Ну или почти все… Садитесь и записывайте. Кофе кто-то хочет?… «Show must go on!»…

— Что? Простите…

— Я никогда ничего не начинаю, если не уверена, что

обязательно закончу!.. — Смольников безоговорочно подчинился, хоть и предложил поначалу сейчас дать отдохнуть, а допрос начать завтра или когда женщине удобнее.

Очень скоро раздался первый телефонный звонок… первый после смерти ее мужа! Ей сказали ответить. Звонила Эмма Калинина, хотя в такое время они созванивались крайне редко:

— Наденька, привет! У вас все нормально? Мне сегодня такой сон приснился…

— Эмма, Эммочка… Только что убили Тимура… — В трубке раздался дикий крик! После отбой и гудки… Через полчаса Эмма обнимала подругу. Всего через час, отменив запись на ТВ, приехал прямо в концертном костюме Александр Калинин. Слов не было, они не могли произнести ни слова. Ни Александр, ни Эмма не были готовы к тому, что убийство произошло прямо у дома. Проходя мимо, они увидели машину с простреляннными стеклами, с озерцом около нее уже подмерзшей крови, на месте, куда положили Тимура, когда вынули из автомобиля для первичного осмотра тела.

Кое-как Надя рассказала Эмме, как Тимур выглядел в машине, признавшись, что не знает, как его показать матери…

— Эммочка, я понимаю, что его больше… что, наверное… да-да… будут похороны… Я не знаю как, но я очень прошу — я хочу, чтобы последнюю ночь он был дома!.. Дома! А не в холодильнике… — И Александр с Эммой уехали. К этому моменту в квартире собралось уже много народа, и их уход она не заметила, если она вообще что-то могла замечать…

Что значит настоящие друзья? Это значит, что в такие минуты нет ни рангов, ни своих дел, ни своих желаний, и главное, что так должно быть не один момент, просто выражение соболезнования, желание оказать помощь, сопереживание, как о своем, но на все оставшееся время, поскольку друг — это навсегда!

Оказывается, Калинины, не говоря ни слова, поехали в морг. Эмма — как врач, Александр — как известный артист, воспользовались своим авторитетом и связями, чтобы пройти туда, где лежал муж Надежды и их друг. С затаенным дыханием, чуть позже, оба рассказывали, как им показалось при их появлении возле тела Тимура, будто он вздрогнул, почувствовав их присутствие… — показалось сразу обоим!

Супруги договорились с танатопрактиком о гриме, дабы была возможность хоронить в открытом гробу, о реставрации головы, лица, пробитой кисти руки, которой он пытался интуитивно закрыться от выстрела. Они приезжали каждый день с утра, привозя самое необходимое: памперсы и детское питание. Мама

певца Ангелина Анатольевна, ставшая почти родной осиротевшим Хлебниковым, присылала сотнями домашние пельмени, банки с салатами, котлеты — в опустевшем счастьем доме теперь было очень много людей, гостей, свои дети, всех надо было кормить.

Вспоминая те дни, Надя не переставала удивляться тому, как светская дама Эмма, больше аристократ, чем домохозяйка, заботилась о чужом хозяйстве, принимая горе близко к сердцу: накрывала на стол, мыла посуду, убирала грязные тарелки, буквально следила за каждым шагом подруги, предупреждая движение, дававшиеся последней с большим трудом…

Однажды, проходя мимо большой комнаты, где часто сидевшие в больших креслах Тимур с Сашей, слушая музыку, потягивали вино или виски с яблочным соком, ведя свои неторопливые мужские разговоры, Надя заметила Калинина сидевшего со своим распущенным знаменитый длинным хвостом… — он рыдал в голос…

Второй, после Смольникова, пришла опоздавшая няня Георгия, Джулия. Поняв в чем дело, ошарашенная, по восточной привычке она попыталась устроить традиционные «плакания», на что Надя, быстро отреагировав, рявкнула:

— Молчать! Идите к ребенку! У меня много дел… — Оказалось, что ее опоздание было обоснованным — именно в то утро при входе на станцию метро «ВДНХ», сломался один из двух эскалаторов, ведущих ко входу. Скопившаяся толпа и послужила причиной такой задержки. Именно этим Господь спас жизни матери и ребенка, ведь выйди они вместе с Тимуром, то выполняя приказ Пылева Олега Александровича «валить с прицепом», «исполнитель» задумываться бы не стал!..

Приехавшая раньше Надина мама видела, как Тимура вынимали из машины. Она закрывала ему глаза.

Одновременно с Александром Калининым приехал Зураб Кохокия («Зурик», как зовут его друзья). «Я даже не помню, как Зурик узнал, что Тимур убит… Он просто появился на кухне. Он просто включился в процесс подготовки похорон. Он настолько органичен, приятен, гибок и доброжелателен в общении, что обладает способностью очаровывать всех, кто с ним знакомится. Калинины, которые видели до того дня Зурика только на дне рождения Тимура, с легкостью начали с ним общение…»[64]

К этому времени Эмма что-то втирала вдове в виски и поставила укол, что не было предупреждающей мерой — не выдерживающий нагрузки разум периодически отключал сознание, чтобы не «перегорели» нейронные связи. Он не мог выносить того, что был вынужден осмыслять! Тяжелее всего становилось в моменты его «включения», когда еще не произошло

полного анализа обстановки последних часов перед отключением. В эти мгновения — какие-то секунды, она совершенно не понимала, что, собственно, случилось… Только потом в сознание проникали эти страшные, обжигающие пламенем ада мысли — ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ! Их обоих больше нет! Жизнь больше не имеет смысла…

Все больше и больше людей узнавало о горе, ворвавшемся в дом Хлебникова, в стороне никто не остался, за исключением Волошина, начавшего обещать через третьих лиц горы льгот, деньги, поддержку, на деле оказавшиеся, как всегда, миражами, видимо, стоматолог не смог подняться выше выбранной им в молодости профессии, мня себя императором одного «песчаного карьера».

После приехали Александр Тобак, как говорит Надежда Юрьевна — впоследствии, очень талантливо изображавший дружбу. Его привез Андрей Камаров, талантливейший человек, проникшийся настолько произошедшим, что принял огромное участие и в дальнейшем. Вот что об этих двух людях говорит «Черный дневник» Нади:

«Когда убили Тимура, Андрею позвонила Вероника, на тот период гражданская жена Тобака. И вечером того же дня он привез Сашу, сняв его с пути между перелетами, и они приехали вдвоем. Конечно, Андрюша понимал намного больше, чем считал нужным показать. Он очень помог с похоронами — ну, во всяком случае, будучи вхожим в Правительство Москвы, место на Ваганьковском добыл именно он. Он всем своим видом ВСЕМ дал понять, что он — рядом со мной, и на похоронах, и на поминках. Он приезжал ко мне домой, один и с супругой, довольно часто. Я бывала у них в офисе. Мне, конечно, нужна была помощь! Я рассчитывала на то, что Андрей с его весом, авторитетом поможет мне со связями в прокуратуре, включая Ильюшенко, тогдашнего Генпрокурора (это он и сделал впоследствии). Что он со мной или без меня встретится со следователями и даст им полную раскладку ситуации. То ли он не верил следствию и его эффективности, то ли статус правозащитника не позволил ему снизойти до общения с классовыми противниками, то ли он в принципе не верил в успех моей затеи докопаться до истины и наказать… Но факт остается фактом: Андрей был рядом со мной везде, в самом главном! Но, в отличие от Тобака, который и мнения-то своего по сути никогда не имел, к Андрею на эту тему у меня нет ни претензий, ни обид. Это было его право. Потом, в отличии от Тобака, он никогда не «бил себя пяткой в грудь», какой он дражайший друг номер «раз» у Тимура. Друг, жена — они и не могут иначе, как рвать себе нервы, чтобы найти,

доказать, отомстить, наказать… А просто как хороший приятель он и так сделал намного больше, чем я могла ожидать. Так же, кстати, он вел себя и в отношении следствия по делу Влада Листьева. Андрей человек со своими принципами, которым никогда не изменяет. Можно их, эти принципы, принимать или нет. Но его последовательность и честность хотя бы перед самим собой — очевидны.

Они застали Надю вцепившейся в «газовый» пистолет, ей казалось — надо охранять сына. Андрей прислал охранника, который вплоть до похорон не покидал вдову и сына Хлебниковой, не столько из-за опасений, сколько ради облегчения ее возвращения в адекватное состояние…

Надя, какими-то не всегда ожидаемыми всплесками, осознавала не столько происходящее, сколько самих участников, мелькающих в этот день в квартире, где еще недавно хозяевами были Тимур и она. Куда бы она не направлялась, везде были люди, периодами несчастная пыталась уединиться, но дела, вопросы, действия только прибавлялись, превращаясь в кутерьму, в которой каждая мелочь невероятным образом начинала играть огромное значение: «Если я не обращу на это внимание или не сделаю вот это, то не смогу быть достойной мужа» — от этого, ей казалось, зависит, чуть ли не их совместное будущее, в которое почему-то верилось, и которое уже ожидалось — будущее в Вечности, где не женятся, не выходят замуж…

Невероятное, неизвестное до сегодняшнего дня ощущение, будто все творящееся сейчас, происходит как бы вчера, будто перематываемая назад, после воспроизводимое в записи. Невозможно понять какой именно раз, нельзя остановить или промотать вперед не глядя тяжелые моменты, остается только смотреть, переживать, страдать, умирая и снова возрождаясь для этого же мучения и пыток.

Она никогда уже не сможет спокойно видеть кровь, даже на экране телевизора, лишь представляя ее, пусть мельком, чувствуя металлический приторно-соленый вкус на губах. Этот запах заставляет пошатнуться, затмевает зрение, нарушает временно координацию. Надя не сможет больше готовить еду из фарша, резать мясо — ее пальцы помнят ощущение мозгов самого любимого ею человека, любовь, а точнее страсть к которому не только не уменьшилась, но бесконечно возрастает, давно превзойдя нормальное должное при настоящих чувствах к мужу…

* * *

Иван Иванович Смольников, тот самый, что был в это злополучное утро в Москве дежурным по ГУВД и приехал на «труп» не сразу, а через час-полтора после совершенного убийства. Осмотрев место преступления, поднялся в квартиру, где, по его собственному заверению, высказанному много позже, был удивлен. За многие годы работы опером «такое» видел первый раз: жена, потерявшая мужа, вполне в сознании, без истерики, абсолютно сухой взгляд, фразы четкие, произносимые складно и связно — осознание потери еще не пришло, но действия находились в прямой зависимости от уже поставленной цели: противостоять и отомстить. Пока отомстить, а не добиться справедливости. Предложив приехать за показаниями после похорон, на что Надежда имела полное право, милиционер в ответ услышал:

— Записывайте прямо сейчас. У Вас есть время? Я слишком много знаю! Чем больше я Вам расскажу сейчас — тем больше шансов, что меня не тронут и моих детей…

Он посмотрел прямо в глаза говорившей, подумал с десяток секунд, и стал оформлять «оперативный опрос».

Этим не кончилось. Следом Хлебникова потребовала без санкции навестить офис «МАРВОЛА», расположенный на Октябрьской улице. Хоть и не сразу, Иван Иванович поддался неудержимому напору:

— Надежда Юрьевна, может быть после, ведь можем не застать, спугнем…

— Нет! Сегодня и сейчас! Они должны с сегодняшнего дня жить в страхе. Если убить не смогу, то жизнь испорчу однозначно.

Поездка оказавшись не тщетной, позволила застать Дмитрия Ческиса не подготовленным и не ожидавшим, такого быстрого появления милиции. По его реакции опытный опер безошибочно определил — все записанное со слов вдовы ложилось точно «в цвет»…

Невысокого роста, с кажущейся простой, почти непривлекательной внешностью, с глазами, подёрнутыми хитрецой, взгляд которых всегда смотрел с полуулыбкой, затрудняющей понимание его намерений. Он мог задавать совершенно неожиданные вопросы, путая собеседника, делая вид при разговоре, что информацию воспринимает в пол-уха, в то же время цепко запоминая абсолютно все — мелочей для него не было!

Он оставил сразу Надежде свои (редкость по тем временам) номера мобильного телефона и пейджера. После ее звонков отзванивался практически сразу, принимая любую, даже самую мелкую, кажущуюся не нужной, информацию: кто-то приехал,

что-то сказал, о чем-то вспомнил, чем создавал впечатление, будто кроме дела «Хлебникова» у него другого не было.

О нем и о том времени «Черный дневник» содержит следующие строки:

«Просто время было такое! Выживший из ума и пропивший Российскую Империю Ельцин был безмозглой марионеткой в руках преступников высокого полета. Он — самый первый виновник в том, что уничтожено на 3/4 целое поколение молодых, сильных, так желающих жить, ребят! Он пустил бандитизм на самотек — ему так было спокойнее… пить. И эти ребята встали по разные стороны баррикад, убивая друг друга, часто не понимая зачем! Ну уж в любом случае не получая то, ради чего одни убивали, а другие «ловили пули».

Военные профессионалы первый раз в истории России оказались не нужными. А профессионалы типа Ивана Ивановича Смольникова, все понимающие, много чего умеющие, ничего не могли сделать в этой ситуации, и вынуждены были извиняться за то, что самый главный преступник в стране недосягаем. Мы говорили с Иваном и об этом! Ох, как говорили!.. И он утверждал, что мечтает в профессиональном плане о двух вещах: чтобы дожить до того, как «примут» виновных в гибели Тимура; и как (пусть и после смерти) история осудит Ельцина, объективно дав оценку его преступной деятельности, чтобы в том числе и все убитые на улицах Москвы и других городов, как в период Гражданской войны, будут инкриминированы именно Ельцину…»…

Похороны. Поминки. 40 дней. Прочее

«Мы живем в мире, который во зле лежит. Но то, что лежит во зле, само-то злом не является! По-прежнему любой злодей есть Творение Божие»

(Игорь Цезаревич Миронович, «Лекции по священной Библейской истории Ветхого и Нового Заветов», с. 834)

Мы не сможем так же подробно, как 17 января, описать следующие дни. Хотя дни ли это были! Здесь больше подходит понятие суток, не дней и ночей, а суток, что сразу дает понятие количества часов, тянущихся, жгущих изнутри, выматывающих своей бесконечностью, проведенных в самопытках сознания, не желающего ни принимать, ни соглашаться с произошедшим.

Такая концентрация усилий вдовы после убийства мужа, заставляющая держать себя в необходимых рамках, позволяющих не только поступать рационально, но и требовать необходимого от растерявшихся других людей, которым Тимур не был так близок и бесценен, как ей, ни что иное, как защитная реакция мозга, оттягивающая максимальное воздействие последствий трагедии на несколько дней.

Пик пришелся на похороны! Но до этого события вокруг этой необычной пары, один из которых был уже мертв, но еще не похоронен, а второй скорее мертв, чем жив, мир существовал своей обычной суетой, допускавшей стечения обстоятельств, которые своей накапливающейся массой со временем переполнив емкость страданий, привели Надежду к крайнему шагу. Позволит Господь выбраться ей из ловушки безысходности или нет, мы узнаем через несколько дней по нашей хронологии…

Если мы постараемся вспомнить себя в разные тяжелые минуты нашей жизни, то, наверняка, с позиции здесь написанного, высветятся в памяти каждого читателя неожиданными воспоминаниями появляющиеся очень вовремя люди или обстоятельства, нами не предвиденные и не предполагаемые. По себе знаю — неожиданная помощь в тупиковые моменты может прийти, буквально из-за угла, откуда

ждешь нападения или вообще не замечаешь его.

Ценность таких эпизодов, выраженная как материально, так и морально, что тоже дорогого стоит, поскольку поддерживает мотивацию жить, в моменты, когда делать этого не на что и незачем, переоценить невозможно…

Вечером 17 января, когда Хлебникова находилась в почти обморочном состоянии, не способная от перенапряжения воспринимать слабо давящие на нее эмоциональные моменты, когда разошлись все, кто посчитал нужным приехать и поддержать, остались только несколько, готовые жертвовать чем угодно, среди которых, в конце концов, самыми терпеливыми оказались дети, родители Тимура, сиделка и еще несколько молодых, но серьезных мужчин, собравшихся в одном из зданий на Шаболовской улице (не дом номер шесть, где тогда размещался печально известный РУОП).

Это были спортсмены, знавшие её мужа. Таково воспитание тогдашних приверженцев спорта, не чета большинству сегодняшних, зачастую разобщенному, считавших своим долгом брать на себя заботу о тех, кто нуждается в их покровительстве. Конечно, подобное не может касаться всех — только тех, кто был близок по татами и ушел из жизни.

Дмитрий, Дмитрий, Михаил, Сергей и еще несколько крепких и сильных согласились с предложением брата Семена Дмитриева патронировать оставшихся в сложных обстоятельствах Хлебниковых — Тимур тренировался вместе с ними, вместе с ними и оставался после своей смерти.

Семена, которому брат незадолго до трагедии посоветовал покинуть «МАРВОЛ», был определен как их представитель, прикрепленный для надзора и облегчения появляющихся сложностей у вдовы. Любая проявляющаяся проблема у Нади была определена причиной, по которой было решено «свистать всех наверх». Ни одно торжество, ни один праздник не обходились без присутствия вдовы с детьми. Семью это заменить не помогло, но придало понимание своей неодинокости, даже нужности и здесь надо понимать, чего это стоит тем, кто изо всех сил пытается помочь…

* * *

19 января, около 16.00 часов на телефонный номер, зарегистрированный за квартирой Чеснокова Юрия Борисовича — величайшего из спортсменов прошедшей эпохи, раздался звонок. Трубку подняла супруга Галина, звонил старый знакомый хозяина

— генерал Жанн Федорович Зинченко. Два дня он молчал, хотя должен был бы позвонить именно Наде в первый день, сразу, как узнал о гибели ее мужа, поддержать, как близкий человек к семье Чесноковых, да и не посторонний для семьи Хлебниковых, работающий к тому же в одной связке с Тимуром Илларионовичем. Странной была задержка, но еще более странной и сам разговор. Начало его не столько для нас интересно, сколько продолжение (этот номер прослушивался, существует запись на аудионосителе):

— …

— …Галочка, ты что, тоже меня обвиняешь?! (значит, обвиняли еще кто-то)

— В чем?

— В том, что я втянул его (Тимура) в это дело…

— В какое дело! Я не знаю…

— Я не позвонил раньше, так… так как… два дня провел в прокуратуре (и пяти минут не нашлось!). Мы разрабатывали версии. (Разумеется, это ложь). Не разборчиво… Пьет? Галочка, а может быть, тут замешана женщина? (с чьей-то подачи, исходящей от человека, очень близкого к семье Хлебниковых, в эти дни начала, в том числе и в печати, муссироваться версия «заказа» убийства Тимура его женой!).

— Да, и ревнивый мужик расстрел Тимура у подъезда. Жанн, ты же знаешь, что он любил Наденьку до сумасшествия!..

— А деньги у него не вымогали?

— На работе?.. — Это уже с издевкой, поскольку мама Надежды Юрьевны прекрасно понимала наигранность этого спектакля.

— Нет, на работе у них денег нет, я знаю. Может дома?

— А дома-то у них никогда денег не было. Надьке сейчас нечем ни за похороны, ни за детскую поликлинику заплатить.

— Галочка, мы дадим ей сколько денег, сколько нужно, я вам привезу. (Вот воистину нет чести у человека — до сих пор везут!).

— А зачем нам? Звони жене, вези ей! (Что разумно и понятно).

— Нет, я хочу встретиться и поговорить с Юрой. (То есть без этой встречи не повезет и ничего не даст — странная зависимость!)

— Не надо… Звони Наде…

— Я не могу. Я сейчас очень занят. Должен прилететь очень важный человек — я обеспечиваю ему охрану… Автоматчиков… Охраняемый особняк… Вот если с ним что-нибудь случится, она вообще ничего не получит. (Это речь о Марке Волошине, с которым, по всей видимости, все же что-то случилось, поскольку

вдова ничего и не получила! Да и странно: к Юре с деньгами есть время заехать, а к его дочери — нет…).

— А что с ним может случиться?

— А мы не знаем, кто из нас будет следующим. А у Нади сейчас все уляжется. Она молодая женщина. Я лично заберу ее с детьми жить в Германию. (Охотно верим… Наверное этот генерал сосед такому преданному России и народу Её, как и единственный президент СССР Горбачев, что так точно выполняет обещания!).

— Жанн, по всем вопросам звони ей.

— Ну, может быть, я встречусь с Юрой, деньги подвезу? Я хочу с ним поговорить…

— Ему с тобой незачем встречаться!..

Кроме распечатки этого разговора в материалах дела, он сохранился записанным дословно на страницах «Черного дневника» — Надежда Юрьевна переписала разговор из материалов дела в один из приезд в прокуратуру…

Думается, что толкования на эти строки излишни, пояснения ждут своего времени, и прежде всего объяснений ожидает сама Надежда Юрьевна. Мама ее упокоилась несколько месяцев назад — Царствие ей Небесное! Жанн же Федорович навряд ли сможет перебороть себя, представ с поникшей виноватой головой, принося свои извинения. Да! Он русский офицер, и да — как он заявит скоро Пылеву, — на предательство не способен, во что мы охотно верим, так же как и в то, что только что прочитанное не что иное как ошибка, по какой-то причине совершенная и забытая. Я, как тоже русский офицер, смею напомнить о ней, ибо считаю, что исправленная таковой уже не считается. Все в Ваших руках, господин генерал! Либо о нас с Вами будут помнить как о бывших военных, окончивших свою карьеру на службе у криминала, либо… — я свой выбор сделал, он очевиден в этих строках…

* * *

Примерно 19 января я вернулся из Киева, не достигнув цели. «Цель» на этот период находилась вне моей досягаемости. Только 22 января, то есть на следующий день, после состоявшихся похорон Тимура, Григорий Гусятинский вернется с острова Тенериф Канарского архипелага, что мне станет известно на следующий день.

Добравшись на скором поезде до Москвы с купленным в столице Украины огромным синтезатором, в котором возвратился

в столицу разобранный карабин, я отдохнув несколько часов, позвонил Андрею Пылеву, полагая получить от него хоть какую-то информацию о своем шефе, ибо отступать от своих планов не собирался! В его голосе слышались нотки нервозности и неуверенности. Попросив перезвонить через несколько минут, он позвонил сам, приглашая приехать к нему домой вечером, дружелюбно добавив: «Поболтаем, чайку попьем», что чуть не обернулось для меня последними минутами моей жизни.

Я подробно описал произошедшее в этот вечер в своих воспоминаниях «Ликвидатор», что стало поворотным моментом, причем не только в моем существовании. Отмечу лишь — смыслы этой встречи для братьев Пылевых и для меня разнились, но по прощании имели один — смерть Гриши. Первое, что было сделано Олегом Пылевым, через запугивание и проверки — выяснение причины моей поездки в Киев. Поняв, зачем я совершил это путешествие, оба обрадовались, поскольку видели в устранении Гусятинского для себя единственный выход для спасения своих жизней. Общение вытекло в другое русло — спокойное, миролюбивое в отношении меня, обещающее много в перспективах. Последнее меня не очень интересовало в союзе совместном с Пылевыми, поэтому, получив уверения в помощи в виде информации, я откланялся, радуясь, что остался жив, здоров и не лишившимся надежды на предполагаемое освобождение от оков…

Точный день отъезда назначен не был, ориентировочно 23 января. В помощь мне, а скорее, присмотра ради, был определен Сергей Елизаров, единокровный брат обоих, впрочем, весьма достойный человек, занимавшийся в основном вопросами быта старших родственников.

В разговоре была затронута тема «МАРВОЛА» и перспективы, открывшиеся теперь перед «профсоюзом», правда, никакой конкретики, только общие фразы. А ведь было видно насколько трагедия одного человека, только потерявшего мужа, в глазах Олега была уже далеко в прошлом, не интересна, будто ничего и не случилось. Наверное, так со многими происходит, тем более что на смену одной решенной проблеме приходили во множестве следующие. Эти головы «лирнейской гидры» вырастали, делая многих менее чувствительными к чужим переживаниям, предполагаемым потерям, смертям — главное, сегодня не мы потеряли, не нас хоронят, не мы арестованы!..

Двадцатого, как просила вдова, гроб с телом ее мужа привезли домой. Только ей известно, что это было за событие, и чего стоило для нее. Превозмогаемые, еще не остывшие эмоции недавнего счастья, пылавшей страсти, теперь не находящие

отзыва, еще чувствуемые прикосновения, слышимый голос, произносимые им слова, не осознанная потеря того, кто сейчас возлежал грудой остывшего мяса, когда-то бывшей Тимурищем. Ее тянуло к нему, и отталкивало одновременно, интуитивно отбивая в мозгу: «Это уже не он, все, что осталось, хранится в памяти и сердце!».

Если долго смотреть на человека, лежащего в гробу, приходит странная мысль: «О чем он сейчас думает?»[65] — ответ перебарывает очевидное «ни о чем» и звучит в висках, какими-то утверждениями. Стоит ли удивляться, ведь в это время душа усопшего еще не покинула этот мир, путешествует по прежним местам, навещает дорогих когда-то людей, присутствует на соответствующих мероприятиях, и было бы невероятным, что раскрытые, переживающие по-настоящему сердца не чувствовали близко находящейся ауры любимого ими человека…

Двадцатого же на похороны прилетели Марк Волошин и Лева Шумахер. Разумеется, находясь в полушоковом состоянии, они внимали сразу прибывшему к ним Ческису, задачей которого было устранить их присутствие не только на похоронах, но и в России, дабы распоряжаться здесь полностью хоть какой-то промежуток времени. Вместе с Галушко оба настойчиво советовали не появляться на кладбище, поскольку это очень опасно, ведь смерть не так страшно, а вот пропасть без вести… — многое было сказано, у автора только отрывочные сведения. Скажем, коварный финансист, плетя сеть каверзных интриг, утверждал, приводя множественные примеры обвинений, сыплющиеся, якобы, со всех сторон в сторону этих двух людей, в организации убийства именно ими. Тут же он успокаивал, уверяя в имеющемся выходе, разумеется, только через его усилия, мол, ничего страшного, что с минуту на минуту правоохранительные органы объявят эту парочку в розыск, ведь он имеет возможность сделать документы, позволяющие завтра же покинуть эту страшную страну по поддельным паспортам. Он, конечно, очень рискует, но ради спасения любимого начальства и самого проекта, который теперь можно доверить, разумеется, только ему, он согласен на любую опасность!

Сложно сказать, что он хотел этим добиться в полном объеме. Почему бы при согласии испуганных бизнесменов, на что Ческис очень надеялся, воспользоваться фальшивыми документами, не сдать их тем же «органам» со «всеми потрохами»? Настоящей опасности на деле не существовало, и надо быть просто трезвомыслящим человеком, чтобы понять это сразу, тем более прожив большую часть своей жизни в СССР. Какие интересные интриги плетут вокруг друга мошенники разных мастей. В этом

случае «мелкая рыбешка» пыталась завлечь в сети более крупную, пользуясь незнанием менталитета, правил или их отсутствия, существовавших в тогдашних условиях, и ведь не безуспешно!

Вполне могло получиться так, что Дмитрий Ческис имел бы стопроцентную гарантию невозвращения Волошина и Шумахера в Россию, как и полный контроль над деньгами «Супер Миража» — просто и со вкусом, но Бог милостив, а потому задумка удалась лишь частично: «С толчка сдуло» только Волошина, перепугавшегося настолько, что он боялся перечить тандему Ческис — Галушко, допуская что угодно, непонятно на что надеясь.

Конечно, здесь была и другая задача — ни в коем случае не допустить разговора вдовы с Марком тет-а-тет, поскольку эта женщина вполне могла убедить в чем угодно, точно нарушила бы все планы. По-человечески к такому разговору обязан был стремиться именно глава «МАРВОЛ», но это же по-человечески, а не по-волошински…

Шумахер же оказался мужественным человеком, послав всех чисто по-русски в «края необитаемые», поехал на следующий день «провожать» друга детства в «последний путь». На удивление, какими же разными оказались эти два компаньона: Шумахер и Волошин. Запомните эти фамилии — как неприятен, в конце концов, окажется второй, и какие добрые чувства будет вызывать первый. Я не зря поставил их в такой последовательности, ибо это верно!

Показательным будет и их поведение завтра…

* * *

Черный, лакированный, огромного размера катафалк въезжал через ворота Ваганьковского кладбища. Праздно шатающийся народ из любителей посещать подобные места, расступался, видя сзади надвигающуюся армаду безысходной печали, одинокой беды, пока незаметно, но уже нарастающего эмоционального шторма. Припарковывая свои автомобили, прибывшие на похороны, постепенно расширяли хаотический заслон вокруг автомобиля «последнего пути». Каждый, сжимающий букет с четным количеством мерзнувших на морозе бутонов, собирался подносить их с разными чувствами, но на одну могилу, которой суждено было вырасти сегодня только в маленький холмик, заменяющий визуально когда-то живого человека.

Люди — недолго живущие существа, треть своей жизни спящие, многое делающие для приближения собственной смерти,

не верящие осознанно в свою кончину, но радующиеся тому, что сегодня не их черед. Красиво, хорошо организованный для покойника последний день, вплотную приблизивший его к зияющей пасти могилы, может у некоторых вызывать зависть, мол, вот бы мне такие похороны после смерти. Такие «завистники» в воображении своем могут, легко поменявшись местами с упокоившимся, эгоистично наслаждаться вниманием, сожалением, уважением пришедших, к личности, когда-то занимавшей бренное тело, лежащее во гробе, смешанными с воздаваемой данью заслугам, легко и беззастенчиво принимаемыми такими субъектами на свой счет. Но мне кажется, что стоит только разглядеть безжизненные изменившиеся черты лица, закрываемые на века крышкой гроба, как сразу понимаешь — нет разницы, каким и как ляжешь в могилу, важно куда и с чем ты покинешь этот мир!

Хочу обратить твое внимание на интересную мысль, уважаемый читатель, а именно на сборище людей, приходящих проводить в последний путь упокоившегося человека. Как разно оно, как непохожи мотивы появления каждого. Великого Моцарта провожали единицы в молчании, скинув труп в общую могилу, Достоевского провожали десятки тысяч, и крупнее той процессии в то время не было. Выжившего из ума Ульянова-Ленина в жуткий мороз сопровождали голодные толпы ничего не понимающих в происходящем, растерянных людей на протяжении десятков километров несущих на руках гроб того, кого и помнить не следует. Многие, многие, многие, но… мукам Христа сопереживали единицы, снимали Спасителя с Креста единицы, пришли помазать благовониями единицы! Но по прошествии стольких лет забыты великие того времени, а Господь все Тот же как был и будет пребывать вечно! Мы всегда что-то значимое пропускаем, присутствуя там, где нам быть не нужно, а главное — покойнику безразличны чествования, но важны молитвы!..

Красивая, очаровывавшая своим счастливым блеском глаз еще вчера, будучи рядом с мужем чувствовавшая уверенно завтрашний, не хуже сегодняшнего, день, радуясь каждой минуте, проведенной с ним, сегодня — мишень для разномастных взглядов, половина из которых рассматривает ее как женщину для… — тут у каждого свои мысли, ядовито несущиеся из закоулков страстей, спрятанных, влекущих, стыдящих. Кто-то жалеет, кто-то злорадствует, кому-то мнится постель с ней, редкий уверен, что поможет и не обманет, совсем редкий сделает это без меркантильных интересов.

Дети, стоящие у гроба, всегда вызывают порывы благородные и добрые, но единицы способны воплотить их в жизни, все больше

в том же, разошедшемся уже воображении, причем со способностью принимать благодарность из мечты, которую после будут ощущать вполне физически.

Да, Господь ценит и учитывает даже намерения, но лишь тогда, когда они не воплотились по причинам, не зависящим от самого человека, а не остались просто намерениями неживыми изначально.

Есть ли место гостям в сознании несчастной вдовы, когда каждое мгновение перед захоронением не только последнее, но и бесценное. Вот таким она не увидит его больше никогда, нигде, ни за что, даже неживым, никаким! Это так же верно, как и то, что любая любящая женщина с неподдельным ужасом ассоциативно, с чем-то случайным несчастным, неожиданно представляет, обнимающего ее любящего мужа, что мгновенно рождает всплеск такого урагана эмоций, что невозможно сдержать ни слезы, ни отяжелевшее дыхание, ни возбуждение, и только взаимная волна способна погасить привидевшийся бред… впрочем, в свое время обязательно материализующийся…

С этой минуты мужчины определялись вдовой только одной характеристикой — способные поддержать ее, говорящие правду. Остальные, даже вынужденные по понятным причинам молчать, записывались в «тряпки», хорошо, если не во враги.

Заняв место у изголовья гроба супруга, внесенного в церковь Ваганьковского погоста для отпевания, вглядываясь в сменяющих друг друга прощающихся, пронизывая насквозь взглядом каждого, еще издалека, вдова запечатлевала то их душевное состояние, которое под атакой этих глаз раскрывалось полностью в настоящем виде. Она чувствовала даже запах, но не одежды и тела, а самих душ…

Так об этом говорит ставший уже нашим проводником «Черный дневник»:

«Голушка шмыгал носом. После мороза в церкви сопли и слюни потекли. Глаза бегали. Стоял поближе к Славику Беззубикову, ища в нем защиты. Меня, увидев, типа «дружески» кивнул: «Добрый день» — вежливый! Я даже отвечать не стала, мол, «куда уж добрее». При прощании мимо гроба просеменил — наблюдая, как на него смотрят окружающие. Явно в его «котелке» крутилась мысль «чур меня!». Убийство Тимура лишний раз убедило его, что он выбрал правильную сторону, встав за спиной тех, с кем сила. Если следствие и Небо обошли его вниманием, то только в силу его ничтожности!»

Я пишу эти строки, снова вспоминая о том времени, не потому что хочу или мне это нравится — люди, большей частью честные и во многом замечательные, хоть и попавшие в

криминал, так же как и я тогдашний, притягивают меня из прошлого, словно прося: ««Солдат», скажи о нас, мы тоже были люди! Скажи, иначе другие, приходящие такими же незрячими, уйдут вслед нам!» — я возвращаюсь, но всегда прохожу мимо вот таких ничтожеств, волею судеб часто оказывающихся выше более достойных, отвечающих запросам времени и требованиям обстоятельств. Эти боятся рядом с собой иметь лучших себя, опасаясь за свою участь, опираются не на себя и свое, а на кого-то и чужое, с наслаждением наблюдая, как это чья-то сила расправляется с настоящими индивидуальностями по их наводке, часто ошибочной и всегда ненужной…

Так было испокон века, имеет место сегодня, тем же полон будет социум и в будущем! Для меня всегда было загадкой, каким образом бесталанность, бездарность, вредность, очевидные всем и каждому, находят опоры и рычаги для движения наверх. Вся ценность людей, обладающих такими качествами, состоит лишь в мираже преданности, растворяющемся при первом же легком ветерке только кажущейся опасности, а их невероятная выживаемость воплощается в нахождении следующего кормильца, ищущего пресмыкающегося льстивого ординарца для своего эгоизма — коль есть товар, значит есть и спрос…

«Юрий Петрович Головин держался с «марволятами», — продолжают строки того же дневника, — «под «прикрытием» того же Вячеслава, видно, что не полностью правильно понимающего происходящее. Не доволен он был и парой крепких ребят, присланных ему в помощь, как сказал Ческис. Толи в нем сомневались, толи дело не чисто…

Обострившееся зрение и нюх, как у хищника, кидали мое внимание в разные стороны, ища, откуда лучил негатив. Не многих я запомнила, но эту группу товарищей память зафиксировала навсегда, вплоть до рисунков на шарфиках и запахов одеколонов.

Саркисов, так же сразу выделив их, не подал никому руки. В глазах Ческиса и Галушко был точно страх, замешательство. Это заметили многие! Головин же смотрел мне в глаза скорее с сожалением, виноватостью, мол, не мог ничего сделать, хотя и старался…

При прощании, после отпевания в храме, Юра подошел немашинально к Тимуру, как будто просил прощения — дотронулся до края гроба. Не могу это объяснить — но его оттолкнуть мне не захотелось.» — «Черный дневник» глаголет словами истины, расставляя все сегодня на свои места, хотя и призван был поначалу стать просто урной для сливаемых избыточествуемых переживаний:

«Ческис был напряжен, не расстроен. Зорко следил за реакцией. Прилетевшему на похороны Марку настоятельно посоветовал не идти на кладбище: «там нас всех перестреляют». Сам пришел. Смелый такой?! Попрощаться?! Отнюдь! Ческис, зная, что Марк не отдал Тимуру обещанные деньги, я думаю, кроме всего прочего, хотел стрелки перевести на него, мол, деньги зажал. Убил. На похороны не пришел. И поначалу это почти удалось. Но «ПОЧТИ» — ключевое слово! Когда он (Ческис) подошел ко гробу — я встала между ним и мужем. Он быстро вышел из церкви и уехал. К могиле не пошел».

У каждого человека может быть своя правда, но Господь знает каждого, каждого и судить будет!

Что можно еще добавить? Только то, что это обычные реалии того времени. А поведение самого Дмитрия Семеновича Ческиса, крепкие парни, намерения — норма, наблюдаемая и на похоронах криминальных лидеров того времени. Тосты и обещания, не соответствующие им последующие действия — обычные маски, но что слова, когда и люди не те! Не Ческис принимал конечное решение, не он воплощал, хотя и думал, что способен управлять отморозками, которые на самом деле «пожирали» таких как он десятками в год.

Пока он еще не догадывается о своей участи, строит планы, «перетягивая одеяло на себя». «Стропила»[66] держащие над ним «крышу», знали почти каждый его шаг, но не они также принимали решения, а сама надстройка, далеко не всегда принимавшая истину такой, какой она была на самом деле. Именно поэтому и погиб Тимур Илларионович, а Дмитрий Семенович тщеславился про себя своей мнящейся властью…

На 21 января, в субботу, незадолго до смерти, Тимур пригласил Александра и Эмму Калининых в их с Надеждой только что достроенный дом, правда, пока еще без отделки, ради выходных на воздухе. Уже установились крещенские морозы. Тимур, как и Саша, хотя один вырос на юге, второй — на севере (Александр из Екатеринбурга), очень любили русскую зиму и скрип искрящегося снег… Когда 21 января Надежда с Калининым шли к выходу с кладбища от свежей, только насыпанной, могилы Тимура, под радостно скрипящий под ногами снег, хулиганисто сверкающий и слепящий, певец произнес:

— Вот видишь, Тимур, ты и собрал нас всех в выходной день на свежем воздухе… как и обещал…

В последний приезд Калининых к Хлебниковым, Тимур, приобняв Эмму, приехавшую в шубке из лисы с пушистым капюшоном, сказал:

— Эмма, ну ты прямо как нанаец!.. — Когда она прощалась в той же шубке с Тимуром у гроба, ей показалось, что он так же приобняв ее, прошептал на ухо, чтобы слышала только она:

— Прощай, нанаец!..

В день похорон, в более чем двадцатиградусный мороз, несмотря на необходимость беречь голосовые связки, Калинин всю процедуру простоял с непокрытой головой… Эмма впервые, не думая о присутствовавших телекамерах, огромном количестве людей, конечно, узнававших звездную чету, пришла с опухшими от слез глазами и совершенно без косметики…

* * *

Весной этого жуткого 1995 года Александр выпустил альбом «Лучшие романсы», где на первой странице стоит посвящение: «Этот альбом я посвящаю моим друзьям — Владу Листьеву и Тимуру «Хлебникову». Светлая им память!».

Ческис после похорон сразу помчался к Волошину в гостиницу, зная, что туда же направляется весь генералитет, участвующий в проекте. Глава «МАРВОЛ» к этому времени успел влить в себя весь мини-бар, еле «лыко вязал», орал, а не говорил, обвиняя всех кого угодно, являя собой только страх и отчаяние, трясясь за свою жизнь.

Дмитрий Семенович успел как раз вовремя, чтобы направить все, как ему казалось, в нужное русло, но Марка несло. Шеф с выпученными глазами метался между генералами, конструкторами с мировым именем, среди которых были: А. Саркисов, Д. Зазулов, А. Степанов, генерал Ж. Зинченко, еще трое — всего семь человек, и кричал, обращаясь к Саркисову: «Это ты виноват! Это ты не дал мне Тимура снять! И ОНИ его убрали!»…

Вернулся и Лева Шумахер, почти протрезвев от холода и пережитого на кладбище, он быстро понял и вычислил виновника несчастья, глядя на него с презрением.

Через несколько лет, когда Надя, собирая доказательства, записывая подряд все разговоры, заманила Марка Волошина к себе домой, где среди прочего сказанного было и такое:

— Говорил ты такое или нет?!

— Говорил…

— Кто это «они» — те, кто убил Тимура?

— Ческис, Галушко были в теме изначально. Головина не посвящали, он вряд ли мог понимать. За Ческисом стояли конкретные бандюки…

— Марк, ну и сученыш ты! Знал и молчал столько лет! Я же просила… Теперь у меня нет мужа. У Георгия нет отца… У тебя — твоего бабла…

— Ты бы Тимура не вернула.

— Но ты не потерял бы свои бабки! А теперь, потеряв, ты расплатился за свою трусость. Каждый из нас потерял самое дорогое: я — Тимура, ты — деньги и имя… — Этот, как и десятки других разговоров, Надя скрупулезно собирала, чтобы много позже передать следствию. Прощать она не умела, а в этом случае и не могла!..

Обратимся на несколько дней назад. Почти сразу после убийства Тимура, вернувшись в квартиру, в невероятных усилиях и перенапряжении, Хлебникова позвонила в Санкт-Петербург на

завод имени Климова. Это был третий звонок! Александра Александровича Саркисова — главного конструктора — на месте не оказалось, он был на полигоне. Как только ему передали о звонке супруги его друга, он перезвонил с какого-то радиотелефона, совершенно не подозревая о несчастье.

Вдова, уже вдова, двумя словами довела ужаснувшую его новость:

— Сан Саныч… дорогой… час назад убили Тимура… — Последовала пауза — даже гениям необходимо время, чтобы осмыслить такое! Следом эфир оглушил невероятный крик:

— ЧТО?!!! Я сегодня приеду в Москву…

— Сан Саныч… Пожалуйста… Будьте аккуратней…

Он приехал на следующий день, за который невероятным образом почернел и выгорел. Лицо посерело и осунулось. В глазах — боль.

Вы видели, когда-нибудь боль, выражаемую взглядом, не наигранную, одеваемую часто как противосолнечные очки в моменты недействительной боли, наигранной, не продолжительной, лишь немного обжигающей, заволакиваемой своими чувствами и мыслями о том, что это нас не коснулось. Я говорю о боли, затмевающей все личное, общественное, любое. Так полыхают только настоящие открытые сердца, которых оказалось рядом с этой семьей достаточно много, и это не случайность!

Когда тема разговора коснулась Марка и его подчиненных, к выражению его глаз прибавилась злость, которую никто никогда раньше не видел на лице этого улыбчивого человека. В тот период, понимая и зная намного больше неё, с самых первых слов, услышанных еще по телефону, он начал решать одну из тяжелейших задач в его жизни: «Как быть?»; «Как поступить?!!!». С одной стороны — проект, завод, люди, все, за что он отвечает; его жизнь, которую он посвятил своим коллективам, «оборонке», Родине, долгу. С другой — Тимур, Надя, их дети; те, кто уничтожил эту обожаемую им идиллию. Неоднозначно Саркисов оценивал роль Марка, не сразу поняв степень его участия и осведомленности, которые однозначно имели место быть. Потом этот гениальный человек разберется во всем сам, многое, объяснив и ей.

Он сразу понял: каким бы Волошин ни был махинатором и скупердяем, из-за невыплаченных Тимуру 300 тысяч долларов, бывших по сравнению со стоимостью и значимостью перспектив проекта «Супер Мираж», копейками, он не стал бы делать подобное. Более того, бывший стоматолог, ставший посредником в контрабанде оружия на государственном уровне, не мог не

понимать — убийство генерального директора СП «Русджет» усложнит работу по проекту, настроит против него ключевых людей — конструкторов; возникнут проблемы со следствием, хотя зная — из-за трусости мог и не противостоять этому.

Другими словами: убийство Тимура Хлебникова для Марка Волошина влекло за собой колоссальные проблемы и никаких выгод. Того же мнения придерживались и главные конструкторы других предприятий ВПК, участвующие в проекте: Виктор Зазулов и Валентин Степанов.

Несколько позже, по прошествии поминок, Александр Александрович, отдавая дань уважения, что было только началом, отужинав с Верой и ее детьми, выпив водочки, спев ей свою любимую «Виноградную косточку в землю зарою», уже прощаясь, не сдерживая слезы, надрывным голосом сказал:

— Прости, что я жив!..

* * *

Таня с Зуриком Кахокия, бросив все свои дела, находились постоянно рядом с вдовой. Зурик, заручившись помощью шведов — партнеров «Найт Флайта» организовал поминки в самом большом на тот период банкетном зале столицы — на 400 человек, в старом здании гостиницы «Москва». После, приехав к Вере домой… они не знали, что делать дальше? Как лечь спать? Как утром проснуться? Они не могли уйти, даже невзирая на усталость, накопившуюся за эти дни, валившую с ног, в сон, в другой мир, лишь бы забыть сегодняшний.

Родители Надежды держались с ее дочерью Катечкой. Когда мать вдовы спросили: «Почему она не подходит к дочери?» — та со смущением ответила: «Надя вся черная, искрит, как оголенный провод, даже дотронуться страшно…».

Еще вечером, перед днем похорон, на кухню зашел Александр Калинин и, посмотрев на вдову, бессознательно мешавшую ложкой ребенку кашку, тихо произнес:

— Иди, Тимур тебя ждет… — Он привез гроб с телом, сделав это тихо и, как обещал, вовремя, хотя его и не хотели отдавать — криминальный трупп, кавказец… но под напором вынуждены были отдать, хоть и после закрытия.

Утро похорон началось с ним (Тимуром), продолжилось поездкой жены вместе с мужем в катафалке, как она потом сказала: «Везла закапывать его»… Надежда никого не узнавала из родни прибывшей из Грузии, глядя сквозь, не в состоянии сконцентрировать свой взгляд хоть на ком-нибудь, кроме него.

Пока священник совершал обряд, вдова никому не позволяла приблизиться, опасаясь даже тени, падающей от подходящих — все никак не могла насмотреться на недавно еще живое лицо, закрытые глаза, будто сжатые, на деле склеенные или сшитые танатопрактиком губы[67], три дня назад так страстно целовавшие ее последний раз…

Гроб закрыли крышкой еще в церкви, у могилы не открывали — ей казалось, он может замерзнуть…

Потом его переставили на специальные сани, сделанные на заказ на военном заводе[68] и повезли по дорожке, где не проходил автомобиль. Сани катились быстро, она изо всех сил спешила за ними, стараясь не отрывать руки от краешка гроба, будто держась за его руку…

Зурик подвел ее к краю могилы бросить песок, Калинин и он крепко держали, полагая, что она может броситься вслед за усопшим мужем. Но она и не собиралась…

Именно сейчас мать Тимура разорвала тишину погоста проклятием: — Пусть будут прокляты виновники твоей гибели!.. — И это стали последние слова, которые вдова слышала, прежде чем потерять сознание.

Все виделось происходящим в тумане, Надежда Юрьевна безотрывно смотрела на дверь банкетного зала, ей казалось, что вот-вот войдет он, закончив весь этот ужас. Уже у Хлебниковой дома, после поминок, Зурик незаметно положил на стол деньги, оставшиеся от оплаты за стол в ресторане, он… плакал. Со слезами же передал, что эта сумма за их с Тимуром вклад в создание «Найт Флайта», тем более, что последний и после регистрации СП решал многие текущие вопросы, так же шведы решили для детей назначить пенсию… В тот период, когда она временно не работала, будучи беременной (родить так и не получилось, плод не вынес гибели отца), а дома оставалось в то утро, после всех растрат, едва 200 долларов, эти деньги стали единственным, на что семья могла рассчитывать…

К сожалению, шведские учредители оказались много порядочнее тех, кто при жизни Тимура Илларионовича хотел казаться его друзьями. Прошло не так много времени и Александр Тобак вместе с Аверченковой Мариной, бывшей старшим менеджером клуба «Найт Флайт», устроенная по милосердному заступничеству Тимура Хлебникова на эту должность, по ее просьбам, в момент практически нищенского существования. Понимая, что протекающие через нее деньги, могут оседать в ее карманах, что и происходило по доверчивости шведских учредителей, она восприняла эту пенсию, как угрозу

своего благополучия. Странно не понимать, что такая мерзость в поступках, вырастает, прежде всего, как оболочка своего сердца, в котором сразу же заводится гниль — рыба гниет с головы, а человек, страстями пораженный, раб их есть. Эти два «замечательных человека» решили, что мужу Надежды Юрьевны на Небесах деньги не нужны! Его жене и детям, тем более…

Вскоре после похорон Иван Иванович Смольников (опер, прибывший на «труп») повез Хлебникову на «Петровку» в техническую лабораторию делать фоторобот парня, осматривавшего входную дверь. Смольников просил позвонить, как только женщина почувствует себя способной это сделать. На следующий день, в первые часы свободного времени, она и сообщила об этом. На сей раз подробно рассказав о случившемся в день убийства, сидя на кухни, вдова и настояла на поездке.

Подъехав, оба вышли из машины где-то во дворе. Опер ненадолго оставил попутчицу в тупике глухого дворика лабиринта старых домов, куда-то исчезнув. Надю неожиданно охватил невероятный страх: «Ну надо же быть такой дуррой! Конечно, я же все рассказала… сама рассказала, что мои знания бесценны для следствия, а он в ответ посмотрел с прищуром, и только покачал головой. Хотя он же записывал в протокол… или не в протокол — я же подписала просто бумагу, а не заполненный бланк, который он вполне мог уничтожить… Еще с цветочками приперся! Вот дура! Как отсюда выбраться? Я ведь даже не представляю где я! Сейчас меня… сюда придут убивать…». Но он появился, так же неожиданно, как и исчез, приведя в кабинет, помог сделать фоторобот с техническим сотрудником, отвез домой, хотя по работе точно не обязан был с ней возиться.

Уже дома Хлебникова рассказала о мыслях, одолевших ее во дворах. Ответом был смех, сравнимый только со ржанием.

* * *

На что способен перенапряженный мозг человека — не смогут ответить и все вместе собравшиеся ученейшие психиатры. Возможности его бесконечны, ибо он, в том числе, и проводник из подсознания, глубины которого скрыты навсегда, недосягаемы нашему сознанию.

Поздний вечер «девятого» дня — а ведь не зря православная церковь заостряет внимание на третьем, девятом и сороковом — закончился, незаметно перейдя в ночь. Надя сидела на кухне с двоюродной сестрой Тимура, Кариной — с ней в этот период постоянно кто-то находился. Близкие, зная, что потеряла она

вместе с мужем, опасались чего угодно. Это создавало массу проблем для друзей и родственников, но эта нервотрепка стоила того, что бы сохранить жизнь вдове, матери, человеку…

Они были втроем: Карина, Надя и… Тимур, на портрете, перед которым горела зажженная свеча. Слов не было, как и слез, слышалось только дыхание, то совсем незаметное, то близкое к стону в глубине груди — почти тишина, которую неожиданно разорвал телефонный звонок:

— Да…

— Можно Тимура Илларионовича?

— Его нет.

— А когда он будет?

— А кому он понадобился ночью?!.. — Голос был женский, что возбудило во вдове жгучую ревность, перекрывавшую все остальное. Трубку положили. Эти гудки и стали каплей, перебравшей меру разумного противостояния горю. Девять дней она держалась, теряя только сознание, без сна, отдыха, так и не осознав, и не прияв до конца произошедшее.

Случилась первая истерика. Без слез, сухая, как треск пробегающего разряда при коротком замыкании, выбившем предохранители. Вдова, встав на колени перед окном, взирая с возмущением с четвертого этажа на чистое темное, невозмутимое небо, громко крикнула, сквозь охватившее ее отчаяние:

— Бог! Если Ты есть — именно сейчас покажи мне, что Ты есть!!! Что Тимур у Тебя Там, но что он не исчез! Сейчаааас!!!

Такие же неожиданные четыре удара в оконное стекло, будто костяшками пальцев с внешней стороны, опрокинули взмолившуюся в глубь помещения.

Обе женщины в шоке пересматриваются, пытаясь понять, что это было. «Восклицательный знак» в конце звука четырех ударов, обрубил пиковый всплеск эмоционального взрыва, открыв вход только одной мысли Нади: «Если это мне показалось, ни за что ей не скажу — в психушку упекут!»

Но Карина, смотрящая в шоке на нее, своим взглядом, сопровождаемым словами, дала понять — случилось неординарное:

— Наичка, ты ничего не слышала?

— Прекрати нести чушь!

— Это Тимур стучал. Встань, открой окно.

— Глупости. Души могут проходить через закрытые двери, окна, стены.

— Но ведь ты просила дать тебе знак… — Страх преодолен, сомнений больше нет — это было! Обе открывают окно: вдова в поиске истины, Карина еще и страхуя. Темнота и холод

охватывают обеих зимней промозглостью.

— И где он?!

— Тут. Рядом с тобой. Ты так кричала, что Бог тебя услышал. И показал тебе, что Он есть…

На следующий день приехавшие Александр Калинин и Зурик поначалу с сомнением слушали рассказываемое Кариной, Надя разумно молчала, понимая — ей могут не поверить. Мужчины осмотрели окно изнутри, выглядывали наружу, но так и нашли то, что там могло стучать: ни веток, ни досок. Ничего. О массовой галлюцинации речи быть не могло, тем более все они — люди верующие.

После этого, Надя так больше не просит, понимая, что у Господа таких как она очень много, и всем что-то нужно…

Знакомые настоящие и возможные

«Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным»

(Книга Премудрости Соломона, гл. 2, ст. 11)

Господь сводит стези людей — именно так! Если человек, не задумываясь над этим, даже замечая не случайность, отметает ненавязчивого старого знакомого, появившегося на минуточку, то упускает одну из нитей своей жизни. Истончаясь, они сокращают шансы и возможности, ведущие к Вечности. Говорящий же: «Чудны дела Твои, Господи!», радующегося каждому лучику, пущенному в душу Спасителем, в свое время обязательно воспользуется крепостью подставленной руки, причем именно там, где, казалось бы, она совсем не кстати…

Еще будучи школьницей и многообещающим спортсменом-легкоатлетом, Надя проводила большую часть своего времени на базах спортивного общества «Спартак». На крытом стадионе братьев Знаменских проходили основные тренировки. Именно там она познакомилась со старшеклассником. Ничего особенного поначалу — просто совпадения времени тренировок, и обычное общение, присущее всем спортсменам-одновидовикам. Но вот со временем… Закончив школу, он продолжал занятия на стадионе, тренировки заканчивались в одно время, что позволяло вместе возвращаться домой.

Повзрослев, тогда еще Надя Чеснокова, взглянула на него не как на друга, а на мужчину. Завязался роман, позже прервавшийся — их жизненные пути разошлись. Иногда они пересекались, подтверждая свои только дружеские отношения. Олег (назовем его так, ибо это не простой человек… был, есть и будет) успешно осваивал выбранный путь, вырастая по карьерной лестнице, получал очередные звания. Постоянные разъезды и командировки не позволяли обрести не только семейного покоя, но и сам семейный очаг с его обитателями. Где бы он ни был, мужчина исправно поздравлял ее с днем рождения и с рождением ее детей.

17 января 1995 года «Дорожный патруль» показал сюжет про убийство Тимура, Олег его увидел по телевизору. Пораженный несчастьем и увиденным репортажем, где во весь экран показали

раздираемую горем полуобнаженную супругу генерального директора СП «Русджет», не желающую отрываться от тела своего мужа, выволакиваемую бесцеремонно за капюшон от халата и ногу из машины, он вернулся в Москву. На следующий день друг юности позвонил:

— Надя! Надечка! Я все видел! Держись! Если тебе нужна охрана, деньги, любая защита детям, любая помощь — дай мне знать. Запиши мои прямые телефоны…

Она машинально записала. Этот звонок стал началом конца проекта «Супер Мираж», ради продолжения которого Тимур «положил» свою голову. Мы вернемся к этому, когда подойдет время. Полгода прождет бумажка с цифрами своего часа. Ровно столько же люди, считающие себя теперь хозяевами положения, будут пользоваться денежными потоками, теперь деля их на части, а не полностью перенаправляя на оборонные нужды…

Страницей выше описываемое событие, произошедшее 26 января на кухне квартиры Нади Хлебниковой, не имело практического значения. Им как-то спасалась душа, поглощаемая жаждой мести, злобой к убийцам, ненавистью к тем, кого она подозревала. Мир перестал существовать, вместе с мужчинами и женщинами, разделившись на тех, кто может помочь, и тех, кто отказал в этом. Особо в стороне держались виновники, которых вдова определила в первый же день безошибочно и бесповоротно…

* * *

Двадцать третьего я, в сопровождении Сергея Елизарова, выдвинулся с Киевского вокзала в столицу Украины, уже давно самостоятельного государства, и уже постепенно раздираемого изнутри противоречиями, которые достигнут своего апогея только к 2013-му…

Мое желание работать, как я привык, в одиночестве, не нашло поддержки у братьев Пылевых, что не удивляло — одиночке редко доверяют, к тому же когда он отправляется устранять своего бывшего шефа.

24 января, ближе к вечеру, уединившись в ванной комнате, я распаковывал, спрятанный все в том же синтезаторе карабин Браунинг BAP Сафари BOCC, калибра 30–06. Как нарочно, человек его заказавший, в виде одной из опций пожелал иметь золотой спусковой крючок, но по стечению обстоятельств достался он мне, ради всего одного выстрела. Ничего необычного — ни на точность, ни на кучность это не влияет, обычный «понт», но в

данном случае дает пищу для воображения…

Этим же вечером мы осмотрели несколько точек, остановившись на квартире проживания, снятой людьми Гусятинского на несколько месяцев. Угол стрельбы крутоват, но больше вопросов оставляли полностью зашторенные занавески.

Следующим днем прозвучавший выстрел приостановил нормальное функционирование жизнедеятельности организма Григория, за три дня до этого вернувшегося в Киев с островов Канарского архипелага. Тяжелая проникающая рана головы, разрушившая часть мозга, с последствиями которой врачи боролись за хоть какое-нибудь существование человека всеми возможными и невозможными методами пять суток, оказалась смертельной…

Двадцать шестого января на другой съемной квартире, арендованной мною еще в первый приезд, меня посетил Олег Пылев, радостный и восторженный, что было связано с выполнением мною данного обещания, с отсутствием шансов на выживание «Грини», соответственно, полностью открытой дорогой к обогащению и единовластию над готовой бригадой — «профсоюзом» «медведковских».

Через полчаса разговора он уехал, чем дал мне полную возможность вернуться домой и готовиться исчезнуть. Но далеко не всегда происходит так, как нам хочется…

А ведь окажись я преданным шефу, что невозможно в тех условиях и при таких его планах для нормального человека, то погибли бы Пылевы, вместе с еще десятком молодых людей, считающимися их близкими. Для меня выбор очевиден, о чем я не жалею. Пожалуй, это единственный случай, который я могу признать действительно необходимым мне лично…

Ликвидация Пылевых не спасла бы Тимура Хлебникова, он бы успел погибнуть. Другое дело, что мстить Наде было бы некому, кроме Ческиса, который остался бы без «крыши»…

Итак, 31 января 1995 года в ресторане «Золотой дракон» на Каланчевке собрались несколько супружеских пар — я с супругой и мои друзья детства с женами. В самый разгар в круг танцующих быстро вошли несколько крупных, спортивного вида, молодых людей, хмурых, серьезно настроенных. Это оказалась охрана братьев Пылевых, решивших своим появлением засвидетельствовать свое почтение человеку, как они сами сказали — «спасшему им жизнь». Через две недели мне предстояло это сделать снова.

Меня объявили «третьим братом» со всеми выходящими последствиями, преподнесли часы «Картье Паша» с тремя сапфирами, и удалились готовиться принимать в свои руки

огромную империю Гусятинского, уже начавшуюся рушиться, причем именно с СП «Русджет», еще недавно обещавшую приносить невероятные барыши…

На тот момент я еще был уверен, что через пару дней исчезну, представив свое исчезновение, как месть за убийство Гриши с чьей угодно стороны. Но планам этим не суждено было сбыться — появились кровожадные Юра Бачурин — «Усатый» и Евгений Любимов — «Женек» — «лианозовские» братки, пару месяцев назад занявшие место Олега Пылева рядом с Гришей, и теперь сознавшие явно сделанную ошибку в выборе…

31 января 1995 года мне исполнилось 28 лет. Мы праздновали до полуночи. В момент, когда гости разъезжались, в другом месте, что не удивительно, тоже происходили события…

Еще днем, изнемогая от мук сознания, не желающего мириться с потерей, Надежда меняла свечу у портрета Тимура. Немного погорев, огонь заплясал без видимых причин. «Пляска» не утихала несколько минут, притягивая к себе взгляд вдовы. Ей казалось, что с той стороны муж что-то хочет ей сказать, но кроме загадочного танца больше ничего не происходило. Она усмехнулась где-то слышанному: «До сорока дней усопшие не являются живым из-за сильной «занятости»». Но порыв остался, вылившись в короткий монолог:

Евгений Любимов — «Женек». Фотография из фототаблиц материалов дела

— Прикольно. Занят ты Там?! Ну уж нет! Изволь мне присниться!..

Выпив какие-то таблетки для сна — теперь она не могла без них, а когда они переставали действовать, запивала водкой, разведенной водой из-под крана, для верности, чтобы не ощущать явь. Сон завладевал перерывами, то наваливаясь, то отступая. В очередной раз, не понятно от чего именно, она услышала телефонный звонок, последствия которого сохранились в «Черном дневнике», текст которого я решил пересказать, точно придерживаясь сути. Кто знает что это: сон, явь, галлюцинация, материализовавшееся воображение, однозначно — явно предупреждающее о чем-то:

«Звонили из «Русджета»:

— Надежда Юрьевна, в Тимура Илларионовича только что стреляли…

Не одеваясь, она выскакивает на улицу, почему-то здание офиса в нескольких метрах от подъезда. Вот уже одним прыжком преодолевая это расстояние, она, почему-то, приземляется на ту же ступень, с которой отталкивалась. Опустив голову вниз, понимает — наледь под ногами, над головой дождь со снегом. Плюнув, Надя встала на четвереньки и поползла.

Преодолев дорогу до входа, вскочила и ну ходу по лестнице. Офис на втором этаже! Но между ним и входными дверями, в коридорах, на лестничной площадке, даже тамбурах и курилках — люди. Здесь Волошин, Саркисов, Зинченко, еще кто-то, кого она не знает. Тут и ненавистный Ческис! Она направляется в его сторону, делая отчаянный рывок, ища по сторонам любое подручное средство, могущее облегчить его убийство, но, не находя, пытается схватить хотя бы за свитер. Её отдирают почти сразу, как тогда от Тимура. Свитер рвется, из его карманов выпадают бумажные деньги, сам он трусливо прячется за спинами остальных. Вокруг все молчат.

Видя такую, складывающуюся не в ее пользу обстановку, Надя, делая вид, что ее порыв ослабевает, почти без эмоций, на самом деле задыхаясь, говорит:

— Ладно, тварь! Сейчас главное — Тимур. А с тобой я разберусь потом!

Разворачиваясь, бежит вверх, и, пролетая еще один лестничный марш, входит в офис. Распахивая дверь, видит сидящего на подоконнике Тимура. Муж смотрит в окно. Оно небольшое, очень высоко расположенное от пола, который он, такой высокий, не достает ногами. За стеклом летит серый дождь с грязным снегом. Не в силах пока пошевелиться, боясь спугнуть или сделать, что-то не так, Надя, впитывая каждую мелочь, рассматривает любимого. Он одет в свою реальную одежду: джинсы и коричневый свитерок с тремя пуговицами и воротничком, очень любимый, тот, что куплен ими вместе в Стокгольме. Супруг сидит не шевелясь, куря одну за другой сигарету, быстро, сосредоточенно. Она не выдерживает:

— Тимур! В тебя же стреляли! Это Ческис?! Он прячется. Он сейчас сбежит. Что нужно делать?

Будто ни в чем не бывало, ничего не случилось, а происходящее обычнее обычного, Тимур поворачивается к ней:

— Наичка, ты уже ничего не сможешь изменить. Тебе ничего не надо делать. Я со всем разберусь сам. Посмотри лучше, какими станут дети!.. — Указывает ей на происходящее за окном, которое удобно для обозрения неожиданно раздвигается в стороны и

вертикально — от потолка до пола и от стены до другой стены. Взору вдовы открылась залитая солнечным светом полянка, по центру стоят Катя и Георгий. Годовалый Георгий на глазах вытянулся, превратившись почти во взрослого мужчину, одетого в камуфляжную форму, с короткой стрижкой и небольшими залысинами ото лба. Рядом таким же образом одиннадцатилетняя Катечка превратилась во взрослую женщину, показав в мгновение ока все перемены еще только должные произойти в ней. Повзрослевшая, она стояла, держа на своих руках совсем маленького мальчика — сына, а за ее юбку держалась девочка полутора-двух от силы лет.

Она не могла оторвать взгляда от них, но больше тянуло к нему… непреодолимо, настолько сильно, что это будущее она легко бы променяла на мгновение с ним. Боясь снова пошевелиться, Надя со слезами надежды в глазах чуть не крикнула, больше моля, чем интересуясь:

— Ну а сейчас-то что мне делать, Тимур?!

— Я скучаю по тебе. Иди в мой кабинет. Я приду.

Вбегает в коридор офиса, дергает по очереди все двери — все закрыты. Ручки от одного только касания рассыпаются в ее руках или становятся мягкими, как сырая печенка, а может как фарш, или как… мозги! Впопыхах, охваченная ужасом, все-таки нашла кабинет, но дверь… — дверь закрыта, а из-под нее вытекает лужа: «Кровь! Чья это кровь?! Что за фигня?!» — с криком бежит она назад, к лестнице, к Тимуру. Подоконник — уже пустой. Окно — снова маленькое — дождь со снегом…».

…Более чем через десять лет Надежда Юрьевна видела сына Георгия в этой форме, когда приезжала навещать его в Суворовское училище. Именно таким!.. Даже с такой же стрижкой.

А дочка… Когда мать узнала, что у нее будет малыш, то перед самым обследованием УЗИ бабушка знала — будет девочка. Екатерина хотела мальчика, но врач, вслед за бабушкой, подтвердил — пол ребенка женский.

Кто знает, что это было, ведь именно воинствующие духи злобы, пытаясь направить человека в сторону своей погибели, пересказывают им подслушанное у Ангелов, очень часто ошибаясь. Не станем думать о мистике, тем более опираться на нее в принятии жизненно важных решений…

«После гибели Тимура от меня многие шарахались как от чумы. Думали, я нуждаюсь в помощи, жалости, теплых словах. Рассказывали под водочку, какой Тимур был хороший, умный, железный, честный и т. д., и т. п. Что обычно принято в таких случаях — и про землю пухом, и про Царствие Небесное, и про

мгновенную смерть праведника, и про райские сады, по которым он сейчас гуляет… И про то, как нужно им гордиться — модернизированный «Мираж» на движке от МИГ-29 такие фортели высшего пилотажа «исполнял», что… Я всех просила только об одном: «Ну вы же знаете!!! Ну расскажите!». Мне рассказывали, под хорошую закуску, такие все крутые и проницательные. Подтверждали, что да, Марк Волошин лег под бандитов. Что Ческис там уже свой крутяк, всеми рулит. Но пойти и рассказать под подпись никто не мог.»[69]

Мы, обычные люди, часто оказываемся слабыми созданиями перед лицом неизбежности и неизвестности. Чтобы преодолеть страх, навязывающиеся картины неотступно надвигающегося, мы должны совершить буквально подвиг, чтобы забыться хотя бы ненадолго. Знаю по себе: каждое утро в тюрьме, до самого дня объявления вердикта коллегией присяжных заседателей, мне приходилось, начиная с утра, «притуплять» «дамоклов меч», зависший надо мной пожизненным приговором не столько над плечом, как у знаменитого в древности ритора, сколько над, сходящим с ума от этого, разумом.

«Ожидание смерти страшнее самой смерти» — что уж говорить, о потере невосполнимой, не сравнимой ни с чем, даже с пожизненным заключением, хотя поставь перед любой вдовой, любящей своего ушедшего мужа условие: получает она ПЖ и он возвращается к жизни — она не задумываясь замурует себя сама, радуясь уже тем, что дышит одним с ним воздухом!..

Почти полтора месяца не видела вдова Босса — их любимую собаку. Первый раз это произошло после гибели Тимура на 40-й день к вечеру на даче, где продолжались поминальные застолья. Добермана было не узнать — окрас его шерсти из ярко-коричневого превратился в серую, тусклую, перхоть рябила белыми пятнышками меж волосками, торчавшие ребра напоминали сложенные и овядшие крылья, голова висела, глаза мутные, страдальческие, потерянные… Мама Тимура — Нора, не питая особой любви к собакам, откармливала его с ложки молотым геркулесом, смешанным с кефиром, творожком, разбавляя, откуда ни возьмись, любовью…

* * *

Сорок дней отмечалось 25 февраля. Несколькими днями раньше в «другом мире», в одной из бань, недалеко от Алтуфьевского шоссе, происходило событие, поставившее финишную точку в череде проблем, мешающих «коронации»

братьев Пылевых. В помещение бани, принадлежавшей Ананьевскому Сергею, один за другим входили молодые люди. Какие-то оставались на улице в машинах, но выходящие изнутри не успокаивались, пока все приехавшие, без исключения, наконец, не оказались «гостями» заведения.

Через несколько часов через эту же дверь выносили два больших свертка, с первого взгляда определявшиеся как человеческие тела, замотанные в ткань. Остальные, еще связанные и избитые, сваленные в отдельной комнате, ожидали решения своей участи. Задушенными оказались Бачурин Юрий — «Усатый» и Алексей Садовников — «Банщик». Смерть последнего была явно лишней, он не был опасен, хотя и преданно служил первому, совершенно не понимая, что им пользуются, как прокладкой безопасности, толкая в самое пекло. Искренне жаль этого парня, но так же, как он мог погибнуть в этот раз любой из вошедших в эту баню этим вечером, из принадлежавших к бригаде «лианозовских».

Этот вечер стал последствием обращения ко мне Бачурина в день, предшествовавший ночи, когда я собирался исчезнуть. Ничего не подозревая, я спешил к старому знакомому, попросившему выручить деньгами. По стечению обстоятельств, он оказался знаком «Усатому», который напрямую меня достать не мог. Со знакомым я не встретился, зато был окружен «лианозовской» сворой во главе с Юрой, к которому питал только легкую неприязнь.

От разговора уйти не получилось. Он касался смерти Григория в Киеве, чему «Усатый» был почти свидетель. В том, что виновниками его гибели были Пылевы, сомнений у него не возникало, а зная меня, как «личного ликвидатора» Гусятинского, ибо он и привел меня к этому путем ухищрений, шантажа, запугиваний, надеялся перетянуть и теперь меня на свою сторону. Я в основном слушал, вращая головой на 360 градусов, понимая, что только этим может не кончиться, и сделал вид, что принял его сторону.

Мы разъехались, полагая встретиться завтра в «Золотом драконе». Понимая, что на самотек подобного оставлять нельзя — и слепой бы осознал: грядет война, где обязательно погибнут ставшие за это время близкими мне люди.

Предположив, что задержка в несколько дней ничего не решит, поехал к Андрею Пылеву. Видя в нем на тот период разумного, не злого человека, предупредил, и стал готовиться к завтрашнему дню.

Следующая встреча, как и остальные, окончилась не только пониманием братьями моей правоты, но доказательной фактурой

в виде аудиозаписей, где голос, принадлежавший «Усатому», предлагал мне по 200000 долларов за голову каждого Пылева. Четыреста тысяч долларов! Тимур Хлебников должен был за три года получить от Волошина миллион, а я за один день мог заработать почти половину этой суммы! Заманчиво? Но не для меня! Я никогда не был, как это ни странно может звучать, сторонником кровопролитий, не деньги решали и решают для меня все.

Кроме того можно было предположить любой ход развития событий после ликвидации обоих Пылевых, к тому же одни они никогда со мной не встречались, а значит, жертв могло бы быть в разы больше. Не сумасшествие ли это?!

Поскольку меня не интересовали ни эти условия, никакие другие, намерения мои исчезнуть не претерпели изменений, я передал всю накопленную информацию Олегу Пылеву и направился домой. Сделать этого не получилось — пришлось вернуться. Готовилось что-то грандиозное и меня не хотели отпускать, на всякий случай держа в поле видимости. Только с утра я покинул квартиру Олега, набитую десятками вооруженных до зубов, бойцов, а вечером был звонок, разговор с Ананьевским Сергеем я приводил в прежних томах, думаю, нет смысла его повторять…

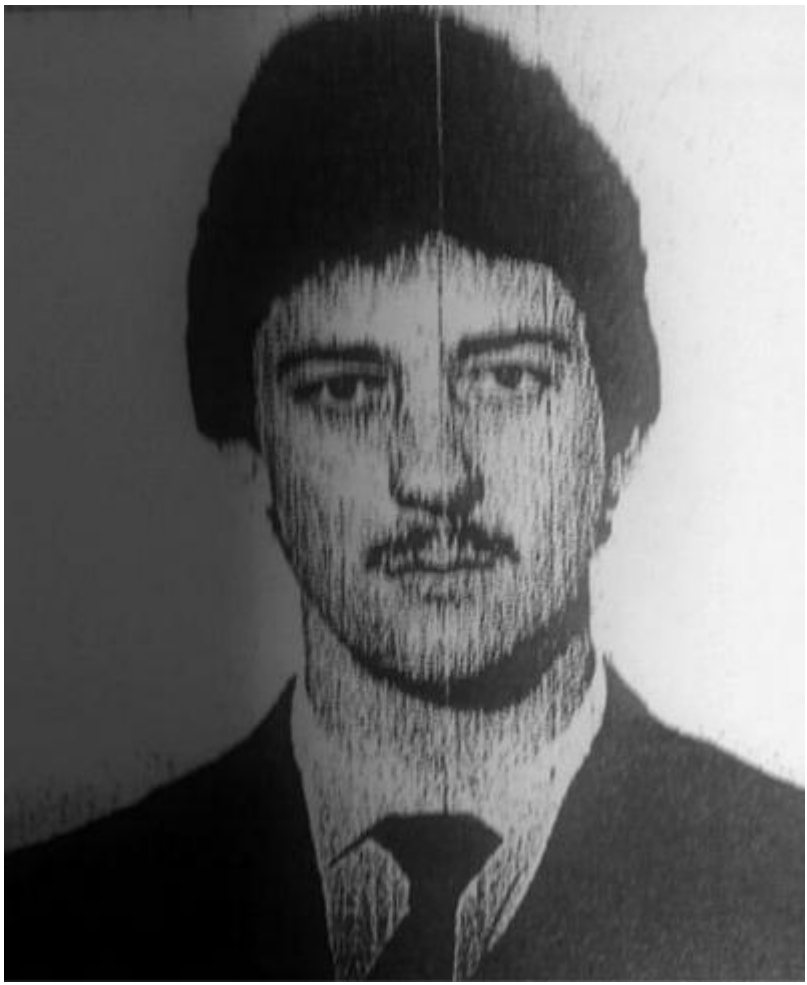
На следующее утро я узнал, что ни «Усатого», ни Лехи Садовникова больше нет…

Помехой оставался только «Женек» — Евгений Любимов, чего уже никто не боялся, поскольку у «лианозовских» исполнителей не было. Исчезнуть мне так и не получилось, время шло, а после обещания Андрея, что убивать мне больше никого не нужно будет, я остался. Но со временем меняется всё и все, убивать все же пришлось, но только через несколько лет…

Двадцать восьмого февраля был день рождение Надежды… Ничего не желая слышать, она покинула дом с утра, попросив отца отвезти ее на могилу к Тимуру. Не желая ни гостей, ни самого события, ни даже просто шевелиться, пробыла там довольно долго, не замечая времени и холода. Вернувшись с кладбища ближе к вечеру, она застали полную квартиру людей. Дочка сделала ее любимый салат оливье, мамы напекли хачапури и пироги.

Были Калинины, Саркисовы, Зурики, сестра Тимура — Карина, Александр Тобак, даже Алена Разумкова — бывшая, когда-то женой погибшего. Дарили, как оказалось, самое необходимое: Калинины целый гардероб вещей, кофты, свитера, маечки, в том числе брендовое дорогое платье. Чета Сахокия тоже преподнесли подобные подарки, коими завалили весь диван,

представившийся тогда холмиком черного… именно только черного цвета!.. Все пригодилось — Надя носила траур год, оставив его и после, совершенно не обращая внимание на просьбы детей, родственников, друзей хоть что-то поменять. Мама Тимура — Нора, всегда носит черное, решив не одевать цветного до конца жизни.



Бачурин Юрий — «Усатый». Фотография из фототаблиц материалов уголовного дела

В конце дня позвонил Влад Листьев. Хлебниковы периодически встречались у Калининых. Тимур познакомился с ним на каком-то экономическом форуме в Сочи, с тех пор поддерживал теплые отношения. В трубке прозвучал его успокаивающий голос:

— Надюшь, я знаю, что ты мужественный солдатик. Я тебе

обязательно помогу. Но сейчас так замотан с открытием Первого канала… Мы завтра начинаем! Обязательно заеду — расскажешь, и вместе подумаем, что делать… — Завтра настало Первое марта и вечером Листьева тоже не стало. Та же кровь, та же смерть прежде времени, то же горе…

Калинины хотели заехать за ней, но этот удар совершенно добил ее. Только через экран телевизора могла она несколько мгновений наблюдать за происходящим. На Александра и Эмму, по ее воспоминаниям, смотреть было совсем невозможно, свалившееся просто разбило их. Она хотела, собравшись, поехать на следующий день, но вновь не смогла, подумав, что утешать будет нечем, сказать, как говорили ей недавно: «Ну потерпи и все постепенно затихнет!» — не могла, знала — это неправда!

* * *

Все эти дни от похорон до поминок были насыщены всевозможными мероприятиями по сбору допросов, другими следственными действиями, но как разнились слова, сказанные на похоронах и поминках с написанным в протоколах, а ведь на «девять дней», перед которыми мать Тимура и вдова готовили всю ночь, мест не хватило, заняты были все сидячие места, протиснуться было непросто, туалет всегда занят, как и балкон, Надя обращалась к сидящим в уголке Саркисову, Зазулову, Степанову, маститым конструкторам, героям труда, гениям науки, настоящим мужикам, прожившим основную часть жизни при Союзе, положившим свои силы и почти всю жизнь на алтарь служения Родине. Когда она подошла, мужчины встали. Посмотрев на каждого, вдова произнесла:

— Если боитесь, я вас пойму. Но я должна знать — вы скажите правду или нет? Если нет — просто скажите…

Они обещали…

Прощание с Владом Листьевым…

Когда она читала через несколько недель протоколы показаний, слезы обиды катились градом: оказывается, эти люди даже не могли представить, кто мог убить ее мужа, их коллегу, жестко отстаивающего их права, достигнутые договоренности, суммы, которые так желали украсть, за что и погиб. Не станем осуждать, ведь ими могло двигать очевидное желание сохранить заказы, заводы, коллективы, себя, в конце концов, что несравнимо больше, чем оглашение их предположений, к тому же не бывших фактами, вдова же хотела обвинений из их уст, чего ожидать было вряд ли разумно…

Материнский инстинкт невозможно забить ничем другим, если он есть и не подвержен страстям типа пьянства и наркомании. Надежда старалась дать детям необходимое, и давала, но не было главного: любви и тепла, получая все остальное, несмотря ни на что, они отвечают ей тем же, хотя было бы несправедливым не отметить, что зона тепла все же появилась — внуки. Как-то ее выросшая дочь, ставшая матерью, сказала:

— Мам, я даже не представляла, что ты сможешь относиться к моим детям теплее, чем к нам. С нами ты была как в шорах — на автомате нас кормила, учила, лечила, одевала, возила отдыхать… Но в твоем сердце была мерзлая могила, и не было места нам.

Что она могла ей ответить? Дочь права… Пылева и Ческиса можно обвинить в краже любви к ее детям, впрочем, как и меня, пишущего эти строки. Я помню, что отнимал отцов и мужей,

пусть они были такими же как я и сами в свою очередь творили зло, но их дела — их проблемы и их ответственность, а мое — только мое и никого больше!

Как-то Александр Калинин сказал Надежде:

— Не ставь на себе крест! Ты красивая женщина… Ты встретишь еще свою судьбу….

Хлебникова с разочарованием отвечала, откровенно не понимая, почему люди не мыслят как она:

— Детей у меня может быть несколько, но Тимур — он один. Был и есть…

Конечно, она далеко не святая — Тимур был далеко не единственный. И до него, и после были романы и масса романчиков. Мало того, наступило время, когда Надежда невзлюбив назойливых мужчин, раскаляла их докрасна, давая попробовать «остатки былой сладости», затем бросала, наслаждаясь их мучениями в непонимании, почему только начавшемуся роману пришел такой неожиданный конец.

Она возненавидела мужчин за решения, которые не учитывают женского счастья, выбирают разумом, а не душой, воюют друг с другом, часто без особой причины изменяют, не считая это предательством, не любят чувствовать себя зависимыми, но стараются все поставить в зависимость от себя, оставляя таковым даже после своей смерти. Подобное она могла простить Тимуру, часто даже не замечая этого, но его смерть заставила возненавидеть эти качества, даже в минимальных их проявления… ненавидеть, наказывая за них…

Все плохое в погибшем муже она переносила на других, порой и не обладавших ничем из перечисленного, благодаря чему Тимур озарялся чуть ли не светом целомудренности и безгреховности, а «мальчик для битья» принимал на себя всю ненависть и гнев.

Был момент, когда она одномоментно решила покончить… нет, не с собой, а с болью, с раздирающими изнутри мыслями об убийстве всех, теперь, как ей казалось, предавших ее, молчавших, а значит, вставших на сторону убийц. Только ее настоящие друзья знают, чего им стоило, превозмогая опасения, забывая о себе, приходить, а иногда и приползать, ради, хоть одного слова поддержки.

Многие женщины лишаются и мужей, и любимых, часто это происходит до свадьбы в разгар самого пика счастья, но и после этого обрушившиеся в бездну переживаний, находят в себе силы подняться и начать новую жизнь, как я писал, подобное пережили и мои сестренки, но Надя не смогла, оказавшись слабой перед обстоятельствами и своей страстью.

Одна тема жила в ней, навсегда обосновавшись на ее языке — Тимур. Немногие выдержали потоки изливающегося горя, сносящие все и вся. Даже когда через несколько месяцев она перестала нуждаться, не без помощи добрых людей, и ей хватало для содержания детей, собаки и себя, знакомые, не выдерживая этих навязчивых излияний, сторонились или пропадали вовсе…

Её отец, олимпийский чемпион Юрий Чесноков, поначалу не был в восторге от появления Тимура, переехавшего в ее однокомнатную квартиру на ВДНХ жить. Он говорил:

— Зачем тебе это надо? У тебя есть дочь, работа, образование. Я как мужик тебе говорю — ты эффектная женщина. Живи и радуйся! Зачем тебе эти заморочки?..

Правда, его мнение резко изменилось, когда жилищные условия уже четы Хлебниковых изменились к лучшему, появились успехи, положение, связи, которыми можно было гордиться. Как и многие родственники Тимура, её родители стали часто приезжать в гости, оказывать повышенное внимание, уважение, обращались с просьбами, пользовались его добротой и безотказностью…

Её отец просил шикарный «Мерседес» для встречи заграничных боссов по линии волейбола, государство ничуть тогда об этом не заботилось, приходилось его замещать генеральному директору СП «Русджет». Тимур предложил пользоваться их с дочерью, двухсотметровой квартирой, оставшейся теперь богатым наследством, как офисом для деловых встреч, что было прекрасным выходом, которым когда-то великий спортсмен, а теперь функционер, пользовался. Надя была недовольна, но, заметив это, Тимур резко высказался наедине по этому поводу:

— Ничего мне не говори! Это твои родители. И что смогу — я сделаю. Я горжусь, что они мне вырастили такую жену, с такой родословной. Твой характер это копия твоего отца. При мне слова чтобы я не слышал неуважительного о Юрии Борисовиче и Галине Александровне!

Они забрали Катечку в день убийства из дома. Георгия Надежда не отдала, не найдя в себе сил выпустить из рук частичку Тимура.

Катя вернулась домой только с похорон, через пару дней пошла в школу, где директриса, Ирина Григорьевна, приятельница вдовы, прекрасно знавшая и Тимура, посчитала необходимым сопроводить ребенка в класс, обратившись к одноклассникам:

— Ребята! У Катечки произошло горе в семье. Погиб ее папа. Будьте к ней особо внимательны.

Уже став сама мамой, Екатерина рассказывала: «Дети

прониклись, окружили вниманием, давали списывать пропущенные уроки, кто-то ластик подарил… кто-то яблочком угощал…». Дети бывают невероятно злы, но, начав сопереживать, становятся ангелами.

В один из первых дней ее окружили дети, и она первый раз разрыдалась: «Я так и не успела его назвать папой!..»

Катя полностью после похорон заместила мать, пока та была занята «поминальными» делами, следствием, поиском средств к существованию. Беря деньги у матери, платила за квартиру, покупала памперсы для малыша, везде таская с собой, сидела с ним дома, мыла, кормила, готовила, укладывала спать… До сих пор, раскаиваясь изредка в своем тогдашнем отношении к детям, Надежда роняет: «Если бы не она — я не знаю, как бы я справилась!..»

После

И после устранения Тимура поначалу планы Ческиса сбывались один за другим: генеральным директором СП «Русджет» назначили Головина Юрия Петровича, того самого, что предупреждал и пытался убедить Тимура принять меры за день за его гибели. Назначение было чисто номинальным, теперь финансовые потоки потекли через «МАРВОЛ ГРУПП», то есть через Ческиса. Скоро Олег Пылев, раздавая первую крупную премию своим бойцам, гордо скажет:

— Под нашим контролем крупный оборонный проект, скоро мы сможем сопоставить наши прибыли с заводами-гигантами… — Эта сумма составляла 5000 долларов каждому, что было большими деньгами для рядовых членов «медведковского профсоюза» того времени. Правда, с этого проекта деньги поступили всего однажды, позже я расскажу, по какой причине.

Марк Волошин и Лева Шумахер перепугались, поняв, наконец, с кем имеют дело. Саркисов, Зазулов, Степанов — конструкторы с мировыми именами и другие участники проекта «Супер Мираж» пребывали в шоке и замешательстве. Но довести дело до конца было необходимо: в деньгах нуждались и их заводы, и они лично, получая большие гонорары, разумеется, неофициально, в гораздо больших объемах, чем Тимур. Так что исчез человек — не стало и проблем.

Ческис, став не только хозяином ситуации, но теперь и ее заложником, обязан был показать Пылевым не столько свою значимость, сколько обоснованность требования убрать Тимура. Безусловно, ему нравилось показывать свою причастность к «пацанам», тогда это было престижно! Но как оказалось, последовавшая после смерти Надиного мужа обратная волна была сродни цунами.

Дмитрий Семенович, хоть и чувствовал страх людей перед собой в офисе, но ощущал и неприязнь, что подсказывало — добром это не кончится. Следствие с первых дней «вцепилось зубами» именно в те места, которые он не успел прикрыть, не ожидав такого напора. Решить эти проблемы сам он был снова не в состоянии, а вот этого уже «реальные пацаны» понять не захотят!

Было ясно, что катализатор тормозящих неприятностей проживает по тому же адресу, что и убитый Тимур, а потому финансист, зная о тяжелом финансовом положении вдовы, начал предлагать помощь, пытаясь задорого купить её. Зная, что от него

лично она ничего не примет, постарался это предложить через «засланного казачка» — Лешу Гуревича, финансового директора СП «Русджет». Вдове предлагалось: выйти на работу в «Русджет»; некое подобие пенсии детям ежемесячно; единовременную очень крупную сумму, гораздо бóльшую, чем Волошин не доплатил ее мужу.

В виде ответа посредник Ческису передал послание, перевод которого означал, как бы это помягче сказать: «Мерзавец, спрячься в свою задницу, откуда я тебя все равно достану!» — вполне понятно, что вдова не желала ни перемирия, ни зависимости от убийцы своего мужа, неосторожно дав понять ему, что смерть любимого человека просто так не оставит!

* * *

Когда появился Босс, еще щенком, Тимур привез из очередной командировки каталог собачьих будок. Они оба смеялись дизайну, удивлялись продуманности, интерьеру и цене, в конце концов, домик для добермана выбрали. Именно этот каталог и стоявшая, доставленная в свое время будочка и натолкнула ее на мысль заняться производством жилищ для собак.

Строительные материалы бесплатно привозили строители с окрестных строек, довольные тем, что не нужно тратить бензин до свалок. Очень быстро пронесся слух о необычных домиках для животных, а кто не хочет порадовать своих любимых питомцев! Одновременно в свободное время, изредка, Надя, владеющая английским языком, занималась переводом текстов с экономической спецификой. Она не была творческим человеком, поэтому такой заработок не был характерен для нее, со временем ей предложили заняться другим бизнесом, и она согласилась, в результате на Покровке появился первый профессиональный магазин для парикмахеров. Друзья Тимуры — спортсмены предоставили ей и офис, где уже находился Семен Дмитриев, «раскрутившись», она смогла и платить аренду, которая была по дружбе, мизером для такого хорошего места.

Клиенты прибавлялись толпами, залетали косяками — только у нее можно было купить профессиональные фены и инструменты в розницу, всевозможные шампуни, укладочные средства и уход профессиональных марок, продающихся только в салонах красоты по гораздо более высоким ценам. Клиенты приезжали из других городов и даже государств, бывших союзных республик СССР!

Надежда Юрьевна очень быстро «обросла» связями в нише индустрии красоты, ее имя стало узнаваемым, а фирма «Компания ВТ» стала официально представлять «L'OREAL Professional» и «Шварцкопф профэшнл» в России и ряде других городов, на правах дистрибьютора.

Чуть позже Хлебникова завезла в Россию на правах эксклюзивного дистрибьютора свою марку — «Вилла Боргини» из Италии, от самого производителя. Для этого пришлось проходить обучение в Ареццо на факультете бионаучной дерматологии при университете города Сиенны, где экзамены принимаются на итальянском или английском языках!

Неуемная работоспособность и изобретательность помогли своими усилиями создать «Клуб ПИК» вместе с маэстро Александром Мысиным — клуб профессионалов индустрии красоты, и учредить ежегодную «ПИК-Премию» индустрии красоты, которые стали элитными светскими мероприятиями для профессионалов.

* * *

Ситуацию, сложившуюся с супругой погибшего Хлебникова, решать было необходимо. Это понимал и Марк Волошин. Для Ческиса, не имеющего ни шансов, ни возможностей устранить Надю мирным путем, другого не было. По-иному этим заниматься бы никто не стал — Пылев засмеял бы неудачливого финансиста, скажи тот, что не может сладить с женщиной.

Все передаваемые предложения, исходящие от него, Надя отвергала не дослушав. Оставался Марк. Глава «МАРВОЛ» и сам понимал необходимость каким-либо образом уладить конфликтную ситуацию, но будучи жадным, поддавался только силе, которой у вдовы не было.

Бывший стоматолог решил начать переговоры, пригласив для этого Хлебникову в офис. Он прислал машину к подъезду, но перед самым отъездом позвонил и попросил взять с собой сына бывшего подчиненного, обосновав это желанием познакомиться с отпрыском человека, которого не только «уважал, но и любил».

Через полчаса мальчик с довольным личиком рассматривал новые стены, обстановку, людей, особенно мужчин, ища среди них папу. Марк, встретивший вдову только у лифта, сделал пальцами «козу», заигрывая с годовалым малышом, предложил, оставив его у секретарши, самим пройти в кабинет. Как потом он сам рассказывал, Ческис, узнавший об этом посещении, пришел в ярость, испугавшись, что увидев его, «эта сумасшедшая» может

выхватить из-за пазухи топорик и наброситься на него. Именно поэтому он потребовал, на всякий случай, заложника в виде мальчика.

Фотография, сделанная автором у храма во время отпевания тела Ананьевского Сергея. Крайний слева Федулов, крайний справа Пономарев

Вдова понимала с самого начала, не имея дурных намерений именно такого плана (она строила другие), не задумываясь, выполнила просьбу. Войдя в кабинет и, кроме ожидаемой, отдающей горечью и гнилью парочки Ческис — Галушко, она удивилась присутствию еще двух представителей «профсоюза»: «Шарпея» (Юрий Федулов) и «Моряка» (Вячеслав Пономарев).

Подойдя к ним вплотную, посмотрев в глаза и не отводя своих, с сарказмом произнесла:

— Марк, не ожидала, что вы все испугаетесь меня одну. Чего боитесь-то, у вас в приемной такой заложник?!..

В основном сожалением, надуманными обязательствами, объяснениями, которые она пропускала «мимо ушей», был наполнен этот разговор, по сути прошедший впустую. Ничего нового Хлебникова не вынесла из него, за исключением факта: Марк Волошин лег полностью под Ческиса и его бандитов, а значит, ждать от него нечего.

Ей было понятно — Марку совершенно плевать, что творится здесь, неважно, куда идут деньги, оставшиеся после того, как он уже откусил свою долю на счетах офшора, а проект считал почти законченным, поскольку основное было сделано, и все без

исключения желали его удачного выхода на промышленные масштабы.

То, что кто-то погиб — так ли важно, когда это ни он сам и ни тот, от которого что-то зависело. Украдет Ческис почти все деньги ВПК — ну ладно, там согласны пахать и за оставшиеся копейки. Одиннадцать двигателей, из которых только два существовали в действительности и четырнадцать сверхсекретных ракет он продал, заработав семьдесят миллионов долларов, и не его забота, что скоро их нужно будет возвращать по договоренности, отмеченной в контракте. То есть, он в любом случае уже провернул удачную сделку и может «умывать руки», тем более что впереди грядет основная часть разработанного им плана — переоснащение истребителей, а здесь, как ему не очень умно предполагалось, кроме как с ним ни одна, ни другая сторона подписывать контракты не станут.

Так или иначе, Волошин считал именно себя «пупом земли», но не так считали «Росвооружение», Ческис и, тем более, Надежда Хлебникова…

При прощании Марк, по своей изначальной многообещающей внешней галантности не оказался благородным щедрым мачо на деле, ничем не помог вдове своего друга (как теперь заявлял всегда и везде), но с опорой на свою значимость, произнес: «Если что — звони мне напрямую по любому вопросу»…

И она позвонила через неделю-две в Ганновер. Как раз в это время проходило совещание, но ему доложили. По рассказу Лео Шумахер, Марк, выслушав вошедшую секретаршу, приказал соединить. В кабинете присутствовали Ческис, Галушко, Головин, разумеется, сам Шумахер. Прозвучавшие слова девушки произвели впечатление вошедшей бесцеремонно смерти, причем только с одной целью: забрать всех без исключения с собой. Ческис потребовал разговаривать по громкой связи. Надя, при первом произнесенном слове, благодаря наличию эха, поняла что ее слышат все присутствующие, и, сделав безошибочный вывод о персонах в кабинете, начала с сути, сразу готовясь перейти в атаку.

Озвучивая свою имеющуюся проблему нехватки денег на памятник Тимуру (тогда вдова заказала 7 тонн мрамора из Молдавии, что оказалось достаточно дорого, надежды на продажу своей однокомнатной квартиру на ВДНХ под это не сбылись), попросила выделить ей из тех денег, что Волошин остался должен её мужу. Миллионер, подумав, ответил:

— Да, Наденька, конечно, тебе деньги привезут в течение двух дней (разговор шел о 17 тысячах долларов — памятник стоил девятнадцать, две у нее были). Может быть, чем-то еще

могу помочь или что-то сделать для тебя? Какие-то просьбы? Не стесняйся…

— Да, Марк. Пожалуйста, береги себя и Леву. Люди, с которыми вы связались, могут убить и вас. Вы, ваши близкие, ваш бизнес — в опасности!

— Надя, ты сама никуда не лезь! Подумай о детях! Тимура нам всем очень не хватает, я его любил как брата. Но его не вернешь…

— Марк. У меня к тебе только одна еще просьба…

— Да, Надя, слушаю!

— Если тем, кто убил Тимура, понадобится моя жизнь, пусть только стреляют не подло в затылок.

— Надя! Надя!!! Зачем ты МНЕ это говоришь?

— Затем, что они — рядом с тобой!

Её несло, как бывало в последнее время, не осознавая, что делает в этом состоянии, она дерзила в отчаянии, даже не предполагая, что все ее «обидчики» в этот момент, не только находились в этом кабинете, но и слышали сказанное. Говоря же «рядом» имела ввиду — в кругу общения. Предполагая самое худшее, Ческис, взбесился не на шутку:

— Марк Семенович! Откуда эта женщина знает, что мы у Вас?..

* * *

Как бы Надежда Юрьевна не старалась и как бы многое из задуманного не получалось, оставались активы, не использовать которые было бы глупо. Одной из таких возможностей был тот самый лимузин «Мерседес-Бенц», купленный супругами вместе за собственные деньги. Проблема только в одной мелочи — Тимур, чтобы не платить таможенную пошлину, оформил автомобиль, как вклад в Уставный фонд СП «Русджет»[70] и пользовался им по доверенности, которую как генеральный директор выписал себе сам. После его гибели, «марволята» во главе с Ческисом решили, машину не отдавать вдове, мол, плохо себя ведет, да и причина шантажа прекрасная.

Очередная ошибка человека, охваченного страхом, а, как известно, страх плохой советчик, опасный попутчик, наихудший союзник. Снова Хлебникова позвонила Марку:

— Марк, дай указание своим цепным псам, чтобы вернули мне машину, которую Тимур покупал.

— Ой! Там какие-то сложности с оформлением… — Глава «МАРВОЛА» не хотел связываться по мелочам с теми, кто уже

считал его под своим крылом, чтобы не оказаться заложником ситуации — так ему было спокойнее.

— Не морочь мне голову. Пусть оформят, как продажу за условные деньги. А потом мне их вернут.

— Надя, мне очень жаль… Там всем сейчас заправляет Ческис с Галушко… — «Ну хоть на это у стоматолога сил хватило!» — подумалось ей, что нисколько не облегчило положение.

На должность генерального директора СП «Русджет» Ческис поставил, как я уже писал, Головина Юрия, который после неудачной попытки предупредить Тимура и сам побаивался возмездия, в случае если узнают о его разговоре с Тимуром. Надя прекрасно его знала, а помня, что Тимур говорил о нем, как о единственном нормальным мужике в этой компании, попробовала позвонить ему через секретаря. Соединяют:

— Да, Надя. Чем-то помочь? Как дела?

— Вашими молитвами… Юр, верни мне машину.

— Она на балансе. Я не знаю… ты же понимаешь, я здесь… — это Ческису надо звонить.

— Да он вас всех что, запугал так? Тебе не стыдно, Юра?

— Извини, пожалуйста… но звони Ческису.

— Пошел ты! Не дам ему, этой суке, задохнутся от счастья! Чтобы я Ческису звонила и просила!!!

Но так оставлять нельзя было!!!!

Я помню это время. Моему другу Вячеславу поставили задачу отвезти эту машину на сервис, кто-то поцарапал крыло. Я еще посмеялся, говоря:

— Славунь, ну тебе нельзя доверять такие тачки — не опасаешься, что украдут?!

— Лелик, блин! Ээээта (когда он волнуется, то начинает слегка заикаться) ниии та маааашина, нааа которой я хотел бы ееездить.

— Че такое? Нормальная же тачка…

— Таааачка — да, нооо ее бы… — Тут он замкнулся в себе, давая понять, что хочет отдать ее поскорее и больше не касаться…

Зная, где стоит машина, вдова подумал, и поняв, чего не хватает, вынула из шкафа коробку, куда положила все вынесенное за пазухой из кабинета мужа, в день, когда ее не пускали, и когда она все равно пробралась. Чистые бланки лежали на самом верху, и уже с печатью совместного предприятия. Там же технический паспорт, немецкий заводской на машину, запасной ключ с пультом от сигнализации.

С этим набором вдова, быстро собравшись, ибо привыкла

делать все сразу, не откладывая, поехала к одному знакомому, и застав его, объяснила положение дел, обрисовав некрасивую ситуацию. Он согласился помочь, познакомив с нужными людьми, предупредив, что остальное его не касается. Пока ждали их приезда, написали типа двух доверенностей на бланке, жена расписалась за Тимура и отдала документы на машину с ключом и пультом.

Довольно быстро машина Тимура покинула стоянку «МАРВОЛ», укатив в неизвестном никому направлении.

Позже знакомец, позвонив по телефону, спросил:

— Надь, мне нужно сказать… сколько денег?

— А сколько они хотят?

— Нет. Ты сколько хочешь?

— Я не продаю машину в угон. Я прошу сделать для меня работу. Так что мне нисколько не надо. Спасибо, что сделают за так.

Через пару дней Хлебниковой звонил Игорь Константинов, бывший у Тимура в офисе «хозяйственником», всегда нравившийся ей, как человек:

— Вер, у тебя техпаспорт есть на Тимура машину? — А с какой целью интересуешься?

— Да у них там проблемка возникла с машиной. Просили тебе позвонить.

— А сами что? Кишка тонка?

— Ну ты меня пойми. Я человек подневольный.

— Я тебя поняла. И ты меня пойми. Я человек… вольный! Скажи — позвонил, спросил. Я ответила: да, техпаспорт у меня. Дальше что?

— Что передать-то в итоге?

— Передай им от меня огромное человеческое спасибо и на «х…р» пошли — тоже от меня.

— Надь. С огнем играешь.

— Нет, Игорь. Я играю с плесенью.

Потом Игорь рассказал, как приехал Ческис к Головину в «Русджет» (а когда он приезжал, то садился в кабинете Тимура, ни куда-нибудь, а показательно в его кресло, остальных рассаживая на стульчики рядом). Собрав подчиненных, вызвал и Константинова.

— Звонил жене Хлебникова?

— Звонил.

— Техпаспорт у нее?

— У нее.

— Отдаст?

— Нет.

— Почему?

— Сами позвоните и спросите! — Это показалось наглостью, которую быстро и аккуратно разъяснил отвечающий:

— Она так сказала…

— Что еще она сказала?

— На «х…р» послала.

— Тебя?

— Нет… Дмитрий Семенович, Вас…

— Я так и знал, что это работа этой суки. Как кость в горле торчит!..

Продолжения разговора Константинов не слышал…

Незадолго до этого Ческис пришел на могилу к Тимуру в его день рождения (седьмого апреля). Увидев вдову, не постеснялся подойти, наверное, для этого и прибыл, протянул без слов четыре гвоздички.

— Ну сам и положи…

— Тут, в оградке, места мало!.. — Все вокруг было усыпано цветами, венками, лентами, уже свежими, преподнесенными еще с утра.

— Ничего, Дим… я тебе здесь место найду!.. — Он и бывшие с ним опешили, растерянно постояли еще несколько минут в тишине за ее спиной и скоро засуетившись, удалились…

* * *

Следствие, по объективным причинам того времени, не могло идти полным ходом, хотя и не прекращалось, что радовало, но время, отведенное для этого законом, имеет свои, как кажется, обоснованные границы. Понимая, что люди не желают по разным причинам помогать, сбившиеся с ног опера, не в состоянии раскопать хоть что-то стоящее, ведь, кроме уверенности Нади были только общие слова, интуитивное чутье Смольникова Ивана Ивановича и огромная стопка допросов, не дающие права даже продлить сроки расследования. Вдова пыталась хоть что-то узнать, но в голову более ничего, кроме как пригласить на рюмочку и разболтать человека, придумать не могла. Записывая на кухне под водочку любую узнанную мелочь расклеившегося собеседника, даже не подозревавшего, она надеялась, что рано или поздно это пригодиться.

Когда Смольниковым «бытовая» версия была исследована и убрана из рабочих, он внимал рассказам Надежды, часто повторяющимся, с большим количеством предположений, которых и слушать бы никто не стал, часами! Никогда не

торопился. Слушал, переспрашивал, никогда ничего не записывал. Приезжал после оперативных допросов (иногда с аудиозаписью) Ческиса, Сидоркова, Зинченко. Давал ей слушать, просил комментировать каждое слово. Потому как полной правды не было ни в чьих словах! Так всегда бывает… но так не хочется! В его глазах можно было прочитать, как будто бы чувство вины: он понимал верное направление и без Нади, силился найти в ее словах подсказку, но находил почти одну боль. Было понятно, что Ческиса нужно трясти как грушу, что Зинченко, Волошин, Галушко, Головин, Степанов знают все или почти все, но молчат! И он ничего не мог сделать. Не было оснований для санкций. Получить их было невозможно. Куча нераскрытых заказных убийств, а эта одержимая женщина требует не только внимания, но и действий, как единственная потерпевшая в городе. Подобное было далеко не исключением, других он одергивал, ее почему-то терпел и пытался хоть как-то успокоить.

Смольников объехал по «кругу», и не одному, всех друзей и знакомых, был даже с Надеждой на даче ради разговора с родителями Тимура — очень тепло по-человечески, беседовал с ними. Неоднократно встречался он и с отцом, и мамой самой вдовы, приезжал на кладбище в день памяти и день рождения погибшего. Опер, не задумываясь, по первому звонку приезжал, чтобы помочь поменять колеса, когда она только села за руль, не зная ничего из так называемого обслуживания технического средства. Этот уже немолодой человек, имея свою благополучную семью, безумно любящий супругу и детей, находил время, что бы встретить Катю с каких-то мероприятий, провожал ребенка до самого дома. Разговаривая с Георгием про оружие, про следователей, приезжая на домашние праздники, он всегда находил не свойственные, согласно бытующему мнению о милиционерах, теплые человеческие слова, часто лишь с одной целью — чтобы вдова знала: про ее дело помнят! Ничего не забыто!..

В мае 1995 года Надежда, вернувшись домой с Катей, Георгий остался на даче с няней, выходя из лифта, увидели в ручке двери цветы. Красивый стильный букетик — не банальные розы, аккуратно красовался на уровне груди. Девочка, обрадовавшись, со смехом бросилась к цветам, но встала, как вкопанная после испуганного окрика матери:

— СТОЯТЬ!!!!

— Мам… ты чего?!

— Отойди. Мееедленно.

Мать и дочь, спустившись на улицу, боялись даже в глаза друг другу посмотреть. Хлебникова позвонила Смольникову:

— Иван Иванович. У меня букет…

— Поздравляю!

— Блин… Цветы в двери.

— Приехать в воду поставить помочь?

— А если там взрывчатка?!

— Бляха-муха! Сейчас приеду!.. — Всегдашняя не меняемая поговорка предшествовала любой фразе, нуждающейся в акценте…

Приехал, обследовал, убедившись, что просто букет, взял. Втроем зашли домой, цветы обрели вазу с водой, а стол чашечки с кофе и сладкое:

— Надежда Юрьевна! Знаешь, что я тебе хочу сказать?

— Знаю… Когда все закончится, мне лечиться надо… — Он широко улыбнулся:

— Тебе бесполезно. А мне вот точно придется… из-за тебя. У меня от твоих звонков уже весь отдел вздрагивает. Пинкертон хренов…

Когда Надя накопила необходимую сумму на первую свою дорогую машину — Toyota RAV4, оплачивать ее, как простой охранник, напросился Иван Иванович. На всякий случай они договорились, что если спросят, откуда у нее столько денег, он должен сказать — у меня заняла. Посмеявшись, он согласился…

* * *

Мне всегда казалось, что могу предугадать низость человеческого падения, но бывало, что я испытывал разочарование от ошибочности своих предположений. Прошло уже больше пятнадцати лет с момента, когда я чуть было не подорвал несколько десятков «братков» на Введенском кладбище по указанию своих «главшпанов». Не знаю, что на меня тогда нашло! Слава Богу, вовремя остановившись, я настолько испугался нависшей надо мной мглы, оказавшейся способной затмить разум на несколько часов, что до сих пор, вспоминая те моменты, покрываюсь испариной. Соверши я тогда эти не хватающие до трагедии полшага, Господь оставил бы меня на съедения червям пожизненно, что само по себе менее страшно, чем гибель души!

Наверное, этот страх от осознанного, чуть было не сделанного не по стечению обстоятельств, а своими руками, намеренно, никогда не покинет меня, так же как память о той, погибшей при взрыве на Осеннем бульваре, девочке[71]…

Человеческая сущность со времен создания мира настолько

изменилась, что способна пасть в любую пропасть, если обездуховлена, беспринципна, сожжена страстями стяжательства, гордыни, зависти, власти. Что же движет человеком, способным надругаться не над себе подобным, а над его памятью — все, что осталось родственникам, любящим его и после его смерти?! Это останется навечно на совести совершающее святотатство…

Как-то подходя к месту захоронения Тимура, Наде показалось странным состояние могилы — это «что-то не так» выглядело сломанным заграждением и двумя воткнутыми крест-накрест арматуринами возле портрета мужа, угрожающе намекая на требование остановки любых действий.

Вид варварства вместо испуга породил агрессию невероятной мощности. Попадись сейчас ей на глаза совершившие это нелюди, пленных бы не осталось!..

Подобных случаев на Ваганьковском не было. Недолго думая, она набрала номер телефона Смольникова, который примчался с группой через пятнадцать минут. Все описав, сделав фото, Иван Иванович, не долго думая, решил рвануть в офис к Ческису, и чуть позже был уже с «докладом» у вдовы дома, озабоченно вертя диктофон с записью беседы с финансистом.

Ческис не на шутку перепугался неожиданному появлению, от всего отнекиваясь, уверял, что вдова зря их побеспокоила, мол, уж починить-то оградку он может ей помочь…

Тем и кончился этот инцидент, отслоившись тоненькой неприятной прослойкой между множеством и более серьезных остальных…

После гибели Тимура от вдовы многие шарахались, как от чумы. Никому не хотелось постоянно слушать о ее муже, их жизни, разделять ненависть к Ческису, утешать, а не дай Бог, и помогать материально. Действительно, она нуждалась, но в единственном — помощи в отмщении.

Именно местью, а не восстановлением справедливости пылало ее сердце! Ни генеральные конструкторы, представляющие в воображении свои катящиеся голов по асфальту, ни генералы, пасующие перед бритоголовыми парнями в кожаных куртках, ни тем более низшие чины, боящиеся потерять работу, что было равносильно голодной смерти, не были в состоянии рассказать, как просила Надя, хотя бы о своих гонорарах «в конвертах». Своя рубашка и тарелка ближе к телу. Будь она на их месте, и она бы сделала то же самое, но почему об этом не хотелось думать.

Глядя на Хлебникову, улыбаясь в глаза, они думали: сейчас она перебесится, успокоится, и все затихнет, как и должно быть на поверхности замечательного, родного болота. А пока можно,

скажем, вручить Почетную грамоту (посмертно) её выдающемуся супругу за такой же выдающийся вклад в развитие российского военного авиапрома… Пусть будет так, пусть за это моментами бывает стыдно, зато мы умные и главное — такие живые, будем продолжать получать свою часть пирога, поднимая тосты и нося цветочки на могилу этого прекрасного человека…

Полгода прошло в безуспешных попытках заставить говорить «друзей», пока вдруг на одном из банкетов, когда в очередной раз кто-то вещал с поднятой рюмкой о мужестве и неординарности, она обнаружила в своей косметичке, записанные на клочке салфетки, цифры. В памяти тут же всплыли обстоятельства появления этой надписи и имя Олег.

Молнией догадка врезалась в мозг: этим каналом она еще не пользовалась, нужно попробовать, вдруг что-то получится. Позвонив другу молодости, напрямую сказала, что ей нужна помощь. Через несколько часов они сидели за одним столиком в кафе на Старом Арбате.

Разговор выходил сухим, без раскланиваний и взаимных реверансов, обоих интересовало только дело:

— Чем я могу тебе помочь?

— Олег… Я знаю, что прошу невозможного. Но о «возможном» я не стала бы и просить… Прежде, чем изложить свой план, я должна понимать твои возможности. Где ты работаешь?

— Пусть будет… служба безопасности… работающая за рубежом…

— Гм… Идет. Значит так. Мне нужно организовать встречу с представителями американской, израильской или французской разведки.

— Еще раз… — Она повторила. Немного помолчав, видимо взвешивая, стоит продолжать или нет, и, взвесив все, разведчик все же поинтересовался:

— Ты хорошо подумала?

— Да.

— Тема встречи?

— Хочу сдать секретные данные по военному проекту, который разрабатывался последние годы совместно с «АРМСКОР» — военно-воздушным ведомством ЮАР, в условиях эмбарго.

— Твоя цель?

— Тимура убили из-за денег. Я хочу перекрыть всем источник получения этих денег… все равно стране ничего не достанется…

— Объясни.

— Военно-воздушный парк ЮАР «обут» «Миражами». Но «лягушатники» (французы) не оказывают гарантийного

обслуживания, не поставляют запчасти, пока у власти Де Клерк, так как ЮАР в режиме апартеида попал под международное эмбарго. Сейчас к власти придет Правительство Народного Единства Нельсона Манделы и рынок ЮАР будет открыт. Я хочу, чтобы Россию убрали с этого рынка. Я готова передать все параметры по проекту на Запад (технические характеристики, финансовые и временные условия договора), чтобы официальное предложение со стороны Запада выглядело заманчивее, чем русское.

— Ты уверена? Надь, но это в принципе измена Родине… — Он понимал, что всегда есть интересы действительно Родины, а не кучки людей, жаждущих наживы за счет разработок произведенных прежним государством. Находясь примерно в теме подобных афер, офицер прекрасно понимал, что основные средства пойдут в личные карманы и лишь мизерная часть на поддержание ВВП. Секреты уже давно проданы, а то, что предполагали конструкторы и руководители заводов, были только их мысли, но как только проект дойдет до промышленных масштабов, на него «наложат руки» совершенно другие люди. Вся польза будет состоять в «поддержании штанов» персонала непосредственно работающего на проект.

Надо признать, что в условиях того кризиса это было совсем не мало, но в любое время существуют интересы поважнее просто сытого существования нескольких десятков человек, скажем, это может стать важным козырем при обсуждении сохранения мирных договоренностей на карте Европы, которые в то время сильно пошатнулись благодаря проводимой политике не столько президентом, сколько его ближайшим окружением.

Он знал, что такие козырные карты в рукавах политиков всегда в ограниченных количествах, и решил рискнуть, хотя бы разобраться, есть ли в этом смысл. Надя продолжала:

— Мне по барабану. Если правительство Ельцина не может защитить жизнь своих граждан, не может наказать убийц, то почему меня должны «парить» их интересы?! Ты поможешь? Или я пошла.

— Я подумаю. Я с тобой свяжусь. Пока только не дергайся никуда. Не дай Бог, в «цвет влетишь»…

* * *

Представьте себе самку, потерявшую своего самца. Теперь она должна занять самый низ иерархии, ее дети, скорее всего, погибнут, ненависть к убившим защитника зашкаливает и

благодаря посттравматическому синдрому разовьется в маниакальную навязчивость. Люди, хоть и разумные существа, но поступающие разумно не так часто, как хотелось бы! Другие самцы, опасаясь убийц, падают ниц перед подлым хищником, нанесшим удар из-за спины. Одним движением, да пожалуй, желанием, можно перебить хребет, напугавшему их, но они предпочитают закабалить свою волю, поменяв ее на доход с комфортом, на другие обоснования, лихо выстраиваемые мозгом приспособленца. Стыд поглаживает изворотливый ум, выдумывающий любые оправдания, звучащие помпезно и громко. Но ей-то до этого что?! Она не в состоянии думать сейчас о других, ведь и о своих детях она помнит только благодаря рефлексам, а не чувствам.

* * *

Незадолго до этой встречи с другом молодости, Надя умудрилась достать Генерального прокурора РФ.

Прошло несколько месяцев, но дело почти не двинулось с места, уперевшись в одни голые предположения, стена, наплывая со всех сторон, окружала метущуюся в муках душу. Надежды родственников и друзей на успокоение со временем энергичного противостояния в одиночку, не оправдывались.

Случилось это на помпезно отпразднованном дне рождении Александра Тобака в апреле 1995 года, куда в виде гостя, стараниями одного из друзей, прибыл Ильюшенко…

Вдова не стала ждать, пока ее представят, улучив удобный для себя момент, эффектно подошла к чиновнику, представилась. Зная о постигшем ее несчастье, он поинтересовался «как она», добавив о ее блистательной внешности.

— Вы бы еще сказали, что все произошедшее мне на пользу пошло… Я очень хотела Вас попросить мне помочь!

— Да, конечно, у меня работа такая, людям помогать. Чем помочь?

— Возьмите дело об убийстве моего мужа под контроль Генеральной Прокуратуры, пусть присвоят статус «бессрочно», переведут из Краснопресненской прокуратуры в город, и я требую лучшего, на мой взгляд, следователя — Супруненко Андрея Борисовича.

— Всего-то?.. — Нейтральная интонация подкрасилась пробежавшей по лоснящемуся лицу масляной улыбочкой «мартовского кота», почувствовавшего новую добычу:

— Ну давай не тут — шумно. Можем поужинать как-нибудь,

там и «порешаем».

— Я могу Вас на ужин пригласить с Вашей женой, кажется, Ольгой… — Улыбка слетела, как стертая вонючей тряпкой, оставив соответствующую гримасу:

— Ну хорошо. Я постараюсь.

— Да Вам не надо стараться! Это 43 секунды!

— Извини, сегодня праздник большой (это была Пасха). Грех о делах… — Что означало: без постели нет и темы — у меня таких просителей — как грязи.

«Тварь! Будь ты проклят, свиное рыло!» — подумалось Хлебниковой. Проклятье оказалось не только кстати, но и действенным: через пару месяцев Ильюшенко был арестован за взятки. Радости от этого она не испытала, но уверенность в наличии справедливости на земле укрепилась: «Одним меньше! Значит, справедливость есть?».

Если нельзя прямиком, значит можно в обход! Раз прошел один, пройдет и другой. Упертости ей было не занимать, что было подкреплено еще одним качеством: когда человек перебирает в уме возможные варианты, то прежде отбрасывает кажущиеся невозможными, она же могла начать именно с них!..

Супруненко Андрей Борисович. От нервного перенапряжения его всегда спокойный, человечный взгляд показался ей наполненным миллионом осколков льда. Именно ему было «спущено» уголовное дело об убийстве Тимура, но, как и десятки других, лежащих неподъемной тяжестью на плечах следователя, оставалось лишь одним из многих, над которым он работал, не выделяя из числа прочих. Ускорить, упросить уделить особое внимание — остальное было не важным! В здание прокуратуры помог попасть снова Олег — безотказный, наверное, еще переживающий слегка остатки прежнего чувства, как и в те замечательные дни молодости. Проведя ее в здание, он поцеловал ручку и исчез, пожелав удачи, хоть и понимал, что та может сейчас изменить.

У кабинета куча народа, люди входят, выходят, все суета сует, но войти ей невозможно, чтобы поговорить один на один. Выходит сам, но не один, возвращается обратно в глубокой задумчивости с кипой бумаг, не прокуратура — кабинет Ленина! Неожиданно появился снова, уходя, одеваясь на ходу — оказывается в тюрьму, допрашивать очередного подозреваемого, коих было не счесть. Через несколько часов вернулся и снова занят — все та же суета, накурено, никому нет дела ни до чего, хотя все великое всегда под рукой или ногами, нужно лишь заметить и захотеть разглядеть суть.

Уже в самом конце дня, много позже окончания рабочих

часов, следователь «важняк» возвращается в кабинет. Устало посмотрев на «наседавшую муху», от которой не отмахнуться — ведь ей еще хуже, чем ему, буркнул:

— Долго Вы будете тут сидеть?

— Это от Вас зависит. Я хотела бы в Ваш кабинет попасть.

— Редкое для меня желание. Я знаю про Вас. Я не могу заниматься только Вашим делом! Поймите, пожалуйста, сегодня, как большинство других — это такой же «висяк»! Сейчас такое либо раскрывается сразу, что редкое исключение, либо… это ужасно, но раскрытие заказных убийств сейчас по статистике нулевое. Я не имею права отказываться от дела и не отказываюсь, но также я не имею права в ущерб другим, которые возможно раскрою по горячим следам, заниматься только вашим. Сейчас не время!.. Если я займусь Вами, то не сделаю чего-то более важного…

— А вы возьмите — раскройте… когда время придет.

— Поймите пожалуйста, заниматься вашим делом, смертью вашего мужа — это моя обязанность, как и по отношению ко многим другим, которые я сейчас веду, нооо… вы думаете, другие не хотят узнать кто убил и как ответит по справедливости?.. — Стоя в проеме, что-то вспомнив, перелистнул стопку бумаг, нашел искомое, поднял брови, иии… вспомнил о ней:

— Почему именно я?!

— Мне сказали, что Вы — лучший по Москве. И мне другого не надо… — В задумчивости пробегая глазами нужную строчку в верхнем листе, он сжал губы, затем словно вспомнив недовыясненый вопрос, глядя на нее:

— Я даю Вам… — Сдержанно досадуя на неудобство, созданное занятыми руками и необходимостью одновременно посмотреть на ручные часы, спрятавшиеся под лацканом пиджака, ухмыльнувшись про себя, неожиданно вежливо пригласил:

— Максимум 4 минуты. Я ведь не могу вас лишить возможности меня убедить в рациональности заняться им в ущерб другим.

Из кабинета вдова вышла через три… часа. Потом, уже по окончанию им возможной части розыскных и следственных мероприятиях, он признавался, что ждал слез, конвертов, чего угодно. Время шло, и он ждал, слушая, не перебивая — эмоциональный выплеск, легший в основу этого повествования, внимательно наблюдаемый следователем, стал самым лучшим исследованием сути произошедшей трагедии. Сюда помещались и предпосылки, и причины, и море предположений женщины, без налета надуманности или наигранности, только правда, звучавшая настоящей в подобные минуты, чем не воспользоваться

опытный следователь просто не мог. Из опыта подобных сцен Супруненко знал — она должна заплакать, хотя бы по законам жанра, ждал этого, уже начав сопереживать, но и представить не мог, что это случится только через двадцать лет…

Супруненко Андрей Борисович…

Супруненко занимался расследованием уголовного дела по факту убийства Тимура несколько лет, пока оно не было передано под другую юрисдикцию, где позже объединено с другим, более массивным уголовным делом в 2002 году, напрямую касавшимся «Триады». С тех пор, засучив рукава, «копать» начали Игорь Анатольевич Рядовский и Виталий Викторович Ванин. Оперативное сопровождение было передано из тогда еще РУОП в МУР, и попало в руки старшего оперуполномоченного Трушкина Александра Ивановича, возглавлявшего оперативную группу по расследованию преступной деятельности «орехово-медведковско-одинцовской» преступной группировки.

Не стоит думать, что именно сама передача уголовного дела из одних рук в другие стала причиной успешного достижения финиша. Нисколько! Напротив, проделанная глобальная работа следователем по особо важным делам управления по расследованию бандитизма и убийств прокуратуры города Москвы. Им не пришлось, разрабатывая уже проверенные версии, тратить время зря, что позволило бросить все силы на «ореховско-медведковско-одинцовских». И конечно, массив основного дела, с которым объединили дело об убийстве Тимура Хлебникова, был в

разы больше и сложнее, хотя бы потому, что содержал в себе расследования преступлений гораздо более запутанных, чем это, да и было их не одно, а десятки подобных же. Что стоило хотя бы убийство Квантришвили, которое, кстати, также начинал расследовать, создав базу, тот же А.Б. Супруненко…

Но вернемся к первой встрече Надежды Юрьевны и Андрея Борисовича, которые после этого происходили довольно часто. Успех теперь ей казался неминуем, как и любому несведущему человеку…

Конечно, сначала пришлось, как в таких случаях бывает, отработать бытовую версию, которую журналисты пытались представить основной. Следователь подошел к этому вопросу очень основательно, тщательно, подробно рассматривая каждую мелочь под «микроскопом», чтобы уже в случае, если дойдет до суда, это не повторять.

Далее был отработан «грузинский след», далее еще что-то, пока, наконец, Андрей Борисович не сказал вдове, при одной из последних встреч:

— Пока все. Это не то… это совсем не то, что ты думаешь… Это не просто жадный финансист решил подгрести под себя бабки, заняв место твоего мужа. Если это то, что я думаю… то это намного серьезней… опасней… иии самое главное — время раздавить эту мразь еще не пришло…

— Что мне делать?

— Ждать!

— Я не умею!

— Учись…

— Но Ческис при делах? Вы обещали если не посадить, то назвать имя!

— Ческис в теме… Но не конечное звено. И у меня к тебе просьба: если надоест ждать, то просьба: чтобы на «моей земле» без «двухсотых» (без трупов). Но хочу тебя предупредить: завалишь Ческиса — упустишь организатора! Сработаешь грубо — ты у меня первая под подозрением. Все ясно?

— Более чем. Спасибо. До свидания.

— И… Надя. Прости. Я не «не хочу» — это просто сейчас не возможно. Удачи тебе. Если что — звони. Береги себя…

Я не знаком с Супруненко лично, как с несколькими его коллегами, поэтому мне сложно точно описать этого неординарного человека по рассказам других. Поскольку упустить эту личность из мемуаров невозможно, я ради составления личного мнения посмотрел передачу о «битцевском маньяке», поимка которого стала результатом его работы, и лишь после этого, сведя все воедино, могу сказать следующее: этот

человек — легенда в своем мире, через его руки прошло множество раскрытых им преступлений, достаточно вспомнить запутанное убийство Кивилиди, дело банды Лазовского, начало расследования убийства Квантришвили.

С экрана говорил человек совершенно уверенный в себе, понимающий свой уровень профессионализма, но не считающий себя богом, напротив, ставящий себя на уровень со всеми остальными. Меня удивило его отношение к непрофессиональности других сотрудников, о которых шла речь. Дело в том, что Печушкина — «битцевского маньяка» могли задержать раньше, но милиционеры, к которым обращался потерпевший, проигнорировали сигнал.

Второй ситуацией было преследование убегающего мужчины, вызвавшего подозрение у сотрудников, принявшего их за преступников. Слова: «А я бы тоже принял их за преступников!» раскрывают в нем совершенно человеческие качества справедливо мыслящего профессионала. Поразило, что в этой фразе не было ноток осуждения, лишь удивление.

Очень внимательный, не всегда вовремя, как ожидается, закрываемый веками взгляд. В нем не чувствуется темного ореола, присущего большинству представителей этой отрасли. Спокойный, приятный голос, четко выстроенные фразы, объясняющие суть, создают впечатление, будто всю свою жизнь он проработал на телевидении. Сталкиваясь с таким человеком на допросе, задержанный обязательно почувствует к нему уважение. На мой взгляд, Супруненко один из немногих, кому не нужно применять экстраординарные методы воздействия, его конек сбор информации, её фильтрация, анализ — работа интеллектуальная. Именно с этой позиции он и подходил к ее сбору, понимая, что именно, а главное, как это нужно делать, чтобы добиться максимального успеха.

Крепкая нервная система, умение скрывать свои эмоции, выглядя при этом «человечным человеком» не только для преступивших закон, но и соратников, просто граждан. И главное — я понял, что этот профессионал не способен подбивать факты под имеющегося человека, не потому что не может это делать, но в силу честности и этических норм, вытекающих из того же самого профессионализма…

Это не гимн незнакомому человеку, но взгляд, с вашего позволения, тоже профессионала, имевшего примерно такой же подход к своей «работе», а значит понимающего тонкости, поскольку они схожи, если не совсем одинаковы. Я не был никогда противником этой системы, видя тогдашнюю свою стезю, пусть и своеобразно, но точно не противостоящей. Если бы

противостояние все же состоялось, то именно с этим человеком почел бы состязаться за честь…

* * *

Примерно в это же время, когда происходило знакомство Хлебниковой с Супруненко, обретшие полную свободу действий Пылевы, еще полгода назад и не подозревавшие о таких огромных возможностях, теперь твердо держали бразды правления «медведковским профсоюзом» — по крайней мере, так казалось.

Апрель 1995, проходивший уже под звездой братьев, в третьей декаде ознаменовался праздником, посвященным не столько дням рождениям Андрея и Олега (оба родились в этом месяце с разницей в несколько дней), сколько обращением к миру криминала: теперь здесь рулим мы! Это услышали и приняли.

Ресторан «Валери», расположенный немного в стороне от Ленинского проспекта, в трехстах метрах от здания Министерства внутренних дел по адресу улица Житная, дом 11, принимал гостей крепкого телосложения, в подавляющем большинстве мужчин, несущих дорогие подарки, по два каждый, ибо одного из братьев обойти было бы не хорошо.

Здесь можно было увидеть: самих братьев Пылевых, Сергея Ананьевского «Культика», Сергея Буторина «Осю», Сергея Володина «Дракона», Сашу «Злого-медведковского», Николая Витошкина «Витоху», Андрея Бондаря, еще многих из лиги «Несбывшихся надежд» (в ближайшее время большинство из них поляжет в перестрелках и покушениях), бизнесмена Александра Таранцева, банкиров Влада Тыщенко и Максима Зотова, и еще многих, подтверждавших свою лояльность и преданность.

Олег Пылев, отдавший приказ на ликвидацию Тимура, со своим другом Андреем Мастеровым. Апрель 1995 года. Ресторан «Валери». Фото сделано автором «скрытой съемкой». Олег в черном костюме, стоит левым боком перед высоким крепким человеком в очках — Андреем «Мастером»

Такими полярными были эти дни для вдовы и ее противников, о которых она еще и не подозревает, точа ножи только против Ческиса и компании. Такими останутся они навсегда, меняясь полярностью, комфортностью, надежностью, безопасностью.

Сергей Володин «Дракон» на подходе к ресторану «Валери» за несколько месяцев до своей смерти. Апрель 1995 года. Фото, сделанное автором. Сергей — крайний справа

Влад Тыщенко и Максим Зотов соответственно. Ресторан «Валери». Апрель 1995 года. Фото, сделанное автором. Последние три фотографии уже были в предыдущих книгах, но и здесь они показались уместными и своевременными

* * *

В июле 1995 года, через шесть месяцев после гибели Тимура, Саркисов пригласил вдову в Питер, на завод имени Климова, для вручения награды за «выдающийся вклад в разработку двигателя РД-33» ее мужу ПОСМЕРТНО!

— Александр Александрович, я могу приехать не одна?

— Конечно, Наденька!.. — главный конструктор думал, что второй приедет ее дочь Катя…

Но вторым номером прибыл следователь, знакомый, все того же друга детства Нади Олега, действующий по его просьбе, державшийся незаметно, скромно, в отдалении.

Хлебниковой вручили книжечку и значок, далее экскурсия по заводу, лишь после она попала, как близкий друг конструктора, в его кабинет на коньяк, фрукты, разговоры про проект.

Ничего не подозревающему академику жена Тимура задавала ненавязчиво наводящие вопросы: помнит ли он то; помнит ли это — распереживавшись и проникнувшись соболезнованием «Сан Саныч» рассказал многое, чем и воспользовался, как оказалось следователь, прибывший с ней. Андрей Янишевский из Шестого отдела РУБОП, тоже спрашивал и о Ческисе, и о бандитах… Наконец Саркисов закончил, начали собираться на ужин в любимый ресторан Тимура и Нади, типа рыбного, у храма «Спаса на Крови». Именно тут Андрей, улучив, как ему показалось удобный момент, обратился к конструктору, раскрыв свои карты полностью:

— Александр Александрович! Я майор РУБОП, шестой отдел. Участвую в расследовании убийства Тимура Илларионовича Хлебникова. Все, что Вы мне рассказали, очень важно для следствия. Могу я попросить Вас подписать протокольчик? Вас как-то не хочется отрывать повестками…

Хотя это и была чистой воды не очень корректная акция со стороны Надежды — Саркисов, никого не виня, рассмеялся от души:

— Ты своего добьешься! Эх, счастливый мужик был Тимур!.. — Надя не выдержала, хоть и не хотела язвить:

— Да, Александр Александрович — ему из вас из всех больше всего повезло…

Последним рейсом вдова и следователь вернулись в Москву. Янишевский довез её до дома. Пустая квартира, дети у родителей на даче, навеянные воспоминания от слов Саркисова только возбудили память, смешавшуюся с воображением. «Странно… — подумалось уже засыпающей женщине, — …я ведь ничего не делаю скрыто, обо всем можно узнать, так почему же нет должного противодействия?! Ну не может такого быть! Прошли все сроки! Я ведь даже надеялась на смерть от их рук, как же

тяжело без тебя, мой Тимурище! Наверное, ждать осталось не долго, они же не идиоты, должны понимать, что я не остановлюсь! Еще чуть… еще чуть…».

Сквозь сон что-то послышалось — резкое, громкое, опасное. Проснувшись, как показалось, от… взрыва, Надя прислушалась. Кроме тишины — ничего: ни шагов, ни запаха гари, ничего… Быстро приходя в себя, она тихо, осторожно сползла на пол, юркнула под кровать, спряталась. Не прошло и минуты, как буйный нрав толкнул вперед, мол, я же у себя дома! Подползла к двери — тишина: «Да пошли они! Хорошо, детей нет дома. Взорвали дверь, наверное… ублюдки!» — с этими словами распахнула дверь, продолжив уже вслух: «Да заколебали вы уже!» — идя полуголая навстречу своей смерти…

Пустота коридора мирно «улыбалась» ей в ответ. Все на месте: входная стальная дверь, окна, пол, потолок… Пройдя на кухню, сразу споткнулась взглядом о лежащий на полу большой металлический предмет: именно в ночь приезда из Питера сорвалась с крепления массивная вытяжка, рухнувшая на плиту, после на пол.

Первый раз после гибели Тимура его супруга, не сдерживаясь, смеялась гомерическим смехом, сидя на полу, вываливая накопившиеся эмоции в безразличную тишину летней ночи…

Допрос главного конструктора завода авиационных двигателей имени Климова академика А.А. Саркисова от 21 июня 1995 года:

«В 1991 году было создано СП «Русджет» с целью проведения конструкторских работ по модернизации «Миражей», стоящих на вооружении ВВС ЮАР за счет «миговских» двигателей РД-33. Между СП «Русджет» и заводом им. Климова был заключен договор о совместной деятельности. Материальные затраты по договору оплачивались СП «Русджет». Все переговоры по деятельности в рамках СП «Русджет» я вел с Хлебниковым Т.И. От него же я узнал, что к денежным средствам, направляемым на наш проект «тянут руки» Галушко и Ческис. После убийства Хлебникова на счет завода Климова деньги поступили один раз и не в полном объеме.

Хлебников неоднократно говорил мне, что проект под угрозой срыва, так как Волошин влез «в грязные игры с бандитами». По моему мнению, именно Ческис и Галушко осуществляли с ними взаимодействие.

На этой почве у Хлебникова с Волошиным были неоднократные дискуссии. Это, скорее всего, послужило причиной того, что Волошин в ноябре-декабре 1994 года предложил освободить Хлебникова от должности генерального

директора СП «Русджета». Так как я был в курсе основной причины этого кадрового решения, то предупредил Волошина, что в случае ухода Хлебникова я лично и завод Климова выходят из проекта, так как я тоже не считал возможным продолжать работу над проектом под контролем криминала! Хлебникова мне говорил, что Ческис и Галушко представляют интересы бандитов.

После убийства Хлебникова мне стало понятно, что, возможно, это дело рук именно этих бандитов.

Свои показания готов повторить в суде лично.»

На тот период, наверное, это был единственный человек, не побоявшийся заявить об этом открыто…

Виражи вне миражей

К этому времени я уже несколько лет поддерживал довольно близкие отношения с главой совместного предприятия «Ноулидж» Романом. Всегда приветливый, готовый помочь, почувствовав во мне потенциал, он отвечал на мои появления в его офисе радушием, уделяя много времени нашему общению.

Компания занималась поставками спецтехники от узконаправленного оборудования спецсредств самообороны до средств для снятия и добычи информации любого свойства и характера. Я достаточно потратил денежных средств, принадлежащих не только мне, но большей частью «профсоюзу», в его офисе. Скажем, для наблюдения и прослушивания виллы, где проживал Солоник, незадолго до его смерти, была мною приобретена специальная аппаратура, причем не только иностранного производства (Америка, Германия, Япония), но и отечественного, поставленного из НИИ Спецтехники, расположенного в Санкт-Петербурге, общей стоимостью более 60000 долларов. Общая же сумма далеко зашкаливала за третью часть миллиона.

В конечном итоге мы подружились. Я приобрел участок недалеко от его дома, в Калужской губернии, где раз в месяц уединялся для отдыха и стрелковых тренировок минимум на неделю.

Как раз в описываемое сейчас время мы встретились в очередной раз. Разговор зашел о Солонике, несколько месяцев назад бежавшем из специальной тюрьмы, расположенной внутри централа «Матросская тишина», в который мне самому в будущем предстояло задержаться на долгих три с половиной года.

Я знал, где прячется беглец, но поведал только о людях, помогавших ему в побеге. Сразу поняв, к чему он клонит, я развивал тему до тех пор, пока мы не дошли до сути.

Один из знакомых Романа — высокопоставленный офицер МВД, потерял своего друга во время перестрелки на рынке у станции метро Петровско-Разумовская, где был ранен и задержан и сам Александр Солоник («Валерьяныч»). Мне было крайне интересно такое знакомство, и я согласился на встречу, заранее предупредив, что почувствовав подвох, я не только скроюсь, но и неожиданно вернусь.

Разумеется, никто из них и представить себе не мог, с кем именно они общаются. Как Роман, так впоследствии и Андрей Саратов — о нем идет речь, знали лишь имя Алексей и мое греческое гражданство. Со временем им стали известны

паспортные данные на имя Саридиса Ромайеса, которыми я на тот период иногда пользовался. (Подробно об этом написано в моих воспоминаниях «Ликвидатор», здесь лишь временная отметка, для создания понимания общей атмосферы окружающего меня мира того периода).

Первая встреча стала ознакомительной. Я записывал все переговоры на аудионоситель, а на бумагу после каждой все сказанное собой, чтобы не забыть ту, не совсем правду, которая создавала нужную для меня картину.

Пока опера и следователи по крупицам собирала информацию о Ческисе и тех, кто делал его сильным и даже могущественным, я усердно разбрасывал почти или полуправду.

Ореол человека, умеющего лавировать по скрытым течениям криминального мира, добывая любую информацию, как самая желанная начинка заглотилась, надежно застряв острием в самом потаенном месте сознания полковника Саратова. Ему было достаточно этого, как и мне. Обмен информацией был далеко не равнозначен, хотя и представлялся полезным. В конечном итоге каждый из нас делал свою работу.

Начиная со дня, когда я первый раз говорил с Ческисом, только прощупывая его в 1993 году, надеясь, что на этом закончится моя карьера «ликвидатора» и возьмет начало нечто мирное именно в этом СП, устранением Гусятинского в Киеве и оканчивая встречей с тем же Ческисом, умирающим от страха с мольбой взывающем о спасении его от Олега Пылева под крылышком его брата[72].

* * *

Дальнейшие события, после празднования «дня рождения» братьев Пылевых, в течении года, развивались достаточно бурно. Расстрел Сергея Ананьевского у американского посольства, далее ореховских «Витохи», «Рыжего», «Дракона» (Володина Сергея), последовательно пытавшихся занять его место, далее «Наума младшего»[73] в полусотне метров от проходной в комплекс МУР на Петровке, дом 38, ко времени гибели последнего вилла, где проживал Солоник, была напичкана моими подчиненными в каждой подходящей для этого точке. Это позволило узнать многие подробности о непосредственном участии курганских в убийствах, перечисленных ранее. Эту бригаду можно назвать паразитом на теле паразитов общества. Пригретые на груди, они убивали своих благодетелей, получая за предательство свои 30 сребреников, которые еще никто никогда не мог потратить с

пользой, став не только счастливым, но и оставшись живым. Олег Нелюбин[74], скопив таким образом несколько миллионов, предлагал по 50000 долларов в день за свою жизнь сокамерникам, но не смог купить и нескольких — содеянное перетянуло на другую чашу весов — с утра его нашли мертвым.

Последняя фотография «Валерьяныча» (найденное по схеме, переданной автором Саратову, тело Александра Солоника). Греция, Варрибоби

Павел Зеленин[75], застреливший Сергея Ананьевского, и еще многия, многия, многия, был найден, якобы с передозировкой наркотических средств в хорошо охраняемой камере медицинской части тюрьмы «Матросская тишина» мертвым. Временно избежал подобной же участи Андрей Колегов[76], арестованный на два дня раньше смерти Саши Солоника («Валерьян»), от которого направлялся в Москву на день-два.

Несколько позже этот предводитель курганцев на камеру оперативным сотрудникам МУР подробно рассказал все хранящее на полочках его памяти, почему и стал для них важной персоной. Даже о своих главных союзниках «измайловских», пытавшихся его вытащить, не забыл сказать. На «камеру», но под обещания не вносить информацию в протоколы допроса, с этой точки зрения он оставался чист. Но ничто тайное не остается не узнанным по воле Создателя.

Одну из двух видеокассет[77] я просматривал в Мабелье под присмотром Андрея Пылева. Сказанное впечатлило. Еще больше

увиденное. «Шеф» Солоника, Зеленина, еще парочки менее успешных «ликвидаторов», вольготно раскачиваясь на стуле, поедая бутерброды, запиваемые кофе, вещал два с половиной часа о том, что и сами освещаемые им люди давно забыли.

Он прожил дольше всех, отправленный на самый север. Но и его настигло «карающее око» старых «законников» (воров в законе) — его нашли, незадолго до моего задержания, повешенным на «решке» (оконной решетке) в транзитной камере тульского «централа»… Жесткий мир с жесткими правилами, с узкими путями, скрытый для непосвященных, овеянный больше надуманной романтикой, чем и притягателен для несведущих…

Большинство курганской братвы после смерти «Валерьяна» от рук соединенной команды «орехово-медведковско-одинцовских», как правильнее было бы называть ту структуру, которую мы из себя представляли, попали за решетку.

Именно с этих арестов произведенных тем же Дмитрием Баженовым и началась эпопея, в конечном итоге приведшая к фиаско эту «Триаду», упоминание о которой будоражит умы людей по сей день. Но это будет в 1997 году. Справедливости ради замечу, что не будь этой работы Баженова, показаний Колегова, некоторых его подчиненных, последовавших за этим арестов и вновь показаний, которые легли фундаментом для показаний Грибкова, о котором уже шла речь, у А.Трушкина и его команды, не было бы тех оснований заниматься «Триадой», поскольку один Грибков мало, что значил…

Начиная с января, я уже имел достаточный массив информации, частично передаваемый в МУР и РУОП. Подготовка к удару закончилась к 31 числу того же месяца — это был день смерти Солоника. За два дня до этого был задержан Колегов Андрей, и в течении нескольких суток с курганскими было покончено совершенно! Основных добивали в камерах, по «малявам с воли». До сих пор никто не может понять, каким образом это получилось, хлопают в ладоши выполнившим поставленную задачу милиционерам, совершенно не оценивая ни масштаба, ни быстроты проведенной операции, задуманной и осуществленной самим криминалом, где основную руководящую роль сыграл Буторин Сергей — «Ося».

Готовилась она несколько месяцев, собранная информация стекалась в одно место. Необходимо было учесть многие факторы и интересы «ореховских», «медведковских», «коптевских», «бауманских», «одинцовских», даже тех же «курганских», правда, другой ветки, не имеющей отношения к «колеговской». В заключении, когда МУР рвал и метал в предвкушении мгновенной победы над целой бригадой киллеров, не имеющих

ничего общего с «человеческим», «благородным», «порядочным», на Петровку 38 невзрачный человек, выполняющий просьбу Сергея Зимина («Зема»), отвез тетрадку с четырнадцатью адресами, где были указаны: имена, фамилии, отношение к конкретным преступлениям, подчиненность и далее самый рациональный порядок ареста, соблюдение которого позволит заключить под стражу максимальное большинство преступников, поскольку у них существовал метод оповещения об опасности.

Всех сразу накрыть не удалось, но большая часть оказалась в сетях. Никогда Россия не видела более успешной операции, никогда не было более подготовленной и более теневой. При этом те, кто мог что-то рассказать о «Триаде», погибли почти сразу, остальные, брошенные на алтарь жертвенника, говорили в основном об уже упокоившихся. Исключение составил сам Колегов, до него не получилось дотянуться. Мне передавали только копии его посланий на волю — «маляв», которые лишь злили «руководство», в душе я радовался, что имел ко всему этому непосредственное отношение не в виде ликвидатора, но основного добытчика сведений, аналитика и разработчика некоторой части планов в отношении Колегова и передачи тела Солоника[78]. Это не пустые слова, поскольку в составленных мною списках имелись адреса не только в Греции, но Испании, России, Италии…

Если меня спросят: «Горжусь ли я чем-то содеянным в 90-е», я укажу именно на эту «операцию», начало которой было положено летом 1995 года, на встрече тогда еще с полковником РУОП Андреем Саратовым, первым российским гражданином осматривающим через полгода труп Солоника в предместье Афин — Варрибоби…

Это лето стало одним из самых насыщенных по собранным фактам, имеющим касательство к рассматриваемым нами. Невозможно теперь сказать, какое событие было впереди, какое следовало после, да и не столько важно точно соблюдать эту последовательность. Почти одновременно с поездкой Надежды на завод имени Климова, на острове Кипр, стечением обстоятельств, совершенно неожиданно встретились друг Тимура Василий Безъязычнов и неудачливый финансист Дмитрий Ческис, изо всех сил пытающийся «закрыть» рот этой же женщине.

Краткая беседа, состоявшаяся между мужчинами, со стороны финансиста выглядевшая как попытка убедить близкого к семье Хлебникова человека в необходимости остановить вдову в ее якобы неадекватных порывах, мол, они вместе, как друзья, должны уговорить Надежду прекратить «копать», чем создается угроза проекту «Супер Мираж», что может быть опасно при таких

денежных оборотах и интересах государственных структур. На что собеседник, не лукавя, ответил:

— Она — жена. Хотел бы я, случись что, чтобы за меня так моя копала! Все, что считаю нужным, на правах друга, я ей уже сказал. А «денежные обороты»… Не удивлюсь, если Надя будет единственным человеком, кто сумеет с этого проекта хоть что-то получить… «Опасность»? Роет могилу, хочешь сказать? Не исключено. Вопрос — кому?!.. — Этот разговор Безъязычнов пересказал слово в слово вдове по возвращении в Москву в апреле…

Следующим, на мой взгляд, произошло событие, ставшее не просто вехой, но той отправной точкой, опираясь на которую Надя смогла добиться своего. Скорее всего, она и не предполагала последствий, поскольку все ее планы строятся без учетов последствий каждого шага, прорываясь в любом уступающем её напору направлении, выбирая это интуитивно…

Прежде, чем продолжить, я прошу читателя вспомнить её встречу с другом молодости, произошедшую в кафе на Старом Арбате, закончившуюся фразой Олега:

— Я подумаю и с тобой свяжусь. Пока только не дергайся никуда. Не дай Бог, в «цвет влетишь»…

Стояла жара, настроения никакого, глядевший с портрета Тимур давно молчал, хотя свеча не тухла, цветы в вазочке рядом не успевали вянуть, а слова Нади только увеличивались в своей эмоциональности. Она вздрогнула от телефонного звонка. Как всегда, звонивший Олег, был краток и быстр:

— Здравствуй!

— Привет, Олег!..

— У тебя заграничный паспорт есть?

— Дааа…

— Когда заканчивается?

— Не скоро: полтора-два года.

— Ты помнишь наш разговор в кафе?

— Конечно…

— Не передумала?

— Конечно, нет!

— Детали не важны. Ставь визу в Испанию и жди…

— Поняла… — Ей даже не хотелось задавать вопросы. С первого дня смерти Тимура эта женщина, готовая на любой поступок ради мести или справедливого возмездия, могла облепиться взрывчаткой и подорвать себя в офисе «МАРВОЛ», если бы заметила в этом рациональное зерно…

Вскоре паспорт лежал с открытой визой в Королевство Испания у самого портрета мужа в ожидании дальнейших

указаний. Совершенно ничего не поменялось бы, узнай она, что должна состояться поездка в Марбелью, точнее, через Марбелью, дальше, где проживал на тот период Андрей Пылев (арестуют его только через несколько лет). Нисколько не смущаясь, она, взяв автомат, спокойно вошла бы в дом и выпустила полный рожок, скажи ей, что именно это и есть один из заказчиков смерти её мужа[79]…

Здесь мы вновь прервемся, поскольку разведка — дело тонкое, а подготовка к любой, даже самой простой операции, может занимать годы. Итак, виза открыта и Надя ждет…

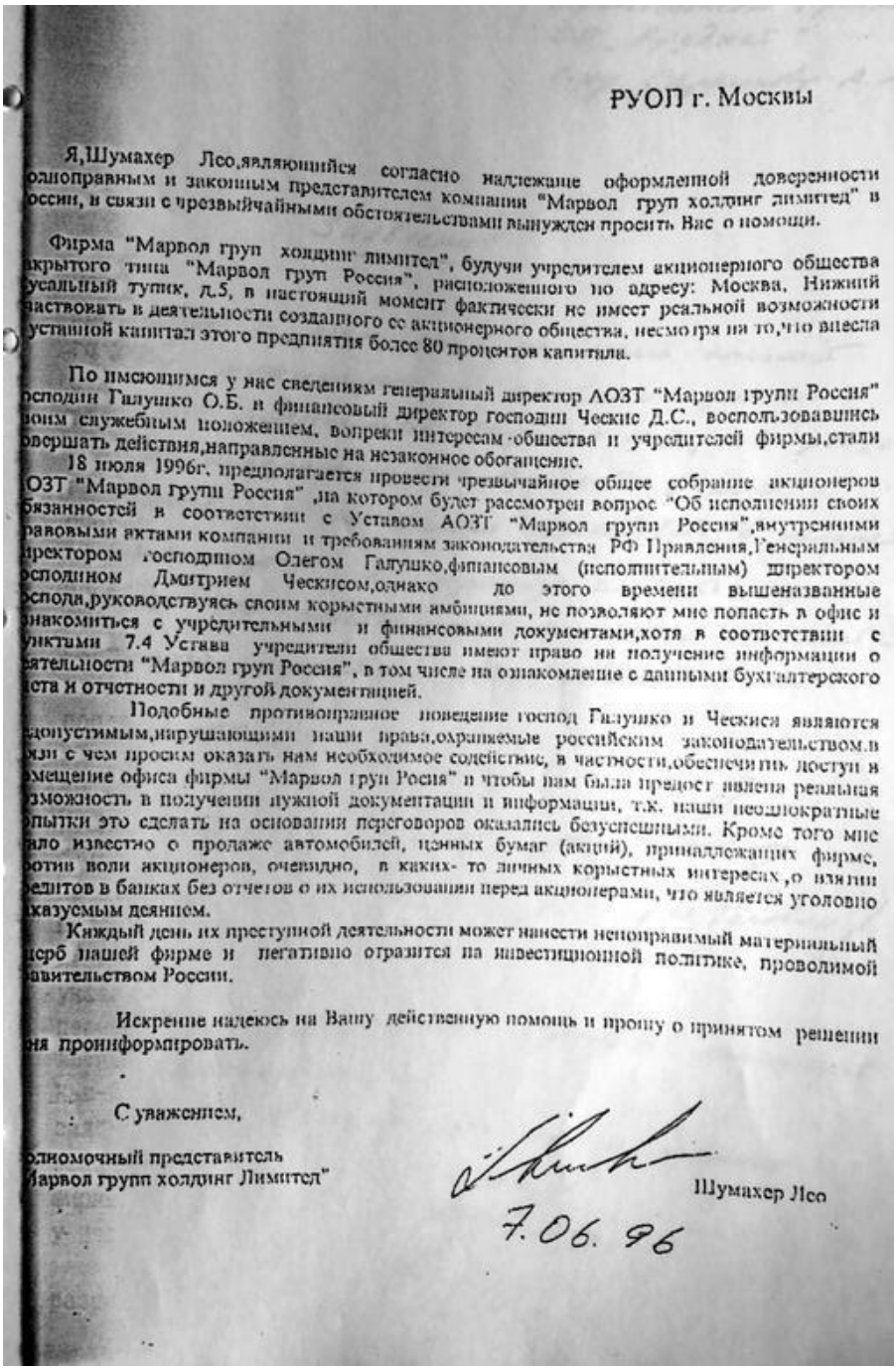
Август месяц начался пропажами коммерческой и технической документаций из офиса СП «Русджет», что стало ответом Ческиса Волошину, пытавшемуся навязать свои шаги, а точнее, настолько испугавшемуся после убийства Хлебникова, что он начал искать выход из ситуации, где его бывший, да и сегодняшний подчиненный держал шефа практически за глотку, диктуя условия.

Перебрав алкоголя на юбилее Волошина, прямо ему в лицо Дмитрий Семенович, расхрабрившись, кричал, разбрызгивая слюну: «Черножопого мы завалили и вас завалим!». Это стало последнее каплей, подтолкнувшей, как ни странно, к еще более глупому поступку.

Не придумав ничего умнее, Волошин и Шумахер обращаются, как к третейскому судье, к некоему «Михасю», всегда принимавшему в свои распростертые объятия любого нуждающегося в помощи, готового при этом заплатить нужную сумму. Сто тысяч долларов предоплаты не смутили бизнесменов, и оба в свое время скинувшись, перевели требуемую сумму, надеясь таким образом решить разом все проблемы. Кто же мог предположить, что столько, и то по доброте душевной, было определено влиятельным, как нынче принято говорить, авторитетным бизнесменом, только за «здрасьте», то есть, в принципе, за хороший тон в начале разговора…

Чуть раньше состоялась встреча рассорившихся Марка Волошина, Левы Шумахера и Жанна Федоровича Зинченко с одной стороны, и Дмитрия Ческиса, Олега Галушко, Сергея Махалина с бригадой «скорой помощи», Максима Зотова (содиректора банка «Капитал-Экспресс») с другой. Переговоры, проходившие в отеле «ХАЯК» в Будапеште не имели успеха, предложенные суммы отступных только поначалу устраивали команду «Ческис и компания», но неожиданно после выросли в разы. Тогда бывший стоматолог-миллионер предложил в виде отступного отдать вино со своей виллы. Посоветовавшись, представители «Триады» решили присоединиться к поездке в

ЮАР к Марку ради дегустации вина, а заодно отдохнуть с размахом за его денежки.



РУОП г. Москвы

Я,Шумахер Лео,являющийся согласно надлежаще оформленной доверенности полноправным и законным представителем компании "Марвол груп холдинг лимитед" в России, в связи с чрезвычайными обстоятельствами вынужден просить Вас о помощи.

Фирма "Марвол груп холдинг лимитед", будучи учредителем акционерного общества закрытого типа "Марвол груп Россия", расположенного по адресу: Москва, Нижний Тусальный тупик, д.5, в настоящий момент фактически не имеет реальной возможности участвовать в деятельности созданного ее акционерного общества, несмотря на то,что внесла уставной капитал этого предприятия более 80 процентов капитала.

По имеющимся у нас сведениям генеральный директор АОЗТ "Марвол груп Россия" господин Галушко О.Б. и финансовый директор господин Ческие Д.С., воспользовавшись своим служебным положением, вопреки интересам общества и учредителей фирмы,стали совершать действия,направленные на незаконное обогащение.

18 июля 1996г. предполагается провести чрезвычайное общее собрание акционеров АОЗТ "Марвол груп Россия" ,на котором будет рассмотрен вопрос "Об исполнении своих обязанностей в соответствии с Уставом АОЗТ "Марвол груп Россия",внутренними правовыми актами компании и требованиям законодательства РФ Правления,Генеральным директором господином Олегом Галушко,финансовым (исполнительным) директором господином Дмитрием Ческим,однако до этого времени вышеназванные господа,руководствуясь своим корыстными амбициями, не позволяют мне попасть в офис и ознакомиться с учредительными и финансовыми документами,хотя в соответствии с пунктами 7.4 Устава учредители общества имеют право на получение информации о деятельности "Марвол груп Россия", в том числе на ознакомление с данными бухгалтерского учета и отчетности и другой документацией.

Подобные противоправное поведение господ Галушко и Ческих являются недопустимым,нарушающими наши права,охраняемые российским законодательством.В связи с чем просим оказать нам необходимое содействие, в частности,обеспечить доступ в помещение офиса фирмы "Марвол груп Росия" и чтобы нам была предоставлена реальная возможность в получении нужной документации и информации, т.к. наши неоднократные попытки это сделать на основании переговоров оказались безуспешными. Кроме того мне стало известно о продаже автомобилей, ценных бумаг (акций), принадлежащих фирме, против воли акционеров, очевидно, в каких- то личных корыстных интересах ,о взятии кредитов в банках без отчетов о их использовании перед акционерами, что является уголовно наказуемым деянием.

Каждый день их преступной деятельности может нанести непоправимый материальный ущерб нашей фирме и негативно отразится на инвестиционной политике, проводимой правительством России.

Искренне надеюсь на Вашу действенную помощь и прошу о принятом решении меня проинформировать.

С уважением,

Полномочный представитель
"Марвол групп холдинг Лимитед"

Шумахер Лео

7.06.96

В этой «драке» между бывшими единомышленниками бывали и такие шаги, приносящие мелкие неудобства одной стороне и

небольшие от этого радости — другой.

Разумеется, путешествие в Южно-Африканскую Республику имело другую цель — внимательно присмотреться, что еще можно забрать. Это была та самая поездка, отмеченная групповой фотографией, снятой на дороге-серпантине. У парапета, на фоне каменной стены крутого спуска, стоит группа крепких товарищей с голым торсом, не старше тридцати пяти лет: Андрей Пылев, Сергей Ананьевский, Сергей Буторин, Павел Гусев, Дмитрий Чернухин[80]…

Вернувшись из Африки, было решено отправляться в Ганновер (Германия) в «гости» к Марку и Леве, ибо, как сказал Олег Пылев Махалину: «Эти комерсы совсем берега потеряли!». Эти самые «края суши» быстро обнаружились у бассейна на вилле Волошина в Германии, где совсем не ожидавших приезда непрошенных гостей бизнесменов, расположившихся уютно у края бассейна, совершенно уверенных в своей безопасности, застали врасплох Махалин и команда.

Почему-то думается, что смена мизансцены, происходившая неожиданно и больно для изнеженных телес — малоприятный фактор, почти всегда сподвигающий к нужному решению для тех, кто лупит и настаивает. Так и вышло…

Не станем углубляться, каким образом узнали «хлопцы» о предстоящей встрече Волошина и Шумахера с «Михасем», просто констатируем — мысли «беглецов» и кажущегося «защитником» в отношении предполагаемых ими изменений, были не самыми блестящими в их жизни умозаключениями. Именно они послужили причиной моей готовящейся поездки в Будапешт, где обосновался Сергей Михайлов, ради сокращения дней жизни которого я заранее передал одному из подручных Пылева мелкокалиберную винтовку, совершившую путешествие туда и обратно, благополучно вернувшись к «папочке», не выстрелив ни разу.

Забранную кругленькую сумму у теперь уже неудачливых бизнесменов поделили поровну по пятьдесят тысяч. Одна половина осталась (в принципе, копейки, но важен принцип), «солнцевскому» авторитетному бизнесмену. Впрочем, необходимо убрать кавычки, ибо вскоре шведская Фемида определила отсутствие организованных преступных сообществ в России, а значит, понятие «солнцевский» носит сугубо территориальный аспект, касающийся всех без исключения граждан Российской Федерации, проживающий на территории микрорайона «Солнцево», что мне тоже очень по душе — не нужно лезть в наше исконно русское, все равно не поймете!

Вторая часть — 50000 разошлась на представительские расходы Буторина («Ося»), Пылевых, и премию Махалина («Лысый») с двумя помощниками. То есть решение было принято мгновенно, совершенно без учета предполагаемого коммерсантами вначале, главное, что было в «протоколе» «тёрок» между пацанами, которые были предоставлены Марку и Леве во всех красках, разумеется, с пояснением того, что их с трудом удалось спасти, за что… ну дальше, как всегда, идут фразы о нависшем долге над спасенными…

«Постановили» же следующее: оба комерса хотели соскочить из-под «крыши» «медведковских» под другую «крышу», ввели в блуд «солнцевских», будто ни с кем не «работают», чем подставили последних под стволы близких братков. Заключив мир, обе стороны пришли к соглашению — выставить на бабки блудливых комерсов, а уже имеющуюся сумму подербанить поровну, как за «сделанную» совместную работу.

Если бы было по-другому, то пришлось бы мне ехать в Будапешт, искать счастья для этого самого авторитетного бизнесмена… слава Богу, все срослось!

Недовольный такой попыткой «марволят», раздосадованный Пылев Олег, к тому же узнавший наконец о потугах Надежды, вызвал на «ковер» Ческиса, и на первый раз просто настойчиво указал на неудовлетворительную работу, мол: «Как хочешь, а с бабой договорись! Хочешь денег предложи, долю, что угодно, но чтобы она заткнулась!» — додумывать пришлось несчастному Дмитрию Семеновичу самому, об устранении не могло быть и речи.

Проблема в том, что к этому моменту Ческис испробовал любые возможные варианты, и все бесполезно! Доложить об этом, значило, скорее всего, поставить на себе крест. Ситуацию облегчал первый прошедший через финансиста «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ» крупный транш — оставшееся после откусывания Марком Волошиным себе около половины в июле месяце. В адрес заводов — исполнителей заказов по адаптации движков и ракет к «Миражам» Дмитрий Семенович перевел менее четверти, уполовинив оставшуюся сумму, тоже теперь считающий правильным для себя поживиться от этого пирога. Как раз на это и указывал А.А. Саркисов, как на неполный, несвоевременный, и как окажется позже — единственный перевод денег, в котором не хватало 600000 долларов. Исходя из этой суммы, можно только примерно представить жадность и непорядочность главы и финансиста.

Теперь можно понять, почему вдова задумала всех этих ненасытных и прожорливых нуворишей лишить наживы, ибо

понимала, что не лишает страну финансовой поддержки, а не допускает набивать свои карманы непорядочных людей, делая, таким образом, их усилия, связанные с убийством Тимура, тщетными.

Пылевы были уверены в том, что получат доступ к огромным суммам и смогут влиять, по их мнению, должным образом на воплощение проекта, только готовившегося вступать в фазу действительно громадную, судя по расчетным финансовым оборотам. Пока же им передали для начала гораздо меньшую, чем ту, что присвоил себе Ческис с первого транша, до которого наконец дотянулся. Раздав по пять тысяч долларов как премии даже рядовым «сотрудникам профсоюза», они уверяли подчиненных в наставшем при жизни «рае», оказавшимся на поверку лишь полыхнувшей молнией, только разжегшей аппетиты, прежде всего их собственные…

Все ближе и ближе Ческис оказывался к пропасти безысходности. Чувствуя это, должен был искать новые выходы и возможности, но что можно предложить женщине, потерявшей не все, но единственное, чем она дорожила больше всего на свете, и что возместить невозможно!..

Очередной удар по «марволятам» нанес Супруненко Андрей Борисович, вынесший 21 августа «Постановление о произведении единовременных обысков в офисах компаний: «МАРВОЛ»; «Русджет», «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ», «Росстекло». Он же постарался сделать так, что обыски начались одновременно в каждом из них и, конечно, без предупреждения. Обыски сопровождались массовостью выезжающих на места сотрудников спецназа, вооруженных, в масках, с дубинками. Бойцы вели себя, как принято и теперь, нарочито грубо и бесцеремонно. Тогда это было ново.

Во время обысков Хлебникова, сидя в автобусе спецназа, корректировала точки нанесения ударов в помещениях офисов, это было просто, поскольку до этого Семен Дмитриев нарисовал точный план офиса «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ», а она сама офиса СП «Русджет».

Все ценное и важное было найдено и конфисковано для изучения. Грузовики отходили набитые компьютерами, папками, документацией, сейфами. Как минимум, Надежде удалось навредить работе волошенских предприятий, надолго выбив из состояния равновесия руководство.

Все изъятое было отдано на финансовую экспертизу и ревизию. Специалисту вдове пришлось платить лично из своего кармана, поскольку шествуя официальным путем, все затянулось бы на месяцы, и неизвестно чем закончилось, именно поэтому она

предпринимала все, что, казалось, может когда-либо пригодиться или хоть немного сдвинет эту махину с места.

Экспертом была очень образованная женщина, обнаружившая воровство — присвоение денег, еще первым генеральным директором «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ» Шамбой, занимавшим эту должность до Галушко, они оказались мизерными по сравнению с украденными самим Галушко — 1 миллион 900 тысяч долларов. Эта сумма, озвученная на суде, просто убила Олега Пылева, мгновенно посчитавшего это своей личной потерей, что было странно при грозящем пожизненном приговоре — жизнь на нитке, а он все о прибытке!..

На все это уходили деньги, непомерные усилия, иссякала надежда, вновь укрепляемая ненавистью, добивали казавшиеся все более и более тщетными попытки, видевшиеся вдове очередными, возможно не нужными, звеньями в бесконечной череде усилий. Какая-то безысходность снова нависла своей непроницаемостью. Лишь невероятное могло дать толчок, позволяющий почувствовать хоть какой-то толк, достичь хоть какую-то, пусть и промежуточную, цель.

Как-то Супруненко, выбивавшийся из сил по другим уголовным делам, но не отступавший ни на минуту и от этого, сказал:

— Давно бы взяли бы твоего Ческиса, но нужен повод — хоть какие-то доказательства!..

И она, недолго думая, решила найти этот повод, самостоятельно приняв меры. До сих пор ей негласно помогали некоторые оперативные сотрудники, ранее участвовавшие в расследовании. Один из них предложил использовать, раз есть такая нужда, пистолет, из которого, на сто процентов, был застрелен несколько лет до этих событий их сотрудник где-то в Подмосковье. Она не стала задумываться, понимая, что это чье-то упущение, которое не знали теперь каким образом устранить или списать, как это часто бывает.

Оставалось только решить, каким образом это связать с ненавистным ею человеком. С тем же сотрудником, предоставившим ей эту улику, понятное дело, не бесплатно, разумеется, не вводя в курс дела — он бы на это ни за что не пошел, они договорились так: Ческиса останавливают для досмотра машины, мол, на точно такой же совершено вооруженное нападением, для этого должны быть готовы «свои» понятые, в чем проблем никогда не было — для того времени это была обычная практика РУОП. «Неожиданно» в машине «находят» этот ствол. Для его отпечатков Надежда купила какие-то папки из офиса «МАРВОЛ», через хороших знакомых, которых финансист

постоянно касался, в которые предполагалось завернуть оружие — несколько странно звучит, но пусть будет.

Все организовали, осталось красиво исполнить, а потом преподнести Супруненко на блюдечке с золотой каемочкой. Возьмет, не возьмет — это уже другое дело, главное поставить перед фактом. Невероятные строки «Черного дневника» расскажут последствия:

«И вот сижу я перед этим утром дома ночью, и неспокойно мне. Ну не так я хотела! А если не возьмет Супруненко, а если не расколют? А если примут Ческиса — а кто-то другой уйдет от нас? Про Пылева я тогда не знала. А уже люди были все подготовлены, наружка, которая его должна была вести, человек с «пестиком», понятые, деньги заплачены… Целая бригада… Я промучилась часов до 6 утра. Потом решила — НЕТ! Что-то не так. Я так не хочу! Или уж лучше из этого «пестика» его замочить нахрен, или ждать… Но кто идет по такому пути — подстав, тот сам в свою яму и рухнет. Нужно же доказывать — как он убил этого «мента», а вдруг его и в России точно не было… В 7.30 я всех обзвонила и дала «отбой». Спросили, что делать со стволом? Я сказала:

— Не знаю ни про какие стволы!

— А деньги?

— Не знаю ни про какие деньги! Просто ОТБОЙ на сегодня!..

Дров могла наломать? Думала — УРА! Позвоню Супруненко, скажу: «Хотели Ческиса? Получите!» — хорошо, вовремя одумалась… И они его… уже столько на него было! — не смогли «принять»… Вот почему так?! Этих бандюшков пачками брали, а на этого все мало?! Трушкин за бандитами гонялся, а эту гадину все на потом откладывали…» — и как оказалось, навсегда.

Оставим эту несбывшуюся историю без комментариев… Однако один вывод, на всякий случай сделаем — неплохо бы задумываться, строя планы о последствиях предпринимаемого…

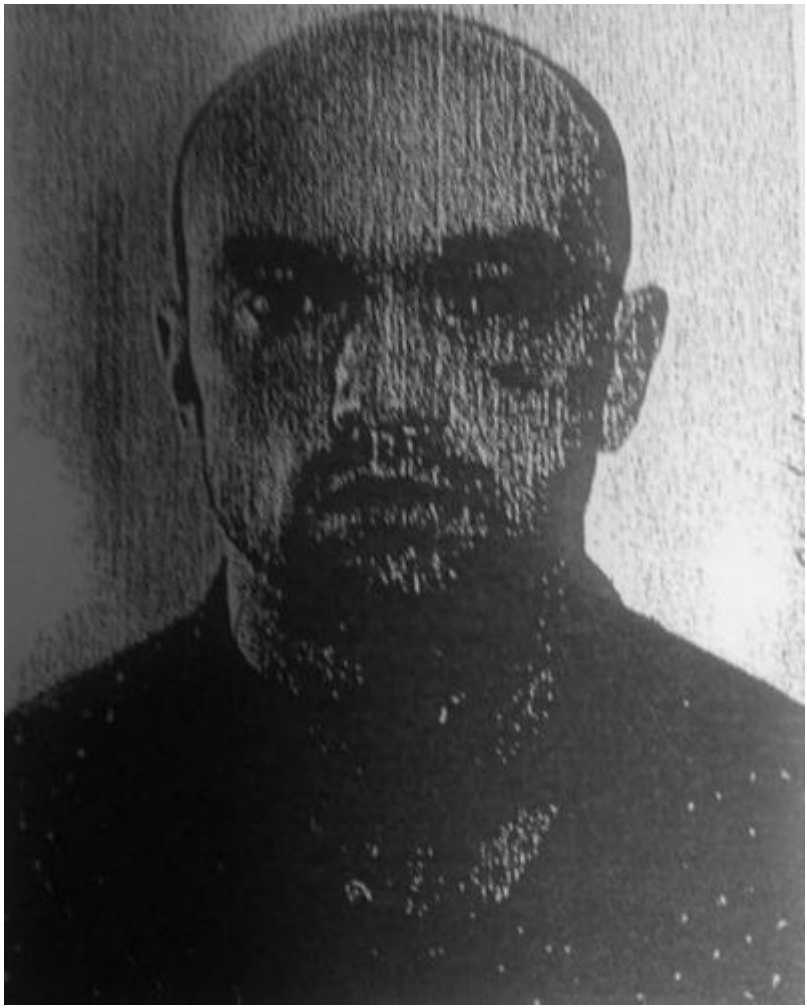
* * *

Я допустил намеренно один существенный пропуск. Наше повествование остановилось перед самой осенью, или вначале ее. Теперь мы знаем, что происходило в головах каждого участника событий, их размышления, намерения, страхи, желания.

Как же часто принимая решения, мы сетуем на недостаток информации, пытаясь просчитывать ход мыслей противоположной стороны, осознаем пробелы в его намерения, а порой и промежуточных мотивациях по пути к цели.

Что же, все-таки, думали предпринять Пылевы? Что может показаться, исходя из важности дел и забот ими решаемых? Не одна их дума, совместная или частная, не могла проходить без касания мнений выросших приближенных. Рядом уже находились несколько человек, способные вполне заменить их обоих. Федулов («Шарпей») и Смирнов («Моряк») могли подсказать, высказать свои мысли, Махалин Сергей («Лысый», «Камбала»), совсем не глупый человек, честно говоря, я предпочел бы видеть его на месте Олега Александровича, хотя дел с ним иметь также не хотел. Был и Шарапов Александр («Шарап»), хоть и ленивый, но дальновидный и совсем не простой. Все эти люди не очень-то рвались наверх, а если и позволяли себе что-то, то не заходили дальше «огрызаний» и оспариваний некоторых команд административного характера.

Игорь Смирнов — «Шульц» и Юрий Федулов — «Шарпей», неосторожно забылись, наивно полагая, что поставленные Пылевыми старшими на рынках, стали незаменимы, их благополучное положения навсегда останется достаточным в финансовом отношении, а власть в своей вотчине непререкаема и независима. Таким поведением, не осознавая этого, эти люди противопоставили себя безоговорочной власти братьев, что вовремя заметили и, конечно, пресекли выстрелами в голову на борту катера, принадлежавшего Сергею Буторину, плавно режущему носом волны Средиземного моря, где и покоятся по сей день их останки.



Махалин Сергей — «Камбала», «Лысый». Фотография из фототаблиц материалов уголовного дела

Конец же лета и начало осени 1995 года еще не принесли этих подозрений, только сплотившаяся команда «медведковских» пировала на могиле бывшего «главшпана» Григория Гусятинского, отмечая новые назначения, повышенную заработанную плату, невероятные перспективы. Но именно сейчас, под самым столом, между ног пирующих и начинали выползать змейки, довольно быстро набирающие вес, силу, опыт и, конечно же, яд.

В моменты фуроров и победной эйфории победители редко продолжают быть начеку в отличии от поверженных. Приведшая к победе примененная стратегия, кажется, оправдала себя, а значит можно применять вновь и вновь. Именно здесь и вкрадывается ошибка.

Саша Шарапов — «Шарап»…

Вопрос: кто больше рвался к власти — Ческис или Пылев? Наверное, каждый в своем болоте, но второй был уверен в своем главенстве над первым, при этом поддаваясь на его увещевания.

Понимая, что не справляется с Волошиным и Шумахером, Дмитрий Семенович, наверняка предпринимал что-то, чтобы каким-то образом заставить их подчиниться себе. Что он говорил Пылеву останется за кадром, но поступки «бандидос» говорят сами за себя. В некоторых наблюдается нерациональность и даже глупость, какие-то похожи на истерические выпады, бывали и похожие на неожиданные срывы…

В 1994 году Махалин привлек своего бывшего сослуживца по срочной службе Михайлова Олега. В общем-то, знакомый не собирался заниматься ничем криминальным, ориентируясь на первую информацию, рассказанную Сергеем. ЧОП, охрана, поездки. Так делалось всегда. Для начала предоставили квартиру за счет фирмы, но стоило только перевезти семью, как ее забирали, предлагая снимать на собственные средства, которых не могло хватать при их мизерности. Заболела дочь, затем супруга, гражданство Украины не давало больших перспектив, что подвигло Михайлова попросить сверхурочные заработки.

Этого было хоть отбавляй. Начали с элементарного прослушивания телефонных переговоров — сиди да слушай, об

услышанном докладывай, ничем не рискуй. Дальше больше, пока не дошло до предложения убийства с хорошей оплатой, которой хватило бы на все и еще бы осталось. Согласился! Думаете, дал слабинку? Возможно, ведь многие обычные граждане бывшего СССР так и жили впроголодь, впятером в одной комнате, перебиваясь с заработка на подачку, не позволяя переступать черту — честь Им и хвала, брошенным на произвол судьбы, забытым государством, правительством, обществом! Но если представить, что молодой человек, охваченный стремлениями к бóльшим возможностям и независимости, просто не мог довольствоваться влачением такого нищенского существования, понимая, «что или дочь или жена вот-вот покинут его и этот мир» (слова Михайлова, произнесенные на суде), то станет понятно — такие люди предпочтут действие, пусть и криминального характера, упованию на волю Божию и в правовом поле, живя от зарплате к зарплате у себя на Родине, надрываясь на трех работах! Это понимали и Пылевы, и Махалин, и еще многие, научившиеся пользоваться подобным для своего блага и выгоды. Правда, отступая от темы, подметим мнение следователей, подтвержденное самим Махалиным — Михайлов согласился сразу, и как-то высказался, что исполнять подобные задачи ему нравится…

Участь любого пассионария в условиях подобных девяностым — гибнуть, двигаясь вперед, с той лишь разницей, что кто-то сгорает в горячем пламене со знаком плюс, а кто-то полыхает враз в топке зла, участвуя в его свершении! Это не красивые слова, а один из законов существования человеческих обществ, притом, что и то, и другое существует одновременно, выбор делается самостоятельно, хотя и не всегда осознанно.

Те же Ананьевские, Махалины, Шерстобитовы, Пономаревы, Шараповы, но только не Пылевы и Буторины, рвали бы и метали на других полях деятельности, направь их энергию государство вовремя в нужное русло. Именно такие осиливали любые стройки, завоевывали что и кого угодно, обороняли свое и даже чужое, чем нравилось заниматься Российским императорам, и советским вождям, именно такие существуют в том или ином количестве в любое время, именно они нуждаются в указании правильного направления. В противном случае они найдут его сами, и не факт, что верный!..

Согласившийся на предложение Сергея Махалина, Олег Михайлов становится сначала человеком для особых поручений, затем очень быстро берет в руки оружие, которым научился владеть в ВДВ и получает задание за заданием, постепенно не только привыкая, но и входя во вкус.

Сослуживцы. Срочная служба в ВДВ — Сергей Махалин в верхнем ряду первый слева, Олег Михайлов — в нижнем правый…

Очередным оказалось прослушивание квартиры генерала Жанна Зинченко в старом доме в Староконюшенном переулке. В июле бывший сослуживец докладывает Махалину о разговоре с Волошиным и Шумахером о поездке на Украину в город Бор, по какому-то новому проекту, связанному с поставкой древесины.

Об этом Михайлов рассказал во время дачи показаний на первом суде летом 2005 года:

Судья:

— Что вы сделали, после того, как узнали о готовящейся поездке Зинченко, Волошина, Шумахера на Украину?

Михайлов:

— Доложил Махалину.

— Что было после?

— Махалин приказал готовиться к поездке в город Бор.

— А зачем вам туда нужно было ехать?

— Исходя из моей работы на тот период… понятно зачем…

— А кем вы тогда работали?

— Штатным киллером группировки…

… и на суде, слева направо: Андрей Филиппов, Грибков Владимир, за ним сразу Саша Федин, «перечеркнут» цепью — Олег Михайлов, к нему наклоняется Дмитрий Туркин. Это следующий по счету суд после суда, в котором участвовала Надежда Хлебникова. 2006 год, Московский городской суд

Другими словами, в том момент, когда происходили события, описанные выше, Пылев — Махалин пришли к выводу, что сейчас подходящий момент для устранения всей верхушки СП «МАРВОЛ». Заметьте, именно через Марка Волошина поступали финансы, генерал Зинченко стал на тот момент связующим звеном, заменив Чернухина, на жизнь которого я покушался, соединяющим властные структуры государства посредством своих знакомств в правительстве, и заводы, выполняющие заказы для «МАРВОЛ» с юридическим адресом за рубежом. Так какой же смысл их убирать с дистанции, вместо того, чтобы крепко держать и «доить»?

На это вопрос я так и не нашел ответ, имеется в виду разумный. Звучавший всегда в таких случаях: «Убив, мы завладели бы его счетами!» — оканчивался постоянными разочарованиями, как в случае с «Танзанитами», Сашей Фишером и другими. Счета оставались неприступны, а люди гибли от ненасытной жадности, никогда не находящей себе удовлетворения[81].

Если бы это групповое убийство состоялось, то послужило бы сигналом к арестам Ческиса и далее по цепочке. Уже тогда Дмитрий Семенович находился в миллиметрах от ареста, а следствие в сантиметре от раскрытия преступления. Но…

Уже при написании книги выяснились некоторые, кое-что объясняющие подробности. Незадолго до этой предполагаемой поездки состоялись две встречи, первая с Левой Шумахером, где ему Сергеем Махалиным было предложено предать Волошина, каким именно образом не объяснялось, хотя вариантов представлялось множество, Лева отказался, открыв нашему вниманию замечательную черты своего характера — преданность и порядочность, что для этого коллектива совсем не типично.

Такая же встреча состоялась буквально через несколько дней с Жанном Федоровичем Зинченко. Генерал настолько опешил, что не сразу понял, что ему предлагают. Быстро собравшись, он нашел в себе силы ответить:

— Вы, молодой человек, видимо меня с кем-то перепутали. Я не просто генерал, я РУССКИЙ генерал! И хоть не все так просто… я честь имею! — На том и разошлись.

Очень скоро Пылев Олег давал наставления:

— Этих двух честных придурков в расход (Зинченко и Шумахера) вслед этого еврейчика (Волошина) — не терплю, когда мне отказывают… а Ческис… — этот сученыш уже бесполезен, и не дай Бог когда-нибудь сдаст, припомнив кому и чего заказывал. Послал же Бог подельничка!.. — в этом и кроется объяснение причины устранить всех сразу: «Не терплю, когда мне отказывают!». Правда, знакомо?!

В любом случае поездка отложилась по неизвестной мне причине, могу предположить, что ею могли послужить инициированные Супруненко «наезды» прокуратуры на офисы «МАРВОЛ», что испугало Ческиса, бросившегося к ногам Пылева, дабы остановить изначально глупость, и что, разумеется, напрягло самого «главшпана», возможно, впервые после смерти Гусятинского, намекнув на зависимость его от этого мира, а не наоборот…

* * *

В сентябре Андрей Пылев передал мне просьбу Буторина («Оси») — подготовить спецсредства и спецтехнику для установки в большом частном доме. Предположив примерное количество точек и их специфику, я заказал и оплатил необходимое. В течении нескольких недель заказ с разных точек планеты доставили на улицу Алабяна в известный, всем спецслужбам того времени офис.

Подписав каждую мелочь, определив ее назначение и применение, добавив инструкцию, я передал все лицу, имевшему

своей задачей переправить груз в Грецию. Остальное меня не касалось.

Где-то в начале октября пришлось быстро оформлять визу по поддельным паспортам моим технарям Александру Погорелову и Сергею Чаплыгину, оказалось, что задачу по установке и наладке выполнить никто не в состоянии. Но и после было не легче — обслужить уже установленное и приведенное в «боевое положение» также было некому.

Так началось поступление потока информации из места проживания Солоника, о чем я недавно упоминал. Немного дополню. Прослушивались не только большой зал, кухня, несколько спален, но и тренажерный зал, мастерская, веранда. При необходимости мой человек по команде занимал, заранее выбранную точку для фотографирования, одной из которых была помойка. Так появились фотографии игравших в нарды, обедавших на балконе, просто прогуливающихся самого Александра, бывших у него в гостях Андрея Колегова, Олега Нелюбина, Виталия Игнатова, нескольких неопознанных лиц, разговоры с которыми, в основном были записаны.

Был зафиксирован приезд и новой подруги «Валерьяна» (это единственная «погремуха» Солоника, которую я слышал при его жизни) Котовой, и прибытие в гости Юрия Ивахно с супругой, которого позже, уже после смерти известного киллера, по приезду в Москву убили по указанию Буторина и Пылевых, дабы убрать неудобного свидетеля, а заодно и сэкономить долг в размере 200 000 долларов, образовавшийся в результате оформления на них греческого гражданства…

Подошли к концу работы по адаптации двигателя РД-33 к «Миражам», приблизив окончание проекта. Все участники находились в ожидании огромных прибылей и барышей. Предположительно именно в этот период времени состоялась поездка нескольких представителей «Триады» на виллу Волошина в ЮАР.

Крепкие и здоровые спортсмены со светящимися взглядами и улыбками, по возвращению в Москву с трофеями охоты в прерии, шкурами зебр, львов, косуль, пойдут по своим стезям, приведшим всего через несколько месяцев Ананьевского и Володина к могиле, остальных в свое время к большим срокам: Буторина, Махалина и еще пятерых к пожизненным, остальных от 10 до 23 лет. Обвинить оказалось не в чем только Дмитрия Чернухина и Эдика Сучкова, верой и правдой служивших Андрею личными телохранителями, оставаясь с семьей Андрея и после его ареста…

Мне тоже было предложено присоединиться к поездке в Афины, но пытаясь избежать лишних рисков, я всегда

отказывался от участия в массовых мероприятиях, тем более за чужой счет. Исключение составила поездка на остров Тенерифе на празднование «Миллениума», когда увильнуть не удалось (подробно, при желании, можно прочитать в прежних томах «Ликвидатора»)…

Чтобы через несколько минут, растянувшись на удобном кресле или диване, отложив книгу на несколько минут в попытке осознать невероятную судьбу этой женщины, ее поступки, пожалуй, часто непродуманные, сожалея о неспособности государственных структур того времени искать, находить, использовать в соответствующие моменты, соответствующих им людей, после чего нам придется снова вспомнить друга молодости Надежды Юрьевны — «Олега».

После последней беседы с другом юности прошло довольно времени для проведения любых переговоров, самой продуманной скрупулезной подготовки, а потому, открыв испанскую визу, как мы помним, лежавшую вместе с паспортом у портрета Тимура, Надежда была готова к чему угодно, очередь чего и настала.

В итоге в ноябре Олег повез подругу юности в Королевство Испания. Приземлились в аэропорту города Малаги, далее Марбелья, последнее место пристанища Андрея Пылева, куда он, скорее всего, вернется лет через десять-двенадцать, даст Бог. На следующий день состоялась неожиданная туристическая поездка через Гибралтар на материк Африка, прямиком в Тунис. Конечная остановка этого дня была на вилле же Туниса, так называется столица этого государства, где под покровительством то ли Александро, то ли Алихандро и провели еще пару дней.

Парочка гуляла по городу, посещала кафешки, магазинчики, другие интересности, ничем не отличаясь от заправских туристов, шастающих повсеместно с открытыми ртами. Вдова ждала, что на одной грязной улочке или площади к ним пристанет кто-то, и дальше разыграется целый спектакль с проверками слежки, прятками, погонями. Но экскурсии не заканчивались, а на главную тему так и не было проронено ни одного слова. Между тем обратный билет в Москву был взят через шесть дней, отсчитывая от дня прибытия. Наутро третьего дня Олег заявил, что они едут ловить карпов на живописное озеро, расположенное близ города.

Ехали втроем, как полагается в воскресение, на одной машине, забитой снастями, удочками, столиками, стульями, другими причиндалами. Пока, после пыльной дороги, мужчины раскладывали удочки и раскладную мебель, посуду, бутылки и снедь, Надя любовалась на игру мелких волн прозрачной воды, представляя рядом Тимура и детей, мысли же все равно касались

только дела: «Прикольное озеро… но осталось только два дня…».

Потом, улыбаясь и показывая на приготовленный шатер, подошел Олег, но заговорил совсем о другом:

— Ты не передумала?

— Карпы, конечно, тоже круто, но… нет!

— Ну тогда иди. Видишь, метрах в 50 отсюда у воды стоит мужик?

— И что мне ему сказать?

— Это не мое дело. Ты хотела — иди… — Напоследок, через с силой сомкнутые зубы процедил:

— Ненормальная…

Пятьдесят метров — кажется не так много для ходьбы, но они тянулись, если не столетия, то годы. Песок шелестел под босыми ступнями, приятно обжигая кожу. То по нему, то по воде, меняя ощущения, добралась она до, как могло бы показаться, совсем не обращающего на нее внимания рыбака.

Мужчина, явно европеец, пропорциональной сложенный, славянской наружности, приятной спортивной внешности, военной выправки, наслаждался выдавшимся редким отдыхом, и вряд ли обратил бы внимание, если бы она прошла мимо. Но Надя подошла и обратилась по-английски. Оба хорошо и свободно говорили на этом языке, но было очевидно, что и для них этот язык не родной:

— Мадам. Я Вас слушаю.

— Я хочу сообщить данные по проекту «Супер Мираж» — и дальше по списку: характеристики движка, проблемы с масляным фильтром, результаты стендовых испытаний, где они проводились, опробирование и результаты первых летательных испытаний, фамилии разработчиков, финансовые условия контракта, сроки, график и количество планируемых поставок… — Все это она помнила наизусть. Он слушал, не спуская глаз с поплавка.

— Вы не записываете?

— А Вы, мадам?

— Я это помню.

— Теперь это помню и я… Мадам, при всем уважении, нам нужно проверить Вашу информацию. И только потом мы можем обсуждать условия.

— Какие условия?

— Ваш возможный гонорар…

— Мне не нужен гонорар.

— А что Вы хотите? Гражданство?

— Нет. Я хочу, чтобы люди, думающие, будто они мужчины, потеряли этот проект.

— Почему Вы этого хотите?

— Меня обидели. Я хочу наказать их.

— Мадам, у Вас есть муж?

— Да.

— А как он смотрит на то, чем вы занимаетесь.

— Сверху — с Небес…

— Хорошо, мадам. Спасибо. Хорошего дня.

Она ждала опустошения, оно не наступало, песок вновь зашуршал под ногами. Хлебникова поняла, что поступила правильно. Впереди ждали карпы, вода, солнце, вино… но не он — её Тимурище! Пройдя метров десять, она услышала:

— Мадам! Еще один вопрос!

— Да?

— Мне это важно знать. А я Вас ничем не обидел?..

— Нет…

Олег сосредоточенно ловил рыбу, он помолчал. Встав рядом, женщина попыталась сделать такой же вид — не получилось. Поняв ее состояние, разведчик посмотрел на часы:

— Хм… Измена Родине заняла у тебя меньше 40 минут. Талантище!.. — Это была шутка — он прекрасно понимал, что все деньги, выгори этот контракт по «переобуванию» «Миражей» в русские двигатели, поделили бы те же семья президента, Сосковец, Березовский, Волошин, Пылевы, Зинченко — кто угодно, только ни Родина и ни ее народ!

Можно, как угодно относиться к этому поступку, но главное произошло: Волошин, заработал семьдесят миллионов долларов и как посредник, и как вор, продав непродаваемые двигатели и секретные ракеты[82], заводы все же получили подпитку, были накормлены рабочие и инженеры, кто хотел, получил огромные взятки, и только Надежда потеряла все! Разве не имела она права прекратить этот «пир Вальтасара» на могиле своего мужа?! Имела и прекратила!..

Больше ни он, ни она к этому вопросу никогда не возвращались…

Когда спустя некоторое время великие деятели, уже поделившие все прибыли, никак не могли понять — почему грузовой танкер с движками для «Миражей» развернули посередине океана, отправив его назад, вдогонку пришла телеграмма от Генерала Гербера (начальник ВВС ЮАР того времени), содержавшая примерный смысл: «Спасибо за сотрудничество, коллеги» — и все!

««АРМСКОР» — юаровский аналог «Росвооружения» перекрыл денежные транши на счета СП «МАРВОЛ», соответственно, и СП «РУСДЖЕТ» «про сел по финансам», далее по списку:

конструкторы, и, главное, Ческис, Голушко, спортсмены с автоматами, которым подобное не понравилось, я это помню, быв очевидцем недовольства. Казавшаяся надежной цепочка, разорвалась, её же звенья до сих пор гадают, каким образом такой уникальный проект накрылся «медным тазом».

Примерная цена попадания: парк ВВС ЮАР — порядка 64 бортов. Но сделав интеллектуальную собственность совместной (именно по модернизированному двигателю с МИГ-29 для «Миражей») Россия и ЮАР планировали переобуть все африканские страны, преимущественно французские колонии в прошлом, на эти движки. А это не менее 600 бортов только в северной, центральной и восточной частях материка. Минимальная чистая прибыль российской стороны — 5 миллионов долларов с одного борта, то есть три миллиарда долларов США.

Как пела в то время Алла Пугачева: «Не делайте мне больно, господа!»… — Возможно Пугачева и пела о Хлебниковой, совершенно об этом не подозревая…

В ноябре, совсем скоро после этой поездки к озеру с карпами, когда не были известны её плоды, ВВС ЮАР по случаю 75-летия независимости страны организовало показательные полеты омоложенных «Миражей». Присутствовавший при этом Олег Сосковец наверняка вспоминал и о своем участии в судьбе этих машин, чувствуя удовлетворение от оказанной этому проекту помощи.

Поздравив друг друга, Олег Сосковец и Джо Модиссе обменялись памятными подарками. Взглянув на свой, россиянин обомлел, увидев россыпь бриллиантов на огромной золотой звезде!..

Чем выше положение, тем больше почет, и, как ни странно, заслуги. Часто несоизмеримость заслуг объясняется занимаемой должностью, что тоже далеко не всегда соответствует индивидуальным качествам, интеллекту, знаниям, способностям человека — так мы, люди, изменили свой мир, теперь почти не похожий на мир Истины, Справедливости, Милосердия.

Что же в это же время может происходить с теми, кто только своими трудом, выполнением долга, желанием соблюсти договорные обязательства с обеих сторон, стремлениями своей гордыни покинул этот самый мир?

Вдова к концу года, мучимая не только жаждой возмездия, стремлениями поднять детей, заработать денег, но и жгучей ненавистью, постепенно испепеляющей в ней ростки любви и чувственности к своему потомству, шла не останавливаясь к любой подвернувшейся промежуточной цели, могущей

приблизить ее к основной. Она хотела «голову» Ческиса!

Господь все прощает, но только из раскаянного. Иногда Надежда в чем-то каялась, вспоминая то, что казалось важным, что было обернуто в более мелкое, что равно пред Богом, но удивила священника нежеланием простить одного человека — Ческиса, забыть о нем, оставить на волю Божию. Наверняка многие ее поддержат, обосновывая пожаром внутри и ветхобиблейское «око за око», что отверг пришедший Спаситель, сказав: «Я есть отмщение, Я воздам!» — говоря так, Господь, даруя нам уверенность в неотвратимости справедливости, рано или поздно наступающей, чем освобождает нас для жизни. Это так, но далеко не всеми принимается!

Многим невозможно сделать этот маленький шажок, заставить себя если не простить (какое уже тут прощение), то передать в руки «Не упускающего» ни один грех, «Воздающего» по заслугам, чем губят не только себя, но многое предпринимаемое ранее, надежды, упования, обретая страх, который научаются со временем преодолевать. Простой ли это страх, или данный нам во вразумление, чтобы, переступив через эгоизм и тщеславие, мы вернули «данные нам таланты со сторицей Давшему»?

Создатель простил Наде попытку нарушить Его планы желанием убить себя. Укрепил, научил, сподвиг к материнскому инстинкту, чему оказалось следовать сложно, но ухватившись за который, она с трудом делала шаг за шагом. С каждым новым ощущала вдова утихание материнской теплоты, замещающейся обжигающим огнем ненависти и жаждой отмщения.

Тому были причины, и основная — мистическая ответственность перед Тимуром, словно взирающим сверху. Именно его она не могла позволить себе подвести, как будто душа мужа оставалась ответственной перед Богом за судьбы детей. Мысль о семье оказалась в конце перечня списка мотиваций, а ведь это один из основных даров, отказавшись от которых, мы не имеем новую возможность обрести следующие, но теряем навсегда уже бывшее и принадлежащее нам.

Сам же пример с судьбой Тимуром Илларионовичем слишком показателен и быстр. Между тем, в подавляющем большинстве случаев он легко перекладывается чуть не на каждого человека, уверенного, что его сегодняшний выбор будет полезен и нужен любимой женщине, детям, сохранению чувств и отношений, совершенно не обращающего внимания, на что именно опирается разум в этот момент.

При всей безграничной любви к мужу, Надя так и не сможет ему простить это решение. Убеждая его плюнуть на деньги, ведь это всего лишь средства, которые вполне можно заработать еще,

она руководствовалась эгоизмом не своим, но эгоизмом своей любви — ты со мной и этого мне более чем достаточно! Опасение из-за перемены мнения о себе в глазах великих, заслуженных людей могут ли сравниться с двадцатью годами переживаний вдовы, трусостью этих самых «великих» перед лицом обстоятельств, боязни потерять деньги в случае оглашения ими правды. Не насмешка ли это самого порока гордости, бичующего души проходящих мытарства?!

Мы все там будет, но в таком ли положении оставим своих возлюбленных, своих потомков, не доведенные до конца обязательства, не выполненные обещания?

Тимур был таким: честным по отношению к делу; расчетливым везде; рассудительным, но больше поверхностно; эгоистично добрым, гордым, обладал тщеславным гонором, держал слово, но был нерешительным в перемене прежде принятого решения, когда необходимость этого была очевидна, тем более находясь на острие опасности, грозящей ему и семье.

Мы можем осуждать его, а можем найти и в себе что-то присущее ему: неготовность иметь семью к моменту рождения первого ребенка; последовавший затем через несколько лет брак по расчету; его последнее решение, но это лишь малая часть поступков всей его жизни, в основном честных, добрых, жертвенных.

Да это было, но молодость любого человека вообще часто испещрена событиями далеко не всегда понимаемым им же в старости. С момента его гибели прошло больше двадцати лет. Придите на могилу 7 апреля и 17 января (день рождения и день смерти) и вы увидите ответы на все вопросы и свои осуждения. Не думаю, что многие могилы усопших видят такое же вниманием через столько лет. Посмотрите на «героев» 90-х, чьими гранитными стелами усыпаны кладбища России, многих ли помнят о них до сих пор?

А потому не смотрите, чем кто-то плох, привыкайте замечать, чем он хорош!

В дни празднования семидесятипятилетия независимости ЮАР, приехавшей на дачу вдове, открылась картина дотлевающей бани, построенной еще Тимуром. Соседи рассказывали, о каких-то молодых людях, крутившихся невдалеке, после появившихся огоньках пламени снаружи, поэтому подозрения почти сразу уступили место уверенности — поджог! Совершенно ясно при этом, с какой стороны «дул ветер».

Усмехнувшись череде событий, больше похожих на детский лепет, что говорило не о вмешательстве самих бандитов, расстрелявших мужа, а потугах растерянного и мятущегося

Ческиса, боящегося им признаться в своих слабости и просчетах.

Такие действия откровенно говорили о удачно выбранном пути и о действенности принимаемых мер. Теперь, сидя на пепелище, вдова ощутила остроту гонки, на каждом сантиметре дистанции которой, соревнующиеся не на жизнь, а на смерть, предпринимали усилия как при рывке перед самым концом дистанции. Речь уже шла не о том, кто придет к финишу первый, а кто его достигнет — место у ленточки было только одно, и это понимал каждый!..

Разделяй и властвуй

«Землю теперь населяют железные люди.
Не будет
Им передышки ни ночью,
ни днем от трудов и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые
боги дадут им.
Дети — с отцами, с детьми —
их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу,
гостю — хозяин,
Больше не будет меж братьев любви,
как бывало когда-то…
…Скорбно с широкодорожной Земли
на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным
закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда,
отлетевши от смертных,
Совесть и Стыд. Лишь одни
жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни.
От зла избавленья не будет»

(Гесиод «Труды и дни» перевод В. Верещагина)

Казавшаяся сплоченной команда «мавролят» постепенно начала обнаруживать уже давно имеющиеся в своей основе трещины. Расстояние между бывшими соратниками увеличивалось каждый день. Причиной тому были разные положения участников, заключающиеся в том, что Марк Волошин заработал свои деньги в самом начале, продав одиннадцать двигателей и четырнадцать ракет еще в 1992 году. 70 000 000 долларов, уже почти потраченные им, оказались крупной оплеухой «бригаде» Ческиса и компании, ведь им барыши были только обещаны, а кредиты не полностью отданы. Они поняли состоявшиеся планы Волошина, заключавшиеся не столько в развитии или вложении во что-то, а именно в этом мошенничестве по продаже секретов бывших «Советов». При этом он отговаривался, что многое потратил на взятки чиновников,

содержание офисов, разработку проектов. Только вот беда: все это проходило с их непосредственным участием: и взятки они носили — не такие уж и большие суммы; и траты на офисы знали, помнили свои зарплаты, а проекты и вовсе отсутствовали.

Это и было обидным фактором, что лег в основу маленькой войны, принесшей, как и положено, свои жертвы.

Бывший стоматолог беспроигрышно разыграл свою партию, проглотив сначала жаворонка, после ожидая свежеприготовленного журавля. Если бы не поездка вдовы в Тунис, возможно, так бы и было. Ситуация, влившись в неприятное русло, наконец-то напоролась на первый водоворот. Впрыснутый адреналин заставил искать новоиспеченных противников главы «МАРВОЛ» немедленный выход. Он оказался прост: заставить вернуть ЮАР проданное Волошиным на основании контракта, строки которого гласили: «необходимо вернуть!».

Не станем умствовать лукаво, лучше обратимся к авторитетному печатному изданию «Коммерсантъ», образца 1996 года:

«…По мере того, как работы по подгонке миговских движков под «Миражи» подходили к завершению, близился и оговоренный контрактом срок возврата военной техники (двигателей, ракет и сопутствующего оборудования) в Россию. И тут юаровцы начали вести себя странно. По словам гендиректора «Русджета» Юрия Головина, с начала 1995 года ARMSCOR (аналог «Росвооружения») резко изменил отношение к сотрудничеству с русскими. Начались бесконечные придирки со стороны ARMSCOR. И вскоре стало ясно, что ВВС ЮАР просто ищут повод для разрыва контракта с русскими, явно утратив интерес к работам по модификации РД-33 и последующему совместному (ЮАР и РФ) выходу с ним на мировой рынок «Миражей-1» и «Миражей-3».

Неожиданно выясняется и другое: ни четыре двигателя РД-33, оказавшиеся к тому времени в ЮАР, ни сопутствующее оборудование, ни боевые ракеты (14 ракет все-таки оказалось в ЮАР через несколько месяцев после ареста борта в Ахтубинске и закрытия соответствующего уголовного дела) юаровцы возвращать в Россию, как предписано контрактом, не собираются (а ведь работы по интеграции двигателей и ракет на «Миражи» проводились СП «Русджет» и «СИВ» по контрактам с «Марволом» на условиях вывоза оборудования из России в ЮАР на испытания «на зарубежные полигоны «Марвола»», но с обязательным возвратом после завершения работ!). Кроме того, ARMSCOR выдвигает претензии еще на семь двигателей, участвовавших по проекту в НИОКР, но находящихся на заводе им. Климова в

Санкт-Петербурге. В ARMSCOR почему-то убеждены, что и они тоже собственность ЮАР. Дирекцию же «Русджета» и «СИВ» (по таможенным документам, вывезенные в ЮАР двигатели, ракеты и оборудование «висят» на их балансах) атакуют представители таможни — ведь срок возврата истекает. В общем, ситуация становится крайне запутанной и скандальной.

Тут-то оказавшиеся «крайними» во всей этой истории нынешние директора «Русджета» и «СИВ» и выяснили, что их просто «кинули»: еще в 1992 году Волошин продал ARMSCOR не только двигатели, но и права на сам проект. Доказательства же волошинской сделки 1992 года о продаже двигателей им удалось получить совсем недавно (тогда «Русджетом» еще руководили другие). Основанием для покупки ARMSCOR авиатехники (безвозвратно) стала подписанная 18 мая 1992 года Марком Волошиным и генконструктором НПП им. Климова академиком транспорта Александром Саркисовым декларации о передаче прав собственности на 11 двигателей РД-33, участвующих в проекте, некоей компании COAB, также принадлежащей Волошину. Знали ли в ARMSCOR о подоплеке сделки? Похоже, что да, а поэтому не сомневались в существовании некоего тайного соглашения, заключенного на высоком уровне, позволяющего расторгнуть контракт с россиянами на определенном этапе и спрятать концы в воду. О чем в юаровской ARMSCOR могли действительно не догадываться, так это о размерах сумм, осевших на банковских счетах Волошина».

Там же, но чуть ниже:

«…Срок возврата двигателей и ракет все ближе. Что делать? В начале 1996 года на авансцену вновь выходит Жанн Зинченко. Он все еще вицепрезидент «Марвола» и все так же вхож в высокие кабинеты. За подписью Зинченко 19 января 1996 года уходит в правительство письмо с предложением не возвращать «оборудование» в Россию, а «утилизовать его в ЮАР» или продать «по остаточной стоимости в учебных целях». Мол, Бог с ним, с этим оборудованием. А уже в феврале за подписью вице-премьера Сосковца появляется распоряжение в адрес заинтересованных ведомств (ГКВП РФ, ГК «Росвооружение», ФСБ, СВР и пр.) «детально проработать и решить поставленные вопросы». Одновременно «Марвол» начинает обработку предприятий ВПК. План Волошина прост: оформить сделку о продаже двигателей «Марволу» задним числом. План почти удался: одна из фирм «Авиаэкспорта» — «Авиадвигатель» — подписала 16 мая с «Марвол Проджект «(фирмой-фантомом!) контракт о продаже двигателей. Причем — просто за «прощение» полученных ранее «Русджетом» и заводом им. Климова кредитов. Контракт

оформляется задним числом — 3 октября 1995 года (тогда у фирмы еще была лицензия на проведение таких сделок) и без ведома дирекции «Русджета». Но после протеста нового руководства «Русджета» контракт был аннулирован, а Волошин предупрежден, что все последующие попытки провести сделку по «продаже» уже проданных им юаровцам РД-33 задним числом будут пресечены (что и было сделано, когда Волошин вышел через того же Саркисова с аналогичной идеей уже на МАПО).».

Обратите внимание на число — 19 января 1996 года. Тимур Хлебников в дни годовщины своей кончины будто начинает расставлять все на свои места, освещая всех участников вместе и порознь.

Мы же понимаем, что за один день ничего не делается. Любое заявление, любой документ имеют причину, так же как и в основе любого действия лежит мотивация.

Вспомним арест с участием спецназа ГРУ «борта», загруженного двигателями и ракетами, при этом присутствовали сам Ческис (Тимур Хлебников в это время был вызван в Ганновер Волошиным, хотя, возможно, он и сам отправился туда, сейчас это покрыто мраком тайны! Мы никогда не узнаем — знал он или не знал; участвовал или не участвовал; знаем только, что подпись его под документом о передачи «СОАВ», находящегося в этом грузе, есть), заместитель директора СП «Русджет» Игорь Тимофеев, подпись которого стоит под всеми документами, касающимися этого мероприятия, и еще ряд товарищей, но не так засветившихся документально.

За два дня до подписания отставным генералом Жанном Зинченко документа — 16 января 1996 года Игорь Тимофеев (это не «Сильвестр», но однофамилец), якобы, неожиданно скончался на улице от сердечного приступа. Свидетелей этому не было, его труп просто обнаружили….

Через пару недель, в феврале 1996 года несколько автоматных выстрелов прошили автомобиль главного конструктора «Русджета» Степанова, проезжавшего по Ленинградскому шоссе. Целостность его головы спасла стойка от корпуса машины.

Можно оставить все эти факты без внимания, но почему-то лично у меня появляется вопрос, остающийся пока без ответа. Читатель наверняка заметил, что все эти неприятности обрушились на русджетовских руководителей только к концу 1995 — началу 1996 года. Если с гибелью Тимура Хлебникова все предельно ясно — это дело рук нашей группировки, то кто же мог так заботливо стараться лишить жизни Тимофеева и Степанова, ведь ни «медведковских», ни самой «Триады» рядом с Марком уже

не было?

Заостряю ваше внимание — «Триада» стояла за спиной Ческиса, который в это время подмял под свое влияние СП «Русджет», поставив после смерти Хлебникова лояльного по отношению к себе Юрия Петровича Головина, под руководством которого и начали отправляться бумаги, требующие возврата двигателей и ракет. Именно поэтому покушения не могли быть организованы с подачи Пылева.

Тогда кто же стоял за спиной «исполнителей»? Возможно, это не так важно, поскольку понятны заказчики. Не станем обвинять, но никто не может запретить назвать людей, кровно заинтересованных в устранении этих свидетелей.

Итак, еще раз. В начале 1996 года из офиса СП «Русждет» пропадают, причем в несколько заходов, документы по проекту «СУПЕР МИРАЖ»: технические, договорные, контракты. Это явно на руку людям, желающим оставить «оборудование» на территории ЮАР, поскольку эта документация необходима для запросов и направления претензий. Кстати, среди прочего, из офиса пропали также фотографии и видеоматериалы отдыха многих высокопоставленных товарищей на Волошинской вилле в ЮАР.

Тем же людям, после пропажи бумаг, интересно устранить и тех, кто, выполняя их поручения, отправлял это оборудование. Так кто же это? После расслоения «МАРВОЛА» на два лагеря, заинтересованными остались только Марк Волошин и Жанн Зинченко. Мы не суд, настаивать не будем, но констатируем, поскольку на это каждый право имеет: эти люди не в состоянии ни правил придерживаться, ни обязательств выполнять.

Марк Волошин говорит, что благодарен «Владимиру Путину за то, что президент дал указание разобраться со скандалом, и Сергею Чемезову (в 1999–2000 годах — гендиректор «Промэкспорта». — РБК daily) за то, что разобрался с ним (с вопросом возврата секретной техники, после того, как все российские секреты рассекретили за рубежом)». «Если бы не они, я бы с вами сегодня не сидел, — говорит бизнесмен. — В 1999 году делегация из России приезжала в ЮАР и убедилась, что все находится на месте, никто ничего не своровал, НИКОГО НЕ УБИЛИ[83]. В итоге все, что должно было вернуться в Россию, было возвращено. Никаких претензий ЮАР не имела, а только благодарность».

Что же удивляться этой лжи (или Тимур Хлебников не погиб?!!), когда в той же статье он сам продолжает:

«…В конце концов ЮАР отказалась от российского предложения. «По политическим причинам страна решила

закупать новые шведские самолеты JAS-39 Grippen, — сожалеет глава Marvol. — До сих пор в южноафриканском парламенте и прессе задается вопрос, почему страна отказалась от российского проекта, который обошелся бы бюджету в разы дешевле.

Marvotech все равно наварилась на «оружейной сделке», предполагает источник РБК daily в комиссии по ее расследованию. «Хотя ЮАР в итоге и закупила самолеты у Швеции, Marvotech все же получила контракт на модернизацию старых южноафриканских самолетов, проданных Эквадору».

То есть, кроме полученной наживы от несанкционированной продажи одиннадцати двигателей РД-33 и четырнадцати ракет, Марк Волошин, получив на руки украденную в СП «Русджет» в 1996 году техническую документацию, получил контракт на модернизацию старых южноафриканских самолетов только теперь уже в Эквадоре».

Воистину талантливейший человек и прежде всего своей бессовестностью!

Что же касается проведенной проверки невозвращенного «оборудования», странно было бы предположить, что чиновники ЮАР могли бы нерачительно поступить, заранее оплатив покупку, за счет бюджета своей страны, этих двигателей и ракет. Наверное, они приобрели желаемый и выгодный товар, и явно не ради его уничтожения или тем более возвращения. Остальное пусть остается на совести… а вот чьей, история умалчивает… пока…

Можно добавить, что о возвращении техники говорится только в одном месте: фильме, повествующем об этом проекте, хотя и есть некоторые «НО»: Фильм снят на деньги Марка Волошина его женой Инной Волошиной, а успокаивающие слова произносит никто иной, как Жанн Федорович Зинченко!.. Думаю, не сложно догадаться, чем вызвана необходимость появления такого фильма…

* * *

Приближался Новый год… Каждый день 1995-го, не прожитый Надеждой, но выстраданный, каждой секундочкой ранящий сердце отсутствием мужа, пустотой окружающего мира, которую обычно переполняло только одно существования Тимура в ее жизни, отголоски чего чувствовались даже сейчас. Так и говорила она себе каждый раз в моменты, омрачающиеся неурядицами или неудобствами: «Главное, что Тимур со мной!». Нечем было гасить сегодня печаль, скорбь пленяла все двадцать четыре часа, жажда мести прогоняла любые благие мысли, хотя

много доброго и хорошего успевала делать вдова и в эти дни.

Каждый новый был как первый, проведенный без него: сначала 18 января, следом — 19, 20, 21… Такими были и первые праздники, шедшие своей чередой, на которые она могла смотреть только как на последствия этой «первости».

Первые события без него — их оказалось бесконечное количество, от прогулки с ребенком, который уже начал ходить, его первые шаги, до похода в ресторан, где он сам осознанно выбирал блюда. Каким-то из пытающихся за ней ухаживать мужчинам, вдова уступала молча, другим совсем пресно и безэмоционально могла сказать:

— Вы хотите переспать с трупом?.. — И они исчезали, как сдуваемые ветром дымные призраки. Каким-то могла Надя добавить:

— Помогите мне достать убийц моего мужа, и можете делать со мной, что хотите… — Почему-то это действовало безотказно, несмотря на всю ее привлекательность. Их было много, одновременно всегда несколько, этих желающих — странный холодный огонь, пылающий в ее глазах, привлекал многих.

Даже следователи и опера, общавшиеся с ней за весь период до самого суда, привыкли видеть ответы на все вопросы в ее взгляде. Слова только начинали звучать, а ответ «конечно», уже светящийся в глазах, сопровождался ударами друг о друга ее, совершенно сухих ресниц, чуть позже с трудом выдавливаемый из горла комками скорби. Надежда очень быстро надоедала, в том числе и им, поскольку все ее интересы, вопросы, стремления, рассказы носили одно имя. Она могла несколько раз за день звонить, задавая один и тот же вопрос, зная заранее, что ничего не изменилось, но звонила и интересовалась.

Рыча про себя от бессилия и безвыходности на могиле любимого, она сама слышала этот звук, разрывающий тишину кладбища, заряжающий все окружающее ненавистью — настолько высока была концентрация злобы. Собирая в кулак и копя силы для преодоления следующего часа, она помнила только одну фразу, сказанную ей как бы самим Богом.

В день её прощания с телом Тимура дома, ее уединение прервал неожиданно вошедший Александр Калинин, державший в руках Библию:

— Надюшь, открой на любой странице.

— Ну…

— Теперь прочитай первую строчку, на которую упадет взгляд.

— «СПОТЫКАЮТСЯ ТОРОПЛИВЫЕ НОГИ»…

— Это слова, которые хочет тебе сейчас сказать на прощание

твой муж… — Каждый день она не только вспоминала эту фразу и саму прерванную ей мысль, одолевающую ее постоянно: «Первое, что я завтра сделаю — возьму пистолет, доберусь до офиса «МАРВОЛ», дождусь Ческиса и разряжу в него всю обойму!» — и ничего не помогало!

Ослушаться она не могла, поскольку была уверена — именно Тимур направляет ее и останавливает, хотя ждать до сих пор так и не научилась! Терпение и ожидание — это еще две добавочные мучительно стягивающие веревки, мучившие ее постоянно. Но она почему-то знала: если выдержать этот день, то можно и следующий. И это верно — Господь дает силы на каждый сегодняшний, значит, даст и на завтрашний. Так прошло десять с половиной лет!..

Первый Новый год без НЕГО праздновался в клубе «Арлекино». Ее пригласили те самые спортсмены, «соклубники» мужа. Через три недели, после Нового года ребята решили, поддерживая Надю, посетить могилу Тимура именно в день гибели, что логично. В этот день они стояли вокруг нее и её родственников против собравшихся «марволят»: Галушко, Ческиса, Головина в сопровождении крепких парней, присланных Олегом Пылевым. Брат Дмитрия принес двухгодовалого Георгия с цветочками для папы в ручках.

Эти дни оказались для «марволят» днями противостояния, как я писал выше: конфликтом «отца» «МАРВОЛА» Марком Волошиным со своими «детьми» по поводу возврата двигателей и ракет. В конечном итоге сила оказалась на стороне правды. Раскрытые мошеннические действия с подделкой контракта, оформленного Волошиным и Зинченко задним числом на старых выкраденных бланках СП «Русджет», прошли безнаказанно для злодеев, хотя и с предупреждением больше так не поступать…

К этому моменту по центральному телевидению с неделю показывали кадры вытаскивания тела Солоника на дорогу. Это стало сенсацией начавшегося года. Только ленивый и уже находящийся под ножом патологоанатома не обратили на это внимание, но вряд ли сделали хоть какой-то верный вывод.

За два дня до этого арестованный Андрей Колегов наблюдал эти кадры, не веря своим глазам. Его намеренно определили в камеру с хорошими условиями, окружили вниманием и безопасностью, просматривая всю «почту», прослушивая все переговоры. Он смог пока выжить, благодаря заступничеству и людей с воли, и самих милиционеров, но только пока…

* * *

Транши от «АРМСКОР» на счета «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ» больше не поступали, что означало — большой правительственный проект Пылевы больше не контролируют. Виновник нашелся сразу, совсем не странно, что им оказался Дмитрий Семенович Ческис. Его пригласили, как часто это делали, на встречу. Как ни в чем не бывало, финансист приехал с надуманными объяснениями, надеясь, что голос, близкий к разумному, должен сыграть свою роль.

Но реальные пацаны руководствуются всегда только одним звуком — звоном падающих в их карманы монет. Когда этот поток прекращается, нужно искать причину и, как можно скорее исправлять положение.

Ни один довод не удовлетворил Олега Александровича, поскольку по убийству Хлебникова Ческис обещал полный контроль за деньгами братьям, чего почему-то не вышло. Вместо этого копание прокуратуры, опасные виражи, исполняемые вдовой, которая начинает уже не просто надоедать, а реально угрожать. Именно потому Ческису было в грубой форме указано «угомонить бабу», что было и в его интересах, так как он понимал, случись что не так, с молотка пойдет не только его собственность, но все, что ему дорого, включая собственную бесценную задницу…

Он снова предложил деньги вдове, на сей раз напрямую, подослав «голубя мира» — Лешу Гуревича, как я уже писал, что закончилось очередным оскорбление горе-финансиста: «Леш, передай ему, что он еще столько не украл (это слово звучало по иному — да не при детях будет прочитано их родителями), чтобы купить у меня мертвого мужа!».

Так и порываюсь сказать, что любое планирование, основанное на единственном стремлении украсть, всегда оканчивается разочарованием. Даже в случае успеха деньги не могут принести удовлетворения. Острота ощущений, возбужденная адреналином, быстро сглаживается, превращается в ровный бесцветный лист бумаги, требующий новых текстов. Но что может написать умеющий организовывать интриги и воровать?!

Волошин, не умеющий подбирать себе подчиненных, собрал отвратительную команду, с самого начала старавшуюся не дело сделать, а кусок пожирнее урвать. В сущности, пока ключевое место занимал Тимур Илларионович, проект не имел шансов на провал. Рассмотреть это было совсем не сложно, зная мнения конструкторов, инженеров, военных. Но стоматолог, привыкший смотреть на зубы, считает прибыли именно с этой части тела, не замечая остального окружающего мира.

Не будучи созидателями, люди способны быть только разрушителями. После отказа от отношений с русскими, проект «Супер Мираж» рухнул раз и навсегда. Поскольку весь огромный, созданный организм «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ» без него был только надувным шариком, ничего не производящим, и ничего не значащим, посыпалось и само хрупкое здание. Каждый отрывал то, за что держался и за что отвечал.

Единственная единица, имеющая возможность что-то приносить при должном подходе — МВ-Банк (Марк Волошин — Банк) на улице Красина, дом два, спешно был разворован в прямом смысле. Лично Дмитрий Ческис и Олег Галушко с помощью Семена Дмитриева, ни сном, ни духом не понимающего, в чем участвует, выносили несколько часов наличность через черный ход, ушедшую после в неизвестном направлении. Замечу — что это не прошло мимо карманов Олега Александровича и Андрея Александровича Пылевых.

Нужно отдать должное Ческису, хотя скорее его жадности, способной преодолеть любой страх, заставлявшей прикидываться пострадавшим, несчастным, обманутым, во что начинал верить и он сам. Как же интересно читать его показания, в которых он умудрялся вспоминать тончайшие подробности о других, забывая при этом важные и основные моменты, касающиеся его темной стороны. Уж, вертящийся на сковородке живодера, покраснел бы от зависти и сдался на милость победителя, обнаружив в Дмитрии Семеновиче такой пропадающий талант.

Скажите, что это хорошая сумма, а бандидос обманывать можно, и ничего зазорного в этом нет? А я не стану спорить, скажу лишь: «бандидос» бывают разные, а деньги счастья так и не принесли ни ему, ни Галушко. Первый скончался в страхе, никогда его не покидающем в возрасте 52 лет, второй обанкротился и был вынужден, скрываясь от неприятностей, покинуть Родину, похоже навсегда.

Опустошение банка привело к конфликту с его учредителями, требующими возвратить свое с процентами, заместитель председателя, разводя руками, а это и был сам Ческис, указывал на Марка Семеновича, который и правда не понимал и не знал, как «прекрасный руководитель и бизнесмен», что происходит в его вотчине.

Хотим ли мы понимать начальство неспособное вести дело, заниматься бизнесом, осуществлять грандиозные проекты, если оно получило прибыль с лихвой, обманув, в том числе и нас, если и прописанной в контракте сумме не суждено перекочевать в наши кошельки?

Ческис, украв пару миллионов, требовал после этого свои

деньги и деньги работников от главы «МАРВОЛ», Марк, понимая, что его опять обманули, отказал всем, как когда-то поступил с Чернухиным, которого попросил устранить Григория Гусятинского. Это тот самый Чернухин, гендиректор «Экопром», который вместе с Волошиным и Жанном Зинченко начинал этот проект еще до ГКЧП. Тот самый, за неудачное покушение на которого Волошин, по словам Гусятинского, заплатил 50 000 долларов.

Кстати, история очень похожая на предысторию с заказом на убийство Александром Таранцевым Иосифа Глоцера, да и сумма «благодарности» та же. Правда Таранцева, рано или поздно, привлекут к ответственности, если, конечно найдут, а вот Марк Семенович…

Таранцев, конечно, простой преступник, под личиной крупного бизнеса порочащий гильдию честных людей, а Волошин — мошенник международного масштаба, до сих пор не снявший белых перчаток. Может быть, так и осталось бы, отдай вы эти, не такие уж и большие, для вас деньги. А так: что жил — все зря!..

А. Таранцев с министром МВД Куликовым. Какие головокружительные связи, ничем не отличающиеся от волошинских, и тоже не помогли…

Король Иордании и Марк Волошин на открытии завода по производству реактивных противотанковых гранатометов российской конструкции. Очередная схема в действии, где в основе нового «рывка» небольшие вложения, много шума, новый обман… и снова в России

В марте 1996 г. Юрий Головин, поставленный на место погибшего Тимура Хлебникова, написал заявление о сложении с себя полномочий генерального директора «Русджет», а в июне 1996 г. был уволен решением правления из «Дженерал технолоджис», где занимал тот же пост. Но не так-то просто было вернуть Марку эту компанию. Здесь включились другие рычаги воздействий. И вот почему.

Ческис украл большую сумму, но сказать о ней Пылеву посчитал лишним — действительно, зачем?! Эти слова только уполовинили бы ее. Все бы ничего, но где же обещанные барыши после убийства Хлебникова?! В преступном мире подобное никогда не остается безнаказанным и совершенное тяжкое преступление по «наводке» подобных финансистов, в случае не состоявшихся ожидаемых дивидендов, взыскивается, неважно как, с интригана. Почему-то Ческису повезло.

И вот почему. Он умудрился убедить неискушенных в бизнесе братьев Пылевых, хотя у Олега и Андрея были хорошие консультанты, чего стоит только один Влад Тыщенко, владелец

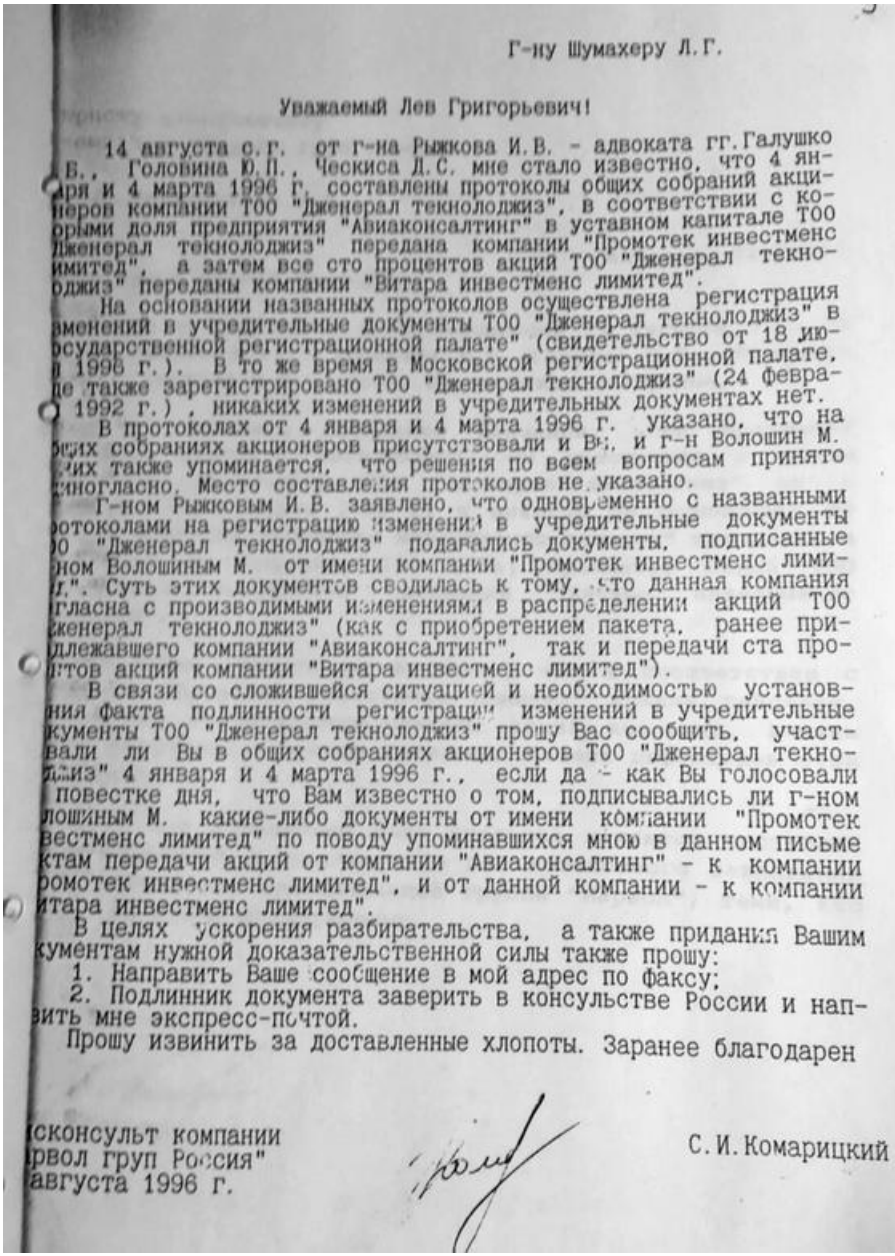
«Экспресс-банка», подмять с его, Дмитрия Семеновича помощью, «Росстекло» и СП «Дженерал Технолоджис». В принципе, что одно предприятие не приносило доходов, что второе было оценено в 200000 долларов уставного фонда в виде акций. Но это хоть что-то. А поэтому Олег Александрович (Пылев) поставил Махалину задачу ко времени готовности мероприятия изъятия акций «Росстекло», быть в состоянии устранить Нусуева Вячеслава, возглавляющего эту фирму, о чем и рассказал на суде Олег Михайлов, тот самый «штатный киллер», который должен был ехать в город Бор на Украину для устранения Волошина, Шумахера, Зинченко…

Так и хочется написать, что на гербе «МАРВОЛ» должен быть изображен клубок из целующихся змей — что почище творившегося у нас в «Триаде».

Смысл происходящего в течении 1996 года сводился к одной сути. Проект, теперь мы знаем, чьими усилиями, провалился, благодаря чему ожидаемых новых барышей Марк не получил. Добытого в 1992 году благодаря теневой сделки от продажи ракет и двигателей — 70 000 000 долларов, уже не осталось. Одно дело украсть, другое дело удачно вложить! Волошин бессовестно забыл о всех без исключения обязательствах, чем вынуждает действовать бывших подчиненных на свой страх и риск.

Что-то «марволята» начинают делать сами, что-то берет на себя «Триада» «Ореховско-медведковско-одинцовских». Как результат приведу выдержку из показаний генерала в отставке Жанна Зинченко, сетующего на нехороших людей, которых он и Марк выбрали себе в подчиненные сами:

«В августе 1996 г. юрисконсульт МАРВОЛ Групп Комарицкий сообщил, что на него вышел Илья Рыжков — адвокат Головина, Ческиса и Галушко[84]. Он сообщил, что в июне и марте 1996 г. были подготовлены протоколы собраний акционеров, на котором акции были переданы компании «Витара инвестмент лимитед» — это офшорная компания, зарегистрированная Галушко на Вирджинских островах. Протокол был якобы подписан Шумахером и Волошиным.



Г-ну Шумахеру Л.Г.

Уважаемый Лев Григорьевич!

14 августа с.г. от г-на Рыжкова И.В. - адвоката гг.Галушко Б., Головина Ю.П., Ческиса Д.С. мне стало известно, что 4 января и 4 марта 1996 г. составлены протоколы общих собраний акционеров компании ТОО "Дженерал текнолоджиз", в соответствии с которыми доля предприятия "Авиаконсалтинг" в уставном капитале ТОО "Дженерал текнолоджиз" передана компании "Промотек инвестменс лимитед", а затем все сто процентов акций ТОО "Дженерал текнолоджиз" переданы компании "Витара инвестменс лимитед".

На основании названных протоколов осуществлена регистрация изменений в учредительные документы ТОО "Дженерал текнолоджиз" в Государственной регистрационной палате" (свидетельство от 18 июня 1996 г.). В то же время в Московской регистрационной палате, где также зарегистрировано ТОО "Дженерал текнолоджиз" (24 февраля 1992 г.), никаких изменений в учредительных документах нет.

В протоколах от 4 января и 4 марта 1996 г. указано, что на всех собраниях акционеров присутствовали и Вы, и г-н Волошин М. В них также упоминается, что решения по всем вопросам принято единогласно. Место составления протоколов не указано.

Г-ном Рыжковым И.В. заявлено, что одновременно с названными протоколами на регистрацию изменений в учредительные документы ТОО "Дженерал текнолоджиз" подавались документы, подписанные г-ном Волошиным М. от имени компании "Промотек инвестменс лимитед". Суть этих документов сводилась к тому, что данная компания согласна с производимыми изменениями в распределении акций ТОО "Дженерал текнолоджиз" (как с приобретением пакета, ранее принадлежавшего компании "Авиаконсалтинг", так и передачи ста процентов акций компании "Витара инвестменс лимитед").

В связи со сложившейся ситуацией и необходимостью установления факта подлинности регистрации изменений в учредительные документы ТОО "Дженерал текнолоджиз" прошу Вас сообщить, участвовали ли Вы в общих собраниях акционеров ТОО "Дженерал текнолоджиз" 4 января и 4 марта 1996 г., если да - как Вы голосовали по повестке дня, что Вам известно о том, подписывались ли г-ном Волошиным М. какие-либо документы от имени компании "Промотек инвестменс лимитед" по поводу упоминавшихся мною в данном письме актам передачи акций от компании "Авиаконсалтинг" - к компании "Промотек инвестменс лимитед", и от данной компании - к компании "Витара инвестменс лимитед".

В целях ускорения разбирательства, а также приданию Вашим документам нужной доказательственной силы также прошу:

1. Направить Ваше сообщение в мой адрес по факсу;
2. Подлинник документа заверить в консульстве России и направить мне экспресс-почтой.

Прошу извинить за доставленные хлопоты. Заранее благодарен

Консульт компании
"Ирвол груп Россия"
августа 1996 г.

С.И.Комарицкий

Докладная записка Комарицкого на имя Шумахера

Комарицкий обратился к Волошину, Шумахеру и Степанову Андрею, еще одному учредителю, и получил ответы, что ни один из них протоколы не подписывал. Это был удар и по «МВ Банку», так как «Дженерал Технолоджис» владел примерно 20 % акций банка».

Удар был нанесен, правда, чуть раньше — хранилище банка уже опустело!

Интересно, что показания Галушко Олега выглядят немного, мягко говоря, иначе. Некоторые из них будут приведены в полной мере в конце книге. Вот небольшая выдержка:

«В 1995 году, в конце, проект «Русджет» подходил к концу. Нужно было вернуть из ЮАР какое-то оборудование, но выяснилось, что Волошин его там продал. Мы рассчитывали по окончании проекта на вознаграждение. Волошин сказал, что что-то нам заплатит, если мы как-то прикроем вопрос с оборудованием этим. Волошин так же имел обязательства перед ПЕТРОКОММЕРЦ БАНКОМ (который участвовал в создании МВ БАНКА), но эти обязательства выполнять отказывался.

Шумахер предъявили нам документы, что мы (я, Ческис и Головин) уволены. Но мы отказались выполнять это требование. Шумахера не пустили в офис «МАРВОЛ» в Октябрьском переулке. И обратились в правоохранительные органы на тему не возврата оборудования из ЮАР.

В 1996 году мы создали ООО «Окамет» (я, Головин, Ческис, Беззубиков). В 1997 и 2001 годах были кризисы на рынке металлов. Ческис и Головин вышли из ООО и устроились на работу в «Норильский никель».

Наш офис располагался на ул. Клары Цеткин. В итоге в этот офис приехал зам. Ген. директора ЧОПа «Великая держава плюс». Это был Махалин. С ним нас знакомил ранее Ческис. И мы поняли, что нас как коммерсантов не собираются отпускать, так как знали, в какую банду входил Махалин изначально».

Последние строки, я специально не стал убирать, чтобы привести пример характера Ческиса. Казалось, ну ушел ты, найдя другое применение своим способностям, ну зачем же людям портить жизнь. Сам грешен — каюсь! «МАРВОЛ» и все, что с ним связано, принимаю на свой счет. Не будь меня, не было и протектората «Триады».

Кстати, упоминаемый ЧОП, как я уже писал, возглавлял сын самого знаменитого разведчика Советского Союза Конона Трофимовича Моло́дого — Трофим Кононович Моло́дый, в пошлом майор КГБ…

Несчастные «марволята», предполагая, что Надежда Юрьевна все забыла, обратились к ней(!!!) за помощью, умоляя встретиться с корреспондентами издания «КоммерсантЪ» Александром Карецким и Валерием Сычевым. Ей звонили, просили о встрече, намекая на Дмитрия Ческиса и Олега Галушко. В ответ звонящий получил ответ: «Они сами воры и бандиты!». Ее номер телефона оказался у корреспондентов, конечно, заботами Ческиса.

Журналисты, вняв словам вдовы, подошли внимательно и скрупулезно к изучению темы. В результате вышел довольно

серьезный репортаж, на который, в том числе, я здесь и ссылаюсь, когда речь идет о нюансах, точно мне не известных.

Начинается он словами, объясняющими состояние бывших подчиненных Марка Волошина. Нужно отметить, что не все в тексте из напечатанного им нравилось, но на то и журналистское расследование, чтобы проверить все данные, исправляя ошибки или специально измененную информацию:

«Оказавшимся 24 апреля 1993 года на военном аэродроме в Ахтубинске могло показаться, что там снимают остросюжетный боевик: на летном поле словно из-под земли возникла группа захвата. Спецназовцы взяли в кольцо прогревавший двигатели «Руслан». Невзирая на высокие воинские чины сопровождавших груз и кипу «охранных грамот» за подписями высокопоставленных лиц, военные контрразведчики (а это были они) вскрыли загруженные в «Руслан» контейнеры. Внутри оказались детали двух модифицированных МиГовских двигателей РД-33, а также 14 новейших ракет Р-73 класса «воздух-воздух», не имеющих аналогов в мире. В таможенных документах улетавший в ЮАР груз значился как «холодильное оборудование». ЮАР в то время (и до весны 1994 года) находилась под санкциями ООН, запрещавшими странам — членам ООН сотрудничать с Преторией в военной области. Если бы тогда эта история была предана огласке, разразился бы громкий международный скандал: конечно, из ООН Россию не исключили бы, но отношения со многими странами могли быть испорчены, кое-кто мог заговорить о санкциях уже в отношениях Москвы, могли возникнуть и большие трудности с получением западных кредитов (в том числе МВФ) и финансовой помощи, которые тогда имели для российского бюджета очень важное значение.

Первые документы, с которых начали свое расследование АЛЕКСАНДР Ъ-КОРЕЦКИЙ и ВАЛЕРИЯ Ъ-СЫЧЕВА, попали в редакцию Ъ случайно. Просто некоторые из участников этой сделки в какой-то момент не захотели оказаться крайними. Журналисты потянули за «веревочку». И вот что вытянули…».

Ческис рассчитывал, что статья начнется со второго абзаца, неожиданно же появившийся первый должен был просто убить его, ведь именно он присутствовал при этой погрузке вместе с полковников КГБ Николаевым, курирующий тогда СП «Русджет». Тимур, как я писал, был отправлен в командировку в Ганновер к Марку Волошину, хотя, после возбуждения уголовного дела, именно он и расхлебывал заварушку государственного масштаба, если не сказать — внешнеполитического, что удалось как нельзя лучше.

Поэтому во втором абзаце правильнее было бы написать не

«некоторые участники этой сделки», а организаторы. Я намеренно второй раз привел первые несколько строк из этой статьи, чтобы уже ознакомленному читателю, стало более ясно, о чем идет речь, чем вызвана эта публикация, какова ее настоящая подноготная. Полностью она будет приведена на сайте «www.anabasis-book.ru».

* * *

Надеюсь, уважаемый читатель легко вспомнит один из разговоров Надежды Юрьевны со следователем Супруненко. Приведу еще раз, поскольку он важен для понимания отчаянного поведения вдовы, не умеющей ни прощать, ни тем более забывать. Это была одна из последних встреч:

— Пока все. Это не то, что ты думаешь. Это не просто жадный финансист решил подгрести под себя бабки, заняв место твоего мужа. Если это то, что я думаю, то это намного серьезней. И опасней. И время раздавить эту мразь еще не пришло.

— Что мне делать?

— Ждать.

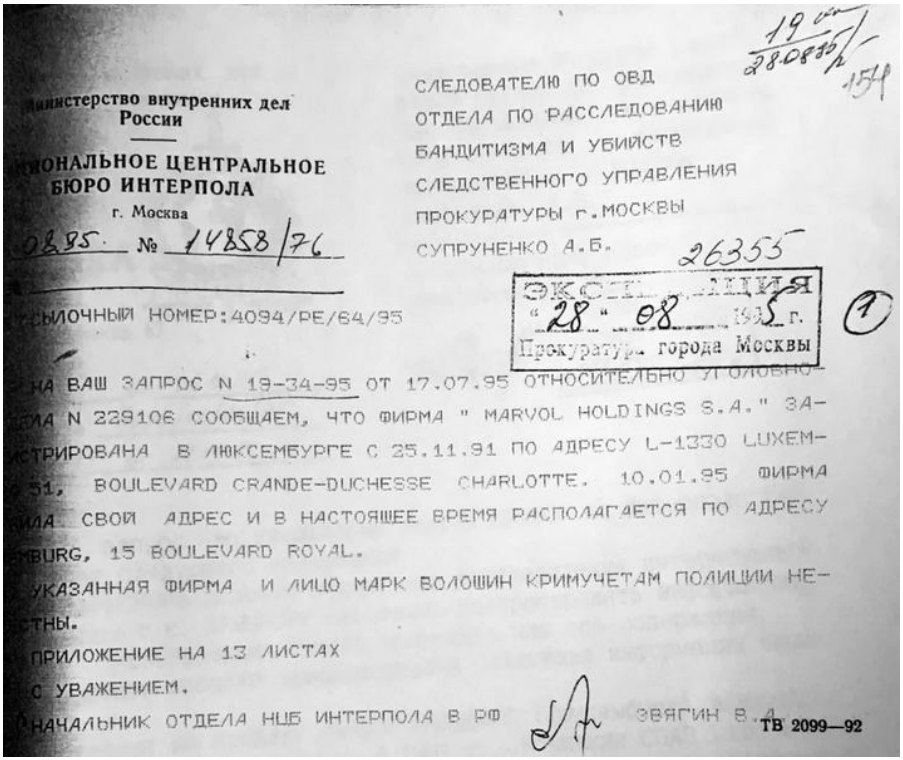
— Я не умею.

— Учись.

— Но Ческис при делах? Вы обещали если не посадить, то назвать имя!

— Ческис в теме, но не конечное звено. И у меня к тебе просьба: если надоест ждать… то чтобы на моей земле без «двухсотых». Но хочу тебя предупредить: завалишь Ческиса — упустишь организатора. Сработаешь грубо — ты у меня первая под подозрением. Все ясно?

— Более чем. Спасибо. До свидания.



Министерство внутренних дел
России

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ
БЮРО ИНТЕРПОЛА
г. Москва

0885 № 14858/76

СЛЕДОВАТЕЛЮ ПО ОВД
ОТДЕЛА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
БАНДИТИЗМА И УБИЙСТВ
СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОКУРАТУРЫ г.МОСКВЫ
СУПРУНЕНКО А.Б.

19 от 28.08.95 г. 154

26355

ЭКСПЕДИЦИЯ
"28" 08 1995 г.
Прокуратура города Москвы

1

ССЫЛОЧНЫЙ НОМЕР:4094/РЕ/64/95

НА ВАШ ЗАПРОС N 19-34-95 ОТ 17.07.95 ОТНОСИТЕЛЬНО УГОЛОВНО-
ЕЛА N 229106 СООБЩАЕМ, ЧТО ФИРМА " MARVOL HOLDINGS S.A." ЗА-
СТРИРОВАНА В ЛЮКСЕМБУРГЕ С 25.11.91 ПО АДРЕСУ L-1330 LUXEM-
51, BOULEVARD GRANDE-DUCHESSE CHARLOTTE. 10.01.95 ФИРМА
ИЛА СВОЙ АДРЕС И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАСПОЛАГАЕТСЯ ПО АДРЕСУ
MBURG, 15 BOULEVARD ROYAL.

УКАЗАННАЯ ФИРМА И ЛИЦО МАРК ВОЛОШИН КРИМУЧЕТАМ ПОЛИЦИИ НЕ-
СТНЫ.

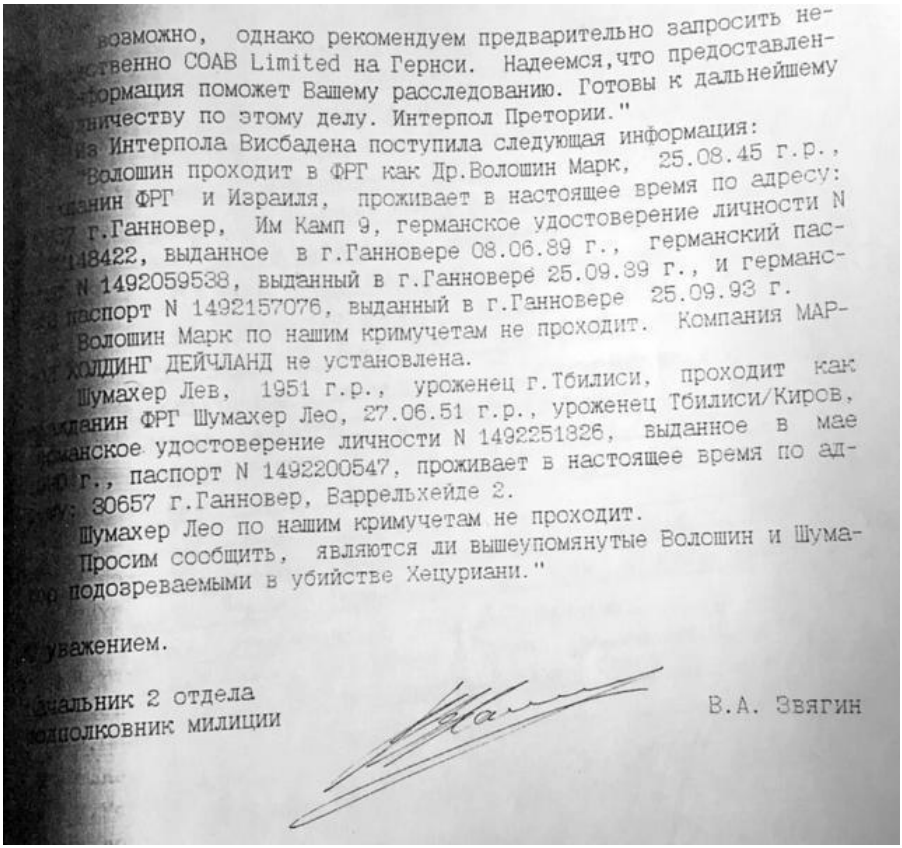
ПРИЛОЖЕНИЕ НА 13 ЛИСТАХ

С УВАЖЕНИЕМ.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА НЦБ ИНТЕРПОЛА В РФ ЗВЯГИН В.А.

ТВ 2099—92

Официальный запрос следователя Супруненко



возможно, однако рекомендуем предварительно запросить не-
ственно COAB Limited на Гернси. Надеемся,что предоставлен-
формация поможет Вашему расследованию. Готовы к дальнейшему
ничеству по этому делу. Интерпол Претории."
Из Интерпола Висбадена поступила следующая информация:
Волошин проходит в ФРГ как Др.Волошин Марк, 25.08.45 г.р.,
данин ФРГ и Израиля, проживает в настоящее время по адресу:
г.Ганновер, Им Камп 9, германское удостоверение личности N
48422, выданное в г.Ганновере 08.06.89 г., германский пас-
N 1492059538, выданный в г.Ганновере 25.09.89 г., и германс-
паспорт N 1492157076, выданный в г.Ганновере 25.09.93 г.
Волошин Марк по нашим кримучетам не проходит. Компания МАР-
ХОЛДИНГ ДЕЙЧЛАНД не установлена.
Шумахер Лев, 1951 г.р., уроженец г.Тбилиси, проходит как
данин ФРГ Шумахер Лео, 27.06.51 г.р., уроженец Тбилиси/Киров,
манское удостоверение личности N 1492251826, выданное в мае
г., паспорт N 1492200547, проживает в настоящее время по ад-
у: 30657 г.Ганновер, Варрельхейде 2.
Шумахер Лео по нашим кримучетам не проходит.
Просим сообщить, являются ли вышеупомянутые Волошин и Шума-
р подозреваемыми в убийстве Хецуриани."

уважением.

чальник 2 отдела
подполковник милиции

В.А. Звягин

Это подтвержденный ответ на запрос Супруненко. Интересно обратить внимание на слова «компания МАРВОЛ не определена». Такое бывает только в одном случае — жизнедеятельность проверяемой фирмы равна нулю, то есть налоги не платятся. Как просто было проверить серьезность человека и его намерения государственным структурам перед началом работы, однако произошло это только после неизбежного провала программы «Супер Мираж».

Через несколько месяцев началась предвыборная президентская компания Ельцина. Позвонил друг молодости Олег, как всегда конкретный, без подготовки — зачем позвонил, то и спросил:

— Чем помочь?

— Я хочу встречу с кем угодно… мне по барабану, ну с тем, кто может повлиять на ход следствия. Пусть даже это тот, кто отвечает за безопасность Президента.

— Хочешь Президента взять в заложники?

— Кому он нужен, ваш президент? Его предвыборную кампанию нужно назвать «мумия возвращается». Его авторитет на западе.

— Тебя куда несет?!.. — Ее не просто несло, но толкало на амбразуру, неважно чьих пулеметов! Привыкшая говорить то, что думает, она не привыкла лебезить, но знала: движение в любом направлении — это лучше, чем стояние на месте. Вот и перла, как тяжелый танк с горы, не разбирая препятствий:

— Пока не понимаю… Короче, можешь? Дай в 2–3 абзацах, что у тебя есть… — А что у неё было? Была лишь копия документа со входящим и исходящим номерами канцелярии Президента, в которой на представлении проекта «РУСДЖЕТ» за подписью Сосковца стояла одобрительная резолюция самого Ельцина. То есть — одобрение контрабанды оружия в международных масштабах: двигатели для истребителей — оружие; нарушение эмбарго и есть контрабанда. Эту копию Надежда и передала своему другу.

Через два дня он позвонил:

— Собирайся.

— С вещами?

— Она еще шутит! Через 15 минут спускайся.

Сказано — сделано. Машина тронулась, маршрут был странным, движение нелогичным. На светофоре переговоры посредством рации:

— Мы там-то… Есть…

Опять поворот в никуда. У очередного светофора:

— Мы там-то… Есть…

Вдова наконец-то поняла, как выглядит в природе броуновское движение, на фоне чего женское любопытство, не дававшее покоя, наконец, не выдержало:

— Ты заблудился?

— Отвянь. Говори мало. Отвечай только на вопросы.

— Твои?

— У меня к тебе вопросов нет. Мне все ясно с тобой. Ты сошла с ума!

— А зачем ты тогда на такой крутой машине за мной приехал?

— Ты права. Я идиот. Тебе уже давно нужен катафалк…

Петляния продолжались еще с полчаса, пока таким образом они не подъехали к мостику от скверика перед английским посольством на другую сторону речки, что невдалеке от кинотеатра «Ударник».

— Выходи… Иди туда… И учти — работает «наружка»…

— И что?

— Так — на всякий случай…

Хлебникова, с надеждой вздохнув, направилась к указанному центру скверика. Издалека еще заметила спокойно стоящего

большого человека. Подумалось: «Убить, что ли хотят — всех задолбала!». Эту ерунду сменила другая мысль, хуже и страшнее первой в разы: «Ё!.. Коржаков! Значит, будет еще хуже!». Хоть и сперло дыхание, но уверенности прибавилось. Когда она подошла, все прошло. Он начал первый, не здороваясь:

— Что Вам надо?

— У меня убили мужа…

— ВАМ что надо?

— Убийц наказать!

— Я причем?

— Больше никто не может.

— Президент причем?

— А как Вас еще промотивировать? Если с моими детьми или со мной что-то случится — эта бумага будет опубликована за границей. И весь мир узнает, что наш бывший — будущий Президент — контрабандист оружием в международном масштабе… — Пока говорила, в висках стучало: «Точно грохнут! А может… и наградят…».

— Что Вы выиграете?

— Лучше подумайте, что Вы потеряете. Я прошу то, что для Вас ничего не стоит.

— Где гарантии?

— Какие?

— Где оригинал письма? В канцелярии Кремля его нет.

— Я в курсе. Ну вот оригинал и будет гарантией… — Друзья и любящие ее родственники называют ее не иначе как «невероятное существо». По всей видимости, это заметно невооруженным взглядом — такие, наверняка, занесены в красную книгу выдающихся человеков, а значит неприкосновенны.

Награждение Александра Васильевича Коржакова президентом России. Генерал-лейтенант запаса, бывший начальный охраны президента Ельцина, имеющий право испытывать сегодня неприязнь к бывшему «патрону»

Он помог, пусть и не существенно, наверняка по причине уже состоявшегося своего «отлучения от престола», за что Хлебникова остается благодарной Коржакову и по сей день.

Чуть позже, когда стала очевидна помощь этого властного человека, он спросил, через Олега: «Где оригинал?!». Удивительно, но она сыграла в блеф, совершенно не зная, где он: «Спросите у секретаря канцелярии, Филиппова». Слава Богу, дальше они разбирались, как-то сами…

* * *

В марте 1996-го почти напротив американского посольства «курганские» (Паша Зеленин) расстреливают Ананьевского Сергея. «Культик» гибнет в расцвете сил, вместе с ним «Триаду» покидает разумность и дальновидность, но не жадность, опрометчивость, непродуманность. Через полгода, «Ося» (Буторин Сергей) с группой поддержки отправится в Израиль к Григорию Лернеру выколачивать деньги «Сильвестра», результатом чего окажется известное открытое письмо, направленное в центральную печать Лернером, но адресованное Буторину Сергею лично. Содержание поражает своей оригинальностью, а сама

ситуация подобной переписки — неординарностью:

«Если вы ставили своей задачей напугать меня, вы этого добились. Если вы ставили своей задачей унизить меня, вы этого добились — впервые «дети Сильвестра» посмели разговаривать в таком тоне, впервые сделали постановку с запиранием дверей, с шестеркой в углу, с удавкой из шнура на видном месте. Вы меня ни с кем не перепутали? Вы еще в армиях на коммунистов работали, когда меня жулики на зоне в кузнице сжечь пытались. Вы еще имени Иваныча не слышали, когда я под чеченским ножом сидел. Вы еще рубль криминальный не заработали, когда я в 1988 году отдавал «Иванычу» («Сильвестр»), не ему (он с меня никогда гроша не брал), а пацанам по 100 тысяч рублей в месяц. Никогда я не работал с «Сильвестром» за «боюсь» и не платил за «боюсь». И не буду, даже если вы еще четырех шнырей по углам посадите. Ни Дима, ни Юра, ни Миша, ни «Культик» (Ананьевский Сергей), ни «Дракон» (Володин Сергей) не позволяли себе устраивать со мной такие встречи. Вы оскорбили меня до самого сердца, и Сергей Иванович («Сильвестр») действительно вчера вертелся в гробу, и «Культик», и «Дракон»… Я не проститутка, которая переходит из рук в руки от сутенера к сутенеру. Я работал и работаю только с одним человеком — с «Иванычем», и отвечаю только перед его памятью»…

Этот же год выдался ужасным в смысле неожиданностей, которые невозможно было просчитать наперед, я имею в виду именно лиц — участников описываемых событий, касающихся проекта «Супер Мираж». Другие стечения обстоятельств — возможно! Но ни эти…

Мы можем считать, что именно убийство Тимура Хлебникова имело такие последствия, но будет верным утверждать, что он был единственным препятствием гнусному потоку мерзких событий, который задерживал вплоть до последнего дня. Господь, забрав его к Себе, оставил находящихся в «прелести власти и гордыни» поглощать обрушившиеся на них водопады следующих несчастий и разочарований. Странно, но эти люди разочаровывались кем угодно, оставаясь, как и прежде, в состоянии самоочарования…

Если мы присмотримся к происходящему год назад, то рассмотрим ранее незамеченное. Я не стал возвращаться и исправлять. Дело в том, что во время написания этой книги, материал прибавлялся не постоянно, а условия, как и условия любого арестанта, не всегда позволяют в любое время разложить ворох бумаг, фотографий, сканированных копий материалов дел, отмечая нужное, выписывая по-порядочку необходимое. Здесь и цветные маркеры Правило Внутреннего Распорядка учреждения

запрещает. Ну и слава Богу! Неизвестно, что бы у меня получилось в «тепличных» квартирных условиях, о существовании которых пишут некоторые странные люди.

Именно поэтому, как грибы после дождя, объявлялись дополнения, которые вставить оказалось нелегко. Тогда я подумал: а зачем, если можно просто дополнять, заодно освежая память уважаемого читателя. Может быть, потом я и перепишу образовавшееся недоразумение, хотя лично мне видится в таком отступлении некий привкус настоящего путешествия во время, которое мы совершаем совместно, я — из арестантской «келейки», как привык называть свою замечательную жилую секцию, а мой читатель — с любого места, где бы ни находился в удобных, надеюсь, для него условиях…

Считаю нужным уточнить причиной первого скандала между Хлебниковым и Волошином, еще в 1993 году, была исчезающая часть денежных средств, приходящая, как оказалось, изначально на счета СП «МАРВОЛ РОССИЯ» (Лишь после этого скандала суммы начали поступать на счета СП «РУДЖЕТ», минуя «МАРВОЛ ГРУПП РОССИЯ», то есть через Ческиса. До этого Дмитрий Семенович уже имел опыт забирать себе часть, что и пресек Тимур). Не сразу, часть причитающаяся заводам попадала на счета СП «Русджет», до этого времени финансы протекали именно через первое совместное предприятие. Благодаря такой возможности, а это были суммы несравнимые с другими оборотами «МАРВОЛ», Ческис по своему усмотрению направлял потоки, куда считал необходимым. Первым его фортелем, стала организованная им и Юрием Лыковым (впрочем, последний вряд ли догадывался о имевшем месте сговоре) закупка редкоземельных металлов, с дальнейшими планами лицензированного вывоза за границу. Все бы не плохо, но делалось это сначала на кредитные деньги, поступающие из английского «Барклайс банка», который, почувствовав подвох, отказал в очередном кредите. Волошин и проект «Супер Мираж» — это не банк, их и обмануть можно. Здесь он попробовал впервые провернуть, причитающиеся оборонным заводам деньги — получилось. Причем в виду прямого общения Хлебников и Волошина без посредников, причина задержки не была выяснена, а значит, не было и наказания.

Обычно жадным и глупым хватает только почувствовать возможность, которой они сразу пользуются, не задумываясь о последствиях. В следующий раз Дмитрий Семенович Ческис, не задумываясь над кредитованием, сразу направил деньги на оплату металла, задержку в этот раз заметили, пожурили, поставили на вид, правда, сдуру пообещали помощь. Этим

обещанием Волошина финансист и воспользовался.

На этот раз, имея прикрытие в виде ввода в курс дела шефа, он, познакомившись с человеком, ну откуда Ческису было знать, что тот и его обманет, договорился заключить фиктивный контракт. Снятый поставщиком лжеофис в квартире жилого дома, естественно опустел в день перевода денег. Хоть и уверял и «божился» финансист, а денежки испарились в неизвестном направлении. Оказывается, сумма была много большей, чем он говорил поначалу — не 60 000, а 300 000 долларов, естественно не дополученная заводами совершенно.

Во тут и разразился конфликт Тимура и Волошина, закончившийся переводами на счета СП «Русджет» минуя мягкие липкие лапки Ческиса. Вот в чем начальная причина ненависти к Тимуру Илларионовичу. Вот в чем заключалась мотивация попыток унизить достоинство генерального директора СП «Русджет» через обвинения его в воровстве из поступающих средств, мошенничестве, нечестности.

Вспомним то самое письмо в желтом конверте, что оставил вместе с контрактом между юаровским аналогом «РОСВООРУЖЕНИЯ» — «АРМСКОР» и «МАРВОЛ ГАННОВЕР», Тимур. Именно в этом конверте были указаны настоящие цифры, которые следовало потратить Волошину на проект «СУПЕР МИРАЖ». Они были подтерты, но экспертиза подтвердила: сумма контракта означала СОРОК ДВА миллиона долларов. На деле Марк Семенович перевел меньше десяти! И чего это стоило Хлебникову, выбивавшему каждый транш почти с кровью! Теперь понятно, сколько Волошин собирался откусить от предполагаемых четырех миллиардов за переоборудование всех «Миражей» стран Африканского континента — три миллиарда долларов.

Так что же мы получаем? Марк Волошин, в общей сложности, «заработал», впрочем, не чище, чем зарабатывали «медведковские», «ореховские», «одинцовские», да хоть «какосовские», 70 000 000 на нелегальной продаже не только одиннадцати, еще не адаптированных к «Миражам» двигателей, четырнадцати секретных ракет (кстати, еще к ним шла засекреченная техника, способная анализировать и проверять боевое состояние оружия — несколько комплектов), в обход и заводов, и государства, плюс еще тридцать на экономии на нашей рабочей силе и нетребовательной гениальности российских ученых. Всего сто миллионов, в то время как России перепало десять плюс десять, из которых, кое-что упер еще и Ческис! Воистину «благодетель», как называли этого замечательного стоматолога, пролечившего Россию, некоторые люди, оправдывая

тем, что он привез для развития и поддержания тогдашнего ВПК миллионы, а по мне так просто вез и не довез. И да рассудит всех Господь!..

Бандиты тоже люди, и кушать очень хотят, причем, за свое могут съесть целиком, не жуя и самого должника. Задолжать им просто — нужно только посмотреть в их сторону. Ческис не только взглянул, он летел, думая, что его несет ветер удачи и достатка…

Очередной порыв занес его на дачу покойного Гусятинского, где Пылев приготовил расправу над несчастным рядовым членом «профсоюза» Пироговым. Почти на глазах гостя, молодого человека в восторженной истерии забил почти до смерти «Булочник», а полумертвого заставили додушить друга детства пострадавшего, думаю, не стоит его здесь называть. Дмитрий Семенович понял, что сей кровавый спектакль имеет к нему непосредственной отношение, как предупреждение, и он вполне может стать следующим, если ничего не сможет объяснить на тему: «Где деньги, Зин?!».

В течении получаса у него пытались получить ответ, финансист, находящийся в полуобмороке, дошел до сердечного приступа. Его еле откачали, было видно, что боялся он уже сам себя, но объяснить ничего не смог, зато указать на источник угрожающей опасности, очень даже. Уважаемый читатель наверняка догадался, что этим ужасом, теперь постоянно живущим и угрожающим в его сознании, была никто иная, как вдова…

Это было то время, все тот же год. В истерии, «оставшиеся» без денег и субсидий «марволята» рвали, что могли и откуда могли. Волошин и компания, боясь появиться в России, сопротивлялись из-за рубежа. Оставшиеся здесь, теперь стоящие в оппозиции, писали письма с одной лишь надеждой — выжать из Марка деньги, он же и его люди писали в отместку заявления в ФСБ, МВД, куда угодно, требуя и жалуясь, с другой целью — хоть как-то навредить. Друг друга увольняли, вычеркивали, обвиняли. Появились даже бумаги о создании преступного сообщества в составе Ческиса, Галушко, Головина, что в общем-то не так далеко от правды, с учетом того, что таковое было с обеих сторон, то есть и Волошин с Зинченко, а третье — где-то между, пытающееся ухватить тоже свой кусок от обоих…

1997–2000. Тяжёлое затишье. Друзья. Родственники

«Далеко от спасения моего слова вопля моего. Боже мой! я вопию днем — и Ты не внемлешь, ночью, — и нет мне успокоения»

(Псалом 21 ст. 2–3)

Очень часто человек, проходящий сквозь такие испытания, неожиданно предстает пред очень ясным ощущением Господа. Нельзя сказать, что он видел — это невозможно, так же, как ошибиться в своих ощущениях.

Они сами заговаривают об этом, сначала скромно, словно по касательной, потом ближе к волнующей теме, в конце концов, постепенно замечаешь, что оба охвачены одним и тем же оставшимся в памяти довольно четким воспоминанием. Такое навсегда очень подробно остается оттиском, довольно офизиченным, связанным с духовной составляющей, обязательно служащим тем связывающим мостиком, что позволяет мысли проследовать в неведомое и возвратиться уже оформившейся частичкой веры, с которой преодолеваешь любое испытание, улыбаясь этой милости.

Господи! Может быть, говоря о Тебе с другими, или в моменты написания подобных строк и текстов, я и молюсь по-настоящему, складывая во фразы слова, запавшие в самое сердце. «Где двое говорят обо Мне, там и Я между ними» — сказал Господь. Читая сейчас написанное, ты, читатель, вторишь моему обращению, так может быть, сейчас мы и есть эти двое, обращающиеся к Создателю?!..

Зачем Господь хранит человека? Почему лезущего на «рожон», понимающего, к чему это приведет, проводит Бог узкими тропами, не только оставляя его живым, но и вполне здоровым психически, в то время как другим попускает погибнуть от одного беспричинного страха? На то воля Его!

Он забрал Тимура, но хранил и хранит вдову, как своё любимое чадо, позволяя то сходить с ума, то возвращая рассудок, Он терпеливо слушал ее стенания с требованиями наказать убийц, с любовью слышал, но откликался на просьбы помочь найти и убить по-Своему, и только в Свое время. Расставляя знаки на ее стезе, Он напоминал, что всегда рядом, убеждая, что,

несмотря на все, придет время!

Что Он предпринимал с другой стороной? Чем пытался остановить Ческиса, Пылева, и посылаемых ими? Я уверен, зная по себе, что Господь не забывает и так же любит подобных нам, но мы слепые и глухие, верно идем к переполнению своей меры зла, и вот тут, последний раз Бог предупреждает, ставя преграду раз и навсегда: кому неизлечимую болезнь, кому новую жизнь, кому пожизненное заключение, кому долгожданное отмщение. Но что же мы, люди? Как каждый из нас воспринимает произошедшее? А мы видим в этом, в большинстве своем: незаслуженные беды, слишком маленький шанс, недостаточную сатисфакцию, виним кого угодно, только не себя, и лишь в одиночестве, очень редко, говорим, как бы оправдываясь перед самим собой: «Да, я заслужил, и теперь я должен сделать единственно возможное полезное для спасения своей души» — говорим и сразу забываем…

Это был 1997 год, зима. Возвращаясь вечером, около девяти часов, домой Надя, совершенно вымотавшаяся за день, подошла к лифту и вызвала кабину на первый этаж. Сзади подошел молодой человек в вязанной шапочке. Пролетела мысль, не объятая страхом, а напротив, успокаивающая, мол, слава Богу!

Неожиданно голову слегка обожгло, сознание помутилось, и, перед тем как пропасть, почувствовалось невероятно приятное тепло, совсем как во сне, когда тебя… убивают… Ничего не взяв, даже не покопавшись в сумочке, хотя там явно было чем поживиться, не подхватив выпавший из руки телефон, исчез, как будто и не появлялся.

Неизвестно сколько прошло времени, пока Хлебникова не очнулась. Придя в себя, пошатываясь, поднялась домой. Войдя, совершенно автоматически попросила дочь убрать малыша, чтобы не видел, и вызвать карету скорой помощи.

Травмы оказались совместимыми с жизнью, угроза опухоли миновала, но избежать сильного сотрясения мозга, перелома кости черепа не удалось. Крови было немного. Ей провели несложную операцию, вытащили несколько кусочков кости, зашили и через десять дней выпустили домой.

Забирал отец с дочерью. Катя урывками смотрела на мать и в конце концов не стерпела:

— Мама, ааа… ну там, внутри мозг-то целый?.. — Девочка еще не знала, как это правильно называется, но, помня отца, боялась за нее. Дед посмотрел сначала на свою дочь, потом на внучку, качнул недовольно головой и в сердцах, явно не одобряя борьбу Нади, произнес:

— То, чего нет, разрушить нельзя…

Голова Надежды Юрьевны была обрита наголо, торчала только щетина, успевшая вырасти за полторы недели. К моменту «освобождения» все зажило, швы стянулись. Сама пострадавшая предпочла думать о происшедшем как о случайности, не стала никому жаловаться. Милиция была рада — зачем им нераскрытое преступление?! Это было разумно, потому, как если бы не «случайность», то ее отодвинули бы от следствия, которое уже столько лет было главным в ее жизни…

Через несколько недель, еще до сдачи своих прав весне, поздней зимой, точно так же, как недавно, Надя совершенно замотанная, с мыслями о единственной по-настоящему важной цели, подъехала домой, припарковалась капотом к стене, и, заглушив двигатель, зарылась в своих, разбросанных по салону, причиндалах: сигареты, зажигалка, губная помада, бумаги, чеки, мелочь. Показалось, что-то мелькнуло в боковом зрении. Но она продолжала — подъезжая, никого не видела, значит и сейчас не может быть.

Вспомнив о чем-то, приподнялась на боку, чтобы дотянуться до дальнего уголка бардачка, и снова что-то показалось. Взяв необходимое, села прямо и осторожно повела голову в сторону, откуда чувствовалась опасность. Всмотрелась в боковое водительское зеркальце — ничего. Неожиданно что-то мелькнуло — боковым зрением заметило то, что попало в «мертвую зону». Вдоль стены медленно подбирался мужчина: «Ишь ты со стеной слился, су. а!».

Уже не сдерживаясь, сначала тихо, потом с воплем:

— Твари! Да как вы за…ли уже! — Открыв дверь, замахнулась мобильным увесистым телефоном, и с силой кинула нападающему в лицо. Тот вскрикнул, поскользнулся, упал… и оказался водителем Александра Калинина. Петр привез пригласительные билеты на концерт, шел аккуратно, опасаясь поскользнуться, а не подходил вплотную, ожидая, пока она выйдет из машины, что бы в узком месте не создавать суеты.

Наде было ужасно стыдно, поэтому ее, конечно, простили…

* * *

Не знаю как у вас, а я ловил себя на мысли, что зачем-то в жизни возникают моменты, как бы контурно напоминающие что-то происходящее ранее. Даже клякса или лужица пролитой жидкости может неожиданно своей формой натолкнуть на воспоминание целого отрезка вашего существования — всего лишь маленькая лужица на краю стола! Что она может

напомнить? Все, что угодно! Этот процесс не контролируется нашим мозгом. Происходящее, где-то глубже, только наталкивает наш разум на моментально открывающуюся ячейку памяти, куда мы, не задумываясь, ныряем за подсказкой или какими-то эмоциями.

Что можно подумать, если речь пойдет о совпадениях, ясно восстанавливающих в нашем воображении самые страшные минуты нашей прожитой жизни, не забываемые до сих пор, непрестанно мучающие, ищущие выхода, нуждающиеся в отмщении или необходимости воздания справедливости?! Зачем Господь напоминает иногда то, что хочется забыть, но оказалось невозможным, зачем ставит акцент? Укрепляет? Дает понять, что горе ваше не одиноко? Дает таким образом знак — Я есть отмщение, Я воздам?!..

Где-то между двумя майскими праздниками стояла теплая замечательная погода. Окна распахнуты настежь. Еще раннее утро. Сон прогоняют птичьи перепевы, городские звуки, иии… слышимые опять во сне выстрелы…

После этого Надежда уже не может спать — следующее после этого она хорошо знает, ненавидит, не знает, как превозмочь, но борется и терпит. Первая затяжка сигаретным дымком у окна окутывает легкие, согревая их изнутри. Немного задерживая выдох, она позволяет себе немного почувствовать головокружение. Ей нравится это время года, оживляющее все на земле, правда, почему-то забывающее это сделать с ее Тимурищем.

Взгляд опускается вниз, где четыре с небольшим года назад она пыталась собрать его разваливающуюся кровоточащую голову… — страшные, болезненные кадры пробегают перед глазами. Она справляется — «кино» рассеивается вместе с сигаретным дымом, и взору предстают два парня, праздно сидящих на скамейке. Кажется, они ждут собак, бегающих невдалеке около других людей. Видно — немного нервничают: один, тот, что покрепче, постоянно сдвигает и раздвигает ноги, наклоняясь взад вперед, как заведенная обезьянка. Второй подрагивает одной ногой, то опуская, то подымая поочередно носок и пятку над асфальтом. Делая это очень быстро, он иногда включает и вторую ногу…

Они о чем-то тихо переговариваются, иногда посматривая на верхние окна. Кепки-бейсболки надежно прикрывают их лица, что-то кажется подозрительным или не входящим в ритм двора в их поведении, но она курит, отстраненно глядя на происходящее.

Утро. Тепло. Не хватает только его. Взгляд привлекает вкатывающаяся дорогая легковая машина — БМВ, принадлежащая

соседу со второго этажа — «крутого» кавказца, водочного короля Роберта. Она хорошо его знает, знал и Тимур…

Машина подъезжает и паркуется недалеко от подъезда. Двое встают, направляются к иномарке. Надя вспоминая о приснившихся недавно выстрелах, и уже представляет что будет дальше. Хочется, крикнув, предупредить, но ясно, что будет это бесполезно. Одолевает такое же бессилие, как в день гибели Тимура. Женщина порывается в тапочках и халате рвануть вниз, но огромная двухсотметровая квартира не позволит сделать это быстро — даже до входной двери не добежит!

Глаза судорожно ищут предмет, которым можно отвлечь киллеров, бросив его им под ноги. Не находя такого, замирает. Все как в кино в замедленном воспроизведении. В руках появляются пистолеты. Их не видно точно, просто черные предметы. Руки с ними приближаются к другим, соприкасающимся с железом, передергиваются затворы. Как синхронизированы их движения!..

Опять те же звуки! Только сейчас они более глухие. Бизнесмен покидает автомобиль, закрывает его, и ничего не заметив, подставляется под пули — они не мажут. Под ведущейся стрельбой он не успевает забежать в подъезд, уже раненным прячется за машину, оставленную рядом (точно стоящую на месте, где стояли 17 января 1995 года «Жигули» Тимура). Стрельба продолжается, он падает. К лежащему подходит тот, что оказался ближе, и добивает в голову. Оба неспешно скрываются, через арку, уходя не на Садовое кольцо, а через дворы…

Хлебникова высовывается по пояс, прислушивается — слышен стон. Нервы на пределе, путается «сегодня» с 17 января. Еще минута и она быстро приходит в норму, будит дочь Екатерину:

— Срочно звони в скорую и милицию!

Берет что-то из аптечки, устремляясь на помощь. Находит еще живого в луже крови, дает понюхать нашатырь на ватке, чтобы не терял, по возможности, сознание. Мужчина дышит, стонет, не говорит. Зато кричит она:

— Смотри на меня! Не закрывай глаза! Видишь меня? Сейчас тебе помогут.

Мозг пронизан мыслью: «То же место! Опять кровь на ТОМ ЖЕ САМОМ МЕСТЕ! Это не кончится НИКОГДА!». Шокированные соседи, видевшие последствия, выползая, вместо помощи удивлялись и судачили, говоря: «Опять она!». Смотрели то на ее, то на букет цветов, вставленный в водосточную трубу, под которой снова виднелось бурого цвета пятно. Приехала «скорая», забрав раненного еще в сознании. Он забылся по пути, а умер

через двое суток в институте имени профессора Склифосовского…

* * *

Прошло несколько лет со дня смерти Тимура Хлебникова, отношение к нему жены, теперь вдовы, нисколько не поменялось. Каждый день начинался так же, будто его убили только вчера…

Её дети обожали и обожают друг друга. Катя кормила маленького Георгия, меняла памперсы. Они постоянно обнимались. Они сами этими тягой, вниманием, любовью друг к другу компенсировали недостаток материнского внимания и тепла. Надя закоченела, замерзнув изнутри, ее чада грелись собой, отогревая периодически и мать.

Однажды в детском садике воспитатели готовились с детьми к празднику 23 февраля. Основной акцент был поставлен на поздравлении отцов. Георгия, чтобы не отличался от остальных, тоже попросили рисовать танк, салют и цветочек, увенчанные надписью: «Дорогой папа! С праздником!». Он выполнил, закусив губу.

На утренник он пришел нарядный, пел в строю песню, посвященную сильному и доброму отцу… пел с огромными немигающими глазами цвета ореха, какие были когда-то у отца, но у сына переполненные… пустотой. Дети улыбались навстречу восторженным и довольным взглядам родителей мужского пола, а он смотрел на мать, не улыбаясь, не плача, не понимая, за что ему это, но пел…

Когда сыну шел шестой годик, мать повела детей в зоопарк. Около вольера с маленькими обезьянками сына окружила толпа взрослых с детьми разных возрастов смеющихся, выкрикивающих разные шутки, веселящихся, радующихся представлению — обезьяньи детки кувыркались, играя и кривляясь, что действительно не могло не приводить в восторг даже родителей. Надя и дети не могли протиснуться сквозь толпу, как и многие другие, оказавшиеся за заслоном первых рядов. Папы быстро находили выход из создавшейся ситуации, сажая детей себе на плечи.

Как не пытались взгромоздить Георгия себе на плечи, ничего не получалось — мальчик уже в этом возрасте стал для дам неподъемным. Он так и остался стоять на земле, глядя то на мать, то на смеющихся детей, то на небо. Вдова НИКОГДА не сможет забыть этого взгляда, будто снова вырывающего сердце из груди, вместе со всеми, тянущимися за ним сосудами…

Заглянув во внутренний мир Надежды, мы не смогли бы остаться спокойны, хотя и оглохли бы от его пустоты и выжженности. Не было ни одного уголка, не помнящего боль или не трепещущего воспоминаниями о потерянном муже, счастье, самой жизни. Как большинство знакомых, неспособных переносить чужое горе, находясь рядом, как сдавшая свои позиции отошедшая когорта, взирала бы на муки со стороны, а то и вовсе ретировалась за скрывающий чужую надоедливую печаль, последний редут.

Строки «Черного дневника» открыто признают справедливость предположения о редкости настоящих друзей, с честью переносящих чужую беду, сопереживающих не в стороне, а сердцем к сердцу:

«…Я была как Каренин у Толстого, который понимал, что «… не может отвратить от себя ненависти людей от того, что он постыдно и отвратительно несчастлив. Он чувствовал, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будут безжалостны к нему. Он чувствовал, что люди уничтожат его, как собаки задушат истерзанную, визжащую от боли, собаку».

Сначала меня терпели, участливо кивая головами. Приходили — понимали, что я в состоянии говорить только о Тимуре… и приходили все реже, перестав приходить совсем, тем более приглашать меня — ну сколько можно?! Я не могла отвлечься на светские сплетни, разговоры о морщинках, лишнем весе, новых шубах… Я как бы выпала из привычной обоймы… Я стала раздражать людей…

И это один из плюсов выхода из тусовки — понимаешь, кто есть кто, кто настоящий, а кто подделка, кто золото, а кто дешевая китайская позолота».

Калинины не забывали — приходили сами или приглашали ее с детьми в гости. Однажды после концерта они вместе приехали. Еще на подъезде Надя старалась поймать их на входе, глядя сверху из окна. Выглянула в очередной раз, чуть не вскрикнула — место, пропитанное кровью Тимура, было покрыто, как ковром, цветами, которые подарили Александру Калинину на концерте…

Георгию было четыре годика, когда на очередном концерте, он выбежал на сцену и направился прямиком к певцу. Калинин в длинном концертном пиджаке, похожем на блестящее серебряное пальто, наблюдал за этим приближением, совершенно забыв о зале. И каком зале! Малыш подошел и с ангельским видом, глядя огромными глазами, протягивая ручку, произнес:

— Саш, дай микрофон!

Кремлевский дворец затих…:

— Микрофон тебе дать?!

Шесть с половиной тысяч зрителей начав улыбаться, очень быстро перешли на смех и рукоплескания… Надя, присутствовавшая тоже, сидела в первом ряду. На ее лице играла очень редкая улыбка, наверное, первая, соответствующая настроению со дня гибели мужа. Александр, посмотрев на мать и получив утвердительный кивок, мол, все нормально, протянул микрофон. Через секунду весь зал услышал победное:

— Калинин! Ты классно поешь!!!!..

* * *

Хорошие знакомые, друзья, люди, с которыми человек может поделиться чем-то, не опасаясь, что это станет достоянием всех, их всегда мало! Масса примеров из собственной жизни и многих других, когда бывший круг общения оказывается, в большинстве своем, состоял из способных легко потеряться или растаять «близких», а ни тех, кто полностью совпадает с твоей душой, твоими порывами, поддержит в сложную минуту, может сорадоваться и сопереживать, хоть изо всех сил и хочет показаться таким. Как только «климат» благополучия вокруг тебя меняется не минутной проблемкой, а долгим всеобъемлющим несчастьем, так большинство покидает тебя: кто сразу, кто постепенно, бывают и такие, мерцающие своим присутствием, передающие приветы и соболезнования через других, преданных и настоящих — эти «мерцающие», вроде бы и с тобой, помнят, имеют хорошие намерения, но всегда где-то в отдалении.

И как неожиданно и бесценно бывает обретение совсем незначимых до этого в твоей жизни людей, или совсем незнакомых, в одночасье проявляющих не разовую заботу, а постоянную, причем такую, от которой веет жизнью, когда ты почти мертв, поддерживающих надежду, когда она все же потеряна, подарком новой мотивации, когда и на себя сил не хватает…

Низко кланяюсь каждому «настоящему» и жду с вами встречи, так же как и вы со мной!

* * *

В конце девяностых Андрей Пылев вывал меня в Марбелью. Очередная «командировка» стала приятным времяпрепровождением на фешенебельном курорте, тем более,

как всегда, за счет шефа — командировочные оплачивались и составляли на тот момент для меня 400 долларов в день.

Я всегда по интонации первого слова, сказанного по телефону, понимал, ожидать подвоха или нет. В этот раз все было спокойно.

Андрей Александрович Пылев — вполне респектабельный человек…

На вилле «Елена» меня встретила хозяйка, Андрей должен был появиться с минуту на минуту, и я, взяв чашечку предложенного невероятно ароматного кофе, уселся у бассейна любоваться открывающимся видом.

Дом стоял на «третьей линии» от моря, в километре — полутора от среза воды, и в трехстах метрах над её уровнем. Хоть и далеко, но посылаемые бьющимися о берег, набегающими потоками запахи, при сопутствующем ветре, доносились и сюда. Поверхность стройно и тяжело наступающих волн, сливающихся в одну шероховатую стальную плоскость, бликовала отражающимся солнцем Гибралтара. Притягивающая в недосягаемом далеке полоска встречи воды и неба, смешиваясь, образовывала застывающую границу, то обманчиво приближающуюся, то отдаляющуюся от меня, почему-то напоминая о текущем безостановочно невосполнимом времени и надвигающейся неизбежности, в которой для меня всегда был привкус смерти — моей собственной или чужой…

Пылев приветливо поздоровался. Он не был похож ни на своего младшего брата, ни на Гусятинского, присутствие которых заставляло почувствовать оскомину легкого негатива. В особенности от первого исходило дыхание подозрительности и опасения, окутанных осознанием его собственной неограниченной власти над кем угодно. Его манера доводить до тебя нужную ему мысль и реакция на слышимое от собеседника, создавали ощущение, будто он и есть последняя инстанция, что было ошибочно, опасно, заставляло возвращаться к началу, выискивать ловушку, и, опровергая, искать причину такого подхода. Причин не было — просто привычка, действующая либо однажды, потом пропускаемая мимо ушей, либо всегда, если человек не умел задумываться.

Чем расположеннее к тебе казался Олег, тем больше стоило напрягаться. Лучше было стараться разговаривать один на один, тогда играть у него получалось плохо, а беседа ложилась в краткое русло сути.

Андрей — полная его противоположность, если интересовался твоей семьей, значит, действительно это ему было интересно и не ради создания опасности или неудобства, как это было при Гусятинском. Понимая, что мне нужно знать, если не мотивы, то хоть какие-нибудь подробности конфликтов, несущих дальнейшие задания, он допускал, насколько это было возможно, некоторый экскурс.

На сей раз, поболтав об отстраненных личных темах, мы перешли к делу. После устранения со всех позиций «курганских» клуб «Арлекино» и бизнесмены, имеющие к нему отношение: Анатолий Гусев и Александр Черкасов, плотно общавшиеся с «утилизированной» недавно братвой, остались «бесхозными». Буторин («Ося») решил вести обсуждение своих вопросов по доле, принадлежавшей ему, с позиции силы. У нас тоже была некоторая

доля в этом клубе, поэтому мы присоединились. Устраивал только один выход — полный расход с откупными.

«Курганские» со своими «подопечными» бизнесменами создавшими клубы «Арлекино»: Олег Нелюбин («Слон», «Нелюба»), Феликс, Анатолий Гусев, Андрей Колегов, Александр Черкасов, …, Виталий Игнатов («Игнат») — у ворот такой близкой, но не сбывшейся мечты…

История этого периода была продолжительной и не простой для коммерсантов. Для начала Андрей поинтересовался — возможно ли установить наблюдение за офисом Черкасова и Гусева для сбора информации, на основе которой можно будет делать какие-то выводы. Какие именно мне не объяснил, но сложного в этом я не видел, а потому уже через неделю мой «Санчес» (Саша Погорелов), устроившись ремонтником, вовсю шпиговал офисные помещения акустическими и телефонными закладками.

Ничего существенного по делу услышать не удавалось — одна офисная, деловая суета сплетен и осуждений. Хотя с точки зрения ведения бизнеса многого интересного, о чем я в сокращенном виде докладывал начальству. Через месяц стало понятно, что важную роль в связях с официальными и силовыми структурами играет Анатолий Гусев. Почему-то это напрягло и через неделю он пал вместе с телохранителем на заднем дворе комплекса, расстрелянный точными выстрелами из окна рядом стоящего дома. С точки зрения исполнителя, пардон — очень квалифицированная работа.

Далее настала очередь Черкасова. Его пугали, приглашали на беседы, встречи за рубежом, откуда увозили почти насильно в другую страну, правда, не полностью лишая свободы. Набравшись смелости, Александр самостоятельно покинул отведенный ему номер в отеле и «всплыл» только в Москве. Вскоре он появился в РУОП на Шаболовской, куда его вызвал тогда еще подполковник

Андрей Саратов. Случилось это по наводке Махалина Сергея, как-то самостоятельно познакомившегося с начальником одного из отделов[85].

Уже в коридоре совершенно запуганный Черкасов встретился со старым знакомым. Разговорились, собеседник предложил разрешить все проблемы еще одной встречей. Александр согласился. Через десять минут попал в кабинет тогдашнего начальника РУОП Рушайло. Сложности как ветром сдуло, но не оговоренные обязательства долга, который он не вернул «Триаде». Такие обиды не прощаются, а потому через день после перевода необходимой суммы его «Тойоту Ланд Крузер» расстреляли на Сретенском бульваре. Один из охранников погиб, сам бизнесмен получил тяжелейшее ранение в голову…

Тремя месяцами раньше это покушение должен был совершить я. Найдя подходящую, очень удобную точку, дающую стопроцентную гарантию попадания, а значит, и ликвидации, я отказался стрелять, узнав точно, что этот человек не имеет отношения к криминалу. Пылеву объяснил, что выбранное место оказалось проблемным из-за непредсказуемого потока автомобилей.

Это был самый центр — другая сторона относительно принадлежащего Черкасову клуба «Луксор»…

Каким-то образом спортсмены-одноклубники Тимура оказались довольно близкими знакомыми Черкасова. Именно они первыми откликнулись на несчастье, быстро организовав помощь в первые дни.

Спасающие жизнь врачи объявили, что сделать это наверняка получится только используя специальный аппарат, разработанный военными медиками и находящийся только в военном госпитале имени Бурденко.

Отец Надежды договорился о такой возможности, но оказалось, что перевозить раненого равнозначно контрольному выстрелу. Пришлось подключаться еще раз, и бизнесмен был спасен.

На празднование выздоровления Александра ребята пригласили заслуженно вдову. За одной из рюмок, проникшись ее горем, так и не утихшем по прошествии стольких лет, один из спортсменов, незнакомых с Тимуром, но принимавших посильное участие в ее судьбе, поинтересовался о его убийцах:

— Знаешь, кто?

— Знаю. Но не всех.

— Сказать не хочешь?

— Нет.

— Ну смотри. Если что нужно — рады всегда помочь. Эх,

счастливый мужик твой Тимур был. Жалко, не привелось при жизни с ним познакомиться…

* * *

В 1992 году Марк Волошин, разжившись на продаже еще не адаптированных двигателей РД-33 для «Миражей» и еще не доставленных ракет, начал скупать все казавшееся мало-мальски привлекательным. В сфере «зеленой энергетики» он выбрал первый в ЮАР завод по сборке солнечных батарей Helios Power (позднее переименован в Liselo Solar), который он в 1999 году с выгодой перепродал американцам. Это было удачным вложением, но только для него, а не для учредителей. Одним из них был Тимур Хлебников, приобретший при жизни две акции на общую сумму сто двадцать тысяч долларов.

Естественно, Волошин и не собирался вспоминать о нуждах вдовы, хотя с должной периодичностью передавал приветы.

Здесь есть место еще очень интересной истории одного многообещающего офицера шестого отдела РУБОП Андрея Бориславовича Янишевского. Того самого, что ездил с Надеждой Юрьевной в Санкт-Петербург на вручение ей премии и памятного знака за большой вклад ее мужа. Тот самый, что записал показания главного конструктора завода имени Климова А.А. Саркисова и несколько лет после помогал собирать информацию, вел редкие допросы, имевших отношение к Тимуру и его деятельности.

Так вот, этот офицер очень скрупулезно собирал все, что относилось к Марку Волошину и к «МАРВОЛУ» вообще. Однажды он попросил ни о чем не подозревающую вдову принести эти самые акции. Передача состоялась из рук в руки с уверениями, что бумаги будут вложены сейчас же в уголовное дело. Такие же акции Янишевский взял по той же причине и у знакомого Тимура Александра Тобака.

Недавно вспомнив о причитающихся ей деньгах и процентах, Надежда обратилась в канцелярию Следственного Комитета России письменно. Следователи перерыли все имеющиеся тома, где могли бы быть акции, но не нашли даже упоминания о них…

Вот тут и всплыли у вдовы интересные воспоминания, связанные с этим офицером. Как-то уже в 2000 годах, прогуливаясь по павильонам очередного авиасалона «МАКС», проводимого в Жуковском под руку с Саркисовым, они обратили внимание на знакомую надпись «МАРВОЛ». Подойдя ближе, обнаружили беседующего с иностранцами, широко улыбающегося

Андрея Бориславовича, оказавшегося начальником безопасности этой фирмы.

Не станем уточнять, откуда Волошин получал информацию о ходе расследования и усилий Надежды, но в этой связи прослеживается определенная цепочка проникновения этого человека в структуру, возглавляемую Марком. Возможно, принеся всю собранную Хлебниковой информацию по убийству ее мужа и акции, принадлежавшие ей и адвокату Тобаку, он был принят с распростертыми объятиями бывшим стоматологом.

Одному Богу известно, сколько подобных «порядочных» людей воспользовались ситуацией, делая вид, будто помогают, сколько действительно пострадало, к примеру, в состоявшемся покушении на первого следователя Сукачева, ведущего дело об убийстве ее Тимура, раненного и ограбленного в подъезде собственного дома, когда «ушли» все собранные на тот период материалы, сколько было других форс-мажоров, отталкиваний, противоборства, покушений на нее саму, непонимания родственников, моря лжи, путаницы и других обстоятельств!..

Волошин в это время, как принято говорить, за деньги Надежды, не отданные ей по акциям и контрактам, хотя здесь деньги и заводов, и конструкторов, и нашего государства, заказывает яйца Фаберже, одно из которых дарит президенту Нельсону Манделе на юбилей, одно оставляет себе, остальные расходятся по цене около полумиллиона долларов. Ему доступно приобрести старинное винное имение Хейзендал, вкладывая в него не менее 4 000 000 долларов и делать себе в убыток вино, одну бутылку которого он даже умудрился всучить в 2002 году президенту России Путину на пятидесятилетие. Воистину непотопляем этот человек. Кроме этого он купил еще четыре довольно дорогих вилы.

Это винное имение Волошин наполнил приобретенными ценностями: коллекцией из 150 картин, ювелирными изделиями, иконами из храмов своей бывшей Родины, что само по себе выгоднейшие вложения, но почему не исполнить при всем при этом свой долг перед вдовой, бьющейся в одиночестве с безысходностью, ведь сумма этого долга не превышает цены одного новодельного «яйца Фаберже»?!..

Видимо, ответов можно дождаться только от имеющего честь человека, а не от перезванивающего общим знакомым и интересующимся у них — зачем его искала Надежда Хлебникова, в боязни сделать этот звонок самому?! А искала, чтобы задать только один вопрос: «Способен ли отдать долг чести этот человек?». Поскольку вдове дозвониться не получилось, мы задаем этот вопрос здесь, впрочем, не особенно ожидая ответа…

Надеюсь, Марк Семенович, эта книга дала вам наконец понимание, что претензии к вам забыты, также как теперь обрушена всякая надежда на ваши планы в России — надеюсь, после прочтения этой книги, сегодня с вами никто не захочет иметь дело!..

Я еще раз приведу выдержку из рекламной статьи из РБК Дейли, появившейся явно к нужному времени его новой попытке что-то провернуть в России в лице нового представителя теперь другой страны. В приведенном отрывке есть явно издевательская реплика в отношении вдовы, да и не все понятно с самой ситуацией, тут указанной (этот отрывок автор уже включал, но сейчас мы рассмотрим его с другого ракурса):

«Марк Волошин говорит, что благодарен «Владимиру Путину за то, что дал указание разобраться со скандалом, и Сергею Чемезову (в 1999–2000 годах — гендиректор «Промэкспорта». — РБК daily) за то, что разобрался с ним». «Если бы не они, я бы с вами сегодня не сидел, — говорит бизнесмен. — В 1999 году делегация из России приезжала в ЮАР и убедилась, что все находится на месте, НИКТО НИЧЕГО НЕ СВОРОВАЛ, НИКОГО НЕ УБИЛИ. В итоге все, что должно было вернуться в Россию, БЫЛО ВОЗВРАЩЕНО. Никаких претензий ЮАР не имела, а только благодарность».

«Никого не убили!» — и это уже после задержания Алексея Кондратьева, давшего признательные показания в отношении совершенного им покушения на главу СП «Русджет», а так же арестованного Олега Пылева, в показаниях которого не раз мелькали и имя самого Волошина, и название его раздутого «МАРВОЛ»!

Разумеется, Президент давал такое указание исходя из лучших побуждений, но как их исполнили, остается до сих пор тайной. Ну не верится мне, что чиновники ЮАР уничтожат приобретенные за баснословные деньги «железки», не использовав их полностью, только ради выполнения чужих договоренностей, ведь в заключенных ими контрактах с «МАРВОЛ» черными чернилами по белой бумаге явно выписано «приобретено», причем не ради того, чтобы уничтожить — не люблю повторяться, но приходится…

Рывок «сторон» на одной дистанции

«Почему поникло лице твое? Когда делаешь добро, не поднимаешь ли лица вверх? А когда зло, то грех лежит у порога: он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»

(Быт. 4; 6–7).

«Миллениум 2000» ознаменовался сменой власти на российском престоле. О самом событии и его последствиях можно рассуждать бесконечно, однако на факты, лежащие в основе нашего повествования, оно оказало решающее значение…

Мир переступил в новое тысячелетие, хотя в сущности ничего не произошло, не считая смену цифры на календаре на следующую, просто очень круглую. Но ведь и она пройдет, так же как и каждый из нас, канет в небытие.

Самым важным событием начала этого года был звонок Смольникова, торжественно объявившего о новом, только подписанном приказе о создании на «Петровке, 38» отдела по пресечению деятельности преступных группировок и заказных убийств, куда и было передано оперативное сопровождение дела по убийству Хлебникова, возбужденного в Краснопресненской прокуратуре в 1995 году. Тут-то и появляется на театре оперативных действий старший уполномоченный Александр Трушкин со своим коллективом, взявшийся, «засучив рукава», за собранные материалы по «Триаде», в тематику которой и вливалось волнующее Надежду Юрьевну расследование.

В 2002 году «их с Тимуром» уголовное дело будет соединено с непомерно бóльшим, по сравнению с ним, как я написал несколькими строчками выше — уголовным делом по расследованию преступной деятельности «Триады». Весь массив попадет в Управление по расследованию бандитизма и убийств прокуратуры города Москвы, где им займутся Рядовский Игорь Анатольевич и Ванин Виталий Викторович со своим товарищами.

Трушкин позвонил вдове в тот же вечер. Не имея привычки перекладывать дела на завтрашний день, предложил познакомиться прямо сейчас, получив согласие, заскочил на минуточку, оставшись на пять часов.

Затянувшееся знакомство продолжилось далеко за полночь, соответственно рассказу истории создания и существования СП

«РУСДЖЕТ», схемам «МАРВОЛ» за границей и в России, данным характеристикам всех действующих лиц. Для наглядности, Надя передала ему несколько склеенных в одну большую «скатерть» листов миллиметровой бумаги, с наглядными потоками, направлениями взаимодействий, связями между фирмами, ключевыми фигурами, координатами, адресами, движениями денежных потоков.

Пять лет проходили в изыскании и оттачивании информации именно ради этого дня. Не было и часа, чтобы она не думала о финальном поединке. Иначе она просто не смогла бы жить.

Поток рассказываемого содержал все возможные, даже надуманные, причины и мотивы убийства. Более всего, разумеется, акцент был поставлен на Дмитрии Семеновиче Ческисе — дальше этого персонажа Наде не получалось двинуться.

Опер, внимательно прослушав, попросил «слова». Вкратце он рассказал о своей работе, имеющей целью одну из самый организованных криминальных бригад Москвы. Оказалось, что недавно был задержан один из рядовых ее членов, с испугу наговоривший разной нелепицы, как думали сотрудники. Начав проверять показания, подтверждающиеся одно за другим, они поняли, что полученная информация точно ложится в данные ранее участниками других бригад, каждая из которых в свое время была близка к «медведковской», а именно: отсеяв надуманное в сообщенном задержанным, что тоже было непросто, сыщики нашли множество пересечений с показаниями «курганских» братков, «одинцовского» Пустовалова, и некоторых «коптевских», осужденных ранее. На фоне показаний этих людей, что и послужило базой для удачного расследования преступлений «Триады», работать со всем приходящим, в том числе от Хлебниковой, было гораздо проще. На самом деле, было достаточно хорошенько систематизировать уже имеющееся.

По большому счету Трушкин взялся печь уже наполовину «готовый пирог», который тщательно готовили его предшественники, кстати, можно сказать, что основные усилия к этому приложил тот самый Дмитрий Баженов, его предшественник, за что и получил таки в 2016 году, на праздновании очередной годовщине образования МУР, вполне заслуженную награду. Не думаю, что это можно оспаривать, ведь его вклад, несмотря на теплые отношения с братвой (а у кого их нет в среде оперов) очень весом!

Думаю, что нужно будет констатировать странный факт — на этот юбилей сам Александр Трушкин, еще за год до этого возглавлявший этот главк, приглашен не был — чудны дела Твои

Господи!..

Вернемся к тому вечеру. Надя не обладала исчерпывающей информацией, в основном со слов мужа, что равноценно домыслам или, в лучшем случае, предположениям. Что-то слышавшая, но не имеющая возможности связать воедино запутанный клубок, поскольку не было для этого и самих оснований, вдова теперь ясно понимала — появилась довольно реальная возможность сделать это.

Трушкин долго просматривал исписанные странички большой записной черной книжки с надписью «Тимур», благодарил и попросил выписать некоторые номера телефонов. Напоследок Александр Иванович, немного шокированный услышанной подборкой, и увиденной выкладкой выводов, попросил организовать ему встречу с людьми, которых проще сорганизовать для помощи следствию ей, чтобы не вызывать их официальным путем, а сделать все тихо. Так казалось ему проще, да к тому же он понимал, что Надя настроит их на должный лад. Так состоялись встречи Трушкина с Семеном Дмитриевым[86], Саркисовым, Шумахером, другими сотрудниками «МАРВОЛ».

Трушкин же первый раз привез Надежду в Управление по расследованию бандитизма и заказных убийств при прокуратуре города Москвы, располагавшуюся на Бакунинской улице. Прекрасно помню это место, хотя подвозили меня всегда к черному входу, держа в кругу осуществлявших конвой офицеров ОМСН.

Вдова сначала познакомилась с Рядовский Игорем Анатольевичем — в первый приезд он оказался один. Второе ее появление было ознаменовано присутствием Ванина Виталия Викторовича. Об обоих я подробно писал в своих предыдущих воспоминаниях «Ликвидатор 1 и 2». Мое отношение к ним было, как к профессионалам своего дела и очень интересным людям, которых я не воспринимал никогда ни как врагов, ни как соперников, но просто выполнявших свои должностные обязанности, в данном случае имевшие своей целью влепить мне по «самое не балуйся»…

Всегда все ее визиты в прокуратуру были достаточно затяжными. Обычно Надя садилась за стол напротив Рядовского, Ванин занимал место сбоку, чуть сзади. Беседа шла «на троих». Ей не очень нравилась такая расстановка, а поскольку она не была подследственной, то попросила Виталия Викторовича не маячить у нее за спиной — ей всегда важно видеть перед собой всех.

Ванин Виталий Викторович…

Надежда вспоминает об этих двух людях:

«Если проводить аналогии, ссылаясь на собак для образности, то Рядовский — доберман, Ванин — ротвейлер. Их манера поведения, реакции, как они ведут беседу — направлено на одну цель, «единство противоположностей», но немного разными путями. Прекрасный тандем «хорошего и плохого» следователей! У Виталия даже вид был более устрашающим: горящие глаза, низкий голос, резкие жесты, взъерошенные черные волосы — почти что постоянно «холка дыбом». Рвущийся с поводка ротвейлер. Совершенно бескомпромиссный. Игорь более элегантен с виду, как и доберман в отличии от ротвейлера: больше «меда» в глазах, тише голос, меньше перебивает. Говорит спокойно и уверенно — так коварный доберман нарезает круги вокруг того, на кого собирается броситься, изматывает нервы, а потом рвет при первом намеке на опасность. Прямолинейность Ванина смешивалась с многоходовыми комбинациями Рядовского. В одной упряжке они были идеальными напарниками! Пока Ванин отвлекал на эмоции, якобы поддавался желанию «поговорить за жизнь» — Игорь, молча наблюдал. Поэтому их, конечно, обоих нужно видеть перед собой. Ванин готов был броситься в лобовую атаку. Игорь сначала оценит расстановку сил, займет беспроигрышную позицию, а потом вцепится сразу в глотку и порвет в молниеносном броске. Его атаки быстры, почти незаметны, он заманивает в смертельную

ловушку. Виталий же спец по мертвой хватке. Неважно — за какое место схватил, будет крошить до победного… Вот такими я их увидела, стараясь представить себя на месте своих врагов. Ванин должен был устрашать и давить. Игорь — объяснять, почему нет шансов. Вернее — есть. Но один — все рассказать. В противном случае, «что ж, придется дальше пообщаться с Ваниным».

Такую схему взаимодействие следователи пробовали в отношении меня только однажды и больше не применяли, допрашивая поодиночке. Не стану делать вывод почему так, пусть останется просто фактом…

Мы не замечаем, как интересно, разумно, рационально устроен мир, стараясь изменить его под себя. Не в состоянии сделать лучше, нарушаем правильный и единственно верный кровоток зависимостей и следствий. Пытаясь, рассчитывая наперед течение своей жизни, что само по себе странно, спотыкаемся, а заметив, появление условий от нас совсем не зависящих, даже не понимаем, что если убыло у нас, то значит, где-то прибыло.

Расследование набирало обороты, что не могло оставаться тайной. Несмотря на это, день за днем любой живущий на планете Земля продолжает свое существование. Что же Марк Волошин — удачливый бизнесмен, о котором иногда писали газеты стран, где он пытался вести бизнес? В основном публикации хвалили его, а на деле украсть было больше негде, потому все приходило в упадок. Эгоизм требовал поддержания прежних амбиций, стоящих весьма не дешево, жажда прежней власти, порождающая жадность, толкала на противостояние с прежними подчиненными, которые все как один настроились против него, поскольку он не умеет соблюдать договоренности до конца.

Покинуть полностью Россию, что требовал разумный подход, не позволяла гордыня, и он, как девушка, ставшая проституткой, приехавшая некогда с периферии, провалившая экзамен в институт, и стыдящаяся вернуться на малую родину, в чем ничего зазорного быть не может, пустился во все тяжкие, теряя больше, чем мог сэкономить.

В результате, вложив в винное имение Hazendal за десять лет сладкой жизни за счет России более 4 000 000 долларов, он пытается продать его в 2003 году за 25 000 000 рэндов, то есть 2 500 000 долларов, на аукционе предложили на треть меньше, и человек «заработавший» на воровстве двигателей и ракет 70 000 000 долларов не смог погасить кредит Standard Bank всего в 6 600 000 рэндов — около 660 000 долларов!

Трудно не согласиться с тем, что деловой человек испытывает как взлеты, так и падения. Вкладывая с рисками, получают бóльшую прибыль, чем не рискуя, невозможно учесть форс-мажор, обстоятельства смен власти, политических течений, составы новых правительств, засухи, катастрофы, а то и сумасшествие людей, от которых многое зависит. Уверяю вас, здесь не тот вариант…

«Как большинство иностранцев, которые приобретают огромные богатства при сомнительных обстоятельствах, он был слишком щедр», — писало о нем южноафриканское издание Business Report в 2004 году. На русский манер это звучит иначе: «Что досталось не кровью и потом — не ценится и теряется»…

В 1996 году подчиненные Марка: Ческис, Галушко, Головин, Беззубиков, справедливо полагая, что контракты с ними расторгнуты, но полагающиеся вознаграждения не выплачены, осознавая развал структуры «МАРВОЛ», на перепавшую им часть вывезенных из банка «МВ-Банк» нескольких сот тысяч долларов, создают ООО «Окамет». Производство, обосновавшееся в Рязани на литейном заводе, приносит хорошую прибыль. Скупающийся за копейки лом меди, перелитый в слитки, уходил на Запад, еще не успев остыть.

В 1997 и 2001 годах кризисы на рынке металлов бьют по не только по карманам, но и по производству. Добавляют «перца» попытки Марка Волошина, считающего себя ограбленным, хоть как-то насолить, в результате Ческис и Галушко выходят из ООО и устраиваются на работу в «Норильский никель», причем первый умудряется стать ответственным за всю «логистику» огромного монстра, что позволят нам поверить в хорошие организаторские способности и имеющиеся у Ческиса таланты.

«Окамет» перестает существовать, лишая доходов и «Триаду», все это время державшую «руку на пульсе» Ческиса — в виде заместителя генерального директора ЧОП «Великая держава плюс» Махалина Сергея, нам уже известного.

Как заявляет в своем допросе Головин Юрий Петрович: «С его первым приездом в офис, расположенный на улице Клары Цеткин, мы поняли, что нас, как коммерсантов не собираются выпускать, так как знали, в какую банду входил Махалин изначально.»…

В 1998 году, на мой взгляд «медведковский профсоюз» стал представлять из себя доходное предприятие для верхушки — Пылевых. Все финансовые средства концентрировались на их счетах. Понятия: забота о личном составе, повышение его благосостояния, поддержание так называемого «общака», который давно уже покоился на тех же счетах и тратился в своих

интересах, помощи в случае ареста, острой необходимости, перестали существовать. С первыми арестами талантливые управители, перепугавшись возможных осложнений, пришли к выводу, что нужно сокращать участников своего формирования, причем не увольнением с выдачей пособий по «безработице», а отправления в последний путь за счет усилий двух-трех более доверенных и приближенных, которые, скорее всего, в свое время тоже последовали бы вслед захороненным в лесах и болотах.

С 1998 года денежные содержания резко сократились, а к 2001 и совсем иссяк источник. Теперь, все финансы, ставшие личными средствами, Пылевы вкладывали по своему разумению, что приносило обычно убытки. Президент «Русского золота» умудрялся поставить ведение своего бизнеса таким образом, что вкладываемые братьями суммы приносили прибыль, но не соответствующую вложенному. Появлялись то издержки по предъявленным претензиям за неуплату налогов, то предложения участия в чем-то пополам, после чего свою долю «Петрович» возвращал сразу, а чужие возвращались с задержками, поскольку использовались им по личному усмотрению. Все предложения, кажущиеся выгодными, скажем, оставленные в виде залога за кредит, выданный Пылевым Андреем, фешенебельные квартиры и передача в собственность двух рынков, оказались неликвидными за те суммы, а рынки и совсем скоро перестали существовать. Александр Петрович, будучи старым и опытным мошенником, ибо отбывал за это срок еще при Союзе в семидесятых годах, умел просчитывать хотя бы пару шагов вперед, редко ошибаясь.

Так, понимая, что нависшая несколько лет назад угроза может привести к аресту, поскольку количество показаний на него на сегодняшний день сравнимо лишь с количеством показаний на Пылевых, бизнесмен организовал кражу ценностей и дорогих картин из своего дома в Ницце на несколько десятков миллионов долларов, а затем, через несколько лет, когда Андрей Пылев дал согласие подтвердить показания брата[87], Александр Петрович Таранцев бесследно исчез. Наверняка сейчас наслаждается видом на берег и волны какого-нибудь моря или океана в окружении своего «украденного» богатства.

Арест самого Андрея Пылева в Марбелье. 2002 год

Кто знает, возможно, Марк Волошин может присоединиться, составляя ему приятную компанию…

Первый арест, и это уже интересно, повлек за собой привычную для таких случаев тактику ведения переговоров, направленную на возможность и «рыбку съесть, и на банане покататься».

Оперативным сопровождением расследования Краснопресненской прокуратурой дела об убийстве мужа Надежды до начала 2000 года занимался РУОП, но быстро взлетевшая структура зарвалась, подавляющее большинство арестов было направлено на выманивание денег, налаживания связей, ради выгоды, о чем говорили увеличившееся благосостояние «трудящихся» и растущее спокойствие шпаны. Всегда проще было договориться, чем «сесть», ведь вину еще доказать нужно.

Мой знакомый Андрей Саратов, к маю 2001 года с рядом своих подчиненных, поменяв структуру, переехал из здания на улице Шаболовка, дом 6, поближе к центру в Управление Собственной Безопасности МВД РФ в подчинение генерала Ромадановского. Это, скорее всего, спасло их от некоторых неприятностей, подарив неприкосновенность.

В 2000 же году, ближе к лету, его заместитель Дмитрий, не

станем упоминать его фамилии, ибо он еще «при погонах», попросил подъехать в скверик, расположенный за киноконцертным залом «Пушкинский». Он пробыл несколько часов в кабинете Трушкина, вынужден был отвечать на некоторые неприятные вопросы, пока не под протокол. Вряд ли до этого дошло бы дело, но беспокойство после этой беседы не покидало его еще довольно долго. При появлении в моем поле зрения полковника, я не заметил на его лице привычной улыбки[88]:

— Привет!

— Что-то случилось?

— Дааа, есть пара человек… — не живется им спокойно…

— Проблемы?

— Скорее у твоих знакомых… — Он знал меня, как и Андрей Саратов, как человека, занимающегося сбором информации по заказу, урегулированием некоторых вопросов и конфликтных ситуаций, знающего добрую половину деловой Москвы. По их мнению, среди моих клиентов были многие криминальные элементы, бизнесмены, в том числе и они с шефом, что и было во многом правдой. По этой легенде имел я общение и с «медведковскими», а посему не составляло труда передать им что нужно.

Почему Трушкин решил воспользоваться этой связью? Все просто. Еще в дни, предшествующие убийству Солоника, я передавал некоторые записи, конечно, урезанные, Андрею Саратову. Просил он иногда сделать дубликаты и для коллег с «Петровки». Этими коллегами и были Трушкин «со сотоварищи», тогда еще только задумывающиеся заниматься «Триадой»…

— Каких же именно?

— «Ося», «медведковские»…

— «Медведковские»?

— Ну да — Пылевы… Андрей, Олег… — В том, что их знают ничего особенного или удивительного не было — о них шли разговоры открытым текстом еще до 2000-х, правда, в них не было ничего стоящего, просто фамилии, предположения, некоторые акценты, все, как у всех остальных, но пока без конкретики…

— Это тебе только удалось узнать… или это информация имеет какую-то давность?

— Да не в этом дело… Предложение… так сказать, только озвучено. Думай ты… думай, как преподнести им, я вот лично не знаю, что с этим делать, хотя поначалу кажется обычным предложением — Пылевы им бабки, дольку и расход… ну в смысле — сотрудничество, поддержку…

— А с чего братьям поверить в такой бред? Чем их можно

прижать-то? Солоником? Так они краями… Там «Ося» рулил и принимал решение… пусть и «Зема»… Ну не важно — на Пылевых есть что-то конкретное?

— Полный расклад…

— Хм… Что-то не вериться… — К этому времени я уже прекрасно знал, что перепуганный Грибков никак не может остановиться и милиционеры уже сами перестали понимать, где в его словах правда, а где вымысел. Он рассказал что знал, потом, понимая, что если перестанет интересовать, будет переведен в обычную тюрьму, где его достанут в два счета, как Нелюбина и Зеленина. А значит, рассказанное им должно перевешивать все, что могли предложить Пылевы, которые на этот, третий раз его прощать не собирались.

Не то чтобы информация была исчерпывающий — на Пылевых-то пока как раз почти ничего особенного: домыслы, предположения, личные впечатления, попытки выводов. Будучи в течении полутора лет водителем и охранником Олега Пылева, он безусловно что-то видел, но это были крохи. Об Андрее знать он почти ничего тоже не мог. Но он многое рассказал об их подчиненных, некоторых убийствах, в том числе совершенных пяти своих, от которых у оперов кровь в жилах стыла.

Понимая не только огромность массива показаний, но и их шаткость, предложение о переговорах — хороший ход, к тому же проверенный на опыте и опробованный временем.

— Я так понимаю, что это их «говорящая голова» наплела достаточно. Это нормальная практика…

— Так-с… А я-то тут причем?.. — Этим вопросом хотелось узнать — есть ли что-то на меня, напрямую спрашивать, значит доверять, а собеседник и фамилии моей настоящей не знал… Фамилию и настоящих данных моих пока никто из милиционеров не знал, на игровой площадке фигуры с моими «опознавательными знаками» (убитые мною) еще тоже не фигурировали, но уточнить хотелось бы.

— Нууу… Кому как не тебе довести это предложение до Пылевых, или до кого там дотянешься. Да и предложение неплохое — рано или поздно все под нами будут!

— Ааа… Ну слава Богу, а то я думал, меня еще во что-то вплести хотят… — Тут необходимо было добавить, что именно я имею в виду под своими переживаниями, причем, сделать это таким образом, чтобы высказанное предположение касалось нашей с Андреем и Дмитрием совместной деятельностью.

— … думал, что ты или Андрюха, передавая кассетки, в чем-то проговорились… — ну знаешь… — нечаянно…

— Лех, тыыы… — это не возможно, все делали, как

договаривались. Трушкин интересовался пару раз этим каналом…

— Да я пытаюсь просчитать, как это сделать, чтобы самому случайно в эту же «коляску» не запрыгнуть. Дим, уточни, что они хотят… что предлагают? Может, озвучили на что именно могут пойти, ну так… между строк, что ли… типа только для твоих ушей…

— Да, в общем, как всегда. Для начала, назначить встречу… — Трушкин и компания согласны на любое место здесь, в России или за бугром… лучше здесь, конечно…

— Вот так вот… просто встретиться… А с кем?

— С «Осей»… с Пылевым, хотя бы одним…

— Угууу…

— Суть: они дают гарантию, в том, что притормозят процесс расследования, но взамен… ты же понимаешь, что преступления деть некуда, ответить кто-то должен… Да и вся эта канитель не может закончиться ничем.

— Так чего хотят-то?

— Скажи так… Предложат им, будто «Ося» сядет на пять-семь лет, намекнут кому-то из Пылевых о такой возможности… ну и пехота на их выбор…

— Хорошенькие условия! Как-то по-другому надо, полегче, а то ведь там разбора не будет…

— Ну так обычно… с этого обычно начинают… так сказать, торг…

— Ну это и понятно… Значит, жертвы все равно нужны?

— Ну тут… — сам понимаешь, кровушка должна быть, сидеть кому-то да придется — может «пехота», а может… — короче крупная шпана всегда откупается… Лех, да найдут «Пыли» «попок» за косарь зелени в месяц… да за такие бабки желающих почалиться миллион!..

— Угу… Осталось только в этом убедить шпану…

— Да… Нууу… И ты понимаешь, что это все будет возможно только за дольку малую, сотрудничество…

— Это что такое?

— Ну не бедокурить так, что бы вся Москва ужасалась — типа воюйте там, на периферии, втихую, но без жертв среди гражданского населения…

— Как в Японии?

— Что, «Как в Японии»?..

— Там же «Якудза» не вне закона… — если тихо и спокойно, то обкладывайте данью бизнес — это типа национальной традиции у них, только налог с этого дохода в казну государства платите…

— Охренеть можно! Ну, ты понял…

В этот же вечер я доложил подробно о состоявшемся разговоре Андрею Пылеву. Он несколько раз переспрашивал о подробностях, дважды о себе — точно ли эти менты не хотят, чтобы он сидел. Я ответил, что было сказано: «один из Пылевых» — понимая, что не один ни за что не захочет.

Старший Пылев спросил моего мнения, на что я ответил:

— Андрюх… Ну верить-то сразу — глупо. Можно послать парламентера, или я не знаю… там, кого угодно, хоть Влада Тыщенко, ему точно ничего не сделают, а через посредника всегда проще начинать… Может Илюху Рыжкова — он адвокат, вообще все ровно будет… — Договорились продолжить обсуждение завтра.

«Завтра» перекладывалось на завтра, а послезавтра на… пока не решили вообще ничего не отвечать, посмотреть на реакцию.

Реакция не замедлила себя долго ждать — теперь позвонил Андрей Саратов, встретились там же, если я не ошибаюсь, в ресторане «Белый конь». Все повторилось, кроме переданного Трушкиным добавления: «Если не согласятся — разорвем к «ядрене фене»!».

На первое предложение отвечал, что передать передал, но ответа пока нет. На это реакция ожидалась быстрой. И она последовала в виде отказа. Было и третье предложение, на которое мне дали указание отследить занимающихся делом Рядовского и Трушкина и устранить по возможности быстрее.

Я занялся, но делать ничего не собирался. Интуиция подсказывала, что хорошо это не кончится, но будет еще хуже, если стрелять.

Отследив обоих от работы до места жительства, я представлял, как они однажды сопроводят так кого-нибудь из моих членов семьи и выйдут на меня. Я понимал, что жалости ко мне не будет и на йоту, скорее всего, расстреляют при задержании, но рука все равно не поднималась, даже в воображении.

«Да пусть будет, как будет» — я покинул эту мысль, к которой никогда больше не возвращался. Оказывается, параллельно была поставлена такая же задача Марату Полянскому, но тому было не до того — он постоянно находился с Сергеем Буториным («Осей»), причем в основном за рубежом.

Хочется быть честным — Пылев интересовался еще несколько раз моим мнением, прося поставить себя на его место. Я отвечал, что при всей очевидности угрозы, поверить милиционерам не могу, что сам ни за что бы не поехал на первую, да и на вторую встречу, хотя полезными переговоры могут быть. Он переспросил:

«Так ты бы сам не поехал?» — Я ответил: «Сам бы нет! Послал бы для начала кого-нибудь».

Не думаю, что это сыграло основную роль, но частично моя толика в выборе этого отказа есть. Теперь даже не сомневаюсь: случись встреча — все могло бы быть по-другому… Было бы это лучше для меня с позиции сегодняшнего дня? Вряд ли! Не стал бы я писать книги, не полюбил бы по-настоящему, не обрел бы новую семью, не стал бы счастлив даже в колонии, и еще многие «не»… — и вообще гипотетику я не люблю…

* * *

Разбираясь в материалах дела, следователи старались восполнить пробелы. Одним из таких оказалась внешность молодого человека, рассматривающего входную дверь квартиры Хлебниковых, которого Надежда застала за этим делом, что было еще до гибели мужа.

Один из дней прошел в прокуратуре у Рядовского с Ваниным в районе Бакунинской улицы. В очередной раз она просматривала «секретную книжечку» Рядовского, позже названную «фототаблицы», предъявляемые всем вновь задержанным, содержащую сборник фотографий «героев того времени», среди которых скоро появится и моя фотография — единственная, которую смогли найти — в кителе с погонами еще лейтенанта. Надя долго смотрела на эту фотографию, пока не сказала: «А вот ему бы я доверила все, что угодно, он не может быть плохим человеком!». На что ей ответили: «Вот именно, он опаснее всех остальных, если, конечно, существует…».

…Были Ческис, даже мой друг детства Слава, попавший в фототаблицы благодаря Семену, конечно, Алексей Кондратьев. Каждый раз кто-то прибавлялся, поэтому каждый новый приезд начинался именно с просмотра этого фолианта. Оба настаивали смотреть внимательно, особо стараться вспомнить лицо молодого человека, рассматривающего дверь.

Надежда *действительно* несколько раз заостряла внимание на одном человеке: до 30 лет, крупное, даже большое лицо, глаза из-под больших бровей, отросшие волосы с неаккуратной стрижкой, прыщи на коже… Рядовский это заметил, говорит:

— Ну что? Узнала?

— Да. Я точно его помню. Но я не помню — где и когда могла видеть…

Так бывает: вот точно лицо это уже попадалось в жизни, но где, при каких условиях?! Увидеть бы вживую! Мысль ускользала,

не успев зацепиться, ее никак не удавалось схватить в обрывках памяти.

Ванин, поверх головы вдовы, многозначительно посмотрел на Рядовского, мол, эта точно вспомнит, и произнес:

— Надя, мы не хотим тебя пугать, но это очень важно. Езжай домой, успокойся и постарайся вспомнить. Если хоть какая информация — срочно мне или Игорю на мобильный, в любое время дня и ночи!..

Уже дома, снова и снова пыталась она вспомнить стоящее перед глазами лицо с фотографии. Совсем рядом крутилось в памяти почти такое же, как на карточке, но приближаясь к самой разгадке, неожиданно проваливалось и все приходилось начинать заново. Даже была мысль, будто она перебирает всех живущих, а он именно исчезает, как не могут быть с живыми мертвые.

При возникновении подобных затруднений, в моменты необходимости поиска выхода или перед важным выбором, она подходила к портрету мужа, зажигала свечку, садилась напротив… Так произошло и сейчас! Есть! Вспомнила… подорвавшись от радости, набрала Ванину:

— Виталь! Я вспомнила!

— Ну, ну!!! Давай! Где видела?!

— Во сне.

Некоторая пауза, сменившее ее легкое покряхтывание следователя прокуратуры явно говорило о признании за ней к этому времени некоторых странностей, но это было уже слишком. Надя поняла и подумала: «Наверняка, не хочет меня обидеть, мол, женщину можно понять — мозги-то наверняка подсъехали конкретно…».

В следующий ее визит в прокуратуру Игорь и Виталий очень аккуратно, как с особенно опасными пациентами в психбольнице, переглядываясь межу собой, начали издалека:

— Надежда Юрьевна, ну ты не волнуйся. Всякое бывает…

Но это было не «всякое». Это действительно был сон. И она помнит до последнего кадрика до сих пор, даже по прошествии, без малого, пятнадцати лет, как будто все было наяву еще вчера. Просто не в тех уголках своей памяти сначала искала вдова, а посему эти файлы были пропущены.

После рассказа следователям Хлебникова занесла сон в «Черный дневник»:

«Это было в ночь с 6 на 7 апреля, ночь накануне очередного дня рождения Тимура… без Тимура. Я уже наготовила кучу грузинской еды, всегда после кладбища домой приезжали люди. Еще и на кладбище нужно взять — ребенка, напитки какие-то, разовые стаканчики, закуску, свечки, цветы и т. д. Не заметила,

как провалилась в сон — и вижу:

Я все же немного опоздала на кладбище. Подхожу к «нашей» могилке — а там уже люди. Кругом стоят. А могилки… нет. Стоит наш гроб с двумя крышками. Верхняя откинута. Там лежит Тимур и… разговаривает с пришедшими.

— Ну ты даешь! Я знала, что это была твоя постанова. Все, финита ля комедия? Чего лежим, кого ждем? Вставай уже, поедем все вместе домой, там все готово для гостей…

— Ты снова в черном? Позор. Люди скажут, что я мало зарабатывал… что ли, надеть тебе больше нечего? Переоденься!

— Где, прямо тут? Да и во что, интересно?

— Я принес тебе.

Иду за знакомые могильные камни других похороненных здесь людей, кое-как снимаю с себя черные джинсы, водолазку, армейские ботинки. А в пакете, который там меня ждал — белое платье «в пол», кружева как пена. «Как же в нем дойти, чтоб подол в земле не запачкать?!» И очень аккуратно иду назад — туда, где Тимур продолжает общаться с «гостями». И вдруг… вижу абсолютно новую свежую могилку — холмик, у которой торчит черная плита, а на ней по грудь портрет, нарисованный белым. Молодой парень… — опять! Да сколько ж можно! Явно нет 30. Длинные волосы, даже с завитушками. Острый взгляд из-под широких бровей… Полные губы…

Подхожу к Тимуру: «А кто это тут у вас «на новеньких»?»

Он вытягивает вперед руку ладонью ко мне, такой его жест обычный, пресекающий дискуссии.

— Наичка — это тот, кто нужен. Тебе рано знать — еще 9 дней у него не прошло… (с момента смерти).

Подхожу ближе, вся такая счастливая, в почти свадебном прикиде. И вдруг налетел ветер. Листья, ветки, цветы — все закружилось. Даже чувствовала, как царапает лицо.

И как в сказке — ветер утих. Гроба с ожившим Тимуром нет. Кто-то тянет за локоть, опять на мне черная водолазка.

— Отпусти меня, он же обещал… что он вернулся!

Дальше я проснулась. Снова как будто меня придавила могильная плита — я снова понимаю, что Его нет. И голос его мне приснился. Встала. Одела черные джинсы, водолазку и армейские ботинки. Взяла ребенка, водку, свечки и цветы. И поехали на кладбище. День рождения нашего папочки начался…».

Когда она рассказала это следователям прокуратуры, оба долго молчали, но, как оказалось, о своем. На портрете был Юрий Тутылев — «Мясной», который с Алексеем Кондратьевым приходил к ее подъезду, осматривал дверь, стоял на «стреме» во время убийства с автоматом с обрезанным стволом на случай,

если бы Тимур Хлебников вышел из подъезда «с прицепом». Но самым невероятным оказалась дата смерти, на которую показывал сам Кондратьев — Юрий Тутылев был убит именно 30 марта, и конечно, в ночь с 6 на 7 апреля, как сказал Тимур во сне своей супруге: «Девять дней еще не прошло»…

Тутылев Юрий — «Мясной». Апрель 1995 год. Фото, сделанное автором

* * *

Не может человек с болью в сердце от злобного жала мести не думать о Боге. Даже ненавидя, говорит с Ним. Ближе всех остальных Господь к таким чадам своим и к ненавидящим его милосердствует. Надежда ненавидела только Ческиса, умрет он и ненависть перекинется на Пылева, Бог же ощущался ей, хотя и не принимался Спасителем… — просто Бог… Иногда она посещала храм, бывало, даже исповедуясь. Перечисляя грехи, о которых имела понятие, называла один без сожаления:

— Основной мог грех — не умею прощать!

— Господь прощал…

— Но я же не Бог… Раз так… раз не могу… не «отпускайте» тогда его… Но отпустите грех — что я не хочу учиться прощать, а Господь разберется… — Так она мыслила тогда, а ведь для нее нет более спокойного места, чем храм. В миру нет и не будет ей успокоения, таким спасение только в монастыре, где можно

найти защиту от бесов ее треплющих, но об этом и думать она не смеет, хотя Создатель уже не раз приводил ее в Свой дом, остужая огонь, смягчая оковы страхов и одиночества. Такие люди одиноки и толпе, и в кругу друзей, и в счастье родственников.

Она умеет сопереживать, но недолго, ее собственные ужасы быстро овладевают ей, заставляя искать отвлечения в том, в чем нет Бога…

Уже видя, что, наконец, спустя долгих шесть лет, запустившиеся маховики машины, начали цеплять тех, кто имел отношение к ее несчастью, она не перестала жаждать любой крови, но в ней появилась избирательность, огонь внутри полыхал уже не так безутешно на фоне страданий арестованных преступников, смерти Ческиса хотелось теперь меньше, чем вида их униженных гордынь, эгоизма, тщеславия, глаз, в конце концов, виновато упертых в пол.

Её рассказ, записанный и названный мною «Черным дневником», содержит описание описание ее состояния:

«Да, меня зверь рвал изнутри: убить!!! НО! Свой грех я бы переложила на своих детей. Я встала бы на одну ступень с теми, кто убил моего мужа. И его кровь, смешавшись с кровью убийцы, легла бы на меня и мое потомство. Я сгоряча могла бы навалять ошибок: Пылев бы мне только спасибо сказал, если бы я рассчиталась с Кондратьевым, допустим, с Ческисом (он у меня был номер раз). До главного я бы не дотянулась. Я не знала просто о нем! А заплатить было кому! И деньги я бы нашла — это кроме страха, не дало бы удовлетворения, теперь я знаю это точно. Господь долго наблюдал, как я борюсь с искушением убить. Долгих 7 лет. И когда Он увидел, наконец оценил мои намерения, Он Сам сделал все: и Кондратьева под «белые руки» мне на следственный эксперимент привезли к подъезду. И Ческис сдох… причем «за так». И дети теперь знают, что зло злом не победишь!»…

Посыпались удача за удачей, объясняющиеся следующим образом. Участники «профсоюза» к этому времени уволенные в основном без выходного пособия[89], вынуждены были искать средства для существования, почти все возвращались со съемных квартир домой, проживая по местам прописок. Мало того, уже пошел слушок и появились подтверждающие его факты — Пылевы зачищают и «пехоту», и даже более значимый личный состав. При «делах» оставалось всего несколько человек, поэтому приезжающие сыщики без труда находили полуголодных и растерянных, когда-то «хозяев жизни», ныне совершенно безработных. Многие говорили сразу, в основном рассказывая о себе, понимая, что их ничего со стороны совести держать не

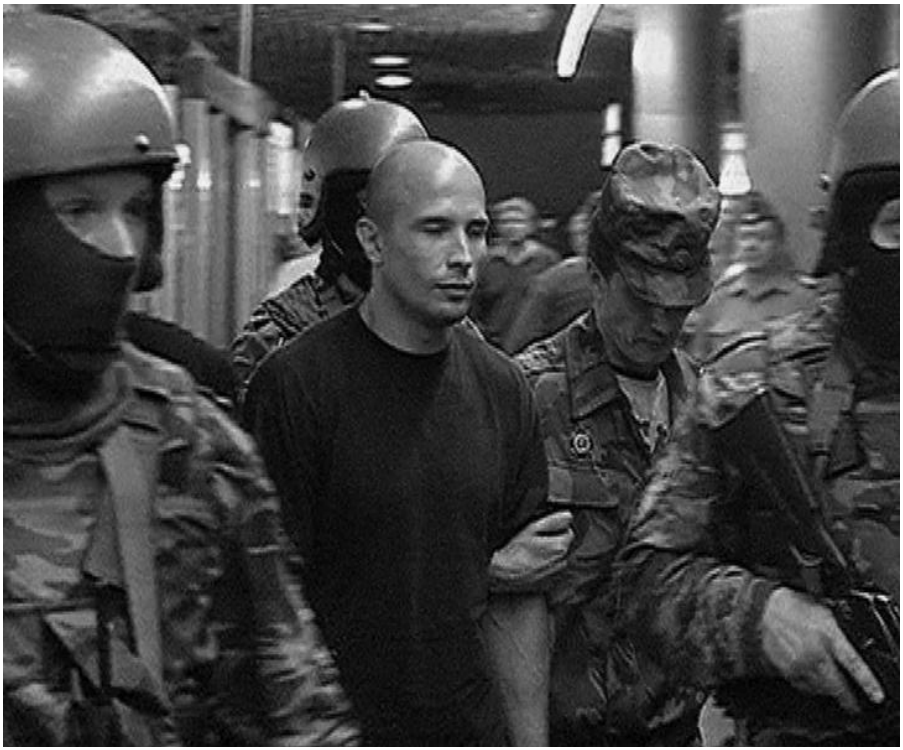
может, а сама она вопияла в муках.

Очень быстро подобрался костяк тех, кто мог выступать на судах против Пылевых. В 2001 задерживают «Осю» в пригороде Барселоны в местном борделе, вместе с Маратом Полянским. Предполагая, что задержание активировано Дмитрием Бажановым — начальником «убойного отдела» МУР, другом детства, пропавшего уже без вести, «коптевского» авторитета «Земы» (Сергея Зимина), Буторин выдает часть бухгалтерии и аудиозаписи, сделанные на всякий случай при общении[90] с Дмитрием, прямо говорящие — последний имеет некоторое отношение к связям с преступниками на меркантильной почве, после чего того отстраняют от исполнения своих профессиональных обязанностей (правда, на этом и дело и закончилось).

При задержании присутствуют несколько человек из МУРа же, в том числе Трушкин, причем, если, оказывается (по его собственным словам) наставляя личный состав ОМСН на мое задержание, он требовал ни в коем случае не применять оружие на поражение, акцентировав внимание, что придется задерживать «союзника» и офицера, то в Барселоне, как очевидец подобного же предшествовавшего наставления испанского спецназа своим командованием, как не имеющий полномочий, почел нужным предупредить: «Чуть что, сразу открывайте огонь на поражение».

Довольно быстро проходит суд, приговором которого задержанные осуждены на восемь с половиной лет с содержанием в тюрьме Королевства Испания.

Сергея и Марата российскому правосудию удается временно экстрадировать в Москву — на три месяца, для дачи показаний, которая, конечно, не состоялась. Привезут насовсем их много позже, но это уже другая история. Об этом подробнее написано в предыдущих томах.



Марат Полянский под охраной офицеров спецназа ФСИН, аэропорт Шереметьево-2, вторая экстрадиция

В этом же году задерживают в Одессе Олега Пылева и Сергея Махалина на конных состязаниях на кубке Мэра города, где первый выставил принадлежащих ему жеребцов. Через несколько месяцев они воссядут, как оказалось, навсегда на российских тюремных нарах.

Чуть позже задерживают и старшего брата Андрея в Марбелье, он проводит несколько месяцев в местной тюрьме, его иногда отпускают домой, что положено по законам этой страны, чем Андрей не пользуется, подвергаясь в будущем также экстрадиции…

Все это знает Надежда — ее держат в курсе дела. Ее иногда приглашают Рядовский и Ванин, делая это скорее для поддержания в состоянии сбывающейся надежды, хотя и сами привыкли к ее присутствию, как к талисману, приносящему удачу.

Через какое-то время, после задержания Алексея Кондратьева, о чем помпезно было сообщено вдове, позвонил Александр Трушкин. Голос его был иным в отличии от обычного, чувствовалось напряжение, даже скорее, присутствие напряженного момента, накладывало некоторую тяжесть на

голосовые связки. Хлебникова, почувствовав это, поинтересовалась причиной. Опер раскрыл сразу все карты, объяснив, что завтра будет проводиться следственный эксперимент по убийству ее мужа, возможно, потребуется ее присутствие.

Александр Трушкин… на заслуженной пенсии…

Обычно это стараются исключить, хотя препятствовать не имеют права. Объяснив все тонкости, и еще раз переспросив — готова ли она, примерно сориентировал по времени и попрощался. Не станем коверкать рассказа Надежды Юрьевны, тут лучше прибегнуть к записанному с ее слов, поскольку именно эти строчки наполнены настоящими эмоциями:

«Саша привез Кондратьева на следственный эксперимент к нам во двор. Мое присутствие там, скорее всего, не было необходимо с точки зрения следствия. Где стояла машина, в которой расстреляли Тимура, я показывала не единожды. Саша очень тихо, еще за месяц-полтора до этого меня предупредил о том, что такое возможно, и наблюдал за реакцией. Сказал как бы между прочим. Моя реакция была такой, какую он хотел видеть:

отлично, поздравляю с задержанием важного свидетеля и исполнителя, если можно — я бы посидела тихонечко, посмотрела, когда его привезут… Трушкин разрешил. Меня трясло всю ночь и все утро, пока я его ждала… Кондратьева возили по нескольким точкам по Москве. И в течение этой езды Трушкин звонил мне раза 3–4:

— Мы там-то. Ну, ты уверена, что хочешь присутствовать? В принципе, это не обязательно…

Перед привозом Кондратьева я спустилась в свою машину, которую поставила параллельно тому месту, где исполнитель должен был показывать, как он убивал моего мужа. Села на заднее сидение с той стороны, где все должно было происходить. Потом во двор приехал Саша с заместителем Николаем Воробьевым, они поставили свою машину так, как стояла тогда машина Тимура, параллельно моей, в которой я находилась. Трушкин снова подошел и спросил — уверена ли я?.. Уверена ли я?! Я ждала этого 7 лет!!! и на тот момент уже понимала, что ждать осталось намного меньше, что в том черном безнадежном туннеле, по которому я блуждала 7 лет, наконец-то появился свет.

Потом сотрудники «зачистили» наш двор — чтобы никто не входил во двор и не выходил из подъездов по время эксперимента. И вот появилась группа сотрудников, взявшая кольцом высокого мощного человека в балаклаве… Он был в середине… С закрытым лицом. И я была уверена, что именно он «справился» тогда с Тимуром…

Но когда они поравнялись с моей машиной, стало видно, что в кольце сотрудников двухметровый — это сотрудник ОМСН, с закрытым лицом. А «нашего»… Кондратьева пристегнули к его ручище наручниками. Алексея просто было не видно среди оперативников: ниже среднего роста, с потерянным лицом, обреченным шагом он шел туда, куда его вели. И ЭТО — ОН?! Не может быть!.. Мне казалось, что воин, пусть и «темный воин», должен быть внешне сильным, грозным. От него должно пахнуть угрозой, страхом, смертью… А вызывал он чувства противоположные: попавший в капкан мелкий зверек, которому страшно… А этот «страшный убийца» — его Тимур мог бы перебить левой рукой вполсилы! Даже обидно: последнее, что видел мой муж в этой жизни — это лицо такого тщедушного человечишки?!

Когда он стал показывать и рассказывать:

— Вот здесь мужчина сел в машину прогревать… это было зимой. Я подошел и выстрелил прямо в голову. Раза 4 или 5. И все…

И все!.. Так просто — 4–5 сухих щелчков, которые оборвали

одну жизнь и исковеркали десятки вокруг…

Пока Кондратьев рассказывал — Трушкин бочком так подошел к моей машине, сделав вид, что оперся на дверь, за которой я сидела. Думаю, не потому, что устал стоять — страховал. Потом он признался:

— Ну вот если бы нервы сдали у тебя, убила бы у меня на глазах его, а я за этими чертями несколько лет гоняюсь… И потом отмазывай тебя!..

Что я чувствовала тогда? Благодарность? Саша допустил меня, не побоялся — вернее, побоялся какой-нибудь моей выходки, но его это не остановило[91]. Я же понимала, что не имею права подвести!

И еще — я чувствовала пустоту — участь этого человека, который сделал «4–5 выстрелов в голову — и все» меня почему-то вообще не интересовала, хотя была понятна. Его «героические» поступки остались в прошлом. Но я не чувствовала ни ненависти, ни звериного желания убить, как прежде, чтобы отомстить «око за око», ни размозжить его голову на том же месте, где он выпустил на землю кровь моего мужа. НИ-ЧЕ-ГО! Только галочка в голове высветилась: «Так… Первый пошел».

К тому моменту Трушкин уже примерно обрисовал мне, что по «ту сторону» баррикад был не один Ческис, который нанял убийцу, чтобы вместо Тимура сесть на деньги Волошина. Что там — реальный враг, о существовании которого я теперь знала. А он, этот враг, о моем существовании не знал. Или забыл. Пока он катался по заграницам, походя раздавая приказы на уничтожения людей. Пока он растил своих жеребцов — пока я поднимала на ноги нашего сынишку. Пока он жрал, трахался, покупал своим шлюхам крутые шмотки, грелся на солнце — я выла по ночам от боли и тоски. Теперь пришло время все это у него отобрать. ВСЕ! Оставить ему только одно — ЖИЗНЬ. Которая никому не нужна… Чуть позже этот абстрактный враг обрел свое имя и лицо. Пылев Олег Александрович»…

В процессе её работы, а Надя именно так относилась к возложенным на себя обязанностям по своему посильном участию в расследовании, помощи опергруппе, следователям, кому угодно, лишь бы довести дело до суда, происходили встречи со всеми представителя оперативно-следственной группы, возглавляемой Игорем Рядовским.

Если кто-то из них звонил и говорил, что надо увидеться — это не обсуждалось. Как солдат, она была готова в любое время. Такой же была и обратная связь. Если звонила Надя и спрашивала, может ли Трушкин встретиться — он почти всегда мог сразу, поскольку знал — появилась новая информация.

Читатель может, задумавшись, поинтересоваться, а чем эта женщина могла помочь? В сущности, ничем особенным, но кое-что было ей по силе. К примеру, как-то посетовав на то, что нет никакой возможности вычислить Леву Шумахера, хотя бы понять, где он: в ЮАР, в Швейцарии, в Германии — Трушкин попросил промониторить этот вопрос.

Хлебникова безуспешна старалась найти Шумахера целый день, перебрав все возможные варианты, а под вечер с приятелем пошла в известный московский джаз-клуб «Фортэ» на Бронной. В этот вечер выступал саксофонист Алексей Козлов, пел Валера Каримов. Сидя за столиком в ожидании выступления, Надя услышала знакомым голос, буквально невдалеке что-то рассказывающий. Посмотрев вокруг, буквально через столик она увидела болтающих Леву с женой, Жанна Зинченко, кого-то еще.

Ей казалось, что такие совпадения бывают только в кино, в реальности же они только снятся. Знакомые тоже заметили ее. Обнимаясь и целуясь, Лева с Таней присматривались, оценивая ее состояние, чтобы оторвать их от этого, она, любящая пафос и эпатаж, объявляет: «Ничего не кончено, господа! Все только начинается».

Все напряглись такому совпадению, но после объяснений, что никто не собирается обвинять ни Шумахера, ни Зинченко, но просто хочет пообщаться руководитель следственной опергруппы, Лева дал свой телефон…

Не дотерпев до конца вечера, что естественно для Нади, она вышла на улицу, звонить Трушкину:

— Саш, вчера ты сказал, надо найти Шумахера. Он нашелся!!! Сидит сейчас на Бронной, дом такой-то. Телефон дал. Ты сюда приедешь сейчас или… как?.. — Пауза. Затем озабоченным такой скоростью голосом:

— Надь, ты за ним в «наружку» что ли подалась? Нет… правильно все сделала… Я ему наберу завтра.

Назавтра произошла встреча, на которой Шумахер ответил на вопросы, правда не так, как хотелось Трушкину, ведь он был на стороне Марка, а поэтому откровение было только в сторону Ческиса и компании…

К концу года к материалам дела, касавшихся только убийства Тимура Хлебникова прибавились уже развернутые протоколы допросов, среди них на сто процентов правдивые ответы давал только один человек: Александр Александрович Саркисов:

«Допрос А.А. Саркисова от 3 декабря 2002 года.

На заданные вопросы А.А. Саркисов ответил следующее:

Ему, Саркисову изначально позвонили из приемной секретаря ЦК КПСС Олега Дмитриевича Сосковца — и

предложили общаться насчет проекта «Супермиражей» с генералом в отставке Зинченко Жанном Федоровичем. Зинченко познакомил его с Марком Волошиным. Чуть позже Правительство России издало секретные документы о начале реализации этого проекта за подписью Ельцина. В проекте участвовали другие специализированные и конструкторские бюро, кроме завода Климова: СКБ МиГ, Омский моторный завод им. Баранова, московское предприятие «ТЕМП». Иностранный партнер — Марк Волошин, глава международного холдинга «Марвол интернешнл». В России он создал «Марвол групп Россия». Его функция — финансирование проекта. Он выступал как посредник между Россией и АРМСКОРОМ (юаровский аналог «Росвооружения»). В совет директоров СП «РУСДЖЕТ» вошли: Волошин, Саркисов (председателем правления) и руководители других российских предприятий-участников. «ТЕМП» предоставил (руководитель Зазулов Виктор Иванович) помещение под деятельность конструкторского бюро, в состав которого входило 20 человек, в том числе конструктор СКБ МИГ (КБ Микояна) Степанов Валентин и его сын Андрей. Андрей стал техническим помощником и консультантом Волошина. Как ученый и конструктор Саркисов не углублялся в финансовые вопросы. Он сконцентрировался на решении научных и технических задач.

По финансированию Саркисов может сообщить следующее: «АРМСКОР» переводил деньги на зарубежные счета «МАРВОЛ интернешнл», оттуда они поступали на счет СП «РУСДЖЕТ». СП «РУСДЖЕТ» распределял средства между заводами. Саркисов понимал, что Волошин не переводит в Россию всю сумму, полученную от ЮАР, он использовал ситуацию, когда в России работы по модернизации военной техники были по себестоимости намного ниже по сравнению с другими странами. В итоге наши заводы за время существования СП «РУСДЖЕТ» получили не более 10 млн. долл. Эта сумма только покрыла стоимость работ и зарплату наших сотрудников. Прибыли российские заводы не получили! Данная работа велась на перспективу.

По предложению Волошина СП «РУСДЖЕТ» возглавил в качестве Гендиректора Тимур Илларионович Хлебникова. Российские партнеры изначально в штыки восприняли эту кандидатуру. Хлебников был человеком Волошина — мы хотели поставить своего. Но в процессе работы очень скоро выяснилось, что Хлебников — порядочный человек, вникал в наши проблемы, отстаивал перед Волошиным интересы государственных предприятий, настаивал на увеличении финансирования, был против использования денег от «АРМСКОРА» на другие цели.

В конце 1994 года Волошин поставил Саркисова в

известность, что планирует сместить Хлебникова, у которого в декабре 1994 года кончался контракт с Волошиным, и поставить своего человека. Он был уверен, что это будет Андрей Степанов, «послушный мальчик» Волошина, который слепо бы выполнял его распоряжения, не задумываясь об интересах наших заводов. По этой причине Саркисов и его коллеги категорически воспротивились смещению Хлебникова. Им удалось отстоять Тимура Хлебникова. Волошин не мог привести конкретных аргументов за отставку Хлебникова, отделывался общими фразами.

К тому моменту в «МАРВОЛ групп Россия» работал Галушко гендиректором, финансистом — Ческис. С этими людьми он, Саркисов не общался лично. Со слов Хлебникова и его московских коллег знает, что эти люди были связаны с организованной преступностью, постепенно захватывали власть, влияли на Волошина. После убийства Хлебникова Волошин назначил Головина Гендиректором СП «РУСДЖЕТ», под нажимом Ческиса и Галушко. Ранее мне Головин знаком не был. С его приходом финансирование проекта прекратилось, хотя деньги из-за границы, насколько мне известно, какое-то время поступали. Заводы выполнили свои договорные обязательства. В итоге Волошин остался должен минимум 600 тыс. долл., это без учета прибыли».

Это последний допрос Саркисова в деле. Потом Александр Александрович давал показания в суде лично, но это будет уже 2005 год…

Очередной приезд Хлебниковой в прокуратуру, как всегда начался фразой вдовы: «Хочу на суд Ческиса!», что не могло не породить предупредительную реакцию в следующие разы, дабы не дать произнести эту фразу. Подобное ей позволялось, но только ей, и прежде всего потому, что из всех потерпевших только она, и это было понятно, способна быть настоящем обвинителем со стороны потерпевших, больше таких взять не откуда, что хорошо понимали следователи, а потому обращали на нее особенное внимание. Дошло до того, что, входя в кабинет, Игорь Рядовский, не давая гостье открыть рот, заботливым тоном произносил:

— Надежда, здравствуйте. Как дети?.. Чай или кофе?.. Пожалуйста, можете курить… Как до нас доехали — пробки такие?!..

Ванин был проще и прямее:

— Привет! Что Ческис на завтрак сегодня ел? Не в курсе?! Ну, ты меня разочаровываешь!.. — На что Игорь Анатольевич только улыбался. Я тоже замечал, что когда этой паре удавалось

объединиться, они автоматически начинали разыгрывать тонкую партию, но «мочил» всегда Ванин…

Однажды, знакомясь с уже подготовленными протоколами, сшиваемыми в дело, которое уже предъявили для ознакомления Пылеву, Надя заметила:

— Ческис, между прочим, Волошину и Леве Шумахеру предлагал выехать по поддельным паспортам из России и брался все устроить… — Рядовский, подняв голову, снисходительно улыбнулся:

— Интересно, и как бы он это сделал?..

— А в системе «МАРВОЛ Групп Россия» была туристическая фирма «Конкорд-Трэвел». Ческис туда в свое время «крышу» подогнал, посмотрите в деле — показания Ефимовой и Минасян. Мог через них… Там вообще много паспортов непонятных проходило, мне девочки говорили… — Выражение лица Игоря Анатольевича резко поменялось:

— Так-с! Точно!!! Я как-то это упустил… — Схватив какую-то папку, пролистывает ее, что-то находит, читает нужные показания, и, что-то записав, констатирует:

— Этак мы всю систему «МАВОЛ Групп Россия» будем знать лучше самого Волошина!

Ванин добавляет:

— А я так уверен, что она все «свое»[92] уголовное дело знает лучше нас с тобой!..

В очередное ее присутствие любимая ее фраза о предвкушаемом ею «блюде» на готовящемся суде — Дмитрии Ческисе вновь прозвучала. Рядовский, словно ожидая подобного, вздыхает и говорит:

— Ничего с ним сейчас не можем сделать, Ваш, Надежда Юрьевна, замечательный Ческис «окопался» в «Норильском никеле», чью службу безопасности нам пока не преодолеть.

— У него что, неприкасаемость?

— Типа того…

— И что делать?

— Лишить этой неприкасаемости, только вот сделать это можно только изнутри…

Немного подумав, Хлебникова задумчиво произнесла:

— А что же вы сразу не сказали… Сейчас… — Покопавшись в своей сумочке, вынула записную книжку: — У меня там Дима… после Потанина и Прохорова — третий номер…. «родственник», видите ли, некоторым образом… — У Ванина встали дыбом коротко стриженные волосы, у Рядовского зачесались глаза, причем сразу оба…

— Могу ему прямо из кабинета набрать… — Немного придя в

себя, еще не веря, что так может быть, Игорь постарался сказать хоть что-то, понимая, что ничего не поможет — звонок все равно будет прямо сейчас:

— Надь, ну ты как-нибудь аккуратно, осторожно, подготовь его…

Как раз на этом слове на том конце трубку взяли сразу, оба следователя прильнули к единственной оставшейся свободной трубке параллельного телефона:

— Дим, привет!

— Наденька, привет! Как дела? Как дети? У тебя ничего не случилось? (Дмитрий знал о горе, постигшем ее).

— Нет, Дим. Это у тебя случилось: убийца Тимура у вас работает. И я не уверена, что следующим не будешь ты, или «Жираф» (Прохоров)… — В трубке послышалось нервное сопение и покашливание. Вечером уже состоялась встреча с «родственником» в отеле «Славянская».

Во время разговора Игорь — закрыл глаза ладонью… Ванин — вцепился руками в противоположный край стола, и лежа на нем, содрогался от хохота, даже не вытирая слез…

Надя, недолго думая, схватила несколько необходимых десятков страниц из уголовного дела. После их прочтения у Дмитрия сложилось двоякое впечатление о Ческисе, он не «сдал» его прямо сейчас, но дал команду, понимая возможность обоснованного ареста, службе безопасности прикрывать Ческиса с оглядкой — большой бизнес никогда не бывает без крупного криминала, поэтому многое в действиях Ческиса было понятным. Ческиса обязали дать показания, именно таким образом они и появились в материалах дела в виде допроса последнего.

Через три года Дмитрий рассказал о том, что за неделю до начала суда, в конце 2004, Ческис взял на год отпуск, улетев в Штаты, естественно неспроста, успев сделать это за несколько дней до предполагаемого ареста. Вернулся он в сентябре 2005, сразу после окончания суда (суд кончился в августе), не только числясь в штате «Норильского никеля», но и выполняя часть прежней нагрузки по работе, и, в общем-то, неплохо себя чувствуя.

Через несколько месяцев Дмитрий Семенович Ческис упокоился в своей квартире в Химках от сердечного приступа в возрасте 52 лет…

Здесь я решил привести допроса Д.С. Ческиса из материалов уголовного дела, в свое время Надежда Юрьевна между строк, по просьбе Трушкина, вставляла свои замечания, порой немного не сдержанные, им можно доверять, а можно просто не обращать внимания, воспринимая, как реакцию ненавидящего его человека:

«Допрос Ческиса Д.С. 24 марта 2003 г.

(Проводил Васильев, присутствовал Трушкин)

— В 90 уволился из КБ Микояна (начальником группы моделирования и программирования средств наземного контроля). Перешел в фирму кабельного телевидения директором

— спустя какое-то время при встрече Головин и Степанов Андрей предложили работу в «Дженерал Технолоджис». Их знал по работе в КБ Микояна. Генеральным директором был Юрий Головин. Предложили стать финансовым директором. ***(А с какой стати, интересно?! Ведь экономического или финансового образования не было?!)***

— в «МАРВОЛ Групп Россия» возникли финансовые проблемы (директором был Шамба Сергей). И мне предложили провести аудиторскую проверку. Почему поручили мне — сказать не могу. ***(А я могу!!! Хотели убрать лояльного Шамбу, показать Волошину бардак в финансах, и поставить своего, Галушко. И на аудит привели технаря, но своего! Волошин — осел!)***

— После проверки ген. директором назначили Галушко, а финдиректором — меня. Работая там, я познакомился с Хлебниковым. Отношений с ним не поддерживал. Как проводилось финансирование проекта «Русджет» я не знаю. ***(ВРАНЬЕ!!! как ФИНАНСОВЫЙ директор МАРВОЛа мог не знать о финансировании ключевого проекта?! Все он знал. И его это не устраивало!)***

— моим заданием было создание «МВ БАНКА», туристической компании «КОНКОРД ТРЕВЭЛ», «РОССТЕКЛА», фабрики в комплексе Нижнетагильского горно-обогатительного комбината. Задания давал Волошин

— учредителями «МВ БАНКА» были «Марвол Групп Россия», «Петрокоммерц банк» и частные лица

— о гибели Хлебникова я узнал, позвонив в офис (я только прилетел из командировки в ЮАР). На место Хлебников был назначен Головин

— в скором времени с Волошиным возник конфликт: оборудование, которое «РУСДЖЕТ» поставлял в ЮАР (двигатели) и СиВ (Соколовский и Волошин — ракеты) по истечении срока испытаний должно было быть возвращено в Россию, но как выяснилось, Волошин его продал в ЮАР. Мы начали обращаться в различные инстанции. В Военной прокуратуре было возбуждено уголовное дело. Потом его закрыли. ***(Врет. В Военной прокуратуре уголовное дело было возбуждено в 1993 году, когда Тимура не было, полковник Николаевский занимался отправкой, а в самолете вдруг оказались ракеты из СиВ,***

которые Ческис туда и подсунул по договоренности с Волошиным! А расхлебывал Тимур — так как поставка шла от «Русджета». Дело закрыли в ноябре 1993 года — Черномырдин заступился. А по инстанциям они начали бегать, когда Волошин им бабки не заплатил. А не заплатил, потому что проект заглох! Они даже ко мне обращались, чтобы я встретилась с корреспондентом «КОММЕРСАНТА» — звонил корреспондент, просил о встрече, конечно, публикация была проплачены марволятами. Но я сказала корреспонденту, что они сами — воры и бандиты. И чтобы он им это передал. Мой телефон корреспонденту дал Ческис сам. Статья вышла.)

— В офис пришла бумага, что я, Головин и Галушко уволены. Мы отказались выполнять это распоряжение, обратились в суд, решение было не в нашу пользу, и пришлось уйти. ***(Прямо жертвы!!!)*** И мы организовали ООО «Окамет»

— «МВ Банк» разорился. Чем он занимался я сказать не могу, так как занимался в основном производством. ***(Ческис — зам председателя совета директоров (Галушко его просунул). Каким производством?! Производство шло при «Русджете» на заводе Климова. И только! Зампред правления банка не знает, чем занимался банк?! Вранье!!!)***

Вопрос: за время работы в «Марвол Групп» и других фирмах, связанных с проектом по двигателям, возникали ли какие-либо проблемы с представителями преступных группировок?

— Я не помню когда, но в какой-то период в офис «Марвол групп» в Октябрьском переулке приходило несколько человек. Точно не помню — сколько. Им было сказано, что все вопросы решает Волошин.

Больше эти люди не появлялись.

(То есть на Волошина стрелки переводит, мразь! Был один эпизод. Нашей безопасностью занимался Николаевский. Врет!!! Николаевский был замом Тимура по безопасности. К остальным фирмочкам он касательства не имел! Личная охрана была только у Волошина — два человека. Их имен я не знаю. Беззубикова не знает как зовут?! Семена?!)

Вопрос: Вам частично зачитаны показания Семена Дмитриева от 30 августа 2002 года. Из них следует, что в 1993 году после финансовых проблем, связанных с переводом и хищением денежных средств, с Вашим участием состоялась встреча в «Марвол Групп» с представителями «ореховской» преступной группировки, в частности, с авторитетом «Сильвестром». Что Вы можете пояснить по этому поводу?

— Названную фамилию я не помню. Но могу знать этого человека в лицо. Извините, я вспомнил фамилию Дмитриева. Он

и Беззубиков были у Волошина помощниками. ***(То есть охранниками не они были?)*** Совсем запутался. С ним (Дмитриевым) у меня не складывались отношения. Он мог пропустить работу, был недисциплинированным. Или я, или Галушко ставили вопрос о его увольнении. Совсем ничего не помнит, бедолага…

— Зам гендиректора «МАРВОЛ Групп» Лыков перечислил деньги за металл, который мы не получили. Кто-то выезжал по месту нахождения фирмы, которой перечислили деньги. По указанному адресу ее не было. Вообще Волошин нам запрещал заниматься коммерцией, пока шла работа по «Русджету». В какое время была проблема с металлом, не помню. ***(Совсем амнезия! После «Русджета» они уже с Волошиным были враги. Это раз. Врет опять! А насчет коммерции — Волошин визжал как ошпаренный — так его «послушались». Валит все на Волошина!!!)***

— Что касается моей встречи с представителями «ореховской» преступной группировки — это бред и фантазия. Не могу объяснить, почему Дмитриев дал такие показания. С Хлебниковым у меня конфликта не было. Я с ним практически не общался. Пару раз по делу. Личных контактов с ним у меня не было.

— Я вспомнил — ***(да ладно?! Неужели?!)*** Беззубиков в настоящее время работает в «Окамет», как и Лыков. ***(Вот жарит! То не помнит двух охранников, то сразу все решил дополнить…. Сказочник…)***

Вопрос: Вам частично оглашены показания Зинченко от 2 октября 2002 года, из которых следует, что Вы и Галушко взяли под контроль дочерние компании «МАРВОЛ Групп», кроме «Русджета». На этой почве у вас с Хлебниковым был конфликт. Хлебников просил у Зинченко защиты. ***(О как!!! Этого я не знала! Представляешь?! Сколько же труда мне и нервов стоило уговорить этих «коммерсантов великих и генералов в отставке» дотащить свои жопы до прокуратуры!!! Только когда они поняли, что пошли аресты, осмелели! Гады все. 7 лет молчали!)*** После гибели Хлебникова Волошин Вас отстранил от работы. Вы согласились уйти, но только после выплаты определенной суммы. А в дальнейшем отказались. Затем у Вас с Волошиным сложилась конфликтная ситуация. ***(Вопрос поставлен не корректно: Марк отстранил их не после гибели Тимура. К сожалению, хотя мог бы! А когда они оборзели, почувствовали, что за ними стоят крутые парни с ПМами, и просто внаглую стали растаскивать все! А сдал бы Марк их сразу — кучу денег бы сэкономил собственных!)***

— Хочу еще раз сказать, что с Хлебниковым у меня конфликтов не было. В мои обязанности не входил финансовый контроль фирм. ***(Да что ж это за финдиректор?! Аудит проводит, а финансовый контроль не осуществляет?!)*** Был конфликт с Зинченко. Он был связан с общей конфликтной ситуацией, возникшей в связи с деятельностью «МАРВОЛ Групп». Когда мы пытались вернуть оборудование из ЮАР. Насколько я помню, конфликт был обострен тем, что они пытались вывезти из страны что-то еще. ***(Да ему орден надо, а не срок, давать было!!!)***

Вопрос: Вам частично оглашены показания Волошина от 26 февраля 2003 г. Из них следует, что в результате проведенной Вами и Вашей женой аудиторской проверки Вы получили контроль и всю информацию о деятельности подконтрольных предприятий, что были сфальсифицированы протоколы общих собраний акционеров СП «Дженерал Технолоджис». Что Вы можете пояснить по данным показаниям?

— По аудиту: я лично проводил только одну проверку, и только в «МАРВОЛ Групп». Позже была проведена вторая проверка по просьбе Волошина, чтобы получить кредит. Проверку проводила Чугунова Елена Юрьевна, на тот момент она не являлась моей женой, и еще одна женщина, фамилию не помню. Результаты были предоставлены в «Дойче Банк». По поводу незаконного отторжения «МВ Банка» ничего сказать не могу. Адвоката по фамилии Рыжков я не знаю.

Вопрос: Вам частично оглашены показания Ефимовой Л. от 21 июля 1995 г., о том, что в конце 1993 года Вы приходили в офис «Конкорд Трэвэл» с двумя людьми, и заявили, что фирма «Конкорд» должна ежемесячно платить этим людям 15 % от прибыли. Что Вы можете пояснить по этому поводу? ***(Обрати внимание, что вот девочки не испугались, Любочку Ефимову я прекрасно знала, и я ее уговорила дать показания на Ческиса в 1995 году! Пока мужики тряслись под диванами! Спасибо ей!)***

— В то время я занимался организацией охранной структуры, которая бы обеспечивала безопасность всех предприятий, входивших в «МАРВОЛ Групп». В связи с чем мною проводился анализ охранных структур, стоимость их услуг. Поэтому представители фирм бывали у нас в офисе. Поскольку создание такой структуры было очень дорого, нам пришлось отказаться. По поводу «наезда» на «Конкорд» я этого не говорил. ***(Или я тупая, или следователь! Его спрашивают об одном — он несет другое! И врет, опять врет — даже речи не было про организацию охранной структуры. Сам ведь врал выше — что Николаевский «их охранял» типа… Забыл? Хотя правду сказал, что ИМЕННО***

ОН ЗАНИМАЛСЯ привлечением не охранных, правда, а бандитских структур!)

Вопрос: Вам оглашены частично показания Новиковой И. от 21 июля 1995 г. Это директор питерского филиала «Конкорд Трэвэл». ***(Я ее упросила — она прилетела в Москву и в один день с Любой Ефимовой дала показания!)*** Из ее показаний следует, что в связи с угоном ее автомашины она обратилась к вам, и от Вас к ней приехали двое молодых людей, которые оставили свои московские телефоны. Что Вы можете пояснить по этому поводу?

— Такого случая я не помню. Новикову знаю. Насколько я помню, она была гендиректором «Конкорд Трэвэл» в Санкт-Петербурге.

Вопрос: Знаком ли Вам Гусятинский Григорий Евгеньевич?

— Человека с такой фамилией я не знаю.

Вопрос: знакомы ли Вам Олег и Андрей Александровичи Пылевы?

— Людей с такими фамилиями я не знаю.

Вопрос: знаком ли Вам Махалин Сергей Анатольевич?

— Махалина я знаю как сотрудника охранной фирмы «Держава плюс». Меня с ним познакомил кто-то из сотрудников. Не помню, кто именно. Это было незадолго до моего ухода из «МАРВОЛ Групп». ***(Ну сколько врать ему давали?!)*** Он приходил в офис в Октябрьском переулке и предлагал услуги по охране. Представлялся зам директора ЧОПа. В тот момент эти услуги нужны не были. Мы уже уходили. И внизу, на первом этаже, уже была охрана. Когда мы («Окамет») переехали на ул. Клары Цеткин, с ним был заключен договор. Кто именно заключал договор, я не помню. Наверное, гендиректор, Галушко. Совместная деятельность продолжалась около 2,5 лет. Дальнейшая судьба Махалина мне стала известна из средств массовой информации.

Вопрос: знаком ли Вам Пономарев Вячеслав Николаевич?

— Человека с такой фамилией я не знаю.

Вопрос: знаком ли Вам Кондратьев Алексей Юрьевич?

— Человека с такой фамилией я не знаю.

Вопрос: знаком ли Вам Тыщенко Владислав Владимирович?

— С Тыщенко меня знакомил Волошин в офисе на Октябрьском пер. Точно где произошло знакомство я не помню, но точно познакомил Волошин. С Тыщенко была совместная деятельность в «ОКАМЕТ». В 1997–1998 гг. через него и его фирму мы стали получать финансирование, но у нас ничего не получилось. Фирма Тыщенко вошла в состав учредителей «ОКАМЕТ». Он предложил взять кредит в банке «Капитал

экспресс». Так я мог поступить и сам, и от его предложения отказался.

Вопрос: были ли вы на даче во Владимирской области Петушковского района, и если «да», то в качестве кого?

— Нет, на такой даче я никогда не был. ***(СУКА!!! опять врет!)***»

Я не зря привел именно эти показания, не оставляя их на самый конец книги, хотя и включу эти страницы в приложение. Показания А.А. Саркисова довольно разняться и просто требуют этого сравнения. Если Александр Александрович говорит точно, кратко, информативно, не сбивчиво, то Ческис, словно боится за каждое слово, делает ошибки, сам перестает понимать, где ложь, а где правда. Здесь представлены две крайности: с одной стороны благородство и бесстрашие, с другой подлость и животный страх…

Прямая к финишу

«Когда ты находишь себя, ты теряешь зависимость от чьих бы то ни было мнений!»

(Древняя мудрость)

Незадолго до этой встречи, по всей видимости, находящиеся в заключении, уже ничего не в состоянии сделать Пылевы, предпринимают одну из попыток запугать Хлебникову. Однажды ночью, сработавшая сигнализация ее автомобиля, буквально разрывалась от собственного «крика», умоляя выйти хозяйку на улицу. Надежда крепилась, но оставалась дома, и слава Богу!

Выйдя уже с утра, она обнаружила свою машину с побитыми стеклами, фарами, поворотниками, царапинами и вмятинами на боках и крыше, колеса были пробиты в нескольких местах. Можно предположить, что это обычная уловка налетчиков, направленная на выманивание собственника, ради преследования дальнейших целей.

В нашем случае кажется очевидным, что конечная цель может выглядеть, как выбивание главного свидетеля по уголовному делу убийства Тимура Хлебникова, а также расследования деятельности «МАРВОЛ», которым заинтересовались соответствующие органы, из обоймы. Кстати, сегодня на деятельность тогдашнего главы этого холдинга правоохранительные органы обратили вновь внимание, возможно, в связи с его новой активностью, вызывающей вопросы…

Почему я уверен в возможном покушении, начало которого выглядело как угон автомобиля? В салоне было что взять, но все осталось нетронутым. Борьба за место парковки отпадает сразу — на это место боялись ставить свои машины, оно до сих пор считается несчастливым (два убийства), к тому же в восточной трубе, куда утыкается капот припаркованного автомобиля, всегда живые цветы…

Все эти годы дети не просто существовали сами по себе. Будучи постоянно очевидцами происходящего дома, они научились быстро делать выводы, зачем мама что-то делает, кто пришел, как себя вести. Понятия безопасности и осторожного поведении впитывались с первого дня появления проблем, еще при жизни Тимура. На Екатерину и Георгия свалились постоянные разговоры про убийства, о бандитах, Ческисе и

компании, они больше, чем любой из их сверстников, понимали сложность жизни, и чаще испытывали опасения. Именно так — их постоянно преследовало какое-то животное опасение за мать и ее психическое состояние, причем при полном непонимании причин, поскольку никто ничего им не объяснял.

Вряд ли взрослый человек может себе представить, что испытывает ребенок, выходя и входя в подъезд, у которого убили папу. Со временем все забывается, особенно в детском возрасте, но первое время не вспоминать об этом невозможно. Только Богу известно, какие изменения претерпевает детская психика от такого ежедневного напряжения, причем в одно и то же время, какой след оставили эти мысли, появляющиеся при виде цветов, под давлением взглядов соседей, при слезах, стоящих в постепенно пустеющих глазах матери, полных печали и переживаний!

Главная, почти никогда не умолкающая, тема — расследование смерти родителя. Фамилии Ческис, Волошин, Галушко и другие, запомнились как колыбельная и таблица умножения — своей одержимость Надежда не давала затянуться стареющей ране на сердцах своих чад, страстно нанося рядом следующие…

Дни рождения, праздники, юбилеи насильно для Кати и Георгия начинались с поездки на кладбище на могилу к отцу — так сложилось. По-другому видеть эту жизнь Надежда не могла, по-другому не получалось и у ее детей.

На майские праздники в 2004 году мать смогла вывезти детей в Париж, чтобы хоть как-то отвлечь от подобного невеселого бытия. Важность для детей этого события сможет оценить только человек, долго добивавшийся цели и наконец, достигнув ее, показывающий результаты окружающему миру. Естественно она хотела показать детям те места, где ступала нога отца, где прошли одни из самых счастливых мгновений и ее жизни.

В первый вечер поездки мать озвучивала программу на завтра:

— Завтра пойдем на мост Александра Третьего, потом — на могилу Наполеона… — Георгий сморщившись, не стерпел, предполагая другое:

— Мам, ты замучила уже по кладбищам в Москве таскать!.. — Взрослые часто ориентируются на свои интересы, полагая, что мыслимое ими полезнее, что цели должны соответствовать желаниям других, и уж точно: кто как не мать знает, что нужно ее чаду. Но что же было делать Наде, в сердце которой до сих пор существовал живой Тимурище, подчас занимающий даже

уголочки, предназначавшиеся дочери и сыну.

Она не могла поделиться с ними болью, они же были не способны разделить её жажду мести, уверенная, что такое отношение нормально, постепенно, не замечая, создала подобие культа, во многом даже не соответствующее настоящему Тимуру. Не то чтобы вдова забыла, каким он был, или приняла желаемое за действительное, совсем нет, страдающий страстью человек, испытывающий это чувство и после смерти предмета своего обожания, не перестает видеть только хорошее, вспоминая только приятное, оставляя в забвение ранящее.

О нехорошем и не вспоминалось, не говорилось, а значит, замалчивалось, создавая обманчивый образ совершенно идеального человека. Если бы дети задумывались глубже, то наверняка иногда натыкались на возникающие противоречия принимаемых отцом решений, но разве это интересно, или может ли подобное интересовать любящее потомство?! Да и потом: то, что касается отношений между двумя, не относится к сфере интересов остальных. Если жена способна простить измену мужа, то какая разница, что об этом думает другая масса людей! Кто не без греха?!

Если она оказалась не способной простить сделанный выбор, приведший к смерти, но при этом продолжает любить, может ли это быть осуждаемо кем-то?!

Да, Тимур Хлебников был человеком со сложным характером, способным на супружескую измену; принимал решения, противоречащие семейному благополучию, его эгоизм мог возвышаться и над чувствами, и над интересами жены и детей; рабочие моменты его деятельности, увлекшие его сознание и разум, могли опережать раздумья о настоящем и будущем самых близких и жизненно нуждающихся в нем людей, но это и был он — человек, которого любила Надежда: настоящим, не идеальным, не всегда только ее, но по своему любящий, даже больной ей, пусть не каждый раз справедливый с ней, такой, каким он впервые овладел ею, такой, какой был ей нужен и составлял настолько огромную часть ее жизни, что уйдя, оставил только тонкостенный сосуд, опустевший, остывший, еле живой.

Могу сказать, что он был честен по отношению ко всему остальному миру, в его слове никто не сомневался, на его помощь рассчитывали и не ошибались, а друзья, кажется, не разочаровывались. Большинство мужчин скажут: так и должно быть; большинство женщин встрянут в спор, и обе стороны будут по своему правы… Господь знает каждого — каждого и судить будет!..

Такой она подходила к суду, такой чувствовала саму себя,

несмотря на это живя для детей, кажется, даже не замечая и не осознавая последнего, следуя животным материнским безусловным инстинктам, часто ведущим прямее и надежнее, старающегося изо всех, сил родителя…

И снова я хочу, чтобы читатель увидел… не прочитал, а именно увидел мысли вдовы, какими она сама их помнит. Она пишет, будто показывает их только одному, самому любимому и родному человеку — своему мужу, с уверенностью — он узнает:

«Я знаю, что жизнь — короткая дорога. Но эта короткая дорога может быть широкой или узкой! Это зависит только от меня.

Ревность…. Может быть, грех. Неуверенность в себе. Недоверие… Все что угодно. Я — о себе сейчас. Я ревновала мужа к столбу, мимо которого он проходил, при этом пытаясь не замечать действительные причины для ревности. Даже к Эйфелевой башне, которой он восторгался, я ревновала. К Норе — его маме, потому что это единственная неповторимая женщина в его жизни, как он говорил. Ревновала к чашке, из которой он пил кофе каждое утро. И когда он пил кофе — он балдел от этой чашки. Однажды Тимур сказал мне: «Женщина у мужчины не может быть единственной! Но она может стать ЛУЧШЕЙ». Я знаю, что я была лучшей! Но мне хотелось стать и единственной… Была ли я единственной? Не уверена. Не знаю… Знаю! Но это только мое дело!..

Не искала никогда компромата — боялась: а вдруг найду?! И что тогда? Устроить скандал? Итог? Если он узнает, что я знаю, и не ушла при этом… Значит, я приняла факт измены?.. Я не могу себе признаться в этом!.. Я до сих пор ревную его… мертвого уже 21 год… даже к дереву, которое растет над его могилкой.

Любовь для меня — это бог. Это основа существования. Это главный двигатель… воздух… вселенная. Вот я родила двоих детей. И когда мне их только давали в руки — я еще их не любила. Но я их уже жалела. Маленькое, безгранично родное существо, «мое сердце», не умеющее сосать молочко, не умеющее его переваривать, боящееся всего… И я это незащищенное существо жалела. Такая, нет, не жалость… ЖАЛЕНИЕ — это старт любви.

Тимур был старше меня, сильнее. Но я его жалела! Жалела за то, что он меня ревновал. За то, насколько он был зависим от моей нежности, моего тепла…»

Любить — это жертвовать, жалеть, прощать. И это готовность отдать все! И жизнь… Если бы мне было дано право отдать свою жизнь вместо него — я не думала бы ни мгновения. Это было бы счастьем! К его ногам я положила всю свою жизнь. Я растила его

детей. Я все праздники встречаю на его могилке. Я свой кусок мяса отдавала его собаке. Моя боль без него — это мой эгоизм. Мне без него плохо и больно. Ему ТАМ лучше. А мне ТУТ плохо! Но пока я ТУТ, тянусь к нему каждый свой земной день, отмеренный мне. Каждый мой шаг выверен его оценкой. Ему ТАМ все равно на его врагов. Но я ТУТ, и поэтому этим мразям обязана доказать: пока я ТУТ, он даже мертвый сильнее их…». Можно соглашаться не со всем, но она и не настаивает…

* * *

Как может реагировать женщина, потерявшая мужа, несколько лет рискующая жизнью и здоровьем ради пресловутой справедливости или мести, на слова мужчин, пытающихся настроить ее на милосердие, так нужный им козырь на предстоящем процессе? Как вообще можно заговаривать на такие темы, пытаться убеждать в неравноценности наносимого зла, разности вины преступников, их человечности с потерпевшей стороной? Как может быть, что убивающий себе подобного может оказаться если не хорошим человеком, то человеком, которого можно понять? Что здесь понимать?!

Оказывается, есть что! Возможно, если бы эти слова Надя услышала не от тех, кто призван бороться с нелюдями, то не расслышала бы и буквы. Возможно… но не это главное, а то, что задеваемые их увещеваниями струны души, звучали и раньше такими нотками совершенно самостоятельно в ее собственном разуме. Она и сама хотела убить, уничтожая гроздьями, семьями, не желая замечать, что это на самом деле такое же, а может и худшее зло. Хотела, но, по отношению к некоторым из преступников, преодолела в себе это желание, точнее жажду, а одолев, увидела все в ином свете, хотя спектр которого еще не различила.

Именно сейчас и было время, которое подгадали следователи, казалось бы, не имеющие права быть милосердными. Может быть, дело в простом расчете, что и понятно, но прислушайся, читатель, надеюсь, ты осознаешь: бывает генератор зла, а бывает только его проводник! Все люди имеют непосредственное отношение ко злу. Все! Нет других! Случилось это еще с первым человеком — Адамом, потом каждый последующий потомок становился хуже предыдущего, именно поэтому люди стали жить меньше праотцев, набирая меру своего, отведенную им Богом, гораздо быстрее, пока не пришли к удивительному минимуму.

У каждого из нас есть своя, исключительно индивидуальная мера и добра, и зла, которую нам суждено скопить, с чем и предстанет каждый на Страшном Суде.

Не думайте, что не можете быть и генератором, и проводником и того, и другого одновременно. В основе каждого из нас ярость, которую сдерживает разум. Именно ярость и есть тот источник энергии, который каждый из нас может направить либо против зла, либо против доброго начала, причем и того и другого, в нас самих.

Потому и говорю я всегда: люди, не ваша заслуга, что вы не с нами, но наша вина, в содеянном нами.

И все же людей можно разделить на тех, кто способен генерировать зло по генетической предрасположенности и приобретенному к нему стремлению, благодаря соответствующему воспитанию, заставляя следовать других выбранному ими пути, ради достижения личных целей, и тех, кто лишь способен быть проводниками этого зла, причем чаще всего не по своей воле, а по стечению обстоятельств…

Именно на эту тему незадолго до суда Рядовский и Ванин, как с испуганным ребенком, потихоньку заговаривали с Надеждой. Они на примерах, рассказах о фигурантах дела, подозреваемых и обвиняемых, которых за время расследования и допросов, смогли узнать лично, понять причины их попадания в бригады, мотивы совершения ими преступлений, доказывали существование разницы или, как минимум градации, если хотите «хороших» преступников и «плохих»:

— …и тоже люди… и сделали ошибку… и некоторые раскаялись… и если бы не показания того же Кондратьева, убийство твоего мужа не было бы расследовано до сих пор, а затянулось бы на неизвестно сколько лет… Поэтому твоя, Надежда Юрьевна, задача, не крушить всех, а нацелиться на Пылева… — он тебя уже боится… — Конечно, последняя фраза так и осталась ей не понята до самого суда, возможно и после она никак не могла понять, как это, человек уверенный в правоте своих поступков, пусть и приведших к убийству, не раскаявшийся, желающий только зла, может бояться ее. Как это?! С чего бы вдруг?!..

Аргументация же Ванина, как всегда била наповал, но именно поэтому, подымаясь после такого удара, человек понимал: да, ты прав! Виталий Викторович долго молчал, потом «высказался»:

— Короче. По мне… так их всех на хрен… всех подонков к одной стенке поставить. А еще лучше — собрать в одной камере на сутки… всех — и пусть сами друг друга перебьют. Но ради

более страшного врага — Пылевых, Буторина — мы обязаны дать шанс мелкоте, что под ними ходила. Нам так надо! Ты поняла?! Не подведи! А чего Пылев тебя боится? — … Тут послышался коварный смешок, заранее приготовленной шутки, ну очень похожей на правду, потому что именно этого и хотела сама вдова:

— А я ему сказал, что тебя к нему в камеру запущу…

В переубеждении не отставал и Александр Иванович Трушкин. Его подход отличался, прежде всего, ненавязчивостью и минимализмом. При каждой встрече он произносил всего несколько фраз, примерно таких:

— Да это несчастные ребята, ладно деньги бы получали нормальные. Понятно бы было… Ни квартир, ни машин дорогих… У Пустовалова единственный свитер, в котором его и забрали… — Или:

— Они убивали, просто чтобы не убили их самих. Не правы — я не спорю. Но судьбу тех, кому Пылевы или Буторин выносили приговоры, это не изменило бы. Они могли десяток положить на даче у себя — и одиннадцатый бы все равно пошел… — Или:

— Я вот с ними разговариваю — нормальные ребята. Попали в переплет — сами не заметили как…

Тут я не могу не прибегнуть к строкам «Черного дневника», поскольку слова, написанные мною, могут показаться чем-то надуманными:

«Я их слушала. И не спорила. Но уже в тот период внутри меня что-то сопротивлялось, чтобы «всех к одной стенке». А если всех в одну камеру — мечта: а меня тоже можно?!.. Еще из общения с ними я вынесла для себя одну истину — насколько же самка злее, подлее, изворотливей, опасней любого — ЛЮБОГО! — самца…

И то ли я сама начала думать так же, то ли они обладали даром убеждения… Но злобы и ненависти к «пехоте» к началу суда во мне уже не было. Абстрактно я готова была их всех понять, тем более, если бы меня поставили перед таким выбором… — разве я сама остановилась бы, если бы на чаше весов была жизнь Тимура против жизни какого-то незнакомого и малоинтересного мне человека?! Я бы даже ни секунды не думала. Я просто не успела бы!..»

* * *

Почти никто не поддерживал Хлебникову даже тогда, когда стало очевидным — суду быть! Родственники, удивленные ее напору и целеустремленности, считали, что энергия, время,

усилия тратятся впустую. Чем ближе наступало время суда, тем большие растраты приходилось допускать. Пришлось продать дачу…

Наверное, не хватит воображения, чтобы попытаться представить, что она не сделала для достижения поставленной цели. Не раз эта женщина сидела, по ее словам, в засаде с операми, то около офисов, то рядом с чьим-нибудь домом, были случаи, когда приходилось притворяться целующимися на свидании влюбленными, гулять с собаками, изображая собачников, записывать десятками разговоры, даже воровать документацию из офисов…

Перед самым судом, в самом разгаре подготовки к нему, Надю стал навещать преданный и всегда готовый помочь Иван Иванович Смольников. Бесспорно, для всех преступников он «мент»! Как говорится: и по характеру, и по образу жизни так и есть, но таких ментов и шпана уважает.

Его поддержка всегда была своевременна, составляла свой сектор ответственности в создаваемой обороне. Надо отдать должное всем представителям закона, общавшимся с Хлебниковой по долгу службы. Видя ее тяжелейшее состояние, понимая расшатанность нервной систем, маниакальную увлеченность ненавистью по отношению к Ческису и Пылеву Олегу, нашпигованные иногда появляющейся вдруг неуверенностью в уже почти состоявшемся возмездии, эти люди прикладывали огромные усилия в укреплении доверия к следствию, к самой себе, к своим силам…

Слова Смольникова звучали в унисон остальным:

— Надежда Юрьевна, если есть вопросы, проблемы, Вы говорите!

Приезжая, подолгу разговаривая с ней, он постоянно напоминал, как долго она шла к этому дню, а дойдя, дождавшись, добившись, обязана понять, что это уже победа! Ненавязчиво, исходя из своего опыта, наставляя, как себя следует вести на суде, он видел, что может быть по-другому. Это понимание не зароняло сомнений в успехе — зная вдову, опер осознавал: может она и потеряет сознание, испугается чего-то, может быть даже просто умрет со страха, но произойдет это уже после финиша, до которого вдова допрет по инерции.

Под конец Иван Иванович проговаривал скороговоркой, как бы отбивая самые запоминающиеся нотки саундтрека предстоящего просмотра «киноленты», давно всем известной:

— И не бояться их! Это они должны Вас бояться!

Он же ездил с ней на одну из последних встреч перед самим судом к Ванину и Рядовскому, как их коллега и ее товарищ.

Смольников привык не просто жить работой, но переживать и сопереживать пострадавшим людям, ненавидя факты, криминал, лживый, надуманный романтизм преступности, надеваемый многими задержанными. Но по-настоящему вжился он только в одно дело, вжился так, что стал считать частью своей собственной жизни, Надежду принимал за родственницу, перенимая часть ее жажды возмездия на себя. Эти мотивы заставляли звонить ей почти ежедневно с одним и тем же вопросом:

— Ну что там, бляха-муха? Держитесь? Ну осталось совсем немного потерпеть!..

Как мы помним вдова не только по праздникам, памятным дням, но и по появлявшемуся часто желанию посещала могилу мужа. Была она и за четыре дня до назначенного уже первого заседания.

День ничем не выделялся, как и настроение, просто хотелось поделиться, сказать какая она молодец, услышать слова поощрения, хотя бы почувствовать их. Почти никто не разделял ее стремлений и усилий, хотелось, чтобы душа Тимурищи была хотя бы не против.

Присев, как всегда на гранитную скамейку, разложив у портрета незабвенного мужа любимые им при жизни мелочи, всмотрелась ему в глаза, всегда пронизывающие здесь насквозь всю ее сущность. Пробежал холодок, ему вторило тепло, что дало толчок словам:

— Ну вот, видишь? «Не лезь, не лезь…» — Сколько ты раз говорил об этом, даже в последней записочке написал… Ну так и никто не верил, даже наши близкие родственники и друзья. Меня жалели, смотрели как на раненого зверька, но не верили. А ведь получилось!.. Можно тебя попросить? Скажи мне что-нибудь. Приснись. Я давно тебя не слышала уже! Ну чем ты Там так занят? Тимурище, пожалуйста…

После посещения Ваганьковского кладбища прошло всего пара дней, суд приблизился совсем. Что эти оставшиеся дни по сравнению с почти вечностью — десятью годами! Навалившийся сон разбил мучения очередных суток на стенания дневные, разумные и ночные, подсознательные. Он «пришел» (Тимур) во сне. Так описывает Надежда Юрьевна это событие:

«Дергается ручка входной двери дома. Открываю. Стоит в какой-то странной одежде: из небеленого льна шаровары свободные и рубаха-косоворотка.

— Ты поменяла замки?

— Да. Наши ключи, у тебя которые были, следователи мне не вернули. Я поменяла замки. Кушать будешь?

— Нет, я в душ.

— Давай! Я пока позвоню друзьям, они придут… Они будут так рады тебя видеть!

— Не надо. Я ненадолго.

— Ну почему?!

— Принеси полотенца…

Вхожу в ванную. Шум воды. Все запотело, пар — воздух, как туман, Тимур за занавеской. Отодвигаю ее и хочу залезть под воду к нему, как раньше…

— Что ты делаешь?

— Я к тебе…

— Нет. Мне пора.

— Так быстро?

— Мне теперь к тебе очень далеко добираться.

— А ты вообще где? С кем ты там?!

— Ты здесь — без меня. А я там — с тобой!

— Не поняла…

— Подай полотенце!

И вдруг… я вижу его целиком, под водой, без одежды. Но ниже пояса — туман, пар. А грудь видна отчетливо. И на ней… висит его крест на цепочке. Мы покупали одинаковые — Тимуру большой и Георгию, поменьше. И я помню, что я этот крест ему положила с цепочкой в руку, когда он лежал в гробу. У Тимура был бабушкин старинный крест, крестильный. Но когда его бывшая жена вывезла всю квартиру, осознав, что он точно не вернется, прихватила и тот крест. Мы новый осветили, когда Георгия крестили, и Тимур его носил. Я подумала: «Но он же был в гробу в руке! А как он у живого на шее оказался?!».

Мне стало страшно. Я боялась его спросить, откуда у него крест.

— Тимур, у меня скоро суд.

— Да мне это не важно.

— Как это?! А для кого я это все делала?!

— Для себя.

— И больше ты мне ничего не хочешь сказать?

— НЕ САДИСЬ В МАШИНУ…

И он ушел…»…

* * *

Внешне Надежда Юрьевна Хлебникова в утро дня, которому предшествовал совершенно невообразимый и невероятный путь, была невозмутима, казалась спокойной, лишь иногда, глядя на людей, словно ища, какого-то ответа, или, если точнее

выразиться: что-то не расслыша, смотрела с надеждой, что повторят упущенное, хоть и не особенно-то и важное.

Так смотрят люди, находящиеся на грани сумасшествия, но знающие, что способны преодолеть путь до конца без ущерба для дела. Взгляд же этот, скорее, интуитивная попытка найти ту самую поддержку или подтверждение ее правоты, которую не замечали или не хотели замечать прежде. «Да, Надежда-мужественная, ты была права! Теперь нам стыдно, что мы, крепкие, волевые, не бедные, ничего не потерявшие, не стояли с тобой плечом к плечу в одном переднем полку, где обычно все гибнут. Прости нас, смалодушничавших, испугавшихся, не поверивших!».

Ничего такого на пути ей не попадалось, да она и не отдавала себе отчет, думая совсем о другом. Конечно, все эти десять лет можно было кричать: «Кто Господень, ко мне!» — но многие ли откликнутся? И многие ли из откликнувшись в состоянии будут сделать то, что сделали левиты на призыв Моисея? А можно снять свои великокняжеские доспехи и надев боевую защиту рядового воина, встать в первый ряд передового полка, зная, что погибнешь в первых рядах, как это сделал Великий князь русский Дмитрий Иванович Донской, дабы поднять дух русского воинства…

К зданию суда Надю подвозил отец Юрий Борисович Чесноков — великий спортсмен, не раз говоривший, что рожден не ради семьи, не ради потомства, но ради той победы на Олимпийских играх 1964 году, где выступал за сборную СССР в лице капитана сборной команды, считающийся лучшим нападающим столетия в волейболе.

По пути он произнес и эту, излюбленную им фазу, на сей раз, чтобы продолжить так:

— Ты знаешь, что я считаю неправильными твои действия и по сей день, но коль так сложилось, и ты дошла до финишной прямой… я вижу, что тебе это тяжко дается… запомни: этот суд — твои Олимпийские игры, ты рождена для победы на них!.. — Немного подумав, добавил:

— Пропустишь мяч, забудь о нем, главное, о чем нужно будет думать — выиграть следующий! Не думай о падениях, но все время поднимайся! Противник очень быстро забудет о твоих падениях и неудачах, если ты вновь вернешься в борьбу!.. — Эти слова и уверенность, наряду с другими силами, стали тем «засадным полком», который позволит раздавить любое войско, посмевшее противостоять ей…

Может показаться странным, что принципы, применяющиеся в спорте, могут подойти для жизни. Но разве жизнь — это не состязание, причем первоначально с самим собой?!..

Отец привез, и поехал по своим делам, предупредив — забрать, чтобы отвезти обратно, не сможет. Почему Надя не захотела ехать за рулем сама, имея собственную автомашину? Возможно, понимала, что бешеная концентрация в первый день процесса не даст возможности собраться должным образом за рулем. Добавились к причинам и незнакомый маршрут, опасения опоздания, незнания мест парковок. Заседание закончилось, оказав грандиозное впечатление на Хлебникову, несмотря на то, что в первый день было только утверждение состава коллегии присяжных заседателей. Выйдя за ворота суда, вдова остановила первую попавшуюся машину — «Жигули», назвала адрес, и, не задумываясь более ни о чем кроме суда, отдалась поездке. Водитель оказался разговорчивым, и вдове пришлось отвечать с заднего сидения с явной неохотой, все больше начиная жалеть о выборе машины:

— Работаете тут?

— Нет.

— А что тут делали?

— Ну… есть дела.

— Важные? Скучно так просто ехать, может, расскажете?

Женщина начала напрягаться. В голове закрутилась запомнившаяся из сна фраза: «Не садись в машину». Появились опасения, все казалось подозрительным, совсем поплохело, после сказанных водителем, где-то на Садовом кольце, следующих слов:

— Извините, мне нужно на секунду тут заехать. По дороге. Вы не спешите?

— Спешу.

— Ну это на 2 минутки… — И не обращая внимание на ее протест, въехал в арку, намного длиннее машины, наподобие бывающих посередине старых сталинских домов. Узость арки, как назло, или специально припаркованная «ее» дверцей к стене машина, не позволяла Наде выйти сразу. Она не успела об этом подумать, как мужчина вышел, исчезнув во дворе.

Через минуту примеру водителя последовал и пассажир. Заглянув во двор, увидела хозяина автомобиля, будто что-то искавшего, хаотично ходившего взад-вперед, что было совсем не понятно. Заметив ее, он подошел к машине:

— А что Вы вышли?

— Покурить. Знаете, если у Вас дела, я оплачу Вам полдороги и поеду.

— Нет-нет! Садитесь.

— Выезжайте из арки на кольцо. Я там сяду…

Поехали дальше, о чем Надя снова начала желать буквально на первой минуте, поскольку вопросы опять начали сыпаться, как

из рога изобилия:

— Вот я все думаю, у Мосгорсуда Вас посадил. Но ведь там судят не только виноватых. Как считаете?

— Я не в курсе.

— А Вы там как свидетель?

— Типа того. Но я не хочу говорить на эту тему.

— Знаете, как бывает. Один за решеткой, а друзья на воле. Свидетелем быть небезопасно.

— Я поняла.

— А что Вы поняли?

— Что друзья есть у всех.

— Знаете, мне нужно, кстати, своего друга одного по дороге подхватить. Не возражаете? Мы с ним Вас высадим, и дальше поедем… — Сразу вспомнилось или подумалось, что во дворе он не искал что-то, а только вид делал, на деле поговорил с кем-то по телефону, увидев же ее, предпринял первое, что пришло в голову. «Ага! Лопухнулись! Даже договориться не могут!»…

Это предложение точно ложилось в продуманный моментально ею самою план — она сделала бы так же: «Нет! Не так же, у меня не был бы таких оплошностей… Нервничает… дилетант! Но ведь убийцами, если нормальный человек, становятся, а не рождаются… Угу… только мне то чего делать?!»…

Нервы и так на пределе, идеи, мысли, их опровержения, сгущающимся потоком забивали мозг, вместо того, что бы сосредоточиться на одной мысли. Может быть, человек хочет подработать еще, а она шарахается, и во двор он заходил по нужде, не успел до конца и сконфузился? Может быть так, а может и нет — обстановка вокруг нее не простая уже с десяток лет, потому голова кругом, подозрения «пчелиными укусами» отвлекают от основного, фурор близок и от этого адреналин не покидает кровь даже ночью…

От последнего стало ужасно страшно — суд же! Финал! Это для нее финал, а для сидящих на скамье подсудимых только начало, причем начало чего-то неясного, чего они сами точно не хотят, боятся, ненавидят… но больше всего ее! Не ее — нет, а главного обвинителя: «А разве они знают, что я главный, и разве я главный?! Там же еще куча обвинений! Нет… Все знают! Они ж на меня только и смотрели!..»

Интуитивно каждый человек, находясь на самом острие «лезвия» опасной ситуации, единомоментно чувствует самое подходящее мгновение, к нему и выплеск в кровь мощный бывает своевременно, до треска в голове и мышцах, нужен только посыл из головного мозга, для снятия с тормозов, «газ и так в пол»…

Не доезжая совсем немного до Арбата, водитель сбавив скорость, высматривая друга. По виду его макушки сзади и мурашкам, пронесшимся по её телу, Надя поняла — друг на месте! Ей совсем недалеко до дома — через дворы минут десять бегом… Машина почти остановилась, она уже сгруппировалась, как перед стартом, благо мышцы не забыли, что такое нагрузка — опорная нога буквально вгрызлась в пол, натянув мышцы квадрицепса, как струну. Свободная рука аккуратно положила триста рублей на сидение рядом…

Вот и «друг», почему-то, желая сесть рядом с ней, он открывает правую пассажирскую заднюю дверь, занимая всем своим телом образовавшийся промежуток. Несмотря на это, вдова напрягает разгибатель бедра и выстреливает себя, как на самой короткой дистанции. Мужчина, еле успевая отпрянуть, вынужден пропустить «ускользнувшую лань», которая исчезая, через плечо, выкрикнула:

— Большое спасибо! Мне тут близко, я дойду пешком. Деньги на сидении… — При этом не забыв запомнить государственный номер. Придя домой, первое, что она сделала — позвонила Смольникову и все рассказала в подробностях.

— Надежда Юрьевна, вот что тебя на чертей этих несет?!

— Какие черти?! Я машину поймала домой доехать.

— А своя тебе зачем?

— Ну, так вышло… Я дорогу не знала. Теперь буду на своей…

Иван Иванович перезвонил через пару часов:

— Короче. Тачилу мы пробили. Она числится в угоне. Поедешь к Рядовскому — посмотришь фотографии, может, водила там твой…

— Ясно. А на чем ехать?

— Бляха-муха! На метро!

Наверное, никогда более внимательно не рассматривала она эти фотографии, но, несмотря на это, никого не узнала. Допивая кофе, Игорь с Виталием (Рядовский и Ванин), еще раз переспросили, как все происходило. Посыпавшиеся вопросы имели несложные ответы, присущие женщине, типа:

— Но ведь я вышла только, а машина уже мимо проезжала, они же не могли знать заранее?

— Не могли, но ты только в створе двери появилась, и им по рации могли сообщить…

— Почему тогда во дворе… ну в арке осечка?

— А кто сказал, что это осечка, может он двор перепутал, а в другом бы тебя и упаковали…

— Может, хотели просто испугать?

— И ты бы испугалась, если все десять лет до этого перла,

даже не оборачиваясь.

Для нее этот эпизод так и остался загадкой, но главное — «не садись в машину» — ну почему было не сказать, в какую?!..

* * *

Незадолго до суда Рядовский неожиданно заявил, что Надежде просто необходим адвокат:

— Надежда Юрьевна, нам очень хотелось, чтобы вы были с адвокатом.

— А меня что, нужно защищать?

— Не вас, а интересы следствия… — Хлебникова, поискав самостоятельно, пришла к выводу, что это затея не дешевая и обратилась к инициатору этого предложения. Рядовский согласился помочь. Вскоре вдову познакомили с молодым человеком Михаилом Фоминым, сразу объявившим, что его услуги будут не дешевы.

Подумав, что это всего на пару месяцев, Надя вновь согласилась помочь следствию. Собирая выручку, в первую очередь она откладывала сначала на адвоката, потом зарплату работникам, потом остальное, последнее себе. Приходилось брать вновь подработку — ведь кто, если не она.

Честно говоря, я поражаюсь этой женщине: тащить на себе тележку, полную катализаторов для хода следствия в течении десяти лет, доказывать необходимость этого; переть на рожон, даже не задумываясь о своей жизни и судьбе детей — ну это же невозможно! При этом часто слыша слова о нерациональности расследования, особенно сначала, а то и нереальности, всегда находила возможность протолкнуть, заинтересовать, заставить, в конце концов — я писал, с кем ей пришлось встречаться, чтобы расследование не «закопали», как большинство тогда ведущихся.

Конечно, неправильно было бы говорить, что такому положению дел не было действительных причин — их существовало масса, и Надина заслуга лишь капля в море! Конечно, следователи и опера работали не покладая рук, выбиваясь из сил, хотя часто и ради своего кармана (здесь не о перечисленных в книге персонах). Но однозначно — вдова сыграла достаточную роль в раскрытии, доведения до суда именно «своего дела». Скажу даже больше: не будь ее, не было бы первых показаний на меня — именно благодаря ее стараниям Семен Дмитриев дал первые показания в 2002 году, назвав мою фамилию, хотя еще не сведенную с «Лешей Солдатом» воедино.

Нельзя думать, что только благодаря ей свершился этот суд,

ведь смерть ее мужа была лишь небольшой частью рассматриваемых преступлений — более пятнадцати убийств только на этом первом суде, что стало результатом работы следственной группы…

Другой суд — второй суд автора, 2008 год. Слева направо: Олег Пылев (к этому суду он уже имел пожизненный приговор), Павел Макаров, Сергей Елизаров, автор

Оказалось, что Фомин не просто адвокат, очень быстро стало понятным, почему Рядовский настоял именно на нем. Михаил досконально знал дело, даже лучше и подробнее, чем Пылев и его защитники. Благодаря феноменальной памяти на имена, даты, эпизоды, события он ориентировался быстрее всех присутствующих в зале суда, включая судью и обвинителя. Надин «защитник» посещал все без исключения заседания суда по этому делу, направлял и наставлял подзащитную, хотя она часто поступала по своему, и не ошибалась. Их столик находился сразу за спинами обвинителя Ковалихиной (она же была обвинителем и на моем первом суде, на что Трушкин сказали, помнится: «Это не очень хорошо» — только потом я понял почему…). Позже по ее требованию Нади и Михаила пересадили в другое место, совсем неудобное, подверженное влиянию подсудимых, так как стол теперь располагался в трех метрах от «клетки» с Пылевым, Махалиным, Гусевым, Пономаревым — именно они представляли

главную цель для Хлебниковой.

После каждого заседания Фомин ездил к Рядовскому с Ваниным с докладом со своим модным диктофончиком, являясь связующим звеном между следователями, сделавшими суд возможным, а срока реальными, потратив годы, и теми непосредственным участниками, которые могли эту работу угробить! Именно так!

С ним вдова чувствовала себя намного увереннее, а значит, он действительно был полезен…

Показательным в сотрудничестве тандема следственной группы с Надеждой Юрьевной стал следующий случай. Не совсем официальный момент крупного судебного процесса заключался в наблюдении оперативным сотрудником, входящим в следственную группу за всем происходящим, начиная от настроя и адекватности (по мере своих непрофессиональных знаний в области психиатрии и наркологии) свидетелей, заканчивая надзором за соблюдением законности присяжными, адвокатами в исполнении своих обязанностей.

В самый разгар одного из рабочих дней Трушкин позвонил Хлебниковой в офис. Просьба, озвученная им через час, уже лично, поначалу показалась немного странной, но Надя, привыкшая к общению с этим человеком, поняла сразу — все серьезно!

Старшина коллегии присяжных заседателей был замечен в попытке вхождения в контакт с адвокатом одного из подсудимых, увенчавшейся успехом — это была подтвержденная оперативная информация, неприятно перехлестывающаяся с другой, поступившей из другого источника: защитник Пылева Олега старательно ищет связь именно со старшиной. Закон запрещает любое общение между присяжными и стороной защиты, обуславливая это возможностью договора о нужном защите вердикте. По закону, в подобной ситуации судья имеет полное право распустить коллегию присяжных.

Суд находился в вялотекущей фазе, основных событий пока не происходило, заслушивались показания, живьем появляющиеся свидетели, судья, присяжные, да и сама обвинитель только начинали вникать в собранную следователями фактуру. Были некоторые острые моменты, оживлявшие накал страстей в зале суда, но самое интересное ждало впереди. Предполагалось, что судебный процесс только подошел к своей середине. И вот именно сейчас появилась обоснованная необходимость сделать шаг, приводящий к роспуску коллегии присяжных заседателей, а значит, все должно начаться заново!

Этого Надежда Юрьевна осознать сразу не могла. Последний,

чрезмерно натянутый нерв, вот-вот должен был лопнуть! Каждый человек, переживший в своей жизни затянувшуюся трагедию, знает, что это такое, но мало кто может претерпевать ее, находясь на пике переживаний такое продолжительное время!

Право обращаться к судье имеет, в том числе, и потерпевшая сторона. Об этом и был разговор с Трушкиным, после чего Надя и пообещала ходатайствовать об обоснованном «отводе» всей коллегии присяжных заседателей. А это значит — несколько месяцев работы, бешенного перенапряжения сил и нервов, плата денег, которые уходили на оплату ненужного ей адвоката, энергию, которые придется пожертвовать и забыть!..

Вечером, обдумывая как именно это сделать, чтобы не обидеть, оставшихся честными присяжных, вдова вспомнила, как видела эту женщину, возглавлявшую присяжных заседателей, обменивающуюся с адвокатом Пылева несколькими фразами, чего могло, при «определенных обстоятельствах», оказаться достаточным, к тому же именно запрет на подобное прописан в законе, о чем предупреждается каждый участник коллегии присяжных заседателей, подтверждая это знание своей подписью.

На следующий день (заседания шли непрерывно с понедельника по пятницу), Надя появилась с боевым видом, а надо заметить, что к этому времени участники суда понимали: если пришла Хлебникова, будут гром и молнии, ну или, как минимум, ввалится шаровая молния. Именно так ее называл один из самых приятных защитников подсудимых — адвокат Саши Федина, пожилой, добродушный дядечка — «шаровая молния».

Заседание началось, как это принято, вопросом Председательствующего (судьи) о наличии у кого либо замечаний, заявлений… Все молчали, Фомин смотрел на Надю, она ждала… Лишь только судья открыл рот для произнесения фразы, призванной продолжить процесс, а надо заметить, что Надежда Юрьевна интуитивно чувствует, когда именно самая подходящая минута, при чем не только в спектаклях, но и в жизни, она встала с видом Медузы Горгоны — зал затих, перестал дышать, половине присутствовавших ее волосы показались шевелящимися, сообщающимися между собой маленькими, но страшными разрядами электричества, глаза, ищущие жертвы, готовые превратить любого в камень навсегда, пронзают стрелами ужаса и страха.

Встав, выдержала паузу, к этому времени «пехота» в своем «аквариуме» восторженно затихла в предвкушении фурора[93], Хлебникова начала:

— Ваша честь! Перед началом нашего судебного процесса Вы предупредили всех его участников о категорической

невозможности общения. В первую очередь, это касалось членов коллегии присяжных. Тем не менее, в прошлый раз, когда меня допрашивал суд по эпизоду убийства Хлебникова Тимура Илларионовича, во время обеденного перерыва, когда я и моя дочь были (два свидетеля, что неопровержимо!) в кафе Мосгорсуда, мы видели, что при выходе из зала, где обедали присяжные, старшина коллегии на ходу обменивалась фразами и улыбками с шедшим вслед за ней адвокатом Пылева Олега Александровича.

Судья, многозначительно окинув взглядом зал, проверяя его реакцию, пока не совсем понимая, к чему клонит «возмутитель спокойствия»:

— Вы хотите сделать заявление? Поставить на вид?

— Нет, Ваша честь! Я прошу отвода коллегии присяжных в полном составе.

Судья подозвал выступавшую, ее адвоката, обвинителя, старшину коллегии присяжных заседателей, защитника Пылева к своему столу. Старшина коллегии присяжных клялась, что Надежде Юрьевне показалось:

— Я Вам клянусь Богом! Вы мне не верите?!.. — Елейно глядя в самую глубину Надиных глаз, настаивала женщина:

— Я Вам клянусь, мыслей таких не было! Вы мне не верите?!.. — Вторил ошарашенный неприятной неожиданностью адвокат Олега Александровича, на что Михаил Фомин и обвинители посмеивались.

Вдова оставалась непреклонной:

— Ваша честь! Прошу удовлетворить мое, обоснованное законом, требование. Я своим глазам верю больше, чем любым клятвам!

Свершилось — заседание приостановили. Судья удалившись, недолго отсутствуя, вышел с решением распустить коллегию. Теперь предстояло начинать все заново, и первый шаг — выбор присяжных заседателей новой коллегии, в которую прежние войти не имеют права.

В момент объявления об этом на весь зал, Надежда смотрела на Пылева, ей показалось, что в эти минуты Олег Александрович готов убить сам, на этот раз никому не поручая… Да ей было стыдно перед распущенными присяжными. «Пехота», не сдерживаясь, смеялась, если не сказать — ржала, даже Пустовалов, пересилив себя, смог поднять голову и подняв большой палец кверху, снова опустил ее, не в силах выдерживать чужие взгляды.

Вечером звонил Трушкин:

— Ну, Надя! Ты боец! Но ты мне не говорила, что это

видела…

— Я не говорила, потому что если бы я говорила все, что слышу и вижу, не хватило бы суток. Я часто что-то говорю — и вижу, из того, что твое время зря отнимало бы. Ну я решила, что это ерунда…

— Давай на будущее договоримся так: ВСЕ, что ты видишь или слышишь, ты незамедлительно мне говоришь. А ерунда это или нет, решать буду я. Договорились?

— Да… — Немного сконфуженно проговорила вдова, вспоминая, что это вопрос не только ее безопасности, но и успеха на суде…

Снова прошел выбор коллегии присяжных заседателей, заново проходили перед лицом истории те же люди, заслушивались выступления обвинителей, защиты, подсудимых, экспертов, свидетелей. Прежние эмоции более вдумчивыми порывами разрушали камень здания «правосудия», спокойствие присутствующих, надежды лгущих и пытающихся свалить свою вину на других.

Разумный человек, пытающийся разобраться в хитросплетениях этого процесса, обязательно бы подметил его нерациональность и, прежде всего, благодаря неподготовленности, неизученности, несостоятельности тех и теми, кто обязан был знать материал, досконально владеть им.

Поверхностное его преподнесение обвинителями, старания свести концы одних событий с началом других, выглядели сначала смешно, потом нервировали, после обескураживая, особенно тех из них, которые и так признавая свою вину, давали показания, обвиняющие их самих. Выглядело это примерно так. Подсудимый вставал и говорил: «Я плохой человек, я убил и съел курицу, оставив голодными сирот, которым она принадлежала. Я знал, что это плохо, не важно, что я хотел есть, все равно, вина моя бесконечна, я раскаиваюсь, и именно поэтому признаюсь, принимая любое наказание. Простите, если это возможно!».

Обвинитель, все это время, метая молнии, качая головой, огрызаясь, еле дослушав, вскакивает и говорит: «Разве можно верить этому человеку?! Вы только посмотрите на него: ни чести, ни жалости, ни совести! Он украл чужую курицу, он даже не пожалел ее, не спросил ее разрешения — можно ли ее убить, ему плевать на желания курицы! А бедные дети! Он даже не думает о них… то есть думает… и вот как: сейчас я убью эту курицу, это доставит мне удовольствие, тем самым я еще оставлю и детей без пищи — они сдохнут! Да, да — именно этими словами он думал, я это знаю и не важно откуда! А когда они умрут, останется на несколько ртов меньше. Он врет нам здесь, каждое его слово —

это неправда, которой он старается выгородить себя, оправдать. Его не прощать нужно, а только наказывать, самым тяжелым образом! Он не просто украл, но украл, чтобы съесть и лишить детей пищи. Он сам говорит, что вина его бесконечна, а значит, он знал, насколько это плохо. Вы думаете, он украл только одну курицу?! Нет! Он украл больше! Не важно, что этого нет в материалах дела. Я уверена, что это не в первый было раз! Следствие доказало, что он украл, и чтобы он здесь сейчас не говорил, мы уверенно теперь знаем — он украл и больше никто! Разве может раскаяться такой человек, может ли он сожалеть о содеянном? Он даже не признался в своем преступлении! В его словах, что-то может быть похожее, но это не признание — с такой интонацией оправдываются, а не признаются! Теперь, после того, как я доказал эту его вину, будьте и вы жестки в принятии решения о его наказания, оно должно быть самым жестким, чтобы чудом выжившие дети, увидели своего потенциального убийцу, жаждавшего их смерти, в кандалах на всю оставшуюся жизнь!».

Прошу прошения за возможно показавшуюся некорректность сравнений, но прибегать вместо аналогии к настоящим протоколам судебного следствия мне кажется действительно неправильным. Таким образом я хотел показать зачастую происходящее в судах, но ничего странного не может быть в таких проявлениях, когда государство само по себе безобразный подмалевок, наложенный поверх прекрасной картины, постоянно обновляемый все более худшими рисовальщиками!..

Да и, в конце концов, не всем быть Марией Семененко, как говорят о ней всегда довольные ее работой следователи — «штучный товар» в профессиональном отношении![94]

Профессионал высокого уровня Мария Семененко

Все расстанавливали на свои места сами люди, в основном свидетели, потерпевшие, сами обвиняемые, составляя постепенно ясную картину когда-то происходившего. Говоря «обвиняемые», я имею в виду тех парней, которые нашли в себе силы прислушаться к зову совести, решили ответить за свое, с надеждой на милосердие людское и милость Создателя. Последние сами могли отбивать нападки «плохого аквариума» на дающих показания свидетелей, опровергали ложь, доказывали свои преступления, раскрывали мотивы, именно этим и привлекая сердца присяжных заседателей…

«Плохой аквариум». Слева направо: Сергей Махалин («Камбала», «Лысый»), Олег Пылев («Саныч»), Слава Пономарев («Моряк»), Андрей Гусев

Одним из самих пламенных и захватывающих стало выступление главного конструктора завода имени Климова — Александра Александровича Саркисова. Он дважды посещал заседания суда и давал показания. Любопытно прочитать строки, записанные мною со слов самой Надежды Хлебниковой, собрание которых я назвал «Черным дневником»:

«Я видела, с каким любопытством Саркисова разглядывал Пылев: перед ним стоял не просто ключевой человек, а «курица, которая могла нести и нести золотые яйца». Когда Саркисов входил в зал суда для дачи показаний, он безошибочно выделил взглядом Пылева и какие-то мгновения просто смотрел на него, как на грязь из-под ногтей, как на гадину, ползающую у ног, которую вовремя не раздавили. Его, «отца» двигателей советских МИГов, остановил полуграмотный психопат со своей сворой… На суде «Сан Саныч» был беспощаден. Он говорил жестче, чем на предварительном следствии. Он своим интеллектом, достоинством и авторитетом приковал к себе внимание присяжных. Думаю, перед ними редко выворачивал душу человек такого масштаба! После показаний Саркисова и генерала Зинченко (он тоже посчитал нужным придти в суд, как мы понимаем, не только чести ради, но и поддержания версии

честности и благодетельности Марка Волошина, хотя этот поступок трудно переоценить) чаша весов резко склонилась в глазах присутствующих против Пылева. Саркисов называл вещи своими именами: Волошин — МАХИНАТОР! А что прикажете делать, если именно благодаря этому мошеннику хоть как-то кормились наши оборонные заводы, хотя большую часть этих жизненно необходимых средств тот и присвоил бессовестно себе! Ческис и Галушко — в той или иной степени, но влезли в проект государственного значения, привели за собой бандитов.

А новые веяния того времени, что надо отстегивать бандитам, Саркисов не принимал. И Саркисов подвел итог: убийство Тимура Хлебникова привело к потерям страны, в финансовом масштабе сопоставимым, в конечном итоге, с национальным доходом; виднейшие конструкторы перестали получать зарплату, остановлены уникальные научно-технические работы; нанесенный России ущерб сложно оценить; Россия потеряла перспективы выхода на мировой рынок оборонной продукции; и в конце:

Александр Александрович Саркисов на фоне своего детища

— Нам сложно оценить все потери от этого преступления до конца. Но самое страшное последствие — это то, что годовалый сын Тимура Илларионовича лишился отца… — и его голос задрожал…»

Были и другие примеры, возможно, чем-то обоснованные, но

все же непонятные до сих пор.

Когда погиб Надин муж, его двоюродная сестра Карина Минасян, движимая долгом и благодарностью, именно брат выдернул ее из затруднительного положения, нашел работу, устроив, сначала, к себе в СП «Информ Право» затем руководить туристическим агентством «Конкорд Трэвэл», работающий под эгидой «МАРВОЛ», дала показания, что, конечно, тогда было поступком! Но когда пришло время подтвердить эти показания в суде — она отказалась…

Даже Рядовский, привыкший к чему угодно за время своей работы, был в шоке:

— Ну и семейка у них! Уж в ком я не сомневался — так это в сестре!

Надя, поначалу не поверив, позвонила родственнице:

— Карин, привет! На следующей неделе, наконец, суд! Нужно будет прийти, я скажу в какой день….

— Надь, я не смогу…

— КАК?!!

— Ну не смогу и все.

— Карина! Но ведь… — Тут до сознания дошла суть происходящего, что, как известно, может ввести человека в любое непредсказуемое состояние. Вдова, на секунду-другую потеряла дар речи! Сглотнув, она чуть не крикнула:

— Но ведь речь идет об убийце твоего брата…

— Надь, сойди с трибуны. Нужно тебе — и занимайся. А нас оставь со своей идеей «фикс» в покое. Мы живем очень тяжело с мамой, я одна воспитываю ребенка… Нам очень тяжело…

— Ты мне решила рассказать, как тяжело воспитывать одной ребенка?!.. — Я бы уточнил — ДВОИХ!

Дальше по ее воспоминаниям шел непереводимый на литературный русский язык текст, краткое содержание которого выглядело примерно так:

— Так и будете свое го. но всю жизнь жевать! А когда твою Наташу будут насиловать в подъезде, не кричи «Милиция!» — На том их отношения и закончились…

Здесь нечего сказать, тем более осуждать никто другого человека не вправе. На мой взгляд, вина большая лежит на оперативных сотрудниках, недостаточно уделившим этому внимание, хотя есть предположение, что женщину просто могли запугать, скажем, тот же Ческис, ведь она давала показания, прежде всего, на него…

Последний круг

«Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано».

(Евангелие от Матфея, гл. 10; ст. 24)

Перед самым первым заседанием Надежда Юрьевна боялась увидеть людей, с которыми пыталась бороться десять лет. Теперь она понимала, что Пылев и Ческис рассматривали ее под увеличительной лупой, решая, что с ней делать, но так ни на что и не решились. Точнее — решившись, ничего не смогли сделать. Представьте себе момент, когда вдруг вы осознаете, что о вас думает другой человек только в одном направлении — как бы вас остановить! Если следовать его мыслям, упирающимся, в основном, в стопроцентную уверенность в решении проблемы путем вашего устранении, что происходит раз за разом, изо дня в день на протяжении нескольких лет, которые несут только отрицательный заряд, пожалуй, можно сойти с ума от количества зла, которое тебе постоянно желают.

Запугивания, покушения, предупреждения, попытка подкупа — не оправдали себя, и сейчас именно вдова стояла, «держа мяч» в своих руках, не задумываясь на тему — куда его послать.

Больше всего она опасалась смотреть на Пылева. Это был животный страх, необъяснимый, останавливающий, пугающий. Готовая зайти к нему в камеру один на один, Хлебникова дрожала от одной мысли увидеть его в зале, переполненном народом. Вот он, пример плохо объясняемой борьбы противоположностей внутри каждого человека.

За день до суда Трушкин успокаивал:

— Да он сам тебя боится!.. — «Успокоение» привело к еще более возросшим неприязни и опасению…

Готовясь к написанию этой книги, я заново перечитал тома своего уголовного дела, находящиеся со мной уже много лет, постарался достать другие, не имеющие отношение к моим двум судам, но не нашел там искомого — в них не было живых людей, а только показания, допросы, экспертизы, достаточно лжи ради самооправдания, страшной правды, выглядевших застывшими, почти мертвыми. Я мог бы написать это сам, но я не видел ребят

взглядом со свободы, лишь на суде, дающими показания, но это было не то. Подумав, я осознал — мнения должны исходить от пострадавшего от них человека, кого-то простившего, а кого-то нет.

Именно поэтому, подойдя к описанию суда, мне пришла мысль попросить Надежды кратенько дать по памяти характеристику каждому участнику суда, который ей пришлось когда-то пройти. Конечно, больше меня интересовали ребята из «бригады». Записывая с ее слов, я никак не мог отделаться от мысли, что это звучало не из уст матерей каждого из них, за редким, конечно, исключением, касающимся известных персонажей.

Перечитав еще раз, я решил включить эти строки если не полностью, то в вперемежку с моими комментариями и мнением, основанном на более спокойном восприятии событий, сформировавшемся психологическом портрете почти каждого из них в другой, тяжелейшей для них обстановке, проявивших себя при других обстоятельствах.

Я не стану убирать обращение к себе, чтобы оставить настоящую красочность нашего тогдашнего общения:

«Лица…. Сначала вошла «пехота». Я говорю тебе, Лешик, еще то свое впечатление…

Пустовалов. Ощущение холода. Взгляд, кажущийся надменным, но только поначалу. Этот человек прятал его под очками, уткнувшись в «Атлас автомобильных дорог Европы», когда вставал — утыкался в стену, показательно поворачиваясь к ней… очень показательно, и вот… — этот человек не хотел вывернуться, как это делал, «находясь в футляре», Андрей «Чикатило», но Александр был не в состоянии вынести и чужих взглядов, при этом маскируя свое поведение под безразличие.

При взгляде на него ненадолго могло показаться его полное пренебрежение к процедуре суда, якобы, непонимание за что его судят, в то же во время, взять к примеру обсуждения любого из эпизодов убийства, совершенного им — адвокатесса его распинается, а он делает вид, что читает «Атлас автомобильных дорог Европы» — но в нем ведь читать нечего, а значит, не нужно сосредотачиваться!

Он изредка нервно посмеивался, садился всегда в одном и том же дальнем углу стеклянного «аквариума» — привычка не очень сильного духом человека. Лицо маньяка. Маска. Мне было страшно с ним встречаться глазами — сразу посещали мысли о своих детях. Холод, холод и холод. Мне пришлось его включить в список тех, кого я поименно называла перед присяжными — что заслуживают снисхождения. Моя задача была провести четкую

границу для присяжных: между теми, кто сидел в «нашем аквариуме», и теми, кто сидел в «генеральском». Потом Рядовский мне сказал:

— Ну а Пустовалова-то ты зачем в группу на 64[95] статью внесла? — В его невеселом смехе было какое-то осуждение: — Представляешь, он ведь когда-нибудь выйдет!..

— Ага, вот именно, чтобы он потом вышел и пришел меня спросить, почему я этого не сделала?.. — Это я так пошутила…

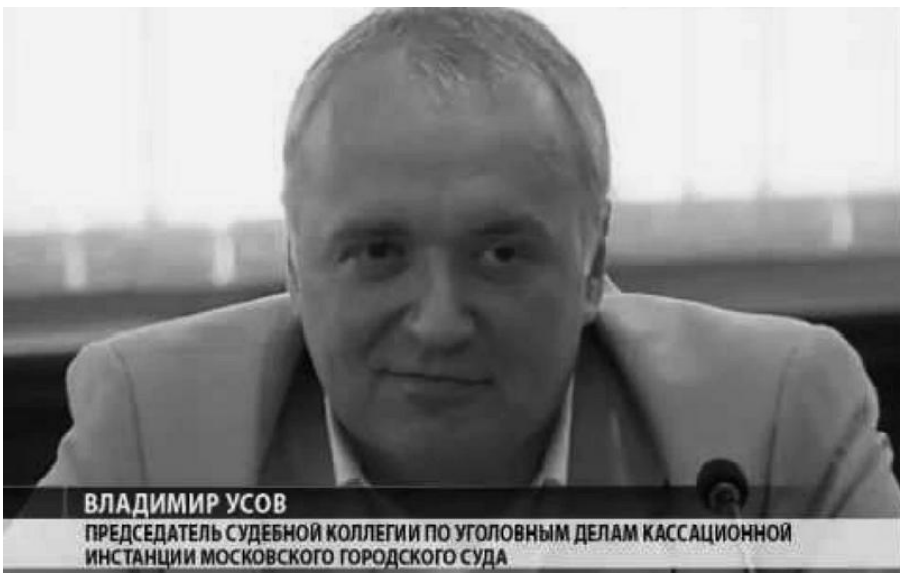
Александр Пустовалов. Фотография из фототаблиц материалов уголовного дела

Он пытался чудить, как будто сквозь сдержанность прорывался нервирующий всплеск. Например, кто-то говорит — а он пальцы складывает, как пистолет и делает движение нажатия на курок… Шутник такой… как «битцевский маньяк» с молотком, а вот данные им самим показания озвучить сам был не в

состоянии — адвокатесса зачитывала.

Федеральный судья Усов, когда шло совещание присяжных по вердикту, мне сказал:

— Вы можете гордиться! Этот маньяк весь суд что-то рассматривал, или делал вид, что спал. А вот когда Вы говорили — даже смог оторвать голову и внимательно смотрел и слушал… Не самый приятный комплимент из тех, что я слышала в свой адрес! Потом я попросила Тоха Ивановича, доброго дядечку — адвоката, крупного такого, сесть так перед аквариумом, чтобы, когда меня поднимают, Тох от меня загораживал Пустовалова… мы сидели слишком близко — не хотела ощущать его взгляд — просто было неприятно, когда страх уже пропал.


ВЛАДИМИР УСОВ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА

Федеральный судья Владимир Усов…

Еще меня поразил… РОСТ! Грозная банда, на них в «нашем» суде несколько десятков убийств, а среди них такие шибздики: Пылев, Пустовалов, Кондратьев — мне в лучшем случае по ухо! Другое дело Толстиков, Филиппов, Гусев, Грибков, Туркин…

Саша Федин. Человеческий взгляд. Умный. Видно, что взвинчен. Воспринимал все происходящее как заслуженное. Вел себя с необыкновенным достоинством — не сломленный отнюдь. Готовый отвечать за все, что сделал. Попросил прощение у присутствующих. Просил назначить ему любое наказание, не просил о снисхождении.

Однажды Саша сцепился через стенки аквариума с Андреем Гусевым и Олегом Пылевым. Это получилось во время, когда суд допрашивал меня. Пылев что-то в очередной раз мне тявкнул в

спину (я стояла у кафедры лицом к присяжным и судье, спиной к «аквариуму» Пылева, буквально метрах в трех). Федин его попытался заткнуть. Начался ор страшный! Пылев его обозвал трусом и подонком. Саша ответил:

— Да мы тут все подонки! Ты один только не хочешь это признать!

Потом Пылеву и Гусеву стало резко плохо с нервами — слабенькими оказались. Адвокаты попросили перерыв. Судья дал час привести в порядок их утонченную нервную структуру. Я поскакала курить, воспользовавшись передышкой. Допрос продолжался уже часа четыре. В курилке адвокат Гусева попросила, у кого есть, дать успокоительное. У меня одной оказалось — валокордин и нашатырь. Я им периодически приводила себя в чувство. Я ей дала и честно-пречестно сказала, что ничего не доливала… типа яда…

Александр Федин — «Хулиган». Фотография из книги «Ликвидатор»

Федин во время изворотливых словесных пассов Миндлина (адвокат Махалина Сергея) ему крикнул:

— Да Вы рядом с нами должны сидеть, Вадим Самуилович! Вы не меньше бандит, чем все мы!

Федин один не был подавлен и испуган происходящим. Скорее, когда все начало звучать в одном месте (в зале суда), он был ошарашен масштабом «результата работы» команды («профсоюза»)…

Федин казался таким стержнем среди пехоты, как капитан команды, или как ротный… Прошло так много лет с тех пор, но его я помню как в те дни. Я приезжала — входила в зал, садилась, потом заводили ребят, и мы всегда с ним встречались глазами. И я видела: сначала Саша как бы стеснялся встретиться взглядом. Потом я здоровалась с ним кивком, он тоже здоровался, после встречаясь глазами, уже улыбались друг другу. Мне было очень важно, что он и за ним все остальные не смотрят на меня с ненавистью, даже ободряют как-то. Особенно видела переживания в их глазах, когда меня Миндлин и адвокат Пылева ставили под перекрестный огонь своих вопросов. А когда я выползала из очередной перестрелки, вцепившись руками в эту кафедру, представь, Лешик! — одна под столькими взглядами! И ведь не стихи же им читала на приеме во ВГИК! — я видела: Федин мне у бедра показывал большой палец. Подбадривал. Никто из них не знал до моего последнего выстрела (выступления в защиту пехоты), что я вытворю — «за» и «против» кого. Предполагалось, что против всех. И все равно Федин, Филиппов и Толстиков меня поддерживали. Может быть, это Стокгольмский синдром? Но меня в заложники, как рабыню никто не брал. Я просто видела нормальных мужиков, которые даже пусть по дури, но влипли в одну нашу «общую» беду. И чем могли они мне помогали…

Грибков. Здоровенный, но «сила есть — ума не надо» — это про него. Если у Пустовалова глаза острые, как шампур и пустые, будто выжженные — у Грибкова в них муть и бесцветность. Он тоже со мной здоровался. Он очень помог по нашему эпизоду, спасибо ему за это! И, конечно, он тоже был в моем «списке Шиндлера» на 64 статью Уголовного кодекса. Когда я подошла после зачитанного вердикта к нашему «аквариуму» проститься — все прикладывали ладонь к стеклу с другой стороны к моей ладони. Прощались и благодарили. Грибков сказал:

— Вы мужественная женщина. Я Вам обещаю, что больше я (что-то типа того) так не буду. Я скоро выйду благодаря Вам…

Почему-то от него личное «спасибо» услышать не хочется, хотя в процессе и он помог. То, что я там услышала о нем…. Хотя не на «Лебединое озеро» ходила… Но убийство братьев Сергеевых

Игоря и Михаила с женой последнего, меня просто шокировало. Он же с ними в школе учился, дружил! Там, на суде, была их мать, из четверых сыновей похоронившая двоих старших. А Грибков в их доме пил, ел, Новый год отмечал, а потом мало того, что убивал, так еще и организовал все это…

Леша Кондратьев[96]. Это было тяжелее всего. Хотя я его видела за 3 года до суда на следственном эксперименте. Не отпускала мысль: не только Тимур, но даже я его могла вырубить одной рукой! Ну как же так… Ударить его ногой — и вместе со своим пестиком бы кувыркался…

Мы когда с Георгием (Сын Тимура и Надежды) вместе смотрели документальный фильм, те серии, где проект «Русджет» упоминался, и убийство у подъезда… Он первый раз представил, как это было. Стал очень белый и закусывал губы. Я не предусмотрела, живя в этой теме, что он так это воспримет. А потом он мне сказал: «Ну знаешь… Вот такого как Шерстобитов прислали бы — не так было бы обидно. Достойный противник. А то папа последнего перед смертью видел этого питекантропа из суда, который в пупок дует…» — такая вот реакция.

Кондратьев Алексей — «Гиви», «Кондрат». Фотография из фототаблиц материалов уголовного дела

Я его узнала сразу в «аквариуме». Он был самый сломанный. Голова опущена под собственной тяжестью. Глаза в одну точку. Отвечал четко на вопросы судьи. От себя лично — ничего. В основном кивал. С ним так же. Он-то меня не узнал — на эксперименте я сидела в машина за тонированными стеклами. А тут — в паре метров от него. Я видела — он меня боится. Боится, что могу устроить истерику. А его психика явно слаба для такого шоу. Это видно непрофессиональным взглядом. Не могу сказать, что он труслив. Он скорее просто не задавался целью оценивать или осмыслить ни опасность, ни суть того, что он делал.

«Подошел и выстрелил. Пять раз…» Стопроцентный ведомый. Попал бы в другие руки — стал бы хорошим штукатуром, садовником, исполнительным и не особо думающим. Очевидно, что он переживал еще одну личную драму на том суде. Видимо, не особо сильный интеллект у него компенсирован запредельной способностью быть верным. Именно не преданным, а верным, и это один из непрочных стержней его мироощущения. И его сломали! Олег Александрович, которому он был верен, как слуга, как раб, как пес, который по природе своей не оценивает, прав ли хозяин — он просто выполняет команды! Потому и сломленным был. Не похоже, что он боялся тюрьмы и срока. Скорее всего, для его психики вот эти разборки, аресты, слежки и беготня были неподъемной ношей. Где-то он был рад, что все закончилось и можно не делать усилие над собой. И не думать.

Я могла смотреть ему в глаза. Он сначала стеснялся. Потом начал здороваться. Когда долго меня не было на заседаниях, как-то увидел, поздоровался, спросил:

— Здравствуйте, как дела?

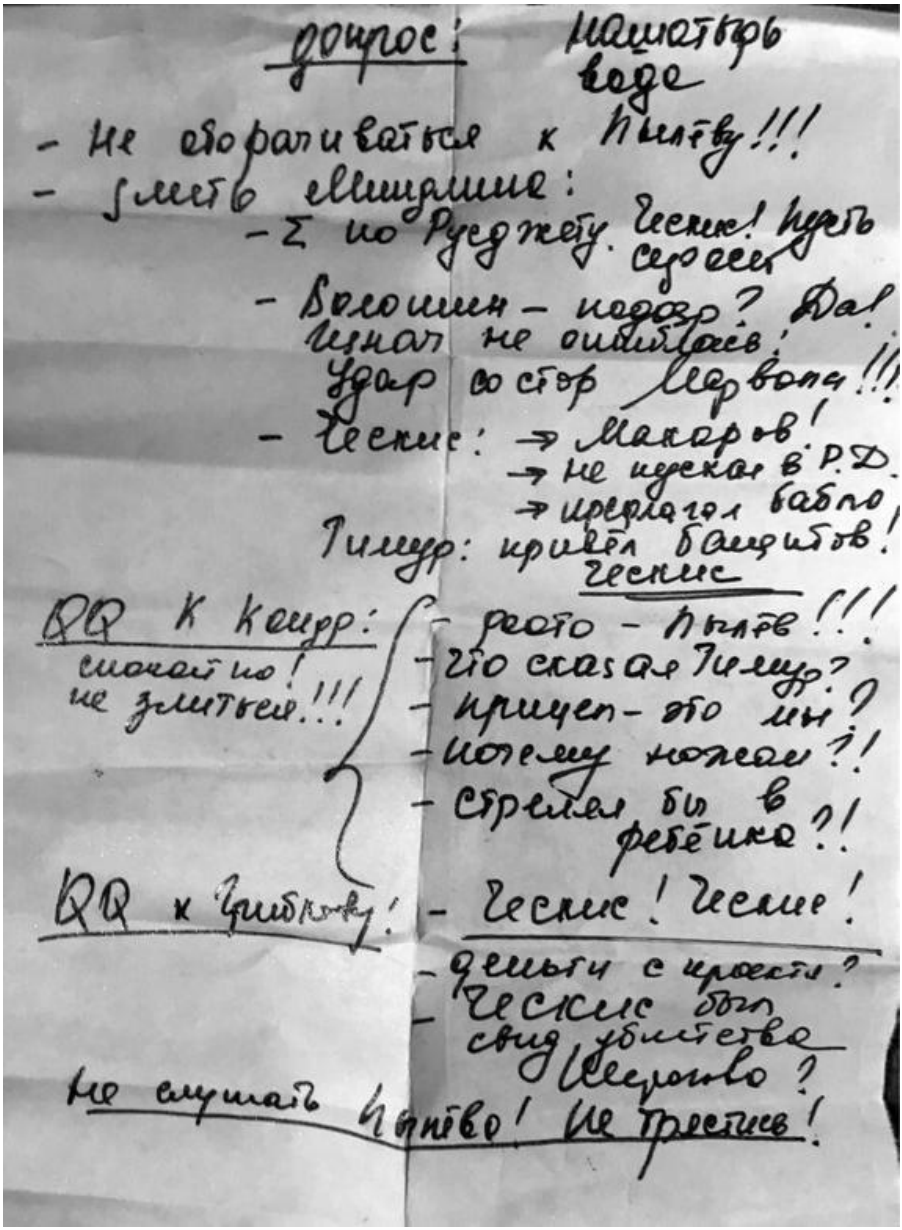
Чуть не ответила:

— Спасибо, Вашими молитвами! — но сдержалась: — Спасибо, все нормально. У Вас как?

Через адвоката на перерыве я передала в знак примирения Кондратьеву иконку — свой любимый образ Спасителя — «Спас Нерукотворный». Ему передали, он улыбнулся, показал мне ее, поблагодарил. Потом через своего адвоката передал вопросы, которые я могу ему задать. После того, как меня допросили, я попросила судью предоставить мне гарантированное УПК РФ право задать вопросы подсудимым. Было так:

— Алексей, скажите пожалуйста, как к Вам попала информация о моем муже?

— Это было фото. В костюме. Мне передал фотографию Олег Александрович.


вопрос: Напомнить
- Не оборачиваться к Пылеву!!!
- Смять свидетелей:
- Х по Руководству. Геныч! Нужны сведения
- Болошин - подлог? Да! Иначе не опишется!
Удар со спины Мерзавец!!!
- Геныч: → Макаров!
→ не пускал в Р.Д.
→ прятал бабло
Тимур: привёл бандитов!
Геныч
QQ к Кондр: - Ваше - Пылев!!!
Спокойно! - Что сказал Тимур?
не злитесь!!! - Кричал - это мы?
- Почему молчал?!
- Стрелял бы в ребёнка?!
QQ к Хлебнику: - Геныч! Геныч!
- Деньги с кредита?
- Геныч был свидетель убийства (Серого)?
Не слушать Пылева! Не трогать!

Тезисный набросок к выступлению на суде, написанный Надеждой Хлебниковой, лежавший перед ней во время последней речи

Пылев орет:

— Да кого Вы слушаете? Он же неполноценный (или дебил, что-то типа того)[97].

Я задала Кондратьеву еще несколько вопросов. Он на них ответил, несмотря на выкрики Пылева — я говорила спокойно,

хотя горло совсем ссохлось. Кондратьев тоже смотрел не в его сторону, а обернулся ко мне.

Перед началом прений я готовилась несколько суток, и обращаясь к Кондратьеву сказала (я помню, как он вскинул голову, когда я назвала его по имени, наверное, боялся, что я начну с обвинений):

— Алексей, наша семья не держит обиды на Вас… Вас обвинять — все равно, что обвинить пистолет в том, что он не дал осечки. В тот момент, когда вы нажимали на курок, Вы были врагом. Если бы мне посчастливилось быть рядом с мужем, я все бы сделала, чтобы Вас убить, разорвать. Но после того как Вы отошли на пять метров, отстрелявшись, — как враг Вы для меня существовать перестали. Я знаю, кто действительно принес смерть в наш дом. И его имя будут проклинать мои дети и дети моих детей!

Кондратьев даже гордился иконкой в своем аквариуме… Даже жалко его стало потом. Ничего не «настрелял» себе на службе у хозяина. Как вхолостую он распорядился своей жизнью! Лешик, если возможно… я очень хочу, если он прочтет эти строки, сказать ему:

— Пожалуйста, в Вас много хорошего — я это видела. Нет озлобленности, лживости, Вы явно добрый человек. Не всем быть нобелевскими лауреатами! Не делайте больше плохого людям! Не знаю, насколько это для Вас значимо, но я желаю Вам удачи. Повторяю — во мне нет ни капли зла в отношении Вас. Идите своим путем по жизни с Миром! И не теряйте мою иконку…

Он тоже со мной прощался после вердикта. Он уже не боялся смотреть мне в глаза. Он сказал СПАСИБО и ЕЩЕ РАЗ ПРОСТИТЕ МЕНЯ… А это дорогого стоит!

Пылев… На суде все ребята именно Олег Александрович его называли. И когда он на меня начал реагировать (а я, признаться нужно сразу, «садист», мы с Михаилом Фоминым[98] поняли, что он начал сдавать — психопатический типчик, и уж никак ни глава шпаны с большой буквы. И когда он кричал из «аквариума» типа «сука, мразь» и т. п., для меня это звучало как МУЗЫКА! И я в своих вступлениях его всегда «Олег Александрович» называла — даже присяжные ржали.

Эх! Попасть бы к нему в клеточку! Просто спросить: «Как жизнь, почти юная? Привет вот из Марбелье вам привезла — бутылочку морской воды…». Специально ради этого посетила Испанию, по ресторанам ходила в Пуэрто-Банусе[99] — все вас вспоминала… Шучу. Тварь. Вот он даже если сдохнет — не прощу его, как Ческиса не прощаю…

Михайлов[100]. До сих пор не могу успокоиться! Михайлов

был свидетелем — его привели в кандалах. Он рассказал, как его, полуголодного, пригласил подзаработать бывший сослуживец по армии Сергей Махалин. Сначала дали где жить, какие-то условные деньги. Захотелось перевезти жену с ребенком из Украины. Валяй, вези! Привез. От квартиры сразу отказали. Снимай сам типа. Ребенок болел. Ни на еду, ни на лекарства, ни на жилье не хватало. Попросил приработку, а только того и ждали. Дали подработочку: убьешь — заработаешь.

Мне очень жаль, что я не имела законных оснований присутствовать на его суде. Вот он, Лешик, как ты — Солдат тоже, мне кажется. Он, склонив голову — говорил правду… что он стал штатным ликвидатором, не важно на сколько он глубоко раскаивался, он говорил правду! Он ставил прослушку в квартире Зинченко, слушал телефонные переговоры Шумахера и Волошина, чтобы поехать в город Бор и их ликвидировать… Он большой и сильный. Но мне до сих пор не понятно!!! У Пустовалова — 11 трупов и 64 статья, дающая облегчение, хотя этот ни слова сам не сказал на суде своим языком, только показания смог дать под диктовку. У Михайлова — столько же, и он не только на следствии говорил и на суде помогал, и не на одном! В отличии от этого маньяка в нем все же видно раскаяние. И что же — пожизненное заключение! Ну неужели судьи и обвинители не прошли даже основ психологии, и не видят, когда перед ними — преступник, никто не спорит… но все-таки человек, хоть и преступивший закон, и когда перед ними — просто маньяк, с удовольствием разделывающий на куски трупы. Выйдя, Михайлов мог бы жить! Исправить и искупить преступления. Освободиться от тяжести и позора. Он мог бы воспитать своего ребенка. Он пошел бы работать грузчиком… с его техническими знаниями и данными в автомастерскую, телефонистом, сантехником, в конце концов! Но он бы жил!!! Кто смеет так равнодушно перечеркивать человеческую жизнь, пусть и такую? Жизнь, которая не нацелена на уничтожение себе подобных (как у Пылева, например). А жизнь, в которой имела место ошибка, пусть страшная! Но ее никто не имеет права НЕ ДАТЬ исправить!!!! Я поздравляю федерального судью ОТКИНА, который осудил Михайлова вместе с двумя другими, которых не возможно было бы осудить, если бы не его показания! А как потерпевшая сторона от этих «бойцов», я ИМЕЮ ПРАВО ОБВИНИТЬ судью в том, что и на его совести теперь загубленная жизнь — Олега Михайлова…

Михайлов Олег — «Хохол». Фотография из фототаблиц материалов уголовного дела

Вот еще про Пустовалова… Его боялась, хотя скорее это неприязнь, дошедшая до омерзения, еще когда материалы читала перед судом и в прессе: что он Котову порубил на куски. Гордился, что Солоника убил. Так там пятеро убивали! Андрей Гусев, который свалил Солоника одним ударом, и второй, не помню кто[101], вцепился как удав — эти и то больше сделали.

Когда я его увидела — сразу поняла, что это — он. Мне кажется, что он единственный в нашем «аквариуме» делал то, что ему нравилось, даже не пытался себя превозмочь. Что он единственный пришел в банду не потому, что заманили, а потому что знал, куда и для чего идет… И потом, когда меня адвокат пугал в саду — сказал, что «Вы типа засветились. Даже вот Пустовалов сказал: «Мне нравится ее шея!»». Ну я после этого

начала в водолазке ходить… Я не могла смотреть на его руки — представляла, как он по локоть реально в крови Свету разделывал и других расчленял…

Усов — судья.

Ироничный, опытный, все понимающий. Букву закона выполнял неукоснительно. НО! Своей интонацией всегда придавал нужный окрас любому заявлению, вопросу, ответу… На лице часто — полуулыбка, которая, как бы выражала его мысли: «Все, что тут происходит для меня уж точно не неизвестный спектакль — я знаю сценарий до конца. Мне вы все видны, как на ладони…». По задаваемым им вопросам было видно, насколько он не упускает ни одной мелочи, проникает в суть… И все с таким полуотсутствующим взглядом.

Были и смешные моменты…

Например, приезжаю в суд, в коридоре здороваюсь с дядькой со знакомым лицом, потом на этаже… а потом с судьей Усовым, уже в мантии. На третий раз он удивленно, но со спокойной иронией вопрошает:

— Потерпевшая! Вы как сегодня себя чувствуете?

— Спасибо, Ваша честь! Нормально.

— Уверены?

— Ну да, а что?

— А что ж Вы со мной за утро третий раз здороваетесь?..

Выступает в прениях мама братьев Сергеевых, убитых Грибковым, и в ходе речи говорит:

— …хотелось бы мне хоть одним глазком посмотреть, кто ж родил такого человека (это она о Пылеве)! Как его близкие живут, родные?

Усов:

— А эттттто Вам зачем понадобилось?.. — Он разряжал обстановку и ни на кого не давил.

Поговорить мне с ним удалось, пока мы болтались по «храму правосудия» в ожидании вердикта. Сидели в буфете с Мишей Фоминым, нам оставили буфет на ночь открытым, и там «титан» с водой[102]. Входит Усов в мантии, типа спального халата с раскрытым воротом, без шляпочки своей важной. Из складок мантии немного торчит микроскопическая стеклянная фляжка конька, наполовину пустая, но он трезв, даже не пахнет…

Он подошел, попросил разрешения присесть, немного поучаствовал в разговоре, ничего не сказал о предполагаемом возможном вердикте, но обращаясь ко мне, с иронией произнес перед самым уходом:

— Пылев называл Вас сукой, но предпочел бы, чтобы Вы были дурррой!.

Он был строг, но не груб. Не знаю почему, но я с первых взглядов на него поняла — он на нашей стороне… Когда давала показания «пехота», он был спокоен. Когда что-то говорили адвокаты Махалина, Пылева, Гусева, Пономарева, еще кто-то[103] — он просто «одевал» такую маску, что якобы, еле сдерживает смех, как реакцию на их враньё. И этим давал понять присяжным, как правильно реагировать на ворох запутанных фактов. Он был явным дирижером, который прекрасно знал, на какой ноте закончится эта симфония!

К примеру, вопрос к Пустовалову, как-то:

— Подсудимый Пустовалов, можете сказать суду, что вы так увлеченно читаете?

— «Атлас автомобильных дорог Европы», Ваша честь.

— Что ж. Понятно. Своевременно, а и буковок мало… Тоооолькооо… это… так он же измениться сто раз успеет, этот атлас, за ваш срок… Или у Вас есть другие сведения?

Все ржут…

Но когда он открывал странички с вердиктом, и у меня, например, было ощущение, что мои пальцы в розетке… и не только у меня, конечно… Он первым увидел вердикт до его оглашения. И передавая его председателю присяжных, будто немного расслабился. Успокоился — хотя волнения не было и следа! И когда я попыталась по его глазам понять: ЧТО ТАМ?! — он опустил глаза, склонил голову, начал что-то типа писать или чертить на бумажке… но складки в углах глаз были иронично сложены. И я поняла: ЕСТЬ! Наша взяла…

Прокурорша просто стерва!!! Злобная, высохшая, ненавидит всех! Нашла свое место под солнцем! Подняла хай, всем нажаловалась, требовала, чтобы меня убрали из процесса. Я ей все обвинение, якобы, испортила своей защитой «пехоты». Она обвиняет — я защищаю. Судье смешно, а у нее молнии из глаз, чуть ли не мат с языка. Возненавидела меня, а со мной и всех, к кому я так или иначе хорошо относилась. Для нее Пылев лучше, хотя и ему доставалось. Ну нельзя же так вот совсем не делать разницы между людьми! И столько гадостей наговорила, а ведь ребята себя сами обвиняли и даже доказывали свою причастность к преступлениям…»…

На черте

«Все устраивается, если умеешь терпеть и доверяешь Богу».

(Патриарх Сербский Павел)

Суд «второго созыва» подходил к завершающему этапу, тому, когда силы участников, начиная резко убывать, требуют «второго дыхания», которое помогая недолго, приводит к полному упадку, о чем в опасениях и предупреждает все более ослабевающий организм уже сбоящий мозг. Напряжение только росло, знающие и опытные в этом соревновании «спортсмены» начинали «прятаться за спинами», дабы встречный поток воздуха разрывался грудью впереди бегущего.

Готовились к рывку все без исключения, но далеко не все одинаково и честно. Бывает так, что люди, привыкшие к определенным уловкам и действиям, совсем не в состоянии переключиться и совершить, казалось бы, разумный шаг, благодаря чему проигрывают на последних метрах дистанции.

Стадион орет, кажется, еще чуть и трибуны рухнут, спортсмены, прикусив губу, рвут себя на одной злости к своей слабости. «Ватные» члены еле шевелятся, вопрошая: когда же «второе дыхание» — этот впрыск в организм из печени крови, наполненный полезными микроэлементами, как супертоплива?! Так у честных спортсменов, не прибегающих к допингу, подкупу судей, шантажу соперников. Но бывают и другие…

Это был июнь 2005-го, перед самым началом прений сторон, что происходит сразу после судебного следствия. Температура страстей подошла к «раскаленной до бела» границы между противоборствующими, а потому Надежде Юрьевне приходилось ездить в суд ежедневно. Стороннему наблюдателю уже было очевидно, в какую сторону склоняются присяжные заседатели. Тем более все было понятно непосредственным участникам с обеих сторон, проигрывающим могло помочь только чудо…

Как-то после завершения очередного судебного заседания Хлебникова присела на лавочку в скверике перед Мосгорсудом. Первая затяжка после длительной передышки отвлекла разум от тяжелых дум насыщенностью теплого дыма и легкого приятного головокружения. Глоток холодной воды из пластиковой, только что купленной бутылочки, заставил своим ощущением прохлады, пробегающим внутри, вспомнить, что она не только жива, но и

вполне победитель. Это необходимое маленькое отвлечение было кстати перед тем, как сесть за руль своего автомобиля и направиться домой.

Последствием той, напугавшей Надю, истории с «не садись в машину» стало удобное место для парковки, как раз находящееся напротив здания суда — закрытая и охраняемая территория, принадлежавшая СМУ, ведущему рядом стройку объекта. За 200 руб. в день можно было оставлять там машину, при том, что охранник вообще не покидал свою будку, стоявшую в пяти метрах от припаркованного автомобиля, что вселяло надежду и успокаивало: ни взрывчатку не подложат, ни с пистолетом не подкрадутся.

Длящееся несколько минут приятное одиночество, дополненное в воображении представлением того, что ее враг Олег Пылев испытывает в эти моменты неприятную погрузку в автозак, пусть и пустой, только для него одного, но не на свободе, которую он, скорее всего, уже больше не увидит, нарушилось появлением адвоката этого самого Пылева. «Да что же это такое! Ну везде достанут!» — подумалось вдове, сменившись другой мыслью: «А впрочем, интересно… ну и что на сей раз?! Ух! Дождутся они, швырну я гранату в этот аквариум!».

Адвокат Мелков, явно такой же умный человек, как и очень скользкий — именно он появился в ее поле зрения. Хлебниковой был очевиден факт понимая им тщетности своих усилий в попытке спасти своего подзащитного. Он это прекрасно осознавал, именно с таким выражением лица подошел, и именно с такой интонацией начал, чтобы сразу дать понять, о чем пойдет разговор:

— Надежда Юрьевна, разрешите рядом с Вами присесть?

— Конечно. А по регламенту нам можно общаться?.. — Легкая улыбка легла на ухоженное лицо мужчины:

— Можно!

— Ну садитесь. А то в случае чего мне не впервой — придется снова всех разгонять… — Теперь настала очередь улыбаться Надежде, ведь после роспуска первой коллегии присяжных заседателей по ее почину, был вынужден уйти и первый адвокат Пылева, тот самый, которого она называла за глаза «Цуккини». Изначально адвокатов у Олега Александровича было двое, сейчас остался только Мелков, издалека крадущийся к сути:

— Надежда Юрьевна. Вы мужественная женщина. Ваша позиция заслуживает уважения, а как Вы ее защищаете — я как профессионал хочу Вам сказать, это высший пилотаж… Олег Александрович тоже относится к вам с большим уважением!

— К сожалению, не могу ответить ему взаимностью.

— Вы умный человек, и Вы прекрасно понимаете, что от всего, что я сейчас скажу, я откажусь.

— Понимаю. Вы тоже умный человек, и Вы прекрасно понимаете, что я дословно передам нашу беседу Рядовскому и Трушкину. И надеюсь, вы понимаете, кому они поверят. Так что подумайте — стоит ли продолжать?.. — Давно она не испытывала такого удовольствия, еще дольше не накладывала на свое лицо такой медовой улыбки, причем улыбаясь не собеседнику, а Тимурищу. Но кто же поймет улыбку Джоконды, бывающую у любой женщины, в только ей одной известное время.

Признаться честно, она испытывала далеко не приятные чувства. Не желая продолжения разговора, знала и его продолжение, и окончание, видя бесполезность. Не ожидая, что кто-то из подобных «миротворцев» подойдет к ней, Надя еле сдерживалась, чтобы просто не послать парламентера куда подальше, при этом искусно, хоть и из последних сил скрывая настоящие свои эмоции, продолжая курить, наблюдая за струящимся причудливо дымом, почти не замечая назойливого просителя.

Было, правда, страшновато, как она признавалась потом — «повылетали все предохранители». Именно это подвигло ее, извиниться и позвонить домой, чтобы услышать, что с детьми все в порядке. Ее ум уже пробежался по всевозможным в таких случаях ухищрениям. Услышав радостный голос сына, поняла — ребенок свободен и в безопасности.

Представлялось все, что угодно, потому следующий звонок был дочери, получившей сразу серьезным голосом наставление: никому не открывать дверь, вплоть до ее прихода… Как же ей хотелось, чтобы этот тип испарился, но он навязчиво оставался на месте, все с той же улыбкой, наверняка понимающий, что она испытывает! Но не на ту напали:

— Так что вы хотели мне сказать?

— Вы же понимаете, что пойманы далеко не все. Что есть связь с оставшимися на свободе…

— Ну а ко мне это имеет какое отношение? Придет время — поймают… — И тут она вспомнила, что не арестован полумиф-получеловек — Леша «Солдат». Не посчитай за бахвальство следующие строки, уважаемый читатель, постараюсь поскромнее передать сказанное об этой ситуации Надеждой Юрьевной во время приезда на нашу с Мариной свадьбу, когда она сидела за столом напротив:

«Клянусь! Я же знала о тебе тогда уже 3 года! И вот тогда подумала, что они сейчас на меня объявят охоту. И это будешь ТЫ… И шансов нет… Не говорила тебе об этом раньше, и не

уверена, что надо сейчас, но все-таки книга… договорились же мы с тобой — только правда… И пока он говорил, этот Мелков — крутилось в голове: ЛЕША-СОЛДАТ… ЛЕША-СОЛДАТ…»

Автор… На все воля Божия!

Я об этом Трушкину сразу же после разговора с этим Мелковым рассказала. Знаешь, что он сказал? Так вот, говорит: «Надежда Юрьевна, я точно знаю… «Солдат» — офицер, и он с женщинами не воюет! Ну вот скажи — откуда он это тогда знал?!»

Словно прочитав мысли ее охватившие, Мелков продолжал спокойно, размеренно произнося каждое слово:

— Всех не поймают.

— Вы что мне конкретно хотите сказать?.. — Такое напряжение спрятать было уже невозможно, поэтому Хлебникова перевела его в разряд «надоел ты мне»! К тому же она прекрасно понимала — из здания суда почти все ушли, вокруг ни души, пусть это и скверик у здания правосудия, она сидит на одной лавочке с адвокатом Пылева, явно с его, Пылева, подачи, в голове крутятся мысли типа: «А вдруг Пылев уже насчет меня «договорился»?! И это последнее королевское предупреждение?! И вот что мне делать?! Как же я трушу, еще и до Трушкина не дозвониться!» — становилось действительно страшнее и страшнее, а он словно чувствуя это, продолжал:

— Да и те, кто на «скамье», выйдут… Вот Ваши пламенные речи в суде, конечно, впечатляют. Но Пустовалов, например, уже сказал: «Мне нравится ее шея…»… — Эта малоприятная фраза, поначалу не сильно была неприятной, просто мерзкая фраза мерзкого человека, потому и брякнула, что первое в голову пришло:

— Правда? Приятно. Спасибо.

— Олег Александрович считает, что всю эту команду «педерастов»[104], которых сломали, нужно на Вас одну поменять. Так и сказал: «на нее бы мне одну поменять… Вот с кем надо работать!»[105]

— Спасибо большое. Ну вот вы докажете, что он невиновен, и я приду к нему в отдел кадров. Устраиваться на работу.

— Какой отдел кадров?.. — недопонял Мелков, даже сбившись с мысли.

— Ну, чтобы работать…

— А у Вас проблема с работой?.. — Ему показалось, что дама на что-то намекает, что уже было бы половиной дела.

— Уважаемый! У меня масса проблем. Но не с Вами и Пылевым я буду их обсуждать.

— Я еще хотел… вот что сказать… Вы вот так целенаправленно «бочку катите» на Ческиса…

— А Вы и его будете защищать?

— А Вы уверены, что он предстанет перед судом?

— Не уверена. Суда еще нет над ним. А Вы его уже пытаетесь защитить! Неужели ищите работу? — Эту ядовитую колкость адвокату пришлось пропустить, поскольку важным было само заявление, указывающее на то, чьи интересы он еще представляет, и чьи еще деньги получает:

— Так вот, Дмитрий Семенович не настолько виноват, как Вам внушили. Вина — на Волошине в первую очередь…

— Передайте Дмитрию Семеновичу, если он такой

невиновный ни в чем, то пусть перестанет прятаться, явится в прокуратуру и перестанет мне угрожать через третьих лиц. Пусть приедет и даст показания.

— Надежда Юрьевна. Вы прекрасно понимаете, что я уполномочен Вам сказать. Лично я отношусь к Вам с огромным уважением и симпатией…

— И Вам нравится моя шея?..

— Ну прекратите паясничать. Можете считать, что свое дело Вы уже достойно сделали. Но на последнем этапе мы могли бы… — Это уже было слишком, тем более сказанное с такой дерзкой эмоциональностью, будто все уже за нее кто-то решил, поэтому вдова посчитала вправе себя перебить говорящего:

— Позвольте мне самой решить, что я сделала, а что еще предстоит. На последнем этапе ВЫ УЖЕ НИЧЕГО НЕ МОГЛИ БЫ!.. — Хотя чуть позже эту излишнюю эмоциональность она себе не простила, поскольку он понял почти состоявшийся провал своей миссии и пошел в ва-банк:

— Я имею в виду — мы с Вами могли бы договориться…

— Вы с ума сошли?! «МЫ С ВАМИ» — такого в природе не существует! Вы зря тратите время. Договариваться со мной надо было этим мразям: и Ческису, и Пылеву, и Волошину — когда был жив Тимур. Не знаю, как… не знаю, о чем… но чтобы спасти мужа, я бы что-то могла услышать. Сейчас — не тратьте свое время, хоть оно и оплачено Пылевым… или Ческисом… или Волошиным. Мне это все равно, для меня вы случайный человек, вот и оставайтесь таким…

— Надежда Юрьевна, но ведь у Вас дети. Вы молодая красивая женщина. Зачем Вам все это нужно? От Вашего выступления в прениях много может измениться, и для Вас лично.

— Передайте, пожалуйста, Олегу Александровичу. Именно потому, что у меня дети, и я сама хочу начать жить нормальной жизнью… я хочу стереть его с лица земли, прежде всего, ради того, чтобы мы и смогли жить этой нормальной жизнью. Не знаю о чем — но Вы со мной не договоритесь!

— Очень жаль, Надежда Юрьевна. Вы же даже не выслушали мое предложение.

— Вы можете мне вернуть Тимура?.. — Наверное, это было единственное предложение, на которое она бы точно согласилась, но….

— Ну Вы сейчас говорите чушь!

— Если бы я говорила чушь, в частности, на нашем суде, Вы вряд ли ко мне бы подошли. Хотите совет? Для Вас это — работа. Вот выполняйте ее в рамках заданных обстоятельств. Но не

уподобляйтесь тем, кто платит Вам деньги…

— Ну хорошо. Всего Вам доброго. Осталось два дня…

На этих словах они разошлись. Вроде бы, казалось, что все прошло хорошо… но он сказал «два дня»… Вся поездка домой, вход в подъезд мимо того места, где погиб Тимур… ее Тимурище, с водосточной трубой с цветами, торчащими в ней всегда, путь от первого этажа до входной двери в квартиру, ее не отпускала одна и та же мысль: «Они отпустили мне всего два дня!..»

Два дня оставалось до прений… Как коротки по сравнению с сорока восьмью часами эти тридцать минут, наверное, так же малы, как и десять лет ожиданий по сравнению со временем прохождения самого суда… Мало?! Да пусть хоть вечность — рано или поздно она встретится с мужем, остальное не важно!.. Пусть она боится, страх — это нормально! Раз они пришли, значит, они боятся больше!..

Уже вечером Надя позвонила своему адвокату Михаилу Фомину, кратенько рассказала о встрече, только ради своего успокоения и траты времени, тянувшегося неприлично медленно. Он был в курсе — Трушкин давал наставления по этому моменту, посочувствовал, но успокоил, что этим и кончится. В конце разговора вдова, не придавая значения словам, как бы в шутку, произнесла:

— Надоел мне этот Пылев, гранату, что ли бросить в его «аквариум»…

Первое, что она заметила, придя на «прения», Фомина, с улыбкой показывающего на «аквариум» Пылева, Махалина, Гусева, Понамарева озадаченных появившимся над их головами подобием крыши из натянутой сетки-рабицы.

— Хоть и не бронированная, но крыша… — Намекнул Миша, напоминая на последние позавчерашние слова…

— Ты серьезно?! Я же пошутила!

— А вот Трушкин подумал, что это может быть серьезным намерением — он же тебя знает!..

* * *

Судебное следствие для обычного человека в основное свое время больше похоже на скучную волокиту. «Весело» проходят «показательные порки» типа суда над «бригадой» полковника Квачкова, обвинявшихся в покушении Чубайса — было бы смешно, если б не было так грустно…

Зачитывания экспертиз, постановлений, фактов следственных экспериментов, протоколов обысков и прочая, прочая, прочая.

Иногда эти события удается скрашивать своими талантами обвинителям, вносящими некоторый артистизм и эмоциональность, и все равно, основное время — это рутина.

Надежда Юрьевна всегда, при каждом своем появлении не просто оживляла атмосферу, а прокатывалась грозовым фронтом посреди почти устоявшейся нейтральной погоды. Барометр начинал зашкаливать только при объявлении ее имени. Шквал и ураган неожиданно переходил в приморский мягкий ветерок, затем порывами ветра сгущал медленно тучи над избранными участниками, над другими же оставляя окошки, через которые пробивались солнечные лучи…

Она даже дошла до того, что создала почти положительный имидж человеку, которого, не уважая, считала тоже виновником смерти своего мужа. Что-то подсказывает, что его время все равно придет. Волошин Марк Семенович — о нем я говорю. От него и его друга Левы Шумахера Хлебникова дистанцировалась, не сблизилась и потом, даже после пришедшего понимания отсутствия у них злого умысла в отношении Тимура. На судебном следствии она жестко встала на позиции их защиты, направив все стрелы на Ческиса и Пылева, заявив об этом прямо. Но так было нужно тогда по понятным причинам.

Адвокат Махалина Сергея Миндлин, пытаясь воспользоваться показавшимся ему противоречием быстро среагировал, желая обесценить слова потерпевшей, что часто кончается крахом:

— Но ведь Волошин не отдал Вам деньги!

— Не отдал. Во-первых, ему не дали Ческис и Галушко — сказали, что я на эти бабки их всех завалю[106]. Во-вторых, Вадим Самуилович… не отдал, потому что я не готова была принять деньги из рук потенциального убийцы.

— Вот именно! Вы же не зря в первые дни подозревали Волошина!.. — почти выкрикнул «защитник», стараясь указать, что мнения выступавшей не только тогда были ошибочны, но и сейчас не так уж верны.

— Да. И профессиональным следователям понадобилось почти десять лет, чтобы назвать имена всех виновных. Но одно имя звучало с первых минут — Дмитрий Семенович Ческис. Связующее звено между «МАРВОЛ» и бандой Вашего подзащитного. В этом отношении ошибок не было. Но Ческис подставил не только своих изначальных хозяев, Волошина и Шумахера. Предательство и подлость у него в крови. Он обокрал и Олега Александровича, де-факто прибравшего «МАРВОЛ» к рукам.

— Вы можете это доказать?

— Извольте. Всего сумма перечисленная на счет «МАРВОЛ»,

начиная с июля 1995 года составляет 12,6 миллионов долларов[107]. Раньше деньги поступали напрямую на счет СП «РУСДЖЕТ». После того, как генеральным директором стал в январе 1995 года Головин Юрий Петрович, протеже и подконтрольный Ческиса, деньги пошли на «МАРВОЛ» по указанию последнего, где он и был финансовым директором. Он уже сам перенаправлял финансовые потоки. На «РУСДЖЕТ» было перечислено при жизни моего мужа не менее 7 миллионов долларов, почти все из них были переведены на счета заводов. После, уже при Головине, на счета «МАРВОЛ ГРУПП Россия» переведено не менее 4 млн., но Ческис для заводов на счета СП «Русджет» отправил чуть больше одного миллиона, вместо тех, что по условиям контракта должны были быть перечислены в рублях на счет завода имени Климова в Петербург. Это был последний перевод заводу. Значит, несколько миллионов остались в руках Ческиса.

В момент зал переполнился взрывной эмоциональной волной — выкрик Олега Пылева, не сумевшего пересилить свой «праведный гнев», перепугавший даже голубей, сидящих на подоконнике окон зала судебных заседаний:

— Сколько?!.. — Вдова, предугадав реакцию, сыграла, получая невероятное удовольствия от удачного шага, приведшего главного ее врага в полуобморочное состояние.

Поворачиваюсь к нему вполоборота:

— На счете «МАРВОЛ» в распоряжении Ческиса осталось около трех миллионов долларов.

Миндлин:

— Вы можете это доказать?

— Могу. Страницы 176–179 уголовного дела, том 48.

Сияющий судья, с еле скрываемой улыбкой:

— Потерпевшая Хлебникова, Вы не имеете права ссылаться на материалы уголовного дела.

— Простите, Ваша Честь. Тогда господину Миндлину придется мне поверить на слово.

Миндлин, не ожидавший такого поворота, но почувствовавший возможный подвох или неправду, чем сразу, снова ошибаясь, решил воспользоваться:

— Откуда у следствия могли появиться эти финансовые документы?

Михаил Фомин, перенервничавший, поскольку не знал суть вопроса, выпалил первое пришедшее в голову:

— Ваша Честь! Я протестую!

Судья, делая акцент на паритет мнений, видя выражение лица повернувшейся к нему потерпевшей, понимая, что патроны

еще не кончились, мягко произнес:

— Протест принят.

Надя, плюнув на все, делает выстрел с некоторым кокетством:

— А я… отвечу. Эти и многие другие документы следствию передала я в режиме добровольной выдачи.

Адвокат Миндлин:

— Где Вы их взяли?

— Я часть из них украла… — В зале наступает тишина, мало кто понимает, зачем она в этом признается.

Судья, понимая, что иезуитский ум этой женщины уже готов для объяснений:

— Как это?

— Ваша Честь. Я знаю, что за 10 лет и 6 месяцев со дня убийства моего мужа до настоящего процесса не все мои действия были законопослушными. Но они были направлены на сбор любой, даже самой незначительной на первой взгляд информации, касающейся деятельности проекта «СУПЕР МИРАЖ». И действовать приходилось по тем правилам, которые мне навязаны были фигурантами этого проекта. Если Ческис организовал аудит «РУСДЖЕТ» и «МАРВОЛ» с помощью своей жены Елены, то кто имел право помешать мне тоже сунуть туда свой нос?! Озвученная мной сейчас информация имела несколько источников: бухгалтерия завода имени Климова, бухгалтерия СП «РУСДЖЕТ», данные о списании средств со счета «МАРВОЛ Вирджинские острова» и личный счет Ческиса в «Барклайс банке», Лондон. Недостающая сумма, видимо, при суммировании всех переводов, была передана на хозяйственные нужны Олега Александровича Пылева для содержания его ОПГ. Но Ческис не мог не откусить себе кусок от этого пирога. Обкрадывая Волошина, он не сделал исключения и для Пылевых.

Миндлин:

— Это Ваши домыслы! Ваша Честь, я протестую!

— Ваша Честь, но невиновность его подзащитного — это также домыслы господина Миндлина, которыми он здесь не стесняясь делится!

Судья:

— У него такая работа… — С первой буквой елейная, еле заметная улыбка проползла, придавая привкус удовольствия от происходящего, передавшись большинству присутствующих.

Надя позволила себе продолжить, переняв улыбочку Его чети:

— Только господин Миндлин забыл, что в данном судебном процессе его подзащитным является не Олег Александрович, а Махалин…

* * *

Очень многие уверены в том, что, чтобы жизнь не прошла впустую, нужно пожить и для себя. А я вот не желаю, чтобы на моей могильной плите было написано: «ЖИЛ ДЛЯ СЕБЯ». Но дело не в том, что у меня так и не получилось, а в невозможности такого существования у Надежды Хлебниковой. Если задуматься, то понимаешь: любящий человек не может жить по-другому, кроме как ради и для любимого. Она жила и живет до сих пор ради памяти своего мужа.

Кто-то скажет: «Хм, глупо, давно нужно было начинать жить для себя». Кто-то парирует: «А разве любящий человек сможет по-другому?!». Могут быть и другие фразы, вплоть до зависти Тимуру, имеющему такую супругу до сих пор!

Но жить ради человека, которого уже нет, как бы это странно не звучало, не значит существовать только этим, ведь жизнь, пусть даже такая, продолжается.

Поставив себе цель, почти ее достигнув, вдова, найдя новые, последовательно и уверенно, направлялась к ним.

Вернемся снова к «прениям» — это, когда после окончания судебного следствия по закону появляется возможность, в присутствии присяжных и других участников заседаний, «вживую» пытаться доказывать или опровергать мнение противоположной стороны, основываясь только на исследованном материале и только на нем.

Вдова долго готовилась к этому моменту, а прения — это всегда диалог, начинающийся с монолога первого выступающего. Здесь открывается множество возможностей опровержений, в том числе с использованием сказанного обвинением или защитой, а потому каждое слово следует взвешивать не по одном разу, чтобы не дать со своей же помощью себя «загнать в угол». Какой бы правда не была, ее всегда можно представить ложью, как, впрочем, и наоборот — подобные примеры мы имеем возможность видеть по телеэкранам, на которых настоящее положение вещей в стране очень удачно извращают и представляют с обратным знаком. Ах, как большинство переживает о происходящем за рубежом, совсем не замечая происходящего у нас!

А у нас, между прочим, высокопоставленные чиновники прямо заявляют с экранов телевизоров, мало того, доказывают — мафия бессмертна! Что удивляться, когда эти люди сначала в подведении итогов своей деятельности рапортуют о полном ее уничтожении, мол, «организованная преступность искоренена полностью», через год то же самое, слово в слово, звучит, с той же

трибуны, а по прошествии еще двух лет удивленные телезрители внимают этой же информации, понимая: сколько ее не уничтожай, на следующий год приходится, полностью уничтоженную, громить заново — прямо как птица Феникс, возрождающаяся из своего же пепла. А ведь об этом знали еще в семидесятые годы прошлого столетия в СССР, нужно только вспомнить очень симпатичный персонаж из фильма «Невероятные приключения итальянцев в России», говорившего открытым текстом на чисто русском языке: «Мафия бессмертна!»…

Так вот, прения…

Надежда Юрьевна решила придерживаться своего обновленного мнения, направив свои «выстрелы» против основных претендентов на ее месть. Эта умная женщина оказалась способна не только четко для себя разграничить виновных и пострадавших на скамье подсудимых, но и убедить в этом остальных. «Пострадавших», я имею в виду, не только провинившихся и достойных соответствующего наказания, но и тоже имеющих право быть понятыми.

Итак, Надежда Юрьевна — приведем текст ее выступления, взятый из протоколов судебных заседаний, с некоторыми комментариями с ее же слов:

«Уважаемые присяжные! Ваша честь! Судьба распорядилась так, что на данном судебном процессе я представляю сторону обвинения. Но свой голос я отдаю защите… — При этом заявлении зал оглох, большинству показалась в произнесенных словах закравшаяся ошибка, а обвинитель хотела швырнуть в нее стулом, ибо такое начало полностью рушило ее обвинительную речь. Но вдове было это совершенно не важно:

— Меня тут адвокат Олега Александровича обвинил, что я пытаюсь Вас убедить в том, что бывают убийцы хорошие и плохие. Это не так! Человек — убийцей может стать или нет. Но убийцей может быть любая мать, защищающая своего ребенка! Я жалею, что не смогла убить Кондратьева в то утро у подъезда. Я жалею, что не смогла защитить жизнь своего мужа и убить Ческиса. Можно убить, спасая близкого. Убивают солдаты, защищая Родину. Любой человек, обладающий здоровым инстинктом самосохранения, может убить, спасая свою жизнь. Можно убить от страха, можно сделать это, находясь в состоянии аффекта, от безысходности.

Итак, перед вами слева — Федин, Кондратьев, Грибков, Пустовалов, на месте свидетелей, находящиеся под подпиской о невыезде Филиппов и Толстиков… Каждый из них попал на эту «скамью» изначально по причине своей недалекости, от голода и пустоты, которые образовались в их жизнях по причине того, что

наше государство не заботится о молодых спортивных ребятах, которые не хотят жить впроголодь. Бывшие военные, бывшие спортсмены, пассионарно настроенные личности — кому они могли предложить свои способности? Кто из вас, уважаемые присяжные, имея такую возможность, десять лет назад взял на работу хотя бы одного молодого парня?! Никто? Значит, в какой-то степени мы все с вами виновны в том, что они пришли к краху, попали в беду, в лапы Пылевых.

У них ничего нет, кроме горечи и пустоты. Вот итог их невиртуальной игры в «стрелялки». Красивые тачки, которые им не принадлежали, объедки с барского стола в виде поощрения. Обещания красивой жизни, если выживут. ЕСЛИ! Вот за это «ЕСЛИ» они и цеплялись.

Олег Толстиков прятался несколько месяцев от Олега Александровича в неотапливаемой избушке у знакомых. Андрей Филиппов ездил на «АУДИ», о которой упомянула гособвинитель. Моих неглубоких познаний в машинах достаточно, чтобы понять, что эта разбитая машина восьмилетнего возраста намного дешевле бронированной Волги ГАЗ-24, на которой ездил, как он вам пожаловался, Олег Александрович, хотя я знаю, что в Испании он передвигался на «Бентли». У Пустовалова единственный свитер, в котором его арестовали и в котором он предстает перед нами в течение 10 месяцев. У Кондратьева — жалкая комната в коммуналке. Федин, пришедший сам, прежде чем появиться в прокуратуре, вынужден был продать старые «Жигули» восьмой модели, чтобы хоть что-то оставить жене. Их проще было убить, чем заплатить за верную службу.

Я категорически возражаю против мнения гособвинителя, что «нажать на курок[108] еще надо суметь». Олег Александрович не утруждал себя этим упражнением. Тем не менее, имеет дорогостоящую недвижимость за границей, проводил большую часть года в Испании, Франции, Греции. Разводил племенных жеребцов. Стоимость каждого минимум 300 тыс. — 1 млн. долл. США. Вы верите, что перед вами — честные коневоды?! Я — не верю!.. — При этих словах о коневодстве, все, без исключения, обратили свои взоры на Пылева. Заметивший это Олег Александрович, даже сквозь постоянно поднятую перед глазами тетрадку, не смог удержаться от «праведного» гнева и вспылил:

— Да я этих жеребцов на своих руках выращивал!!!

Судья Усов, сделав огромные глаза, словно поддерживая это заявление, понятно, что наигранно, еле сдерживая смешок, стучит молоточком, хотя явно хочет сорваться в аплодисменты выступающей.

Хлебникова, даже не поведя бровью, еле сдерживая

эмоциональную, бешено атакующую волну, продолжает с той же интонацией:

— Очень трогательно. А вот мой муж хотел на своих руках вырастить нашего сына… — Глоток необходимой порции воздуха позволил перевести дыхание присяжным, увлеченно наблюдавшим за происходящим — такое представление, да еще за государственный счет! Конечно, они были увлечены, но совершенно не представляли, каким прениям предстоит разгореться в их комнате, когда наступит их время принимать решение, и вот тогда заговорят сердца и гордыни…

Но сейчас говорила вдова:

— Итак, если вы позволите, я объясню ту разницу между убийцами, которую я поняла за эти 10 с половиной лет… — Присяжные кивают головой, давая согласие… Получив поддержку, она продолжила:

— Можно убить. Но убить и раскаяться — это важнее той причины, по которой совершено это преступление. Я прошу вас услышать слова раскаяния, прозвучавшие из уст левого «аквариума». Вы не имеете права их не услышать! Потому что дать шанс кающемуся грешнику — это наш долг: превозмочь свою боль, недоверие, страх и дать этот шанс! Потому что кающийся грешник будет услышан на Суде намного более строгом, перед которым мы все предстанем: и адвокаты, и подсудимые, и потерпевшие, и присяжные, иии… убитые…

Я прошу вас о снисхождении к ребятам, чью жизнь Пылев сломал так же, как жизни всех близких и родственников своих жертв, кому он выносил смертный приговор. Они тоже потерпевшие на данном судебном процессе.

И в то же время я умоляю вас вынести самый суровый приговор подсудимым из правого «аквариума». Я говорю о Сергее Махалине и Олеге Пылеве. Тот, кто не признает своей вины, оказавшись на свободе, будет убивать снова и снова. И тогда на моем месте окажется кто-то из вас или тех, кто вам дорог!.. — Окинув всех проницательным взглядом, заострив внимание на адвокатах Пылева и Махалина, намеренно заставив «выстрелить» своим вниманием в ту сторону присяжных, что заставило потупить взоры «защитникам» этих обвиняемых, Хлебникова перешла к следующему моменту:

— В своей речи адвокат Пылева сказал: «Посмотрите на эти лица!», — имея ввиду, так называемую «пехоту»: «Пылев жил в постоянном страхе. Любой их них мог выстрелить ему в спину!». Уважаемые присяжные! Вам стало жалко Олега Александровича?.. — За перилами, отгораживающими двенадцать присяжных заседателей стало оживленно, люди,

воспользовавшись моментом обращения к ним, меняли позы, улыбались, мотали в стороны в осуждении Пылева своими головами, кивая ими же в поддержку оратора. Она же, не останавливаясь, продолжала наступление по всем фронтам, в том числе и на окопы обвинителя:

— Мне немного стало жаль его. Поэтому я прошу вас защитить его от этих отъявленных убийц и дать Пылеву максимально большой срок, предусмотренный нашим законодательством. Надеюсь, стены тюрьмы надежно сохранят его бесценную жизнь… — Снова замелькали улыбки присутствующих, кроме людей, составлявших компанию «плохих». Надя, взглянув на судью, сделавшего жест, говорящий: «В вашем распоряжении времени неограниченное количество, используйте свое конституционное право», и она использовала:

— Человек (Пылев) менял фамилии, имена, отчества, даты и места рождения…

Не дав договорить, адвокат Махалина, часто выступающий защитником и Олега Пылева — Миндлин, подскочив, выпалил:

— Я протестую! Любой гражданин РФ может поменять паспортные данные!.. — Что совершенно не смогло сбить с темпа струящуюся мелодию:

— Вадим Самуилович! Так ли это?! Я могу поменять имя, например. Но вот год рождения нет, при всем моем чисто женском желании быть моложе. Уважаемые присяжные! Это люди не только без жалости и без совести — это люди без имени, без будущего, но к сожалению, с прошлым, усеянным трупами… На данном судебном процессе я защищаю не свою точку зрения! Я не защищаю имя и честь своего мужа — он в этом не нуждается. Я защищаю право своих и ваших детей жить и работать в своей стране, под своими настоящими именами. И не бояться, что какая-то мразь даст приказ за 30 серебряников лишить их жизни!.. — После этих слов началась перепалка, в которой слова разных людей, выступающих, протестующих, выкрикивающих с места, иногда сливались, но в общем смысл следующий:

Адвокат Миндлин:

— Кто такой следователь прокуратуры? Обычный писарь!..

Надежда Юрьевна, в защиту тех, кто собрал, потратив на это целые годы, десятки томов материалов уголовных дел, чему она была очевидцем:

— Если следователь прокуратуры 1 ранга — обычный писарь, то как назвать адвоката?!

Адвокат Миндлин, с еле скрываемой злостью:

— По поводу убийства Хлебникова… Считаю необходимым — дело отправить на доследование, ибо абсолютно уверен, что это

дело рук спецслужб! Уважаемые присяжные!

Реакция Надежды Юрьевны, яд на кончике языка которой начал достигать опасной концентрации, а от него точно нет противоядия ни для одного человека, была вполне ожидаема, людьми, которые ее хорошо знают:

— Хм… Итак, обратите внимание: Алексей Кондратьев — специальный агент по выполнению карательных акций ГОСУДАРСТВЕННОГО масштаба. Убил руководителя оборонного предприятия. А потом начал бегать, заметая следы: то кого-то в подъезде пристрелит для отвода глаз, то кого-то придушит на даче у Пылева. Человек, больной эпилепсией, не служивший в армии…

Судья Усов, делая вид, что закашлялся, на деле еле сдерживаясь, давился от смеха:

— А Вы это откуда взяли?

— Ваша честь, из материалов уголовного дела.

— Вы можете опираться на факты, которые звучат в зале суда.

— Простите, Ваша честь. Но у меня, тем не менее, вопрос: разве наши спецслужбы отдали бы своего ценного сотрудника на этот суд? Мне кажется, адвокаты Миндлин и Мелков недооценивают наши интеллектуальные способности. Уважаемые присяжные! По этой логике вся банда — это спецразработка: от перепугавшегося, удравшего в Киев бывшего лейтенанта КГБ Гусятинского до гениальнейшего коневода Пылева! Нужно быть идиотом, чтобы это утверждать!

Адвокат Миндлин, перебарывая усилиями своего голоса уже нескрываемый прорывающийся гомерический смех присутствующих, удары молотка, перекидываемые друг другу комментарии:

— Вы с самого начала следствия считали виновным Волошина. Это так? Вы меняли свои показания?

— С самого начала расследования я говорила, что удар был нанесен со стороны «МАРВОЛ». И кроме главы фирмы, Волошина, с первых минут я называла имя Ческиса. Повторюсь: даже опытнейшим следователям понадобилось более десяти лет, чтобы назвать все имена виновных. Я продолжаю настаивать: мой муж был убит в связи со своей профессиональной деятельностью! Виновник, Ческис, работал в «МАРВОЛ». Имена организатора и исполнителя убийства я узнала позднее… — Миндлин, уже из принципа продолжая, чтобы не останавливаться, старался усиливать давление, пытаясь перевести все внимание присяжных заседателей на Волошина, тем более, что действительно на Марка Семеновича было предостаточно показаний, но кажется и в этом

случае, как и в случае с Таранцевым, у него появилась презумпция невиновности:

— Волошин остался должен Вашему мужу деньги. Это Вы не считаете возможным мотивом убийства?.. — Надя заведомо понимала к чему ведет адвокат, поэтому просчитывая возможные варианты развития событий, обрезала пути отступления Вадиму Самуиловичу заранее:

— Сейчас не считаю. Да, Волошин не хотел и не желает до сих пор отдавать мне деньги. Но тогда из этих рук я отказалась бы их брать, до тех пор, пока не узнала бы имен виновных. Я должна была быть уверенной, что не возьму денег из рук убийцы… — Потом, уже много позже, через одиннадцать лет, Надежда Юрьевна рассказывала мне, что именно в этот момент решила защищать Волошина, обворовавшего ее и ее детей, тому причиной стали тогдашние обстоятельства суда. Она не лгала, Волошин противен ей и сейчас, деньги она взяла бы, если бы он заплатил по контракту, а не предложил, как летом 1995 года сделал это Ческис, ссылаясь на Марка Семеновича — «за молчание», что просто оскорбило память ее мужа. Сейчас, ради этого же она была вынуждена спасать мошенника и просто подлого человека.

Судья Усов вмешался, решив немного охладить пыл перепалки переводом темы в другое русло:

— Надежда Юрьевна, поясните суду, почему перестал работать проект «РУСДЖЕТ»?

— После убийства моего мужа генеральным директором был назначен, подконтрольный Ческису Головин Юрий Петрович, к последнему лично у меня претензий нет. Никто из руководства «МАРВОЛ» и «РУСДЖЕТ» не обладал достаточным профессионализмом и знаниями о проекте, чтобы успешно его продолжать, в том числе и Головин. К тому моменту с ЮАР было снято международное эмбарго, и эта страна приняла решение сотрудничать с более компетентными коллегами.

— Вы считаете, что смерть Вашего мужа могла послужить причиной того, что проект был завершен так неудачно?

— Ваша честь, я в этом абсолютно уверена! — Здесь она вспомнила свою поездку в Тунис. Как же ей хотелось крикнуть: «Хрен вам всем на постном масле, а не бабки с могилы моего Тимурищи!», но улыбнувшись одним уголком рта, продолжила:

— Более того, были не доплачены деньги оборонным заводам… — А вот здесь поездка в Тунис была не при чем! Тут она напомнила еще раз про цифры. Пылев снова не сдержался, и будто не помня первого эффекта, заорал:

— СКОЛЬКО?!.. — Если бы в зале суда был пока еще живой

Ческис, этот возглас пронзил бы его насквозь в нескольких местах, но пока ему везло…

* * *

На всем протяжении суда Надин адвокат, как я уже упоминал, находился постоянно на связи с Игорем Рядовским и Виталием Ваниным. Следователи нуждались в постоянной информации о ходе суда. Причем, чем подробнее и скорее попадала к ним информация, тем проще было реагировать на события. Дело в том, что следователь работает, скрупулезно собирая данные, факты, результаты экспертиз, показания, сшивая дело таким образом, чтобы оно выглядело доказательным в отношении вины будущего подсудимого. Никто лучше провинившегося не знает нюансов его преступления, но в подавляющем большинстве случаев он понятия не имеет, чем будут оперировать гособвинители, доказывая его вину.

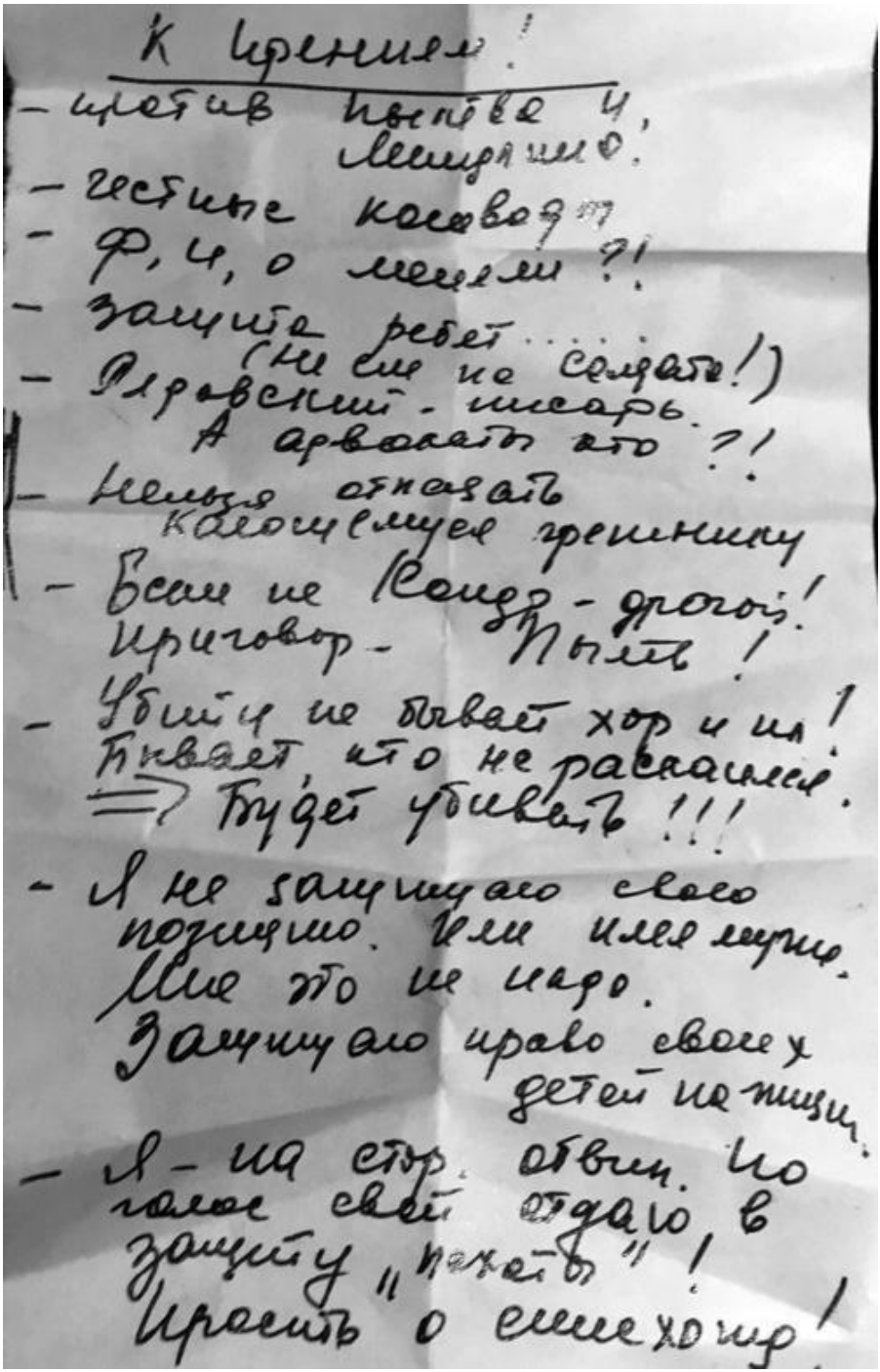
Толстиков – Гляди деревню
Ну вы потешили ....
Имена были ?!
Имейник самоохрана

Филимонов – Наш Ауди в ней.
Вроде ГАЗ24 попало
Дорожке. ? Чего бы в
Лучшем Гриднее порезали ....

Грибов – с него нач расследование
больше дел

Федин – рапк. Осуждение. Ошибка.
Солдат – ? ? ?
Вадр имена – имена по этажам
назвать все имена !!!

Оля – в деф. по дуре ? Грубая
Но за это мы не осудим
дать шенс.
Но в др клетке – не вешать
Удавами в сем чуж руками.
Умн – дома такие, перебуд
По ним мин ₽.
Комар – комн в комнате
Солдат – ед свитер.
– Эти страшные! всем вы
их не осудите на мой
место будьте вы ими
Кто вам дорог !!!
бивать чтоб выжил ≠ убивать чтоб


К прениям!
- цветов нынче и, Мемориал.
- гостите каковы?
- Ф, Ч, о мелем?!
- защита ребят...
(Не сдадим!)
- Ярославский - писарь. А арвалат это?!
- Нельзя отказать Кассационную жалобу
- Всем не Конд - дрогой! Приговор - Пулю!
- Убийц не бывает хороших! Бывает, что не расстреляли. ⇒ Будет убивать!!!
- Я не защищаю своего позвоночника. Или имя мое. Мне это не надо. Защищаю право своих детей на жизнь.
- Я - на стр. отвем. Но голос свой отдаю в защиту "пакета"! Прошу о смягчении!

Две исписанные странички с тезисами подготовки Надежды Хлебниковой к прениям

В свою очередь и следователь не очень представляет, каким образом будут защищаться обвиняемые, какие козыри остались в их руках, как на происходящее в ходе суда будут реагировать присяжные заседатели — в этом и беда.

Если адвокаты имеют возможность изучать материалы дела еще в процессе их создания, присутствуя на всех следственных экспериментах, изучая результаты экспертиз, требуя их переделывания, присутствуя на допросах, опознаниях, очных ставках, явках с повинной, что составляет весь период следствия, то противостоящие им непосредственно на суде государственные обвинители имеют на это десять суток, отведенные законом, что часто бывает недостаточно. Последние общаться со следователями далеко не всегда считают нужным или полезным. Потому и проходящее судебное следствие многое расставляет на свои места.

На личном опыте и изученном постороннем могу сказать: в сложных делах обвинители часто знают дела не достаточно, больше полагаясь на сегодняшнюю судебную систему, почти не признающую презумпцию невиновности. Будь прохождение этих процессов в других странах, большинство из них не доходило бы и до середины, дела отправлялись на доследования, или обвиняемые отпускались на свободу, в виду недоказанности.

Поэтому Рядовский и Ванин внимательно наблюдали за ходом процесса, замечая отклонения, провалы, недочеты, направляли Фомина исправлять и наставлять обвинителя, свидетелей, экспертов, чем не оставляли и шанса на оправдательный приговор.

«Защитник» Хлебниковой, записывая все на тонюсенький диктофон, приносил для прослушивания все происходящее в зале суда. Конечно, каждое выступление Хлебниковой вызывало неподдельный интерес, а после прослушивания восторг.

Дуэль вдовы с адвокатом Сергея Махалина оценили по достоинству. Следователи не смогли сдержать свои эмоции и чуть ли ни вдвоем бросились к телефону:

— Надежда Юрьевна, мы хотим Вас поблагодарить. Мы всем отделом слушали и переслушивали Ваши выступления на суде. И мы ими просто потрясены! Мы всем отделом слушали и переслушивали… мы все потрясены… Включим их в закрытый учебник для прокуроров, как учебное пособие!

— Спасибо, Игорь. Я бы хотела к вам заехать, поблагодарить за то, что вы с Виталием, несмотря на такую кучу преступлений, смогли обратить внимание и на убийство моего мужа, доведя все до конца…

И ведь заехала, предварительно посетив продуктовый и

винно-водочный отделы. Её ждали не в кабинете, как обычно, а в помещении напоминающем «красный уголок» времен СССР с портретом Президента на самом почетном месте.

Стол, уже скромно накрытый, пополнился из принесенных ею пакетов: водкой, вином, шампанским, шоколадом, уже готовой закуской. Быстренько рассевшись и разлив, начали делиться впечатлениями.

Рядовский Игорь:

— Ну ты там, конечно, выдавала… Вот честно скажу, Фомин рассказывал, что когда ты начинала говорить — была гробовая тишина, и хоть голос у тебя прерывался, но был твердым. Но он же говорил, что тебя трясло так, что он боялся — сейчас инфаркт или инсульт с тобой случится. Как чрезмерно натянутая тетива! И все слушали, даже Пустовалов от «Атласа автодорог Европы» отвлекался…

Фото со следственного эксперимента у клуба «Доллс». Игорь Рядовский крайний слева, далее Керим Бижев — адвокат автора на тот период, конвоир, автор

Виталий Ванин:

— Что Пустовалов?! Даже Пылев свою физию журналом забывал прикрывать…

Надежда Юрьевна:

— Ну спасибо! Поздравляю… Но у вас еще впереди несколько судов, наверное с полсотни убийств, теперь вам понадобится терпение…

Поговорили про Михайлова — Надежда высказала свое мнение о нем, полностью совпадавшее с мнением следователей, заявивших, что будут пытаться изо всех сил вывести его из-под ПЖ… Через год с небольшим Олег Михайлов услышит свой приговор — «пожизненное заключение», при том, что обвинитель запрашивал ему 18 лет! Случившееся стало кровоточащей раной на чести и следственного комитета, и тех людей что вели это уголовное дело. Такого не должно было произойти, поскольку существовала «договоренность» между следствием и судом[109] — сейчас это называется «заключение досудебного соглашения» о сотрудничестве между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, но называться мало — нужно его соблюдать, причем не только одним раскаявшимся преступникам.

Разговаривая со многими следователями и оперативниками по этому поводу, слышу одно и то же: такие приговоры рушат большинство возможностей для раскрытия особо тяжких преступлений, где есть хоть какая-то организованная, а значит, наиболее опасная преступность! И опера, и следователи, и обвинители, и тем более судьи призваны к одному и тому же, а на деле получается, что тянут воз правосудия в разные стороны.

Очень важен при этом сам факт подрыва такими приговорами и без того небольшого доверия к правоохранительной системе со стороны подозреваемых и обвиняемых, готовых давать показания, сотрудничая со следствием. Основная мотивация таких людей проста, понятна каждому, не предосудительна ни с какой точки зрения — **они хотят и должны иметь реальную перспективу вернуться к нормальной жизни после отбытия разумного срока наказания!**

Раскаяние, конечно, не призрак, но даже человек не раскаявшийся по настоящему, но сделавший встречный шаг, в любом случае имеет право рассчитывать на такой же со стороны закона, а получается, что дающий показания, буквально сам раскрывая совершенное им преступление, топит себя, в то время, как если бы мочал, скорее всего, получил бы меньшее наказание. Таких примеров не счесть уже.

Милостивые господа, пока вы не услышите друг друга, такие кровоточащие раны у профессионалов, честь имеющих, будут только увеличиваться. Система перестанет работать, очистит свои ряды от достойных, оставив кого-то… И вот тогда начнут страдать те, кто вообще непричастен… Услышьте друг друга, не ради сравнения качества правосудия с зарубежным, но ради своего профессионального долга и простого рационализма, может быть тогда и до милосердия будет недалеко! Прошу прощение у читателя за это небольшое отступление, предназначенное не

ему…

В завершении, не сдержавшись, вдова озвучила главное, волнующее ее:

— А Ческиса когда задержите?

— Ну так он же в Америке!

— А Интерпол?!.. — Виталий Ванин, державший в это время запотевшую полную рюмочку в руке, недолго взвешивая: опрокинуть ее или сначала высказать мысль, закинул содержимое внутрь, и, прочувствовав приятно бегущую густую жижицу по пищеводу, улыбаясь, чуть ли не с выражением, пропел:

— Ну, блин, что ж ты за человек?! Ты когда-нибудь угомонишься?! Обязательно праздник надо было испортить!.. — Надя же отставила свою непригубленой, произнеся весьма серьезным тоном:

— Господа! Мы так не договаривались! Я ХОЧУ ЧЕСКИСА! Я это говорю с первого дня! Так что я — лишний на вашем празднике, как в анекдоте.

Ванин, беря тупой большой нож со стола, делая пару пассов в воздухе:

— Да будет тебе Ческис! Живой или мертвый!

— Ок. Верю. Но мертвый тоже сгодится… — На том и разошлись…

Рядовский собирался Дмитрию Ческису предъявлять обвинение по части второй статьи 105 (убийство группой лиц), с «пристегнутой» 209 (бандитизм) буквально сразу после возвращения из США. Предполагалось, что он, думая, по окончанию суда, будто ему более ничего не угрожает, вернется в «Норильский никель». Что и как было, читатель помнит…

После дуэли Надежды и адвоката Мидлина, на которой последний был разбит в пух и прах, предстояли выступления адвокатов же, подсудимых, и государственного обвинителя, после чего, уже имеющие полную картину преступлений и вины или безвинности, присяжные заседатели удалялись для обсуждения поставленных перед ними нескольких десятков вопросов, результатом чего и должен был стать ВЕРДИКТ…

Обсуждения «Двенадцати», длившиеся вечер и почти всю ночь, все же закончились. Это время остальные участники чувствовали и вели себя по-разному. То встречаясь в пустующем буфете здания суда, то в коридорах, то в туалетах, то в отведенном для курения месте, хотя курили, кажется везде.

Где-то посередине этого мытарства рядом со вдовой появился оперативный сотрудник, «курирующий» прохождение суда:

— Надежда Юрьевна, разрешите отвлечь Вас на минуточку?

— Ну хоть какое-то развлечение… Конечно!

— Вам просили передать… то есть ввести в курс дела: зная, что Вы переживаете о возможности оправдательного вердикта присяжных в отношении Пылева, Трушкин просил успокоить.

— Хм… И как же?

— Пойдемте… — Они прошли в пустующий зал заседаний:

— Взгляните в отрытое окно… — Предложение не показалось странным или несущим какую-то опасность, хотя я бы лично задумался. Надя взглянула, покрутила головой — ничего достоянного внимания:

— Ничего не вижу…

— Сверху… — посмотрите наверх… — Над головой, метрах в трех, свисающими с верхнего этажа, болтались какие-то лямки…

— Что это?

— Если присяжные его отпустят, изо всех щелей сюда ввалятся бойцы ОМСН, захватят, после чего Пылеву будет предъявлено новое обвинение с перечнем новых раскрытых убийств…

— Иииии?..

— И увезут в неизвестном направлении…

— Иииии?.. — Она уже хотела было продолжить: «Закопают в лесу!», но наступило разочарование, хотя тоже вполне устраивающее:

— Нет, скоро он окажется в той же замечательной тюрьмушке, где его будут с этим обвинением ознакомлять, и все начнется заново…

Честно говоря, людей, не понимающих вину Пылева в природе, кроме него самого, не было, но ожидать можно было всякое, а потому и приготовление было не лишним… Надежда Юрьевна рассказывала через одиннадцать лет об этом с саркастической улыбкой, как человек, лишившийся обещанного, мало того, редчайшего зрелища, хотя и понимала, что силы на «третий заход» (на прохождение заново судебного следствия), вряд ли у нее нашлись бы… но сам спектакль!

На вынесении приговора, происходящего через несколько дней после оглашения вердикта коллегии присяжных заседателей, вместе с Надеждой присутствовал и ее сын. После перечисленных федеральным судьей Усовым вин обвиняемых и «розданных» сроков, одиннадцатилетний юноша своей серьезностью и решительностью выглядел возмужавшим мужчиной. Взяв обессилевшую от напряжения руку матери в свою, глядя ей в глаза, полные печальной гордости от достигнутой цели, но не способной вернуть мужа, он произнес: «Мама, большое спасибо за то, что ты это сделала!». Это были те же слова, что услышала вдова одиннадцатью годами раньше,

протягивая новорожденного сына его отцу, которому оставалось жить ровно один год и семнадцать дней…

Все опустошилось внутри только что разряженного от состоявшейся мести организма. Холод сгущался, поток эмоций встал, как прекращается течение реки перед внезапно закрывшейся плотиной. «Емкость» чем-то наполнялась, но чувствовалась только разряженность вакуума, навязывающиеся ощущения создавали впечатления, которые возможны при захватывании смертью живых существ — медленно и бесповоротно.

Душевность прошлого и даже настоящего, смерзаясь кристаллами безразличия, материализовывалась в офизиченную констатацию сбывшегося сумасшествия. Будущего не было совсем, как и мыслей о нем — зачем мысли, если нет в их сути необходимости?!

Все застыло, будто студнем, но страха не было, как и желания чего-либо предпринять. Время, тяжело ступая по ее потерявшемуся в тумане предстоящего бытию, тянуло за собой еле бьющееся сердце. Вслед натягивались сосуды, выворачивая наизнанку всю душу. Никогда не чувствуя подобного, Надежда, видела перед собой только один выход — прочертить границу между вчера и сегодня, забыв мучающее в прошедшем, увлекаясь новым, живым, настоящим. Но призраки, державшие крепко ее душу в своих руках, маниакальным увлечением направляли к Ческису и Пылеву. Ей захотелось большего, чем произошло сегодня!

Начавшаяся проводиться ею черта застыла на середине, сердце, вырвавшееся из «мертвой хватки», как пружина, устремилось на свое место, но утягиваемая растянутыми артериями, венами, нервными окончаниями, проскочив прежнюю ось своего расположения, ударилось о стенку, отскочило, продолжая до сих пор трепетный поиск, пока безнадежно…

Частично, как и последние десять с половиной лет, функции этого духовного органа принял на себя «становой хребет». Он был и есть с жестким сердечником, не умеющим прогибаться или кланяться обстоятельствам.

«Плотину» так и не прорвало, не открылась она и самостоятельно — теперь и всегда все, что касается жизни, перетекает через верх, и не дай Бог когда-нибудь появится в этой конструкции хотя бы мизерная течь!..

Будем надеяться, что книга поможет!

Эпилог

«Время нашей жизни бесценно: в это время мы решаем нашу вечную участь».

(Святитель Игнатий Брянчанинов)

В самом начале нашей с Надеждой Юрьевной переписки, она написала, отвечая на очередное мое письмо: «…у меня иногда такое впечатление, до мурашек — что Вы (тогда мы были еще на «Вы») знаете, о чем я думаю… — так точно формулируете что-то очень глубоко спрятанное… Раз так, я напишу Вам сюда СОН. Он вошел в сборник «Жизнь после смерти» — там впечатления оставшихся жить… ничего особо знаменательного.

«Уже много лет мне снится один и тот же сон. И я перестала понимать, где я живу — в этом мире или в этом сне. По утрам с кофе и сигаретой продолжаю незаконченные диалоги. Опять что-то забыла спросить! Опять что-то забыла сказать…

Что такое сон? Наше истинное Я? Или сквозь суету этой жизни из Вечности именно во сне до мозга, сердца, души может дотянуться тот, кто так безнадежно дорог? Это пронзительная мечта — или потаенная реальность?».

Итак сон:

«…Мне снится, что я приезжаю на кладбище. Я знаю там каждый кустик и комочек равнодушной земли. И понимаю, что ТАМ — пусто… И вдруг кто-то посторонний мне говорит (каждый раз это кто-то другой, невидимый и неважный), что Тимур — дома. Как это бывает во сне — ноги не могут одолеть дороги, нет света, не работает мобильник (наши сны тоже срежиссированы в соответствии с последним словом техники), потерялись ключи от машины, заперты ворота. Ну и все в таком духе. Так страшно снова не успеть! Снова потерять!

И вот — дом. И не видя, я понимаю, что он — здесь. Слышу голос, даже чувствую знакомый запах жесткого мужского парфюма, который больше не встречала ни у кого, и боюсь идти дальше. Боюсь, потому что перед глазами проносятся все эти годы с того самого первого страшного мгновения. Что я сделала не так? Все ли сделала, как он хотел? Такими ли вырастила наших детей?

Потом мысли еще более мучительные: «А, собственно, он-то

где все эти годы был?! И главное, — с кем?! Вот так легко он выдержал такой мучительно долгий срок без меня? И кто был с ним рядом?! И к Тимуру я уже захожу в комнату как ощетинившийся волк, вернее — волчица, на святость логова которой посягнули. Боюсь услышать его вопросы. Боюсь услышать его ответы… Ревность и боль разрывают раскаленными щипцами на миллионы частиц всю мою сущность! Хочется его убить, хотя это мы уже проходили…

А он просто молчит и смотрит. Так, как смотреть на меня мог только он: с нежностью, теплом, восторгом.

— Тимурище! Где ты был?!

— Я всегда был рядом, ты же знаешь.

— Нет! Ты где-то прятался! Ты от нас сбежал! Ты нас бросил! Если бы ты только знал…

— Я все знаю. Разве я мог вас бросить?! Так получилось. Прости меня. Я знаю, было тяжело. Но вы же у меня такие молодцы…

— Там, где ты был, у тебя была женщина?!

— Ты неисправима! ТАМ нет женщин.

— А кто там был с тобой рядом? Что ты ел? Что вообще делал?! Ты раньше не мог и дня провести без меня, ты звонил из ЮАР через полмира узнать, что я делаю, где я, во что я одета… Ты таскал меня с собой на военные аэродромы и заводы, в разные страны и города… А теперь ты все это уничтожил!

— Тебе это приснилось. Мы все это время были вместе. Я был рядом, когда ты учила сына ходить, на его Присяге, на Катином выпускном вечере, на похоронах твоего отца. Я был рядом, когда умер Босска, и ты выла, вырывая ему могилу. Я был рядом, когда ты спала и когда металась по дому по ночам, как раненый зверь. Я видел, как ты стоишь у окна и снова ждешь меня с работы. Я был рядом, когда ты сжималась от боли — тебе же становилось легче. Я охранял тебя от автомобильных аварий, и ты умудрилась не разбить ни одну машину. Я слушал вместе с тобой музыку, смотрел на моря и океан, на солнце и луну… Неужели ты этого не чувствовала?

— А суд? А эти допросы, показания? Эти враги?! Когда я билась как бешеный зверь в агонии?!

— Я был рядом. Я знал, что благодаря тебе мне даже мертвому они все будут завидовать.

— Значит, ты мертв?

— Это они так думают.

— Ты изменял мне?!

— Нет. Разве можно изменить правде?!

— И что будет теперь?

— Теперь? А теперь мне пора. Но я снова приду.

— Ну уж нет!!! Я больше и на шаг тебя не отпущу. Я пойду с тобой, где бы ты ни был. Я поползу за тобой!

— Нет. Лучше я буду приходить к вам сам. Вы в разных местах. Мне так удобнее.

— Но почему?!

— Потому что я так сказал. Ты всегда слышала меня… и слушала… ну почти всегда.

— Лучше бы ты меня услышал и послушал! И не было бы этих лет. Не было бы страшно все эти годы. Страшно пережить было каждое мгновение — это пытка…

— Я знаю. И мало кто, кроме тебя, ее бы перенес.

— Почему ты редко приходишь?

— Я не хочу тебе мешать. Ты уже все можешь сама. Я должен только помогать и защищать. Я буду приводить к тебе людей — это буду делать я, и ты это поймешь…

— Хорошая защита. И спасибо за доверие. Я больше не хочу «сама»!

— Только не спеши. Ты не умеешь ждать. Не надо спешить. Ничего не кончается.

— Нет! Я хочу сейчас и здесь — все! Верни мне эти безумные дни и ночи. Меня тошнило от тоски. Каждый вздох причинял мне боль. Мне надоело целовать камень на кладбище! Я не хочу быть «мапой» (мамой-папой) для детей.

— У тебя есть больше. Просто ты не видишь.

— Можно мне тебя обнять?

— Нет. Мне еле склеили голову. Ты же помнишь, как ты собирала мои кости и мозги на асфальте и в машине?! Я хотел тебя остановить, потому что это уже не мое, потому что меня в этом нет уже. Но ты меня не слышала. Я удивлялся несообразительности окружавших тебя милиционеров, а как долго они втроем не могли тебя вытащить из машины. Ты мешала мне «отойти» от того места. Там тогда преодолело ЗЛО, но это было всего одно мгновение. Сейчас же мы знаем, что Любовь и Добро побеждают всегда. Не трогай меня! Не приближайся. Я боюсь, что не смогу с тобой расстаться снова — и мне придется забрать тебя с собой.

— Забери меня! Я устала! Мне плохо! Я хочу к тебе!

— Нет!!! Пока — нет. Но когда будет нужно — я встречу тебя, и мы уже никогда не расстанемся. Обещаю.

— А Ческис там тоже с тобой?

— А кто это? О чем ты сейчас говоришь? Это лишнее все… Эта память остается там у вас.

— И что мне теперь делать? Когда снова ты придешь?..

Но на эти вопросы ответа уже нет. Я вижу, как звенящей пустотой, безнадежно и жестоко, смеется надо мной полуоткрытая дверь. Его снова нет. Только голос звучит… слышится его запах.

Я просыпаюсь — и не понимаю, где же сон, а где явь?! Из года в год, реже, чем мне бы хотелось, он приходит, обжигает надеждой и снова ускользает в свою жизнь, в которой мне пока нет места…

Богат не тот, у кого много денег. А тот, кому хватает. Мне хватало: накормить детей, поменять машину, съездить с детьми на море, купить им одежду, дать образование… И каждый раз я благодарила Бога за то, что мне хватает. А такие как Марк Волошин — они всегда недовольны, нищие, ноют. Им всегда мало…

Счастье было, как неделимое состояние — радовало все вместе. Я была счастлива, просыпаясь с Тимуром рядом, готовя ему завтрак. Когда стирала его рубашки — я целовала его манжеты… Счастье — это дом. Счастье — это гости и то, что они пришли в наш дом. Счастье и то, что они уйдут, оставляя нас снова вдвоем… Счастье — это любование надетым на безымянный палец, блестящим тонкой полосочкой — обручальным кольцом. Я чувствовала себя Жар-птицей. И мне было странно, что посторонние этого не замечают — того огня, который не потухал ни на мгновение… Мне казалось — я не хожу, а летаю! Потом… спустилась мгла, из меня выдернули стержень этого самого счастья. И целостный мир рассыпался, растерся в крошки… И спустя какое-то время мне, как нищему, который собирает медяки, пришлось собирать счастье по крупицам. Я УЧИЛА себя счастью… Детский смех. Счастливые глаза, улыбающиеся мордашки моих детей в теплом море… Вкусная еда — видеть, как они ее уплетают… Новая игрушка для сына. Новые сапоги для дочери. Музыка… Улыбки друзей… Новый год… Таяние снега… Первые листочки… «Пожар» осенних пейзажей… Я лепила свое новое счастье без фундамента, без позвоночного столба… Оно у меня — калека, мое счастье. Но оно есть! Вопреки всему… Есть, назло всем. Есть, благодаря Богу…»…

Именно так! Ещё есть такое понятие «становой хребет» — он или есть, или отсутствует у человека. Благодаря ему мы не ломаемся, не гнемся, раз за разом добавляя укрепляющие тонкие прутики из пережитых испытаний, налета, оставшегося от испытанных приятных эмоций, счастья, золотых нитей побед, бесценной ржавчины поражений, унижений, наказаний, бетона допущенных и исправленных ошибок, обнаруженных и раскаянных грехов. Он свивается и спаивается, оставаясь

непреклонным к новому, сваливающемуся на нас, бедствию, которому мы не кланяемся, но благодарим Бога, ибо преодоление его станет ещё одним прутом, цепляясь за который, каждый может достичь, неведомого здесь, на земле, Царствия Небесного…

Из крупиц покаяния восстанавливается чистота души человеческой! Ниспадающими микроскопическими искорками, чувствительными только восприимчивым сердцем, открытым навстречу, пополняется Духом Святым каждая воскресающая из пепла душа, но все это возможно только после невзгод и испытаний, падений и вздыманий навстречу им вновь — так Господь возрождает нас из генетического растления, к которому часто мы тянемся, предпочитая Истине, даже не предполагая, что движемся к духовной смерти.

Иногда нужно погибнуть одному, чтобы оставшийся спас обоих. Слава Богу за все!

25 июля 2016 года.

Город Липецк. ФКУ ИК-6

notes

Примечания

1

Паспортные данные этого человека, его родственников и друзей изменены полностью или частично. Частично именно ради все-таки узнаваемости, поскольку добрые дела обязаны служить примером другим.

2

Иван Каляев, имя которого носит несколько улиц в городах России, убил Великого Князя Сергея Александровича Романова, дядю Императора Российского Николая Второго, метнув в его коляску самодельную бомбу. Его супруга Великая Княгиня Елизавета Федоровна, приходила к убийце мужа в тюремную камеру. Это часть их беседы. После она просила императора оставить жизнь террористу, тот согласился, но с одним условием — если преступник попросит Его Величество об этом сам. Каляев отказался, полагая, что тем самым принесет большую пользу своим товарищам, и был казнен, через повешение. Вскоре эта женщина приняла постриг, уйдя в монашество, став основательницей и настоятельницей Марфо-Мариинской обители. После октябрьской революции споспешники новой власти живой сбросили ее в шахту вместе с другими представителями царствующего дома Романовых, забросав их гранатами. В 1992 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых новомученников российских преподобномученницу княгиню Елизавету и инокиню Варвару, установив им празднование в день кончины 5(18) июля.

3

Вердикт присяжных заседателей: «Виновен. Достоин снисхождения», позволивший иметь приговор с конечным сроком, открыл путь в новую, пусть и начинающуюся заключением, жизнь.

4

Статья настоящая, в ней, по понятным причинам, автор позволил себе исправить только одну фамилию, существуют еще несколько, в том числе и одна «заказная», окрашивающая Марка Волошина в приличные цвета, как и существующий документальный фильм, снятый его тогда еще настоящей супругой.

5

Фамилия исправлено автором.

6

Так называл ее муж при жизни, так же обращался во снах и видения после.

Владимир Грибков.

8

Клетки из металла и бронированного стекла в залах заседаний Мосгорсуда. На этом процессе присутствовали две раздельных, для отделения двух групп подсудимых — тех, кто руководил и тех, кем руководили. Подобное было сделано якобы ради безопасности главного здесь обвиняемого Олега Александровича Пылева, когда-то дававшего указания убивать не только друзей тех, кто теперь обосновался в большом «аквариуме», но стремился уничтожить и некоторых из них самих. На самом деле, если говорить правду, то это было сделано ради психологического эффекта на присяжных, мол, есть плохие и во всем виновные, а есть второстепенные виновные, что, в общем-то, правда.

9

То есть не только одного мешающего человека, смерть которого, как тогда казалось, решит все проблемы, но и всех рядом находящихся, в случае с Тимуром Хлебниковым — и жену, и детей. Из показаний Алексея Кондратьева.

10

Дело Олега Михайлова рассматривалось на следующем суде, совместно с Олегом Пылевым, Сергеем Махалиным, где все втроем получи пожизненный приговор.

11

Строки из «Черного дневника» Надежды Хлебниковой. — *Прим. авт.*

12

Олег Пылев.

13

Одними убийствами не заработаешь, это может быть комплексный заработок, скажем, когда человек выполняет еще какие-то функции, и имеет долю с другого.

14

Вторая жена Бориса Михайловича принимала действенное участие в воспитание Надежды Юрьевны, но, по понятным причинам, была не родной по крови.

15

«Место встречи изменить нельзя», «Семнадцать мгновений весны» и еще многие, во время показа которых по телевизору в городах не совершалось ни одного преступления.

16

Будущие предводители самой крупной из «медведковских» бригад, в свое время заместившие на этом месте погибшего от руки автора Григория Гусятинского. Андрей Александрович — старший, Олег Александрович — младший. «Медведковские» будут иметь прямое отношение к гибели Тимура Хлебникова.

17

Марк Семенович Волошин со временем возглавит группу компаний «МАРВОЛ», в одном из основных совместных предприятий которого — «Русджет», генеральным директором станет Тимур Хлебников, не путать с печально известным Полом Хлебниковым.

18

Подчиненный Олега Пылева, поставленный им главным надзирающим от «крыши» «медведковских» над группой компаний «МАРВОЛ».

19

Григорий Гусятинский. Первый руководитель «медведковских» с начала 1990-х по конец января 1995 г. Смерть его наступила в ночь на 30 января, став следствием смертельного в голову, полученного 25 числа этого же месяца после выстрела из противоположного здания, совершенного автором.

Сергей Ананьевский. «Первая правая рука» «Сильвестра» — некоронованного короля беспредела, как его называли за глаза. Оба присутствовали на первой встрече с руководством «МАРВОЛА» и в дальнейшем принимали участие в принятии решений по этому поводу. Оба погибли.

Алексей Кондратьев. «Исполнитель», или киллер, расстрелявший Тимура Хлебникова. Осужден за это преступление приговором Мосгорсуда в 2005 году.

Юрий Тутылев. Участник группировки «медведковских», «исполнитель» из первой пятерки киллеров Олега Пылева, страховавший Кондратьева при покушении на Тимура Хлебникова. Убит по указанию Олега Пылева ради своей безопасности, что было представлено как передозировка наркотических средств.

Дмитрий Ческис. Был приглашен Марком Волошиным на должность финансового директора совместного предприятия «Марвол Групп Россия», именно его усилиями и с его подачи Пылев принял решение ликвидировать Тимура Хлебникова, в надежде перенаправить финансовые потоки через свои руки. Умер через три месяца после окончания суда над участниками покушения на Тимура от нервного перенапряжения, приведшего к сердечному приступу.

Для сравнения с сегодняшним положением на 140 миллионов человек, в то время как при Союзе означенная цифра считалась достаточной на более чем 300 миллионов.

21

Меня в этом списке подчиненных нет.

22

Так среди своих было принято называть бригаду.

23

Отношения в этой бригаде были выстроены таким образом, как, впрочем, и во многих других, при котором у каждого было что-то свое, с чего он получал какой-то процент, от которого отделял небольшую часть в «общак». В свой бизнес никого не впускали, но сообща ездили решать возникающие проблемы, помогая друг другу, ибо и сжатый кулак состоит из отдельных пальцев.

Мое личное мнение на счет этого словосочетание совсем иное, нежели в известном фильме, скорее направленное в сторону Запада и Америки, которым еще предстоит вдоволь насладиться своим напитком мнимой толерантности.

Это не опечатка, а нормальный подход к покупке профессиональных навыков, действующий во всем цивилизованном мире, до которого мы, из-за жадности работодателей, вряд ли подымимся в этом вопросе, потому и утекает интеллектуальная собственность за рубеж.

26

Аналог «Росвооружения» Южно-Африканской Республики.

27

Президент ЮАР в бытность апартеида.

28

Человек, ставший в самом начале появления Марка в России связующим звеном с чиновниками и правительственными эшелонами. Именно Чернухин обеспечил успех в первых шагах по наведению связей с заводами-изготовителями, которые продолжил Тимур. Отношения же с правительственными кругами взял на себя позже Жанн Зинченко.

29

Как это не совмещается с имеющимся имиджем «медведковских», но в их случае полного повиновения это было допустимо.

30

Экстренное письменное обращение, написанное одним или несколькими ворами в законе.

31

После «сучьих войн», имевших место быть после ВОВ, ломок, когда воровское братство раскололось на два противоборствующих лагеря, урки постановили: вором отныне может считаться только тот, кого признают другие воры, а не тот, кто когда-то объявлял себя таким сам. В широких кругах это стало называться коронацией, а среди «бродяг» — (арестантская масть) — «подходом»: сделать подход, подойти.

32

Я позволю себе усомниться, что прошедший «Крым и Рым» «Брильянт» мог бы стать оружием «возмездия» или марионеткой, но пошел бы своим путем, рано или поздно сложив свою голову в начавшемся противостоянии «нового» и «старого», что прекрасно понимал.

Как только в их объяснениях переставали нуждаться, удаляли из помещения для продолжения выяснений обстоятельств и принятия решений.

34

Дворман — мошенник на доверии, промышлявший среди иностранцев, останавливавшихся в отеле «Космос». Именно он обокрал багажники автомобилей моих друзей, за что и поплатился.

35

Стас Косенков — один из членов первой «медведковской» бригады, распавшейся на несколько составляющих, одной из которых и стал наш «профсоюз», о чем я писал ранее. Именно его люди организовали и провели аферу, позволившую лишить «Марвол» 300000 долларов. «Стас» и его люди подъезжали в офис к Ческису и Голушко, предлагая свои услуги — о них и идет речь.

36

«Близкий», то есть товарищ по замыслам и работе, коллега, так сказать, Стаса Косенкова. Я запомнил только имя — Константин. Член той же распавшейся бригады.

37

Игорь Юрков.

38

Несколько молодых людей из подмосковного Климовска, некогда находящихся в подчинении у «Удава», так же бывшего члена первой «медведковской» бригады, на этот период времени уже сколотившего свою и прилепившегося к «мазуткинским» браткам во главе с Костей «Шрамом». «Удав» решил наказать за какую-то провинность своих парней: Игоря Смирнова — «Шульц»; Владимира Бобея — «Бабей»; Владимира Ленского; Игоря Батраченко; Валеру «Чебурашку»; Игоря Климова — «Клим», на что имел основания, предполагая заставить их отработать свою провинность. «Климовские» нашли выход, бросившись за защитой в ноги Григорию Гусятинскому, пообещав служить верой и правдой полным составом. «Удав» не стал слушать бывшего соратника, которого не уважал, но сказал, что свое возьмет, а кто помешает его планам — поплатится. Это и стало причиной, приплюсовавшейся к старой обиде, нанесенной Игорем Григорию при расходе — несколько обидных слов и обвинений, оставшихся тогда безответными. После поставленной задачи по устранению «Удава», последний гибнет через месяц-полтора от моего выстрела.

39

Это об истории, произошедшей чуть позже, сейчас же таможня. — *Прим. автора.*

Главный таможенный комитет. — *Прим. автора.*

41

В свое время она даже ездила в Будапешт, откуда в виде трофея привезла майку не только с изображением Фредди Меркьюри, но и с его автографом. — *Прим. автора.*

42

Здесь нужно поставить ремарочку, поскольку только Марк Волошин, возможно еще и Жанн Зинченко могли понимать, что производство не могло остаться в частных руках, а перешло бы в ведение и под протекторат государства, не оставив надежды и самому «Марволу» во главе с Марком Волошиным. Единственно откуда можно было «откусывать» бывшему стоматологу — от причастности к контролю за соблюдением сроков договоров и поставок, в виде представителя, скажем «АРМСКОР». Все остальные, думающие, что производство и станет главным источником благополучия, сильно ошибались. И, конечно, читатель должен понимать, куда пошли бы эти с ума сводящие огромными цифрами суммы — пропали, как тогда было принято в личных карманах и частных закромах.

«РБК Дейли».

Которые мы постараемся восполнить в этой книге. — *Прим. автора.*

Там много и другого, тем более национального, но я уверен, что именно этот привкус притягивает русского человека, как запах духов, когда-то любимой женщины, давно не выпускающихся, но случайно найденных в чулане.

46

Встреча двух и более конкурирующих бригад, вызывающая подозрения и опасения.

Какосовские, то есть какие угодно.

По всей видимости, об этом лишь объявили официально или, уволив, вновь восстановили, поскольку к освещаемому нами моменту он снова в строю.

49

Что означает на иврите «Олень — сын льва». — *Прим. автора.*

50

Последний транш, переведенный уже после отосланных разными путями, составлял два миллиона долларов.

51

Разумеется, эти средства выделялись помимо тех самых двух миллионов долларов, что были переведены в Испанию. Подробности переводов я слышал от вдовы Григория, в один из приездов на Тенериф, где Мария пригласила меня и еще одного товарища в гости. Весьма общительная барышня, рассказавшая в свое время, так же приглашенным к теплому домашнему очагу, другим «медведковским» из параллельно бригады, кто, когда и почему устранил их близких: «Удава» — Игоря Юркова и «Стаса» — Стаса Косенкова.

Простое сопоставление хронологии говорит о том, что он этого просто не мог сделать, поскольку погиб на полтора месяца раньше освобождения Григория!

А. Саркисов, В. Зазулов, В. Степанов — вот одна из главных причин.

54

Здесь каламбур: и человек, убивающий по его приказу, и убивший его самого, хотя вряд ли о втором бы догадались.

55

Хотелось бы, чтобы читатель понимал, что повествование идет о двух месяцах, в которые поместилось: освобождение и переезд Гусятинского в Киев; появившееся недовольство его присутствием у Олега Пылева; смена его на Юрия Бачурина с командой «лианозовских»; поиски Васи «Киевского», у которого нужно забрать миллион долларов, ссуженный еще «Сильвестром» на раскрутку якобы организация «нефтяного бизнеса»; игра в казино, рестораны, планы, планы, планы, что в принципе не может поместиться физически в эти сроки, если «нефтяной бизнес» не мыльный пузырь; смена команды Пылева на Бачуринскую не продумана заранее, а что касается цели, то она единственная — выкачать с «общака» как можно денег и отбыть в сторону Тенерифе.

Если быть точным — 20.12.1994 года.

Теперь это можно сказать с вероятностью 100 процентов.

58

Настоящий текст предсмертной записки.

59

Строки из «Черного дневника».

60

Тут я говорю об Олеге, ибо Андрей имеет, по моему глубокому убеждению, к следующим смертям среди своих, в разы большие, чем при Григории, лишь касательное отношения, не будучи их инициатором, только согласителем.

61

Отверстия от пуль были со стороны водителя — это первые два выстрела, не попавшие в голову. С другой стороны машины несколько отверстий, более крупных — выходные, из-за уменьшившейся инерции и исковерканной геометрии пуль, уже прошивших насквозь голову Тимура. Кондратьев, начав стрелять через заднее боковое стекло, закончил в свободное пространство открытой водительской двери, поэтому стекла в водительской двери остались целыми. Доказательством того, что стреляли через открытую дверь, может служить попавшая в салон автомобиля отстрелянная гильза, на фото ее видно лежащей на коврике места переднего пассажира, справа от веника.

62

«Жигули» стояли носом к подъезду, и когда Надя вышла — машина, расположенная капотом к стене, находясь правее подъезда.

63

Отрывок из «Черного дневника» Надежды Хлебниковой.

64

Из «Черного дневника» Надежды Хлебниковой, предоставленного автору.

Это гораздо лучше, чем: «Вот бы посмотреть, как плачут обо мне, лежащем вот так же!»

66

Деревянная балка, служащая основанием для обрешетовки, на которую крепится непосредственно черепица. Здесь употребляется как аналогия с основными частями в конструкции преступного мира. — *Прим. автора.*

67

Специалист, восстанавливающий внешность трупа до состояния, достаточного для положения усопшего в открытый гроб.

На них же скоро поставят и гроб с телом Влада Листьева.

«Черный дневник».

Вклады иностранных партнеров не облагались таможенными сборами по закону.

О том и о другом подробно написано в воспоминаниях автора «Ликвидатор».

72

В конце 90-х Олег Пылев вывез на дачу, принадлежавшую когда-то Григорию Гусятинскому, где происходили все расправы, Дмитрия Ческиса. Специально в этот же момент там убивали очередного участника «профсоюза» — Пирогова. Ужасное зрелище произвело неизгладимое впечатление и довело до сердечного приступа финансиста, после чего Ческис добивался встречи со мной в надежде на заступничество, что и получил — с тех пор он стал общаться только с Андреем Пылевым.

73

Предводителя «коптевских» — наших постоянных союзников, во главе с Зиминым Сергеем «Зема», в свое время пропавшим без вести в Марбелье.

74

Один из руководителей «курганской» бригады, руководивший ею совместно с Колеговым Андреем и Виталием.

Можно назвать его начальником безопасности в структуре бригады «курганских», находился в непосредственном подчинении Олега Нелюбина.

76

Глава «курганских», руководивший ими совместно с Олегом Нелюбиным «Нелюба», «Слон».

Запись по старой, впрочем, хорошо оплачиваемой дружбе, предоставил бывший одноклассник Сергея Зимина — «Зема», коптевского авторитета, Дмитрий Баженов, бывший на тот период начальником одного из «убойных отделов» МУР.

Здесь есть два нюанса. Первый. Когда-то, проживая с Сашей на одной вилле, мы заключили договоренность в случае противостояния наших бригад сделать все возможное для захоронения наших тел родственниками, что я и сделал. Второе — при большом желании «Оси» избавиться от тела навсегда, я имел задачу обеспечить доказательство смерти Солоника, которую так же выполнил.

Справедливости ради заметим, Андрей не имел к этому прямого отношения, лишь как распоряжающийся, довольно выгодно для себя, «общаком» «медведковских», который, в конце концов, растаял, осев на его и брата счетах. Показаний на счет его причастности к гибели Тимура не дал ни один человек. Здесь же он фигурирует, поскольку его часто навещал младший Пылев, и конечно, старший был кровно заинтересован в молчании и бездействии Нади, что не однажды должно было обсуждаться братьями.

80

Эту фотографию я видел в кабинете Андрея Пылева в его доме в Марбелье.

Подробно об этом написано в мемуарах «Ликвидатор», здесь нет смысла на этом останавливаться, ибо речь совершенно о другом.

Вот это настоящее преступление против государства, гражданином которого он когда-то был, и на язвах которого снова хочет заработать, пробиваясь сегодня в верхние эшелоны власти как военный советник короля Иордании, пытаясь настроить ту же тему, что, скорее всего, обернется той же проблемой — потерей государственных тайн и раскрытием секретов, на чем он снова заработает, оставив после себя обманутых и недовольных.

А покушение на Чернухина, Степанова, Хлебникова?

84

На деле это глава адвокатской конторы «Согласие», открытой еще в 1994 году Пылевыми и Гусятинским, где работали и Митта и Мидлин — адвокаты, которым еще предстоит бесталанно защищать обеих Пылевых через десяток лет. Другими словами — это один из щупальцев спрута «Триады». Адрес регистрации: 2-я улица Марьиной Рощи, дом 14.

Это чистой воды совпадение, в которые я не особенно верю, думаю, что связь эта началась в момент ареста Махалина, за год до этой ситуации, когда его полумертвого, после жутких избиений, выкупили из этого заведения.

Некоторая часть их беседы была посвящена, как оказалось, автору и «медведковским», появляющимся в офисе «Марвол Групп Россия» в Октябрьском переулке, нужно отметить, что именно Семен Дмитриев расставил своими показаниями многое на свои места, благодаря именно им в том числе, Трушкин, через несколько лет поймет, что Леша «Солдат» и Шерстобитов — одно и то же лицо. Мы были знакомы с Семеном в бытность мою офицером, соответственно, близкий знакомый моего друга Славы, он бывал и на дружеских посиделках, когда лихолетье уже захватило автора. — *Прим. автора.*

Правда, потом отказавшись, поскольку сделка с судом, а именно об этом шла речь, предполагала признать и все предъявляемые ему преступления, с чем он категорически не был согласен.

88

Здесь я привожу более подробный текст разговора, по сравнению с приведенным в прежних томах, и тому есть причины.

89

Пылевы перестали платить, а после и вовсе решили, что лучше бы и избавиться от части бывших младших соратников.

90

Дмитрий Бажанов не только поддерживал дружеские отношения, но и помогал другу детства информацией, прикрытием, не бесплатно, разумеется. В свое время произошло знакомство Дмитрия с «Осей», ставшее таким же образом взаимополезным, хоть и не такое откровенное и дружеское. Буторин фиксировал все переговоры и передачу денежных средств сотруднику МУР, надеясь таким образом обезопасить себя и эти отношения. Именно Бажанов получил сразу после смерти Солоника и ареста Колегова Андрея тетрадку с четырнадцатью адресами проживания участников курганской бригады, что стало катализатором арестов последних. Уверенность в причастии Бажанова появилась в следствии имеющейся у него информации о местонахождении авторитета, частых созвонах, благодаря прослушиванию которых и стал возможен арест.

91

С точки зрения психологической, подобные меры позволяют сблизиться оперативному сотруднику с потерпевшей чуть ли не до уровня родни, увеличить доверие, рассчитывать на что угодно, за такую услугу потерпевший готов многое сделать, как бы отдавая долг хоть какой-то услугой, ведь пострадавший не может не понимать, что подобное допущение это нарушение алгоритма проведения следственного эксперимента, чем, кстати, полицейские могут воспользоваться, сообщив, что здесь присутствует пострадавший, мало ли на что способный, что может воздействовать, как некий психологический пресс. После такой услуги ни один пострадавший не в состоянии отказаться от дачи показаний в суде, а ведь некоторые отказываются. На примере Надежды, в дальнейшем описании, читатель может увидеть, что Хлебникова готова была оказать почти любую услугу, и не последнюю роль в этом сыграл именно этот эпизод с ее присутствием на следственном эксперименте. — *Примеч. автора.*

Чтобы не сложилось впечатление ведущей роли Надежды Юрьевны в расследовании преступлений «Триады», напомню, что убийство Тимура Хлебникова было лишь одним из нескольких десятков других, в большинстве своем, более сложных и запутанных, которых, конечно, она не касалась.

93

Подсудимых рассадили в отгороженные маленькие подобия комнат из бронированного стекла, «главшпанов», которых к этому времени ненавидели рядовые члены, отделили, таким образом, от возможного насилия со стороны бывших подчиненных.

Марина Семененко была обвинителем на втором суде автора, ее работа действительно, несмотря на противостояние, вызывала уважение и прежде всего профессиональным подходом, который лакировался добавлениями артистизма, быстрой реакции на происходящее, и просто подачей и себя, как обвинителя, и материалов дела с доскональным изучением подробностей, и безошибочного ориентирования в политесах между собой всех участников судебного действия.

95

Статья, действующая на смягчение приговора.

96

Кондратьев Алексей, застреливший мужа Надежды Юрьевны Тимура. — *Примеч. автора.*

97

Алексей серьезно болен — приступы эпилепсии мучают его с детства по сей день. — *Примеч. автора.*

Это «адвокат» Надежды Юрьевны. — *Прим. автора.*

99

Фешенебельная набережная в городе Марбелье, Королевства Испания. — *Примеч. автора.*

100

Михайлов Олег — на суде, рассматривающем уголовное дело об убийстве Тимура Хлебникова, не проходил обвиняемым, но выступал свидетелем обвинения. На его показаниях был основан следующий суд, где ему благодаря судейской ошибке, был вынесен приговор «пожизненное заключение» вместе с Пылевым Олегом и Махалиным Сергеем, хотя обвинитель Мария Семенихина тогда запрашивала для Михайлова 18 лет! — *Примеч. автора.*

101

Александр Шарапов, лишивший Солоника подвижности, обхватив того обеими руками, вокруг туловища, захватив руки после удара Андрея Гусева в челюсть Солоника. — *Примеч. автора.*

102

Нагревательный прибор большой емкости для воды. — *Примеч. автора.*

103

Пятеро отсаженных в отдельный стеклянный куб, дабы разъединить с бывшими подчиненными. — *Примеч. автора.*

Это доподлинные слова, зафиксированные в протоколе судебного заседания. — *Примеч. автора.*

105

По словам Надежды Юрьевны, Пылев так и просил передать, что адвокат и сделал. — *Примеч. автора.*

106

Это заявление только отчасти верно — Волошин всеми путями старался не отдавать, даже забирать, как в случае с «Мерседесом», приобретенным Тимуром еще при жизни. Жадность наряду с непорядочностью его натуры проявилась, таким образом, не в первый, и как оказалось, не в последний раз. — *Примеч. автора.*

107

Это, кстати, все, что вложил Волошин в российский ВПК, за минусом платы за аренду помещений, другой бизнес, а вот крику о своих заслугах, при украденных почти восьмидесяти миллионах, которые не дошли до заводов, но осели на его счетах, на четыре с половиной миллиарда… — *Примеч. автора.*

Надежда Юрьевна имела в виду «спусковой крючок».

109

Имеется ввиду уверенность в нерушимости принятого тогда взаимопонимания между гособвинителем и судом на основе доводов о помощи следствию, деятельного раскаяния, показаниях, благодаря которым оказалось возможным доказательства вины заказчиков убийств и других тяжких преступлений, что всегда до этого момента влияло на сроки подсудимых благоприятным образом, в соответствии с запрашиваемым государственным обвинителем.